Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Института российской истории Российской академии наук

На правах рукописи

КАЛИНИНА ЕЛЕНА АЛЕКСАНДРОВНА

СИСТЕМА НАРОДНОГО ПРОСВЕЩЕНИЯ НА ЕВРОПЕЙСКОМ СЕВЕРЕ РОССИИ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX ВЕКА

Специальность 07.00.02 – Отечественная история
Диссертация на соискание учёной степени доктора исторических наук

Научный консультант

Иванов А. Е.
доктор исторических наук

Москва – 2018 г.

СОДЕРЖАНИЕ

Введение 5

Глава I. Историография и источниковедческий обзор. 28

1.1. Историография проблемы. 28

1.2. Источники исследования. 64

Глава II. Управление системой училищ: политика правительства и механизмы ее реализации. 97

2.1. Структура и правовое регулирование школьного образования, система администрирования. 97

2.2. Директора гимназий: правовой статус и социокультурный облик. . 135

2.3. Штатные смотрители в системе просвещения. 163

Глава III. Становление и развитие системы школьного образования. . 182

3.1. Особенности развития среднего образования. 182

3.1.1. Проблемы развития губернских гимназий в 1808-1855 гг. . . 182

3.1.2. Организация благородных пансионов. 220

3.1.3. Училища детей канцелярских служителей как особый тип среднего учебного заведения. 240

3.2. Формирование системы начального образования. 254

3.2.1. Городские училища в 1800-1850-е гг.: правовой, финансовый, социально-культурный аспекты. 254

3.2.2. Сельские приходские училища в системе народного просвещения. 284

3.2.3. Развитие частного образования в первой половине XIX в. . . 329

3.2.4. Становление женского образования 348

Глава IV. Содержание образования 365

4.1. Формы и методы первоначального обучения. 365

4.2. Организация учебной работы в средней школе. 393

4.2.1. Закон Божий. 396

4.2.2. Древние и новые языки. 399

4.2.3. Русская словесность. 415

4.2.4. Математика и физика 424
4.2.5. История. 437
4.3. Воспитательная работа: цели, основные формы и методы. 468
4.4. Организация и деятельность училищных библиотек 501
Глава V. Учащие и учащиеся 522
5.1. Подготовка учительских кадров 522
5.2. Правовое положение, социальный статус и культурный облик учителей 532
5.3. Учащиеся учебных заведений. Социальный состав учеников и школьная повседневность 584
Заключение 630
Приложения 638
Приложение № 1. Министры народного просвещения 1802 – 1858 гг. 638
Приложение № 2. Попечители Московского учебного округа 1803 – 1825 гг. 633
Приложение № 3. Попечители Санкт-Петербургского учебного округа 1802 – 1855 гг. 638
Приложение № 4. Директора народных училищ Архангельской дирекции училищ 1801 – 1853 гг. 639
Приложение № 5. Директора народных училищ Вологодской дирекции училищ 1800 – 1857 гг. 639
Приложение № 6. Директора народных училищ Олонецкой дирекции училищ 1800 – 1864 гг. 640
Приложение № 7. Учебная программа для гимназий по «Уставу учебных заведений, подведомых университетам» 1804 г. 640
Приложение № 8. Учебная программа для гимназий, составленная С. С. Уваровым для учебных заведений Санкт-Петербургского учебного округа в 1817 г. 641
Приложение № 9. Учебная программа для гимназий по «Уставу гимназий, училищ уездных и приходских» 1828 г. 642

Приложение № 10. Циркуляр Министерства народного просвещения по изменению «Устава гимназий, училищ уездных и приходских» (1828) в 1849 г. 643
Приложение № 11. Численность учащихся в Архангельской, Вологодской и Олонецкой гимназиях в первой четверти XIX в. . . 645
Приложение № 12. Численность учащихся в Архангельской, Вологодской и Олонецкой гимназиях во второй четверти XIX в. . 646
Приложение № 13. Количество уездных училищ и учащихся в Архангельской, Вологодской и Олонецкой дирекциях училищ в первой половине XIX в. 647
Приложение № 14. Сельские школы Духовного ведомства в первой четверти XIX в.: количество училищ и численность учащихся 648
Приложение № 15. Численность школ и учащихся Министерства государственных имуществ в Архангельской, Вологодской и Олонецкой губерниях во второй четверти XIX в. 648
Приложение № 16. Расписание учебных часов и предметов в Олонецкой гимназии в 1825 г. 649
Приложение № 17. Количество книг в фондах училищных библиотек Архангельской, Вологодской и Олонецкой гимназий с 1803 по 1855 г. 650
Приложение № 18. Список школ, находящихся на территории Европейского Севера России в первой половине XIX в. 651
Список использованных источников и литературы 659

ВВЕДЕНИЕ

Во время правления Екатерины II была основана сеть государственных общеобразовательных школ, которая должна была охватить всю Россию. В губернских городах создавались Главные народные училища, а в уездных – Малые народные училища. Однако обширные проекты екатерининского царствования, вышедшие из Комиссии народных училищ, были воплощены в жизнь лишь частично. Далеко не во всех губернских городах к концу XVIII в. открылись Главные народные училища. Подчинение их губернским властям также не способствовало быстрому развитию школьного дела. Учебные заведения не имели специального управления, собственного бюджета и находились в полной зависимости от местных присутственных мест и частной благотворительности. К 1800 г. в России насчитывалось всего 315 школ разного уровня и 19 915 учащихся на 36 млн. населения[1].

Несовершенство екатерининской учебной реформы проявлялось в отсутствии постоянного централизованного финансирования, острой нехватке подготовленных учителей, а также в отсутствии преемственности между уровнями обучения. Эти недостатки была призвана преодолеть учебная реформа Александра I, ориентированная не только на создание широкой системы училищ, но и на просвещение народа, что было заложено в самом названии ведомства, Министерства народного просвещения, подразумевающем не только образование, но и воспитание. Направленность деятельности министерства, определенная его названием, ориентировалась не только на формирование интеллектуальной элиты, но на изменение умственного и нравственного состояния народа в целом, модернизацию общества[2]. Так в истории России в лице Министерства народного просвещения создавался центральный орган управления сетью учебных заведений всей империи.

---

[1] Милюков П.Н. Очерки по истории русской культуры: В 3 т. М., 1994. Т. 2, ч. 2. С. 299, 304.

[2] Жуковская Т.Н. Просветительские проекты «молодых друзей» создание Министерства народного просвещения (1802) // Власть, общество, армия: от Павла I к Александру I. / Труды Исторического факультета СПбГУ. Вып. XI. СПб., 2012. С. 186.

Начало царствования Александра I ознаменовалось реформой государственного управления. Законодатели первой четверти XIX в. утверждали, что общеобразовательная школа не должна иметь никаких национальных и сословных ограничений, а сама реформа просвещения основывалась на создании стройной системы. В ее основу была заложена преемственность всех ступеней образования, начиная от низшей (приходские училища) к высшей (университеты). Несмотря на многие трудности, обусловленные существованием сословно-крепостнического строя, школьное дело в стране неуклонно развивалось. Этому способствовали развитие капиталистических отношений, рост населения, особенно городского, возрастающая потребность в грамотных подданных, деятельность передовых ученых и учителей. Реформа школы и просвещения начала XIX в. увязывалась с проектами социальных и политических реформ царствования Александра I и стала наиболее успешным и последовательным из проектов «молодых реформаторов». Это подтверждается конкретно-историческим анализом ее итогов на локальном материале.

Новая учебная реформа Николая I была призвана устранить некоторые положения александровской реформы. Отмена преемственности школьной системы, получение законченного образования на каждой из ступеней обучения, существенные перемены в учебных курсах общеобразовательной школы – вот характерные черты реформирования системы просвещения в николаевское время. В то же время в этот период наблюдается количественный рост учебных заведений во всех уездных городах Европейского Севера России. Так в губернских городах Архангельске, Вологде и Петрозаводске действовали губернские гимназии, в уездных городах были открыты городские уездные и приходские училища, работали частные школы. В это время значительно расширилась сеть сельских школ, которые работали во всех уездах северных губерний.

Актуальность исследования

Образовательные реформы первой половины XIX в. предполагали формирование новой системы народного просвещения в России. Созданные на территории Европейского Севера общеобразовательные школы являлись частью образовательного пространства Российской империи и играли значительную роль в жизни городов и провинциальных сельских обществ. На всем протяжении школьной реформы особые трудности были связаны с финансированием учебных заведений, подготовкой кадров учителей, обеспечением учебными пособиями учащихся, устройством училищных помещений. Изучение формирования и эволюции школьной системы в дореформенной России на конкретно-историческом материале позволяет глубже понять особенности социального, культурного и общественно-политического развития страны в это время. Обращение к историческому опыту организации и деятельности гимназий, благородных пансионов, уездных и приходских училищ, частных школ в рассматриваемое время оправдано тем, что многие типы учебных заведений продолжали существовать и в последующие эпохи.

Российская школа первой половине XIX в. развивалась в тесном взаимодействии с общекультурными, социально-экономическими и общественно-политическими процессами, происходившими в стране. Школьное строительство было направлено на создание в стране системы постоянно действующих государственных учебных заведений и распространение просвещения среди народа. Школа становилась своеобразной ступенькой для продолжения обучения детей дворян и торгово-ремесленных кругов в высших учебных заведениях, способствовала карьерному росту, успехам в предпринимательской деятельности, облегчала социальные миграции. Учебные заведения играли значительную роль в модернизации социальной структуры общества, преодолению сословных перегородок. Связь правительственной политики в сфере народного просвещения с общественной инициативой наглядно отражаются в истории училищ.

Историческое прошлое российского образования и образовательная политика привлекала большое внимание исследователей в последние десятилетия. Особенности формирования системы учебных заведений на окраинах Российской империи в первой половине XIX в., между тем, изучены недостаточно, это касается и территории Европейского Севера России. Расширение поля исследований в этом направлении должно включать изучение идеологии школьных реформ, механизмы управления образовательным процессом, практическую организацию, а также деятельность училищных чиновников и учебных заведений. При этом возможно рассматривать российскую дореформенную школу как социальный институт во взаимодействии с другими социальными институтами, такими как государственная бюрократия, городской социум, церковь, семья[3].

Весьма информативным является описание повседневной жизни городских и сельских школ с точки зрения истории повседневности[4]. Изучение повседневности предполагает обращение к сравнительно узким территориальным и хронологическим рамкам. Это позволит выявить специфику жизненного уклада провинциального учительства, черты ученического и домашнего быта учащихся, а также установить общие и особенные черты повседневности отдельных типов учебных заведений.

В начале XIX в. с образованием системы учебных округов в ходе реформы 1803-1804 гг. университеты стали курировать учебную, кадровую и хозяйственную деятельность училищ всех уровней на территории подведомственного университету учебного округа. Проблема административного, кадрового, методического и иного взаимодействия

---

[3] Репина Л.П. «Новая историческая наука» и социальная история. М., 1998; Терентьев А.А. Школа как социальный институт российского общества: Структурно-генетический анализ: Автореф. дис. … докт. филос. наук. Нижний Новгород, 1998.

[4] Беловинский Л.В. Культурно-исторические аспекты повседневности: Содержание, структура и динамика: Автореф. дис. … докт. ист. наук. М., 2003; Каменский А.Б. История повседневности русского города: постановка проблемы // Повседневность российской провинции: история, язык и пространство. Казань, 2000. С. 43-44; Лелеко В.Д. Пространство повседневности в европейской культуре. СПб, 2002; Пушкарева Н.Л. Предмет и методы изучения истории повседневности // Этнографическое обозрение. 2004. № 5. С. 3-19.

дореформенного университета и курируемых им учебных заведений учебного округа является одним из слабо разработанных сюжетов в истории российского просвещения. Думается, обращение к этой проблеме поможет оценить важность идеи преемственности и структурной взаимосвязанности высшего и среднего образования в истории России и в проекции на современность.

Изучение истории системы управления училищами в первой половине XIX в. на конкретно-историческом материале дает возможность определить эффективность стратегических решений в училищной политике, оценить кадровую политику, особенности взаимодействия различных уровней училищной иерархии, соотнести правительственный курс в сфере руководства образованием с практической деятельностью чиновников на местах. Обращение к историческому опыту управления средними и начальными учебными заведениями в России в лице губернских дирекций народных училищ в рассматриваемое время оправдано возможностью использования этого опыта для анализа современного состояния управления образованием.

Сотрудничество государства и церкви в сфере образования играет важную роль в условиях современной российской действительности. Предметом особого внимания становится содержание диалога светской и духовной властей по вопросам формирования у молодежи духовно-нравственных ориентиров, воспитания гражданской позиции. В связи с этим обращение к истокам организации приходских училищ, исследование участия духовенства в учебно-воспитательной работе в образовательных учреждениях в первой половине XIX в. актуально и сегодня.

Осмысление социальной миссии и общественной роли дореволюционных учебных заведений позволит, на наш взгляд, лучше понять сущность современных задач российской школы и будет способствовать активному поиску путей совершенствования существующей модели образования. Ретроспективный анализ образовательной деятельности

средней и начальной школы поможет запустить механизм исторической преемственности в организации учебно-воспитательного процесса в современной школе, осмыслить влияние позитивных и негативных политических, социально-экономических факторов на функционирование учебных заведений сегодня.

Взгляд на проблемы народного образования с позиции региональной истории и истории повседневности позволяет исследователям выстроить иерархию факторов, которые влияли на развитие экономики края, социальную динамику и развитие грамотности населения, установить связь административно-территориальной, природно-климатической, национально-культурной составляющих в процессе изменения образовательного ландшафта в дореформенной России. Школа в таком понимании становится тем фокусом, через который возможно продуктивно исследовать особенности административного и социального развития обширных территорий Русского Севера.

История повседневности ориентирует исследователя на изучение внутреннего мира, частной жизни, социального поведения, миропредставлений, повторяющихся обыденных событий и практик, окружающих человека. С этой целью обращается внимание на проблемы моделирования повседневной жизни, условий труда и быта, социальных практик жителей исследуемых территорий. В конечном счете, это ведет к исследованию традиций социального поведения и образа мышления жителей городов и селений Русского Севера в их социокультурной обусловленности и локальной конкретности.

Современная ситуация в сфере образования требует привлечения к решению назревших проблем различных социальных институтов, внедрения в практику деятельности образовательных учреждений принципов государственно-общественного управления. Для этого стоит еще раз обратиться к анализу деятельности школ полтора века назад, в то время когда

опыт взаимодействия государства и институтов общественного самоуправления в этой сфере только складывался.

Актуальность исследования определяется целесообразностью исторического переосмысления политики правительства дореволюционной России в области образования как с точки зрения истории государственных институтов, так и в контексте антропологически ориентированной истории, истории людей. Интерес к истории отечественной педагогики и школы как социального института продиктован возрастанием роли образования в решении экономических, политических, социальных и культурных проблем, необходимостью сохранения культурных и нравственных традиций. Необходимо оценить эффективность многоплановой, достаточно гибкой, иногда противоречивой политики власти в сфере народного образования в период империи. Принципиальная неразрешимость многих вопросов директивным способом, без опоры на общество и исторический опыт, остро ощущается при обсуждении современных проблем реформирования системы образования в России. В этом также видится непреходящая актуальность исследования истории народного образования в дореволюционной России.

Восстанавливая в деталях ход и результаты образовательных реформ первой половины XIX в: организацию учебных заведений разных типов, их финансирование, опыт взаимодействия государства и церкви, государства и общества, можно облегчить поиск оптимальных решений многих организационных проблем современной школы или, по крайней мере, представить обширный материал для профессиональных разработок в этом направлении.

Объектом исследования является система народного просвещения на территориях Европейского Севера России, включающая средние и начальные учебные заведения различного ведомственного подчинения и систему управления ими, а также социально-профессиональные группы учителей и ученический корпус. В диссертации изучены государственные общеобразовательные учреждения: гимназии, уездные и городские

приходские училища, а также частные школы, благородные пансионы и сельские начальные училища.

Предметом исследования является учебная и внешкольная деятельность всех типов средних и начальных учебных заведений, действовавших в рамках данной территории; характер взаимодействие местных и центральных властей по проблемам школьного строительства; социальные результаты формирования сети училищ на карте региона.

Цель исследования – комплексное изучение системы образовательных учреждений на территориях Европейского Севера России, анализ исторических условий, этапов становления и особенностей ее развития в первой половине XIX в. в контексте законодательства и практик управления учебными заведениями. Это позволит дать оценку состоянию просвещения и школьного дела в регионе как части общегосударственных преобразований первой половины XIX в.

Достижение данной цели предполагает решение конкретных ***исследовательских задач:***

- изучить, как менялись цели, основные направления и методы образовательной политики государства на разных этапах исследуемого периода, чем это было обусловлено, насколько эффективной была установка на «народное просвещение», определенная в первые годы XIX в., в исторических условиях отдаленных северных губерний;
- предложить периодизацию школьного строительства и управления просвещением для исследуемого региона;
- проследить этапы формирования системы управления училищами Европейского Севера России на центральном и местном уровнях, на документальном материале изучить содержание деятельности губернских училищных дирекций и уездных смотрителей училищ как основных административных звеньев управления просвещением;
- изучить нормативно-правовую базу деятельности училищ разных уровней и соотнести с ней документированные исторические реалии повседневной истории училищ;

- выявить социально-экономические условия развития сети учебных заведений в рассматриваемом регионе: отношение местных властей, духовенства, городских сословий и сельского населения к школьному образованию на длительном временном промежутке, определить размеры благотворительности и социального противодействия распространению школ;
- реконструировать механизмы влияния на формирование школьной сети региона со стороны основного куратора, в качестве которого для училищ столичного учебного округа выступил Санкт-Петербургский университет, его администрация и профессура; описать направления, характер и эффективность взаимодействия Петербургского университета и его предшественника – Петербургского Педагогического института с подведомственными училищами;
- проследить развитие системы общеобразовательных школ в динамике, оценивая их численность, типологию, количественные показатели и социальный облик учащихся, определить региональные особенности развития школ разных уровней и типов в сравнении с другими внутренними и окраинными территориями империи, в том числе включавшим национальный элемент;
- оценить теоретико-методологические подходы к организации учебной деятельности школ, описать становление методики преподавания различных предметов, качество учебных программ и учебных пособий с учетом региональной специфики края;
- реконструировать деятельность учебных заведений в рамках «структур повседневности», обратив внимание на их локализацию, историю училищных зданий, источники финансирования, деятельность благотворителей, плотность школьной сети, школьное хозяйство, темпоральные характеристики учебного процесса;
- рассмотреть формы воспитательной работы с учащимися и их родителями (организацию библиотек, литературных бесед, публичных

актов), школьные конфликты, особенности исторической памяти о школьной повседневности, отраженной в немногочисленных мемуарных источниках, а также биографиях, некрологах учителей;

- представить сеть школьных учреждений региона как единое образовательное пространство с точки зрения включенности в него жителей Олонецкой, Вологодской и Архангельской губерний, представлявших различные сословные и национальные группы, оценив доступность обучения и наличие потребности в нем;
- исследовать правовой, социальный, профессиональный статус и материальное положение учителей; проследить изменения в их социальном облике, характере и направлениях учительской деятельности, ее внутренней мотивации, на историческом материале выявить отношение к учителю со стороны городского и сельского сообществ; определить черты учительства, как формирующейся социопрофессиональной группы;
- проследить основные тенденции в изменении социального и культурного облика учащихся учебных заведений разных уровней.

Хронологические рамки исследования. Нижняя граница изучения связана с преобразованиями эпохи Александра I 1800-1810-х гг. положившими начало созданию *системы* государственных учебных заведений в городах и сельской местности. Реформирование сферы образования в начале XIX в. привело к созданию Министерства народного просвещения и организации средних и низших школ, положило начало формированию учительского и ученического корпуса. Данный период отмечен введением формально бесплатного образования, основанного на принципе всесословности, появлением первых сельских училищ, открытых в системе Министерства народного просвещения, применением новаторских методов обучения (например, ланкастерского), созданием первых школьных учебников.

Верхняя хронологическая граница – конец правления Николая I (1855 г.), после чего будут происходить достаточно быстрые изменения в общественной жизни и школьной политике. Характерными особенностями николаевской эпохи в сфере образования являлись, с одной стороны, интенсивное развитие школьной сети в городах и в сельской местности, создание новых училищ различного ведомственного подчинения, увеличение численности учащихся, утверждение системы преподавания основных школьных предметов, учебников и учебных пособий. С другой стороны, в николаевское время школьное строительство подчиняется принципу сословности, а управление школами бюрократизируется. Надзор и контроль за учащими и учащимися допускает не только жесткую регламентацию школьной жизни, но и применение телесных наказаний для провинившихся учеников.

Территориальные рамки исследования определяются тремя губерниями Европейского Севера России – Архангельской, Вологодской и Олонецкой, которые входили в состав Санкт-Петербургского учебного округа. Границы столичного учебного округа в течение трех десятилетий неоднократно менялись. С 1803 до 1824 г. в его состав входили Петербургская, Архангельская, Олонецкая, Новгородская и Псковская губернии. В 1824 г. границы округа значительно расширились за счет центральных и западных губерний, к округу были присоединены Вологодская, Витебская, Могилевская, Смоленская и Калужская губернии. Новгородская же дирекция народных училищ была передана Московскому учебному округу. С 1829 г. в составе округа остались шесть губерний: Санкт-Петербургская, Архангельская, Олонецкая, Вологодская, Смоленская и Калужская, а с 1831 г. вместо Калужской округу была возвращена Новгородская губерния. Отметим, что в течение первой трети XIX в. менялись границы всех учебных округов. Так, в составе Харьковского учебного округа в 1803 г. было девять губерний, а к 1836 г.

осталось только две[5]. Основанием для изучения данной территории как единого историко-культурного пространства является не только включенность трех губерний в общие административные границы учебного округа, но и близость природно-климатических и хозяйственных условий в этих губерниях, граничивших между собой.

В XIX в. все три северных губернии были слабозаселенными и неразвитыми в экономическом отношении. Для них характерны суровые климатические условия, низкая плотность заселения, разбросанность поселений. При этом каждая из губерний имела свои особенности, которые влияли на развитие образования в регионе. Исследуя формирование системы просвещения в Архангельской губернии, важно учитывать особые условия социально-экономического развития Поморья (наличие морского порта, занятия морским промыслом, мореплаванием, контакты с иностранцами). Это, несомненно, способствовало появлению здесь особых форм и задач обучения: введению в архангельских учебных заведениях преподавания английского языка, курсов навигации, бухгалтерии, открытию ремесленных классов.

Значительная численность дворян, помещиков, купцов обусловила особенные черты организации школьного дела в Вологодской губернии, где действовали благородные пансионы для дворянских сыновей и дочерей, в помещичьих имениях создавались бесплатные школы, купечество активно жертвовало на организацию учебных заведений (вологодские купцы выделяли средства на покупку училищных домов, пополнение фондов школьных библиотек, содержали беднейших учеников). Здесь работало много частных школ. Особое значение в жизни губернии играло открытие школ для представительниц женского пола.

Олонецкая губерния была своеобразным социально-культурным и административным фронтиром с Великим княжеством Финляндским и располагала значительным по численности карельским населением. Согласно

---

[5] Ткаченко А.В. Учебно-методическое руководство Харьковского университета школами в 1805-1835 гг. Харьков, 1957. С. 12-13.

данным V ревизии (1795) в Олонецкой губернии 18,03% жителей составляли карелы, по данным X ревизии (1858) – 15,66%. В Олонецком уезде карел было около 70%, в Повенецком – 45%, в Петрозаводском – 22% и в Лодейнопольском – 5% общего числа жителей[6]. В некоторых волостях губернии семьи священников и учителей являлись почти единственными носителями русского языка. Это, с одной стороны, затрудняло обучение местного населения грамоте вне городов, с другой – предоставляло простор творческой инициативе педагогов. Здесь, впрочем, как и в других северных губерниях, среди крестьян был широко распространен раскол. Борьба Русской православной церкви и государства с расколом предопределила развитие начального образования в сельских приходах. В Олонецкой епархии активно развивались сельские приходские училища Духовного ведомства, что позволило повысить уровень грамотности крестьянского населения в целом.

Из губерний Санкт-Петербургского учебного округа наиболее слабозаселенной была Олонецкая, с неразвитой сетью дорог, малым количеством крупных поселений. Единственным городом, сложившимся вокруг крупного промышленного предприятия (Александровского чугунолитейного завода) и имевшим в первой половине XIX в. городскую по стилю хозяйственную и культурную жизнь, был Петрозаводск. В отличие от портового Архангельска и купеческой Вологды, более малочисленный Петрозаводск был населен чиновниками гражданского и горного ведомства и мещанами. Дворянская и купеческая прослойка в Олонецкой губернии была невелика, а в гимназии учились, в основном, дети чиновников. Олонецкая гимназия на протяжении всей первой половины XIX в. была самой малочисленной в округе. Однако по числу выпускников Олонецкой гимназии, поступивших в Петербургский университет, губерния находилась в особом положении.

Территория Архангельской, Вологодской и Олонецкой губерний стала краем, где в первой половине XIX в. шло формирование и развитие системы учебных

---

[6] Кабузан В.М. Народы России в первой половине XIX в.: Численность и этнический состав. М., 1992. С. 87.

заведений различного типа, которые постепенно становились привлекательными для населения, а творческая и целенаправленная деятельность учителей способствовала достижению значимых результатов в деле обучения и воспитания юношества. Есть возможность проследить на локальном конкретно-историческом материале особенности образовательной политики государства, этапы становления и развития школьной сети, проблемы культурного и социального взаимодействия школы и внешкольного мира, а также изменения форм административной, учебной и воспитательной деятельности руководителей школ и педагогов, их профессиональные и жизненные стратегии, особенности повседневной жизни.

Теоретическая и методологическая основа исследования

В современной исторической науке происходит усиление интереса исследователей к изучению социальной истории, в том числе истории локализованных социальных общностей и групп, их повседневной жизни. Это связано не только с деидеологизацией исторической науки и дистанцированием ее от политики, но и с необходимостью более глубокого и объективного анализа накопленных научных знаний в данной области. Еще на рубеже XIX – XX вв. П. Н. Милюков отметил, что «...история событий или “внешняя история” (она же политическая, прагматическая) уступает место истории быта или “внутренней истории” (она же бытовая, культурная)»[7]. Наиболее содержательные исследования по отечественной истории XVIII – XX вв. появляются как раз на пересечении локальной истории и истории повседневной жизни людей[8].

Историки проявляют все больше интереса к региональным исследованиям, пытаясь осмыслить их на современном теоретическом уровне[9]. Такой интерес

---

[7] Милюков П.Н. Очерки по истории русской культуры. В 3 т. М., 1994. Т. 1. С. 5.

[8] Каменский А.Б. Повседневность русских городских обывателей: Исторические анекдоты из провинциальной жизни XVIII века. М., 2006.

[9] См.: Репина Л.П. 1) Новая историческая наука и социальная история. М., 1998; 2) Социальная история в историографии XX века: научные традиции и новые подходы: Автореф. дис. … докт. ист. наук. М., 1998; 3) Новая локальная история // Горизонты локальной истории Восточной Европы в XIX – XX вв. Челябинск, 2003.

концентрирует внимание на региональной истории, на объектах и процессах, объединенных общностью пространства географического, административного и социально-культурного. Как отметила Т. П. Хлынина, «история отдельных областей и местностей, а также населяющих их народов в последнее время все чаще определяет собою облик современного историописания. Если ранее историки настойчиво искали в местном материале подтверждения общероссийских закономерностей, то на сегодняшний день они предпочитают видеть в нем не только самобытную страницу российской истории, но и относительно автономную величину ее развития»[10].

Бесспорно, обращение к изучению региональной истории Русского Севера открывает огромные исследовательские возможности, представляет привлекательный способ получения нового исторического знания. Наиболее интересным из направлений изучения локальной истории, может стать социокультурный контекст развития отдельных феноменов[11], в том числе, таких как система образования.

Социокультурная среда российской провинции первой половины XIX в. представляет собой сложную многоуровневую систему. Она включает окружавшие человека географические, административные, материальные, общественные условия его существования, выявляет региональные особенности взаимодействия государственных, региональных, локальных и частных интересов.

---

[10] Хлынина Т.П. Историческая регионалистика: основные концепты и проблемы дисциплинарного роста // Былые годы. 2010. № 3 (17) С. 71.

[11] Акиньшин А.Н., Ласунский О.Г. Региональный фактор в изучении российской истории // Общественная жизнь в Центральной России в XVI – начале XX в. Воронеж, 1995. С. 202-213; Ляпкина Т.Ф. Регион как предмет междисциплинарного анализа // Социально-гуманитарные знания. 2007. № 3. С. 242-251; Маловичко С. И., Мохначева М. П. Регионалистика – историческое краеведение – локальная история: размышления о порогах и пороках «несовместимости» // Харьківський історіографічний збірник. Харків, 2006. Вип. 8. С. 23-37; Мастеница Е. Н. Региональная культурология: проблемы и перспективы // От краеведения к культурологии: Российскому институту культурологи – 70 лет. М., 2002. С. 60-61; Шмидт С. О. Краеведение и региональная история в современной России [Электронный ресурс]. Режим доступа: // http://www.newlocalhistory.com/bookshelf/?tezis=ot...; Юрчёнков В.А. Региональная историография: российский опыт // Регионология. 1993. № 3. С. 90-94.

Современные историко-культурные и культурологические исследования образования оперируют понятием *образовательное пространство*, понимая под этим совокупность школьных учреждений, выстроенную вокруг них сеть социальных и административных связей[12]. Образовательным пространством в границах изучаемого нами региона и исторического периода можно назвать сложную иерархическую систему образовательных учреждений и институтов управления ими, территориальных единиц управления, а также социальных факторов, задействованных в процессе обучения (педагогов и учеников). Образовательная среда в границах определенной территории (учебного округа, училищной дирекции, уезда, волости) находится в непрерывном взаимодействии с другими сферами социальной жизни: центральной и местной властью, городским и местным самоуправлением, национальными, конфессиональными, социокультурными явлениями и процессами, протекающими на данной территории.

Условно в образовательном пространстве можно выделить два образовательных уровня: педагогически организованный и педагогически неорганизованный. Основным источником познавательной и культурной информации является педагогически организованная среда. В нее входит учебная среда, создаваемая школой (учебная и воспитательная деятельность учителя – уроки, домашние задания) и внешкольное образование (организация училищных библиотек, читательные и литературные беседы и др.). Педагогически неорганизованный уровень также оказывает значительное влияние на формирование образовательного пространства. Сюда входит семейная среда, определяющая отношение родителей и членов семьи к получению образования, а также пространство городской и сельской округи, поскольку отношение локальных сообществ к устройству и функционированию школ определяло судьбу последних. Совокупность этих образовательных уровней, многообразие их взаимодействия определяет проблемные рамки данного исследования. Одной

[12] Могилев А.В., Шильман А.Н. О понятии «образовательное пространство» // Педагогическая информатика. 2005. № 2. С. 75.

из главных проблем изучения истории народного образования в Российской империи, является исследование механизма реализации принципов государственной политики в этой области, определение эффективности правительственных мер, что невозможно подменить только официальной статистикой о числе школ и учащихся, номенклатуре преподавания.

Развитая школьная сеть и успехи школьного строительства стимулируют развитие просвещения в обществе, формируют плотность слоя образованных людей, обуславливают масштабы социальной мобильности и миграций, способствуют хозяйственно-культурному прогрессу всего региона. Все это формирует качественно новую экономическую, культурную и политическую ситуацию, обуславливающую завершение перехода от традиционного общества к модерному. Для России в целом и для территорий Русского Севера, в частности, этот переход начался еще в XVIII в., но решающие изменения в этом направлении произошли именно в первой половине XIX в. Завершение же процесса экономической и социальной модернизации региона приходится на следующий исторический отрезок.

Использование *социально-исторического подхода* изменяет угол зрения в интерпретации путей развития образования и образованности и корректирует ту официальную «историю школы», которая писалась в прошлом и позапрошлом столетии. Внимание к социокультурным условиям и следствиям развития школьной системы позволяет пересмотреть привычную схему интерпретации исторических процессов, идущих в сфере культуры, в этноконфессиональной, социальной истории «от центра к периферии».

Возможности *региональной истории*, представляющей не только историю имперского администрирования[13], но и новое понимание

---

[13] См.: Ремнев А.В. Самодержавие и Сибирь. Административная политика первой половины XIX в. Омск, 1995; Ремнев А.В., Савельев П.И. Актуальные проблемы изучения региональных процессов в имперской России // Имперский строй России в региональном измерении (XIX – начало XX вв.). М., 1997; Мамсик Т.С. Социальная организация фронтира в контексте мирового колонизационного процесса: по материалам Сибири и Северной Америки (XVII – XIX вв.) // Региональные процессы в Сибири в контексте российской и мировой истории. Новосибирск, 1998. С. 43-47.

особенностей хозяйственной, национальной, социально-культурной траектории того или иного региона дореволюционной России, на наш взгляд, позволяют исследовать историю и школьного образования в региональном измерении.

С точки зрения региональной истории мы можем не только рассматривать историю народного образования в российской провинции XIX в. как отражение правительственной политики в этой сфере, но и выявить особенности социально-культурного развития отдельных регионов России. В результате мы можем судить, насколько состояние школы и просвещения на местах влияло на пути развития всей системы народного образования в России, каким образом, и на каком этапе реформ официальные установки Министерства народного просвещения преломлялись, изменялись, корректировались в зависимости от местных условий. История просвещения, как проблемное поле в рамках региональной истории, неизбежно получает социокультурное направление, так как школа являлась не только основным механизмом распространения конкретных знаний, культурных практик, но и транслятором образов власти, политической и социальной информации. В изучении школы как социокультурного объекта мы стремились учесть все формы взаимодействия школы и местного населения, школы и государственных институтов, общественных, конфессиональных учреждений.

При написании данной работы использовался общенаучный диалектический метод познания исторических процессов, включающий в себя *принципы историзма, объективности и системности* исследования конкретных исторических явлений. *Принцип историзма* позволяет рассматривать любое явление в развитии; *принцип объективности* помогает комплексно охарактеризовать различные виды источников и провести их сопоставление и анализ; *системный подход* предполагает изучение совокупности взаимосвязанных и взаимодействующих объектов, в частности, позволяет рассмотреть развитие элементов школьной сети в пределах исследуемой территории как развитие элементов единой системы учебных

заведений с общими законодательными, административными, идеологическими рамками их деятельности.

В диссертации использованы как общеисторические методы исследования, так и методы, используемые при изучении локальной истории. Автор стремился использовать цивилизационный подход, предполагающий рассмотрение влияния на светскую школу природных, социальных, экономических и культурных факторов в комплексе. В основе научных подходов автора лежат общеисторические методы исследования: *проблемно-хронологический метод*, предусматривающий разделение темы на ряд более узких проблем, каждая из которых рассматривается в хронологической последовательности; *системно-структурный,* позволяющий получить новое знание путем изучения объекта как системы в предметном, функциональном и историческом аспектах; *историко-генетический метод* предусматривает изучение истории объекта на основе широкого круга источников и создание связного текста, излагающего эту историю.

Использованы также методы смежных дисциплин, в частности, *метод социального анализа*, который позволил рассмотреть систему образования как социальную сферу, и предполагает анализ социального статуса учителей и учащихся как социальных групп; позволяющий сопоставить положение системы просвещения в разные исторические периоды с целью выявления общих черт, особенностей и степени их развития.

Среди специально-исторических методов стоит назвать: *метод периодизации,* позволяющий установить качественные изменения изучаемого объекта по времени, зафиксировать с определенной точностью моменты изменения; *сравнительно-исторический метод*, который использовался для сопоставления сходных исторических явлений с целью установления в них общих черт и различий. Сравнительный метод эффективен и в случае, если лакуны в конкретном материале не дают однозначных ответов на вопросы и приходится апеллировать к типологически сходному материалу, полученному по другим регионам, периодам.

В качестве конкретных методик поиска, отбора и интерпретации источников были использованы *методы архивной эвристики*, приемы внешней и внутренней критики источника, принцип учета исторического контекста возникновения того или иного документа, метод историко-психологической интерпретации – при работе с мемуарными источниками.

Анализ сформированного в ходе работы над диссертацией комплекса источников, отражающих развитие институтов народного образования на нескольких уровнях, осуществлен с использованием статистических методов, что позволило определить основные черты и специфику развития школы как социально-исторической реальности, динамику и направления развития системы народных училищ в локальной ретроспективе.

Изучение истории российской школы невозможно без обращения к теме о положении учителя как неотъемлемого элемента школьной системы. На основе архивных и опубликованных источников мы рассмотрим проблемы подготовки педагогических кадров, правовой, образовательный, социальный статус провинциальных учителей и их общественную репутацию, а также особенности повседневной жизни и социальной мобильности этой социопрофессиональной и социокультурной группы.

Вопрос о моменте превращения рассеянной и разнородной учительской среды в сообщество останется дискуссионным, однако мы попытаемся обобщить конкретные материалы в рамках локальной административной территории: трех отдаленных губерний (Архангельской, Олонецкой и Вологодской), входивших в состав Санкт-Петербургского учебного округа. Здесь в первой половине XIX в. были представлены разные типы школ, а численность профессиональных педагогов к середине 1850-х гг. превысила 300 человек, не считая учителей начальных училищ.

Под социопрофессиональной группой принято понимать совокупность лиц одной профессии, объединенных сходными знаниями и навыками, осознающих общность профессиональных интересов, объединенных административными, интеллектуальными, клиентальными связями. В

качестве критериев социальной группы отмечаются также ее обособленность в обществе, наличие совместной социальной деятельности, определенной организации и управления группой, а также существование групповых ценностей, позволяющих идентифицировать эту социальную общность в составе других групп[14]. Принадлежность к одной социокультурной группе предполагает сходство происхождения, близость социального статуса, образовательного и культурного уровня, имущественного положения, структур труда и досуга, стиля жизни и поведенческих моделей. С поправкой на обширность территории «рассредоточения», где школы были представлены как островки в пустыне, на внутригрупповую неоднородость учительского социума даже в рамках одной губернии, названным критериям дореформенное учительство, в целом, соответствовало. Главным основанием для объединения в группу разных типов учителей, рассеянных на огромной территории, является характер труда, интеллектуального по преимуществу. В этом контексте важны наблюдения классических работ В. Р. Лейкиной-Свирской, посвященных лицам интеллектуальных профессий, к которым исследовательница относила учительство[15].

Научная новизна исследования определяется поставленной в работе научной проблемой и состоит в том, что в диссертации впервые в историографии произведен комплексный анализ состояния государственного и частного образования в губерниях Европейского Севера России на фоне социально-экономических процессов первой половины XIX в., выявлены происходившие изменения, связанные с развитием школьной сети. Раскрыты основные факторы и механизмы государственной политики в сфере образования этого периода, а также отношение к образовательной политике провинциального общества. Системный анализ позволил восстановить картину развития образования, выявить культурные функции школы и ее роль в духовной жизни провинции.

---

[14] Миронов Б.Н. Историк и социология. Л., 1984. С. 43

[15] Лейкина-Свирская В.Р. Интеллигенция в России во второй половине XIX века. М., 1971.

В диссертации используется значительный массив архивных источников, который вводится в научный оборот впервые: отчетная документация училищных дирекций и смотрителей народных училищ, формулярные списки учителей, делопроизводственные материалы канцелярии Министерства народного просвещения, попечителя Санкт-Петербургского учебного округа, училищных дирекций. По этим материалам детально реконструирована структура среднего и низшего образования в рамках изучаемой территории, проведен анализ ее финансового обеспечения, прослежена динамика изменений в численности учебных заведений, педагогического персонала и уровне его профессиональной подготовки, выявлена и обобщена информация о численности и социальном составе учащихся.

На основе сравнительного анализа нормативной документации и канцелярской отчетности автор впервые рассматривает этапы, ход и результаты школьного строительства на Европейском Севере России в первой половине XIX в. Широкое привлечение источников позволило воссоздать общую картину развития учебных заведений, раскрыть структуру учебного процесса, его формы и динамику в разных типах школ, особенности администрирования, надзора и воспитательной работы в училищах. В диссертации показано, как в зависимости от политической ситуации изменялись задачи школы и как местные условия определяли успех или неудачи управленческих решений. Впервые детально проанализирован состав и охарактеризован социокультурный облик провинциального учительства, а также правовой и социальный статус учащихся.

Теоретическая и практическая значимость диссертации

Конкретный материал по истории учебных заведений Европейского Севера России, полученный в ходе исследования, может быть использован при подготовке специальных курсов по истории образования в Карелии, Архангельской и Вологодской областях и общих курсов по истории Отечества. Выводы и наблюдения, полученные в данной работе, могут найти

практическое применение в определении моделей социальной, культурной, воспитательной работы с детьми и их родителями в муниципальных образованиях. Обращаясь к историческому опыту, реконструируя исторические детали школьной повседневности, создавая летопись школ как историю взаимодействия людей («учащих и учащихся», выражаясь языком документов XIX в.) можно облегчить поиск оптимальных вариантов решения многих организационных проблем современной школы или, по крайней мере, представить обширный материал для профессиональных разработок в этом направлении.

ГЛАВА I. ИСТОРИОГРАФИЯ И ИСТОЧНОКОВЕДЧЕСКИЙ ОБЗОР

1.1. Историография проблемы

История народного просвещения не является приоритетной областью исследований, хотя научное изучение истории общеобразовательной школы началось еще в XIX в. Анализ и обобщение исследовательского опыта в области истории народного просвещения представляется актуальным в период модернизации системы современного образования в России. Законодательные документы первой половины XIX в. – школьные уставы 1804 г., 1828 г. и их реализация – были предметом пристального изучения дореволюционных историков. Многие из них занимались сбором статистических и документальных материалов по истории школы. В этих работах содержатся данные о принципах реформирования системы просвещения, создании сети учебных заведений, проблемах и перспективы развития образования как в целом по России, так и по отдельным территориям.

Состояние народного просвещения в России и его история являются предметами пристального общественного внимания на протяжении более чем 150 лет. Поэтому трудно провести содержательную границу между историографией темы и публицистическими источниками, обсуждающими не только ретроспективные, но и современные их созданию вопросы. Уже во второй половине 1850-х – начале 1860-х гг. годов среди чиновников училищного ведомства, педагогов и общественных деятелей развертывается дискуссия о судьбе средней и начальной школы, подводящая итоги предыдущему периоду школьных реформ[16]. Важное место в полемике

[16] Биллевич Н.И. О цели и сущности гимназического образования // Московские ведомости. 1848. № 139. С. 1293-1295; Зиновьев П. Мнение о потребности изменить преподавание в уездных училищах// Русский педагогический вестник. 1857. № 4. С. 488-499; К. Причины бедности наших гимназий // ЖМНП. 1863. Ч. 120. С. 12-24; Мачеха И. Мысли о способах распространения грамотности в России // Русский педагогический вестник. 1860. № 6. С. 249-261; По поводу предположений об усилении средств содержания учебных заведений Министерства народного просвещения // Журнал Министерства народного просвещения (далее: ЖМНП). 1862. Ч. 115. С. 79-145; Флорикс В. Несколько слов о приходских училищах и учителях // Журнал для воспитания. 1859. Кн. 4. С. 191-204.

занимали вопросы классического и реального обучения, упразднение механического способа преподавания, а также необходимость разработки новых форм и методов учебной и воспитательной работы школ, направленной на гуманное отношение к учащимся. Уже в 1857 г. началась подготовительная работа к новой реформе образования – создание проектов общеобразовательной школы.

Дореволюционная историография, посвященная истории народного образования, рассматривала развитие школьного дела в контексте государственной политики. Появившиеся в XIX в. исследования дают целостное представление о деятельности Министерства народного просвещения, о подготовке и проведении реформ российского образования, об организации учебных заведений на местах, педагогических кадрах, подготовкой которых занимались российские университеты и педагогические институты.

Важное место среди дореволюционных изданий занимают исследования профессора Санкт-Петербургского университета С. В. Рождественского. Автор одним из первых постарался осмыслить значение школьных реформ в России конца XVIII – начала XX вв., проанализировать деятельность Министерства народного просвещения[17]. С. В. Рождественский освещает политику правительства в сфере образования от начала царствования Екатерины Великой до конца XIX в. как последовательную. При этом особое внимание уделялось учебной реформе Александра I. В его исследованиях ясно выражена идея создания единой системы народного образования. Однако проекты учебных реформ далеко не полностью воплотились в действующем законодательстве.

Уже в советские годы вышли работы С. В. Рождественского, посвященные становлению системы народного образования в эпоху

---

[17] Рождественский С.В. 1) Исторический обзор деятельности Министерства народного просвещения 1802-1902. СПб., 1902; 2) Очерки истории систем народного просвещения: В 2 т. СПб., 1912. Т. 2; 3) Сословный вопрос в русских университетах в первой половине XIX в. // ЖМНП. 1907. Ч. 9. Отд. 2. С. 3-28.

Александра I. С. В. Рождественский уделяет большое внимание положению народных учителей в дореволюционной России, развивая наблюдения о социальных проблемах образовательной политики[18].

В трудах С. В. Рождественского содержится значительный фактический материал, комментарии к основным законодательным и нормативным актам, составляющих основу государственной политики в сфере российского образования. Автор рассматривает сословную политику государства, анализирует проблемы, связанные с организационными и финансовыми проблемами по формированию учительского сословия, которые автор считает наиболее трудноразрешимыми.

К числу этапных работ, имеющих отношение к истории народного образования относится исследование историка русской культуры П. Н. Милюкова, один из томов которого посвящен исследованию развития русской школы и просвещения[19]. П. Н. Милюков анализирует роль государства в решении проблем народного образования и высоко оценивает деятельность Александра I. Он указывает на тесную взаимосвязь между историей русской школы и политическими настроениями власти и общества, описывает деятельность Министерства и его чиновников, дает анализ итогов школьной реформы и проблем, стоявших перед общеобразовательной школой.

Значительный вклад в историографию российского просвещения внесли историки народного образования, которые в своих работах широко использовали фактический и статистический материал. Одни из них имели педагогический опыт, школьное дело знали не понаслышке. Другие, находясь на государственной службе в Министерстве народного просвещения, имели

---

[18] Рождественский С.В. 1) Вопрос о народном образовании и социальная проблема в эпоху Александра I // Русское прошлое. Пг.; М., 1923. Т. 5. С. 35-49; 2) Из истории идей народного просвещения в Александровскую эпоху // Сб. ст. по русской истории, посвящ. С.Ф. Платонову. Пг., 1922. С. 382-396; 3) Основы социальной организации педагогического труда в XVIII-XIX вв. // Архив истории труда в России. Пг., 1923. Кн. 8. С. 3-63.

[19] Милюков П.Н. Очерки по истории русской культуры: В 3 т. М., 1994. Т. 2, ч. 2.

возможность исследовать официальную статистику, делопроизводственные и архивные материалы.

Среди таких исследователей для нас особое место занимает А. С. Воронов, уроженец Олонецкой губернии, который обучался в Олонецкой гимназии. По окончании Петербургского университета он с 1840 по 1845 гг. работал в Пскове, где преподавал русскую словесность и логику в губернской гимназии. В 1845 г. вернулся в столицу учителем 5-й Петербургской гимназии, впоследствии стал ее директором. Также А. С. Воронов являлся членом Главного правления училищ при Министерстве народного просвещения[20]. Его труд о становлении системы образования в Санкт-Петербургском учебном округе необходим в нашей работе и приобретает особую важность не только как историографический факт, но и, в еще большей степени как свод фактографических описаний и статистических сведений по всем типам училищ столичного округа[21].

Исследование А. С. Воронова основано на законодательных и архивных документах, извлеченных из архивов: Департамента народного просвещения, Санкт-Петербургского приказа общественного призрения, дирекции училищ Санкт-Петербургской губернии, Канцелярии попечителя Санкт-Петербургского учебного округа, а также материалов периодической печати, помещенных в ведомственном журнале Министерства народного просвещения. В качестве статистических материалов автор использовал статистические исследования П. П. Кёппена[22]. Автор предлагает детальную картину истории становления и развития школьного обучения в губерниях Европейского Севера России. Несомненной заслугой А. С. Воронова является создание целостного образа Санкт-Петербургского учебного округа в

---

[20] Андрей Степанович Воронов. СПб., 1875; Медников Ф. Андрей Степанович Воронов (некролог) // Народная школа. 1876. Приложение к журналу № 1. С. 4-5.

[21] Воронов А.С. 1) Историко-статистическое обозрение учебных заведений Санкт-Петербургского учебного округа с 1715 по 1828 гг. СПб., 1849; 2) Историко-статистическое обозрение учебных заведений Санкт-Петербургского учебного округа с 1829 по 1853 гг. СПб., 1855.

[22] Кёппен П.П. Материалы для истории просвещения в России, собираемые Петром Кёппеном, членом разных учебных обществ. СПб., 1827.

отражение деятельности всех типов учебных заведений (общественных и частных, средних и низших), правового и социального статуса учителей и учащихся, а также освещение принципов методологической основы учебно-воспитательной работы школ. Однако история Архангельской, Вологодской и Олонецкой дирекция училищ, входящих в состав столичного учебного округа представлена в данном труде фрагментарно. Большой пласт архивных документов, находящийся в архивохранилищах губернских дирекций училищ на местах был А. С. Воронову недоступен.

Характеризуя процессы создания системы народного просвещения в первой половине XIX в. необходимо отметить комплекс работ, освещающих организацию и деятельность созданных в это время различных типов учебных заведений.

Вопросы организации управления средними учебными заведениями страны, их деятельности в первой половине XIX в. освещались в работах И. А. Алешинцева[23], А. В. Белявского[24], Н. Х. Весселя[25] и Е. К. Шмида[26]. Они сделали подробный анализ законодательных документов в области народного просвещения, представили общую картину состояния гимназий в России: общее количество средних школ, их финансовое положение, обустроенность училищных зданий, вопросы методики преподавания учебных предметов, деятельности училищных библиотек. В данных работах приведен серьезный анализ проблемы всесословного обучения. Вместе с тем авторы обозначили возникшие трудности в деятельности школ – проблемы по преобразованию Главных и Малых народных училищ, созданных при Екатерине II, в гимназии и уездные училища в 1804-1808 гг.

---

[23] Алешинцев И.А. 1) История гимназического образования в России (в XVIII и XIX веке). СПб., 1912; 2) Сословный вопрос и политика в истории наших гимназий в XIX в. (Исторический очерк). СПб., 1908.
[24] Белявский А.В. Краткое обозрение истории гимназий в России. СПб., 1908.
[25] Вессель Н.Х. 1) Исторический очерк общеобразовательных училищ и психологические основания общего образования. СПб., 1873; 2) Очерки об общем образовании и системе народного образования в России. М., 1959; 3) Учебный курс гимназии. СПб., 1866.
[26] Шмид Е.К. История средних учебных заведений в России. СПб., 1878.

Следует отметить, что исследователи истории народного просвещения солидаризировались в вопросах оценок проведения реформ 1804 и 1828 гг. Все они выделяли преимущества Устава 1804 г. Например, работы педагогов В. Я. Стоюнина, А. Я. Аристова посвящены вопросам развития образования в александровскую эпоху. Авторы раскрывают основные направления государственной политики в деле обучения и воспитания в учебных заведениях России в первой четверти XIX в.[27].

В качестве достоинств реформы 1804 г. назывались: гуманный характер Устава, создание единой сети общеобразовательных учебных заведений, всесословность обучения. Декларирование принципа бессословности в образовании, которое содержалось в законодательстве об училищах начала XIX в., не учитывало разницы в образовательных потребностях и возможностях у разных сословий и не привело к созданию подлинно всесословной школы[28].

Относительно реформы 1828 г. многие из историков утверждали, что эпоха административно-ограничительного управления училищ оставила печальные последствия. Как отметил С. И. Миропольский, «училищ было мало… Существовавшие училища были плохи, совсем неблагоустроенны… Общество вследствие принятой системы стало относиться к делу образования с полнейшим равнодушием, в нем сложилось недоверие к школе и к ее жизненному, просветительскому влиянию»[29].

Отдельное место в историографии составляют так называемые «юбилейные издания», которые являются локальными исследованиями. Это исторические записки о губернских гимназиях, где описывается состояние

---

[27] Аристов Н.Я. Состояние образования в России в царствование Александра I. Киев, 1879; Стоюнин В.Я. Из истории воспитания в России начала XIX столетия // Древняя и новая Россия. 1878. № 1. С. 1-23.

[28] Алешинцев И.А. История гимназического образования… С. 80; Князьков С.А., Сербов Н.И. Очерк истории народного образования в России до эпохи реформ Александра II. М., 1910. С. 180; Отто Н.К. Материалы для истории учебных заведений. История Новгородской дирекции до 1828 г. СПб., 1865. С. 15.

[29] Миропольский С.И. Школа и государство. Обязательность обучения в России (Исторический этюд). СПб., 1876. С. 67.

школьного дела в отдельных регионах. Они создавались преподавателями учебных заведений по заданию училищных дирекций к юбилейным датам в жанре хронологического описания. В них достаточно подробно представлена последовательность событий, освещаются кадровые и финансовые проблемы, вопросы по организации учебной и воспитательной работы. Как правило, особое внимание уделяется взаимоотношению школы и местных властей в деле народного просвещения, благотворительной помощи почетных попечителей и городских сообществ. Авторы в своих записках использовали архивный материал, сохранившийся в училищных архивах, а также воспоминания учителей, смотрителей и директоров. Эти труды, несомненно, важны для реконструкции повседневной жизни гимназий первой половины XIX в.[30].

В системе училищ особое место занимали городские общеобразовательные школы – уездные и приходские училища. Они являлись частью образовательного пространства губернских и уездных городов Российской империи и играли значительную роль в провинциальной жизни. В дореволюционной историографии деятельности городских начальных училищ как низшему звену учебной системы не уделялось специального внимания, авторы исследовали деятельность этих учебных заведений в общем контексте истории российского просвещения. История городских уездных и приходских училищ лишь фрагментарно освещалась в указанных выше общих работах по истории народного просвещения, а также в некоторых публикациях периодических изданий[31]. Отдельных работ, раскрывающих вопросы состояния учебно-воспитательной деятельности

---

[30] Безгин И.Г. Симбирская губернская гимназия (1786-1887). Симбирск, 1888; Историческая записка Белостокской гимназии. Вильно, 1872; Историческая записка Могилевской мужской гимназии за 100-летний период ее существования. Могилев, 1909; Историческая записка 3-ей Санкт-Петербургской гимназии. СПб., 1876; Крылов Д.П. Столетие Тверской мужской гимназии. Историческая записка. Тверь, 1904; Холодный Г.М. К истории Тамбовской гимназии. Тамбов, 1884.

[31] Семенов Д.Д. Первое десятилетие Санкт-Петербургских училищ на почве общественного управления // Русская старина. 1887. Т. 54. № 6. С. 667-703; Флорикс В. Несколько слов о приходских училищах и учителях // Журнал для воспитания. 1859. Кн. 4. С. 191-204.

городских училищ, нет. Сохранившиеся опубликованные исторические записки о деятельности таких училищ по отдельным местностям немногочисленны[32].

Формирование и развитие сети сельских начальных школ в первой половине XIX в. нашло свое отражение в работах В. В. Григорьева, Л. Каллаша, С. И. Миропольского, В. А. Половцева[33]. Авторы рассматривают организацию приходских училищ различного ведомственного подчинения (Министерства народного просвещения, Министерства государственных имуществ, Духовного ведомства и др.). Характеризуя деятельность школ в сельской местности, они единодушно признавали особую важность создания сети приходских училищ в сельской местности. Разрешенная в 1848 г. при некоторых училищах распродажа грамотным крестьянам, книг и духовно-нравственных брошюр, достигла ожидаемой цели – крестьяне охотно покупали на местах необходимые книги. Ценность этих исследований состоит в том, что исследователи не только указывают на причины недолговременного существования приходских училищ, но и предлагают ряд мер для их успешной работы.

В этом отношении заслуживает внимание работа известного педагога А. Ф. Раева, где раскрываются вопросы становления и развития училищ Министерства государственных имуществ в селениях государственных крестьян. По его мнению, школы этого ведомства по сравнению с другими были самыми многочисленными и являлись одним из примеров наиболее четкой и правильной организации учебного процесса, состоянии их хозяйственной части[34].

---

[32] Алексеев Г.Ф. Исторический очерк казанских городских начальных училищ 1806-1890 гг. Казань. 1890; Начальные народные училища Вятской губернии: Краткий очерк возникновения и развития с 1786 по 1898 г. Вятка, 1900.

[33] Григорьев В.В. Исторический очерк русской школы. М., 1890; Дмитриев Д.Д. Основные начала педагогики в применении к сельскому образованию в России. СПб., 1846; Каллаш Л. Из истории русской начальной школы начала XIX в. // Вестник воспитания. 1899. № 2. С. 76-110; Миропольский С.И. Школа и государство. Обязательность обучения в России. (Исторический этюд). СПб., 1876.

[34] Раев А.Ф. О мерах к распространению образования между государственными и удельными поселянами // Журнал Министерства государственных имуществ (далее ЖМГИ). 1860. № 9. Ч. 75. С. 145.

Объектом пристального внимания дореволюционных исследователей являлось взаимодействие государства и церкви в организации приходских училищ Духовного ведомства. Государство на протяжении всего XIX в. неоднократно обращало внимание на проблему привлечения духовенства к делу начального образования. Сельские школы находились под пристальным вниманием правительства и Святейшего Синода. В сборниках, выпускаемых издательством Святейшего Синода, посвященных деятельности церкви в деле образования народа, ставились задачи по введению всенародной грамотности и «истинно-христианского просвещения». Однако историков больше интересовала роль Министерства народного просвещения по организации и становлению системы просвещения.

В конце XIX – начале XX в. к истории народного образования обращались не только исследователи, но и общественные деятели, просветители, педагоги. В работах В. В. Григорьева, М. И. Демкова, П. Ф. Каптерева, С. А. Князькова, Н. И. Сербова, Г. А. Фальборка и В. И. Чарнолуского представлена история развития школы от Древней Руси до начала XX в.[35]. В данных исследованиях акцент делался как на положительных, так и на отрицательных сторонах деятельности учебных заведений: отсутствие достаточного государственного финансирования, нехватка педагогических кадров, недостаточное внимание к нуждам просвещения общества, антисанитарное состояние учебных помещений, нежелание местного населения обучать своих детей в государственных школах.

Дореволюционная историография проблемы, основанная на материалах Европейского Севера России не слишком обширна. История развития учебных заведений представлена фрагментарно и ограничивается очерками и статьями, посвященными конкретным событиям в жизни школ, биографиям отдельных

[35] Григорьев В.В. Исторический очерк русской школы. М., 1890; Демков М.И. История русской педагогии. Ч. 3: Новая русская педагогия XIX века. М., 1909; Каптерев П.Ф. История русской педагогии. М., 1909; Князьков С.А., Сербов Н.И. Очерк истории народного образования в России до эпохи Александра II. М., 1910; Фальборк Г.А., Чарнолуский В.И. Народное образование в России. СПб., 1898.

деятелей просвещения[36]. Во второй половине XIX в. на основе архивных документов, материалов училищных дирекций появились работы по истории учебных заведений в Вологодской[37], Новгородской[38] и Олонецкой губерниях[39]. Они публиковались как в периодической печати, так и отдельными изданиями. В них приводится много интересных фактов о деятельности учебных заведений, формах и способах работы педагогов, статистические данные о состоянии дирекций училищ. Публикация материалов по истории просвещения по исследуемым губерниям продолжилась и в начале XX в.[40].

В конце XIX – начале XX в. в Государственной думе, среди педагогической общественности, обсуждался вопрос о введении в России всеобщего начального обучения[41]. В этот период среди изданий начала XX в. по истории учебных реформ на территории Олонецкой губернии преобладают работы о начальных школах[42]. В них рассматриваются условия становления

---

[36] Мудров А. Сведения, относящиеся к Велико-Устюгскому училищу. М., 1804.

[37] Отто Н.К. Вологодская дирекция училищ до 1850 г. // ЖМНП. 1866. Т. 132. С. 1-198.

[38] А.Л. Для истории вологодской дирекции училищ // Памятная книжка для Вологодской губернии на 1860 год. Вологда, 1860. С. 65-104; Отто Н.К. Материалы для истории учебных заведений. История Новгородской дирекции до 1828 г. СПб., 1865; Столетний юбилей Вологодской гимназии (1786-1886). Вологда, 1886.

[39] Ласточкин А. О времени основания училищ в Олонецкой губернии и о переменах, которые они испытали впоследствии // Олонецкие губернские ведомости. 1854. № 36; Отчет о состоянии Олонецкой гимназии за 1872-1873 учебный год с присоединением краткого исторического очерка существования гимназии. Петрозаводск, 1873; Петров К.М. 1) История Олонецкой дирекции до 1808 г. // ЖМНП. 1866. Ч. 132. С. 1-66; 2) Олонецкая гимназия с 1808 по 1831 гг. Материалы для истории учебных реформ Министерства народного просвещения // ЖМНП. 1874. Кн. 176. № 11. С. 1-23; Фортунатов Ф.Н. Историческая записка о пятидесятилетии Олонецкой гимназии. СПб., 1858.

[40] Кизель Н.К., Мазюкевич В.И. Историческая записка Архангельской Ломоносовской гимназии (1811-1911 гг.). Архангельск, 1912; Попов В.Ф. История земской школы и первоначальное начальное образование в Устьсысольском уезде. Устьсысольск, 1911; Шперк Ф.Ф. Краткий очерк народного образования в Архангельске. Архангельск, 1905.

[41] Вахтеров В.П. Всеобщее обучение. М., 1897; Корнилов И.П. Задачи русского просвещения: Сб. ст. СПб., 1902; Забелин А.В. Какой тип начальной народной школы был бы полезнее при всеобщем обязательном обучении. Киев; 1898; Куломзин А.Н. Доступность начальной школы в России. СПб., 1904; Фальборк Г.А. Всеобщее образование в России. М., 1908; Фармаковский В. Начальная школа Министерства народного просвещения. СПб., 1900.

[42] Левитский С.Н. Исторический вопрос о введении в Олонецкой губернии всеобщего обучения. Петрозаводск, 1905; Правдин М. Народное образование в Олонецкой губернии в начале прошлого столетия. Петрозаводск, 1916.Чуков Н.К. Исторический очерк развития церковных школ в Олонецкой губернии. Петрозаводск, 1910.

системы народного образования в российской провинции, дается статистика и характеристика учебных заведений, используется большое число документов о деятельности образовательных учреждений губернии. Для дореволюционных исследований этого периода характерно разнообразие рассматриваемых проблем, наиболее значимыми сюжетами были повышение уровня грамотности и стимулирование интереса населения к обучению.

Таким образом, исторические исследования, опубликованные в XIX – начале XX в., содержали большой фактический и статистический материал, значительную часть которого, как правило, авторы собирали самостоятельно в ведомственных архивах или по данным обозрений и визитаций профессоров университета, попечителей или инспекторов учебного округа.

Изучение истории развития народного образования первой половины XIX в. продолжилось и в советский период, когда в свете новой идеологической конъюнктуры успехи дореволюционной школы нередко замалчивались. В журнале «Архив истории труда в России», в 1922-1923 годах, вышло несколько статей, посвященных социальным аспектам истории народного просвещения, таким как вопросы пенсионного обеспечения приходских учителей, а также деятельность сельских школ Министерства государственных имуществ, рассмотренные в свете установки о «старой, жестокой и бесплодной школе». Используя публицистические статьи, опубликованные в периодических журналах начала XX в., авторы рисовали яркие картины «безрадостной атмосферы для развития школьного дела»[43].

В 1920-1930-е годы в стране шла активная «коренизация» государственных кадров и создание национальной интеллигенции, поэтому внимание исследователей в это время обращается к изучению вопросов обучения русской грамоте детей-инородцев, не владеющих русским языком. Данная проблема раскрывается, например, в работах А. Г. Базанова и Н. П.

---

[43] Михайлов Ю. Из жизни приходских учителей // Архив истории труда в России. Кн. 4. Пг., 1922. С. 36-38; Колпенский В. Сельская школа накануне крестьянской реформы // Там же. С. 31-35.

Казанского[44]. В частности, в ней авторы рассматривали опыт Министерства государственных имуществ по организации приходского училища для ненцев в Мезенском уезде Архангельской губернии и различных мерах для привлечения детей кочевых народов Севера России в школу.

В 1940-1950-х гг. основной темой для исследований становится история начальной школы. В это время появились работы Н. А. Константинова, В. Я. Струминского, М. Ф. Шабаевой, Е. Н. Медынского, в которых нашли отражение как общие теоретические проблемы реформирования системы образования, так и частные вопросы, касающиеся развития школы в XIX в. В них анализируются проекты и действие школьных уставов 1804 и 1828 гг.[45]. Немалый интерес для исследователя представляет работа Н. М. Дружинина, осветившего в том числе деятельность Министерства государственных имуществ по организации начальных школ этого ведомства в сельской местности[46].

В свете нашего исследования особое место занимают работы А. М. Ткаченко и Т. В. Шуртаковой[47], поскольку в них впервые были освещены страницы истории взаимодействия между высшей и общеобразовательной школой. Авторы представили принципы взаимодействия высшей школы (университетов, стоявших во главе учебных округов) и губернских училищных дирекций, подробно рассмотрели механизмы управления училищами со стороны университетов, а также направления деятельности Училищных

---

[44] Базанов А.Г. Очерки истории миссионерских школ на Крайнем Севере (Тобольский Север). Л., 1936; Базанов А.Г., Казанский Н.П. Миссионеры и миссионерские школы на Севере. Северкрай. 1936.

[45] Ганелин Ш.И. Очерки по истории средней школы в России второй половины XIX века. М., 1954; Константинов Н.А., Струминский В.Я. Очерки по истории начального образования в России. М., 1953; Константинов Н.А. Очерк по истории средней школы в России. М., 1953; Константинов Н.А., Медынский Е.Н., Шабаева М.Ф. История педагогики. М., 1955; Из истории народного образования в России первой четверти XIX в. // Ученые записки Молотовского педагогического института. 1947-1948. Вып. 2. С. 157-170; Струминский В.Я. Начальная русская школа и ее теоретики в первой половине XIX в. // Начальная школа. 1945. № 2-6.

[46] Дружинин Н.М. Государственные крестьяне и реформа П.Д. Киселева. М.; Л., 1946. Т. 2. С. 248-262.

[47] Ткаченко А.М. Учебно-методическое руководство Харьковского университета школами в 1805-1835 гг. Харьков, 1957; Шуртакова Т.В. Руководство Казанского университета развитием начального и среднего образования в учебном округе в 1805-1836 гг. Казань. 1959.

комитетов при университетах по организации контроля над школами.

Стоит отметить работу советского историка А. Г. Рашина, где приведены сводные статистические сведения о динамике роста численности учебных заведений и количества учащихся с указанием их сословной принадлежности в XIX – начале XX века. В статье содержатся сводные таблицы по разным аспектам школьного дела, которые сопровождаются комментариями автора. Для их составления он использовал статистические исследования П. П. Кёппена, а также данные статистики, опубликованные в Таблицах учебных заведений за 1838 г.[48]. Так, А. Г. Рашин в таблице «Динамика численности учащихся за 1808-1834 гг.» показал, что за 27 лет число учащихся в российских учебных заведениях Министерства народного просвещения возросло с 46 700 человек в 1808 г. до 76 900 чел в 1834 г.[49].

В 1973 г. под эгидой Академии педагогических наук вышел обобщающий труд по истории народного образования[50]. Это издание и в настоящее время не утратило своего значения, являясь сводом справочных сведений по истории дореформенной российской школы, содержащим большой объем статистического и библиографического материала. Советские ученые если и расширяли тематику исследований, включая сюда вопросы о деятельности низших учебных заведений, то рассматривали ситуацию в народном образовании в духе господствовавших тогда оценок царской России как «тюрьмы народов» и чаще всего обращались ко второй половине XIX и началу XX в[51].

Характерно, что предпринятые в 1970-е годы исследования посвящались, в основном правительственной политике в образовании (сословной и репрессивной) по определению этого времени и имели, прежде

---

[48] Кёппен П.П. Материалы для истории просвещения в России, собираемые Петром Кёппеном, членом разных учебных обществ. СПб., 1827; Таблицы учебных заведений всех видов. СПб., 1838.

[49] Рашин А.Г. Грамотность и народное образование в России в XIX и начале XX вв. // Исторические записки АН СССР. 1951. Т. 37. С. 50.

[50] Очерки истории школы и педагогической мысли народов СССР XVIII – первой половины XIX в. М., 1973.

[51] Вопросы истории школы и педагогики дореволюционной России: сб. науч. тр. М., 1978.

всего, историко-педагогический уклон[52]. Вопросы финансового обеспечения школьных реформ, социальная история отечественной школы не находят в них сколько-нибудь развернутого освещения.

На фоне обобщающих работ по истории просвещения в России в это время наблюдается оживление изучения общих проблем и написание диссертационных исследований по данной проблематике[53]. Диссертации по истории народного просвещения 1960-1980-х годов, имеют определенную научную значимость. В большинстве своем они посвящались истории развития начальных школ и касались многих аспектов школьного строительства первой половины XIX в., вводили в научный оборот новые документальные материалы. В них проводится подробный анализ политики правительства в деле народного образования, рассматриваются вопросы о создании сети низших учебных заведений, исследуется динамика роста количества начальных школ, представлены источники финансирования на осуществление образовательных реформ. Особое место в диссертациях занимают проблемы правового и социального статуса педагогов. Однако вопросы организации учебно-воспитательного процесса в средних учебных заведениях, уровень преподавания школьных предметов и подготовки учащихся, социальное положение учителей и воспитанников, развитие гимназий, благородных пансионов и частных школ не вошли в сферу интересов исследователей.

---

[52] Колчина Т.В. 1) Народные училища в России в 30-50-е годы XIX в. М., 1973; 2) Сельские приходские училища в 40-50-х годах XIX в. // Педагогический ВУЗ и сельские школы. М., 1974. С. 89-98; 3) Учительство народных училищ во второй четверти XIX в. // Вопросы педагогики высшей и средней школы. М., 1975. С. 138-147; Комоско Л. В. Изменения сословного состава учащихся средней и высшей школы России (30-80-е годы XIX в.) // Вопросы истории. № 10. 1970. С. 203-207.

[53] Величкина В.М. Педагогическая и общественная деятельность народных учителей сельской дореволюционной школы: Автореф. дис. …канд. пед. наук. М., 1975; Колчина Т.А. Народные училища России в 30-50-х годах XIX века: Автореф. дис. …канд. ист. наук. М., 1973; Флит Н.В. Народное образование в России в начале XIX столетия (На материалах Санкт-Петербургского учебного округа: Автореф. дис. …канд. ист. наук. Л., 1988; Шапкина А.П. Петербургская школа в первой половине XIX века: Автореф. дис. …канд. ист. наук. Л., 1984.

В последние два десятилетия на волне развития новой региональной истории, локальной истории значительно возрос интерес к изучению образовательной политики государства на периферии Империи и во внутренних губерниях. Вырабатываются новые подходы к оценке прошлого, требующей комплексного анализа правительственной политики по развитию народного просвещения, практической деятельности школ различного типа, их взаимодействия с местными сообществами и элитами. Эти подходы находят свое место в диссертационных исследованиях, написанных по материалам различных регионов[54]. Авторы значительно расширили тематику исследований, сферой их интересов стали сюжеты, посвященные вопросам государственного управления системой училищ, содержанию их деятельности, проблемам преподавания учебных предметов, особенностям правового и социального статуса преподавателей учебных заведений. В новейших исследованиях присутствует большой пласт неопубликованных архивных материалов, привлекаются мемуарные источники, опубликованные в периодической печати XIX – начала XX вв.

Проблемы организации училищ в селениях государственных крестьян, а также отдельные аспекты просветительской деятельности учителей в истории дореволюционной школы отражаются в локальных исследованиях по отдельным регионам России[55].

Среди исследований по истории учебных заведений Европейского Севера России этапными стали работы А. И. Афанасьевой и Я. А. Балагурова, П. В.

---

[54] Калинина Т.А. Развитие народного образования на Урале в дореформенный период (80-е годы XVIII – первая половина XIX в.): Автореф. дис. …канд. ист. наук. Пермь, 1992; Кузнецова М.В. Народное образование в Иркутске в XVIII – первой половине XIX веков: Автореф. дис. … канд. ист. наук. Иркутск, 1996; Лексина Ю.А. Гимназии Казанского учебного округа в первой четверти XIX века: Автореф. дис. …канд. ист. наук. Казань, 1997; Мирсаитова С.Г. Народное образование на Южном Урале в первой половине XIX в.: Автореф. дис. …канд. ист. наук. Уфа, 1999; Трехбратова С.А. Генезис народного просвещения на Кубани конец XVIII – начало XX века: Автореф. дис. …канд. ист. наук. Ставрополь, 1996.

[55] Андреев В.И. Школьное образование у бурят в первой половине XIX в. Улан Уде, 1960; Грищенко Н.Л. Политика феодального попечительства удельного ведомства над крестьянами // Ученые записки Чечено-Ингушского педагогического института. 1958. № 10. С. 249-287.

Иванова и В. П. Соловьевой[56]. Авторы сосредоточили свое внимание на вопросах грамотности населения Олонецкой и Архангельской губернии, организации начального образования и проблеме доступности обучения для детей-карелов, а также развитии сельских приходских училищ. Особое место в литературе по истории народного просвещения в Олонецкой губернии занимают труды Н. Г. Кучепатова[57]. В них представлены итоги правительственных реформ XIX в. на региональном уровне, приводятся достаточно полные, с нашей точки зрения, данные о численности учебных учреждений. Автор впервые поднял вопрос об организации городских уездных и приходских училищ и сделал вывод об эффективности их деятельности, а также представил итоги развития сети начальных школ в сельской местности к началу XIX в.

В историографии советского периода по истории провинциальной школы необходимо особо отметить как наиболее близкую к нашему исследованию по территории охвата статью преподавателя Вологодского педагогического института А. В. Смирнова, посвященную истории зарождения сельских школ в Архангельской, Вологодской и Олонецкой губерниях[58]. На основе архивных источников, материалов губернской периодической печати он провел анализ создания школьной сети, уделил большое внимание не только учебным заведениям различного ведомственного подчинения, но и «домашним школам», получившим широкое распространение в первой половине XIX в.

С 1990-х гг. начинается современный период изучения истории школы и просвещения. Авторы стали активно расширять круг исследовательских

---

[56] Афанасьева А.И. Культура края накануне Октября // Великий Октябрь и становление советской культуры в Карелии. Петрозаводск, 1983. С. 13-28; Балагуров Я.А. Из истории дореформенной сельской школы // Ученые записки Петрозаводского государственного университета им. О. В. Куусинена. 1967. Вып. 6. С. 48-54; Иванов П.В. Из истории русской школы в Карелии // Ученые записки Карельского педагогического института. 1960. Т.10. С. 101-107; Соловьева В.П. Школа и педагогическая мысль в России в первой половине XIX в. Архангельск, 1958.

[57] Кучепатов Н.Г. 1) Городские училища и их место в системе народного образования дореволюционной России // Ученые записки Карельского педагогического института. 1969. Т. 9. С. 43-56; 2) Школа в дореволюционной Карелии. Петрозаводск, 1956.

[58] Смирнов А.В. К истории зарождения сельских школ и сельскохозяйственных учебных заведений на севере России // Вопросы аграрной истории: Мат-лы науч. конф. по истории сельского хозяйства и крестьянства Европейского Севера. Вологда, 1968. С. 263-277.

проблем. Это проявилось в интересе исследователей к государственным проектам реформирования системы образования, идеологии реформ, эволюционировавшей от традиций века Просвещения к соображениям государственного прагматизма, к отдельным организационным формам и типам школ, к взаимодействию школы и общества. Историкам удалось преодолеть наследие советского подхода и приступить к комплексному изучению организации образовательных реформ в России.

В том числе стали появляться научные работы по изучению подготовки и реализации реформ просвещения в первой половине XIX в. Впервые интерес исследователей сосредоточился на государственной деятельности и биографиях администраторов просвещения: министров П. В. Завадовского, А. К. Разумовского, А. Н. Голицина, А. С. Шишкова, С. С. Уварова и П. А. Ширинского-Шихматова А. С. Норова и др.[59].

Характерным явлением в работах по истории народного образования постсоветского периода является изменение отношения к школам церковного ведомства и оценке деятельности священно- и церковнослужителей в учебных заведениях[60]. Это связано с расширением источниковедческой базы и изменением взгляда на церковно-государственные отношения.

Образовательное пространство в провинциальных центрах Российской империи стало формироваться в конце XVIII века, и получило дальнейшее свое развитие в первой половине XIX века. В это время в сети образовательных

---

[59] Акульшин П.В. Граф С. С. Уваров и его роль в жизни российского общества // Педагогика. 1993. № 4. С. 92-97; Виттекер Ц.Х. Граф Сергей Семенович Уваров и его время. СПб., 1999; Жуковская Т.Н. С. С. Уваров и воссоздание Петербургского университета // Очерки по истории Петербургского университета. Вып. 7. СПб., 1998. С. 56-74; Соловьев Ю.П. Трилистник империи: Русская идея графа Уварова // Московский журнал. 1999. № 10. С. 2-6; Хотеенков В. Ф., Чернета В. 1) Граф С. С. Уваров – министр и просветитель // Высшее образование в России. 1996. № 1. С. 146-160; 2) Министр просвещения граф П. В. Завадовский // Высшее образование в России. 1997. № 1. С. 119-136; Чернета В., Яковлев Б. Предтеча: Адмирал А. С. Шишков – человек, ученый, министр // Высшее образование в России. 1999. № 3. С.137-151; № 4. С. 130-144; Чистикова Е.А. Государственная и общественная деятельность А.С. Норова: Автореф. дисс. …канд. ист. наук. СПб., 2016.

[60] Галкин А.К., Бовкало А.А. Опыт обучения «поселянских детей» Олонецкой губернии в николаевское время // Философский век: Альманах. Вып. 6: Россия в николаевское время: наука, политика, просвещение. СПб., 1998. С. 143-159.

учреждений страны появились учебные заведения различного типа. В связи с этим для нашего диссертационного исследования важны работы по истории развития городской культуры русской провинции первой половины XIX в.[61].

В 2000-х годах появились концептуально новые обобщающие труды по истории народного образования, где значительный комплекс исследований, как в целом, так и по отдельным направлениям, посвящался анализу развития и состояния российской школы в масштабах всей империи[62]. В 2001 г. вышел третий том «Очерков русской культуры XIX века», подготовленный коллективом исследователей на базе Московского государственного университета. В нем три главы: «Народная школа» (автор Е. К. Сысоева) и «Гимназии» (Т. Н. Кандаурова), «Женское образование и воспитание» (Л.Б. Хорошилова) посвящены истории создания системы российского народного просвещения[63]. Авторы очерков по истории среднего и начального образования утверждают, что развитие школы зависит не только от правительственной политики, но и от отношения общества к просвещению народа и степени социальной значимости образования. В «Очерках» уделяется внимание сюжетам создания Министерства народного просвещения – первого в истории России центрального органа, регулирующего развитие образования, а также положениям школьного Устава 1804 г., где нашли отражение «наиболее прогрессивные, проникнутые гуманизмом идеи воспитания, характерные для эпохи Просвещения»[64].

Стоит также отметить монографию Т. В. Филоненко, посвященную реформам просвещения в России XIX – первой трети XX вв.[65]. Исследователь дает подробную характеристику политики правительства в сфере народного

---

[61] Гончаров Ю. М. Очерки повседневной жизни горожан Сибири второй половины XIX - начала XX в. Барнаул, 2014; Кошман Л. В. Город и городская жизнь в России XIX столетия: социальные и культурные аспекты. М., 2008; Куприянов А.И. 1) Городская культура русской провинции конец XVIII – первая половина XIX в. М., 2007; 2) Русский город в первой половине XIX в.: общественный быт и культура горожан Западной Сибири. М., 1995.

[62] Глущенко П.П., Шейко В. В. История становления и развития института образования в России. СПб., 2004; Гуркина Н.К. История образования в России (X-XX века). СПб., 2001; Кивлева Н.В. Становление образования в России. СПб., 2012.

[63] Очерки русской культуры XIX в.: В 3 т. Т. 3: Культурный потенциал общества. М., 2001.

[64] Там же. С. 14.

[65] Филоненко Т.В. Реформы и контрреформы: история школьных систем в России XIX – первой трети XX веков. Воронеж, 2004.

просвещения, анализируя школьные Уставы (1804, 1828, 1864, 1884 гг.). В работе освещаются вопросы подготовки и организации реформ, их проведения и итогов в общероссийском масштабе. Автор указывает на циклический и линейный аспекты развития школьного образования. Циклические процессы (подъемы и спады) проявлялись на всех этапах проведения школьных реформ, а линейные – в накоплении положительного исторического опыта, на основе которого осуществлялось дальнейшее развитие. Несмотря на противоречивость школьных реформ, система учебных заведений сохраняла внутреннее единство.

Модернизация российского образовательного пространства конца XIX – начала XX в., вопросы развития национальных школ, этнического компонента в образовании представлены в монографии Т. Ю. Красовицкой[66], а также в работах Д. С. Ткаченко[67].

Широкий круг проблем, связанных с зарождением в XVIII в. системы общеобразовательной школы и ее развитием в XIX – начале XX вв. освещается в монографии Е. К. Сысоевой[68]. В книге рассматриваются основные законодательные акты о школе, сословная политика, женское образование, школы для взрослых. Автор ставит в центр изучения истории школы историко-культурные проблемы. По мнению автора к ним относятся «изменения в сфере просвещения народа на протяжении более чем двух веков, изменения, различные по своей знаковости, происходившие как по инициативе «сверху», так и в результате «подвижек» в сознании

---

[66] Красовицкая Т.Ю. Модернизация российского образовательного пространства. От Столыпина к Сталину (конец XIX в. – 1920-е гг.). М., 2011.

[67] Ткаченко Д.С. 1) Национальное просвещение в Российской империи в XIX - начале XX вв. (На примере Ставрополья, Кубани и Дона): Ставрополь, 2002; 2) Школьное образование в этнокультурной политике на Северном Кавказе XIX - начала XX вв.: Ставрополь, 2009.

[68] Сысоева Е.К. 1) Московский университет и общеобразовательная школа в XVIII – начале XX в. // Вопросы истории. 2008. № 6. С. 118-127; 2) Школа в России. XVIII-XX вв.: власть и общество М., 2015

просвещенных кругов и более широких – демократических слоев общества»[69]. Особое место в работе занимает школьная повседневность.

Работы последнего десятилетия, посвящены страницам истории создания Министерства народного просвещения, деятельности его руководителей, а также основным принципам реализации реформ в системе просвещения[70]. Так, например, по мнению В. Ф. Хотеенкова и Ю. П. Господарика, в основе реформы 1804 г. принципы «универсальности образования, энциклопедизма, научности, свойственные эпохе Просвещения сочетались с государственным подходом к делу образования»[71].

Современные работы по истории высшей и средней школы дореформенной России преимущественно сосредотачиваются на изучении отдельных учебных заведений, или одной ступени школьной иерархии (например, высшей школы) в контексте правительственной политики[72]. В связи с этим, важно отметить появление в российской историографии новых работ, освещающих взаимоотношения между университетами и

---

[69] Сысоева Е.К. Школа в России. XVIII – XX вв. М., 2015. С. 9.

[70] Андреев А.Ю. Ф.-С. Лагарп и разработка реформы народного образования в России // Российская история. № 6. 2010. С. 40-47; Жуковская Т.Н. 1) Просветительные проекты «молодых друзей» и создание Министерства народного просвещения // Власть, общество, армия: от Павла к Александру I. Сб. науч. ст. СПб., 2013. С. 181-192; 2) С.С. Уваров и Кирилло-Мефодиевское общество или кризис «официальной народности». Русская история и историческая мысль XIX-XX вв.: сб. ст. в честь 75-летия А.Н. Цамутали. СПб., 2006. С. 196-207; Калинина Е.А. 1) Основные принципы реформирования государственного управления народным просвещением в России в первой половине XIX в. // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов. 2014. № 6 (44). Ч. 1. С. 78-81; 2) Реформа среднего и начального образования в России при Николае I // Вопросы образования. 2013. № 4. С. 227-245; Latawiec K., Górak A., Legieć J., Bogdanov S. Naczelnicy organów rosyjskiej administracji specialnej w Królestwie Polskim w latach 1839-1918. T. 1. Ministerstwo Oświecenia Publicznego. Lublin, 2015.

[71] Хотеенков В.Ф., Господарик Ю.П. Министерство народного просвещения: страницы истории // История и обществознание в школе. 2003. № 1. С. 3.

[72] Иванов А.Е. 1) Высшая школа России в конце XIX – начале XX века. М., 1991; 2) Университеты Российской империи XVIII – начала XIX века. Типология, формирование системы // Страницы истории: Сб. науч. ст., посвящ. 65-летию со дня рождения профессора Г.А. Тишкина. СПб., 2008. С. 161-175; Марголис Ю.Д., Тишкин Г.А. «Единым вдохновением»: Очерки истории университетского образования в Петербурге в конце XVIII – первой половине XIX в. СПб., 2000.

провинциальными учебными заведениями в 1804-1835 гг. Проблемы механизма управления системой просвещения, а также характер взаимодействия между ее звеньями стали предметом публикаций Т. Н. Жуковской и Е. А. Калининой, в которых на примере Санкт-Петербургского учебного округа, реконструируется модель управления училищами на местах, сложившаяся в 1800-1830-х гг., стержнем которой был Петербургский университет. Авторы представляют важную, но малоизученную функцию дореформенного университета, которому было передано управление всеми училищами на территории подведомственного учебного округа, включающего три губернии Европейского Севера России[73]. Стоит заметить, что вопросы взаимоотношений высшей и средней школы представлены также и в диссертационных исследованиях[74].

Особое значение для нашей работы приобретают диссертации, посвященные истории становления и развития системы народного

---

[73] Жуковская Т.Н. 1) Петербургский университет первой трети XIX в. в городском пространстве // Социальная история. 2010. С. 41-67; 2) «Императорский университет»: система высочайшего вмешательства в жизнь университетов в первой половине XIX в. // Власть, общество и реформы в России в XIX – начале XX века. Исследования, историография, источниковедение. СПб., 2009. С. 74-89; 3) Российские университеты при Александре I и традиции европейского образования // Страницы российской истории. Межвуз. сб. к 60-летию Г.А. Тишкина. М., 2001. С. 92-113; 4) Университеты в годы наполеоновских войн // Санкт-Петербургский университет в XVIII-XX вв. Европейские традиции и российский контекст: Труды междунар. науч. конф. 23-25 июня 2009 г. СПб., 2009. С. 22-37; См. также: Жуковская Т.Н., Калинина Е.А. 1) От азбуки до университета»: административная деятельность Санкт-Петербургского университета в учебном округе в первой половине XIX // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. № 2. История. Вып. 2. 2014. С. 22-32; 2) «Просвещенная провинция»: Олонецкая губерния в составе столичного учебного округа в первой половине XIX в. // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2011. Ноябрь. № 7. Т. 2. С. 12-18. 3) Эвакуация Петербургского Педагогического института в 1812 г. // 1812 год в судьбах России и Европы: сб. тр. межд. науч. конф. СПб., 2012. С. 148-157; Жуковская Т. Н., Ростовцев Е.А. Образование в своем Отечестве: университетская политика Николая I, идеология и прагматика // Родина. 2013. № 3. С. 90-93.

[74] Ершов А.Г. Влияние Московского университета на развитие государственной системы образования в России, 1755 – середина XIX века: Автореф. дис. …канд. ист. наук. М., 2003; Захаратос Д.А. Московский учебный округ 1804-1835: Создание государственной системы образования и подготовка педагогических кадров: Автореф. дис. …канд. ист. наук. М., 2003.

просвещения в отдельных регионах России[75], а также на национальных окраинах, где авторы показывают этническую составляющую школьной политики[76]. Для составления целостного образа системы просвещения в ее перспективе нами привлечены диссертационные исследования, раскрывающие суть образовательных реформ второй половины XIX в. – начала XX в., поскольку многие авторы обращались к историческому прошлому народного образования России, анализируя итоги реформ Александра I и Николая I[77].

История просвещения в Российской империи первой половины XIX в. стала привлекать внимание современных историков. Многие исследователи, освещая темы, связанные с обучением в российских учебных заведениях, а также конкретной деятельности губернских училищных дирекций, уделяют особое внимание проблемам

---

[75] Давитлидзе Г.Г. Общеобразовательная школа Кубани в системе народного просвещения Российской империи: Автореф. дис. …канд. ист. наук. Краснодар, 2007; Дашкевич Л.А. Городская школа в общественной и культурной жизни Урала конца XVIII – первой половины XIX века: Автореф. дис. …докт. ист. наук. Екатеринбург, 2007; Егорова М.В. Развитие системы среднего образования на Урале (1808-февраль 1917 г.): Автореф. дис. …докт. ист. наук. М., 2009; Иерусалимская С.Ю. Исторический опыт функционирования системы народного образования Верхнего Поволжья в XIX в.: от становления до модернизации: Автореф. дис. …докт. ист. наук. Москва, 2015; Леонтьева Т.М. Развитие региональной системы образования в Смоленской губернии в XIX в.: Автореф. дис. …канд. пед. наук. Смоленск, 2002; Оторочкина А.Е. Народное образование в губерниях Верхней Волги в первой половине XIX века: Автореф. дис. …канд. ист. наук. Ярославль, 2005.

[76] Анохина И.А. Просвещение нерусских народов Среднего Поволжья во второй половине XIX – начале XX века: Автореф. дис. …канд. ист. наук. Пенза. 2009; Илюха О.П. Школа и детство в карельской деревне в конце XIX – начале XX вв.: модернизация и этнокультурная традиция: Автореф. дис. …докт. ист. наук. СПб, 2010; Саматова Ч.Х. Школьная политика самодержавия в отношении татар-мусульман во второй половине XIX – начале XX вв. (на примере Казанского учебного округа): Автореф. дис. …канд. ист. наук. Казань, 2010; Санженаков И.М. Развитие просвещения и образования инородцев Горного Алтая в XIX – начале XX вв.: Автореф. дис. …канд. пед. наук. М., 2008; Созаев А.Б. Народное образование в Терской области в 60-х гг. XIX в. – 1917 г.: Автореф. дис. …канд. ист. наук. Владикавказ, 2009.

[77] Мащенко Т.А. Русская классическая гимназия во второй половине XIX века: На материалах Среднего Поволжья Автореф. дис. …канд. ист. наук. Самара, 2000; Шаркова Г.А. Преподаватели общеобразовательных средних учебных заведений Москвы в конце XIX – начале XX века: Автореф. дис. …канд. ист. наук. М., 2007; Щеблякова Е.Н. Состояние образования и проблемы учительства Восточной Сибири: вторая половина XIX – начало XX века: Автореф. дис. …канд. пед. наук. Иркутск, 2006.

функционирования пансионов при гимназиях, городских общественных училищ, частных учебных заведений[78].

Для нас важны и работы исследователей, специализирующихся на смежных с нашей темах. Вопросы религиозной политики государства в XIX – начале XX в. и история духовных учебных заведений стали предметом широкого исследовательского внимания. Так, в своей новаторской монографии Е. А. Вишленкова реконструирует идеологию «евангельского государства» 1810 – начала 1820-х гг., где церковное и светское просвещение объединяются. И хотя это был короткий период клерикализации преподавания, но он нашел отражение и на школьном уровне[79]. По мнению авторитетного историка церковно-государственных отношений И. К. Смолича, целью созданных Духовным ведомством школ должно было стать воспитание народа в духе верности церкви и царской власти[80].

Большое внимание современные авторы уделяют учебным заведениям Духовного ведомства. В работе М. Н. Костиковой особо подчеркивалось, что вероисповедная политика духовных властей в сфере образования оказывалась средством достижения правительственной задачи, направленной на укрепление российской государственности[81]. В исследованиях раскрывается роль Святейшего Синода в развитии народного образования, а также деятельность приходских священников по созданию школ в сельской местности[82].

---

[78] Андреев А.Л. Отечественное образование во второй четверти XIX века // Педагогика. 2000. № 4. С. 78-86; Колягин Ю.М., Савина О.А., Тарасова О.В. Организация народного образования в России. Первая половина XIX в. // Начальная школа. 2004. № 4. С. 120-128; Полякова Н.В. Образование в России в первой половине XIX в. // Социально-гуманитарные знания. 1999. № 2. С. 147-163; Сысоева Е.К. К истории начального образования в России в первой четверти XIX в.: Училищный устав 1804 г.: идеи и их реализация // Вестник Московского государственного университета. Сер. № 8. История. 1998. № 5. С. 14-29.

[79] Вишленкова Е.А. «Заботясь о душах подданных»: религиозная политика в первой четверти XIX века. Саратов, 2002.

[80] Смолич И.К. История Русской церкви (1700-1917) // Народное образование в трудах историков русской церкви. Владивосток, 2000. С. 153-190.

[81] Костикова М.Н. Вероисповедная политика Министерства народного просвещения в учебных округах Российской империи в XIX веке. Курск, 2001. С. 12.

[82] Калинина Е.А. Взаимодействие государства и церкви в деле народного просвещения в первой четверти XIX в. (по материалам по истории начальной школы

Интересны новые работы по региональной истории народного образования, которые основаны на местном материале и содержат богатый фактический материал по отдельным губерниям[83].

Особое внимание современных исследователей вызывают проблемы развития различных типов учебных заведений, действовавших в первую половину XIX в.: гимназий, уездных и приходских училищ, пансионов, лицеев и др. Часть работ посвящалась истории гимназий, где авторы подробно раскрывают процесс их создания, способы и формы учебной и организацию воспитательной работы, деятельность училищных чиновников и педагогов, положение гимназистов. В данных исследованиях сделан вывод о том, что гимназии составляли основу образовательной системы провинциального пространства, являлись базовыми учебными заведениями для подготовки учащихся к дальнейшему обучению в университетах. Они готовили преподавателей для системы начальной и средней школы[84]. Подводя итоги деятельности гимназий в XIX в. Т. Н. Кандаурова сделала вывод о том, что «за этот

Северных губерний России) // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. 2014. № 4. С. 3-13; Прокопенко Р.Г. Церковно-приходские школы в системе начального народного образования в России в XIX – начале XX века: Автореф. дис. …канд. ист. наук. Пятигорск, 2011.

[83] Артамонова Л.М. 1) Деревянная голова Минервы: самарское общество и народное просвещение при Александре I // Родина. № 7. 2011. С. 86-88; 2) Политика в сфере народного просвещения в Поволжье (XVIII – первая половина XIX в.) // Российская история. 2013. № 2. С. 101-113; Логинова О. А., Логинов О. Н. Учебно-воспитательный процесс в гимназиях дореволюционной России (на примере гимназий Пензенской губернии). Пенза, 2009; Майорова А.С. Учебные заведения в повседневной жизни Саратова в первой половине XIX века // URL: www.sgu.ru/faculties/historical/ sc. publication /vseob.hist./povsednevnost/default.php (дата обращения 16. 04. 2016 г.); Михащенко А.Л. Становление и развитие образования в Российской провинции в 1719-1917 гг. Курган, 2004; Иерусалимская С.Ю., Иерусалимский Ю.Ю. Народное образование в Угличском крае в XIX – начале XX вв.: от приходских училищ к всеобщему обучению. Ярославль, 2006.

[84] Калинина Е. А. У истоков гимназического образования: провинциальные гимназии при Александре I // Вестник Волгоградского государственного университета. 2011. Сер. № 4. № 1 (19). С. 13-17; Кондратьева Г. В. Экзамены на аттестат зрелости в гимназиях: (по материалам второй половины XIX в.) // Открытая школа. 2006. № 2. С. 40-43; Лещиков В.Н. Псковская мужская гимназия в 1833-1855 гг. // Псков. 2011. № 34. С. 56-65; Стрельцов А.А. Гимназическое образование: прошлое и настоящее // Педагогика. № 7. 2007. С. 68-77; Христофорова Н.В. Российские гимназии XVIII – XX веков. На материале Москвы. М., 2001.

период отечественная школа добилась значительных успехов в своем развитии. В начале века Россия располагала тремя гимназиями, а к концу она уже имела представительную систему учебных заведений, игравших значительную роль в формировании научно-образовательного потенциала российской провинции и страны в целом»[85].

В целях рассмотрения целостного восприятия общих направлений политики правительства в сфере народного образования для нашего диссертационного исследования также важна тема по истории создания лицеев, «как училищ высших наук», занимающих среднее положение между университетами и гимназиями, которая стала новым направлением в российской историографии по истории российского просвещения[86].

Ряд исследователей занимаются вопросами деятельности благородных пансионов при университетах и губернских гимназиях[87]. Монография В. В. Пономаревой и Л. Б. Хорошиловой, посвященная Благородному пансиону при Московском Императорском университета (1779–1830) показывает его роль в истории русской культуры. Этот труд важно упомянуть, поскольку Пансион заложил основы нового русского образования, став образцом для будущих классических гимназий.

Особый интерес представляют работы петербургских ученых Т. И. Пашковой, А. Н. Шевелева, которые на основе архивных и документальных

---

[85] Кандаурова Т. Н. Из истории провинциальной гимназии в России XIX в. // Педагогика. 2001. № 3. С. 72.

[86] Волкова Н. В. Событийный характер организации жизнедеятельности лицеев XIX века (на примере Царскосельсельского лицея) // «MagisterDixit» - научно-педагогический журнал Восточной Сибири № 1 (03). URL:http://md.islu.ru/ (дата обращения 08. 02. 2010 г.); Егоров А. Д. Лицеи России (Опыт исторической хронологии) в 5 кн. Иваново, 1993-1995; Игнатовец Л. М. Проекты учреждения лицеев в Беларуси в 20-30 гг. XIX в. // Веснік Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта. 2012. № 3. С. 15-19; Некрасов С. М. Лицейская лира. Лицей в творчестве его воспитанников. М., 2007; Павлова С. Императорский Алесксандровский (бывший Царскосельский) лицей. СПб., 2002.

[87] Диссон Ю.А. Лицеи и благородные пансионы в системе народного просвещения России в первой трети XIX века: Автореф. дис. …канд. ист. наук. М., 2008; Пономарева В.В., Хорошилова Л.Б. 1) Университетский благородный пансион. 1779-1830. М., 2005; 2) Университетский благородный пансион в исторической памяти: документы и литература // Вестник Московского университета. Сер. № 8. История. 2006. № 3. С. 14-28.

материалах раскрыли исторический путь столичных учебных заведений на протяжении XIX – начала XX вв[88]. Особое значение в нашем исследовании имеют исследования Т. И. Пашковой, отражающие сюжеты повседневной жизни учащихся петербургских школ[89].

Проблемы развития частных школ в исследуемое время также являются одним из новых направлений исследования истории просвещения[90]. Существенное значение для раскрытия темы диссертации имеют работы, посвященные женскому образованию[91]. Как отметила в своей работе Н. А. Дмитриева, с начала XIX в. в России «оформились две

---

[88] Пашкова Т. И. 1) Гимназии и реальные училища дореволюционного Петербурга 1805-1917 гг.: исторический справочник. СПб, 2015; 2) Чему и как учились первые российские гимназисты // Преподавание истории в школе. 2010. № 8. С 59-63; Шевелев А. Н. 1) Петербургская дореволюционная школа как историко-образовательный феномен. СПб., 2013; 2) Образовательная урбанистика: историко-педагогические аспекты изучения школьной среды петербургских дореволюционных учебных заведений. СПб., 2008.

[89] Пашкова Т. И. 1) Бытовая дисциплина в петербургских гимназических пансионах первой половины XIX в. // Антропологический форум. 2016. № 31. С. 86-112; 2) Господа гимназисты (повседневная жизнь петербургских школьников первой половины XIX века) // История Петербурга. 2007. № 4(38). С. 20-31.; 3) Дисциплина внешнего вида, или Дресс-код петербургских школьников первой половины XIX в. // Герценовские чтения 2015.СПб., 2016. С. 58-64; 4) Организация учебной дисциплины в петербургских мужских гимназиях первой половины XIX в. // Научно-методический электронный журнал «Концепт». – 2016. – Т. 15. – С. 726–730. – URL: http://e-koncept.ru/2016/96057.htm (дата обращения 14 августа 2017 г.).

[90] Калинина Е.А. Развитие частных школ в первой половине XIX в. (на примере Олонецкой губернии) // Вестник Московского городского педагогического университета. Сер. Исторические науки. 2014. № 4 (16). С. 15-22; Колосова Е.М. Домашнее обучение в середине XIX в. // Universum: Вестн. Герценовского ун-та. 2010. № 7. С. 68-71; Ожегова Е.Ю. Развитие частных пансионов и школ в Саратовской губернии в XIX – начале XX века // Известия Пензенского государственного педагогического университета. Общественные науки. 2006. № 2 (6). С. 97-100; Кондратьева Г.В. Репетиторство в XIX веке // Педагогика. 2008. № 7. С. 72-77; Сергеева С.В. Частное образование в России (Последняя четверть XVIII – первая половина XIX вв.). Пенза, 2000.

[91] Игнатовец Л.М. Женское образование на территории Беларуси во второй четверти XIX в. // Христианство в европейской и мировой истории. Сб. док. XX юбилейных междун. Кирилло-Мефодиевских чтений (24 мая 2014 г.). Минск, 2015. С. 97-101; Паршина В.Н. К вопросу о гендерном аспекте в истории народного образования в России // Известия Пензенского государственного педагогического университета. Гуманитарные науки. 2007. № 4 (8). С. 104-109; Усачева Р.Ф. Женское образование в системе николаевских школьных контрреформ второй четверти XIX века // Образование в современной школе. 2002. № 7. С. 48-63; Христофорова Н.В. Женские гимназии в России // Педагогика. 1998. № 4. С. 70-76.

самостоятельные ветви женского образования – закрытые, подчиненные ведомству императрицы [Марии Федоровны. – *Е. К.*], и открытые женские учебные заведения (приходские школы Министерства народного просвещения и частные пансионы и школы)»[92]. Исследователи отражают проблемы развития женских школ и в диссертационных исследованиях[93].

Несомненно, главную роль в организации учебно-воспитательного процесса играл учитель. Он был приводным ремнем, наполнявшим распоряжения центральных и местных органов управления образованием практическим содержанием, и посредником между властью, учащимися, их родителями и не вовлеченным в школьную жизнь населением. Работы М. В. Егоровой, М. В. Ломакиной, A. Massalski, А. Н. Шевелева и др. имеют большое значение в изучении формирования российской учительской корпорации. В них рассмотрены вопросы о состоянии педагогических кадров в XIX – начале XX вв., проанализированы правительственные указы, регламентирующие социально-правовое положение учителей[94]. Вопросы правового и материального положения учительства нашли свое отражение в диссертациях О. М. Казаковой, Н. В. Фирсовой, которые рассматривают основные направления и формы социальной активности учительства, содержание общественно-

---

[92] Дмитриева Н.А. Процесс формирования системы женского образования в России в XIX в. как объект исторического исследования // Известия Российского государственного педагогического университета им. И. А. Герцена. 2008. № 29 (65). С. 108.

[93] Дмитриева Н.А. Становление системы женского образования в российской провинции (1800-1880 гг.): Автореф. дис. …канд. ист. наук. Брянск, 2008; Шилина Т.А. Эволюция женского образования в России: государственная политика и общественная инициатива: Автореф. дис. …канд. ист. наук. Саратов, 2010.

[94] Егорова М.В. 1) Повседневная жизнь учащихся и учителей Урала в XIX – начале XX вв. М., 2008; 2) Положение уральского учителя средней школы в XIX – начале XX в. // Вопросы истории. 2010. № 1. С. 142-147; Калинина Е.А. «Мы утешали себя тем, что работали для народа» (учителя гимназий Русского Севера в первой половине XIX века) // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2009. № 8. С. 15-24; Ломакина М.В. Профессиональная подготовка учителей гимназий в первой половине XIX века // Образование в современной школе. 2006. № 2. С. 58-63; Massalski A. Słownik biograficzny. Nauczyciele szkół średnich rządowych męskich w Krolestwie Polskim 1833-1862. Warszawa, 2007; Шевелев А. Н. Петербургские учительские династии XIX-XX вв. СПб., 2010.

педагогической деятельности, духовный облик этой профессиональной группы в составе дореволюционной интеллигенции[95].

В последнее десятилетие ведется поиск новых подходов к оценке прошлого, требующий комплексного анализа правительственной политики в сфере народного просвещения. Эти подходы находят свое место в диссертациях, написанных не только по материалам различных регионов, но в фокусе общероссийских процессов[96]. Важно отметить, что значительная часть диссертационных исследований посвящены различным аспектам истории средней и начальной школы[97]. Авторы на большом фактическом материале выявили основные закономерности формирования системы российского просвещения, а также процессы взаимодействия государства и общества в организации школьного обучения. Этапы развития общеобразовательной школы в России в XIX в., проблемы организации системы учебных заведений в целом по стране или в отдельных губерниях, взаимоотношения власти и общества в сфере образования, роль школы в общественной и культурной жизни города, составление учебной литературы

---

[95] Еремина Т.И. Законодательное регулирование правового статуса учителей в начале XX века: Автореф. дис. …канд. юрид. наук. СПб, 2006; Казакова О.М. Провинциальное учительство в XIX – начале XX веков: Автореф. дис. …канд. ист. наук. Киров, 2009; Морозова В.В. Правовой и социальный статус учителей дореволюционной России: Автореф. дис. …канд. юрид. наук. Нижний Новгород, 2007; Неупокоев И.В. Учительство Тобольской губернии во второй половине XIX – начале XX века как социопрофессиональная группа: Автореф. дис. …канд. ист. наук. Курган, 2006; Фирсова Н.В. Подготовка учителей для народных училищ в последней трети XVIII – первой половине XIX века: Автореф. дис. …канд. ист. наук. СПб., 2007.

[96] Кораблина Л.Н. Народное образование провинциального города второй половины XVIII – первой половины XIX вв.: Автореф. дис. …канд. ист. наук. Воронеж, 2002; Матвеева М.В. Цензура и школа в России в первой четверти XIX века: Автореф. дис. …канд. ист. наук. М., 2004; Поникарова Н.М. Министерство народного просвещения и школьное образование по русской истории: Автореф. дис. …канд. ист. наук. М., 2005; Шилина Е.В. Развитие образования в России в XIX веке: Автореф. дис. …канд. ист. наук. М., 2008.

[97] Костюкова А.В. Начальное народное образование в Новгородской губернии в дореформенный период (1802-1864 гг.): Автореф. дис. …канд. ист. наук. СПб., 2005; Никитина Н.В. Развитие просвещения и культуры в российской провинции в конце XVIII – первой половине XIX вв.: Автореф. дис. …канд. ист. наук. Смоленск, 2006; Русак С.Н. Становление и развитие среднего образования на Ставрополье в условиях реформирования системы народного просвещения в XIX – начале XX в. (на примере Ставропольской мужской гимназии): Автореф. дис. …канд. ист. наук. Пятигорск, 2005.

и школьных учебников по отечественной истории также стали предметом исследования[98].

Исследователями обобщен и опыт создания школьных учебников, изменение методики преподавания различных учебных дисциплин в рассматриваемое время, в частности, древних и новых языков[99].

Анализ накопленного историко-педагогического материала, сущность методической работы на уроках, особенности авторских методов обучения (А. А. Язвинского, В. А. Эртеля и др.), а также специфика преподавания Закона Божьего[100], русской словесности[101], арифметики[102] стали основными предметами изучения современных исследователей.

---

[98] Артамонова Л.М. Просвещение, власть и общество в русской провинции XVIII – начала XIX вв.: Автореф. дис. …докт. ист. наук. Самара, 2002; Володина Т.А. Учебная литература по отечественной истории как предмет историографии: Автореф. дис. …докт. ист. наук. М., 2004; Куршева Г.А. Общество, власть и образование в России в конце XIX – первой трети XX в.: Автореф. дис. …докт. ист. наук. Саранск, 2007; Филоненко Т.В. Этапы развития общеобразовательной школы в России: Автореф. дис. …докт. ист. наук. Воронеж, 2004; Фукс А.Н. Школьные учебники по отечественной истории как историографический феномен: Автореф. дис. …докт. ист. наук. М., 2011.

[99] Головина Н.В. Обучение иностранным языкам в России в XVIII – XIX вв. // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов. 2013. № 8 (26). Ч. 2. С. 49-53; Максимова С.Н. Преподавание древних языков в русской классической гимназии XIX – начала XX века. М., 2005; Паршуткина Т.А. Интеграция подходов в обучении иностранным языкам в XIX в. // Ученые записки Забайкальского государственного педагогического университета. 2011. № 6. С. 152-157; Пашков А.М. Преподаватели древнегреческого языка и латыни в Петрозаводской губернской гимназии в XIX – начале XX в. // Россия и Греция: диалоги культур. Мат-лы I межд. конф. Ч. 2. Петрозаводск, 2007. С. 49-63; Рост Ю.Н. Преподавание английского языка в российских учебных заведениях в первой половине XIX века: Автореф. дис. …канд. культуролог. наук. М., 2007.

[100] Калинина Е.А. Закон Божий в русских школах в первой половине XIX века // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. 2014. Сер. № 2. Вып. 4 (59) июль-август. С. 85-97; Тихомирова Е.Е. Преподавание Закона Божьего в гимназии глазами современников (вторая половина XIX–начало XX века. // URL: http:// www. gf.nsu.ru/rizhsky. (дата обращения: 01. 12. 2013).

[101] Гетманская Е.В. Взаимосвязи гимназического и университетского литературного образования в России XIX – начала XX века. М., 2012; Смирнов С.В. Отечественные филологи-слависты середины XVIII – начала XX вв. М., 2001.

[102] Колягин Ю.М. Школьный учебник математики: в прошлом и настоящем // Математика в школе. 2003. № 2. С. 72-76; Кондратьева Г.В. 1) О преподавании геометрии в XIX веке // Образование в современной школе. 2005. № 6. С. 53-64; 2) Сколько уроков математики должно быть в школе: (историко-ретроспективный обзор практики преподавания математики в российской школе) // Математика в школе. 2013. № 5. С. 65-71; 3) Школьное математическое образование: XIX и XXI века: (сравнительный анализ основных показателей) // Образование в современной школе. 2006. № 1. С. 51-57.

Особое внимание исследователи уделяют изучению содержания и методики преподавания отечественной истории как предмета, формирующего гражданское сознание. В частности, в работах Т. А. Володиной по истории создания школьных учебников по отечественной истории показаны основные направления создания учебных пособий, сделан подробный анализ их содержания, идейной и методологической основы[103]. Ряд авторов, анализируя цели и задачи школьного исторического курса, в своих исследованиях представляют этапы его становления и развития, а также формирование программ обучения, организацию методики преподавания[104].

Что касается отражения этноконфессиональной политики в школьном строительстве на приграничных северных территориях, то эти сюжеты подробно разработаны в трудах О. П. Илюхи и М. В. Пулькина, которые отмечают особенности русификации народов Европейского Севера России, в частности, трудности преподавания основ русской грамоты в начальных школах детям карельской национальности. В работах М. В. Пулькина представлена деятельность Училищного и Духовного ведомств по созданию

---

[103] Володина Т.А. 1) «Дилетанты» и «профессионалы»: к вопросу о периодизации развития исторической науки в конце XVIII – первой трети XIX века // Отечественная история. 2003. № 4. С. 122-130; 2) К 200-летию первого школьного учебника российской истории // Преподавание истории в школе. 1999. № 7. С. 54-60; 3) Уваровская триада и учебники по русской истории // Вопросы истории. 2004. № 2. С. 117-128; 4) У истоков «национальной идеи» в русской историографии // Вопросы истории. 2000. № 11/12. С. 3-19; 5) Учебники Отечественной истории как предмет историографии: середина XVIII – середина XIX в. // История и историки. 2004. № 1. С. 104-136.

[104] Каргаполова А.Г. Периодизация становления в Российской школе учебной дисциплины «Отечественная история» // Педагогическое образование в России. 2008. № 2. С. 80-86; Кочева О. А. Этапы становления и развития школьного начального исторического курса // URL: http://ahey.narod.ru/sborniki/pch4/pch4-kocheva.htm (дата обращения 25. 12. 2013 г.); Курукин И. «Знать историю, а паче своего Отечества» // Родина. 1999. № 3. С. 10-15; Перхавко В.Б. Периодизация истории в учебной литературе XVIII – начала XX века // Преподавание истории в школе. 2008. № 6. С. 4-9; Соколов С.В. Учебная литература по истории (вторая половина XVIII – начало XIX в.). О происхождении варяжской Руси и образование древнерусского государства // Вестник Томского государственного университета. Сер. История. 2012. № 4. С. 32-35; Студеникин М.Т. 1) Методика преподавания истории в русской школе XIX- начала XX в. М., 2016; 2) Становление и развитие методики обучения истории в XVIII-XIX вв. // Преподавание истории и обществознания в школе. 2008. № 1. С. 9-14.

переводов священных книг на карельский язык, а также организация преподавания карельского языка в Олонецкой духовной семинарии[105].

В 2001 г. вышла «История Карелии с древнейших времен до наших дней», где один из разделов посвящен развитию системы народного образования в Олонецкой губернии в изучаемый период[106].

В Архангельске, Вологде и Петрозаводске регулярно проходят краеведческие и научно-практические конференции «Краеведческие чтения», «Православие в Карелии», где поднимаются вопросы по истории народного просвещения в первой половине XIX в. Опубликованные материалы в специальных сборниках свидетельствуют о большом интересе исследователей к школьной истории.

Большой фактический материал по становлению и развитию системы образования XIX в. содержится в трудах энциклопедического характера[107], материалах различных конференций[108], а также в отдельных краеведческих

---

[105] Илюха О.П. 1) Родной язык в школах Беломорской Карелии во второй половине XIX – начале XX вв. // Беломорская Карелия: история и перспективы развития. Мат-лы науч.-практ. конф. Калевала. 18 ноября 1999 г. Петрозаводск, 2000. С. 26-29; 2) Отношение карелов Олонецкой губернии к школе и образованию (конец XIX начало XX в.) // Гуманитарные исследования в Карелии. Сб. ст. к 70-летию ИЯЛИ. Петрозаводск. 2000. С. 43-49; 3) Языковая среда сельской школы в Карелии в конце XIX – начале XX вв.// Финно-угорский мир. 2009. № 1. С. 43-55; Пулькин М.В. 1) «Инородческая школа» на Европейском Севере России (конец XIX – начало XX в. // Бубриховские чтения. Проблемы исследования и преподавания прибалтийско-финской филологии. Петрозаводск. 2005. С. 237-249; 2) Начальное образование для «инородцев» на Европейском Севере России (конец XIX – начало XX в.) // Антропологический форум. 2006. № 4. С. 163-175; 3) Межэтническое взаимодействие в православных приходах Олонецкой епархии: пути и формы преодоления языкового барьера (XVIII-начало XX века) // Нестор. 2000. № 1. С. 275-290; 4) Политика русификации в XIX – начале XX века (по материалам Архангельской и Олонецкой губерний) // Новая политическая история. Сб. науч. работ. СПб., 2004. С. 191-206.

[106] История Карелии с древнейших времен до наших дней. Петрозаводск, 2001. С. 181-342.

[107] Архангельск. 1584-1884: Фрагменты истории. Архангельск, 1984; История северного крестьянства. Т. 1. Крестьянство Европейского Севера в период феодализма. Архангельск, 1984; Поморская энциклопедия. Т. 1. История Архангельского Севера. Архангельск, 2001; Развитие образовательного пространства на Европейском Севере России. Архангельск, 2004.

[108] История и культура Архангельского Севера (досоветский период): межвузовский сб. науч. тр. Вологда, 1986; Квашнина Л.Н. Религиозно-нравственное воспитание в образовательном пространстве Архангельского Севера в XVIII – XIX веках // «Чистота спасет мир»: проблемы духовно-нравственного воспитания молодого поколения: сб. докл. Веркола, 2008. С. 21-40; М.В. Ломоносов и Арктика: мат-лы Межд. науч. конф., посв. 300-

работах[109]. Развитию народного образования в первой четверти XIX в. в Архангельской губернии посвящены работы Т. С. Буториной и Н. И. Кабринской[110].

Для нашего исследования интерес вызывает учебное пособие преподавателя Поморского государственного университета П. Т. Синицыной. Работа основана на архивных документах региональных и центральных архивов, в ней также использованы материалы периодической печати[111]. Очерки по организации различных типов учебных заведений в Вологодской губернии представлены в «Краеведческих альманахах»[112]. Различные аспекты по истории Олонецкой гимназии представлены в сборнике «Дом на площади»[113], а также материалы многочисленных научных и краеведческих конференций, где освещаются деятельность учебных заведений, взаимоотношения Олонецкой епархии и

летию со дня рождения великого российского ученого Михаила Васильевича Ломоносова (1711-1765 гг.): 21-24 июня 2011 г. Архангельск, 2011; Щуров Г.С. Очерки истории культуры Русского Севера, 988-1917. Архангельск, 2004.

[109] Сметанин В.А. 1) На пользу народного просвещения: Историко-краеведческие очерки о становлении и развитии учебных заведений на Каргополье и прилегающих местностях. Архангельск, 2009; 2) Учебные заведения дирекции народных училищ Архангельского наместничества. Архангельск, 2011.

[110] Буторина Т.С., Кабринская Н.И. 1) Состояние образования на территории Архангельской губернии в первой четверти XIX в. // Вестник Костромского государственного университета им. Н. А. Некрасова. 2010. Вып. 4. Т. 16. С. 245-248; 2) Учительские кадры Архангельской губернии в первой четверти XIX в. // Эмиссия. Офлайн URL: http://www.emissia.org/offline/2010/1453.htm (дата обращения 30 июня 2016 г.); Кабринская Н. И. Исторический опыт взаимодействия государства и общества в области образования в Архангельской губернии в первой четверти XIX в. // Проблемы и перспективы развития образования в России. 2012. № 16. С. 290-294.

[111] Синицына П.Т. Развитие народного образования на Европейском Севере (досоветский период): Учеб. пособ. Архангельск, 1996.

[112] Бахарев А.И. Этапы развития народного образования в Череповце: XIX – 80-е годы XX вв. // Череповец: краевед. альм. Вып. 2. Вологда, 1999. С. 397-424; Козина Г.Н. Вологодское купечество и школа (XVIII – начало XX века) // Вологда: Краевед. альм. Вып. 4. Вологда, 2003. С. 38-62; Макеева И.А. Первые женские средние учебные заведения в Вологодской губернии // Вологда: Краевед. альм. Вологда, 1997. Вып. 2. С. 663-575.

[113] Афанасьева А.И. Гимназия в системе народного образования в России XIX – начала XX вв. // Дом на площади. Петрозаводск, 2000. С. 37-40; Капуста Л.И. Главное народное училище – Олонецкая губернская мужская гимназия (строительство и архитектура) // Там же. С. 5-9; Пашков А.М. Олонецкая губернская гимназия в пушкинскую эпоху // Там же. С. 26-32; Полякова С.К. Из истории Олонецкой губернской гимназии (по архивным материалам) // Там же. С. 18-25.

дирекции училищ по созданию сельских школ[114]. Стоит выделить работы петрозаводских историков, освещающие страницы истории народного образования в первой половине XIX в.[115].

Особое место в новейшей историографии темы занимают исследования О. П. Илюхи, посвященные истории народной школы в Беломорской Карелии и в Олонецкой губернии в целом[116], а также социально-культурная среда детства в дореволюционной карельской деревне[117]. При этом в центре внимания исследовательницы оказываются два института социализации детей – семья как носительница традиции и школа как проводник новаций и канал модернизации деревни.

Проблемы народного образования в XIX в. стали предметом исследования современных зарубежных авторов. Исследователи истории просвещения в Российской империи K. Poznański и L. Szymański посвятили ряд работ образовательной политике на Западных окраинах, в частности, в

---

[114] Олонец: историко-краеведческие очерки. В 2-х ч. ПетрГУ. 1999; Олонецкая духовная семинария и православная духовность в Олонецком крае: мат-лы рег. конф., посв. 180-летию Олонецкой духовной семинарии (17-18 ноября 2009 г., г. Петрозаводск). Петрозаводск, 2012; Православие в Карелии: мат-лы респ. науч. конф. Петрозаводск, 2000, 2003, 2008.

[115] Дианова Е.В. Женщины в истории Петрозаводска. XVIII-XIX вв. Петрозаводск, 2003. С. 27-32; Ефимова В.В. Учреждение училища для детей канцелярских служителей в Олонецкой губернии // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов, 2013. № 12 (38). Ч. 2. С. 76-79.

[116] Илюха О.П. 1) Создание школьной сети и организация народного просвещения в Беломорской Карелии во второй половине XIX – начале XX в. // Исторические судьбы Беломорской Карелии. Петрозаводск, 2000. С. 64-183; 2) Школа и просвещение в Беломорской Карелии во второй половине XIX – начале XX в. Петрозаводск, 2002; 3) Проблемы народного образования в Олонецкой губернии в конце XIX – начале XX века // Вопросы Европейского Севера. Проблемы развития культуры: вторая половина XIX-XX вв. Петрозаводск, 2002. С. 9-23; 4) Традиционные и новые пути социализации подрастающих поколений в карельской деревне в конце XIX-начале XX вв. // Локальные традиции в народной культуре Русского Севера (Мат-лы IV Междунар. конф. «Рябининские чтения - 2003»). Петрозаводск. 2003. С. 178-181.

[117] Илюха О.П. 1) Дети и подростки в сфере экономических интересов карельской семьи в конце XIX – начале XX вв. // Вестник Самарского государственного университета. Гуманитарная сер. 2009. № 5 (71). С. 158-163; 2) Сельская школа и социальная защита детей в Карелии (конец XIX – начало XX вв.) // Диалог со временем: Альм. интеллектуальной истории. Вып. 26. 2009. С. 127-140; 3) Школа и детство в карельской деревне в конце XIX – начале XX века. СПб., 2007.

Варшавском учебном округе, входившем в состав России с 1839 г. в ведении которого были все общественные и частные учебные заведения Царства Польского. В них представлен анализ принципов государственной политики правительства России по организации и формированию системы училищ на территории западных окраин страны[118].

Особенности управления учебными заведениями и школьной политики в Царстве Польском раскрываются в исследованиях K. Poznański и J. Wolczuk. Авторы проводят реконструкцию системы образования и воспитания в Польше в 1831-1862 гг.[119]. S. Bogdanov и D. Szewczuk составили подробное историческое описание Радомской и Холмской дирекций училищ, соответственно, входивших в Варшавский учебный округ[120]. Основные этапы развития просвещения Белорусском учебном округе во второй четверти XIX в. представили С. А. Кузняева, С. А. Порошков, М. Я. Семенчик[121]. Реорганизация управления и деятельности учебных заведений в Белоруссии после присоединения этой территории к России, связь этих процессов с национальной и сословной

---

[118] Poznański K. Sprawa przebudowy oświaty i wychowania w Królestwie Polskiv po upadku powstania listopadowego. [w:] Studia z dzejów edukacji, wybór J. Miąso. Warszawa, 1994; Szymański L. Zarys polityki caratu wobec szkolnictwa ogólnokształcqcego w Królestwie Polskim w latach 1815-1915. Wroclaw, 1983; Walka caratu ze skołą polską w Królestwie Polskim w latach 1831-1870. Materiały źródlowe, wybór, wstęp i oparacowanie K. Poznański. Warszawa, 1993.

[119] Poznański K. Oświata i scołnictwow Królestwie Polskimw 1831-1869. Lata zmagań i nadziei, t. 1, Przebudowa system szkołnictwa I wychowania w Królestwie Polskim w latach 1831-1839. Warszawa, 2000; Wolczuk J. Rosija iI Rosijane w skołach Królestwie Polskiego 1833-1862. Szkice do obazu. Wroclaw, 2005.

[120] Bogdanov S. Naczelnicy Radomiskej Direkcji Szkolnej. Analizagrupy, [w:] Szkiecedriej ówradomiskei oćwiaty, pod. red. A. DuszykaiK. Latawca, Radom. 2014; Szewczuk D. 1) Chelmska Direkcja Naukoma. Struktura, kompetencje i personel, «Res Historica», T. 24, 2007; 2) Chelmska Direkcja Naukoma. Lublin, 2012.

[121] Кузняева С.А. Асвета на Беларусі ў першай палове XIX стагоддзя: тэндэнцыі развіцця // Актуальныя пытанні гісторыі Беларусі ад старажытных часоў да нашых дз□н: збонік артыкулаў. Мінск, 1992. С. 92-102; Парашкоў С.А. Адукацыя і асвета на Беларусі пасля далучэння се да Расійскай імперыі (канец XVIII – першая палова XIX ст.). Вуч. дап. для студэнтаў ВНУ. Магілеў, 1998; Сяменчык М.Я. Да пытання аб становішчы беларускага народа ў мікалаеўскую эпоху (1825–1855 гг.). Культурны аспект // Гісторыя матэрыяльнай і духоўнай культуры нацыянальнасцей Беларусі ў другой палове XVIII – першай палове XIX ст.: зб. навук. Минск, 1996. С. 3-42.

политикой, в том числе в период обособления Белорусского учебного округа, отражены в работах Л. М. Игнатовец[122].

Исследуя развитие школьного дела в первой половине XIX в., западные историки обращают особенное внимание на методы русификации системы образования, а также на проблемы методов обучения инородцев в русских учебных заведениях внутри Империи. Меры по русификации системы образования в Западных губерниях, заключались в закрытии учебных заведений при католических и униатских монастырях, учреждении вместо них государственных гимназий и уездных училищ согласно Уставу учебных заведений 1828 г., переводе преподавания во всех учебных заведениях на русский язык, введении общероссийского учебного плана, назначении учителей из внутренних российских губерний. Эти проблемы подробно освещаются в работах Л. М. Игнатовец[123].

Подводя итог обзору исторической литературы по теме исследования, следует отметить ее многочисленность и разнообразие, как в отношении отражения общероссийских процессов школьного строительства и управления школой, так и в освещении отдельных сюжетов из истории школы и просвещения на территории Европейского Севера. В монографиях, научных статьях, краеведческих исследованиях достаточно подробно рассмотрены вопросы подготовки и проведения образовательных реформ, отражено сотрудничество и соперничество правительства и различных

---

[122] Игнатовец Л.М. 1) Белорусский учебный округ: система управления // Ученые записки УО «Витебский государственный университет имени П.М. Машерова». 2011. Т. 12. С. 12-20; 2) Из истории образования Белорусского учебного округа // Народная асвета. 2011. № 2. С. 79-82; 3) Проекты организации системы просвещения в белорусских (Витебская и Могилевская) губерниях в конце 20-х – начале 30-х гг. XIX в. // Приложение к журналу «Весці Нацыянальнай акадэміі навук Беларусі»: в 5 ч. Ч. 2. Минск, 2012. С. 11-15; 4) Реорганизация системы образования в Виленской, Гродненской и Минской губерниях и Белостокской области во второй половине 20-х – 40-х гг. XIX в. // Веснік Гродзенскага дзяржаўнага ўніверсітэта. 2012. Сер. № 1. № 1. С. 6-11.

[123] Игнатовец Л.М. 1) Белорусский учебный округ: создание и деятельность (1829-1850 гг.): Автореф. дис. …канд. ист. наук. Минск, 2013. С. 14; 2) Русификация системы образования в Белорусском учебном округе: итоги и оценки // Працы гістарычнага факультэта БДУ: навук. зб. Вып. 8. Мінск, 2013. С. 52-61; 3) Русификация системы образования в Витебской и Могилевской губерниях (1830-1850 гг.) // Веснік Магілеўскага дзяржаўнага універсітэта. 2012. № 1. С. 21-27.

ведомств (Святейшего Синода, Министерства государственных имуществ, Министерства внутренних дел, и др.) в деле создания системы народного образования. Авторами исследованы различные аспекты деятельности общеобразовательных учебных заведений, реконструирована история повседневности, введено в научный оборот много новых источников по истории школ.

На фоне накопления разнообразного историографического опыта и расширение горизонта привлекаемых разными авторами источников, история становления и развития народного образования на Европейском Севере России в первой половине XIX в. изучена недостаточно. Специальных исследований, посвященных данной проблематике не проводилось. История школы представлена в научной литературе фрагментарно, чаще всего исследованием отдельных сюжетов и проблем. Историографический анализ исследований, посвященных истории просвещения, показывает, что исторические сюжеты, посвященные частному образованию, формам взаимодействия школы, общественности, городского и крестьянского населения, социальному положению воспитанников учебных заведений освещены противоречиво. В пользу этого говорит и огромный документальный материал, обеспечивающий указанные направления исследования, не введенный в научный оборот. Комплексный анализ малоизученных материалов провинциальных архивов (фонды дирекций училищ Олонецкой, Архангельской, Вологодской и др. губерний), а также фондов Петербургского университета, Главного Педагогического института, канцелярии попечителя С.-Петербургского учебного округа, Департамента народного просвещения, которые хранятся в ЦГИА СПб и РГИА позволят автору позволит реконструировать повседневные административные практики средних и начальных учебных заведений, и, в целом, высоко оценить эффективность реформ первой половины XIX в., которые, в основных чертах, определили модель развития российской школы на 100 лет.

1.2. Источники исследования

Источники, положенные в основу данного исследования, обширны и разнообразны. Среди них – как опубликованные, так и неопубликованные материалы. Исследователь располагает огромным массивом источников, отложившихся как в местных, так и в центральных российских архивах. В частности, в нашей работе задействованы материалы 5 отечественных архивов. Материалы, сосредоточенные в фондах Министерства народного просвещения Российского государственного исторического архива (РГИА), Центрального государственного исторического архива Санкт-Петербурга (ЦГИА СПб), Государственного архива Архангельской области (ГААО), Государственного архива Вологодской области (ГАВО), Национального архива Республики Карелия (НА РК). Они достаточно полно и всесторонне отражают стратегию правительства в деле народного образования относительно Европейского Севера России и результаты ее реализации. Различные виды делопроизводственных документов по Министерству народного просвещения (циркуляры, ведомственные постановления, рапорты с мест) дают возможность представить не только содержание правительственного курса, но и механизм взаимодействия всех ведомственных уровней в разные периоды и по разнообразным вопросам школьного строительства и народного просвещения.

В диссертации задействованы такие основные виды источников: законодательные акты, делопроизводственные документы, статистические материалы, периодическая печать, мемуарные источники (воспоминания, дневники, путевые заметки).

Нормативные источники (высочайшие указы и рескрипты, ведомственные распоряжения, предписания), в том числе неопубликованные (находящиеся РГИА и ЦГИА СПб) дают возможность представить цели и суть проводимой политики в сфере образования в интересующем нас регионе.

1) Законодательные документы

внутри этой группы выделяются подгруппы:

А) Законы, регламентировавшие развитие учебных учреждений на общероссийском уровне первой половины XIX в., которые отложились как в систематизированных сводах (Полном собрании законов Российской империи (Собрание 1-е и 2-е), Сборниках постановлении и распоряжений по Министерству народного просвещения)[124]. Так, например, в Полном собрании законов представлены такие концептуальные законодательные акты как: «Предварительные правила народного просвещения» 1803 г.; школьные уставы 1804 и 1828 гг.; Положение о домашних наставниках и учителях 1834 г. и др.

Однако, при этом нельзя пренебрегать архивными фондами, которые позволяют отследить, например, как шла работа над созданием того или иного законодательного акта. Такие сведения хранятся в фондах РГИА: Департамента народного просвещения (ф. 733), Канцелярии министра земледелия (ф. 381), Первого Департамента Министерства государственных имуществ (ф. 383); в ЦГИА СПб.: в фонде Канцелярии попечителя Петроградского учебного округа (ф. 139) и Главного Педагогического института (ф. 13). Такая работа отражена в записках и проектах разных лиц по вопросам народного образования и в материалах их обсуждения, например, журналах Комитета министров.

В первой половине XIX в. сельские училища учреждались не только Министерством народного просвещения. С конца 1830-х гг. учредителем школ для государственных крестьян стало Министерство государственных имуществ. В фондах Первого департамента Министерства земледелия (РГИА, ф. 383), Олонецкой и Вологодской губернских палат государственных имуществ (НА РК, ф. 33; ГАВО, ф. 276) и Олонецкого статистического комитета (НА РК, ф. 27), а также Управления земледелия и госимуществ (ГААО, ф. 115) находятся документы, касающиеся открытия школ в сельской

[124] См., напр.: Сборник постановлений по Министерству народного просвещения. Т. 1. Царствование императора Александра I. 1802-1825. 1-е изд. СПб., 1864; Сборник постановлений по Министерству народного просвещения. Т. 2. Царствование императора Николая I. 1825-1839. Ч. 1, 2. СПб., 1865; Сборник распоряжений по Министерству народного просвещения. Т. 1. 1802-1864. СПб., 1866.

местности для государственных крестьян во время реформы П. Д. Киселева. Заслуживают внимания донесения губернских палат государственных имуществ и смотрителей народных училищ о состоянии школ, в которых представлены ведомости открытых в 1843-1846 гг. школ с указанием названий селений, количества детей и наставников, даты открытия этих училищ[125].

Б) *Постановления Святейшего Синода и других органов церковного управления*

Святейший Синод также являлся ведомством, контролировавшим работу гражданских учебных заведений. В его ведении находилось, прежде всего, нравственно-религиозное воспитание учащихся. Интересны фонды Святейшего Синода в составе РГИА: Святейший Синод (ф. 796), Канцелярия обер-прокурора Синода (ф. 797), Учебный комитет при Синоде (ф. 802). Интересующие нас сюжеты находят отражение в протоколах заседаний Синода, отчетах ревизий сельских приходских училищ, проведенных Благочинными округов или членами Консисторий. Так, в марте 1804 г. на заседаниях Синода рассматривались вопросы по организации сельских приходских училищ[126], а в 1836 г. были утверждены «Правила для первоначального обучения поселянских, в том числе и раскольничьих детей»[127], которые сначала предназначались лишь для Олонецкой и Псковской губерний, но затем с высочайшего соизволения были распространены и на другие епархии, где имелись раскольники. Интересен также Протокол заседания Комитета министров за 1839 г., где поднимался вопрос об оплате священникам за обучение поселянских детей[128].

Документы, находящиеся в фондах церковных учреждений, позволяют судить не только о состоянии приходских училищ в Архангельской, Вологодской и Олонецкой епархиях, но и о состоянии религиозно-нравственной работы, об обучении Закону Божьему в гимназиях и уездных

---

[125] ГААО. Ф. 115. Оп. 1. Д. 8, 68, НА РК. Ф. 33. Оп. 5. Д. 6/23, 7/14; Оп. 2. Д. 3/38.
[126] Там же. Оп. 1. Д. 101.
[127] РГИА. Ф. 796. Оп. 87. Д. 375.
[128] Там же. Ф. 381. Оп. 1. Д. 23054.

училищах. Это деловая переписка между Министерством народного просвещения, Министерством государственных имуществ, Министерством внутренних дел и Канцелярией Синода, а также распоряжения, правила, касающиеся приходских школ, программы преподавания Закона Божьего, ведомости о составе учебных заведений по епархиям. Фонды Духовных консисторий в составе региональных архивов располагают целым рядом источников: рапорты об открытии приходских училищ и о назначении и деятельности в них церковно- и священнослужителей, отчеты Благочинных и священнослужителей о состоянии учебно-воспитательной работы в учебных заведениях, списки поселянских детей, обучавшихся грамоте.

В) *Подзаконные акты*, *исходящие от министерства или от управления учебным округом.*

Это ведомственные постановления, инструкции, «правила», циркуляры, разъясняющие законодательные акты или административные распоряжения министерств, учебной администрации, отложившиеся в фондах РГИА (ф. 733) и ЦГИА СПб (ф. 139).

Проблемы управления школьной системой, а также основные направления обучения и воспитания российского юношества представлены в докладных записках попечителя Санкт-Петербургского округа (1811-1821), а затем министра народного просвещения (1833-1849) С. С. Уварова, которые впоследствии публиковались. Например, в ноябре 1813 г. С. С. Уваров изложил Александру I в докладе «О некоторых общих началах, могущих служить руководством при управлении Министерства народного просвещения» свой взгляд на особую роль истории в системе народного просвещения России. В нем он, предвосхищая идеи «официальной народности» и их воплощение, считал преподавание истории в учебных заведениях страны «делом государственным». Суть его подхода состояла в признании «поучительного, нравственно-назидательного назначения истории, просвещения и воспитания историей дворянских детей, в

необходимости пробуждения в них духа патриотизма, дворянской гордости и чести, национального чувства»[129].

Привлечение архивных документов дает нам возможность реконструировать систему управления подведомственными учебными заведениями со стороны Петербургского университета путем соотнесения законодательных норм и административных практик, что позволит оценить состояние просвещения и школьного дела в регионе в целом. Однако, чтобы понять специфику становления этой системы и поведения отдельных ее представителей (директоров народных училищ, смотрителей уездных училищ, учителей), необходимо ее рассмотреть сквозь призму законодательных норм, установивших весьма сложную и многоступенчатую иерархий взаимоотношений между разными уровнями управления подведомственными учебными заведениями, начиная с министерства народного просвещения и заканчивая смотрителями уездных училищ.

Важными источниками являются Журналы заседаний Комитета министров. По своему назначению и содержанию эти документы весьма разнообразны. Например, постановления Комитета об уменьшении или увеличении государственного финансирования гимназий, о выделении средств на строительство училищных зданий, о принятии «Проекта положения о реальном курсе при Архангельской гимназии» и др.[130].

Начало школьной реформы на территории северных губерний России иллюстрируют докладные записки и представления директоров училищ Архангельской, Вологодской и Олонецкой губернии на имя министра народного просвещения графа П. В. Завадовского и попечителя Санкт-Петербургского учебного округа Н. Н. Новосильцева: об организации

---

[129] Уваров С.С. 1) О некоторых общих началах, могущих служить руководством при управлении Министерства народного просвещения. СПб., 1813. С. 24; 2) О преподавании истории относительно к народному воспитанию // С.С. Уваров. Избранные труды. М., 2010.

[130] РГИА. Ф. 733. Оп. 23. Д. 48; Оп. 28. Д. 37.

губернских гимназий, городских уездных и приходских школ (1804-1811)[131], об открытии в г. Петрозаводске дворянского пансиона (1805)[132], о проектах постройки училищных домов в уездных городах[133], о предложении директора училищ Олонецкой губернии А. Е. Крылова об объединении школ училищного и Духовного ведомств с целью совместной подготовки учителей для начальных училищ[134].

Интерес для исследователя представляют докладные записки на имя Александра I об открытии первых сельских школ в Олонецкой и Архангельской губерниях в 1805-1806 гг. попечителя Санкт-Петербургского учебного округа графа П. А. Строганова[135] и отношение министра народного просвещения П. В. Завадовского[136].

Немаловажное значение имеет изучение системы финансирования учебных заведений. В сохранившихся архивных документах содержатся подробные финансовые отчеты дирекций училищ о приходе и расходе государственных средств. Однако выделенные суммы не удовлетворяли всех потребностей школы – в найме помещения, оплате труда учителя, приобретении учебных пособий и т. д. Директора народных училищ постоянно обращались в Комитет министров, в Министерство народного просвещения с ходатайствами о выделении из государственного бюджета дополнительных сумм на развитие учебного дела в губерниях: на содержание училищ, на назначение денежных пособий отдельным школам, на ремонт ветхих зданий, наем и постройку новых, на пополнение фондов училищных библиотек и т. д.[137].

Г) *Подзаконные акты, регламентирующие деятельность учебных заведений на локальном уровне.*

---

[131] РГИА. Ф. 733. Оп. 20. Д. 28, 33, 42, 43; ГААО. Ф. 61. Оп. 1. Д. 1; ГАВО. Ф. 438. Оп. 3. Д. 9, 10, 35.
[132] РГИА. Ф. 733. Оп. 20. Д. 24.
[133] ЦГИА СПб. Ф. 139. Оп. 1. Д. 220.
[134] Там же. Д. 135.
[135] РГИА. Ф. 733. Оп. 20. Д. 32.
[136] Там же.
[137] РГИА. Ф. 733. Оп. 20. Д. 304. Л. 1; ЦГИА СПб. Ф. 139. Оп. 1. Д. 454, 2327, 2557, 2838.

К таковым мы относим предложения генерал-губернаторов, военных губернаторов, гражданских губернаторов; приказы и распоряжения директоров народных училищ соответственно: Архангельской (ф. 1, 61), Вологодской (ф. 18, 438) и Олонецкой (ф. 1, 17) губерний, а также фондов Духовного ведомства: Олонецкой Духовной Консистории (НА РК, ф. 25), Архангельской Духовной Консистории (ГААО, ф. 29) и Вологодской Духовной консистории (ГАВО, ф. 496) свидетельствуют о том, как происходила реализация правительственных решений на территории губернии, трудностях открытия и первоначального существования различных училищ в губернских городах и селениях. Характер взаимодействия администраторов разных уровней, общие направления их деятельности отражают ведомственные распоряжения (инструкции для директоров и инспекторов народных училищ и т. п.).

2) *Делопроизводственная переписка.*

Материалы Олонецкой губернской гимназии в фондах Главного педагогического института, Петербургского университета и Канцелярии попечителя Петроградского учебного округа (ЦГИА СПб, ф. 13, 139, 14) привлекались для изучения эвакуации воспитанников Педагогического института в г. Петрозаводск, что имело большое значение в истории гимназии, поскольку эвакуированные разместились в ее зданиях, взаимодействовали с ее чиновниками и воспитанниками, оставили некоторые коллекции и имущество института. Пребывание Педагогического института в Петрозаводске имело влияние на провинциальное общество, училищных чиновников, материальную базу гимназии. В документах ЦГИА СПб исчерпывающе представлен материал о подготовке эвакуации, переезде, размещении и возвращении воспитанников Института в Петербург. В основном это переписка попечителя округа с директором института Е. А. Энгельгардтом и директором училищ Олонецкой губернии Н. П. Ушаковым. В переписке решались вопросы о закупке провизии, найме транспорта, ремонте здания гимназии. Представлены подробные списки студентов и

чиновников института и воспитанников гимназии, находившихся в Олонецкой губернии более 3,5 месяцев. Сохранились отчеты директора Института Е. А. Энгельгардта об этом перемещении, в которых содержится информация об остановках и состоянии и занятиях эвакуируемых[138].

Особую группу источников составляет переписка между Министерством народного просвещения, попечителем Санкт-Петербургского учебного округа, гражданскими губернаторами, директорами народных училищ о назначении и прибытии выпускников Петербургского и Московского университетов в начале XIX в. в провинциальные учебные заведения на должности учителей: И. Д. Воскресенского, В. И. Березниковского, А. Розанова, П. Беликова и др.[139]. В ЦГИА СПб (ф. 13, 14) представлены списки выбывших и вновь принятых воспитанников и ведомости, которые заполнялись во время испытаний. Также в делах губернских гимназий представлены аттестаты воспитанников, тексты клятвенных обещаний учителей, которые давались в момент назначения на должность.

Интерес представляют отчеты директоров народных училищ[140], в которых представлена обширная информация о состоянии училищ. Составители таких отчетов детально анализировали ситуацию с училищами, сложившуюся в губернии, делали предложения по ее улучшению, жаловались на местные органы власти за недостаточное внимание к нуждам просвещения. В этих отчетах представлены статистические данные не только по губерниям в целом, но и отдельно по уездам о состоянии учебного дела. Здесь приводятся данные о численности учебных заведений, о количестве учащихся и учителей в народных школах. Директора народных училищ, составляя подобные отчеты, отмечали не только положительные, но и негативные стороны постановки школьного дела в губерниях, отношение к нему со стороны общества.

---

[138] ЦГИА СПб. Ф. 13. Оп. 1, Д. 1262, 1266, 1268; Ф. 139. Оп. 1. Д. 892.
[139] ЦГИА СПб. Ф. 139. Оп. 1. Д. 398, 739, 2220.
[140] РГИА. Ф. 733. Оп. 23. Д. 131; ЦГИА СПб. Ф. 139. Оп. 1. Д. 202, 4677, 4733, 4893.

Малоизученной проблемой истории народного образования остается освещение правового и материального положения учительства, его социального статуса, духовного облика. В целях изучения данной проблематики нами были использованы опубликованные законодательные и подзаконные акты, раскрывающие порядок управления учебными заведениями со стороны высшего учебного начальства, делопроизводственные материалы, отражающие социальный и правовой статус и регламентацию деятельности директоров народных училищ, штатных смотрителей уездных училищ, педагогов. Все эти документы демонстрируют, каким образом правительство осуществляло контроль над деятельностью учебных заведений и учительскими кадрами. Самостоятельное значение имеет отражение в корреспонденции «с мест» или «на места» повседневной жизни школ. В фондах ЦГИА СПб, РГИА, областных архивов находятся формулярные списки учителей[141], свидетельства о материальном их положении[142]. Эти материалы раскрывают социальное и финансовое положение, а также образовательный ценз учительства[143].

Центральные и региональные архивы содержат достаточное количество документов, иллюстрирующих данную проблему. Этот комплекс не только не подвергался до сих пор систематическому анализу, но многие документы никогда не привлекли внимание профессиональных историков. В архивных материалах по истории формирования учительского корпуса широко представлена переписка между попечителями учебных округов, ректорами университетов, директорами народных училищ о назначениях на работу, переводах в другие школы, увольнения учителей. Интерес вызывают личные прошения педагогов о получении разрешений от училищного начальства на брак, отъезд на летнюю вакацию в отпуск к родителям, повышении

---

[141] ЦГИА СПб. Ф. 139. Оп. 1. Д. 227, 443, 449; ГААО. Ф. 61. Оп. 1. Д. 17/44, 28/62, 51/90; ГАВО. Ф. 438. Оп. 3. Д. 62; НА РК. Ф. 17. Оп. 1. Д. 17/44, 28/62, 51/90.
[142] ЦГИА СПб. Ф. 139. Оп. 1. Д. 244.
[143] Там же. Д. 87.

жалованья, улучшении жилищных условий и т. д. В архивах сохранились документы о награждении учителей за долговременную и беспорочную службу и, наоборот, о наказании их «за неблаговидное поведение», о также назначение пенсий за выслугу лет и материальных пособий семьям умерших учителей.

Интерес представляют отчеты директоров училищ, где они достаточно подробно описывали материальное положение учителей и перечисляли, из каких сумм составляется размер содержания учителей: оклад за преподавание в школе; прибавки к жалованью за дополнительную учебную нагрузку или выполнение обязанностей библиотекаря или секретаря; а также иные формы обеспечения: оплачиваемая квартира, отопление и освещение.

Важными для исследования являются документы о научно-исследовательской деятельности педагогов. Одни занимались краеведческой работой: вели исторические и хронологические записки по истории края и учебных заведений[144]. Другие проводили этнографические, топографические и метеорологические исследования. И. А. Никольский (Архангельская гимназия), Э. А. Мудров, В. А. Топоров (Олонецкая гимназия) и др. составляли учебные пособия для российских учебных заведений. Стоит отметить, что рецензии и разрешения на издание этих учебников также сохранились среди архивных материалов[145].

3) Делопроизводственные документы учреждений, отражающие деятельность школ

Для изучения данной темы богатый материал содержит делопроизводственная документация, находящаяся в фондах центральных и региональных архивах. Делопроизводственные документы государственных учреждений позволяют представить общую картину развития образования в стране в целом и в регионе, в частности.

---

[144] ГААО. Ф. 61. Оп. 1. Д. 1/1; ГАВО. Ф. 438. Оп. 3. Д. 50, 64, 100, 138; НА РК. Ф. 17. Оп. 2. Д. 2/8.
[145] ЦГИА СПб. Ф. 139. Оп. 1. Д. 4673, 4723, 4861, 4873, 4880. 4955.

По происхождению и содержанию документов этот комплекс можно разделить на несколько подгрупп:

А) *Отчеты министров народного просвещения*

Всеподданнейшие ежегодные отчеты министров народного просвещения публиковались в «Журнале Министерства народного просвещения» или выходили отдельными изданиями. В них приводились сведения о состоянии народного образования, давалась общая характеристика учебных заведений и преподавательского состава[146]. Особый интерес вызывает отчет «Десятилетие Министерства народного просвещения 1833-1843», изданный уже во второй половине XIX века – подведение итогов деятельности С. С. Уварова на посту министра народного просвещения[147].

Б) *официальная переписка чиновников разных уровней*, внутриведомственная и межведомственная (переписка попечителя Санкт-Петербургского учебного округа, директоров народных училищ, смотрителей уездных училищ и учителей содержится в фондах (ЦГИА СПб, ф. 139, ГААО, ф. 61; ГАВО, ф. 438; НА РК, ф. 17). Эта подгруппа включает также доклады, докладные записки чиновников, которые дают возможность представить реальное состояние народного образования на местах, в конкретном уезде и школе. Представлена также переписка губернаторов с директорами народных училищ об открытии школ[148].

Важное место для нашего исследования занимает группа источников, освещающих деятельность профессоров петербургского Педагогического института и Петербургского университета по обозрению и управлению училищами учебного округа. Среди них – назначения, наставления, отчеты визитаторов – профессоров института, посетивших с ревизией отдаленные территории округа. Эти документы хранятся в фонде Департамента народного просвещения (РГИА) и в фонде Канцелярии попечителя

---

[146] Общие отчеты, представленные его Императорскому величеству по Министерству народного просвещения за 1834-1841 гг. СПб., 1835-1842.
[147] Уваров С.С. Десятилетие Министерства народного просвещения 1833-1843. СПб., 1864.
[148] ГААО. Ф. 1. Оп. 3. Д. 308, 333, 571; НА РК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 13/19, 14/16; Оп. 36. Д. 51/25.

Петроградского учебного округа (ЦГИА СПб), в составе описей, отражающих деятельность Педагогического института (1804-1819) и университета в Петербурге[149].

Сохранившиеся ежегодные отчеты губернской администрации о состоянии губернии, составленные губернаторами, содержат информацию об уровне образования среди жителей и положении народного просвещения в регионе. В фондах РГИА (ф. 733, 381, 383), в ЦГИА СПб (ф. 14; 139) содержатся годовые отчеты по ведомству и материалы к ним, включающие описание состояния общеобразовательных школ, открытых на территории Санкт-Петербургского учебного округа; доклады, приказы, циркулярные распоряжения министра, отчеты губернских дирекций народных училищ о состоянии учебных заведений, поданные на имя министра просвещения и попечителя округа, докладные записки о нехватке финансовых средств на покупку учебных пособий, содержание училищ, о деятельности учителей, поведении учащихся, рапорты чиновников разных уровней.

Надо отметить, что формы официальной переписки не были строго утвержденными и менялись со временем, поэтому информативность такого рода документов различна. Для первой половины XIX в. невелика сохранность документов, можно обнаружить множество лакун в составе соответствующих фондов.

Значительная часть делопроизводственных материалов Дирекций народных училищ, Училищного комитета Петербургского университета посвящена состоянию библиотечного дела в учебных заведениях. Это переписка директоров училищ и попечителями округов о покупке книг и учебных пособий для пополнения библиотечных фондов, письма издателей и авторов произведений с предложениями о приобретении или безвозмездной передачи нескольких экземпляров в школы, правила о

---

[149] РГИА. Ф. 733. Оп. 20. Д. 4, 125; ЦГИА СПб. Ф. 139. Оп. 1. Д. 9, 612.

посещении библиотек, обязанности библиотекарей по хранению и выдаче книг, а также по составлению книжных каталогов[150].

В) *Документация местных административных учреждений, органов городского и сельского самоуправления, внутришкольного управления:* Протоколы заседаний губернских Приказов общественного призрения, журналы заседаний Педагогических советов гимназий и уездных училищ, журналы совещаний почетных смотрителей учебных заведений с учителями. Эти документы, находятся в фондах Приказов общественного призрения и Директоров и смотрителей училищ: ГААО, ф. 61, 1955; ГАВО, ф. 19, 438; НА РК, ф. 29, 17. Они позволяют выявить роль органов училищных Советов и местного самоуправления в развитии народного образования. В них нашли отражение вопросы, связанные с учебным процессом, религиозно-нравственным воспитанием учащихся, организацией внешкольного образования, проблемы материальной поддержки учебных заведений.

В фондах Приказов общественного призрения (НА РК, ф. 29, ГАВО, ф. 19 и ГААО, ф. 43) хранятся, в частности, журналы заседаний Приказа, где рассматривались вопросы о финансировании учебных заведений в 1802-1823 гг., утверждение «Правил благородного пансиона» в г. Петрозаводске в 1805 г., а также журналы заседаний попечительных Советов Олонецкого и Архангельского Училищ канцелярских служителей за 1829-1840 гг.[151]

4) Статистические материалы.

Сведения по истории просвещения на Европейском Севере России существенно дополняются и уточняются статистическими данными. Статистика содержит информацию о количестве учебных заведений, числе чиновников, учителей и учащихся, как на территории России, так и в учебных заведениях Санкт-Петербургского учебного округа. Важная информация по количественному составу училищ и учащихся содержатся в

---

[150] ГААО. Ф. 61. Оп. 1. Д. 5/12, 140; ГАВО. Ф. 438. Оп. 3. Д. 22, 344; НА РК. Ф. 17. Оп. 2. Д. 2/8, 3/36; Оп. 6. Д. 1/3, 1/8.

[151] ГААО. Ф. 43. Оп. 2. Д. 62, 63, 64, 65, 69; НА РК.Ф. 29.Оп. 1. Д. 20/152, 73/489, 73/492.

Журнале Министерства народного просвещения, где помещались ежегодные «Ведомости о числе учащих и учащихся и других разных чиновников по учебным заведениям» (1821-1830) и «Известия о учебных заведениях России» – краткие обозрения о состоянии Санкт-Петербургского университета и подведомственного ему округа по учебной части (1830-1834)[152].

С 1835 г. в «Журнале Министерства народного просвещения» стали публиковать «Сравнительные ведомости о состоянии учебных заведений ведомства Министерства народного просвещения» с указанием их численности и количества учащихся, а также состав фондов училищных библиотек, прилагаемых к отчетам Министерства народного просвещения[153]. Однако в этих данных отсутствует информация о частных школах, сельских приходских училищах Духовного ведомства и Министерства государственных имуществ.

Для нашего диссертационного исследования ценные материалы о положении учебных заведений в первой половине XIX в. содержат статистические исследования П. П. Кёппена «Материалы для истории просвещения в России» (СПб., 1827), и «Таблицы учебных заведений всех видов» (СПб., 1838). Это показывает, что уже в 1830-е гг. копился статистический материал по истории российского просвещения. Интерес для исследователя представляет «Историко-статистический очерк народного образования в России», составленный профессором Петербургского университета К. И. Арсеньевым[154], а также «Материалы для истории и статистики наших гимназий»[155].

---

[152] Ведомости о числе учащих и учащихся и других разных чиновников по учебным заведениям // ЖДМНП. 1821. Ч. 2. С. 483-490; Известия о учебных заведениях России // ЖМНП. 1834. Ч. 1. С. 45-210.

[153] Общие отчеты, представленные его Императорскому величеству по Министерству народного просвещения за 1834-1850 гг. СПб., 1835-1851.

[154] Арсеньев К.И. Историко-статистический очерк народного образования в России // Ученые записки второго отделения императорской Академии наук. 1854. Кн. 1. С. 1-32.

[155] Материалы для истории и статистики наших гимназий. СПб., 1864.

Школьная статистика по Санкт-Петербургскому учебному округу представлена в трудах А. С. Воронова, которые имеют особую значимость для нашего исследования: таблицы о численности школ различного ведомственного подчинения, находящихся на территории Петербургского учебного округа, о сословной принадлежности учащихся, о динамике роста количества учителей[156].

Интересны архивные свидетельства о государственных ассигнованиях на сферу народного просвещения: жалованье преподавателям, расходы на содержание училищных помещений (отопление, освещение, прислугу), приобретение учебных пособий.

В отчетах директоров училищ содержатся сравнительные данные учета успеваемости учащихся, степени их подготовки, о соотношении количества грамотных к народонаселению по Архангельской, Вологодской и Олонецкой губернии[157]. Кроме того, нами были использована местная статистика, опубликованная в губернской периодической печати[158].

Материалы статистики позволили нам проанализировать количественные характеристики общеобразовательных учреждений на Европейском Севере России и решить важнейшую задачу реконструкции состава общественных и частных школ с 1802 до начала 1850-х годов.

5) Периодическая печать

Важным источником для исследователя истории образования и просвещения первой половины XIX в. является периодическая печать.

А) *центральные издания, как светские (ведомственные и частные), так и церковные.*

Одним из основных материалов, публикуемых на страницах центральной периодической печати, были официальные постановления по вопросам

---

[156] Воронов А.С. 1) Историко-статистическое обозрение… СПб., 1849. С. 163-166; 2) Историко-статистическое обозрение… СПб., 1855. С. 100-103.
[157] ЦГИА СПб. Ф. 139. Оп. 1. Д. 4677, 4675, 5048, 5098, 5190.
[158] Олонецкие губернские ведомости (далее ОГВ). 1843. № 5; 1844. № 16; 1845, № 23; 1846. № 26, 27; 1848. № 27; Архангельские губернские ведомости (далее АГВ). 1844. № 48; 1845. № 41. 1846. № 26.

образования и просвещения. Эти нормативные положения освещали деятельность правительства по организации системы образования в стране.

Среди центральной светской периодической печати необходимо отметить ведомственные издания Министерства народного просвещения: «Журнал Министерства народного просвещения» (ЖМНП), а также предшествовавшие ему ведомственные издания: «Периодическое сочинение о успехах народного просвещения» и «Записки, издаваемые от Департамента народного просвещения»[159].

На страницах ЖМНП публиковались законодательные акты, постановления Министерства народного просвещения, циркуляры министров, правительственные постановления. Журнал печатал отчеты о деятельности русских ученых обществ и учреждений, аналитические статьи о состоянии школ, проблемные материалы по организации обучения и преподавания учебных предметов. Здесь помещались списки книг, рекомендованные для использования в учебных заведениях в качестве учебных пособий и для внеклассного чтения учащихся.

Не менее важным источником является «Журнал Министерства государственных имуществ» (ЖМГИ), на страницах которого помещались министерские распоряжения, постановления, инструкции по созданию начальных училищ среди государственных крестьян как в целом по России, так и по северным губерниям в частности. Это – постановление Министерства государственных имуществ «Об учреждении сельских приходских училищ» от 27 июня 1842 г., котором указывалось, что сельские приходские училища учреждались в приходах, населенных «исключительно государственными крестьянами», на основании общего учебного устава 1828 г.[160].

---

[159] Журнал Министерства народного просвещения (1834-1917 гг.); Периодическое сочинение о успехах народного просвещения (1803-1819 гг.); Журнал Департамента Министерства народного просвещения (1821-1824 гг.); Записки, издаваемые от Департамента народного просвещения (1825, 1827, 1829 гг.).

[160] Об учреждении сельских приходских училищ // ЖМГИ. 1842.Ч. 6. С. 10-11.

Более подробная информация об условиях учреждения сельских училищ была представлена в ЖМГИ за 1843 г., где сообщалось о том, что все учебные заведения, находившиеся до этого времени в государственных деревнях Российской империи, с 1 января 1843 г. получали статус приходских училищ и переходили в ведение Министерства государственных имуществ[161]. Министерство предполагало открыть в каждой волости по одному сельскому училищу для приготовления к писарским должностям крестьянских мальчиков. В 1848 г. на страницах журнала было опубликовано постановление министра государственных имуществ П. Д. Киселева «Об учреждении сельских приходских училищ для крестьян Олонецкого горного округа»[162]. Интерес представляет также публицистика, помещенная в этом издании, – материалы, освещающие вопросы необходимости и пользы обучения грамотности[163].

Среди частных журналов интерес представляют журналы либерального направления 1800-1830-х гг.: «Вестник Европы», «Отечественные записки», «Древняя и новая Россия», «Благонамеренный».

Стоит отметить публикации известного государственного и общественного деятеля Н. М. Карамзина в журнале «Вестник Европы», где он оценивает реформу образования 1804 г., как о «корень государственного величия», рассуждает об учреждении сельских школ, а также о возможных способах профессиональной подготовки учителей[164]. Журналы «Благонамеренный» и «Отечественные записки», в разное время становились

---

[161] Об учреждении приходских училищ // ЖМГИ. 1843. Ч. 7. С. 17.
[162] ЖМГИ. 1848. Ч. 26. С. 123-124.
[163] А.З. Успехи мер к распространению образования между государственными крестьянами // ЖМГИ. 1846. Ч. 18. С. 82-90; Днепров Ф. О первоначальном образовании земледельцев // ЖМГИ. 1844. Ч. 13. С. 221-231; О влиянии просвещения на нравственность народа // ЖМГИ. 1845. Ч. 14. С. 269-276; П-нь П. Мысли об образовании земледельцев // ЖМГИ. 1842. Ч. 6. С. 87-90; Раев А.Ф. О мерах к распространению образования // ЖМГИ. 1860. № 9. Ч. 75. С. 128-163.
[164] Карамзин Н.М. 1) О верном способе иметь в России довольно учителей // Вестник Европы. 1803. Ч. 8. № 7. С. 200-212; 2) О новом образовании народного просвещения в России // Вестник Европы. 1803. Ч. 8. № 5. С. 49-61.

ареной для полемики по поводу новых школьных учебников[165]. Интересна статья В. Стоюнина в журнале «Древняя и новая Россия» об историческом развитии дела воспитания в России[166].

Особый интерес вызывают журналы педагогической направленности, появившиеся во второй половине XIX в., «Педагогический журнал», «Русская школа» «Журнал для воспитания», «Вестник воспитания и образования», «Журнал для родителей и наставников», «Русский педагогический вестник», «Учитель» и др. Среди статей, помещенных в названных изданиях, встречаются материалы разного жанра: методические советы по обучению и воспитанию юношества, описания школьных праздников, краткие исторические хроники отдельных школ, размышления специалистов о проведения реформы школы, впечатления наблюдателей от посещения учебных заведений и т. д.

Основной читательской аудиторией данных изданий являлись учителя, священники, родители учащихся. Эти журналы поступали в фонды училищных библиотек. В них также отражался материал о деятельности государственных органов в сфере народного просвещения, публиковалась информация о развитии школьного дела в регионах Российской империи, печатались статьи публицистического характера о проблемах содержания школ, учебной и воспитательной работе и т.д. Публикуемые на их страницах методические статьи по преподаванию учебных дисциплин служили доступным методическим руководством для педагогов. Из педагогических журналов учителя педагоги получали самую свежую информацию о книжных новинках: научной, учебной, методической литературе, знакомились с новыми направлениями в сфере образования. Рецензии на эту

---

[165] Белинский В.Г. 1) Русская грамматика Александра Востокова // Отечественные записки. 1844. Т. 35. № 8. С. 72-75; 2) Руководство к познанию древней истории для средних учебных заведений, сочиненное С. Смарагдовым // Отечественные записки. 1840. Т. 11. № 7. С. 26-28; Булгарин Ф. В. Учебники русской словесности Греча // Благонамеренный. 1821. Ч. 14. № 7/8, С. 46-64.

[166] Стоюнин В. Из истории воспитания в России // Древняя и новая Россия. 1878. Т. 1. С. 1-12.

литературу часто были весьма критическими. Достоинством периодики как источника в нашем случае является то, что по этим публикациям можно восстановить характер обсуждения в печати той или иной проблемы, выявить мнения современников и их реакцию на происходящие события.

Нередко в ведомственных и центральных изданиях печатались материалы, представленные корреспондентами-учителями, в том числе присланные из губерний Европейского Севера России. Такие материалы удалось выявить в ЖМНП, ЖМГИ, в журналах «Труды общества русской словесности», «Русский педагогический вестник», «Маяк», «Москвитянин», «Русский архив», а также газеты «Северная пчела», «Санкт-Петербургские ведомости», «Педагогический листок», «Школьная жизнь» и др.

По характеру эти корреспонденции весьма разнообразны: материалы по археологии края, исторические очерки о развитии светского и духовного просвещения, педагогические и краеведческие заметки, поэтические и прозаические произведения. Они позволяют нам раскрыть научные и общественные интересы и внутренний мир педагогов, круг их повседневных увлечений, разнообразие деятельности, увидеть в них целеустремленных личностей. Активными корреспондентами центральных и региональных изданий в 1802-1855 г., являлись преподаватели вологодских и олонецких учебных заведений: Е. Кичин, Н. Дубравин, Н. Иваницкий, П. Протопопов, Я. Муромцев, А. Фортунатов и многие другие[167].

Церковные периодические издания занимают особое место в нашем исследовании. Журналы «Странник», «Вера и Разум», «Душеполезное чтение», «Христианское чтение» обращаясь к истории Русской православной церкви, затрагивали вопросы народного образования. На страницах церковной периодики публиковались историко-статистические описания епархий, летописи приходов, биографии высших иерархов церкви и простых

[167] Иваницкий Н.И. Причитания невесты в Вологодской губернии // Москвитянин. 1841. Ч. 6. № 12. С. 17-19; Кичин Е. Окаменелая баба под Лисьей горой // Северная пчела. 1843. № 116; Муромцев И. Глеб Васильевич, князь Белозерский // Маяк. 1843. Т. 8. С. 26-31; Фортунатов А. О древностях Вологодских и зырянских // Вестник Европы. 1814. Ч. 76. № 15. С. 200-227.

священнослужителей, оказавших значительное влияние на развитие просвещения. Для нашего исследования интерес вызывают статьи, где отражены взгляды авторов на педагогическую деятельность священников в качестве учителей приходских училищ[168].

Б) *местная печать.*

В России местная печать начала развиваться с момента учреждения официальных изданий – «Губернских ведомостей». Положение об их издании было утверждено в 1830 г., но первые выпуски региональных газет на Европейском Севере России появились только в 1838 г. «Ведомости» курировал губернатор, а редактировал их чиновник для особых поручений. Периодические издания, издававшиеся провинциальными губернскими правлениями, представляли провинциальным читателям материалы по различной тематике, в том числе освещающие деятельность училищ.

Губернские ведомости являются значимым источником по истории просвещения. Основными материалами, публикуемыми на страницах губернской периодической печати, являлись правительственные документы, которые освещали деятельность правительства по организации системы образования в стране. В них помещалась информация о введении платы за обучение в учебных заведениях Санкт-Петербургского учебного округа, о правилах для поступления в гимназии и университет.

Губернские училищные дирекции часто использовали газету в качестве трибуны для обращения к жителям города. Так, в 1838 г. Архангельская дирекция училищ для улучшения посещения классов учащимися гимназии обратилась через «Архангельские губернские ведомости» к родителям с просьбой об усилении контроля над своими детьми. По мнению училищного начальства, пропуски уроков тяжело сказывались на успехах воспитанников. Кроме того, говорилось, что «некоторые из приходящих учеников в гимназии, уклоняясь от классов, постоянно посещают случающиеся здесь в городе

---

[168] Благовидов Ф.В. Деятельность русского духовенства в отношении к народному образованию в начале прошлого столетия // Странник. 1879. Т. 3. № 11. С. 420-446; Братцев. Жертвы неразумного воспитания // Странник. 1879. Т. 3. № 2. С. 288-320.

пожары, где увеличивая толпу бесполезных зрителей, легко могут быть ушиблены»[169]. Директор гимназии И. Н. Скрыдлов напоминал родителям, что для организации контроля над воспитанниками в школе вводятся специальные «Свидетельства об успехах и поведении в гимназии», в которых отмечалась успеваемость и посещение уроков учащегося за неделю. Все приходящие ученики получали их по субботам за подписью инспектора и в понедельник возвращали обратно в гимназию с подписями родителей. Но некоторые воспитанники «Свидетельства» скрывали и не показывали родителям, поэтому и было напечатано обращение дирекции училищ[170].

Особое место в губернской периодической печати уделялось провинциальным гимназиям. Как правило, «Губернские ведомости» публиковали информацию, касающуюся этих учебных заведений: уведомления о назначении директоров гимназий, объявления о проведении итоговой аттестации учащихся, обозрения о состоянии учебной части гимназии. Помещались в газетах информационные сообщения директоров училищ о проведении публичных актов в гимназии. В этих материалах встречаются статистические данные о школе, содержание учебно-воспитательной деятельности, не только отмечены фамилии лучших воспитанников, выступавших на торжественном собрании, но и помещаются тексты их публичных докладов.

Так, газета в 1838 г. сообщала, что на публичном акте Вологодской гимназии выступили лучшие ученики школы С. Засодимский, П. Левитский, И. Иваницкий, Н. Фортунатов и тем самым «обращали на себя всеобщее внимание посетителей»[171]. Несомненно, такие публикации с одной стороны поощряли успешных учеников, предлагая хорошую возможность получить известность уже в раннем возрасте. Важно заметить, что стихи Царевского – учащегося Вологодской гимназии были напечатаны в ЖМНП в 1849 г.[172].

---

[169] АГВ. 1838. № 6.
[170] АГВ. 1838. № 6.
[171] Вологодские губернские ведомости (далее ВГВ). 1838. № 49.
[172] ЖМНП. 1849. Ч. 62. С.7.

«Губернские ведомости» помещали информацию об открытии новых учебных заведений[173]. Значительное место среди газетных публикаций отводилось сельским школам Министерства государственнх имуществ. Представленные материалы раскрывали положительные и негативные стороны развития этих школ. По мнению авторов публикаций, препятствиями для успешного развития школьного дела являются недостатки общественных средств, отсутствие хороших методик преподавания и предубеждения крестьян против всяких нововведений[174].

Интерес для исследователей представляет особый жанр публикаций в периодических изданиях – некрологи, которые, как правило, включали биографические подробности, описание деятельности человека. Встречаются некрологи учителей, долгое время проработавших в системе народного образования, которые могут стать информативным источником по истории просвещения российской провинции. Любопытные факты биографий провинциальных просветителей отражают их отношение к профессии, общественную репутацию, эффективность их подвижнических усилий и то, как в условиях отдаленности от центра они определяли ценностный мир провинциального сообщества[175].

В 1850 г. на 38 году жизни умер учитель математики и физики Вологодской губернской гимназии Александр Иванович Иваницкий, названный «одним из лучших, любимейших воспитанниками и уважаемым всеми наставниками». Выпускник Петербургского университета, он с 1836 г. работал в Вологодской гимназии, одновременно являлся сотрудником редакции газеты по изданию неофициальной части «Вологодских губернских

---

[173] Об открытии 2-го приходского училища в г. Архангельске // АГВ. 1839. № 48; П. Я. Открытие в сопредельном Соломбальском селении приходского училища // АГВ. 1859. № 28. Об открытии в г. Коле приходского училища // АГВ. 1839. № 16; Об открытии в Петрозаводске частной школы девицы Карабутовой // ОГВ. 1844. № 19; Об открытии частной школы в Вытегре // ОГВ. 1859. № 48.

[174] Успехи мер к распространению образования между государственными крестьянами // АГВ. 1846. № 13.

[175] Г.К. Дозе (Некролог) // ОГВ. 1882. № 98; Петров К. М. 1) Иван Федорович Яконовский. Некролог. // ОГВ. 1874. № 6; 2) Некролог Александра Анисимовича Ласточкина // ОГВ. 1872. № 63.

ведомостей». В некрологе, помещенным в этой газете, А. И. Иваницкий представлен в нескольких ипостасях. Как наставник он «отличался простой удобопоследовательностью для детей изложения своих мыслей». Как изобретатель – придумал снаряда для измерения силы, направления и продолжительности ветра. Как литератор – приобрел известность своими повестями, опубликованными в центральных периодических изданиях «Библиотека для чтения», «Маяк», «Архангельский сборник»[176].

Однако среди газетных сообщений дореформенного времени информация о личностях учителей встречается редко. Но даже эти незначительные сведения позволяют выяснить качество жизни педагогов, их общественную репутацию и влияние на жизнь провинциальных губернских городов.

Размышления чиновников об успехах и неудачах в деле народного просвещения и их предложения по улучшению учебно-воспитательной работы в учебных заведениях губерний, опубликованные на страницах «Губернских ведомостей», также интересны как отражение позиции тех, кто стоял между правительственной бюрократией и школами. Так директор народных училищ Архангельской губернии К. Пилацкий в своих заметках по поводу открытия курса реальных наук в Архангельской гимназии с 1841 г. сделал вывод, что этот опыт не был успешен[177]. «Должен сознаться, … мало сочувствия было оказано этому курсу в 17 лет его существования»[178], – писал он. Только некоторые воспитанники гимназии воспользовались полученным образованием и стали работать в коммерции, остальные же учащиеся, не окончив курс полного обучения, вышли из гимназии без получения аттестата. «Кто виноват – судить не нам», – рассуждал начальник училищной дирекции[179]. Голова Спасского прихода Вологодской губернии В. Попов,

---

[176] Некролог. ВГВ. 1850. № 24.

[177] В программу обучения предполагалось вместо изучения латинского языка ввести новые курсы по преподаванию коммерческой арифметики, естественной истории, бухгалтерии, товароведения, коммерции и коммерческого права.

[178] Торжественный акт в Архангельской губернской гимназии // АГВ. 1858. № 40.

[179] Пилацкий К. Историко-статистическое обозрение города Архангельска // АГВ. 1859. № 28.

напротив, высказывался о пользе курса реальных наук: «При открытии уездного училища в Никольске не бесполезно было бы включить в число предметов реальные науки и не обширном объеме, которые сделают обязательными для воспитанников из купцов и мещан, а для детей чиновников законоведение и судопроизводство»[180].

Отношение сельского населения к просвещению можно выяснить при анализе статистических и этнографических описаниях сельских поселений. Как правило, местные корреспонденты обращали внимание на грамотность жителей села и желание крестьян обучать своих детей грамоте. Активная краеведческая работа по истории народного просвещения развернулась в конце XIX – начале XX в. среди директоров, инспекторов народных училищ и учителей земских школ, которые собирали сведения об истории народных школ и свои исторические заметки публиковали на страницах губернских газет.

Интересные факты по истории народного просвещения начала XIX в. были представлены местными священниками-учителями народных школ. При посещении сельских поселений церковнослужители беседовали с местными жителями и по их рассказам реконструировали эпизоды из давней школьной жизни. Например, священники П. М. Мегорский и А. Тихомиров смогли опросить 80-летних жителей деревень Палтога и Девятины Вытегорского уезда Олонецкой губернии о деятельности первых школ в их селениях[181]. Такие заметки являются ценными историческими источниками по истории образования провинциальной России. Живые свидетели истории высказывали свои мнения и суждения о деятельности сельских училищ в то время. Это фактографические описания (источники), собранные краеведами и одновременно — первичная историография.

---

[180] Попов В. Мысли о развитии промышленности в городе Никольске Вологодской губернии // ВГВ. 1859. № 16.

[181] Мегорский П.М. О народных учителях и школах в Палтожском приходе // ОГВ. 1875. № 16; Тихомиров А. Народное образование в селе Девятинах до открытия одноклассного образцового училища // ОГВ. 1871. № 61.

В публикациях педагогов представлены условия работы сельских школ, методы преподавания отдельных педагогов, численность обучающихся, а также уровень грамотности среди населения губернии. В 1902-1905 гг. в «Олонецких губернских ведомостях» появилась отдельная рубрика «К истории народного просвещения», где помещались заметки по истории отдельных школ губернии, в том числе исторические очерки училищ Петрозаводского[182] и Олонецкого[183] уездов.

Особый интерес представляет «Историческая записка о заведении и состоянии народных училищ в Олонецкой губернии», составленная бывшим учителем всемирной и естественной истории, географии, французского и немецкого языка, рисования Олонецкой гимназии П. А. Лопатинским[184]. Он был один из первых выпускников Санкт-Петербургской учительской семинарии приехавшим в 1802 г. по распределению на работу в Главное народное училище в Петрозаводске и вел исторические записки об истории учебных заведений в губернии. В работе П. А. Лопатинского приводятся сведения о численности школ и учащихся в них, о составе училищных библиотек. Автор рассказывает об активной деятельности директора народных училищ А. Е. Крылова по открытию сельских приходских училищ в 1804-1806 гг. Интерес для исследователя представляет данная им характеристика местных священников – учителей приходских училищ.

---

[182] Георгиевский А. Грамотность в Муромле // ОГВ. 1905. № 107; Леонтьев И. Ивинское земское училище // ОГВ. 1904. № 3; Митрошин М.Д. Очерк народного просвещения в Ладве // ОГВ. 1904. № 107, 108; Шуньгская Е. Шелто-Бережное земское училище // ОГВ. 1905. № 125.

[183] Бредец И. Остречинское земское училище // ОГВ. 1904. № 3; Ведлозерское министерское училище // ОГВ. 1903. № 117, 118; Видлицкое училище Олонецкого уезда // ОГВ. 1903. № 59, 60; Коткозерское земское училище // ОГВ. 1903. № 63, 68, 70; Крикунов П. Куйтежское земское училище // ОГВ. 1903. № 78; Лосев С. А. 1) Из жизни училищ Олонецкого уезда // ОГВ. 1903. № 43; 2) Ильинское двуклассное училище // ОГВ. 1902. № 42; 3) Горское одноклассное училище // ОГВ. 1902. № 21; 4) Мегрецкое земское училище // ОГВ. 1903. № 83; Сысоев В. Хевронское земское училище Олонецкого уезда // ОГВ. 1903. № 37; Туломозерское земское училище Олонецкого уезда // ОГВ. 1903 № 21, 22.

[184] Лопатинский П.А. Историческая записка о заведении и состоянии народных училищ в Олонецкой губернии // ОГВ. 1889. № 93, 94.

Авторы публикаций «Губернских ведомостей» пытались осмыслить основные проблемы школьного строительства и народного просвещения первой половины XIX в., выявить причины неудач и предложить пути решения возникших трудностей. В своих заметках они указывали причины «замедления хода учения» в сельских приходских училищах в это время. Одной из них представлялось разновременное поступление детей в школу, другой – пропуски учащимися уроков по желанию родителей, третьей – недостаток учебных пособий[185].

Корреспонденты пытались сравнить положение училищ и состояние народного просвещения в Олонецкой губернии в начале и в конце XIX столетия. «Сопоставление начала нынешнего века, когда первые училища были у нас единицы и самое их основание сопряжено с величайшими трудностями, с концом того же века, когда народные школы существуют уже целыми сотнями, а местное население обнаруживает сильное стремление к образованию – поучительно и отрадно для нас современников», – писал корреспондент[186]. «Ранее отец Петр занимался обучением детей в свободное от пастырских обязанностей время. Теперь стало необходимо вести учебное дело правильно, неопустительно, в положенные для занятий часы»[187], – делая сравнение в деятельности учителей в сельских школах первой и второй половины XIX в., сообщал респондент в одном из очерков по истории просвещения,

Публиковавшиеся в губернской периодике авторы утверждали, что первая половина XIX в. стала отправной точкой развития образования в пореформенной России. «Становится очевидным, что семя знания, брошенное в почву чуть не за сто лет до нашего времени, упало в почву добрую и взлелеянное благодетельной рукой, дало прекрасные

---

[185] Мегорский П.М. О народных училищах в былое время в Кондушском приходе Вытегорского уезда // ОГВ. 1875. № 9.
[186] Миролюбов П. 1) Обучение крестьянских детей в 1842 и 1872 гг. // ОГВ. 1873. № 5; 2) К истории народного образования // ОГВ. 1895. № 97.
[187] История Рыборецкого земского училища // ОГВ. 1905. № 120.

всходы»[188] – заметил один из корреспондентов «Олонецких губернских ведомостей» в 1895 г.

Таким образом, «Губернские ведомости» формировали интерес к местной истории, в том числе истории школьного дела, служили трибуной для учителей, краеведов, земских деятелей, просветителей. Их материалы служат современному исследователю в качестве первичной историографии по истории практической деятельности училищ и отношения к народному просвещению в провинциальном обществе.

6) Источники личного происхождения.

Еще одну группу источников представляют источники личного происхождения (дневники, мемуары, письма). Часть из них была опубликована в начале XX в. отдельными изданиями, часть публиковалась в дореволюционной газетной и журнальной периодике. Такого рода документы отражают отношение современников и участников реформирования системы народного образования, содержат ценные материалы по правовому и материальному положению народных учителей, хотя и несут в себе известную долю субъективизма. Только из мемуаров и дневников учителей мы можем почерпнуть сведения об их отношении к своей деятельности, к детям, обнаружить внутреннюю мотивацию многолетнего служения многих из них в глухой провинции или, наоборот, бегства от неразрешимых проблем. В мемуарах авторы отразили свое восприятие школы, ее административных, финансовых, бытовых, психологических проблем.

В диссертации использованы дневники и воспоминания государственных деятелей[189], представителей либеральной профессуры, отражающие обстоятельства посещения ими школ во время визитаций[190], воспоминания учителей[191] и учеников[192], записки церковнослужителей[193].

---

[188] К истории народного образования // ОГВ. 1895. № 97.

[189] Воспоминания генерал-фельдмаршала графа Дмитрия Алексеевича Милютина. Т. 1. Томск. 1919; Пыпин А.Н. Мои заметки. М. 1910; Шишков А.С. Записки адмирала А.С. Шишкова. СПб, 1868.

[190] Отрывок из записок покойного Константина Ивановича Арсеньева // ОГВ. 1866. № 7; Никитенко А.В. Записки и дневники. (1826-1877). СПб., Т. 1. 1893; Погодин М.П.

В мемуарах, оставленных педагогами первой половины XIX в. представлены вопросы, связанные с преподавательской деятельностью: содержание учебно-воспитательного процесса, особенности методики преподавания учебных предметов, описание учебников и учебных пособий. О материальных и бытовых проблемах, с которыми приходилось сталкиваться учителю в повседневной жизни, также упоминалось в этих текстах. Так в губернских городах I класс Главного народного училища становился приходским училищем, II класс – уездным, III и IV классы – гимназией. В уездных городах I и II классы Малых народных училищ соответственно являлись приходским и уездным училищем. Мы сочли правомерным использовать некоторые воспоминания учителей, деятельность которых протекала за пределами изучаемого региона, поскольку они психологически достоверны.

Мемуаристы детально отражают трудности работы и бедность педагогов. «Уходя из дома в 8 час. утра, я возвращался часто в 8 час. вечера, иногда и позже, всегда пешком, усталый, изнуренны», – писал учитель Киевской гимназии Н. Д. Богатиков[194]. О сложностях финансового положения также писал один из неизвестных авторов, в журнале «Исторический вестник». Говоря о второй четверти XIX в., он сообщает: «Ряды жалкой армии голодных

Школьные воспоминания. 1814-1820 // Вестник Европы. 1868. № 7 . С. 603-634; Шевырев С.П. Поездка в Кирилло-Белозерский монастырь // Вологда в воспоминаниях и путевых записках, конец XVIII – начало XX века. Вологда., 1997. С. 61-78.

[191] Белозерский Н. Записки учителя. СПб., 1905; Л. Два учителя одной школы // Воспитание. 1861. № 1. С. 47-54; Воспоминания М.К. Чалого // Киевская старина. 1894. № 5. С. 277-307; Семенов Д.Д. Педагог-идеалист сороковых годов // Русская школа. 1894. № 2. С. 13-28; Янишевский Е.П. Воспоминания бывшего учителя 2-ой Казанской гимназии сороковых годов. Казань. 1896.

[192] Автобиография Степана Лукича Геевского. 1813-1862 гг. // Киевская старина. 1893. № 9. С. 375-400; № 10. С. 91-111; № 12. С. 427-443; А.Р. Былое. Из воспоминаний о 50-60-х годах // Русская старина. 1901. Т. 108. № 10. С. 137-158. № 11. С. 371-380; Буслаев Ф.И. Мои воспоминания. М., 1897. Величковский. Гимназические воспоминания // Воспитание. 1860. № 7. С. 61-70; Гарусов И.Д. Провинциальные училища в 30-40-х годах (воспоминания гимназиста) // ЖМНП. 1910. № 4. С. 1-19; 1910. № 5/6. С. 42-63.

[193] Архимандрит Пимен. Воспоминания // Вологда в воспоминаниях и путевых записках, конец XVIII – начало XX века. Вологда, 1997. С. 21-52.

[194] Из воспоминаний Н. Д. Богатикова // Русский архив. 1899. № 7. С. 423-446.

педагогов заполнялись всяким отребьем… В народные учителя шли все желающие преподавать ради куска хлеба и приюта»[195].

Более многочисленны использованные в работе ученические мемуары. Это бывшие ученики, ставшие общественными деятелями, литераторами, учеными, оставившие свои воспоминания о школьных годах. Статус мемуаристов был выше статуса преподавателей учебных заведений. В этих воспоминаниях, помещенных в центральной и региональной периодической печати второй половины XIX – начала XX в., рассматривается их отношение к организации обучения в дореформенных гимназиях и училищах, состоянию школ, к преподавателям и одноклассникам.

Одним из сквозных сюжетов воспоминания является оценка содержания преподавания, т. е. учебных программ гимназий. Большинство окончивших дореформенные гимназии мемуаристов считали, что программа обучения в то время была далеко несовершенна и сложна для восприятия подростков 10-12 лет. Многие из выпускников гимназий невысоко оценивали свои познания после их окончания. Другие же, напротив, утверждали, что приобрели в гимназии любознательность, охоту к чтению и самообразованию, а недостаток школьного учения восполнили желанием быть полезным обществу. Один из мемуаристов писал: «Относительно нас, могу сказать одно, по выходе из гимназии мы обладали известного рода развитием, знали пройденные по программам предметы и имели совершенно неправильное представление о действительности. В смысле подготовительной ступени к высшему образованию, такого багажа было, пожалуй, достаточно, но куда годились те из нас, которые в силу обстоятельств либо нельзя было поступить в университет, либо не удалось окончить в нем курса[196].

Бывшие воспитанники также обращали внимание на материальное положение учебных заведений и отмечали в записках, что «гимназии вообще были из рук вон плохи... Везде грязь, в окнах разбитые стекла, так, что в

---

[195] Записки покойного учителя // Исторический вестник. 1888. № 8. С. 298.
[196] А.Р. Былое. Из воспоминаний о 50-60-х годах // Русская старина. 1901. Т. 108. № 11. С. 376.

зимнее время и ученики и учителя сидели в шубах или тулупах»[197]. Бывшие выпускники сельских школ в своих воспоминаниях высказывали мнения, суждения о пользе учения, о преподавателях и законоучителях[198]. Такие источники мемуарного характера важны для понимания специфики социального положения учителей и учеников.

Содержательны также воспоминания и отдельные заметки и наблюдения представителей училищного начальства и педагогов Санкт-Петербургского учебного округа[199]. Среди них есть и заметки воспитанников и педагогов учебных заведений Вологодской и Олонецкой губернии. Нами привлекаются также воспоминания, авторами которых являются люди, служившие за пределами исследуемого региона.

Особую ценность для нашего исследования имеют воспоминания бывших учеников Вологодской губернской гимназии Н. Ф. Бунакова, Л. Ф. Пантелеева и П. В. Засодимского[200].

В записках общественного деятеля, писателя, педагога Н. Ф. Бунакова, отражается представление выпускника Вологодской гимназии об уровне преподавания учебных дисциплин в Вологодской гимназии. Мемуарист его

---

[197] Воспоминания генерал-фельдмаршала графа Дмитрия Алексеевича Милютина. Томск. Т.1. 1919. С. 43.

[198] Артынов А.Я. Воспоминания крестьянина села Угодичи Ярославской губернии Ростовского уезда // Воспоминания русских крестьян XIII – первой половины XIX века. М., 2006. С. 417-450; Братцев В. Жертвы неразумного воспитания // Странник. 1879. Т. 3. № 2. С. 288-320; Корхов Л. М. Школьные воспоминания крестьянина // Вестник Европы. 1870. Кн. 8. С. 514-530; Дружинин Н. Вспоминая о школьной жизни // Сын Отечества. 1860. № 48. С. 1459-1462; Лемехов П. Из школьных воспоминаний // Школьная жизнь. 1873. № 24. С. 539-544; № 31. С. 642-649; № 32 С. 709-714; Чечерский Л. Школьные воспоминания крестьянина // Вестник Европы. 1870. Кн. 8. С. 503-540.

[199] Вейнберг П.И. Из моих воспоминаний // Русская школа. 1890. № 8. С. 32-55; Лапшин В. Из воспоминаний о 3-ей СПб гимназии // ЖМНП. 1873. № 10. С. 92-97; Маев Н. Из прошлого 2-ой Петербургской гимназии// Русская школа. 1894. С. 29-39; Отрывок из автобиографии Александра Матвеевича Лазоревского // Киевская старина. 1905. Т. 77. № 5. С. 470-494; Семенов Д.Д. 1) Из школьных воспоминаний старого педагога// Русская школа. 1890. № 9. С. 42 -54; 2) Педагог-идеалист сороковых годов // Русская школа. 1894. № 2. С. 13-28;

[200] Бунаков Н.Ф. Записки: моя жизнь. СПб., 1909; Засодимский П. Забытый мир (Из пансионских воспоминаний) // Русская школа. 1891. № 4. С. 28-49. № 5. С. 56-75; Пантелеев Л.Ф. Из воспоминаний о гимназии 50-х годов // Русское богатство. 1901. № 6. С. 115-131.

высоко оценивает, особенно это касается гуманитарных предметов. Н. Ф. Бунаков пишет, что в его время в гимназии много времени уделялось русской словесности: стихотворству, написанию сочинений, творческих работ различного жанра, что помогло ему развить свои способности к литературной деятельности, стать учителем русского языка и литературы.

Воспоминания выпускника Петербургского университета, известного деятеля народничества Л. Ф. Пантелеева о Вологодской гимназии 50-х годов XIX в. также являются важным источником по истории народного просвещения. Автор описывает положение гимназического учения после введения министром народного просвещения П. А. Ширинским-Шихматовым в 1849 г. изменений в учебный курс гимназий. Мемуарист дает критическую оценку нововведениям министра, считая, что сокращение курса латинского языка и начало преподавания законоведения «не принесло пользы нашему юношеству»[201], фиксирует множество деталей школьной повседневности. Интересны данные им характеристики директоров училищ, учителей, товарищей по гимназии. Вспоминая директора Вологодской гимназии Н. И. Левитского, он писал, что тот «пользовался большим уважением, а А. С. Власов, впоследствии директор Коломенской гимназии в Санкт-Петербурге, «держал себя как-то свысока»[202].

П. В. Засодимский – писатель, родом из небогатой дворянской семьи, после окончания Вологодской гимназии поступил в Петербургский университет. Активно занимался литературной деятельностью. В его воспоминаниях ярко представлены картины из жизни воспитанников Благородного пансиона при Вологодской гимназии. Строгий распорядок дня, одежда и питание пансионеров, нравы и быт пансиона, отношения между воспитанниками и мнение об учителях – вот основные темы раскрытые автором мемуаров. П. В. Засодимский с одной стороны отмечает солидарность и взаимопомощь учащихся, интересные уроки педагогов, с

[201] Пантелеев Л. Ф. Из воспоминаний о гимназии 50-х годов // Русское богатство. 1901. № 6. С. 131.
[202] Там же. С. 128.

другой, замкнутость пансионского пространства, грубые нравы учеников, телесные наказания, применяемые преподавателями и надзирателями пансиона.

Отметим, что число источников личного происхождения по Олонецкой губернии изучаемого периода крайне скудно. Мы можем обратить внимание только на автобиографические записки предпринимателя и мецената М. Н. Смирнова, который рассказывая о своем жизненном пути, с благодарностью вспоминает Сямозерское приходское училище, где он получил основы русской грамоты и благодаря которым достиг значительных успехов в предпринимательстве[203]. Следует заметить, что публикаций мемуарного характера по Архангельской губернии нами не выявлено.

Таким образом, из мемуаров, воспоминаний, дневников бывших учащихся гимназий, уездных и приходских училищ мы можем почерпнуть сведения об их отношении учебному процессу, к деятельности педагогов. Воспоминания учеников, обучавшихся в школах в дореформенное время, освещают материальное состояние учебных заведений, качество преподавания учебных предметов, взаимоотношения: учитель-администрация учебных заведений, учитель-ученик, ученик-ученик.

Реконструируя историю становления и развития системы просвещения на Европейском севере России, мы располагаем огромным массивом источников, отложившихся как в местных, так и в центральных архивах. В первую очередь, это документы, сосредоточенные в архивах Санкт-Петербурга, поскольку именно здесь сконцентрированы фонды государственных учреждений, ведавших делами народного просвещения. Это позволит по-новому взглянуть на проблему задач, направлений и эффективности деятельности учебных заведений, не говоря о богатейшем материале, иллюстрирующем повседневную жизнь учителей и учеников, систему управления, уровень преподавания и пр.

Материалы провинциальных архивов (Архангельской и Вологодской областей, а также Республики Карелия) историками просвещения исследованы

---

[203] Смирнов М.Н. Голос корела. Путевые заметки и корельская поэзия. СПб., 1890.

недостаточно. Ко многим из них исследователи никогда не обращались. Этот документальный комплекс не подвергался систематическому анализу. Исходя из этого, в нашем диссертационном исследовании мы проводим систематизацию и введение в научный оборот новых архивных материалов. Это является основной задачей в нашем диссертационном исследовании.

ГЛАВА II. УПРАВЛЕНИЕ СИСТЕМОЙ УЧИЛИЩ: ПОЛИТИКА ПРАВИТЕЛЬСТВА И МЕХАНИЗМЫ ЕЕ РЕАЛИЗАЦИИ

2.1. Структура и правовое регулирование школьного образования, система администрирования

Вступление на престол Александра I ознаменовалось, курсом на продолжение начатых Екатериной II реформ в области просвещения. Манифестом от 8 сентября 1802 г. об образовании министерств было создано Министерство народного просвещения, которое должно было заниматься вопросами образования и воспитания, развития науки, контролем квалификации государственных чиновников через систему лицензирования их образовательного уровня, в том числе частных наставников, и т. д. В его ведение входили Академия наук, Российская академия, университеты и другие учебные заведения, типографии, цензура, издание периодических сочинений, народные библиотеки, музеи и различные общества по распространению знаний. Во главе министерства первые 8 лет стоял граф Петр Васильевич Завадовский, в это время, по авторитетному заключению С. В. Рождественского, министерство действовало наиболее активно, в 1803-1804 гг. были организованы центральные ведомственные учреждения (Главное правление училищ, Департамент министерства) и учебные округа, разработаны и приняты уставы высших, средних и низших учебных заведений. В последующие годы «предстояло перейти от теоретических построений к осуществлению их на практике»[204].

Система ведомственного управления в основных чертах была предложена в «Предварительных правилах народного просвещения» (1803 г.), «Уставе учебных заведений, подведомых Университетам» (1804 г.), конкретизирована различными постановлениями и распоряжениями Министерства народного просвещения. Все законодательные акты и постановления по министерству утверждались императором. При

[204] Рождественский С.В. Исторический обзор деятельности Министерства народного просвещения 1802-902 гг. СПб., 1902. С. 40.

обсуждении нового законодательства учитывался опыт школьных реформ последней трети XVIII в. Поскольку одним из важнейших недостатков «Устава о народных училищах» 1786 г. было отсутствие правильно устроенной системы местных органов управления учебными заведениями, главной задачей реформирования стало создание таких центров в составе единой системы училищ. Административными звеньями в этой системе становились университеты (на уровне учебных округов) и дирекции училищ (на уровне губерний, входящих в состав округа).

Обсуждение образовательной реформы велось внутри Негласного комитета из ближайших друзей Александра I (Н. Н. Новосильцева, А. Чарторыйского, П.В. Кочубея, П. А. Строганова) и советников, включая наставника императора Ф. С. Лагарпа, М.М. Сперанского и др. Ф. С. Лагарп, как и П. А. Строганов, выступал за создание особого Министерства просвещения, организацию повсеместно начальных школ и необходимость четкого разграничения между общеобразовательной и профессиональной школой. Комиссия училищ, готовившая образовательную реформу, изучила системы образования других стран, прежде всего Франции. Внимание Комиссии привлекли принципы построения учебных планов в духе рационализма, использование идей из проектов, разработанных после Великой французской революции. Одним из таких проектов был план французского философа, математика, политического деятеля Жана Антуана Кондорсе[205]. Кондорсе выступил в 1792 г. в Конвенте и предлагал создать 4-х ступенчатую систему образовательных учреждений: четырехлетнюю начальную школу (с весьма обширной программой) для поселений с количеством жителей менее 400 человек, трехлетнюю «вторичную школу» для каждого округа и города с населением от 400 до 4000 человек, «институты» для департаментов и крупных городов и «лицеи» с университетским курсом[206].

---

[205] Полякова Н.В. Складывание российской системы образования // Социально-политический журнал. 1998. № 3. С. 166.

[206] Филоненко Т.В. Реформы и контрреформы: история школьных систем в России XIX – первой трети XX веков. Воронеж, 2004. С. 20.

В Негласном комитете высказывались мнения, что «не все то удобно вводить у нас, что хорошо за границей; что у нас необходимо изменить многое из того, что существует во Франции, что у нас есть старинные учреждения, к которым следует применяться при организации старых»[207], а общественные деятели предупреждали о трудностях проведения реформ в России. В частности, Н. М. Карамзин писал: «Можно предвидеть затруднения в начале такого нового для России учреждения, особливо в некоторых отдаленных губерниях»[208]. Такое масштабное мероприятие нелегко было реализовать в России, и поэтому при сохранении некоторых основных идей проекта Кондорсе была выработана своя, более подходившая к условиям времени и места программа.

Изданные в 1803 г. «Предварительные правила народного просвещения» излагали основы новой учебной реформы. Первым параграфом «Правил» было определено, что «народное просвещение в Российской империи составляет особенную государственную часть, вверенную министру сего отделения и под его ведением распоряжаемую Главным правлением училищ»[209]. Шестеро из членов Главного правления училищ, ставшего преемником Комиссии училищ, назначались одновременно и «попечителями» шести учебных округов, на которые делилась империя по отношению к учебному управлению. Попечитель был представителем интересов своего округа в Петербурге, а в округе во главе училищ всех уровней стоял университет. Практическое руководство учебным процессом, вопросы представления и назначения учителей, выдачу аттестатов на право преподавания, помощь школам учебными пособиями, составление сводных отчетов – эти и другие функции администрирования брал на себя университет.

---

[207] Константинов Н.А., Струминский В.Я. Очерки по истории начального образования в России. С. 87.

[208] Карамзин Н.М. О новом образовании народного просвещения в России // Вестник Европы. 1803. № 5. С. 56.

[209] Предварительные правила народного просвещения // Полное собрание законов Российской империи (далее: ПСЗРИ). Собр. 1. Т. 27. № 20597. СПб., 1830.

Каждый из губернских городов учебного округа должен был иметь свое губернское училище или гимназию с 4-х летним курсом обучения, находившуюся под наблюдением университета. Директор гимназии был вместе с тем и директором училищ губернии. Во всех уездных городах полагалось устроить по одному уездному училищу с 3-х летним курсом обучения. В церковных приходах, городских и сельских, «судя по числу прихожан и отдалению их жительств», открывались приходские училища. Смотритель уездных училищ становился в свою очередь начальником приходских училищ своего уезда.

Во второй главе «Предварительных правил» были представлены положения учебной программы преподаваемых предметов. Так в приходских училищах детей должны были обучать Закону Божьему, чтению, письму и первым действиям арифметики. В уездных училищах ученикам, поступающим из приходских училищ, преподавали грамматику российского языка, географию, историю, геометрию и естественные науки. Учебными предметами в гимназиях были изящные науки, латинский, французский и немецкий языки; логика, математика, физика, история, география, естественная история, основания политической экономии и коммерции[210].

Законодательство 1800-1810-х гг. допускало в гимназии и университеты не только дворян, но людей всех сословий при условии освобождения от подушного оклада. Это могли быть отпущенные на волю помещичьи крестьяне, а также лица, получившие увольнение от сельских или городского обществ. Текущие распоряжения министерства сглаживали «принцип сословности» в образовании ради укомплектования учебных заведений достаточным числом молодых людей[211]. Получение образования само по себе нивелировало сословные различия. Провозглашалась общедоступность образования. Программа обучения планировалась широкой, и Министерство

---

[210] Там же.

[211] Рождественский С.В. Сословный вопрос в русских университетах в первой половине XIX в. // ЖМНП. 1907. Ч. 9. Отд. 2. С. 14.

народного просвещения должно было поэтапно ввести ее в жизнь. Особое внимание «было обращено на религиозное воспитание учащихся»[212].

Важным шагом в реформировании системы просвещения России в первой четверти XIX в. явилось создание «Устава учебных заведений, подведомых Университетам» (1804 г.). Он развивал основные положения «Предварительных правил народного просвещения», утверждал иерархическую подчиненность образовательных учреждений и в то же время обеспечивал учебной системе определенную независимость от местной администрации, например от губернатора. Особенно большими свободами и автономией пользовались университеты.

В Уставе была установлена система административного управления образованием, звеньями которой были: Министерство народного просвещения (министр народного просвещения) – Главное правление училищ (попечитель учебного округа) – университет (ректор университета) – Дирекция народных училищ (директор народных училищ в губернии) – смотритель уездного училища в уезде – в казенных селениях приходской священник и один из почетных жителей, в помещичьих селениях – помещик. Таким образом, складывалось строго централизованное руководство школами, прямая зависимость низших звеньев образования от высших. При этом казна не тратилась на содержание отдельного штата управленцев и контролеров разных уровней, возложив различные функции управления непосредственно на руководство самих учебных заведений[213].

Школьный Устав определил задачи созданных новых учебных учреждений. Губернские гимназии должны были обеспечить «преподавание наук, хотя начальных, но полных в рассуждении предметов учения» и подготовить воспитанников к слушанию университетских наук (ст. 4). Уездные училища осуществляли подготовку юношества для поступления в гимназии, и давали детям «различного состояния необходимые познания,

---

[212] Эймонтова Р.Г. Просвещение в России в первой половине XIX века // Вопросы истории. 1986. № 10. С. 79.
[213] Филоненко Т.В. Реформы и контрреформы... С. 22-23.

сообразные состоянию их промышленности» (ст. 84). Сельские приходские училища становились низшим звеном в системе народного просвещения. Они давали элементарные знания и навыки чтения, письма и счета и учреждались для приготовления юношества для уездного училища и для того чтобы доставить «детям земледельческого и других состояний сведения им приличные, сделать их в физических и нравственных отношениях лучшими, дать им точные понятия о явлениях природы и истребить в них суеверия и предрассудки, столь вредные их благополучию, здоровью и состоянию» (ст. 119). Открытие приходских училищ в казенных селениях было делом священников, в помещичьих – предметом заботы помещиков.

В новом школьном законодательстве все четыре ступени образовательных учреждений были представлены тесно связанными друг с другом преемственной связью, как звенья одной системы. Устав указывал (ст. 102), что «ни один ученик не должен быть принят в уездное училище, если он не обучался в приходском или другом каком училище»[214]. В гимназию же принимались только дети, имевшие свидетельство об окончании уездных училищ. Таким образом, путь постижения наук представлял собой постепенное прохождение всех ступеней учения: первой (низшей) ступенью являлось одноклассное приходское училище, второй – уездное трехклассное училище, а третьей – четырехклассная губернская гимназия.

В результате каждая ступень обучения могла стать конечной, но для того чтобы перейти на высшую ступень, необходимо было пройти предшествующую, сдав выпускные экзамены (открытые испытания) и получив соответствующий аттестат. Тем, кто обучался в домашних условиях или в частном пансионе, при поступлении в учебное заведение той или иной ступени также необходимо было сдать вступительные экзамены за курс школы предшествующей ступени. Так что для того, чтобы поступить в

---

[214] Устав учебных заведений, подведомых Университетам // ПСЗРИ. Собр. 1. Т. 27. № 21501.

университет, нужно было проучиться, переходя из одной школы в другую, при этом переезжая из села в уездный город, из уездного – в губернский, а затем в университетский город. На практике переход на более высокий школьный уровень облегчался в средних и крупных городах, где одновременно существовали и приходские, и уездные училища, и гимназии[215].

В конечном счете, иерархия ступеней образования складывалась в цельную и законченную конструкцию. Общедоступность всех звеньев школьной системы, отсутствие тупиков и возможность беспрепятственного прохождения системы снизу доверху – эти демократические принципы были следствием влияния идеологии Просвещения на творцов реформы.

Одним из достижений образовательной реформы Александра I стало повсеместное учреждение приходских училищ, т. е. начальных общеобразовательных школ в сельской местности. Указ императора от 31 января 1805 г. «Об учреждении сельских приходских училищ и о преподавании в оных учения священно- и церковнослужителями» разрешал местным священникам преподавание в приходских сельских школах: «Училища в приходах учредить по сношениям с Епархиальными Архиереями в тех местах, где есть такие священно- и церковнослужители, кои могут преподавать учение»[216].

Система ведомственного подчинения в сфере народного просвещения предполагала строгий надзор над учебными заведениями. Основные функции надзора и контроля в учебном округе осуществлял попечитель. Он должен был заботиться об устроении университета и других учебных заведений и о приведении их в «цветущее состояние», отвечать за благоустройство округа, знакомиться с положением дел по донесениям университета и отдельных училищ или посредствам личных обзоров округа, представлять на утверждение министра народного просвещения кандидатуры профессоров

---

[215] Филоненко Т.В. Реформы и контрреформы… С. 24.

[216] Об учреждении сельских приходских училищ и о преподавании в оных учения священно- и церковнослужителей // ПСЗРИ. Собр. 1. Т. 28. № 21610.

университета и директоров гимназий[217]. С помощью 3-4 окружных инспекторов он контролировал работу всего округа. Ежегодные осмотры училищ были главной обязанностью попечителя учебного округа.

Еще одной надзорной инстанцией в училищной системе стал университет. Согласно университетскому Уставу (1804 г.), административные, хозяйственные и учебные дела во всех общеобразовательных школах, расположенных на территории подведомственного учебного округа, находились в его ведении. В главе 15 Устава «Об управлении и надзирании училищ» определялись права и обязанности университета по управлению и контролю над училищами в подведомственном учебном округе.

Университет становился в пределах своего округа центральным звеном управления системой училищ трех уровней, подведомственных Министерству народного просвещения. Это были «гимназии, уездные, приходские и другие под каким бы то ни было названием, училища и пансионы, находящиеся в губерниях, к каждому университету причисленных»[218]. Помимо прямой подчиненности университет формировал механизм разнообразного косвенного влияния на систему училищ: через выпускников университета, направляемых в них в качестве учителей, через практику экзаменов на право преподавания для педагогов, осуществлял контроль за учебными пособиями. Санкт-Петербургский университет, распределяя своих выпускников на вакантные должности, мог влиять на преподавание общеобразовательных предметов не только в училищах ведомства Министерства народного просвещения, но и в привилегированных (лицеи), ведомственных (Горный институт), благотворительных и даже в военно-учебных заведениях столицы.

Для решения организационно-управленческих и контрольно-инспекторских вопросов в отношении учебных заведений общего

---

[217] Предварительные правила народного просвещения… Ст. 20-21.
[218] Устав учебных заведений, подведомых Университетам... Ст. 1.

образования в университете учреждался Училищный комитет (ст. 165), состоявший из председателя (ректора) и шести ординарных профессоров «для удобнейшего производства дел, к училищам относящихся»[219]. Училищный комитет, имея широкий круг полномочий, осуществлял непосредственную переписку с губернскими дирекциями народных училищ. Все донесения о состоянии училищ, ведомости о составе учебных заведений, данные об учителях и учениках, хозяйственные отчеты по дирекции, ходатайства, представления директоров училищ теперь поступали в Комитет, а тот, в свою очередь, разъяснял, давал разрешения, наставления, требовал объяснений с мест по различным вопросам (ст. 166). Комитет ходатайствовал перед Советом университета о награждении и поощрении учителей, а также об увольнении с должности, если «они окажутся недостойными звания».

Университет надзирал за учением и воспитанием, представлял попечителю ежегодный отчет и подробные сведения о состоянии дел в подведомственном округе, содействовал распространению училищ, представлял попечителю ежегодный отчет и подробные сведения о состоянии дел в подведомственном округе. Университетский Устав предполагал «неутомимое попечение» над гимназиями, уездными и приходскими училищами: «где оным быть положено, учреждены и снабжены были знающими и благонравными учителями и учебными пособиями, и дабы порядок учения соблюдаем был везде неослабно»[220]. Директора училищ обязаны были обо всем докладывать правлению университета. Так, в январе 1827 г. ректор университета А. А. Дегуров дал предписание всем директорам училищ Петербургского учебного округа немедленно доносить обо всех происшествиях начальству, т. е. университету[221].

Тот факт, что ректор университета владел полной информацией о состоянии училищного дела на территории округа, иллюстрируют сохранившиеся архивные документы. 14 февраля 1828 г. попечитель округа

---

[219] Об Университетском Уставе // ПСЗРИ. Собр. 1. Т. 28. № 21497.
[220] Там же.
[221] НА РК. Ф. 17. Оп. 5. Д. 2/3. Л. 435.

К. М. Бороздин потребовал от ректора Петербургского университета А. А. Дегурова срочно доставить сведения по Олонецкой гимназии, «когда она была учреждена, сколько в ней преподавателей и учеников и какая сумма в год на содержание отпускалась»[222]. Несмотря на то, что данное предписание ректором было получено 14 февраля в 6 часов вечера, в этот же день, по имеющимся в канцелярии училищного комитета университета документам (формулярным спискам учителей, отчетам по гимназии, исторической записке об Олонецкой гимназии и т. д.), был составлен подробный рапорт. Утром 15 февраля этот документ о состоянии гимназии в г. Петрозаводске был доставлен попечителю.

Инструментом контроля со стороны учебного округа, губернской администрации за деятельностью училищ были «обозрения» (ревизии) учебных заведений профессорами, назначавшимися по выбору Конференции Педагогического института; после преобразования института в Санкт-Петербургский университет, Конференцией, а с 1821 г. Советом Санкт-Петербургского университета[223]. Эти собрания определяли «визитаторов из членов училищного комитета или других профессоров, поручая каждому одну или две губернии по местному положению для осмотра»[224] и распоряжались о снабжении их путевыми деньгами из штатной суммы университета. Профессор-визитатор мог сопровождать попечителя учебного округа в его поездках по губерниям, а мог совершать инспекцию и самостоятельно.

Проверяющим вручалось специальное «наставление», где указывалось, что они не только обозревают училища и составляют отчет об их посещении, но «должны вести беседу с гражданами, дружески внушать пользу учения и советовать, чтобы они отдавали детей в училища»[225]. Так, в задачи

---

[222] ЦГИА СПб. Ф. 139. Оп. 1. Д. 4267. Л. 1.
[223] Подробнее об организации и проведении визитаций университетом см.: Жуковская Т. Н., Калинина Е. А. От азбуки до университета»: административная деятельность Санкт-Петербургского университета в учебном округе в первой половине XIX // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. № 2. История. Вып. 2. 2014. С. 22-32.
[224] Устав университетов…
[225] РГИА. Ф. 733. Оп. 20. Д. 125. Л. 3.

профессора логики и философии П. Д. Лодия, обозревавшего учебный округ в 1811 г., входило содействие губернскому учебному начальству при открытии новых школ в уездных городах Олонецкой и Архангельской губерний. Кроме того, визитаторы оценивали деятельность губернского директора училищ, «какую наклонность привил он в жителях к заведению приходских училищ и вообще к просвещению»[226]. Такие «наставления» составлялись для каждой ревизии отдельно. По штату Главного Педагогического института на содержание визитатора по Санкт-Петербургскому округу выделялось 4000 руб., кроме того, на путевые издержки отпускалось еще 200-300 руб., по усмотрению университетского Совета.

Во время визитаций профессора знакомились с деятельностью учебных заведений на местах. Инспектирование со стороны университетских чиновников редко выходило на уровень приходских сельских школ, обычно осмотру подвергались гимназии и уездные училища. Столичные проверяющие не посещали наиболее отдаленных мест, полностью полагаясь на отчеты смотрителей уездных училищ. При этом велись подневные записки (журналы) визитаций.

Прибыв на место, визитаторы сначала знакомили директора училищ и учителей с данными им от попечителя «наставлениями», затем приступали к обозрению учебных заведений. Профессора интересовались ходом учебной и воспитательной работы в училищах, проводили испытания учащихся. Они знакомились с документацией, проводили собеседования с директором, смотрителями и учителями. При проведении индивидуальных бесед с педагогами и училищными чиновниками особое внимание уделялось вопросам методики преподавания учебных предметов, наличия учебников и учебных пособий, выполнения учителями обязанностей по организации экскурсий, составлению истории гимназий, ведению метеорологических наблюдений. Особого одобрения со стороны визитаторов заслуживало

[226] Там же. Л. 7.

составление преподавателями различных записок-комментариев к учебникам и учебным пособиям. По окончании осмотра визитатор проводил общее собрание педагогического коллектива гимназии, где подводились итоги визитации, указывались положительные и отрицательные стороны деятельности учебных заведений. После осмотра учебных заведений визитаторы представляли Училищному комитету письменный отчет о результатах обозрения, отражая в нем состояние осмотренных училищ, качество подготовки учителей и преподавания, качество знаний учащихся.

Такие обозрения имели большое значение. С одной стороны, для губернских дирекций народных училищ открывалась неплохая возможность для решения многих организационных и финансовых вопросов на месте, с прибывшим из столицы представителем окружного начальства, а учителя гимназий получали от университетского профессора ценные методические рекомендации и замечания. С другой стороны, визитации давали Училищному комитету важную информацию о состоянии училищного дела на местах. В то же время они служили живым связующим звеном между гимназией и университетом, формировали у лучших учеников мотивацию к поступлению в университет, а иногда заранее обеспечивали их протекцией. Профессора-визитаторы были знакомы с проблемами организации и деятельности училищ, владели методикой преподавания учебных предметов и успешно использовали накопленный опыт провинциальных педагогов для разработки учебных программ, учебников и учебных пособий для училищ. Например, профессорами Петербургского университета Е. Ф. Зябловским и Н. Г. Устряловым были написаны учебники и методические пособия для гимназий, уездных и приходских училищ, первым – по всеобщей географии, вторым – по русской истории[227].

Для университетских профессоров визитации становились дополнительной нагрузкой и отрывали их от основных занятий. Эти поездки

---

[227] Зябловский Е.Ф. Всеобщее землеописание для употребления в губернских гимназиях Российской империи Санкт-Петербургского Университета. СПб., 1821; Устрялов Н.Г. Начертание русской истории для учебных заведений. СПб., 1839.

обычно занимали не менее 2–3 месяцев, причем происходили не в летнее (вакационное) время, а в середине учебного года, осенью или зимой: по плохим дорогам, с неустроенностью дорожного быта. Эти тяготы, а также необходимость составления подробных отчетов лишь отчасти возмещались двойным окладом жалованья визитаторам на время путешествия.

Деятели народного просвещения, а также исследователи истории российского образования по-разному относились к вопросу о целесообразности кураторства университетов над образовательными заведениями подведомственного учебного округа. Одни видели в этом положительные стороны. Считалось, что связь университетов с училищами послужила залогом успешной школьной деятельности. Например, член Министерства народного просвещения А. С. Воронов отмечал сохранение «духовной связи» между университетом и средними учебными заведениями в лице преподавателей этих заведений, состоявших преимущественно из воспитанников университета[228]. М. И. Сухомлинов отметил положительный отзыв по этому поводу европейских ученых, как «о весьма мудрой мере», «тем более, что профессора в течение долгого времени и, особенно в отдаленных местностях, были единственными компетентными судьями в деле народного образования»[229].

Другие замечали, что разновременное открытие университетов в России негативно влияло на систему отчетности губернских дирекций училищ. Так в Москве, Вильно и Дерпте университеты к этому времени уже были открыты, в Казани и Харькове появились в 1804 г., а в Санкт-Петербурге – в 1819 г. Это вводило некоторые различия в управление учебными заведениями округа и в связи с этим в отчетности дирекции училищ. Например, до 1819 г. и преобразования Главного Педагогического института в Санкт-Петербурге в университет отчеты о состоянии дел в подведомственных дирекциях столичного учебного округа представлялись напрямую попечителю округа.

---

[228] Воронов А.С. Историко-статистическое обозрение… СПб., 1849. С. 103.

[229] Сухомлинов М.И. Материалы для истории образования в России в царствование императора Александра I. СПб., 1865. С. 117.

Изменялись и границы столичного учебного округа и, соответственно количество входивших в него дирекций. С 1803 до 1824 г. в состав округа входили Петербургская, Архангельская, Олонецкая, Новгородская и Псковская губернии. В 1824 г. границы округа значительно расширились за счет центральных и западных губерний, к столичному округу были присоединены Вологодская, Витебская, Могилевская, Смоленская и Калужская губернии. Новгородская же дирекция народных училищ была передана Московскому учебному округу, через 2 года границы округов вновь изменились, т. к. был образован Белорусский учебный округ.

На следующем этапе реформ было решено освободить университеты от функций прямого кураторства над низшими учебными заведениями. Министр народного просвещения С. С. Уваров – вдохновитель и автор «Положения об учебных округах» (1835 г.) и нового общеуниверситетского Устава полагал, что деятельность университета как высшего учебного заведения не должна распространяться на административные и хозяйственные дела учебного округа, а должна ограничиться рамками учебной и хозяйственной деятельности самого университета. Тем более что с увеличением численности школ на местах усложнялся порядок управления ими, к тому же очевидны были «издержки» управления через университет: «медленность в распоряжениях, многосложность административных форм и затруднительность совещательного образа управления»[230]. «Неудобство» управления через университет проявлялось и в том, что профессора университета в течение учебного года были заняты преподавательской деятельностью и выполнять роль визитаторов, т. е. инспектировать училищные дирекции, могли только во время летних вакаций, когда школы не работали. Проведение таких визитаций становилось малопродуктивным, а произведенная в 1826 г. ревизия российских гимназий «обнаружила крайнюю неудовлетворительность их тогдашнего состояния»[231]. Именно С. С. Уваров стал инициатором прекращения периода университетского

[230] Десятилетие Министерства народного просвещения (1833-1843). СПб., 1864. С. 6.
[231] Лалаев М.С. Император Николай I, зиждитель русской школы: исторический очерк. СПб., 1896. С. 117.

управления училищами. Введение «Положение об учебных округах» передавало все управленческие функции в руки попечителей учебных округов.

Что касается контроля над учебными заведениями на местах, то Главное правление училищ наделило губернские дирекции определенными правами для решения незначительных хозяйственных вопросов. Обязательным оставалось составление отчетов по нескольким направлениям деятельности: по дирекции в целом, финансовый отчет (о приходе и расходе средств), об успеваемости учащихся, о материальной базе училищ, о положении библиотек, о пожертвованиях в пользу дела просвещения.

Так постепенно в училищном ведомстве выстраивалась система контроля и надзора. По мнению А. С. Воронова, управление училищ по реформе 1804 г. получило «большую сосредоточенность и самостоятельность, начиная с низших степеней до самых высших»[232]. При таком способе организации наблюдения деятельность провинциальных учебных заведений, даже находящихся в отдаленных уголках Российской империи, становилась объектом внимания столичного училищного начальства. Например, священник Козьма Иванов в течение 4 лет работал в Петрозаводском приходском училище, а в 1821 г. священник был направлен в Шокшинский приход Петрозаводского уезда (в 60-ти км от губернского города) и по собственному желанию открыл там новую школу. Этот факт не остался незамеченным администраторами просвещения и через отчеты дошел до министра. В апреле 1822 г. из Министерства духовных дел и народного просвещения на имя директора народных училищ Олонецкой губернии С. А. Башинского пришло письмо, где сообщалось об особом мнении министра народного просвещения князя А. Н. Голицына по поводу ревностной деятельности Козьмы Иванова на пользу просвещения: «Его сиятельство приказал, кому следует, дабы таковые усердия священников принять в соображение»[233].

---

[232] Воронов А.С. Историко-статистическое обозрение… СПб., 1849. С. 97.
[233] НА РК. Ф. 17. Оп. 2. Д. 1/2. Л. 281.

Создание новой школьной системы требовало значительных финансовых средств от государства. Прежде Главные народные училища содержались губернскими Приказами общественного призрения, а Малые – городскими обществами. Как правило, финансирование учебных заведений до 1804 г. было незначительно и непостоянно. «Предварительные правила народного просвещения» (1803) предусматривали содержание гимназий также за счет Приказов общественного призрения, но «с достаточным дополнением от казны», а уездных училищ – из доходов городских обществ. Однако уже в школьном Уставе (1804) эти положения были пересмотрены: основные средства на содержание, как гимназий, так и уездных училищ отпускались из государственной казны, а суммы, поступающие из Приказов общественного призрения и городских обществ, считались дополнительными. Так впервые система финансирования училищ второго и третьего уровня стала сферой государственного попечения. Следует подчеркнуть, что приходские училища сохраняли прежний порядок финансирования – в городах за счет городских обществ, в казенных селениях – за счет прихожан местной церкви, в помещичьих – за счет помещиков.

В вопросе улучшения материальной обеспеченности школ устроители реформы надеялись на благотворительную помощь граждан, или, как написал Н. М. Карамзин «патриотическую ревность дворян»[234]. Надеялись, что просвещенная часть российского общества изъявит желание содействовать правительству в этом направлении и проявит «знаки великодушной щедрости»[235]. Постановление 1811 г. должно было привлечь общественность к денежным пожертвованиям на нужды просвещения. Им учреждалась сверх штатных смотрителей при уездных училищах должность Почетных смотрителей, которые избирались из местных помещиков, наиболее расположенных к наукам. Однако многие учебные заведения

[234] Карамзин Н.М. О новом образовании народного просвещения в России. С. 54.
[235] Там же.

страны оставались без покровителей и, имея в своем арсенале только бюджетные средства, влачили жалкое существование[236].

Чтобы как-то мотивировать состоятельных людей к пожертвованиям на нужды просвещения и «возбудить в других соревнование к благотворениям», Министерство народного просвещения в 1816 г. ввело постановление «О наградах для благотворителей училищ», в котором предусматривались поощрения и награды в зависимости от внесенной суммы. Например, за небольшие денежные взносы имя мецената записывали в училищную книгу в лучшем сафьяновом переплете с золотым образом, за внесенную сумму 1000 руб. – оформляли «в хороших вызолоченных рамах доску, на коей золотыми буквами изображали чин, имя, отчество и фамилию благотворителя с означенным вкратце пожертвованием». За помощь в 3000 руб. – помещали портрет жертвующего в актовом зале учебного заведения, в 5000 руб. – объявлялось высочайшее благоволение за личной подписью императора, или награждали золотыми медалями, за пожертвование в 20 000 руб. – представляли к особому знаку отличия. В постановлении также открывалась возможность завещать капитал в пользу училищ, в этом случае в честь покойного завещателя обустраивался в здании школы «какой-либо памятник на пьедестале, с кратким изображением пожертвователя на памятнике или с приличной эпитафией»[237].

Тем не менее размеры благотворительности в пользу училищ были незначительны. Проблема состояла в том, что в окраинных губерниях, особенно Олонецкой, численность дворянства и состоятельного купечества была невелика, да и их материальное положение не позволяло делать большие денежные взносы в адрес школ. Чтобы расширить круг лиц, заинтересованных в развитии школьного дела, в 1819 г. вышел в свет еще один императорский указ «Об определении в почетные смотрители училищ

---

[236] Относительно назначения при уездных училищах Почетных смотрителей // ПСЗРИ. Собр. 1. Т. 31. № 24754.

[237] О наградах для благотворителей училищ // Сборник постановлений по Министерству народного просвещения. Т. 1. 1864. Стб. 781-785.

по губерниям, где дворян не находится, посторонних чиновников». Но и это нововведение не оказало достаточной поддержки школам.

Таким образом, правительство использовало различные средства для привлечения граждан страны к проблеме содержания новых учебных заведений.

По окончании наполеоновских войн первоначальный бессословный принцип школьной реформы был скорректирован. В 1813 г. последовало распоряжение Министерства просвещения о том, что дети несвободных состояний могут поступать в гимназии только с особого разрешения министра. В связи с финансовыми трудностями подвергся изменению принцип бесплатности обучения. Статья 38 школьного Устава 1804 г. определяла обучение без оплаты: «Учитель, всех приходящих в класс учиться его предметам, должен обучать, не требуя от них никакой платы за обучение; при самом же учении не должен пренебрегать детей бедных родителей; но всегда иметь в памяти, что он приготовляет членов обществу»[238] Однако в послевоенные годы появилась необходимость во введении платы за обучение в гимназиях сначала в Московском учебном округе, а затем и в других округах России[239].

В апреле 1817 г. С. С. Уваров внес в Главное правление училищ предложение установить в учебных заведениях Петербургского округа «самую умеренную плату» за обучение. Ссылаясь на опыт Германии, Франции, Англии, он доказывал вредность бесплатного обучения, «возрождающего некую пагубную беспечность в родителях». Он предложил на собираемые с учеников суммы организовать кассу народных училищ в столице для выдачи наград учителям. Вскоре этот проект был утвержден[240]. В феврале 1819 г. было введено положение «О плате за учение по тем

---

[238] Устав учебных заведений, подведомых Университетам. Ст. 38.
[239] Алешинцев И.А. История гимназического образования в России (в XVIII и XIX веке). СПб., 1912. С. 81.
[240] Хотеенков В., Чернета В. Граф Уваров – министр и просветитель // Высшее образование. № 1. 1996. С. 150.

училищам, где сие окажется нужным»[241]. Правительство считало, что эти суммы могут поправить неудовлетворительное финансовое положение российских гимназий, помочь в устройстве удобных помещений, комплектации школьных библиотек, увеличении жалованья и определении пенсий педагогам.

21 октября 1817 г. Министерство народного просвещения было преобразовано в Министерство духовных дел и народного просвещения, «дабы христианское благочестие было всегда основанием истинного просвещения»[242]. Соединение под одной крышей церковных дел и просвещения вызвало осуждение в обществе. Даже Н. М. Карамзин – известный консерватор отнесся к этому отрицательно, назвав новое учреждение «Министерством затмения»[243]. Введение в 1819 г. новой учебной программы в учебных заведениях страны также явилось фактом отступления от установленных в начале XIX в. принципов.

В это время происходило усиление нравственного и дисциплинарного надзора. Так, в целях утверждения в молодых людях «страха Божьего, почитания государственного и университетского начальства, …чтобы вело жизнь богобоязненно по правилам вероисповедания, не причиняя никому обиды», в 1824 г. вышло в свет постановление Министерства народного просвещения «О мерах, принятых по Учебным округам по частям учебной и училищного надзора»[244]. Постановление вводило существенное изменение в учебные программы: из числа изучаемых предметов в гимназиях исключались естественное право и политэкономия, учителям словесности запрещалось самостоятельно выбирать для учащихся темы для сочинений. Для надзора за поведением учеников в классах, в церкви, по месту

---

[241] О плате за учение по тем училищам, где сие окажется нужным // Сборник постановлений по Министерству народного просвещения. Т. 1. 1864. Стб. 1145-1150.
[242] Алешинцев И. А. Сословный вопрос и политика в истории наших гимназий в XIX в. (Исторический очерк). СПб., 1908. С. 12.
[243] Хотеенков В., Чернета В. Граф Уваров – министр и просветитель. С. 152.
[244] О мерах, принятых по Учебным округам по частям учебной и училищного надзора // Сборник постановлений по Министерству народного просвещения. Т. 1. 1864. Стб. 1597-1598.

жительства и в городе вводилась должность старшего инспектора. Списки учащихся дирекция училищ ежегодно отправляла в городскую полицию.

В контексте развития системы школ на Европейском Севере России, необходимо отметить, что законодательные акты первой четверти XIX в. определили общие условия становления и развития целостной системы народного просвещения. Относительно организации управления на местах член Министерства народного просвещения А. С. Воронов утверждал, что «делами училищных заведений теперь заведовали особые лица, которые, не имея посторонних занятий, могли и должны были употреблять свою деятельность на распространение и возвышение образования»[245]. В законодательных документах этого времени появилась установка: вовлечь людей всех сословий в обучение грамоте.

Несомненно, одной из заслуг правительственной политики Александра I в области народного просвещения можно назвать постепенное повышение престижа образования в России и формирование образовательной потребности в различных слоях общества. Еще в «Предварительных правилах народного просвещения» (1803) указывалось «не определять к гражданской должности, требующей юридических и других знаний, людей, не окончивших учения в общественном или частном училище»[246]. Спустя шесть лет появилось подготовленное М. М. Сперанским Положение «О правилах производства в чины по гражданской службе и об испытании в науках для производства в коллежские асессоры и статские советники», которое должно было победить нежелание дворянского сословия получать светское образование. Это положение, известное как указ об экзаменах на чин 6 августа 1809 г. утверждало высокий образовательный ценз необходимый для получения чина VIII класса по Табели о рангах (коллежского асессора). Целью указа было «разным частям гражданской службы доставить способных и учением образованных чиновников».

---

[245] Воронов А.С. Историко-статистическое обозрение… СПб., 1849. С. 91.
[246] Предварительные правила народного просвещения.

Имеющие дипломы об окончании университета получали право занимать многие должности без долгой выслуги лет[247].

Развитие системы народного просвещения при Александре I проявилось в численном росте учебных заведений в России, и в значительном увеличении количества учащихся в них. Так если в Российской империи в 1801 г. существовало всего 315 народных училищ, в которых обучалось 19 915 учащихся, а в 1825 г. только по ведомству Министерства народного просвещения числилось 418 школ, в которых обучалось 34 970 человек[248].

Однако, оценивая рост количественных показателей, нужно обратить внимание на неравномерность распределения учащихся на второй-третьей ступени обучения между столицами и губернскими центрами. Так, численность учащихся в двух столичных гимназиях доходила до 200, а в четырех открытых в 1800-х гг. губернских гимназиях округа училось всего 105 человек в 1824 г. При этом в Архангельской гимназии обучалось 40 учащихся, в Вологодской – 29, в Олонецкой – 36, а Псковская – за неимением учеников была вообще закрыта. Причинами такого положения были непривлекательность гимназий для дворянства, предпочитающего военную службу, сложность программы обучения и отсутствие в ней практической пользы, с точки зрения купцов и мещан. Дворяне старались обучать детей в лицеях, в военно-учебных заведениях или за границей, горожане предпочитали ограничивать обучение детей курсом приходского или уездного училища. Уже в 1819 г. училищное начальство было обеспокоено сокращением численности выпускников гимназий и, соответственно, в связи с этим снижением числа студентов в российских университетах. Сокращалась в первой половине 1820-х гг. численность учеников и в уездных

---

[247] О правилах производства в чины по гражданской службе и об испытании в науках для производства в коллежские асессоры и статские советники – о нежелании дворянского сословия получать образование // ПСЗРИ. Собр. 1. Т. 30. № 23771.

[248] Арсеньев К.И. Историко-статистический очерк народного образования в России // Ученые записки второго отделения императорской Академии наук. СПб., 1854. Кн. 1. С. 26; Милюков П.Н. Очерки по истории русской культуры: В 3 т. М., 1994. Т. 2, ч. 2. С. 320-321.

училищах. Если в 1811 в 4-х олонецких уездных училищах обучалось 130 учащихся, то в 1818 г. их численность сократилась до 105 человек[249]. Что касается сельских училищ, то практически все они, не получая финансовой поддержки, к 1825 г. были закрыты.

Несмотря на энергичные меры, принимавшиеся сторонниками реформ, стройная система постепенно нарушалась разными, совершенно не гармонировавшими с ней поправками. Постепенно происходило значительное отступление от демократических и просветительских принципов, объявленных в 1804 г.

15 мая 1824 г., министром народного просвещения был назначен А. С. Шишков, «человек столько же непреклонных, сколько оригинальных убеждений и взглядов на события своего времени и просвещение»[250]. Его назначение справедливо связывается с изменением идеологических установок официальной политики, которые затронули сферу образования, печати и надзора за обществом. Значительное место в правительственной политике отводилось роли православия. Новые идеологи, пришедшие на смену сторонникам мистицизма, веротерпимости и «вселенской церкви», полагали, что потребности развития России заключается в тесном союзе государственной власти с православной церковью. Этот союз идеологи теории национальной самобытности они считали залогом политической стабильности[251].

Уже в июне 1824 г. новый министр в своей записке на имя Александра I изложил принципы, которыми следует руководствоваться в деле народного просвещения: «Истинное просвещение состоит в страхе Божьем, который есть начало премудрости: в утверждении себя в православной вере… Все сии стремления к обогащению себя всеми нужными сведениями должны

---

[249] РГИА. Ф. 733. Оп. 20 Д. 125. Л. 30; ЦГИА. Ф. 139. Оп. 1. Д. 1978. Л. 52.
[250] Демков М.И. История русской педагогии. Ч. 3: Новая русская педагогия XIX века. М., 1909. С. 57
[251] Вишленкова Е.А. «Заботясь о душах подданных»: религиозная политика в первой четверти XIX века. Саратов, 2002. С. 123.

основаны быть на кротости и смиренном разуме, чуждом возбужденных страстями буйных умствований»[252].

11 сентября 1824 г. на заседании Главного правления училищ А. С. Шишков произнес торжественную речь, где разъяснил принципы обучения и воспитания юношества, которым отныне предполагалось следовать. В своем выступлении министр отметил, что «образование должно быть национальным, т. е. согласоваться с потребностями государства, в данном еще политическом строе». Он, в частности, сказал: «Если воспитываемое во множестве училищ юношество, … неутвержденное в благоговении к Богу, в преданности Государю и Отечеству заразится лжемудрыми умствованиями…, то сколько впоследствии времени произойдет от того зла…»[253]. Таким образом, было признано важным не столько само по себе образование, сколько воспитание верности существующему строю. Задачей образовательных учреждений всех уровней было провозглашено формирование «нравственности», под которой понимались политическая лояльность, приверженность монархии и официальной церкви. Полезность «наук, изощряющих ум, … без веры и без нравственности» была поставлена под сомнение. Кроме того, в заявлениях А. С. Шишкова звучало положение о строгом соблюдении сословного принципа в школьном строительстве: «…науки полезны только тогда, когда, как соль, употребляются и преподаются в меру, смотря по состоянию людей и по надобности, какую всякое звание в них имеет»[254].

Из этого выводилась мысль, что никто не должен получать образование выше своего звания. «Наставлять земледельческого сына в риторике значило бы приуготовлять его быть худым и бесполезным и еще вредным господином», – писал А. С. Шишков. Для этого, разъяснял министр, «приходские училища должны существовать у нас преимущественно для

---

[252] Шишков А.С. Записки адмирала А. С. Шишкова. СПб. 1868. С. 14.
[253] Сборник постановлений по Министерству народного просвещения. Т. 1. 1864. Стб. 527-528.
[254] Воронов А.С. Историко-статистическое обозрение… СПб., 1849. С. 271.

крестьян, уездные для купечества, обер-офицерских дворян, гимназии – преимущественно для дворян»[255]. Обучение и воспитание учащихся должно было всецело находиться в руках государства. В связи с общим изменением правительственного курса усиливается сословная тенденция в школьной политике. Идеи бессословности, преемственности ступеней системы обучения заменяются принципами сословности и идеей «законченного курса обучения», применительно к каждому уровню школы. Это было выражением отступления от либеральных принципов школьного Устава 1804 г. реакция заявила о себе еще в начале 1820-х гг., но получила свое юридическое оформление при Николае I, в новом школьном Уставе 1828 г. и возведена в ранг основной государственной доктрины в уваровской формуле «православие, самодержавие, народность».

В правление Николая I произошли значительные изменения в области народного образования. С самого начала реформирование носило отпечаток консервативных взглядов монарха. Николай Павлович в первый же год своего царствования, признав организацию воспитания юношества важнейшим государственным делом, учредил особый Комитет устройства учебных заведений «для сличения и уравнения уставов учебных заведений и определения курсов в оных»[256]. Его членами стали А. С. Шишков, М. М. Сперанский, К. А. Ливен, Е. К. Сиверс, К. О. Ламберт, С. С. Уваров, А. А. Шторх, А. А. и В. А. Перовские, С. Г. Строганов. Комитету было предписано: сличить все уставы учебных заведений империи, рассмотреть преподаваемые курсы учений и воспретить всякие произвольные преподавания учений по произвольным книгам и тетрадям. Все новые уставы для различных категорий учебных заведений утверждались лично императором, «равно как избранные для них учебные способы». Уже на первых заседаниях Комитета было высказано предложение о введении

---

[255] Шишков А.С. Записки адмирала А. С. Шишкова. С. 16.

[256] Высочайший рескрипт министру народного просвещения А. С. Шишкову об учреждении Комитета устройства учебных заведений и его задачах // ПСЗРИ. Собр. 2. Т. 1. № 338.

преподавания в средних учебных заведениях древних языков (греческого и латинского).

В 1827 г. последовал высочайший рескрипт на имя А. С. Шишкова. В нем император подчеркнул, что обучение крепостных, дворовых и поселян в гимназиях и других высших учебных заведениях приносит только вред: «с одной стороны, сии молодые люди, получив первоначальное воспитание у помещиков или родителей нерадивых, … заражают ими товарищей своих в классах, с другой же, отличнейшие из них по прилежности и успехам приучаются к роду жизни, к образу мыслей и понятиям, несоответствующим их состоянию»[257].

В связи с этим Комитет по устройству учебных заведений высказался против единой системы школ, в которой отдельные звенья служили подготовительными ступенями к последующим, на чем строилась прежняя школьная политика по Уставу 1804 г. Было принято решение об изменении условий приема детей в учебные заведения страны: в гимназии принимали только людей свободных состояний, а помещичьих крепостных, поселян и дворовых людей было положено обучать в приходских и уездных училищах «и допустить к обучению сельскому хозяйству, садоводству и наукам, нужным для усовершенствования или распространения земледельческой, ремесленной и всякой иной промышленности». Такими мерами правительство ограждало гимназии и университеты от воспитанников, происходивших из низших слоев общества. Для них высшее образование признавалось бесполезным и составляло лишнюю роскошь, «выводило их из круга первобытного состояния без выгоды для них и для государства»[258].

«Устав гимназий и училищ уездных и приходских», высочайше утвержденный 8 декабря 1828 г., сохранил три ступени общеобразовательной школы – приходские, уездные училища и гимназию. Отличительной чертой этого Устава было то, что он отрывал уездные училища от гимназий. Уездные и

---

[257] Из высочайшего рескрипта, последовавшего на имя министра народного просвещения А. С. Шишкова // ПСЗРИ. Собр. 2. Т. 2. № 1308.
[258] Лалаев М.С. Император Николай I, зиждитель русской школы… С. 104.

приходские училища были сделаны обособленными низшими учебными заведениями с законченным циклом обучения, который содержал в себе «полный курс сведений, нужных для окончательного образования людям разных званий»[259]. Согласно Уставу 1828 г. учреждение губернских гимназий осуществлялось для «приличного по званию воспитания» молодых людей и имело цель «доставить способы» к вступлению в государственную службу тем, кто не намерен или не может продолжить учение в университетах. Тех же, кто имел возможность и намерение поступить в университеты, полагалось, «снабдить необходимыми для сего предварительными знаниями» (ст. 134). Ст. 46 Устава устанавливала предназначение уездных училищ: «детям купцов, ремесленников и других городских обывателей, вместе со средствами лучшего нравственного образования» они должны были «доставить те сведения, кои по образу жизни их, нуждам и упражнениям могут быть им наиболее полезны». Цель учреждения приходских училищ определялась как «распространение первоначальных, более и менее всякому нужных сведений между людьми самых низших состояний»[260]. Так правительство сделало шаг от бессословной школы с единой программой, провозглашенной в первой четверти XIX в., в направлении сословной школы с различными учебными программами. По словам П. Н. Милюкова, «Александровскую лестницу учебных заведений разняли на части, но из каждой части сделали совершенно особое, самостоятельное целое»[261].

Положения Устава 1828 г. увеличивали обучение в гимназии с четырех до семи лет и определяли следующие учебные предметы для учения: Закон Божий, российская грамматика, языки: латинский, немецкий и французский, математика, география и статистика, история, физика, чистописание, черчение и рисование. Учебный курс уездных училищ становился трехлетним и включал в себя изучение Закона Божьего, российского языка, арифметики, геометрии, географии, истории государства Российского и всеобщей истории, чистописания, черчения и рисования. В этих школах по

---

[259] Воронов А.С. Историко-статистическое обозрение… СПб., 1855. С. 3.
[260] Устав гимназий и училищ уездных и приходских // ПСЗРИ. Собр. 2. Т. 3. № 2502.
[261] Милюков П.Н. Очерки по истории русской культуры. Т. 2, ч. 2. С. 293.

местным потребностям, с разрешения министра народного просвещения, могли открываться дополнительные курсы «для обучения тем искусствам и наукам, коих знание наиболее способствует успехам в оборотах торговли и в трудах промышленности» (ст. 58). Курс обучения приходских училищ оставался прежним, одноклассным, и включал следующие предметы: Закон Божий, чтение по книгам церковной и гражданской печати, чистописание и четыре действия арифметики. Продолжительность обучения в начальной школе не была установлена. На практике срок обучения зависел от индивидуальных способностей отдельных учащихся. В одном из пунктов Устава разъяснялось, что «ученики, желающие повторить учебный курс, принимаются снова в училище»[262]. Важно отметить, что в приходских училищах наравне с мальчиками могли обучаться и девочки.

Особое место в ряду общеобразовательных средних школ занимали благородные пансионы для детей дворян, которые открывались при гимназиях. Благородные пансионы при гимназиях были воспитательными заведениями, учебные планы которых лишь дополняли основной гимназический курс. Пансионы доставили возможность дворянам и чиновникам без значительных для себя издержек давать образование своим детям. Они содержались за счет суммы, собираемой с воспитанников, и добровольных пожертвований от дворянства. Пансионеры обучались в гимназии, а сам пансион находился под присмотром пансионного начальства. Примечательно, что к концу 1840-х гг. в России было открыто 47 благородных пансионов при гимназиях.

Одной из форм государственной подготовки специалистов для различных ведомств явились бесплатные училища для детей чиновников, для которых в это время был издан особый «Устав училищ для детей Канцелярских служителей» (1828 г.)[263]. В них к установленному учебному плану, соответствующему гимназическому курсу, добавлялись геодезия,

---

[262] Устав гимназий и училищ уездных и приходских...
[263] Устав училищ для детей Канцелярских служителей // ПСЗРИ. Собр. 2. Т. 3. № 1814.

основы делопроизводства, судопроизводства, с практическими упражнениями. Воспитанники, окончившие полный курс училища, могли продолжить обучение в университете или, вступая в гражданскую службу, получали места канцелярских служителей высшего разряда. Такие школы открывались в ведомствах: Удельном, Почтовом, Путей сообщения, Горном, Министерстве внутренних дел и Министерстве юстиции и др.

Много внимания было уделено обучению детей крестьян. Во второй четверти XIX в., ввиду недостатка финансирования от казны для открывающихся новых учебных заведений разрешалось открывать и содержать школы различным ведомствам. Судя по «Таблицам учебных заведений Российской империи всех видов» за 1834 г. в стране начальные училища открывались 16 ведомствами, среди них Министерство народного просвещения, Министерство Двора, Военное министерство, Министерство финансов, Министерство внутренних дел и др.[264]

В декабре 1830 г. вышло в свет положение «О волостных училищах казенных поселян». Они открывались при волостных правлениях для «распространения первоначальных нужных сведений между казенными поселянами и приготовления из числа их способных волостных и сельских писарей» (ст. 2)[265]. В виде опыта Департамент государственных имуществ распорядился организовать такие школы в Санкт-Петербургской и Псковской губерниях с последующим распространением опыта по всей России. Например, в Олонецкой губернии такие школы были открыты в 1833 г.

В 1836 г. Святейшим Синодом по «Правилам для первоначального обучения поселянских, в том числе и раскольничьих детей», священникам вменялось в обязанность обучать русской грамоте крестьянских детей.

С 1841 г. Министерство государственных имуществ, Горное ведомство, Министерство внутренних дел, Удельное ведомство также стали заниматься

---

[264] Таблицы учебных заведений Российской Империи всех видов. СПб., 1838. С. 100-103.
[265] О волостных училищах казенных поселян // Сборник постановлений по Министерству народного просвещения. Т. 2, ч. 1. 1864. Стб. 323-328.

организацией сельских приходских училищ[266]. Школы этих ведомств в казенных селениях учреждались на основании общего учебного Устава 1828 г., учителями в них работали приходские священники. Кроме того, в трех северных губерниях к середине XIX в. действовали школы, открытые Святейшим Синодом, Министерством внутренних дел, Министерством государственных имуществ, Военным министерством и Горным ведомством. Таким образом, одно и то же училище оказывалось под контролем Министерства народного просвещения и ведомства, которое его открыло, финансировало и, соответственно, контролировало. Министерство народного просвещения контролировало учебную часть, она находилась под надзором губернской дирекции училищ.

Особую трудность при обозрении училищ различного подчинения испытывали проверяющие лица. Так, «во избежание могущих встретиться недоразумений»[267] по обозрению Александро-Заводского училища, относящегося к ведению Олонецких горных заводов в ноябре 1845 г., смотритель Петрозаводского уезда Г. С. Епифанов обратился с письменной просьбой к директору училищ М. И. Троицкому. Он, в частности, просил выяснить у горного начальника Олонецких заводов, «в какой мере подлежит означенное училище в ведение штатного смотрителя»[268]. Горный начальник ответил, что согласно статье 3 «Устава» 1828 г. «Александро-Заводское училище не должно входить в срочные рапорта о состоянии подведомственного мною училища, равно и в годичные»[269]. Директор училищ, однако, дал указание смотрителю Г. С. Епифанову провести осмотр заводского училища и включил в годовой рапорт по дирекции данные об Александро-Заводской школе. На это «своеволие» М. И. Троицкому было указано, а попечитель учебного округа Г. П. Волконский – сделал нарекание и потребовал письменного объяснения причин произошедшего.

---

[266] Об учреждении приходских училищ в селениях ведомства Министерства государственных имуществ // ЖМНП. 1842. Ч. 30. Отд. 1. С. 98.
[267] НА РК. Ф. 17. Оп. 6. Д. 8/9. Л. 568.
[268] Там же. Л. 569.
[269] Там же.

Министерство государственных имуществ в своих циркулярных предписаниях по созданию школ в сельской местности разграничило функции управления и контроля между двумя ведомствами. Органам Министерства народного просвещения предоставлялось право наблюдения за учебной частью и составление отчетов о состоянии школ. Губернские директора народных училищ и штатные смотрители обязаны были осматривать эти училища и о результатах осмотров доносить в местную Палату государственных имуществ и в окружные правления соответственно. Духовное ведомство должно было заботиться об «избрании достойных наставников из местных священников, дьяконов и причетников, или из окончивших курс воспитанников семинарии»[270]. Министерство государственных имуществ занималось хозяйственной частью школ. Содержание, обеспечение, т. е. вся материальная сторона учебного дела, находились в ведении волостных голов и окружных начальников, которым вменялось в обязанность «внушать крестьянам пользу и важность учреждения сельских училищ и всемерно стараться склонять их к отдаче детей в оные»[271]. Кроме этого, местные Палаты государственных имуществ должны были уведомлять директоров народных училищ об открытии каждого приходского училища и в конце учебного года доставлять им ведомости о численности учителей и учащихся[272].

Однако в совместной деятельности трех ведомств в области надзора и контроля над школами возникали многочисленные недоразумения и разногласия. В 1850 г. Министерство государственных имуществ направило в Святейший Синод предложение о расширении полномочий Духовного ведомства в деле организации школьного дела в сельской местности. В частности, было предложено принять в заведование учебную часть приходских училищ, основываясь на религиозно-нравственном воспитании учащихся, а также осуществлять надзор за преподаванием учебных

---

[270] Воронов А.С. Историко-статистическое обозрение… СПб., 1855. С. 230.
[271] РГИА. Ф. 383. Оп. 6. Д. 5094. Л. 32.
[272] Об учреждении сельских приходских училищ // ЖМГИ. 1842. Ч. 6. С. 11.

предметов и за успехами учащихся. В ответ на это предложение по поручению Святейшего Синода архиепископ Казанский Григорий составил проект нового Положения. Оно сохраняло право епархиальных архиереев назначать приходских священников, диаконов и семинаристов на учительские должности. В ведении Министерства государственных имуществ находились постройка, наем училищных домов и снабжение школ учебными принадлежностями. Вопросы открытия и закрытия училищ решались совместно двумя ведомствами. Но Министерство данный проект не утвердило и предложило Святейшему Синоду его доработать и четко разграничить функции ведомств. Отметим, что полного соглашения сторон так и не получилось[273].

Несомненно, двойное ведомственное подчинение мешало работе училищ, т. к. значительно увеличивалось количество проверок, а вместе с ними и делопроизводственной работы для учителей, смотрителей и директоров. Сохранившиеся архивные источники свидетельствуют, что сельские училища подвергались обозрению сразу нескольких инстанций, причем в течение достаточно короткого временного промежутка. Масельско-Паданское училище Повенецкого уезда Олонецкой губернии за вторую половину 1837 г. обозревали сначала ревизор из Министерства государственных имуществ, затем благочинный Повенецкого прихода, наконец, смотритель уездных училищ, а вместе с ними волостное и уездное начальство. Все они не только проверяли работу учителя, но и проводили испытания учащихся. Циркуляр Министерства народного просвещения 1847 г. подтвердил правомочность директоров, уездных смотрителей, благочинных священников осматривать училища Министерства государственных имуществ[274].

Для содействия развитию просвещения в это время было разрешено открывать и частные учебные заведения по установленному правительством

---

[273] Раев А.Ф. О мерах к распространению образования между государственными и удельными поселянами // ЖМГИ. 1860. № 9. Ч. 75. С. 150-153.
[274] ЖМНП. 1847. Ч. 54. С. 8.

«Положению о домашних наставниках и учителях» (1834 г.)[275]. Если прежде никакого контроля за домашним обучением не было, то теперь деятельность частных учителей ставилась под контроль губернского училищного начальства, а сами учителя и наставники считались государственными служащими и получали чины, начиная с XIV класса.

Законодательство Николая I о школах в духе идеологии официальной народности делало основной акцент на развитии нравственности, добропорядочности, любви к Отечеству, уважения к начальству. Администраторы просвещения возлагали на школу не только задачи по обучению, но и миссию воспитания подрастающего поколения в духе доктрины «православие, самодержавие, народность». Как отмечал С. С. Уваров, «без надлежащей постановки воспитания простого народа все система просвещения – здание на песке»[276].

Неслучайно в законодательных документах того времени теме нравственного воспитания юношества уделялось столь значительное внимание. Уставы училищ, учебные планы, ведомственные инструкции николаевского времени содержали многочисленные указания по усилению и укреплению воспитательной работы в учебных заведениях. Например, в «Уставе училищ для детей Канцелярских служителей» (1828) в ст. 74 говорилось, что начальство Училища должно обращать «особое беспрерывное внимание на главную и общую цель воспитания: сохранение и утверждение хорошей нравственности между учащимися». Особая оговорка о главной обязанности педагогов была сделана и в «Уставе учебных заведений» (1828 г.), где этой обязанностью названо: «Объяснять ученикам святые истины христианской веры и правила добродетели»[277].

Реформирование системы российского образования в николаевский период первоначально не изменило прежнюю многоступенчатую форму

---

[275] Положение о домашних наставниках и учителях // ПСЗРИ. Собр. 2. Т. 9, ч. 1. №. 7240.
[276] Цит. по: Хотеенков В., Чернета В. Граф Уваров – министр и просветитель… С. 148.
[277] Устав училищ для детей Канцелярских служителей; Устав гимназий и училищ уездных и приходских.

управления и контроля над учебными заведениями: министр народного просвещения – попечитель учебного округа – университет – дирекция народных училищ на местах. Изменение порядка управления произошло после издания 2 июня 1835 г. нового «Положения об учебных округах Министерства народного просвещения», по которому учебные заведения на местах были изъяты из ведения университета и поступили под непосредственное управление попечителей. «Положение» устанавливало, что попечители округов «получают донесения от директоров училищ и гимназий и дают им разрешения или представляют свое заключение на утверждение министру народного просвещения»[278]. Таким образом, с 1835 г. губернские дирекции училищ полностью перешли в ведение попечителя учебного округа.

Но связь учебных заведений на местах с университетом на этом не прекратилась. «Положение об учебных округах» предусматривало сохранение практики «обозрений» профессорами или адъюнктами университета учебных заведений подведомственного учебного округа, осуществляемых по личному приглашению попечителя, если такая поездка не мешала основной деятельности преподавателей. Кроме того, попечитель по мере необходимости мог запрашивать мнение университетского Совета об усовершенствовании преподавания наук, об утверждении дополнительных курсов и методических пособий для средних и низших училищ (§ 12). Ректор университета входил в Совет при попечителе, который решал вопросы организации учебного дела на местах (§ 19). То есть административная и контрольная функция университета в отношении училищ округа была сохранена на весь дореформенный период, хотя и не в прежней степени.

Во второй четверти XIX в. расширился круг людей, осуществлявших надзорные функции над школами. В 1830-х гг. в штат губернских гимназий была введена новая должность инспектора гимназии, право контроля

[278] Положение об учебных округах Министерства народного просвещения // ЖМНП. 1835. Ч.7. С.13.

учебного ведомства получили уездные и почетные смотрители, а также благочинные священники.

Устав 1828 г. значительно увеличивал сферу деятельности губернского директора народных училищ по управлению и контролю над дирекцией. Функции по надзору за гимназией и пансионом директору помогал выполнять инспектор гимназии. По представлению директора училищ кандидатуры на эту должность представлял университет (до 1835 г.) и утверждал попечитель учебного округа, а после 1835 г. – Министерство народного просвещения. Инспектор являлся вторым по значимости чиновником в системе управления училищами губернии, после начальника дирекции. В отсутствие директора инспектор «вступал во все его права и обязанности» (ст. 196)[279]. Он должен был ежедневно наблюдать за учебным процессом в гимназии, надзирать за работой учителей, строго следить за выполнением учебных программ, контролировать ведение классных журналов и ежемесячных ведомостей по успеваемости учащихся, смотреть за сохранностью учебных пособий, ему также поручался надзор за наказаниями учеников гимназии.

Надзор над приходскими, уездными и частными училищами в уезде осуществляли благочинный священник и штатный уездный смотритель, который был полностью подотчетен директору училищ. Ст. 94 школьного Устава 1828 г. определяла главную обязанность смотрителя – «блюсти за поступками учителей и успехами учеников»[280]. Он распоряжался учебной и хозяйственной частью подведомственных училищ, получал штатные суммы, вел шнуровые книги по приходу и расходу средств по школам, имел свою печать. Смотритель обязан был ежедневно посещать уездное училище, следить за здоровьем учащихся, присутствовать при испытании учеников и проводить ежемесячно учебные совещания с учителями. Кроме того, ему полагалось еженедельно обозревать городские училища и проводить

[279] Там же.
[280] Там же.

осмотры отдаленных школ, находящихся в уезде не менее двух раз в год. По результатам обозрений смотритель составлял отчеты на имя директора училищ о состоянии учебных заведений в уезде. Он обладал правом определения учителей на должности, увольнения их в краткосрочный отпуск (до 6 дней). Он обязан был проживать в училищном доме, что облегчало процесс надзора за учащимися.

По Уставу 1828 г. предполагалось назначение почетных смотрителей для уездных училищ «для лучшего надзора за училищами и содействия успехам и благосостоянию оных» (ст. 49), а также почетных попечителей для губернских гимназий, которые назначались университетом и утверждались Министерством народного просвещения. Кандидатуры на звание почетных смотрителей и попечителей избирались из дворян и чиновников, живущих в том же уезде или губернии. Обязанности почетных смотрителей и почетных попечителей были одинаковы без выплаты жалованья. Они вносили денежные суммы на содержание училищ, тем самым пополняя их материальную базу, производили ремонт училищных зданий, снабжали беднейших учащихся необходимыми учебными книгами и т. д. Почетные смотрители и попечители присутствовали на испытаниях учащихся, посещали педагогические совещания, причем «занимали в сих собраниях первое место» (ст. 122, 223). Осуществляя общий надзор за попечительствуемым учебным заведением, они при этом не могли делать никаких распоряжений, а только указывать на упущения в работе. Почетные попечители при этом считались состоящими в государственной службе, носили мундир, как у директора училищ, и за деятельное усердие в пользу училищ могли быть произведены в следующие чины, а за особые заслуги представлены к вознаграждению. Почетный попечитель был по своему статусу выше, чем смотритель. Это мог быть только губернский или уездный предводитель дворянства, совестный судья и депутат дворянства (ст. 220). Их приглашали на собрание училищного комитета университетского Совета «для рассуждения о делах гимназии». Особое внимание почетных

попечителей обращалось на организацию и деятельность благородных пансионов при гимназиях. Заметим, что должность почетного блюстителя по надзору за приходскими училищами была утверждена только в 1840 г.

В правление Николая I усилился контроль над деятельностью губернских училищных дирекций. Определялась строгая периодичность подачи отчетов по состоянию учебного дела на местах, а именно отчеты по губернской гимназии предполагалось составлять три раза в год и ежегодно делать общее донесение в университет. Регламентировались ведение и проверка шнуровых книг по доходам и расходам учебных заведений, составление послужных списков чиновников, служащих в училищном ведомстве, отчеты по учебным заведениям, формирование архива дирекции училищ и т. п. Ежегодно в губернскую Казенную палату представлялась полная роспись доходов и расходов по ведомству. За непредставление отчетов в срок директора училищ несли ответственность и наказывались выговорами, а за недостоверные сведения предавались суду.

Заметим, что схема отчетности еще с 1804 г. была установлена следующая. Смотрители уездных училищ отправляли свои отчеты по приходу и расходу училищных сумм директору училищ, тот в свою очередь делал общий отчет по губернии и отправлял в университет. Полный финансовый отчет по учебному округу после утверждения его попечителем округа университет представлял министру народного просвещения, который далее отправлял годовой отчет, в целом по России, в Государственный контроль. Но на пути следования отчетов с мест в центральные ревизионные органы происходили недоразумения. Санкт-Петербургский учебный округ (в отличие от всех других учебных округов) отправлял «подлинные частные ведомости, полученные от директоров училищ»[281]. Соответственно и Министерство народного просвещения переправляло такие же отчеты в Государственный контроль. Такое положение дел указывало на то, что

[281] О порядке ревизии отчетов учебных заведений // Сборник постановлений по Министерству народного просвещения. Т. 2, ч. 2. 1864. Стб. 5.

отчеты губернских директоров училищ не проверяются вовсе, несмотря на то, что общие финансовые отчеты по ведомству были определены уже с 1817 г.

Привлечение в бюджет учебных заведений региональных средств, частных пожертвований и других источников финансирования усложняло систему отчетности и контроля за приходом и расходом сумм. Так в 1825 г. Комитет министров признал, что по отчетам расходов и приходов сумм по Министерству народного просвещения присутствует неразбериха и недостаточный контроль. В январе 1826 г. данная проблема стала предметом обсуждения в Министерстве просвещения, где было сделано пояснение относительно предоставления финансовых отчетов по училищному ведомству.

Министр народного просвещения К. А. Ливен связывал данное нарушение сложностью составления общего отчета по учебному ведомству, куда входило множество различных смет по расходам и доходам, отчет по самому департаменту, ведомости по суммам на постройку и ремонт училищных зданий, переписка по счетным делам и многое другое. «При всей ревности чиновников, едва можно успеть обрабатывать возложенные на них обязанности»,[282] – отмечал министр просвещения. Кроме того, он сетовал на то, что штаты Министерства народного просвещения и дирекций училищ недостаточно укомплектованы, и составлять годовые отчеты при большом объеме текущей работы – некому. В результате этого разбирательства в Министерстве народного просвещения был увеличен штат чиновников, которые занимались сбором информации и подготовкой годового отчета по ведомству. В помощь директорам училищ с 1828 г. были введены должности писца и письмоводителя «для производства канцелярских дел» по учебному ведомству. В декабре 1830 г. составлены специальные «Правила отчетности по Министерству народного просвещения», статьи которых полностью определяли четкий порядок отчетности на местах и в центре.

---

[282] Там же. Стб. 7.

Таким образом, административные реформы второй четверти XIX в. касались различных направлений организации системы образования. Во-первых, была значительно расширена сеть образовательных учреждений, за счет училищ для детей канцелярских служителей, начальных частных и сельских школ. Во-вторых, были более четко регламентированы вопросы управления, контроля и надзора в учебном ведомстве. В это время достаточно много внимания было уделено правовому и материальному положению учителей, о чем пойдет речь в специальной главе. Прогрессивным решением стало введение пенсионного обеспечения педагогов согласно «Положению о производстве в чины и об определении пенсий и единовременных пособий по учебной части Министерства народного просвещения» (ноябрь 1836 г.) Право на пенсии и на единовременные пособия давала только «беспорочная начальством засвидетельственная служба»[283].

Устав 1828 г. сохранял статьи прежнего Устава 1804 г. в отношении времени приема в гимназию, продолжительности учебного года, сроков вакаций, расписанию учебной недели. Некоторые статьи нового Устава изменились: о всесословности обучения, о продолжительности учебного года, о программах обучения.

Усиление реакции в годы правления Николая I привело к увеличению численности чиновников, надзирающих и контролирующих учебные заведения. Провозглашенная относительная свобода университетского правления в подведомственном учебном округе в начале XIX в., постепенно уходила в прошлое, на ее место пришла четкая организация контроля и наблюдения над училищным ведомством. Министерство народного просвещения, Святейший Синод, центральные ревизионные комитеты, губернские Приказы общественного призрения и Палаты государственных имуществ – все эти учреждения являлись надзорными организациями.

[283] Положение о производстве в чины и об определении пенсий и единовременных пособий по учебной части Министерства народного просвещения // ПСЗРИ. Собр. 2. Т. 11, ч. 1. №. 9712.

Система двойного подчинения школ приводила к увеличению делопроизводства и путанице в системе надзора. Учебное ведомство постепенно поглощала «бумаготворческая» рутина по составлению различных отчетов, ведомостей, донесений, прошений. Чем больше было учебных заведений в губерниях, тем сложнее была отчетность. Многие элементарные, казалось, проблемы на местах решались на уровне центра. Например, назначение инспекторов гимназий, введение новых учебных курсов, летние отпуска учителей, вознаграждения учителей за хорошую работу, экзаменационные вопросы и многое другое.

2.2. Директора гимназий: правовой статус и социокультурный облик

Важным звеном системы управления народным образованием в рассматриваемое время являлись губернские дирекции народных училищ. По «Предварительным правилам народного просвещения» (1803) директор гимназии становился одновременно и директором народных училищ губернии. Он контролировал деятельность всех училищ, в том числе частных школ, «имея в губернии общее смотрение» за училищами[284]. Свои донесения, отчеты, планы, проекты и мнения «обо всех предметах, касающихся до учебного и хозяйственного распоряжения училищ»[285] директор был обязан направлять ректору университета, возглавлявшего учебный округ, а тот, в свою очередь, отчитывался перед попечителем.

Поскольку в столичном учебном округе открытие университета задержалось до 1819 г., то все сведения по состоянию училищных дел в губернии директор отправлял непосредственно попечителю округа. Так, 15 июня 1803 г. попечителем Санкт-Петербургского учебного округа Н. Н. Новосильцевым «для отвращения всяких недоразумений» всем директорам было отдано распоряжение: «о соблюдении точной строгости всего предписанного правилами народного просвещения и при том подтверждаю,

[284] Предварительные правила народного просвещения. Ст. 11.
[285] Там же.

что до учреждения в Санкт-Петербурге университета… предписываю относиться прямо ко мне обо всем касающегося училищ»[286]. В фонде попечителя Петербургского учебного округа сохранились донесения директоров народных училищ Олонецкой (А. Е. Крылова 1804-1806 гг. и Н. П. Ушакова 1806-1813 гг.) и Архангельской (В. Л. Сильвестрова 1801-1832 гг.) губерний, отправленные на имя попечителей Санкт-Петербургского учебного округа Н. Н. Новосильцева, С. С. Уварова, Д. П. Рунича. Руководители Вологодской дирекции (К. С. Станиславский 1804-1810 гг. и А. С. Волоцкий 1810-1824 гг.) направляли свои отчеты ректору Московского университета, так как Вологодская губерния до 1824 г. входила в состав Московского учебного округа.

Между попечителем учебного округа и директорами народных училищ шла постоянная переписка по учебной и хозяйственной части. Попечитель делал письменные распоряжения об определении учителей на должности в учебные заведения, о дозволении бедным ученикам пользоваться казенными книгами на время учения, о правилах ведения финансовой отчетности и заполнения «Ведомостей о состоянии учебных заведений», о разрешении на выдачу прогонных денег, о составлении исторических записок в училищах округа и другие. Директор же в свою очередь отправлял отчеты по состоянию действующих училищ, предложения по открытию новых – в уездных городах и селениях губернии, послужные списки училищных чиновников, представления о награждениях, об отпусках учителей, рапорты о происшествиях, донесения о точном выполнении всех указаний высшего училищного начальства и предложения об улучшении организации учебного дела на местах.

Деятельность директоров народных училищ строго регламентировалась разного рода документами. Это были «Предварительные правила народного просвещения» 1803 г., школьные Уставы 1804 и 1828 гг., постановления «О порядке производства в чины директоров училищ» 1822 г. и «Об отборе на

[286] ГААО. Ф. 61. Оп. 1. Д. 5. Л. 3 об.

должности директоров училищ» 1834 г., «Положение об учебных округах» 1835 г. и др. документы. В них подробно разъяснялись права и обязанности губернского начальника училищ. Кандидатуру директора училищ избирал университет[287], а затем утверждал министр народного просвещения по представлению попечителя учебного округа в Главное правление училищ.

Директор определялся «в седьмом классе государственных чиновников, если выше чина не имеет»[288]. Что касается размера официального оклада, то он составлял от 800 до 1000 руб. в год[289], в зависимости от географического положения учебного округа. Например, в северных губерниях (Олонецкой, Вологодской и Архангельской) жалованье директора определялось в 1000 руб. в год. Директор входил с представлениями непосредственно к попечителю учебного округа, полностью подчинялся университетскому Правлению и имел право с его ведома обращаться с просьбами по делам училищ к губернскому начальству.

Ст. 166 «Устав гимназий и училищ уездных и приходских» 1828 г. называла директора «хозяином гимназии и начальных всех казенных училищ, в губернии находящихся» и утверждала, что «его надзору подчинены пансионы и другие частные учебные заведения губернии»[290]. Главная обязанность директора состояла «в бдительном и неослабном надзоре за гимназией и вверенными ему училищами» и в выполнении всех предписаний начальства. Законодательные документы того времени давали полномочия директору народных училищ на открытие и закрытие приходских и частных школ.

Училищное начальство названных учебных заведений было в прямом подчинении директора училищ и давало ему полный отчет по учебной и хозяйственной деятельности. Главная его обязанность состояла «в

---

[287] В Петербургском учебном округе до 1819 г. должность директора училищ назначал попечитель округа.
[288] Предварительные правила народного просвещения. Ст. 9, 11.
[289] Примерное исчисление сумм на ежегодное содержание учебных заведений России // Сборник постановлений по Министерству народного просвещения. Т. 1. 1864. Стб. 33-34.
[290] Устав гимназий и училищ уездных и приходских.

бдительном и неослабном надзоре за гимназией и вверенными ему училищами» и в выполнении всех предписаний начальства. В его задачу входил контроль над учителями, который осуществлялся во время проверки отчетов учителей, а также в ходе непосредственного наблюдения за учебной деятельностью во время ежедневного посещения гимназии и периодического присутствия на уроках. Он обязан был «смотреть за благонравием и наукою учащихся»[291], а в конце учебного года производить открытые испытания учеников.

Помимо управления всеми губернскими училищами начальнику дирекции училищ поручалось прямое руководство гимназией (директор училищ был одновременно директором гимназии). Он должен был заботиться о материальной базе гимназии, состоянием библиотеки, учебных классов, наблюдать за работой учителей гимназии, «смотреть за благонравием и наукою учащихся»[292], ежедневно посещать гимназию, а в конце учебного года производить открытые испытания учеников. Особой заботой директоров училищ было устройство училищных зданий губернской гимназии и уездных училищ.

Перед дирекциями училищ остро стояли финансовые проблемы. Несмотря на то, что гимназии находились на государственном обеспечении, значительная часть их бюджета финансировалась приказами общественного призрения. Своевременное и полное получение этих средств явилось серьезной проблемой для училищных дирекций, а ее руководители должны были проявлять максимум настойчивости и управленческого таланта для достижения этой цели. Их жалобы на приказы общественного призрения в различные вышестоящие инстанции были связаны с нежеланием приказов осуществлять финансирование учебных заведений. Ссылаясь на острую нехватку средств, местные власти или выделяли необходимые средства на потребности образования по остаточному принципу, или отказывались от их

[291] Там же.
[292] Там же.

содержания. Так, в 1824 г. Олонецкой и Архангельской губерниях местные этих приказы общественного призрения отказались выделять деньги на нужды просвещения в губерниях по причине финансовой несостоятельности[293]. Это осложнило финансовое положение гимназий, которые вынуждены были обходиться только средствами, выделяемыми Министерством народного просвещения и небольшими суммами от городских дум, что заставляло директоров гимназий искать другие пути для получения средств от приказов.

Для организации управления училищами губернии при каждом директоре создавалась особая дирекция. В Уставе 1804 г. не предусматривалось существование особых помощников при начальнике гимназии. Высшее училищное начальство не стремилось к появлению широкого штата чиновников при директорах гимназий. Только к концу 1820-х гг. этот штат начал постепенно расширяться, и уже Устав 1828 г. официально ввел должности письмоводителя и писца. Таким образом, штат дирекции училищ представлял собой одного или двух чиновников, на которых было возложено все делопроизводство учебных дел в губернии.

Значительное количество своего времени директора училищ тратили на служебную переписку: составление различных отчетов, ведомостей, донесений, прошений. Чем больше было учебных заведений в губернии, тем сложнее была отчетность. Многие элементарные проблемы не могли решиться на местах, подчас требовали вмешательства центра: назначение инспекторов гимназий, введение новых учебных курсов, летние отпуска и награждения учителей, утверждение экзаменационных материалов, составление расписания учебных предметов в училищах и многое другое. В своих донесениях и рапортах в учебный округ, а также в распоряжениях, отданных подчиненным чиновникам, директора всегда ссылались на соответствующие параграфы законодательных документов или указаний высшего училищного начальства, т. к. такие ссылки были обязательны. Если

[293] РГИА. Ф.733. Оп. 20. Д. 304.

же директора училищ «забывали» их указывать, то попечитель учебного округа, ректор университета или министр народного просвещения делали за такие упущения строгие замечания. Как правило, статьи нормативных документов указывались в представлениях на назначение на должности или награждения учителей, на оказание материальной помощи вдовам умерших чиновников училищного ведомства. Так, Н. П. Ушаков по поводу назначения молодых специалистов на должности и составления учебного расписания в Олонецкой гимназии отмечал: «Как можно подходил я ближе к Уставу учебных заведений»[294].

В 1804 г. была введена должность штатного смотрителя училищ, который надзирал за уездными и приходскими училищами и был подотчетен директору народных училищ. Обозревая учебные заведения в своем уезде, смотритель составлял подробные отчеты о посещенных им школах. Проведение обозрений уездных училищ осложнялось разбросанностью школ на большом расстоянии, отсутствием оплаты проезда по уезду (прогонные деньги смотрителям училищ были определены только в 1816 г.), поэтому статья Устава об обозрении не всегда выполнялась. Так, в 1804 г. в Олонецком приказе общественного призрения разбиралась жалоба директора училищ П. А. Ушакова на смотрителя Каргопольского уездного училища П. Ларионова. Начальник училищ писал, что сведений по состоянию училищ в Каргопольском уезде в дирекцию не поступало. Губернатор и заседатели «приказали» смотрителю П. Ларионову составить необходимые отчеты, а Каргопольскому городничему проконтролировать выполнение приказания[295].

Важно отметить, что в своих донесениях училищному начальству директор училищ не только описывал ход дел по своему ведомству, но делал весьма интересные предложения по вопросам развития учебного дела в губернии. Отзывы, суждения, мнения с мест давали возможность наблюдать ход учебных реформ и корректировать их. Особенно это было важно в начале

---

[294] ЦГИА СПб. Ф. 139. Оп. 1. Д. 328. Л. 18.
[295] НА РК. Ф. 29. Оп. 1. Д. 19/135. Л. 263.

XIX в., когда происходило становление системы народного просвещения. Так, в декабре 1804 г. директор Олонецких училищ А. Е. Крылов в донесении исполняющему должность попечителя графу П. А. Строганову предложил объединить усилия Министерства народного просвещения и Духовного ведомства в вопросе «доставления складки денег на содержание в городах домов для духовных училищ»[296]. По мнению Авраама Егоровича, подготовку учителей для сельских приходских училищ должны осуществлять и Министерство народного просвещения, и Духовное ведомство совместно. Директор Архангельской дирекции в октябре 1836 г. предложил с разрешения попечителя учебного округа ввести в губернской гимназии вечерние «чтения с кафедр вслух лучших российских и других поэтов и прозаиков» для учащихся, дабы искоренить «плохое местное произношение» уроженцев Архангельской губернии[297].

Директор народных училищ должен был ежедневно посещать губернскую гимназию, а приходские училища и пансионы в городах губернии – не менее двух раз в неделю. Кроме того, он обязан был объехать хотя бы один раз в год подведомственные училища губернии. «Устав гимназий и училищ уездных и приходских» 1828 г. предполагал изменение периодичности обозрений губернии. Объезд губернии зависел теперь от количества училищ на территории данной дирекции. Если их численность была значительной, и все они были друг от друга на значительном расстоянии, тогда с разрешения университета губернию можно было обозревать не ежегодно, а один раз в два года (ст. 175).

Необходимо отметить, что такие поездки по губернии директора училищ совершали регулярно, сообщая их итоги в подробных отчетах о посещении учебных заведений и испытании учащихся в них. В большинстве случаев итоги обозрений являлись толчком дальнейшего развития дела народного просвещения в крае. Так, директор Олонецких училищ А. Е. Крылов во время

---

[296] ЦГИА СПб. Ф. 139. Оп. 1. Д. 135. Л. 1.
[297] Там же. Д. 4509. Л. 1.

своих осмотров губернии не только посещал уездные училища, но и бывал в деревнях и селах губернии, где встречался местными жителями, убеждая их в пользе просвещения и открытия приходских училищ. В результате в годы его управления дирекцией начали работу 20 сельских приходских училищ. Директор Вологодских училищ А. В. Башинский, объезжая подведомственную территорию, постоянно встречался с представителями купечества, приглашая их становиться почетными смотрителями уездных училищ. Итогом таких встреч в уездных городах Вологодской губернии стало утверждение почти во всех уездных училищах почетных смотрителей, которые оказывали значительную материальную помощь школам.

Директора училищ, согласно законодательству, должны были заботиться и о составлении последовательного описания истории открытия школ в губернии и их деятельности. А. Е. Крылов в одном из рапортов попечителю писал, что поручил учителям высших классов Петрозаводского главного народного училища «на основе § 46 прежнего о народных училищах Устава сочинять и продолжить записку о заведении сих школ в Олонецкой губернии»[298].

Особой заботой директоров училищ было устройство зданий губернской гимназии и уездных училищ. В 1804 г. А. Е. Крылов лично составил сметы о постройке каменных домов для народных училищ в уездных городах Олонецкой губернии. Такие же сметы на постройку Кемского и Онежского уездных училищ были составлены директором Архангельских народных училищ И. А. Никольским в 1846 г.[299]

Много времени уделялось пополнению материальной базы учебных заведений: созданию и пополнению библиотек, приобретению пособий, организации минерального и физического кабинетов в гимназии. Директора, обращаясь к попечителю, постоянно просили выделить деньги на приобретение и доставку в училище приборов, карт, книг. В адрес ректора

---

[298] Там же. Д. 63. Л. 9.
[299] Там же. Д. 5190. Л. 35.

университета и попечителя учебного округа регулярно отправлялись письма с просьбами о присылке в учебные заведения подведомственных губерний приборов для физических кабинетов гимназий, географических карт Российского государства и Европы, учебных таблиц для проведения уроков по методике взаимного обучения.

Непосредственной обязанностью директоров было наблюдение за работой учителей гимназии. Директор сообщал попечителю и ректору университета о назначении, перемещении, болезни и смерти учителей. В 1808 г. директора Архангельской и Олонецкой губерний составили донесения о прибытии на работу в губернские гимназии студентов первого выпуска Педагогического института в Санкт-Петербурге[300]. Причем они достаточно подробно сообщали об условиях быта молодых специалистов, их учебной нагрузке, имевшихся служебных перемещениях. Директор училищ подписывал разрешения на увольнения учителей в летние отпуска не более чем на 28 дней. Среди архивных материалов по всем дирекциям сохранились представления директора о награждениях учителей гимназии и уездных училищ, документы по чинопроизводству учителей и многочисленные ходатайства в Санкт-Петербургский учебный округ о материальной помощи вдовам и семьям учителей. Так, в 1811 г. по прошению директора училищ Н. П. Ушакова были по выслуге определены в следующий чин титулярного советника учителя Олонецкой гимназии И. Ф. Яконовский, П. С. Соболев и Н. О. Куняев[301], проработавшие к тому времени по 2 года, а также утвержден в должности учитель Шильдского приходского училища в Вытегорском уезде Олонецкой губернии[302].

Если учителя из числа выпускников университета тяжело заболевали, то по ходатайству директора училищ университетское Правление помогало им устроиться на лечение в Обуховскую градскую больницу Санкт-Петербурга, где лечились и студенты в период обучения. Лечение оплачивалось из

[300] ЦГИА СПб. Ф. 139. Оп. 1. Д. 328.
[301] Там же. Д. 520. Л. 1.
[302] Там же. Д. 682. Л. 14.

средств Педагогического института, с 1819 г. из средств университета. Так на лечение в Петербург были отправлены И. Д. Егорьевский из Олонецкой гимназии в 1813 г. и П. Беликов из Архангельской гимназии в 1817 г. Когда же в Правление университета с просьбой о помещении в петербургскую больницу обратился выпускник Олонецкой гимназии, смотритель училищ Вытегорского уезда А. Луневский – ему было отказано на том основании, что подобным правом обладают только бывшие студенты Императорского университета. Неблаговидное поведение учителей также становилось объектом пристального внимания училищного начальства. Директор училищ о таких фактах обязан был докладывать ректору университета и попечителю учебного округа. Так, в октябре 1804 г. директору вологодской училищной дирекции К. С. Станиславскому из Училищного комитета Московского университета поступило распоряжение, в котором говорилось о правах директора по надзору за учителями, «преступающих правила здравого поведения чиновников подведомых Московскому университету»[303].

Директора гимназий составляли расписание учебных предметов в гимназии, которое утверждалось попечителем учебного округа[304]. Директора заботились о введении новых методик преподавания предметов в учебных заведениях губернии. Например, когда в начальных училищах вводилась методика взаимного обучения, то по одному учителю от каждой гимназии в 1819 г. были направлены на курсы в Санкт-Петербург. Однако преподавание по этой методике в дирекциях Санкт-Петербургского учебного округа началось гораздо позже, а в Архангельской и Олонецкой губерниях она не была введена вплоть до 1840-х годов.

Условием деятельности директоров было сотрудничество с губернской администрацией. Статья 12 «Предварительных правил народного просвещения» 1803 г. указывала, что директор училищ губернии «во всех случаях для благосостояния учебных заведений» обращается к губернатору.

---

[303] ГАВО. Ф. 438. Оп. 3. Д. 43. Л. 1.
[304] ЦГИА СПб. Ф. 139. Д. 328.

Архивные документы иллюстрируют взаимоотношения между Олонецким гражданским губернатором В. Ф. Мертенсом и директором народных училищ А. Е. Крыловым. Неутомимый директор училищ постоянно напоминал губернскому начальству о проблемах в своем ведомстве, главной из которых, конечно же, было финансирование. Чтобы быть в курсе распределения денежных средств, А. Е. Крылов (не без помощи попечителя учебного округа) получил право присутствовать на заседаниях Олонецкого губернского приказа общественного призрения[305].

Иногда директор училищ сопровождал губернатора в поездках по губернии, и тогда губернатор посещал училища, присутствовал на испытаниях учащихся, беседовал с учителями. Профессор Санкт-Петербургского университета А. В. Никитенко в своих воспоминаниях о поездке по учебному округу в 1833 г. отмечал, что «губернатор Архангельской губернии И. И. Огарев «сам мало образован, но с величайшим рвением заботится о просвещении»[306]. Пристальное внимание губернского начальства к делу просвещения значительно повышало авторитет школы среди местного населения. Значительные преобразования в учебных заведениях Олонецкой губернии были проведены во время губернаторства А. И. Яковлева, когда во главе училищной дирекции стоял М. И. Троицкий. Их совместная деятельность имела результатом открытие в Петрозаводске духовной семинарии (1829 г.), Училища для детей канцелярских служителей (1830 г.), Александровского заводского двухклассного училища (1831 г.), приходских училищ в Лодейном Поле, Повенце и Пудоже (1836 г.).

Северные губернии России рассматривалась столичным училищным начальством не только как место обязательной службы выпускников университета, но и как место для исправления нерадивых студентов и учителей. В декабре 1811 г. студенты Педагогического института Александр Розанов и Петр Беликов были наказаны за «предосудительные проступки»

---

[305] ЦГИА СПб. Ф. 139. Оп. 1. Д. 77. Л. 2.
[306] Никитенко А.В. Записки и дневник. СПб.,1905. Т.2. С. 334.

отсылкой в Петрозаводск «на исправление». Их проступок состоял в том, что вместо посещения Щукиного двора, куда они отпросились за покупками, студенты побывали у своего друга – офицера Семеновского полка, «откуда возвращались пьяные и попались навстречу неизвестному ремесленнику-немцу», который провожал даму[307]. По словам немца, А. Розанов и П. Беликов сорвали с дамы платок, после чего он закричал «Караул!» На крик подоспел дежурный караул. А. Розанов смог убежать, а П. Беликов был препровожден к квартальному надзирателю.

О неблаговидном поступке А. Розанова и П. Беликова стало известно не только Конференции Педагогического института и попечителю Петербургского учебного округа С. С. Уварову, но и министру народного просвещения А. К. Разумовскому. В своем донесении на имя А. К. Разумовского именно С. С. Уваров предложил наказать студентов за «худой» поступок «временным удалением из Института в Олонецкую губернию на исправление с предложением тамошнему директору, чтоб строжайше наблюдал за ними»[308]. В мае 1812 г. А. Розанов и П. Беликов были отправлены в Петрозаводск. В архиве сохранились ежемесячные донесения директора народных училищ Олонецкой губернии Н. П. Ушакова о поведении этих студентов, ведомости прихода и расхода их годового содержания (по 200 рублей на каждого), привлечении их к преподаванию. Для лучшего присмотра за провинившимися Н. П. Ушаков поместил их в здании гимназии, где сам проживал и «почел необходимо нужным содержать их и обеспечить столом» в своем доме[309].

На такое же «исправление» в августе 1834 г. был направлен бывший выпускник Петербургского университета, учитель Подольской гимназии А. И. Мещерский, который был уволен из гимназии по предписанию попечителя Харьковского учебного округа «за нетрезвое поведение»[310]. За А.

---

[307] ЦГИА СПб. Ф. 139. Оп. 1. Д. 739. Л. 1.
[308] Там же, Л. 4 об.
[309] Там же. Л. 17.
[310] НА РК. Ф. 17. Оп. 5. Д. 4/8. Л. 184 об.

И. Мещерским, назначенным учителем Олонецкой гимназии, был установлен надзор со стороны директора народных училищ М. И. Троицкого. Каждые два месяца директор направлял попечителю Петербургского учебного округа донесения о поведении учителя. Но А. И. Мещерский только первые полгода вел себя достойно, а затем продолжил нетрезвый образ жизни, о чем было сообщено попечителю учебного округа. Несмотря на прошения А. И. Мещерского «о пощаде многодетного семейства» (у него было семеро детей), его уволили из училищного ведомства в 1835 г.

Директора училищ, кроме исполнения своих служебных обязанностей, участвовали в общественной жизни губернии. Чаще всего их привлекали к деятельности в различных губернских комитетах. И. А. Никольский, директор Архангельской гимназии и М. И. Троицкий, директор Олонецкой гимназии, были членами соответственно Архангельского и Олонецкого губернских Статистических комитетов и губернских отделений Общества попечительного о тюрьмах.

Многие из директоров имели университетское образование и продолжали заниматься научной и творческой деятельностью. И. А. Никольский тесно сотрудничал с Вольным Экономическим и Российским Географическим обществами, отправляя в журналы этих обществ свои статьи по истории и этнографии Архангельской губернии, а также публиковал материалы в центральных журналах «Москвитянин», «Журнале Министерства внутренних дел», в «Архангельских губернских ведомостях». Кроме того, он составил учебники для гимназий по арифметике, географии и руководство по всеобщей истории, которые, однако, Советом Петербургского университета не были приняты к употреблению учебных заведениях округа. По мнению профессора Э. Х. Ленца, учебник арифметики И. А. Никольского – «по неточности и неправильности изложения, не соответствует назначенной для него цели»[311]. А. С. Власов, будучи директором Вологодских училищ, написал повесть «Прожитое» и «Краткое обозрение состояния 3-й Санкт-Петербургской гимназии

[311] ЦГИА СПб. Ф. 139. Оп. 1. Д. 4873. Л. 1-1 об, 8.

за первое 20-летие». Директор Олонецких училищ В. В. Игнатович занимался историей европейских университетов в средние века и стал одним из первых отечественных исследователей этой темы[312].

За усердную, беспорочную службу в училищном ведомстве орденами Св. Анны III степени и Св. Владимира IV степени были награждены директора Архангельской дирекции – В. Л. Сильвестров, И. А. Никольский, Олонецкой – А. Е. Крылов, Н. П. Ушаков, М. И. Троицкий, С. А. Башинский, Вологодской – А. В. Башинский. Наградные знаки «XV лет беспорочной службы», «XXV лет беспорочной службы», «XXX лет…» вручались тем директорам, которые имели соответствующий общий срок службы в училищном ведомстве. Кроме того, деятельность многих директоров училищ поощрялась денежными премиями от 500 до 2000 руб. единовременно.

Несомненно, в деятельности училищных дирекций были свои положительные и отрицательные стороны. Поскольку директор училищ был «хозяином» сети училищ подведомственной губернии, то лично отвечал за все происходящее в ней. Случались ошибки и промахи в работе, за которые приходилось нести ответственность перед ректором университета, попечителем учебного округа или министром народного просвещения. За что же получали начальники губернских дирекций училищ нарекания от вышестоящего начальства? В основном, это были замечания по форме составления отчетов и ведению училищных архивов. Так, в 1846 г. М. Н. Мусин-Пушкин – попечитель Петербургского учебного округа – указал директору Олонецких училищ В. В. Джаксону, что в отчете ничего не сказано о переменах в преподавании математики в гимназии, нет данных о библиотеке и об учениках, окончивших с особыми успехами и благонравным поведением. Кроме того, попечитель был недоволен тем, что «отчет составлен не согласно с утвержденной формою»[313].

---

[312] См.: Игнатович В.В. 1) Болонский университет в средние века. СПб., 1846; 2) История английских университетов. СПб., 1861.
[313] ЦГИА СПб. Ф. 139. Оп. 1. Д. 5048. Л. 241.

Особенно строгие внушения делались директорам в связи со случаями применения телесных наказаний и жестокого обращения с учащимися в подведомственных учебных заведениях. Так, в январе 1836 г. попечитель учебного округа М. А. Дондуков-Корсаков послал предписание директору Вологодских училищ о том, что ему стало известно о наказании учеников в классах учителями, что противоречило Уставу 1828 г. и было «строго воспрещено»[314]. В 1850 г. в Лодейнопольском уезде Олонецкой губернии произошел инцидент, повлекший за собой смерть ученика частной школы. По итогам проведенного расследования, выяснилось, что мальчик умер в результате жестокого обращения с ним учителя и содержательницы училища помещицы А. Николаенковой. К тому же, эта частная школа была открыта без ведома губернского училищного начальства, что являлось явным нарушением школьного Устава. Попечитель учебного округа М. Н. Мусин-Пушкин сделал строгое предупреждение директору Олонецких училищ А. С. Иордану[315].

Злоупотребление служебным положением также подвергалось наказанию. Так, в марте 1813 г. произошло, казалось бы, незначительное событие, которое поставило точку в карьере Олонецкого директора Н. П. Ушакова. Директор училищ повздорил с почтмейстером П. Свечинским. Николай Петрович отправлял посылку в Новгород своим родственникам, причем пытался это сделать за счет средств дирекции. Данный факт был замечен почтмейстером, который отказался не только отправлять посылку, но и упаковывать ее. По словам директора училищ, П. Свечинский «нанес ему несносную обиду своею надо мной дерзостью»[316]. На почтамте между Н. П. Ушаковым и почтмейстером произошла словесная перепалка, окончившая обоюдными угрозами. Данный факт разбирался училищным начальством и дошел до попечителя учебного округа и министра народного просвещения, так и руководством Санкт-Петербургского почтамта, к которому относилось

[314] Там же. Д. 4488. Л. 1.
[315] Там же. Д. 5479. Л. 5.
[316] Там же. Д. 952. Л. 1.

почтовое отделение в г. Петрозаводске. Выяснив все обстоятельства произошедшего, попечитель принял решение об увольнении Н. П. Ушакова от должности, которое было утверждено министром. В июне 1813 г. бывший директор был приглашен в Санкт-Петербург, лично к Н. Н. Новосильцеву, где попечителем округа ему было сделано внушение о его незаконных действиях и объявлено решение министра народного просвещения А. К. Разумовского «об увольнении от настоящей должности для определения впредь к другим делам»[317].

Директор народных училищ распоряжался всеми финансовыми средствами, поступающими в бюджет губернской дирекции. Министерство народного просвещения строго контролировало приход и расход этих средств. 22 февраля 1808 г. попечителем Петербургского учебного округа директорам училищ было направлено распоряжение «О ведении отчетности»[318]. В нем оговаривались условия хранения училищных сумм. Все финансовые средства, поступающие в дирекцию, должны были находиться в специальном сундуке. Для ограничения самовольного расходования средств не по назначению, контроль над училищными суммами кроме директора, осуществляли еще четыре старших учителя губернской гимназии, у которых, как и у директора, имелись особые печати. Сундук с училищными суммами открывался в присутствии педагогов, суммы записывали в специальную шнуровую «Расходную книгу», отражались суммы, источник их поступлений (штатные, хозяйственные, от Приказа общественного призрения и городских обществ, благотворительные пожертвования, плата с пансионеров) и назначение расходов. Педагоги ставили свою подпись на годовых денежных отчетах и подписывали донесения о получении и отправке книг или учебных пособий.

В 1808 г. Главное правление училищ также издало предписание «О хранении сумм», в котором указывалось, что за финансовыми средствами

---

[317] Там же. Д. 1005. Л. 6.
[318] ГААО. Ф. 61. Оп. 1. Д. 5. Л. 69.

необходимо строго наблюдать, а деньги хранить в училищных домах под надежным присмотром[319]. При этом директору разрешалось тратить их только на статьи, означенные в штатном расписании училищ, в иных случаях необходимо было испрашивать разрешения у высшего начальства с объяснением причин расходования сумм.

Однако в финансовой деятельности допускались упущения и злоупотребления. Во избежание растрат, неправильного расходования средств, нарушений ведения отчетности руководство округа сообщало о подобных случаях во все дирекции. Например, в 1809 г. о финансовых нарушениях в Новгородской дирекции училищ было объявлено всем директорам училищ столичного округа. Попечитель округа Н. Н. Новосильцев в своем предписании отметил, что училищная сумма в Новгородской дирекции не записывались ни в приход, ни в расход, «канцелярии и письменных документов не существовало…, многие из учителей не получили треть жалованья...»[320]. Для предотвращения подобных беспорядков по другим гимназиям учебного округа – всем дирекциям училищ, так и учителям вменялось в обязанность «подтверждать, дабы училищные суммы… были свидетельствуемые и сохраняемые, дабы учительское жалованье было выдаваемо по истечению срока»[321].

Отчитывался директор училищ и перед губернатором. Такие отчеты касались не только вопросов по содержанию учебных заведений, но и проблем дисциплинарного характера. В 1834 г. Олонецкий губернатор А. И. Яковлев потребовал от директора училищ М. И. Троицкого разъяснений по поводу опозданий и пропусков уроков учителями, какие директор обязан был давать училищному начальству[322]. Факты нарушения трудовой дисциплины преподавателями губернскому начальству стали известны со слов смотрителя училища детей канцелярских служащих И. Федорова.

---

[319] ГААО. Ф. 61. Оп. 1. Д. 5. Л. 72.
[320] Отто Н.К. История Новгородской дирекции… С. 13.
[321] РГИА. Ф. 733. Оп. 20. Д. 78. Л. 2.
[322] НА РК. Ф. 17. Оп. 5. Д. 7/15. Л. 395.

Иногда директор училищ становился объектом анонимных жалоб в адрес попечителя учебного округа. В жалобе на Н. П. Ушакова, посланной на имя Н. Н. Новосильцева отмечалось, что директор народных училищ Олонецкой губернии Н. П. Ушаков «не соблюдает должностного уважения к губернатору [В. Ф. Мертенсу. – *Е.К.*], как начальнику губернии»[323], а именно не обращает внимания на предписания губернского начальства. «Сделайте, Ваше Превосходительство, директору строгий выговор с подтверждением, чтобы впредь уважительнее поступал в отношении своих начальников», – писал неизвестный автор письма. Как отреагировал на анонимку Н. Н. Новосильцев – неизвестно, скорее всего, не обратил на нее особого внимания. Однако этот случай показывает, насколько зависимым от отношения гражданской администрации было положение главы училищ губернии.

По социальному статусу директоров народных училищ первой половины XIX в. можно разделить на три группы. Представители первой до назначения на должность имели большой опыт работы в губернских администрациях, земских судах и других присутственных местах, словом, это были чиновники, переместившиеся из одного ведомства в другое. Так, например, С. А. Башинский, прежде чем стать директором Олонецких училищ, долгое время работал в Олонецкой уголовной палате, а с 1813 по 1828 гг. совмещал должности директора гимназии и председателя уголовной палаты. Совмещение директорской службы с административной должностью или прежний опыт работы в системе губернской администрации повышали авторитет директора гимназии среди местного дворянства.

Некоторые из директоров до своего назначения имели большой опыт разнообразной службы и деятельности в системе дворянского самоуправления. Директор Вологодских училищ в 1800-1810 гг. К. С. Станиславский прежде служил в кавалерии, вышел в отставку с чином поручика, затем с 1786 г. по 1800 г. являлся уездным предводителем

[323] ЦГИА СПб. Ф. 139. Оп. 1. Д. 436. Л. 1.

дворянства, провиантмейстером, полицмейстером, плац-майором, советником Вологодского губернского правления[324].

Вторая группа – бывшие офицеры, участники войн, уволенные с военной службы по состоянию здоровья или окончившие военные учебные заведения, но по разным причинам не вступившие в военную службу. П. А. Ушаков, директор училищ Олонецкой губернии (1802 -1804 гг.), после окончания Морского кадетского корпуса по состоянию здоровья на флоте служить не мог, поэтому после окончания корпуса в 1802 г. вернулся домой к родителям в г. Петрозаводск, где был определен на должность директора училищ. Н. П. Ушаков, его однофамилец, директор Олонецких училищ с 1807 по 1813 гг. – также выпускник кадетского корпуса, участник русско-шведской войны (1790 г.), в 1794 г. по болезни был уволен с военной службы.

Массовое привлечение отставных военных к управлению учебными заведениями произошло по окончании наполеоновских войн. В 1816 г. был издан рескрипт, согласно которому раненые штаб-офицеры и обер-офицеры могли быть назначены на различные вакансии на гражданской службе, в том числе директорами гимназий и штатными смотрителями училищ[325]. Но уже в августе 1817 г. директорские и смотрительские места были исключены из числа этих вакансий, так как требовали определенных знаний и опыта педагогической деятельности, что явно отсутствовало у большинства отставных военных. В николаевское время практика назначения на должности директоров училищ отставных военных возобновилась, что соответствовало общей стратегии управления, когда попечителями учебных округов, а также министрами гражданских ведомств император предпочитал назначать доверенных лиц из высших военных чинов. С декабря 1829 по июнь 1830 г. Вологодскую дирекцию возглавлял бывший морской офицер – лейтенант А. А. Соколов. Л. Н. Скрыдлов в 1829 г. в звании капитан-лейтенанта был уволен по состоянию здоровья из Морского ведомства и по

---

[324] ГАВО. Ф. 438. Оп. 3. Л. 1.

[325] Сборник постановлений по Министерству народного просвещения. Т. 1. 1864. Стб. 1057.

предложению попечителя С.-Петербургского учебного округа в 1834 г. был назначен директором Архангельских училищ в чине надворного советника.

Третья группа – представители учительской профессии, бывшие учителя губернских гимназий, смотрители уездных училищ, сделавшие карьеру внутри училищного ведомства, и поэтому хорошо знавшие состояние дел на местах. Среди этой группы было много выпускников Санкт-Петербургского Педагогического института, а позднее Императорского Санкт-Петербургского университета. Например, М. И. Троицкий после окончания Педагогического института в 1810 г. работал учителем Олонецкой гимназии, смотрителем Петрозаводского уезда, а затем с 1828 по 1845 гг. – директором Олонецких училищ. И. А. Никольский, выпускник Санкт-Петербургского университета (1823 г.), был сначала учителем физики и математики Архангельской гимназии, затем инспектором Олонецкой гимназии, а с 1840 г. по 1865 гг. являлся директором Архангельской дирекции училищ. Представителем учительской профессии был и А. В. Башинский, долгое время возглавлявший дирекцию Вологодских училищ.

Для многих директоров дворянского происхождения училищная служба в одной из губерний столичного округа становилась своеобразной ступенькой в дальнейшей карьере, главной целью которой являлось получение очередного чина и назначение на более высокую должность. Часть из них, продолжая работу в училищном ведомстве, становились директорами училищ в других губерниях или возглавляли столичные гимназии. Так, например, П. А. Шипилов после работы в Вологодской дирекции с 1829 г. возглавил 2-ю Санкт-Петербургскую гимназию, И. Н. Скрыдлов (Архангельская дирекция 1834-1838 гг.) с 1838 г. стал директором Псковской дирекции, В. В. Игнатович (Олонецкая дирекция 1847-1849 гг.) в 1849 г. получил должность директора 1-й Санкт-Петербургской гимназии.

Во многом развитие гимназий и училищ в отдаленных губерниях Российской империи зависело от личности директора и наличия у него профессиональных навыков. Претендент на этот пост, обладающий

педагогическим опытом, мог наилучшим образом организовать учебную деятельность гимназии, что было особенно важно в первые годы учебной реформы 1803-1804 гг. В конце XVIII – начале XIX века, до учреждения Министерства народного просвещения, назначение на должность директора народных училищ осуществляли губернские власти «нередко без дальнего внимания к способностям и сведениям для таковых мест потребным»[326].

В 1803 г. Министерство народного просвещения выразило недовольство таким положением дел в училищном ведомстве и потребовало более «осмотрительного выбора в людях» на приискание кандидатур на должность директора училищ. Но при назначении на должности директоров и в следующие годы отдавалось предпочтение, в основном, представителям не учительской профессии. Министерство народного просвещения считало главной обязанностью начальников губернского училищного ведомства выполнение функций администраторов по хозяйственной части. Однако с течением времени выяснилось, что наибольшие успехи по управлению дирекции наблюдалась у чиновников с университетским образованием и опытом педагогической деятельности. Исследователь истории народного образования XIX в. А. С. Воронов отмечал, что Министерство народного просвещения при назначении на должности директоров народных училищ в начале XIX в. встречало большие трудности и потому «на места начальников заведений не всегда находило людей вполне достойных. Характеризуя положение дел в первой половине 1850-х гг., историк оптимистично констатировал, что «теперь места везде заняты людьми, выбранными из самих учителей и пользующихся доверием и уважением общества. Возможность такого выбора из среды самого ученого сословия… показывает успех учебной части»[327].

Другим важным требованием к директору было наличие высшего образования. Руководство деятельностью учебных заведений, необходимость

---

[326] Периодическое сочинение о успехах народного просвещения. 1803. № 2. С.156.
[327] Воронов А.С. Историко-статистическое обозрение… СПб., 1855. С.20.

контроля над работой учителей и соблюдение учебных программ требовало от директора разносторонних знаний. Такие директора училищ могли достойно заменить отсутствующих старших учителей в губернских гимназиях, что они и делали, поскольку проблема замены уроков в гимназии стояла довольно остро. По воспоминаниям бывших гимназистов начала 1830-х гг. директор, заменяя отсутствующего учителя, «чаще всего оставлял журнал [периодический. – *Е. К.*], отмечал в нем статьи, и ученики вслух по очереди читали содержание этих статей»[328]. Сам же директор при этом покидал аудиторию, предоставляя учащимся полную свободу действий. Такие «замены» уроков пользы в учении никакой не приносили, от этого страдало и качество обучения, и дисциплина среди учащихся. Поэтому директора народных училищ, ранее работавшие учителями, могли профессионально проводить уроки в отсутствие заболевших учителей.

Обязательным требованием к кандидату на должность директора было наличие управленческого опыта. Только опытный администратор мог контролировать делопроизводство гимназии, предоставлять ясные и полные отчеты училищному комитету, руководить подведомственными училищами и разрешать многочисленные проблемы, постоянно возникающие в процессе этой деятельности.

Но наиболее важной чертой, которой должен был обладать директор гимназии, являлось наличие авторитета в местном сообществе и, прежде всего в среде дворянской элиты. Он являлся главным представителем государственной системы образования в губернии, и от отношения к нему в обществе зависело доверие местного населения к гимназии и училищам. Отсутствие авторитета в обществе могло привести к тому, что большинство губернских жителей, а главным образом, дворянство предпочтет государственному образованию частное, которое являлось одним из конкурентов гимназий и уездных училищ. Кроме того, от отношения к

---

[328] Полонский Я.П. Школьные годы // Русская школа. 1890. № 2. С. 8.

директору зависели размеры благотворительной поддержки государственных учебных заведений со стороны местного населения.

Как правило, бывшие учителя с университетским образованием, ставшие директорами училищ пользовались уважением в провинциальном обществе. Они знали деятельность учебных заведений «изнутри», т. к. сами были когда-то учителями и смотрителями училищ, умели ладить не только с педагогами учебных заведений, но с учащимися. Так, А. В. Никитенко, профессор Петербургского университета, обозревая Олонецкую губернию в 1833 г. упомянул в своем дневнике директора училищ М. И. Троицкого: «Обедали у Троицкого. Этот человек неглупый. Его любят в городе»[329].

Сочетание всех этих характеристик в одном человеке формирует «тип идеального училищного чиновника». Одним из примеров такого директора стал М. И. Троицкий, возглавлявший Олонецкую гимназию с 1828 по 1845 гг. Этому назначению предшествовала его добросовестная 18-летняя педагогическая деятельность в качестве старшего учителя физики и математики, логики и российской словесности в Олонецкой губернской гимназии. Кроме своих непосредственных обязанностей он постоянно занимался общественной работой: являлся членом попечительного Совета Петрозаводского училища детей канцелярских служителей, членом Олонецкого губернского статистического комитета, членом Временного строительного комитета по перестройке дома Олонецкой гимназии, членом Олонецкого губернского тюремного комитета, кроме того, безвозмездно проводил уроки за отсутствующих по болезни педагогов в гимназии. Во время его управления дирекцией училищ активно действовал Педагогический совет гимназии, где решались наиболее важные вопросы организации учебного и воспитательного процесса, принимались экзамены у будущих преподавателей на звание учителя уездного училища и на получение права преподавания грамоты детям в приходских училищах. При М. И. Троицком в гимназии значительно пополнился Музей естественной

[329] Никитенко А.В. Записки и дневник. Т. 1. СПб., 1905. С. 334.

истории. Одним из ярких показателей успехов Олонецкой дирекции является качество подготовки выпускников учебных заведений, позволявшее им поступать в столичные высшие учебные заведения.

Другим представителем «идеального типа училищного чиновника» был директор В. Л. Сильвестров, руководивший Архангельской гимназией с 1801 по 1832 гг. Василий Лукич Сильвестров стоял у истоков системы народного просвещения в крае и был инициатором преобразования Главного народного училища в Архангельске в гимназию, а малых народных училищ – в уездные (1811 г.). При обозрении народных училищ Архангельской губернии в 1811 г. профессор Санкт-Петербургского университета П. Д. Лодий сообщил попечителю Петербургского учебного округа С. С. Уварову, что «титулярный советник В. Л. Сильвестров ревностным прохождением своих должностей налагают на меня непременную обязанность испросить у Вашего сиятельства особенное внимание на службу»[330].

Несмотря на достаточно приличное материальное обеспечение, среди директоров народных училищ наблюдается частая сменяемость кадров. Так в Олонецкой дирекции с 1845 по 1852 гг. сменилось 4 директора, каждый из которых провел в должности не более полутора лет. В. В. Джаксон – с мая 1845 г. по февраль 1847 г., Ф. И. Эрдман – с февраля по апрель 1847 г., В. В. Игнатович – с мая 1847 по октябрь 1849 гг., А. И. Иордан – с октября 1849 по июнь 1852 гг. Одна из причин такой частой перемены в кадрах явилась отсутствие среди олонецких училищных чиновников лиц дворянского происхождения. А ведь именно это было одним из условий назначения на должность начальника дирекции училищ. В связи с этим обстоятельством, приглашали дворян из других губерний. Как правило, ехать в северную далекую от столицы провинцию мало кто соглашался, поэтому Олонецкая губерния постепенно становилась зоной кратковременного пребывания директоров училищ.

---

[330] РГИА. Ф. 733. Оп. 20. Д. 125. Л. 12 об.

Причинами частой сменяемости директоров народных училищ были также тяжелые климатические условия, дороговизна жизни, несмотря на достаточно приличное материальное обеспечение (жалованье 1000 рублей в год, бесплатная квартира с отоплением и освещением в училищном доме, доплаты за преподавание учебных предметов в гимназии в отсутствии учителей, прогонные деньги). При малейшей возможности перебраться в столицу крупные училищные чиновники старались это сделать. Особенно частыми были кадровые ротации в 1840-1850-е годы. Это можно связать с колебаниями курса Министерства народного просвещения, особенно болезненными в годы «мрачного семилетия» (1848-1855), что выражалось в ужесточении надзора за преподаванием и, соответственно, требований к чиновникам. Следующее десятилетие – переходное: проведение всеобъемлющих реформ в системе образования потребовало смены декораций и людей. Отчасти это было связано с тем, что с увеличением численности учебных заведений в подведомственной губернии ежегодно служебная нагрузка директоров значительно расширялась, и, соответственно, возрастала должностная ответственность, а жалованье сохранялось на прежнем уровне. С увеличением цен на предметы первой необходимости жалованья директорам не хватало, при этом обыкновенно больше страдали семейные люди. Не случайно, одной из главных тем дискуссии в периодической печати при обсуждении образовательных реформ в начале 1860-х годов, стала оплата труда директоров народных училищ. «Нынешние оклады содержания так ограничены, что на них семейному человеку почти невозможно существовать не только в столице, но и в губернских городах»[331], – отмечал корреспондент в «Журнале Министерства народного просвещения» в 1862 г.

По мнению С.С Уварова, для укрепления авторитета учебных заведений в обществе необходимо было «возвысить звание начальников» губернских

[331] По поводу предположений об усилении средств содержания учебных заведений Министерства народного просвещения // ЖМНП. 1862. Ч. 115. С. 99.

дирекций училищ[332]. Поэтому большое внимание министерством уделялось их моральному облику. Так, еще Устав 1804 г. гласил, что директор гимназии должен быть «сведущ в науках, мог исправно судить об искусстве учителей и успехах учеников; был деятелен и благонамерен, любил порядок и добродетель, усердствовал пользам юношества и знал цену воспитания» (ст. 65)[333]. Он должен служить «с усердием и рачительностью, подавать добрый пример в порядке и благонравии своим подчиненным» (ст. 70)[334]. В отношениях с учителями и смотрителями училищ он обязан быть внимателен, помогать советом и делом не только в учебных, но и личных делах. В марте 1834 г. вышло постановление Министерства народного просвещения о строгом отборе на должности директоров народных училищ людей способных и благонадежных.

Личности директоров народных училищ отражают и мемуарные источники по исследуемому периоду. Воспоминания, оставленные педагогами и бывшими учащимися гимназий, не только показывают круг занятий начальников губернских училищ, но отражают их личный облик. У мемуаристов явно прослеживается отношение к директору гимназии как к ее полноправному «хозяину», который «облекал себя внешним величием»[335]. Один из них представлял своего начальника «в образе ласкающего и согревающего солнца… или в величавом образе Юпитера-громовержца»[336]. Другой видел начальника в ином ракурсе. «Директор всегда в регалиях, важный, сановитый, даже со значительным чем-то в бровях и во всей физиономии. Он делал, что хотел, жил по-барски[337]. Воспитанник Вологодской гимназии, будущий деятель народнического движения, Л. Ф. Пантелеев отмечал в своих воспоминаниях, что Н. П. Левитский, директор

---

[332] Десятилетие Министерства народного просвещения…С.7.
[333] Устав учебных заведений, подведомых Университетам.
[334] Там же.
[335] Об отношении начальствующих к учащим // Воспитание. 1861. № 1. С. 73.
[336] Гарусов И.Д. Провинциальные училища в 30-40-х годах (Воспоминания гимназиста) // ЖМНП. 1910. № 5-6. С. 43.
[337] Мартынов Д. Школьные воспоминания // Русский педагогический вестник. 1861. № 6. С. 4.

училищ, бывший учитель русской словесности «пользовался большим уважением, и мы, находясь в III классе с нетерпением, в соединении, однако со страхом, ждали перехода в IV класс»[338].

У воспитанников, не имевших понятия о круге обязанностей директора, складывалось мнение о его бездействии, ненужности. По их мнению, директор мало вникал в дела училищного ведомства, «ничего не делал, его видели только на экзаменах»[339]. Такое впечатление, по-видимому, складывалось оттого, что директор достаточно редко посещал гимназию. Ученики отмечали, что директора они «почти не знали: он приезжал в гимназию только тогда, когда надо было высечь кого-нибудь из учеников»[340] или «видели только мельком, когда он проходил по коридору гимназии»[341]. Все это не только говорит о субъективности мемуаристов, но иллюстрирует и дистанцию между учеником гимназии и директором училищ.

Гораздо содержательнее воспоминания учителей гимназии о своем непосредственном начальнике. Достаточно часто педагоги вспоминают своего директора, как добросовестного, честного человека, который «оставил после себя добрую память как справедливый и гуманный начальник, …как сердобольный отец своих учеников»[342]. В своих прошениях на имя директора училищ учителя обращались к нему, используя обороты: «Добрый Отец! … Чадолюбивейший Отец!… Зная Ваше Начальническое Великодушие...»[343] – писал учитель Олонецкой гимназии Н. О. Куняев в своем письме директору М. И. Троицкому с просьбой о прощении за неблаговидное поведение в быту. Многие учителя боялись директора, относились к нему с подобострастием, старались во всем угодить, «вся его

---

[338] Пантелеев Л.Ф. Из воспоминаний о гимназии 50-х годов // Русское богатство. 1901. № 6. С. 124.
[339] Погодин М.П. Школьные воспоминания 1814-1820 гг. // Вестник Европы. 1868. № 7-8. С.626.
[340] Янишевский Е.П. Воспоминания бывшего ученика 2-ой Казанской гимназии сороковых годов. Казань, 1896. С. 4.
[341] Маев Н. Из прошлого 2-ой Петербургской гимназии // Русская школа. 1894. № 2. С. 30.
[342] Семенов Д.Д. Педагог-идеалист сороковых годов // Русская школа. 1894. № 2. С. 14.
[343] НА РК. Ф. 17. Оп. 5. Д. 2/3. Л. 638.

фигура наводила на нас какой-то безотчетный страх и вместе с тем внушала уважение»[344] – вспоминал петербургский педагог Д. Д Семенов.

Архивные документы показывают, что директор постоянно помогал педагогическому коллективу и заботился об учащихся. Директора занимались расследованием конфликтных ситуаций в гимназиях и других учебных заведениях, причем, во многих спорных случаях с родителями учащихся принимали сторону учителя. Разумеется, здесь присутствовал элемент корпоративной солидарности. Мало кто из педагогов противоречил начальнику училищного ведомства, так как это могло сказаться на дальнейшей карьере. Считалось, что учителю добиться правды и справедливости от директора училищ трудно, «учитель не может сделать ничего в пользу правды»[345].

К середине XIX в. в правовом положении и сфере деятельности директора народных училищ обозначились острые проблемы, которые могла решить новая реформа в области народного просвещения. Одной из них являлся вопрос о его властных полномочиях по управлению дирекцией училищ. Существующая система централизации управления учебными заведениями в Российской империи наделяла директоров училищ широкими правами в области контроля и надзора, но в то же время не давала им простора в области инициативы. Будучи «хозяином» губернского учебного ведомства, директор народных училищ имел достаточно сильную власть над учителями. Она проявлялась в составлении различных донесений, характеристик на учителей в адрес высшего учебного начальства. Кроме служебной, была еще и материальная зависимость учителей от училищного начальства: право директора гимназии на распределение учебной нагрузки между учителями. Так, несмотря на формальное существование педагогических советов, директор мог единолично принять решение по наиболее важным вопросам, игнорировать возражения и иные мнения.

---

[344] Семенов Д.Д. Из школьных воспоминаний старого педагога // Русская школа. 1890. № 9. С. 51.
[345] Об отношении начальствующих к учащим // Воспитание. 1861. № 1, С. 81.

С другой стороны, проявлялось полная зависимость директоров училищ от высшего училищного начальства и от губернской администрации, которая могла загружать его различными предписаниями и требованиями, отнимающими у него свободу действий.

В конечном счете, у директора училищ не было полноты власти. Он не мог проявить ее при выборе учительского персонала, не имел права проводить собственную педагогическую программу. Высшее учебное начальство оценивало служебные успехи директора именно как чиновника, «внимательного, опытного и весьма хорошо знающего постановления, относящиеся к надзору и управляющего учебными заведениями»[346].

Таким образом, директор народных училищ являлся одним из важных звеньев в системе администрирования школ. От его инициативы и умения, личных качеств зависело открытие и закрытие школ, размеры дополнительного финансирования за свет благотворителей, обеспечение учебными пособиями и материалами, вся хозяйственная часть училищ, содержание отчетности и многое другое. В руках директоров находились и судьбы учителей.

2.3. Штатные смотрители в системе просвещения

Должность смотрителя народных училищ в системе управления образованием была введена «Уставом народным училищам в Российской империи» в 1796 г. Смотритель в каждом уездном городе должен был избираться из почетных граждан города. Как правило, это были купцы или богатые мещане, владельцы городской недвижимости, лица уже включенные в местную администрацию. Например, в Вологодской губернии смотрителями Малых народных училищ в Сольвычегодске и Тотьме были городничие, а в Устюге уездный судья (все трое из немцев)[347], а в городах Олонецкой губернии Каргополе, Олонце и Вытегре – городские головы.

---

[346] РГИА. Ф. 733. Оп. 21. Д. 131. Л. 1.
[347] Отто Н.К. Вологодская дирекция училищ до 1850 г. // ЖМНП. 1866. Т. 132. С. 13.

При Александре I такая процедура выборов поначалу сохранилась. Должность смотрителя училищ приравнивалась к выборным должностям в системе дворянского самоуправления на уровне уезда. Это была почетная обязанность дворян, как правило, уже отслуживших в военной или статской службе. Смотритель училищ должен был наблюдать за открывавшимися в то время в уездных городах империи учебными заведениями, еженедельно их навещать и смотреть за учителями. Но, как показало время, такие выборы были неэффективны. Мало кто из смотрителей занимался организацией училищ и заботился о них. Чаще всего смотрители бездействовали. Более того, эта должность рассматривалась самими смотрителями как тяжкая общественная повинность, поскольку она не оплачивалась.

На первых известных нам выборах на должность смотрителя училищ, проведенных в Олонецкой губернии в 1802 г., согласно распоряжению Олонецкого Приказа общественного призрения, жителями г. Каргополя был избран смотрителем Каргопольского малого народного училища мещанин Козьма Прибытков[348]. Но никакой активности по организации училища он не проявлял. Директор народных училищ Олонецкой губернии П. А. Ушаков жаловался в Приказ о том, что «Каргопольский смотритель училищ не доставляет к нему сведений о состоянии училищ в Каргополе»[349]. Повлиять же на К. Прибыткова не было никакой возможности, поскольку он, не состоял в училищном ведомстве и не подчинялся требованиям директора. Бездействие смотрителя Холмогорского училища Архангельской губернии М. Угольникова послужило поводом к его увольнению академиком Я. Д. Захаровым в 1803 г. во время обозрения им учебных заведений. Он «словесно приказал уволить от должности смотрителя, а направление этой должности возложить для облегчения общества на градского главу С. Кулакова»[350]. Так, во главе училищ явочным порядком оказывались представители городского самоуправления.

---

[348] НА РК. Ф. 29. Оп. 1. Д. 20/150. Л. 3.
[349] Там же. Л. 263.
[350] ГААО. Ф. 61. Оп. 1. Д. 140. Л. 393.

Подобная ситуация была и в других местах. В 1803 г. академик В. М. Севергин обозревал учебные заведения Новгородской и Псковской губернии. В своем отчете на имя Попечителя Санкт-Петербургского учебного округа Н. Н. Новосильцева он заметил, что смотрители малых народных училищ, определенные Приказами общественного призрения из купцов и мещан, «не имеют нужных познаний для отправления сей должности»[351]. В Главное Правление училищ визитатор внес предложение о том, что «удобнее и полезнее назначать в смотрители училищ заслуженных учителей». По предложению В. М. Севергина было решено, что должность смотрителя училищ отныне могли занимать люди, «имеющие познания в науках и подведомственные дирекции народных училищ». В принятых в том же году «Предварительных правилах народного просвещения» было определено, что смотрители уездных училищ по представлению директора народных училищ определяются университетом, состоят в IX классе и подчиняются директору училищ «во всех отношениях по училищам»[352]. Так должность смотрителя уездных училищ вошла в штаты губернской дирекции училищ.

В «Примерном исчислении сумм на каждогодное содержание Университетов, гимназий и уездных училищ в России» указывалась сумма жалованья штатного смотрителя (400 руб.), но при этом не предполагалось отдельного финансирования его поездок по уезду (прогонных денег)[353]. Эти деньги выплачивались из экономических сумм или дополнительных средств от городских дум. Таким образом, с 1804 г. в городах, где имелись уездные училища, находился особый штатный смотритель. В целях экономии училищных средств чаще всего, один смотритель заведовал двумя или тремя уездными училищами одновременно.

По «Уставу учебных заведений, подведомых Университетам» (1804 г.) штатный смотритель уездных училищ ведал всеми учебными заведениями, находящимися на территории его уезда. Он должен был заниматься

---

[351] Периодическое сочинение о успехах народного просвещения. 1804. № 5.
[352] Предварительные правила народного просвещения.
[353] Примерное исчисление сумм на каждогодное содержание...

снабжением училищ учебниками и учебными пособиями, наблюдать «за благонравием, наукою учащихся» в училищах, посещать находящееся в уездном городе училище ежедневно, приходское – два раза в неделю, а обзоры сельских школ в уезде проводить три раза в год. Во всех училищах уезда смотритель обязан был присутствовать на открытых испытаниях[354]. Заботясь о материальном обеспечении подведомственных учебных заведений, смотрители старались различными способами привлечь внимание горожан к их нуждам. Обычно для такой цели с успехом использовались открытые испытания. Например, в 1815 г. в Олонецком уездном училище при проведении экзаменов в присутствии «почтеннейшей публики» с пришедших гостей было собрано 177 руб., в среднем, присутствующие вносили от 5 до 10 руб. На эти деньги штатный смотритель А. Е. Гек приобрел для училища глобусы и географические карты[355].

Смотрители контролировали всю учебно-воспитательную работу в уездных училищах, вели обширное делопроизводство и переписку, как о том свидетельствуют архивы. На основе данных, предоставленными учителями, смотрители составляли несколько раз в год ведомости об учащихся во всех учебных заведениях, описывали фонды училищных библиотек, делали подробные ежегодные отчеты о состоянии школ в уезде, делали представления в дирекцию училищ о введении новых методик обучения, о взыскании провинившихся учителей или, наоборот, об их поощрении т. д. В обязанности смотрителя входило обеспечение непрерывного учебного процесса в уездном и приходском училищах.

Самые большие трудности в работе уездных смотрителей были связаны с проведением осмотра сельских приходских училищ. Отсутствие средств на «прогоны», небольшое жалованье, трудности передвижения по непроезжим дорогам – все это делало обозрение отдаленных школ весьма затруднительной задачей. Посещая школы, смотрителям приходилось

---

[354] Устав учебных заведений, подведомых Университетам.
[355] НА РК. Ф. 17. Оп. 5. Д. 1/1. Л. 92.

контактировать с земскими исправниками, местным духовенством и жителями поселений. И со всеми необходимо было найти общий язык, склонить к открытию новых приходских училищ, убедить в оказании материальной помощи тем, что уже существуют, убедить отдавать в них не только мальчиков, но и девочек. Сделать это в селениях, где жители не понимали пользу грамоты, а иногда, как в карельских деревнях, и не понимали русскоговорящих чиновников, было непросто. В качестве примера активности по открытию сельских школ можно привести деятельность С. С. Полидорова, смотрителя Каргопольского уезда Олонецкой губернии. Совершая поездки по уезду в 1806 г., он лично обращался к местным священникам и церковнослужителям с письменными просьбами о содействии открытию училищ. В этих посланиях смотритель не только призывал местный притч прямо участвовать в организации школ у себя в приходе, но и влиять на священно- и церковнослужителей соседних приходов. «Постарайтесь внушить им, что сие почетное звание дает им право на отличное и пред прочими уважение, имена их известны будут в истории просвещения России»,[356] – писал он в своем письме священнику Устьмошанского прихода о. Алексею в 1806 г. С просьбой о содействии открытию школ С. С. Полидоров обращался в Каргопольский уездный земский суд, чтобы тот содействовал в избрании начальников училищ из почетных поселян уезда. Земский суд в свою очередь предписал всем волостным правлениям избрать в селениях почетных начальников будущих училищ и оказывать всяческое содействие новому делу.

Трудности в организации училищ проявлялись и в Архангельской губернии. Так, бургомистр посада Нёноксы Е. Коковин в рапорте директору училищ в ноябре 1834 г. о посещении Нёноксы смотрителем Архангельского уезда А. Жаровов писал, что «смотритель, прибыв в Нёнокский посад для открытия училища, несмотря на встретившееся сопротивление со стороны некоторых жителей касательно открытия оного, успел благородными

[356] ГААО. Ф. 1995. Оп. 1. Д. 1.

поступками обратить на себя внимание всех граждан и благоразумным советом до такой степени убедил их к пользе наук, что при открытии училища из одного Нёнокского посада поступило в оное 26 человек»[357].

Уездные смотрители не только посещали уже существующие сельские училища, но и проводили в деревнях сельские сходы. На таких собраниях они беседовали с крестьянами и агитировали их отдавать детей в училища для обучения грамоте. Крестьяне и поморы к идее правительства об организации школ в сельской местности относились по-разному. Одни из них поначалу охотно отзывались на их просьбы, но в дальнейшем свои обещания содействовать открытию школ в деревне не выполняли, ссылаясь на тяжелые условия жизни. Другие вообще не понимали смысла в обучении детей, школа для них была чуждым и непонятным явлением. Третьи игнорировали посещение сходов или просто отмалчивались во время собраний. Беднейшие крестьяне вообще не могли помочь школе ни деньгами, ни помещением, даже если бы и хотели. Один из корреспондентов «Олонецких губернских ведомостей» в своих воспоминаниях о школе отмечал, что «родители наши…, отправляя нас в школу, плакали о нас, а иные старались откупить детей своих от обучения»[358].

Не встречали понимания смотрители училищ и, общаясь с приходскими священниками, многие из которых считали обучение крестьянских детей грамоте лишней обузой для себя. В разговорах о пользе учения они отказывались от открытия школы, ссылаясь на большую занятость делами церковной службы, плохое здоровье и небольшое жалованье. Многие церковнослужители зачастую и сами были малограмотны. Учитель Олонецкой гимназии П. А. Лопатинский в своем историческом очерке о развитии просвещения в крае так характеризовал местных священников – учителей приходских училищ: «Большая часть из них нигде в семинариях не обучалось, … едва имеют понятия о цифрах» [359].

---

[357] Там же. Ф. 61. Оп. 1. Д. 52. Л. 75.
[358] Бредец И. Остречинское земское училище // ОГВ. 1904. № 3.
[359] Лопатинский П.А. К истории просвещения в Олонецком крае // ОГВ. 1893. № 90.

Земские исправники хотя и с сочувствием относились к развитию просвещения среди крестьян, но при отсутствии государственного финансирования сельских школ мало что могли сделать. Присутствуя на сельских сходах, исправники поддерживали смотрителя училищ, приглашали местное население к пожертвованию на нужды школы, сами объезжали деревни. Но были среди них энтузиасты, которые данной им административной властью воспользовались на благо просвещения. Так, например, каргопольский земский исправник И. П. Ярославцев в 1805 г. посетил более 30 селений своего уезда и подготовил «для 21 приходского училища пристойные домы, черные доски для письма мелом, столы, скамьи и прочие для учения потребности без всякого к мирским обществам прикосновения и тягости»[360]. За такое попечение об устройстве приходских училищ, директор народных училищ Олонецкой губернии А. Е. Крылов ходатайствовал перед попечителем С.-Петербургского учебного округа Н. Н. Новосильцевым о награждении И. П. Ярославцева орденом Св. Владимира IV степени. К его ходатайству присоединился и губернатор В. Ф. Мертенс, написав: «Считаю испросить у императора в изъявлении Монаршей благоволения подарок». В 1806 г. император Александр I наградил исправника И. Ярославцева бриллиантовым перстнем[361].

В Вологодской дирекции училищ первые штатные смотрители появились в 1805 г. Это были М. А. Засодимский, смотритель Вологодского уезда, П. Кувшинов, смотритель Сольвычегодского уезда, протоиерей М. В. Савинов – Тотемского уезда. В Олонецкой и Архангельской дирекциях уездные смотрители начали свою деятельность только в 1808-1811 г. Это были М. А. Копосов, смотритель Петрозаводского уезда, И. Малецкий, смотритель Вытегорского уезда и С. С. Полидоров, смотритель Каргопольского уезда и Л. С. Левицкий – в Холмогорском, Е. П. Смирнов – в Шенкурском, К. В. Васильев – в Кемском уездах. Каждому из них было установлено жалование по 400 руб.

---

[360] ЦГИА СПб. Ф. 139. Оп. 1, Д. 205. Л. 1.
[361] РГИА. Ф. 733, Оп. 20. Д. 45. Л. 5 об.

Назначение на эту должность происходило не единовременно. По Уставу с появлением в уездных городах уездного и приходского училищ открывалась вакансия смотрителя, однако так было не всегда. Например, в Олонецком уезде штатный смотритель появился только в 1818 г., хотя уездное училище в г. Олонце начало свою работу в 1809 г. Численность обучающихся в этом училище была незначительна (1-5 человек), а в селах Олонецкого уезда приходские училища появились гораздо позже, поэтому назначать особого смотрителя в Олонецкий уезд не было необходимости. Первым смотрителем Олонецкого уезда стал А. Е. Гек, учитель рисования Олонецкой гимназии. Судя по архивным документам, штатные смотрители появились и в тех уездах, где не были открыты уездные училища. Так, в уездном г. Пудоже Олонецкой губернии с 1834 г. смотрителем был назначен А. К. Ильинский, который контролировал приходские училища, в Лодейном Поле в 1837 г. смотрителем стал Н. И Андреев, с теми же полномочиями.

Штатные смотрители могли выполнять свои обязанности и в двух уездах одновременно. Это было связано с малым количеством учебных заведений в уездах и незначительной численностью учащихся. Например, в Вологодской губернии были объединены Великоустюжский и Никольский уезды, Тотемский и Вельский уезды, Яренский и Устьсысольский уезды.

В Олонецкой губернии с 1811 г. С. С. Полидоров был смотрителем Каргопольского и Вытегорского уездных училищ, почему к его официальному жалованью ежегодно добавляли 150 руб. на прогоны из сумм Вытегорского училища[362]. В Уставе 1828 г. уже указывалось, что «при каждом уездном училище должен был смотритель», который избирается из учителей того же училища, отличившихся ревностью к службе, хорошим поведением и знаниями»[363], в Олонецкой губернии в 1837 г. соединили Олонецкий и Лодейнопольский уезды (смотритель Н. И. Андреев), с 1838 г. – Петрозаводский и Повенецкий уезды (смотритель Г. С. Епифанов).

[362] Периодические сочинение о успехах народного просвещения. 1811. № 29.
[363] Устав гимназий и училищ уездных и приходских.

Административное соединение территорий Вытегорского и Каргопольского уездов и подчинение одному смотрителю сохранялось с 1809 по 1834 г. Количество уездов в Олонецкой губернии было нечетным (семь уездов), а один смотритель назначался на два уезда. В связи с этим обстоятельством один из уездов должен был оставаться самостоятельной территориальной единицей. Сначала с открытием приходских училищ в Пудожском уезде на два года (1834-1836 гг.) объединили Каргопольский и Пудожский уезды (смотритель А. К. Ильинский), оставив отдельно Вытегорский уезд (смотритель А. О. Луневский). А с 1837 г. объединили Вытегорский и Пудожский уезды (смотритель Н. И. Воскресенский), а А. К. Ильинский оставался смотрителем только одного Каргопольского уезда. Такой порядок управления сохранялся на протяжении всей второй четверти XIX в.

Большинство смотрителей проживали по месту нахождения уездного училища, совмещая эту должность с преподаванием учебных предметов. Интересно, что в Архангельской губернии в начале XIX в. должность штатных смотрителей исполняли старшие учителя Архангельской гимназии, которые жили в губернском городе, являлись преподавателями губернской гимназии и в то же время выполняли обязанности уездных смотрителей. Так же и учитель рисования Олонецкой губернской гимназии А. Е. Гек, постоянно проживая в г. Петрозаводске, одновременно был смотрителем училищ Олонецкого уезда. Исправно получая деньги, как смотрители училищ, они редко выезжали за пределы губернского города и регулярно посещать учебные заведения во вверенных им уездах из-за большого расстояния не могли.

Министерство народного просвещения выразило недовольство по поводу неэффективности такого совмещения, поскольку смотрители не имели надлежащего надзора за училищами. С 1826 г. по решению министра народного просвещения А. С. Шишкова на места штатных уездных смотрителей стали назначаться только учителя, непосредственно работающие в уездных училищах. В Архангельской губернии в 1826 г. были,

таким образом, заменены все уездные смотрители. Вместо преподавателей гимназии эти должности стали исполнять учителя соответствующих уездных училищ. В Олонецкой губернии перемена в назначениях уездных смотрителей произошла только в 1836 г., когда после смерти А. Е. Гека, смотрителем Олонецкого уезда стал учитель Олонецкого уездного училища А. К. Ильинский.

Многие из смотрителей работали одновременно в качестве учителей уездных и приходских училищ, получая за труд дополнительную прибавку к жалованью. Были и такие, кто, радея к пользе просвещения, обучал детей безвозмездно. Так, в 1849 г. с разрешения министра народного просвещения П. А. Ширинского-Шихматова штатный смотритель Великоустюжского уездного училища В. Круглов, «желая способствовать удобному поступлению учеников уездного училища в гимназию, принял на себя безвозмездное преподавание французского и латинского языков во II и III классах училища»[364].

Устав 1828 г. подробно освещал функции штатного смотрителя уездных училищ. Статья 92 наделяла его большими полномочиями, определяя как начальника уездного училища, который «имеет надзор за всеми училищами приходскими, так и частными учебными заведениями в том уезде находящимися»[365]. Главными обязанностями его являлись наблюдение за поступками учителей и успехами учеников и посещение учебных заведений: два раза в день классов уездного и приходского училищ и два раза в год – училищ в уезде. При обозрении школ необходимо было проводить беседы с учениками, просматривать классные журналы и ежемесячные отчеты учителей. Сам же начальник уездных училищ должен был являться примером для учителей, иметь хорошее поведение, беспорочную нравственность. Устав обязывал смотрителей проживать в училищном доме, а «о необыкновенных происшествиях немедленно доносить в вышестоящие

[364] РГИА. Ф. 733. Оп. 24. Д. 76. Л. 1-2.
[365] Устав гимназий и училищ уездных и приходских.

инстанции»[366]. Смотритель имел право обращаться к градской и земской полициям, к уездному предводителю дворянства и исправнику с различными просьбами. Напрямую обращаться к ведомственному начальству, например, к попечителю учебного округа или министру народного просвещения, минуя губернское училищное начальство, не разрешалось. И если такие обращения делались, то нарушителей субординации наказывали. Так, в 1825 г., смотрителю Каргопольского уезда С. С. Полидорову объявили строгий выговор за то, что он обратился с жалобой на несправедливое к нему отношение училищного начальства в Петербург на имя министра народного просвещения А. С. Шишкова[367].

Особое внимание в Уставе уделялось взаимоотношениям смотрителя с учителями уездного училища. По Уставу учителя обязаны были повиноваться всем распоряжениям смотрителя, а тот в свою очередь давать «наставления по преподаванию предметов, но не в присутствии учеников», и «наблюдать за учением»[368]. Смотритель проводил ежемесячные собрания учителей – педагогические советы, на которых контролировались отчеты о приходах и расходах училищных сумм, рассматривались вопросы об учебной и хозяйственной части учебных заведений, обсуждались проблемы преподавания учебных предметов. Например, на заседании педагогического совета Петрозаводского уездного училища 12 мая 1839 г. заслушивалось два вопроса: отчет по обозрению училищ Повенецкого уезда смотрителя Г. С. Епифанова и организация открытых испытаний учащихся в уездном и приходском училищах г. Петрозаводска. Совет постановил: провести годичные испытания с 9 июня 1839 г. и доложить о порядке их проведения директору М. И. Троицкому. Члены педагогического совета утвердили также программу публичного акта по итогам этих испытаний[369].

---

[366] Там же.
[367] РГИА. Ф. 733. Оп. 20. Л. 9.
[368] Устав гимназий и училищ уездных и приходских.
[369] НА РК. Ф. 422. Оп. 1. Д. 2/21.

В ведении смотрителя находилась и организация замены уроков заболевших учителей. Он осуществлял контроль за успеваемостью, посещаемостью и нравственным состоянием учащихся во всех учебных заведениях уезда, следил, чтобы при определении учителем наказаний ученикам «была сохранена не только точная справедливость, но и надлежащая разборчивость и умеренность»[370]. В конце учебного года смотритель производил испытания учащихся, после которых, как правило, на торжественном акте, по случаю окончания учебного года, награждал отличившихся.

В первой половине XIX в. приобретение книг жителями отдаленных губерний было сложным делом. Купить учебные книги можно было только в специальных магазинах, открываемых дирекциями училищ. Поэтому библиотеки учебных заведений становились пунктами распространения учебной литературы. В магазины дирекций училищ книги поступали по отдельным ведомостям, в которых в одной графе указывались цены для учеников, во второй графе – цены для учебных заведений с указанием платы за доставку. Штатные смотрители продавали книги учащимся по ценам, установленным Министерством народного просвещения. Деньги, вырученные от продажи учебной литературы, шли на пополнение фондов библиотек[371].

Школьный Устав обязывал смотрителей распоряжаться всей хозяйственной частью уездного училища (зданием и школьным имуществом)[372]. Смотритель нанимал работников по обслуживанию училищного дома: сторожей, истопников, уборщиков классных помещений, которые находились в его распоряжении. По распоряжению министерства «для лучшей безопасности» с 1810 г. вся училищная казна хранилась в уездном казначействе в «училищном сундуке за печатями директора и двух

---

[370] Устав гимназий и училищ уездных и приходских.
[371] НА РК. Ф. 17. Оп. 6. Д. 1/1 а. Л. 278, 295.
[372] Устав гимназий и училищ уездных и приходских.

уездных учителей»[373]. Необходимую сумму на содержание уездного училища смотритель получал под расписку, вперед на ближайшую треть года, а суммы, следующие из Городской думы и Приказа общественного призрения директор училищ выделял «по мере надобности»[374]. Смотритель вел строгий учет и контроль по расходам казенных средств, записывал все данные в специальной шнуровой книге, которая в конце учебного года сдавалась директору училищ.

В 1830-1840-х гг. с ростом государственного финансирования участились случаи использования смотрителями средств, выделяемых на обозрение уездных училищ, не по назначению. Некоторые училищные чиновники, получая прогонные деньги, никаких поездок не совершали вовсе, объясняя это непроходимостью дорог, дальностью расстояний, большой загруженностью на основной работе.

Однако были и другие примеры, когда выделенных «на прогоны» денег едва ли хватало на длительные поездки по уезду. В Архангельской губернии расстояние между школами, которые обязан был посетить штатный смотритель, было значительным, и дорога сопровождалась различными трудностями. Вот что писал в своем рапорте директору училищ смотритель Кемского уезда Ф. Никитин в марте 1839 г.: «По отдаленности расстояния Колы от Кеми, нерегулярности сообщения в особенности весной и осенью, также и летом, посещают Колу только зимой, ибо путь летом по морю, озерам и пешком через тундру и болота весьма затруднителен, продолжителен и мучителен… А потому… всегда встречаются препятствия, ибо взаимная переписка и получение ответов от школ или меня летом длится месяца и более, а осенью и весной около 3-х месяцев…. Издержки поездки моей в Колу… простирались ныне до 165 руб. Здесь, разумеется, издержки, употребляемые на прогоны, продовольствие в пути и наем квартиры в Коле и в 2-х селениях Кольского уезда, где я расстроенный многотрудным путем

[373] ГААО. Ф. 1995. Оп. 1. Д. 2. Л. 31.
[374] Устав гимназий и училищ уездных и приходских.

вынужден был останавливаться, на одежду, обувь и прочие дорожные потребности, необходимые для столь отдаленного пути по суровости климата, заимствованы мною на время»[375]. Видимо, дополнительные суммы на прогоны Ф. Никитин брал из училищных средств и впоследствии обязан был их вернуть в кассу училища.

Дабы смотрители использовали казенные средства по назначению, в ноябре 1834 г. вышло распоряжение Министерства народного просвещения «О разъездных деньгах директоров и смотрителей училищ», в котором говорилось, что хотя суммы на прогоны по уезду для обозрения училищ будут выдаваться смотрителям в виде прибавки к жалованью безотчетно, но при этом «надлежит поставить им в обязанность и наблюдать, чтобы они непременно обозревали подведомственные им учебные заведения»[376]. В декабре 1834 г. министерство распорядилось выдавать прогонные деньги только тем штатным смотрителям, которые «имеют в ведении своем приходские училища, находящиеся не в одном городе с уездным, а только на дальнем расстоянии и их посещение сопряжено по необходимости с большими издержками, с той целью, чтобы они не могли уклоняться от посещения вверенных надзору их училищ»[377].

Смотрителям уездных училищ запрещалось производить перерасход денег на содержание училища. Если такие случаи происходили, то они строго наказывались. Так, например, по результатам проверки училищ по хозяйственной части за 1815 г. смотрителю Каргопольского уезда С. С. Полидорову директором народных училищ Олонецкой губернии С. А. Башинским было сделано строгое предписание о недопустимом перерасходе денег сверх штатной суммы по уездному училищу в размере 73 руб. 30 коп., и по приходскому – в 6 руб. 16 коп. О данном факте директор сообщил попечителю учебного округа С. С. Уварову и потребовал от смотрителя

[375] ГААО. Ф. 61. Оп. 1. Д. 79. Л. 79.
[376] ЖМНП. 1834. Ч. 1. ноябрь. С. 153.
[377] Там же. декабрь. С. 170.

объяснения причин сверхштатных издержек[378]. В 1830 г. у смотрителя училищ того же уезда И. Проворова после проверки финансовой отчетности за год, обнаружилась значительная растрата. Для разбора дела он был приглашен к городничему, где ему были высказаны замечания о незаконном расходовании казенных средств, но в кабинете градоначальника И. Проворов повел себя неадекватно – в присутствии городничего «истыкал себя штыком в живот»[379]. Смотрителя признали невменяемым и отправили в Санкт-Петербургскую духовную консисторию для дальнейшего разбирательства. Как правило, те, кто был склонен к растрате казенных денег, не задерживались не только на должности смотрителя, но и в училищном ведомстве.

Таким образом, штатные смотрители уездных училищ, находившиеся на периферии ведомственного администрирования, во взаимодействии с учителями, местными властями и жителями способствовали умножению числа начальных училищ и поддержанию открытых ими школ в должном состоянии. Собственный педагогический опыт, знание программ и методик преподавания предметов позволяли им успешно контролировать учебную деятельность подведомственных училищ. Несомненно, многое зависело и от самих смотрителей. Те, кто ответственно относился к выполнению своих непосредственных обязанностей, как правило, долгое время находились на этой должности. Например, с 1809 по 1854 гг. в Петрозаводском уезде Олонецкой губернии сменилось только два смотрителя: М. А. Копосов и Г. С. Епифанов. Каждый из них имел стаж работы в должности смотрителя более 20 лет. Наоборот, не имевшие учительского опыта и специальной подготовки, как правило, пребывали в этой должности недолго.

Важное значение имело образование штатных смотрителей, в основном, назначаемых на эту должность из числа учителей уездных училищ. Среди

---

[378] Сметанин В.А. На пользу народного просвещения. Историко-краеведческие очерки о становлении и развитии учебных заведений на Каргополье и прилегающих местностях. Ч. 1. Архангельск, 2009. С. 151.
[379] НА РК. Ф. 17. Оп. 5. Д. 2/4. Л. 108а.

них лиц, имевших высшее образование, было немного. Больше было учителей, в свое время окончивших губернские гимназии, для которых пост смотрителя мог стать высшей ступенью карьерного роста. При этом наличие аттестата об окончании университета или института не являлось условием для определения на эту должность.

На состояние уездных училищ и организацию управления ими решающим образом влияло их местоположение. Так, уездные училища, находящиеся в губернских городах, находились под пристальным вниманием директора, он мог непосредственно вмешаться в дела таких училищ. В то же время, выполняя личные распоряжения начальства, смотрители не имели определенной свободы действий в таких училищах, хотя шансы быть замеченными и карьерные перспективы при этом увеличивались. В уездных городах, вдали от губернского начальства, смотритель действительно становился полноправным «хозяином» всех учебных заведений. Директора училищ и тем более визитаторы из Петербурга редко заглядывали в «медвежьи углы», полностью полагаясь на отчеты своих подчиненных.

Большое значение в деятельности уездного смотрителя играли его взаимоотношения с учителями уездного и приходских училищ. Положение учебных заведений зависело от слаженной работы 2-3 педагогов, от училищного чиновника требовалось выстраивание взаимоотношений педагог – педагог и смотритель – учитель. Иногда смотрителям приходилось выступать в роли арбитров во время возникновения конфликтных ситуаций. При разборе жалоб и конфликтов уездные смотрители вели себя по-разному. Одни использовали такие ситуации в свою пользу, мстили неугодному учителю, стараясь убрать его с должности. Такие смотрители подогревали спор, вставали на сторону одной из конфликтующих сторон и разбирательство дела проводили по своему усмотрению. Так случилось, например, когда смотрителю С. С. Полидорову пришлось рассматривать бытовой скандал между педагогами Каргопольского уездного училища В. А. Соколовым и Н. В. Талицким. Причиной многолетней вражды двух молодых

преподавателей явилось совместное проживание учительских семейств в одном доме[380]. Смотритель, встав на защиту одной из сторон, всеми способами стремился «поставить на место», учителя В.А. Соколова, по его мнению, «явного преступника законов человеколюбия, общежительства и вежливости» [381]. Другие смотрители, соблюдая корпоративную этику, рассматривали возникающие конфликтные ситуации открыто и коллективно, вместе с учителями и, что называется, «не выносили сор из избы». В конфликте с посторонними лицами смотритель не всегда мог защитить своих. Так был решен смотрителем училищ Г. С. Епифановым конфликт между учителем Петрозаводского приходского училища Крутиковым и мещанином Цветковым. В марте 1842 г., петрозаводский мещанин Цветков, зайдя во время урока в класс и «прервав занятия, наносил оскорбительные слова, называя дураком [учителя. – *Е. К.*], и говоря ему, что он не учит, и не знает как учить»[382]. По поводу этого происшествия было решено, чтобы оскорбленный учитель Крутиков «оставил всякое искательство по нанесенной ему обиды мещанином Цветковым»[383].

По воспоминаниям учащихся уездных училищ того времени, смотритель выступал в качестве сурового начальника, который редко появлялся в школах уезда, и только во время уроков. Чаще всего во время таких посещений дети находились в классах и соответственно не могли видеть смотрителя в стенах училищного здания, поэтому у учащихся складывалось впечатление о нечастых посещениях школы смотрителями училищ. Значительно реже смотрители появлялись в приходских училищах. И хотя статьи школьного Устава 1828 г. предписывали им в обязательном порядке при посещении школ общаться с детьми, беседовать с ними о положении дел в школе, но обычно, таких встреч не проводилось и разговоры о нуждах школ ограничивались только информацией от педагогического персонала,

---

[380] РГИА. Ф. 733. Оп. 20. Д. 333.
[381] Сметанин В.А. На пользу народного просвещения… С. 113.
[382] НА РК. Ф. 17. Оп. 4. Д. 1/1. Л. 171.
[383] Там же. Л. 174.

беседами с приходскими священниками или с земскими исправниками. «Смотритель два раза в год появлялся в приходском [училище. – *Е.К.*], но никого не спрашивал, полагаясь на учителя и данного ему в помощники ученика старшего класса из уездного [училища. – *Е.К.*]», – вспоминал один из них[384].

Таким образом, в течение первой половины XIX века полностью сформировались основные тенденции в организации системы образования в России. Одной из заслуг правительственной политики Александра I и Министерства народного просвещения можно считать отсутствие каких бы то ни было сословных ограничений, явилось основным достоинством нового «Устава» и активную деятельность по повышению престижа образования в России и формированию образовательной потребности в различных слоях общества. 1811-1812 гг. явились переломными в царствовании Александра I. Перемены в мировоззрении царя незамедлительно сказались на ходе реформ, в частности, на проведении образовательной реформы. Характерно, что в этот период изменение системы образования начиналось с университетов. Затем шли средние учебные заведения и, в первую очередь, гимназии. Низшие, приходские училища, реформировались последними.

Модель обязательного общего всестороннего образования, введенная правительством Александра I, подвергается существенной корректировке при правлении Николая I в соответствии с потребностями общества, и ей на смену приходит совершенно иная модель. В основе ее сословный принцип образования, иерархическая организация, в которой содержание образования определяется более высоким по статусу образовательным учреждением, с одной стороны, и реальными потребностями общества, – с другой.

Система училищ, сложившаяся в рамках столичного учебного округа, мало чем отличалась от других учебных округов. Все типы средних и низших учебных заведений, открытые в изучаемый период, действовали на территории Европейского Севера России. Следует отметить, что в северных

---

[384] Гарусов И.Д. Провинциальные училища в 30-40-х годах… С. 8.

губерниях отсутствовали лицеи «как училища высших наук», основанные при Александре I. Они занимали «среднее место» между университетами и гимназиями. В первой половине XIX в. в России действовало пять таких образовательных учреждений: Демидовский лицей в Ярославле был открыт в 1805 г. на средства известного промышленника П. Г. Демидова, Царскосельский лицей – в Царском Селе в 1811 г., Ришельевский лицей – в Одессе в 1817 г., Волынский (Кременецкий) – в Кременце в 1817 г. Интересна судьба гимназии в г. Нежине, получившей название Гимназии высших наук князя Безбородко в 1805 г., на пожертвованные им для этой цели средства. Однако ее открытие тогда так и не состоялось. Гимназия начала работу открыта в 1820 г. его внуком, графом А. Г. Кушелевым-Безбородко, уже после смерти И. А. Безбородко.

ГЛАВА III. СТАНОВЛЕНИЕ И РАЗВИТИЕ СИСТЕМЫ ШКОЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ

3.1. Особенности развития среднего образования

3.1.1. Проблемы развития губернских гимназий в 1808 – 1855 гг.

Утвержденные 24 января 1803 г. Александром I «Предварительные правила народного просвещения» определяли главные принципы устройства гимназий, которые открывались в каждом губернском городе и вверялись управлению директора народных училищ. «Устав учебных заведений, подведомых Университетам» (1804 г.) объявлял гимназии бесплатными и всесословными учебными заведениями, куда принимались ученики «всякого звания», окончившие обучение в уездных училищах (ст. 14). Курс учения предусматривался четырехлетним. Прием в учебное заведение производился один раз в год после окончания открытых испытаний (ст. 15). Продолжительность учебного года, согласно ст. 16 Устава определялась с 1 августа до 1 июля следующего года. В июле назначались каникулы (вакация или роздых)[385]. Подготовка своих воспитанников к учительским должностям в уездных училищах являлась одной из важных особенностей гимназии начала XIX в.

Следует отметить, что организация гимназий началась еще до издания Устава 1804 г., но велась далеко не энергично и этот процесс занял почти 20 лет. Например, в 1808 г. в Санкт-Петербургском учебном округе из пяти губернских городов лишь в трех существовали гимназии, в Казанском учебном округе – из 13 городов только в пяти, в Харьковском округе из 11 городов – в 8, в Виленском из 8 городов – в 6. Только в Московском учебном округе вопрос с открытием гимназий в губернских городах был решен: во всех 10 городах округа были открыты средние школы[386]. В северных губерниях первой на базе Главного народного училища была образована Вологодская губернская гимназия (1804 г.). Однако с 1804 г. работать по

---

[385] Устав учебных заведений, подведомых Университетам...

[386] Князьков С.А., Сербов Н.И. Очерки истории народного образования в России до эпохи Александра II. М., 1910. С. 179, 189.

новому школьному Уставу официального открытия Олонецкой и Архангельской гимназий не произошло из-за отсутствия необходимых по штату учителей, способных вести нововведенные учебные предметы. И это несмотря на то, что в сохранившихся архивных документах начала XIX в. Петрозаводское главное народное училище уже именовалось *гимназией*. Так, в рапорте на имя попечителя Санкт-Петербургского учебного округа Н. Н. Новосильцева в 1806 г. директор училищ А. Е. Крылов отметил, что в Олонецкую *гимназию* в 1806 г. было принято 170 человек, а «на торжественном акте в *гимназии* по случаю окончания учебного года в открытых испытаниях приняли участие учащиеся III класса»[387]. В донесении ректора университета А. Дегурова попечителю Санкт-Петербургского учебного округа К. М. Бороздину в 1828 г. отмечалось, что Главное народное училище в Петрозаводске существовало с 1796 по 1804 г., а «с сего времени [т. е. с 1804 г. – *Е. К.*]. доселе в том же Петрозаводске, под именем Олонецкая гимназия»[388]. Только в 1808 г. после прибытия в Петрозаводск выпускников Санкт-Петербургского Педагогического института (Н. О. Куняева, П. С. Соболева, И. Ф. Яконовского) два высших класса Петрозаводского главного народного училища были преобразованы в Олонецкую губернскую гимназию. В 1-м классе оказалось 11 учеников, а во втором – 7[389]. В 1811 г. была открыта Архангельская гимназия. За первые четыре года образовательной реформы (1804-1808 гг.) в 47 губернских городах России было открыто 32 гимназии, в которых обучалось 2838 учащихся[390].

Губернские училищные власти старались открытие нового учебного заведения провести торжественно. Открытию гимназий предшествовал публичный акт, в котором принимал участие не только губернатор, представители училищной дирекции, жители губернского города, но и визитатор из Петербурга. Настоящим праздником для жителей города стало

---

[387] ЦГИА СПб. Ф. 139. Оп. 1. Д. 202. Л. 5.
[388] Там же. Д. 4267. Л. 2 об.
[389] Там же. Д. 360. Л. 32-33об.
[390] Шмид Е.К. История средних учебных заведений в России. СПб., 1878. С. 69.

открытие Олонецкой губернской гимназии в 1811 г., совпавшее с приездом в Петрозаводск визитатора, профессора Санкт-Петербургского Педагогического института П. Д. Лодия для обозрения учебных заведений Олонецкой и Архангельской губерний, где присутствовал при открытии Архангельской и Олонецкой гимназий. По случаю праздника в Петрозаводске торжество всем губернским чиновникам заранее были разосланы приглашения, а для оповещения горожан на улицах города развесили объявления о предстоящем торжестве. 15 ноября в 8 час. утра в гимназической зале собрались приглашенные гости, учителя, ученики. После проведения молебна было совершено шествие на Соборную площадь. Затем в гимназии прошло торжественное собрание, на котором с речами выступили профессор П. Д. Лодия, губернатор, учителя, учащиеся. Некоторые посетители сделали пожертвования на сумму 400 руб. в пользу гимназии. В этот день гражданский губернатор В. Ф. Мертенс пригласил духовенство и училищных чиновников на праздничный обед.[391]

Праздничные мероприятия по случаю открытия гимназий подчеркивали особую роль этого события в жизни провинциальных городов и способствовали подъему престижа государственного образования в глазах высшего сословия, привлечению внимания благотворителей, как из среды дворянства, так и из других сословий.

Программа четырехгодичного гимназического обучения по Уставу 1804 г. распределялась таким образом, что в первых двух классах последовательно шло преподавание общих предметов (математики, физики, истории, географии, статистики, латинского языка, а также новых языков — французского и немецкого). В III-IV классах преподаваемые курсы дополнились изучением новых предметов: философии, политэкономии, изящных наук, технологии и коммерции, что должно было завершить формирование просвещенного гражданина, будущего чиновника и «благовоспитанного» человека. Заметим, что гимназический план обучения

[391] РГИА. Ф. 733. Оп. 20. Д. 124. Л. 1-2.

не предусматривал преподавание русского языка, поскольку в гимназию принимались дети, уже окончившие курс уездных училищ, где основы грамотности были уже получены. Исключено было из программы и преподавание Закона Божьего как особого предмета, хотя в «Предварительных правилах об устройстве училищ» 1803 г. делалась оговорка, что изучение основ православного вероучения будет продолжено в форме чтения и переводов сочинений, «... подающих чистое понятие о Законе Божьем и гражданских обязанностях»[392]. Директорам училищ с официального одобрения начальства разрешалось вводить дополнительные курсы танцев, музыки и гимнастики, если позволяли средства гимназии оплачивать труд учителей этих предметов.

Одним из недостатков учебной программы 1804 г. являлась ее энциклопедичность. Она не учитывала возрастных особенностей детей и подростков, поэтому освоение программы учащимися происходило со значительными трудностями. Ученику I класса гимназии (мальчику 10-11 лет) необходимо было разбираться в сложных задачах по алгебре, геометрии и тригонометрии, знать хронологию и мифологию древней истории, изучать географию, разбираться в логике, овладевать грамматикой латинского, немецкого, французского языков. Не менее трудные и разнообразные предметы были и в других классах. Гимназисты должны были выполнять творческие задания – писать сочинения, рефераты. Большое внимание уделялось формированию навыков стихосложения, а также практике переводов текстов с латинского, французского и немецкого языков на русский. К тому же в училищных библиотеках не было достаточного количества учебных пособий, да и состав учащихся был разнороден по своей подготовленности. Все это затрудняло подготовку учащихся к дальнейшему обучению в университете, а у тех, кто не хотел продолжать свое образование, отсутствовали практические знания, необходимые в реальной жизни. Далеко

[392] Предварительные правила об устройстве училищ.

не каждый ученик был способен пройти гимназический курс до конца, и мало кто имел намерение продолжить свое образование в университете.

Вследствие этого в 1811 г. была проведена еще одна учебная реформа по изменению учебных планов гимназий. Эти перемены связаны с именем попечителя Санкт-Петербургского учебного округа С. С. Уварова. В октябре 1811 г. он представил министру народного просвещения А. К. Разумовскому программу преподавания предметов, составленную для Санкт-Петербургской гимназии, заявив, что «курс Санкт-Петербургской губернской гимназии до сих пор отнюдь не соответствовал намерениям правительства»[393]. Программа преподавания в этой гимназии (соответственно и во всех других гимназиях России) содержала много «несовместимых» предметов, относящихся к начальным курсам университетов. С. С. Уваров писал, что некоторые из них, «требующие зрелого и предуготовленного ума и потому представленные для университетов — не только не были полезны воспитанникам, но даже и весьма вредны» для ума незрелого, например, политическая экономия, коммерческие науки, финансы, эстетика и философия[394]. Уже в ноябре 1811 г. в учебных заведениях страны было введено преподавание Закона Божьего[395]. В своей докладной С. С. Уваров предлагал ввести новые предметы преподавания в гимназиях и увеличить срок обучения до семи лет. В 1817 г. новая учебная программа была введена в действие в учебных заведениях Санкт-Петербургского учебного округа.

Учебный курс гимназии 1817 г. отличался от программы 1804 г. меньшим количеством учебных предметов в неделю. Были устранены целые циклы наук, а именно: философия, политическая экономия, коммерческие науки, эстетика, естествознание. В новую программу было включено изучение Закона Божьего, русского и греческого языков. Значительно увеличилось число учебных часов на математику, изучение которой продолжалось теперь

---

[393] РГИА. Ф. 733. Оп. 20. Д. 110. Л. 8.
[394] Там же. Л. 9.
[395] Об обучении во всех учебных заведениях Закону Божьему и о прислании почетного Духовенства на экзамены // ПСЗРИ. Собр. 1. Т. 31. № 24874.

в течение всего обучения. С апреля 1819 г. новый циркуляр Министерства народного просвещения «О чтении Нового Завета в гимназиях, уездных и приходских училищах» обязывал «каждое утро, перед началом учения во всех учебных заведениях империи собираться учащимся за 30 минут и читать по одной главе из Нового Завета»[396]. За отсутствие на молитве учеников подвергали наказанию. Кроме того, по воскресным и праздничным дням для проведения богослужений воспитанников собирали в училище или в церкви дабы «положить твердейшее и надежнейшее основания» в учебном и нравственном образовании юношества.

В 1825 г. в гимназиях ввели славянский язык. Как и прежде, если позволяли доходы гимназии, в программу включались музыка, гимнастика, танцы, рисование. Так постепенно программа обучения в гимназии стала приобретать классическое направление.

Можно заметить, что в первых трех классах делался уклон в сторону гуманитарных наук, но уже в старших классах прибавлялись предметы, которые готовили выпускника к поступлению в университет: латинский и греческий языки, арифметика, физика[397]. Расписание составлялось на Совете гимназии, исходя из плана, определенного университетом.

В отчетах по учебной части Олонецкой гимназии, в графе «чему научились» отмечалось, например, следующее. По первому классу: «ежедневно слушали чтения из Нового Завета, и два раза в неделю поучались Закону Божьему; прошли по философскому классу – логику; по историческому – древнюю всеобщую историю в совокупности с географией; по физико-математическому классу: из алгебры о исчислении простых и сложных количеств, из минералогии о Земле; по словесному классу – чистописание и письмо на латинском, французском и немецком языках; по классу искусства – рисование». По второму классу в план вводились изменения, так как начиналось изучение Средней и Новой всеобщей истории,

---

[396] ЖДМНП. 1821. Ч. 3. С. 315.
[397] НА РК. Ф. 17. Оп. 6. Д. 6/10. Л. 11.

всеобщей географии, истории и географии Российского государства. В третьем классе изучали Российскую историю, физико-математические науки – геометрию, начала зоологии и особенности человека, синтаксис иностранных языков, переводы, «выражение мысли на Российском языке» и риторику[398]. В 1825 г. в учебном расписании Олонецкой гимназии присутствовали: славянская грамматика и логика, математика, физика, история, география и статистика, латинский, греческий, французский и немецкий языки, чистописание, черчение и рисование[399].

Таким образом, на протяжении всей первой четверти XIX века программы обучения в гимназиях корректировались, вводились новые предметы или упразднялись старые. Но, несмотря на меры по пересмотру старых и созданию новых программ, процесс обучения в гимназии оставался для учащихся достаточно сложным.

Расходы по финансированию гимназий брала на себя государственная казна. Все гимназии распределялись на три разряда, в зависимости от территориального положения. Гимназии северных губерний (Архангельская, Вологодская, Олонецкая) и некоторые другие были определены в первый разряд и получали финансирование в бóльших суммах, нежели школы другого разряда. Штатная сумма финансирования делилась на три части (трети) и отправлялась три раза в год, по третям. Она содержала следующие статьи расходов: на оплату жалованья директору и учителям, на учебные пособия и содержания здания гимназии. Заметим, что необходимые по штату суммы направлялись в училищные дирекции Олонецкой и Архангельской губерний с 1804 г., хотя гимназии в двух городах существовали номинально, официально они были открыты в 1811 гг. В 1804 г. в «Ведомости о суммах по Олонецкой гимназии, отпускаемых на народные училища» за 1804 г. указывалось, что на содержание Олонецкой гимназии Министерство

---

398 НА РК. Ф. 17. Оп. 6. Д. 22. Л. 377-380.
399 Там же. Д. 1 / 2. Л. 11-13.

народного просвещения выделило 6650 руб.[400] Государственное финансирование гимназий увеличилось только в 1820-е годы, так в 1825 г. все три гимназии получали по 7000 руб. из государственной казны. Однако, эта сумма по сравнению с первоначальной из-за инфляции к тому времени обесценилась более чем в два раза.

Финансовые средства на содержание гимназий поступали также из губернских Приказов общественного призрения и городской Думы. С 1804 г. в Архангельскую гимназию из Приказа ежегодно поступала сумма 2468 руб., в Вологодскую – 2800 руб., в Олонецкую – 1200 руб. Эти деньги шли на выдачу квартирных денег учителям, на отопление и освещение, приобретение канцелярских принадлежностей и мелкие хозяйственные расходы. Но эти средства были непостоянны и не всегда отпускались полностью. Сокращение финансирования Вологодской гимназии началось уже с 1805 г., когда Вологодский приказ общественного призрения стал постепенно уменьшать суммы выплат на ее содержание. Попечитель Московского учебного округа князь А. П. Оболенский доносил министру народного просвещения А. Н. Голицыну в октябре 1818 г., что пособие от Приказа на содержание уменьшились. В 1805-1807 гг. было отпущено по 1800 руб., в 1808 г. – 1200 руб., в 1809 – 1500 руб., 1810 – 1200 руб., с 1811 г. по 1818 г. – 1500 руб.[401] При этом Приказ требовал выплату арендной платы за помещение, ему принадлежащее, в котором располагалась гимназия. Данный вопрос рассматривался в Министерствах народного просвещения, внутренних дел и Комитете министров, которые признали действия Приказа противозаконными. В марте 1819 г. Комитет министров предписал вологодскому губернатору продолжить финансирование гимназии, не уменьшая суммы «без чего выдача учителям денег на дрова и свечи и квартиры должны прекратиться», а также «оставления им общественного

---

400 ЦГИА СПб. Ф. 139. Оп. 1. Д. 87. Л. 9.
401 РГИА. Ф. 733. Оп. 28. Д. 30. Л. 100.

здания Приказа без всякого платежа и без стеснения»[402]. Тем не менее с 1840 г. выделяемые из Приказа на содержание гимназии суммы вновь уменьшились с 2800 руб. до 1000 руб. в год. В 1824 г. Олонецкий и Архангельский приказы общественного призрения отказались выделять деньги на содержание учебных заведений в губернии по причине финансовой несостоятельности[403]. Это осложнило финансовое положение гимназий, которые вынуждены были обходиться только средствами, выделяемыми Министерством народного просвещения и небольшими суммами от городских дум.

Если выделенные гимназии средства не расходовались в течение учебного года, тогда их отправляли Государственный заемный банк для приращения процентами или в приказы общественного призрения в пользу других училищ. Они образовывали капитал или так называемые «экономические суммы». Экономические суммы могли быть использованы на оплату стипендий казенным воспитанникам гимназий, денежные премий преподавателям, ремонт зданий и другие необходимые расходы. Эти остатки в учебных заведениях были значительны и ежегодно пополнялись. Большую экономию в средствах Олонецкая и Архангельская гимназии получили с 1804 по 1808 гг., когда положенная ежегодная сумма из государственного казначейства выделялась полностью, а расходования средств не было из-за отсутствия необходимого по штату количества учителей в гимназии. Экономическая сумма в Олонецкой гимназии в 1820 г. они составляли – 5418 руб. 91 коп., а в 1829 г. достигла 8750 руб. 80 коп[404]. В Архангельской гимназии экономическая сумма в 1819 г. составила 30 000 руб.

Существенную финансовую поддержку гимназиям могли бы оказывать благотворители. Однако значительных пожертвований в адрес трех губернских гимназий в первой четверти XIX в. не было. В пользу

---

402 Там же. Л. 100 об, 122.
403 РГИА. Ф. 733. Оп. 20. Д. 304.
404 Петров К.М. Олонецкая гимназия с 1808 по 1831 гг. // ЖМНП. 1874. Кн. 176. № 11. С. 18.

Архангельской губернии самый значительный и единственный взнос в размере 5100 руб. был сделан купцом А. Плотниковым, за что он был награжден золотой медалью на Аннинской ленте[405]. Остальная благотворительная помощь учебным заведениям со стороны общества была невелика, как правило, ограничивались разовыми денежными взносами во время публичных актов или открытых испытаний, которые колебались от 200 до 400 руб. Имели место и пожертвования в виде коллекций. Так, Олонецкой гимназии были переданы коллекция серебряных монет от директора Олонецких училищ А. Е. Крылова и собрание минералов от начальника Олонецких горных заводов А. В. Армстронга[406]. Педагоги также участвовали в благотворительных акциях. Например, учитель рисования из Вологодской гимназии Н. Катин в сентябре 1825 г. принес в дар гимназии им же написанный портрет государя императора Александра I, который, по мнению директора училищ, стоил около 500 руб. Данный факт не остался незамеченным высшим училищным начальством. Правление Санкт-Петербургского университета во главе с ректором А. А. Дегуровым и попечитель учебного округа Д. П. Рунич распорядились о награждении благотворителя денежным пособием, и Н. Катин получил из экономических сумм гимназии 159 руб.[407]

Все финансовые средства гимназии строго контролировались высшим училищным начальством. Записи прихода и расхода сумм тщательно велись в особой «Приходно-расходной книге». В конце каждого полугодия директор училищ отправлял финансовый отчет по ведомству в университет или попечителю учебного округа.

В целом, финансовое положение гимназий во время царствования Александра I было непрочным. Даже определенные штатами далеко не достаточные суммы выплачивались не полностью или с большими

---

[405] Кизель Н.К., Мазюкевич В.И. Историческая записка Архангельской Ломоносовской гимназии… С.55.
[406] ЦГИА СПб. Ф. 139. Оп. 1. Д. 91. Л. 9.
[407] Там же. Д. 3995.

задержками. Этот вопрос был урегулирован только после принятия Государственным казначейством обязательств выдавать положенную по штатам сумму полностью единовременно, а не по частям. Вопрос о бедственном состоянии школ постоянно поднимался на заседаниях Главного правления училищ, где предлагались различные меры для устранения недостатка в содержании гимназий, строительства удобных помещений, комплектации школьных библиотек и увеличения жалованья педагогам. Уже в 1810 г. обсуждалась необходимость введения платы за обучение в гимназиях сначала в Московском учебном округе, а затем и в других округах России[408]. Правительство считало, что эти суммы могут поправить неудовлетворительное финансовое положение российских гимназий.

Губернские города Российской империи в первой половине XIX века не располагали специальными училищными домами, предназначенными для открывавшихся учебных заведений. Для размещения гимназий губернским властям приходилось использовать уже имеющиеся здания, которые подходили для размещения школы. Обычно это были дома, принадлежащие губернским Приказам общественного призрения, здания губернских управ или частные дома, задолжавших или проштрафившихся горожан, находящиеся под залогом в Приказе.

Сами здания гимназий были каменными, двух- или трехэтажным, но внутренние помещения были малы, т. к. дома строились для иных целей и требовали приспособления и перепланировки. Здания, где помещались Вологодская и Архангельская гимназии, первоначально строились для богадельни воспитательного дома, в помещениях была крайняя теснота. В целях экономии обычно тех же зданиях одновременно располагались городские уездное и приходское училища, училищные библиотеки и квартиры учителей.

Приобретение и содержание училищных домов находилось в ведение Приказов общественного призрения, которые использовали возможность

---

[408] Алешинцев И.А. История гимназического образования… С. 81.

найма помещения «подешевле». Постепенно училищные здания приобретались или вновь строились на средства Министерства народного просвещения и переходили в собственность губернских дирекций училищ. Как правило, прилегающая к гимназическому дому территория была значительной, здесь находился сад и располагались дворовые постройки: сарай, амбар, сторожевая изба и баня. Процесс оформления сделки купли-продажи или строительства домов для гимназий обычно занимал длительное время. Это можно проиллюстрировать на примере истории здания Архангельской гимназии.

Архангельская губернская гимназия при своем открытии имела «для классов всего пять покоев весьма тесных» в здании Приказа общественного призрения и «требовала попечения». Директор гимназии доносил попечителю округа С. С. Уварову в 1811 г., что в гимназии «потолки и полы в самом худом положении и требуют неминуемой перестройки»[409]. Попечитель в свою очередь в феврале 1812 г. сообщил министру народного просвещения А. К. Разумовскому: «Ни для публичных испытаний, ни для библиотеки и хранения других учебных пособий нет особых комнат…, а остальные помещения занимают «некоторые присутственные места»[410]. В гимназии не было специального зала для торжественных собраний и помещения для библиотеки. С. С. Уваров предлагал Министерству просвещения договориться с архангельским губернатором о продаже гимназии всего дома за 18 010 руб. 31 коп. Однако при составлении сметы по покупке дома и проведении переустройства здания сумма увеличилась до 43 818 руб. 10 коп.

Министерство народного просвещения сделало предписание директору Архангельских училищ В. Л. Сильвестрову о сокращении суммы, «приняв за правило прочность, одну выгоду без излишних украшений»[411]. Директор училищ принял решение о переделке только 1 этажа, которая должна была

---

[409] РГИА. Ф. 733. Оп. 20. Д. 95. Л. 5.
[410] Там же. Д. 144. Л. 1-1об.
[411] Там же. Д. 144. Л. 3об.

обойтись в 15 579 руб. 40 коп., а комнаты 2-ого этажа предоставить для жительства учителей. Таким образом, смета купли-продажи дома для Архангельской гимназии сократилась до 33 589 руб. 71 коп. (на покупку здания 18 010 руб. 31 коп. и проведение необходимого ремонта 15 579 руб. 40 коп.). Но переписка руководства учебного округа с архангельским губернатором о продаже затянулась еще на 5 лет (1812-1817 гг.). В 1817 г. дом Архангельского приказа общественного призрения был куплен за 20 000 руб. за счет училищного средств[412]. В нем размещались гимназия, уездное училище и квартиры директора и учителей. Дом для Вологодской гимназии был приобретен Министерством народного просвещения в 1825 г. за 35 000 руб.

Отчеты визитаторов и директоров народных училищ показывают, что училищные дома не соответствовали самым скромным требованиям гигиены и удобств. Чаще отмечалась крайняя теснота, и даже опасность пребывания детей в неустроенных гимназических помещениях. Директора училищ сообщали попечителю округа, что в гимназии «потолки и полы в самом худом положении и требуют неминуемой перестройки» и ежегодно просили дополнительных финансовых средств для проведения ремонтных работ[413].

Здание Вологодской гимназии находилось в аварийном состоянии «одни капитальные стены были очень хороши, остальное же требовало полного ремонта»[414]. С 1814 г. по 1822 г. в большом зале этой гимназии давал спектакли театр для публики, устроенный губернатором Н. И. Винтером, в вечернее время артисты репетировали в классных комнатах, а зимой здесь проводились дворянские балы[415].

Положение гимназии в Петрозаводске было одно из самых незавидных. Здание, выделенное от Олонецкого приказа общественного призрения, было

---

412 Там же. Д. 197.
413 Там же. Д. 95. Л. 5.
414 Столетний юбилей Вологодской губернской гимназии (1786-1886 гг.). Вологда. 1886. С.6.
415 РГИА. Ф. 733. Оп. 28. Д. 30. Л. 103.

двухэтажным, но внутренние его помещения были малы[416]. Здесь располагались Петрозаводские уездное и приходское училища, библиотека, естественный и физический кабинеты, находились квартиры учителей. Классы гимназии помещались на втором этаже, уездного и приходского училищ – на первом, учительские квартиры располагались в боковых комнатах. Из-за тесноты помещений в училищном доме не хватало классов для обустройства библиотеки, физического и минералогического кабинетов, а педагогические совещания «проходили в архиве, в тесной и темной комнате, где не было даже ни одного стула»[417].

Училищный дом в 1802 г. сильно пострадал от пожара, и занятия в нем не проводились. Городская управа и Приказ общественного призрения денег на его ремонт школы не выделяли, поэтому училище размещалось в наемном помещении в доме титулярной советницы А. Петровой. Дом был ветхий, не приспособленный для обучения детей – «стекла в окнах разбиты и досками заставлены, рамы в окошках замазаны, да те не двойные, а одинакие, подвержены сквозным ветрам»[418]. Зимой «по причине крайнего холода ни одного класса не было, как учители, так и дети оставались без всякого дела и упражнения», – писал в рапорте директор народных училищ Олонецкой губернии А. Е. Крылов в 1804 г. попечителю учебного округа[419]. В результате многократных обращений в высшие инстанции Петербурга и к олонецкому губернатору В. Ф. Мертенсу директору училищ А. Е. Крылову удалось добиться выделения средств (11 790 руб.) на реконструкцию пострадавшего здания и временного перевода учащихся в здание Олонецкой казенной палаты.

Ремонт здания гимназии был организован в 1809 г. уже при директоре училищ Н. П. Ушакове. Но ремонтные работы сделали наспех, за три летних месяца, кроме того, не хватило финансовых средств. Смета, составленная

---

416 Капуста Л.И. Главное народное училище – Олонецкая губернская мужская гимназия (строительство и архитектура) // Дом на площади. Петрозаводск, 2000. С. 5.
417 Петров К.М. Олонецкая гимназия с 1808 по 1831 гг… С. 21.
418 ЦГИА СПб. Ф. 139. Оп. 1. Д. 89. Л. 1.
419 Там же.

директором А. Е. Крыловым в 1806 г. на 11 790 руб., спустя три года уже не соответствовала уровню возросших цен. Новый 1809/10 учебный год начался в плохо отремонтированном здании. Уже в 1811 г. потребовалось «в классных и жилых комнатах исправить рассохшиеся полы и потрескавшиеся печи»[420]. В 1817 г. здание гимназии вновь пострадало от пожара из-за неисправности печей в одной из учительских квартир, однако в следующий раз ремонтные работы были произведены только в 1823-1826 гг. после длительной переписки между различными ведомствами[421]. Примечательно, что на протяжении всей первой половины XIX в. аварийное состояние гимназического дома ежегодно отмечалось во всех отчетах Олонецкой училищной дирекции.

Ветхие и неустроенные здания губернских гимназий не были привлекательны для горожан. Не случайно директор училищ Архангельской губернии писал попечителю, что жители города Архангельска, взирая на гимназию как на единственное государственное учебное заведении в губернии, «не находят соответственного званию сему наружного в ней устройства и приличий и могут потерять доверенность и попечение о нем и таким образом…, не с охотой станут туда детей своих отдавать»[422]. Однако в таком положении находились многие училищные здания. Например, дом Новгородской гимназии, «находившейся на краю города, на берегу Волхова, представлял жалкую развалину и в каждую весну был затопляем разливом»[423]. Воспитанники гимназий отмечали в своих воспоминаниях, что «гимназии вообще были из рук вон плохи… Везде грязь, в окнах разбитые стекла, так, что в зимнее время и ученики и учителя сидели в шубах или тулупах»[424].

---

[420] Петров К.М. Олонецкая гимназия с 1808 по 1831 г… С. 20.
[421] Там же.
[422] РГИА. Ф. 733. Оп. 20. Д. 144. Л. 2.
[423] Отто Н.К. История Новгородской дирекции… С.13.
[424] Воспоминания генерал-фельдмаршала графа Дмитрия Алексеевича Милютина. Томск. Т.1. 1919. С. 43.

События Отечественной войны 1812 г. отразились и на судьбах северных гимназий. Вологодская губерния служила пристанищем для эвакуированных во время военных действий вглубь страны военно-сиротских отделений из Твери и Смоленска, а также Ярославского Демидовского училища. Предполагали временно переместить сюда и Московский университет, для которого по распоряжению попечителя Голенищева-Кутузова было нанято помещение, но этого не произошло. На первом этаже здания Вологодской гимназии во время войны располагался Ярославский воспитательный дом, вследствие чего в течение 4-х месяцев 1812 г. учение в гимназии «производилось только по 16 часов, вместо 36» в неделю[425].

В Петрозаводск были эвакуированы преподаватели и студенты Санкт-Петербургского педагогического института[426]. Для этого были подготовлены кибитки, в каждую из которых помещалось по три человека, сундук, тюфяки с подушками и одеялами и по 25 пудов клади на розвальнях. На переезд из Усланки в Петрозаводск, который продолжался три дня, было потрачено 1301 руб. 60 коп.[427] Весь путь от Санкт-Петербурга до Петрозаводска занял 40 дней, считая «непраздное» пребывание в Усланке. 14 ноября путешественники прибыли в Петрозаводск, о чем олонецкий губернатор В. Ф. Мертенс сообщил министру А. К. Разумовскому. Ученики Санкт-Петербургской гимназии вместе с ее директором Ф. И. Миддендорфом остались в Усланке.

В Петрозаводске прибывшие студенты, преподаватели и служители разместились в здании гимназии и на квартирах учителей. С. С. Уваров предложил директору гимназии Н. П. Ушакову «заблаговременно до прибытия студентов и воспитанников Педагогического института распустить учащихся местной гимназии», а «классы очистить для помещения студентов,

---

425 Отто Н.К. Вологодская дирекция училищ… С. 48.

426 Подробнее об эвакуации Педагогического института в Петрозаводск в 1812 г. см.: Жуковская Т.Н., Калинина Е.А. Эвакуация Петербургского Педагогического института в 1812 г. // 1812 год в судьбах России и Европы: сб. трудов междунар. науч. конф. СПб., 2012. С. 148 -157.

427 ЦГИА СПб. Ф. 139. Оп. 1. Д. 892. Л. 130.

воспитанников и находящихся при них чиновников». То есть во время пребывания эвакуированных студентов гимназия должна была прекратить свою деятельность. Квартиры учителей также предлагалось передать институту, Уваров надеялся, что «чиновники сии благомыслящие не отрекутся на время перенести некоторую тесноту»[428].

До прибытия эвакуированных в гимназии был сделан ремонт, основную стоимость которого взял на себя Александровский завод[429]. Директор гимназии приготовил требуемые помещения, но прекращать уроки, несмотря на предписание попечителя, не стал. Два гимназических класса он поместил в собственной квартире, оставив себе только одну комнату и кухню, другие два класса занимались в квартирах учителей. «Сверх того потеснили учителей по двое в одну квартиру»[430]. В итоге для занятий и проживания студентов Педагогического института в здании гимназии было освобождено 22 помещения, где проходили занятия, жили студенты, помещались привезенные кабинеты и коллекции института. Можно судить, какая теснота была в здании, где все время не прекращались занятия ни для студентов, ни для гимназистов.

В Петрозаводске прибывшие не чувствовали себя оторванными от напряженной жизни страны, по возможности скрашивая свой досуг развлечениями. Чиновников часто приглашали на вечера к губернатору В. Ф. Мертенсу, вице-губернатору К. А. Уварову, председателю Олонецкой уголовной палаты С. А. Башинскому, директору гимназии Н. П. Ушакову и к другим лицам из «почетного гражданства Олонецкого». Преподаватели института в свободные дни посещали Александровский завод, ездили по Олонецкой губернии. О посещении Марциальных вод, водопада Кивач и Кончезерского завода красочно рассказал в своих записках директор Педагогического института Е. А. Энгельгардт. Посещение вечеринки в доме

---

428 Там же. Л. 30.
429 Там же. Ф. 13. Д. 1271. Л. 3.
430 Там же. Л. 81.

местного купца послужило ему материалом для описания обычаев и нравов местного населения[431].

25 декабря был опубликован Манифест об изгнании врага из пределов России и окончании Отечественной войны. Но еще 26 ноября А. К. Разумовский отправляет В. Ф. Мертенсу предписание препроводить чиновников Министерства народного просвещения из Петрозаводска на подводах зимним путем обратно, «по случаю перемены обстоятельств»[432]. Е. А. Энгельгард настойчиво просил через С. С. Уварова дождаться весны и ехать водным путем, ссылаясь на большое число больных, вещей и небезопасность для здоровья воспитанников долгого зимнего пути. Но министр оставался непреклонен: война окончена, институт должен вернуться к обычному режиму деятельности как можно скорее, а для этого нужно немедля возвращаться[433].

В середине января 1813 г. студенты и чиновники Педагогического института получили предписание попечителя С. С. Уварова о возвращении в Петербург. Гимназисты выехали из Усланки 13 января, а 76 студентов института из Петрозаводска – 28 января через Олонец, Александро-Свирский монастырь, Лодейное Поле, Ладогу, Шлиссельбург, и уже 3 февраля были в Петербурге. Обратный путь оказался значительно быстрее и легче. 3 февраля 1813 г. С. С. Уваров докладывал министру, что «студенты возвратились благополучно, исключая одного Дмитрия Воздвиженского, который за приключившейся ему лихорадкою оставлен в Петрозаводске под надзором директора тамошней гимназии Ушакова до выздоровления»[434].

Уезжая, институт, оставил Петрозаводской гимназии ценные приборы (микроскопы, электрические машины и др.). Часть вещей (мебель и кровати)

---

[431] Энгельгардт Е.А. Воспоминания о Петрозаводске // Карелия и Соловки глазами литераторов пушкинской эпохи / Сост. А.М. Пашков. Петрозаводск, 2001. Т. 2. С. 6-38.
[432] РГИА. Ф. 733. Оп. 86. Д. 310. Л. 33-34, 35 об.; Московский университет и С.-Петербургский учебный округ в 1812 г. Документы архива Министерства народного просвещения. М., 1912. С. 294-295.
[433] РГИА. Ф. 733. Оп. 86. Д. 311. Л. 41-42, 44-45 об.
[434] Там же. Л. 56-57.

также были оставлены, а затем проданы дирекцией училищ Олонецкой губернии, а вырученные деньги отосланы в Педагогический институт.

Городское население весьма равнодушно относилось к школе, особенно к обучению в старших классах гимназии как необходимому условию поступления в университет. Это казалось ненужным излишеством в карьерной стратегии. Дворянство к получению должностей и чинов стремилось или испытанным издавна путем протекции, связей и покровительства, или же путем укороченного образования. Купечество видело своих детей в качестве наследников семейного дела, для чего считалось достаточным элементарных знаний, умения считать и писать, отвлеченные науки казались обременительны и далеки от потребностей реальной жизни. Большинство родителей ограничивали обучение своих детей уровнем приходских и уездных училищ, довольствуясь получением элементарной грамоты. 6 августа 1809 г. появилось Положение об экзаменах на чин, подготовленное М. М. Сперанским, в котором утверждался высокий образовательный ценз для получения должностей. Для занятия чинов коллежского асессора, статского советника и более высоких чинов по Табели о рангах необходимо было получить университетское образование или университетский диплом. Имеющие дипломы получали право занимать многие должности без долгой выслуги лет[435]. Однако для провинциального чиновничества, не поднимавшегося выше первых классных чинов, ограничения по образовательному цензу так же были неактуальны.

Многие дворяне считали недопустимым обучать своих детей в одном учебном заведении с представителями низших сословий и предпочитали отдавать их в частные пансионы или учить дома. При отсутствии достаточного количества подготовленных учителей – преподавание предметов в гимназии было поверхностным. Содержание программ преподавания страдало неточностью и расплывчатостью, в них не было

[435] О правилах производства в чины по гражданской службе и об испытаниях в науках для производства в коллежские асессоры и статские советники // Сборник постановлений по Министерству народного просвещения. Т. 1. 1864. Стб. 511.

распределения материала по классам. Это были «скорее религиозно-нравственные беседы, чем настоящий учебный предмет»[436]. Обучение в гимназии шло на пользу лишь немногим одаренным детям из низких сословий, которые собирались продолжить образование в университете и посвятить себя науке. Стараясь дать энциклопедические знания, идеологи реформ не рассчитали возможности восприятия учебной программы, обрекая учащихся и их учителей на неглубокое изучение предметов. В итоге учеников гимназий плохо готовили к серьезным занятиям в университете, но и не гарантировали практических знаний тем, кто в университет не собирался. Поскольку карьеру молодые люди начинали уже в возрасте 15-16 лет, они просто уходили из гимназий, не окончив полного курса.

Поэтому в первой половине XIX в. численность учащихся в гимназиях была незначительной. «Почти во всех гимназиях количество учеников ограничено, а в некоторых старшие классы совершенно пусты… ученики гимназии, большей частью, дети недостаточных чиновников губернских городов, лишь весьма редко кончающие курс наук, так как они вынуждены поступать на службу, чтобы поддержать свои семейства», – сообщил попечитель одного учебных округов в своем представлении министру народного просвещения в 1811 г.[437].

Самой многочисленной среди исследуемых гимназий являлась Вологодская. (См. Таблицы № 4, 5) При ее открытии (1804 г.) в нее поступил 51 воспитанник. При организации Архангельской гимназии (1808 г.) «было всего 14 учеников, причем во II классе обучалось только 3, и он вскоре закрылся»[438], в Олонецкой гимназии в 1816 г. было 18 человек: в 1-м классе – 11 учеников, а во II классе – 7[439]. Такое положение было и в других гимназиях Петербургского учебного округа. Например, в Новгородской

---

[436] Алешинцев И.А. История гимназического образования… С.56.
[437] Цит. по: Шмид Е.К. История средних учебных заведений… С. 111.
[438] Синицына П.Т. Развитие народного образования на Европейском Севере (досоветский период). Архангельск, 1996. С. 31.
[439] ЦГИА СПб. Ф. 139. Оп.1. Д. 360. Л. 32-33об.

гимназии в 1816 г. обучалось всего 6 учеников[440]. Отметим, что на протяжении всей первой половины XIX в. Олонецкая гимназия была самая малочисленная среди всех гимназий Санкт-Петербургского учебного округа. В общем отчете Министерства народного просвещения за 1836 г. указывалось, что в ней обучалось 46 учащихся, тогда как в Вологодской – 129 учеников, в Архангельской – 108[441]. Число окончивших Олонецкую гимназию с 1808 по 1825 гг. составило всего 27 человек (примерно по 1-2 выпускника в год). Как заметил в отчете за 1844 г. директор гимназии М. И. Троицкий «численность учащихся не представляет ничего блистательного…, в краю малолюдном и скудном, где сама природа стесняет умственную деятельность»[442].

Считалось вполне достаточным, если дети умели читать церковные книги и писать, считая дальнейшее обучение бесполезным. Для многих простых граждан страны гимназия была еще непонятным и новым явлением, «это было место, наполненное страшными кошмарами, от которых бегали, как от чумы. Только какая-нибудь крайность заставляла родителей отдавать детей в эти учебные заведения»[443].

Смотрители докладывали директорам училищ, что «хорошо успевшие ученики из училища выбывают преждевременно, довольствуясь хорошим чтением и письмом, по внушению родителей их. Меры способностей каждого ученика, нередкие пропуски ими школы не могут также всегда в полной мере удовлетворить усердие и прилежность учащихся»[444]. Родители не видели пользы от образования, забирали детей из школы «для приучения к письменным делам» или, как они писали в своих заявлениях «к своим местам».

Как правило, численность учащихся снижалась при переходе в высшие классы. Наполняемость классов наблюдалась только в I и II классах, в III –

---

[440] Отто Н.К. История Новгородской дирекции… С. 18.
[441] Общий отчет, представленный его Императорскому величеству по Министерству народного просвещения за 1836 г. СПб., 1837. С. 147.
[442] НА РК. Ф. 139. Оп. 1. Д. 4893. Л. 67об.
[443] Отто Н.К. История Новгородской дирекции... С. 15.
[444] НА РК. Ф. 17. Оп. 5. Д. 2/3. Л. 615-615 об.

количество обучающихся уменьшалась, и далее на обучении оставалось от 1 до 5 человек или ученики вовсе отсутствовали. Например, в 1833 г. в Архангельской гимназии не было учения в V – VII классах из-за отсутствия учеников[445].

Одной из мер, направленных на увеличение численности учащихся в гимназиях явилось распоряжение министра народного просвещения о допущении воспитанников военно-сиротских отделений в гимназии для подготовки их к учительской должности в этих отделениях. Предполагалось отправить в каждую губернскую гимназию по 12, а в Петербургскую гимназию 24 кантониста. Это обусловило ряд проблем по их обучению. Например, поступившие в Архангельскую гимназию кантонисты в 1821 г. оказались великовозрастные и совершенно неподготовленные для обучения в гимназии, было принято решение об их замене. С официального разрешения министра учеников заменили другими, более младшего возраста, и направили их сначала в уездное училище для подготовки к поступлению в гимназию. Важно отметить, что только 5 из них окончили впоследствии гимназию и затем работали в качестве учителей[446].

В Петрозаводске с 1822 г. детям мастеровых Александровского завода также разрешили посещать гимназию. Однако регулярному посещению ими уроков препятствовало заводское начальство, по распоряжению которого мальчиков часто забирали на работу на завод. Так, в 1822 г. начальник заводов И. А. Фуллон своим решением ограничил число учащихся в гимназии мастеровых до 2 в каждом классе (всего их осталось 8 человек). Директор Олонецкой гимназии С. А. Башинский, убеждая в важности получения образования, ходатайствовал об увеличении численности заводских учеников до 12 человек. И. А. Фуллон с доводами согласился, но с условием, что на работу не будут отвлекать только успешных учеников, а остальные по-прежнему будут заняты на заводе. Такие ограничения

---

[445] Кизель Н.К., Мазюкевич В.И. Историческая записка Архангельской Ломоносовской гимназии… С. 92.
[446] Там же. С. 48-49.

повторялись, например, в 1831 г. по распоряжению начальника завода из гимназии были исключены все дети рабочих, в 1838 г. также по распоряжению заводской дирекции обучение прекратил 31 ученик. В 1843 г. разрешили посещать гимназию только трем мальчикам для приготовления их к званию учителей для заводской школы[447].

«Устав гимназий и училищ уездных и приходских» 1828 г. определил новые задачи губернских гимназий: «доставить способы приличного по званию их воспитания тем из молодых людей, кои не намерены или не могут продолжать учение в университетах, а готовящихся вступить в оные снабдить необходимыми для сего предварительными знаниями». При этом сохранялись положения прежнего Устава 1804 г. о времени приема в гимназию, о продолжительности учебного года и вакаций учеников, о расписании учебной недели. Однако теперь обучение в гимназии ориентировалось только на детей дворян и чиновников, назначался обязательный семилетний курс обучения, и вводилась обновленная программа обучения. Выпускники гимназий могли занимать места служащих высшего разряда, а окончившие гимназию с наличием в программе древнегреческого языка зачислялись в должности сразу же по вступлении на службу[448].

Преобразование провинциальных гимназий по новому Уставу происходило с 1831 г., отсутствие достаточного числа квалифицированных педагогов существенно замедляло реорганизацию. Долгое время – до 1832 г. во многих гимназиях Санкт-Петербургского округа оставались незаполненными вакансии инспекторов, учителей латинского, немецкого, французского языков, русской грамматики и географии.

Школьные Уставы 1804 г. и 1828 г. учреждали главные совещательные органы в гимназии – педагогические советы, куда входили директор народных училищ и старшие учителя для «советования об удобнейшем

---

[447] НА РК. Ф. 17. Оп. 5. Д. 8/16. Л. 564 об.; Петров К.М. Олонецкая гимназия с 1808 по 1831 гг. Материалы для истории учебных реформ… С. 12.

[448] Устав гимназий и училищ уездных и приходских.

совершенствовании способов учения»[449]. На заседаниях педагогических советов рассматривались «важнейшие дела», касающиеся не только самой гимназии, но и всех учебных заведений губернии. В компетенцию педагогического совета входили вопросы организации учебной и воспитательной работы гимназии, финансовые вопросы, вопросы перевода и выпуска гимназистов, определялись списки наставников и воспитанников, представляемые к награждению, вопросы увольнения преподавателей и т. д. Правда, Совет в кадровых вопросах не имел решающего голоса, но мог дать преподавателю характеристику. Все решения Совета становились обязательными для исполнения.

По утверждению К. М. Петрова, бывшего учителем Олонецкой гимназии в 1850-х годах и составившего исторический очерк «Олонецкая гимназия с 1808 по 1831 гг.», педсоветы «происходили больше на бумаге, чем на деле, и состояли исключительно в ежемесячной поверке сумм»[450]. Однако, судя по сохранившимся Журналам Совета гимназии – этот «орган коллективной педагогической мысли» имел большое значение. Совет серьезно занимался проблемами учебной и воспитательной части не только гимназии, но и всех училищ губернии. На Совете обсуждались и отношения с родителями приходящих учеников, которые получали особые свидетельства о посещении их детьми занятий. Сохранились также прошения родителей о приеме детей в гимназию, рассматриваемые педагогическим советом. Решались вопросы о приобретении книг, об отпусках и переезде учителей и т. д. Рассматривая поведение учеников, совет определял меры воспитания и наказания для нарушивших дисциплинарные правила.

Так, в 1837 г. на заседаниях Совета Архангельской гимназии рассматривались предложения попечителя Казанского учебного округа о необходимости «умственных занятий» учителей в свободное от

---

[449] Петров К.М. Олонецкая гимназия с 1808 по 1831 гг… С. 18.
[450] Там же. С. 9.

преподавания уроков время[451], о заведении «Золотой книги» гимназии, «для сохранения навечно имен воспитанников отличных по поведению, благонравию и успехам», которую полагалось иметь в зале гимназии[452]. Право быть записанным в эту книгу было определено для тех учеников, которые в течение полугода были в числе отличных. На Совете Олонецкой гимназии в феврале 1837 г. за примерное поведение и добрую нравственность фамилии двух учеников было решено вписать на «красную» доску, а тех, кто не исправлялся ни увещеваниями, ни выговорами, подвергли наказанию розгами[453].

Для улучшения качества преподавания Совет мог внести предложения об изменении программы изучения отдельных предметов. Так по инициативе учителя Олонецкой гимназии Н. Н. Позднякова в 1837 г. на Совете обсуждался вопрос по изменению программы преподавания французского языка в гимназии. Предложения Совета были направлены попечителю Петербургского учебного округа: «Необходимо начать в гимназии обучение французскому языку, по крайней мере, с третьего класса», предлагая для этого уменьшить количество часов в неделю, отводимых на чистописание и рисование в третьем классе гимназии[454]. Интересен ответ попечителя на предложение: согласен, но без дополнительной платы учителю. Совет гимназии решил: «утвердить обучение французскому языку в Олонецкой гимназии с 3-го класса и принять нововведение с 1 августа 1837 г.»[455]. Так училищное начальство поощряло инициативу снизу, но оплачивать различные новшества и предложения не собиралось.

Новый «Устав гимназий и училищ уездных и приходских» (1828 г.) определял семилетний курс обучения и вводил обновленную программу обучения. Урок должен был продолжаться в течение полутора

---

[451] ГААО. Ф. 127. Оп. 1. Д. 18. Л. 37.
[452] Там же. ЦГИА СПб. Ф. 139. Оп. 1. Д. 4677. Л. 15 об.
[453] НА РК. Ф. 17. Оп. 5. Д. 7/14. Л. 376.
[454] Там же. Д. 5/11. Л. 729.
[455] Там же. Д. 7/14. Л. 386.

астрономических часов (ст. 152)[456]. Заметим, что до Устава 1828 г. урок длился в течение одного часа (60 мин.).

В конце 1830-х гг. в обществе складывалось мнение о необходимости приближения гимназического образования к реальной жизни, все яснее проявлялась потребность в практическом образовании. Развитие математических и естественных наук в начале XIX в. и особенно распространение прикладных знаний имели большое значение и требовали практических специальных знаний.

Вопрос о введении так называемых реальных курсов в учебный процесс гимназий поднимался еще в первой четверти XIX в. Например, Вологодское училищное начальство считало, что открытие таких курсов обучения поможет в будущем приобрести у «здешних граждан большее уважение» к гимназии. В августе 1804 г. директор К. С. Станиславский обратился с просьбой к попечителю Московского учебного округа М. Н. Муравьеву с просьбой об открытии в Вологодской гимназии класса немецкого языка и торговых наук, а также просил прислать из Петербургского коммерческого училища учебных пособия и руководства по этим предметам. Директор, в частности писал, что поскольку «купечество здешней губернии имеет торговлю через Архангельск и Санкт-петербургские порты с иностранными конторами, то весьма нужно, чтобы в гимназии была преподаваема бухгалтерия и прочие познания к сему ремеслу преподаваема»[457].

Дополнительный учебный курс «экстраординарной юриспруденции» в Вологодской гимназии был открыт в 1806 г. В архиве сохранилась переписка между попечителем Московского учебного округа М. Н. Муравьевым и директором училищ К. С. Станиславским по данному вопросу. «Обучение юридических познаний в гимназии не предположено, а определено оные преподавать в университетах, куда может вступить не каждый желающий и посвятить себя статской службе», – писал директор в своем письме от 2

---

[456] Устав гимназий и училищ уездных и приходских.
[457] ГАВО. Ф. 438. Оп. 3. Д. 29. Л. 3.

ноября 1805 г. и просил позволить при гимназии «завести класс первых оснований юриспруденции и канцелярского порядка»[458]. Уже 17 ноября от М. Н. Муравьева было получено согласие. В классе юриспруденции обучались 5 учащихся из II класса и 10 – из III класса Вологодской гимназии, всего – 15 учеников[459]. Преподавателем назначили М. Засодимского «хилого старика», которому из экономических сумм Вологодского приказа общественного призрения было назначено 100 руб.

«Непрестанный недостаток в землемерах» побудил генерал-губернатора А. Ф. Клокачева в 1820 г. организовать в Архангельске «особый класс для образования землемеров». По штату в 8 городах Архангельской губернии положено было иметь 8 землемеров, но «налицо только 2 (один из них просится за болезнью к увольнению)», – писал он в апреле 1820 г. в Министерство духовных дел и народного просвещения. – По отдаленности здешней губернии и по дороговизне в нашем крае на все жизненные потребности, жалованье у землемеров положено по 300 руб. в год весьма ограничено, отчего и желающих в сию должность приискать невозможно»[460]. А. Ф. Клокачев предлагал для этого в штатное расписание гимназии добавить по одному учителю с помощником и на счет министерства приобрести учебные книги и инструменты для практического обучения. В классы землемеров принимать детей статских чиновников на казенный счет. Для Архангельской губернии первоначально достаточно было принять 8 человек, а затем, когда штаты укомплектуются, то прием сократить в 2 раза. Учащихся можно было разместить в доме гимназии. На экзамены приглашать губернских и уездных землемеров[461]. Но такой класс открыть не удалось из-за отсутствия преподавателя наук «по межевой части»[462].

---

458 ГАВО. Ф. 438. Оп. 3. Д. 54. Л. 1.
459 Там же. Л. 6.
460 Там же. Ф. 1367. Оп. 1. Д. 36. Л. 497.
461 Там же. Л. 41.
462 Кизель Н.К., Мазюкевич В.И. Историческая записка Архангельской Ломоносовской гимназии... С. 44.

В правление Николая I в 1836 г. впервые было разрешено учреждать при гимназиях реальные курсы: в течение первых трех лет учащиеся обучались по общей программе, а начиная с четвертого года обучения, классы разделялись на классические и реальные.

Первые готовили для поступления в университет, вторые – для государственной службы. Общими предметами для обоих классов стали Закон Божий, русская грамматика, логика и русская словесность, всеобщая и русская история, математика и физика, география и статистика. Классический курс предназначался преимущественно для детей дворян и канцелярских служащих, реальный – для детей купеческого и мещанского сословия и других свободных состояний. Учащиеся классических классов изучали в меньшем объеме математику, но имели по 5 часов древнегреческого языка в неделю, большое внимание уделялось немецкому и французскому. По новому Уставу изучение истории начиналось с III, а физики – только с VI класса. Чистописание заканчивалось в III классе. Большое количество времени выделялось на изучение латинского языка (39 часов) и на преподавание русского языка и математики (34 часа). Введение нового расписания учебных дисциплин было подкреплено и созданием учебников, так в этот период было издано 39 новых учебников. Ученики реальных классов изучали реальные курсы коммерции, торговли, технологии, горного дела и других практических видов деятельности.

Какие же реальные курсы были введены в гимназиях Европейского Севера России? В июле-августе 1834 г. Архангельскую и Олонецкую губернии осматривали попечитель Санкт-Петербургского учебного округа М. А. Дондуков-Корсаков и профессор университета А. В. Никитенко. В своем донесении после осмотра М. А. Дондуков-Корсаков сообщил министру народного просвещения С. С. Уварову о том, что «жители Архангельской губернии гораздо больше, нежели жители других областей России имеют нужду в практическом образовании. Архангельск особенно важен в

отношении промышленности и торговли»[463]. Попечитель полагал, что при Архангельской гимназии необходимо учредить дополнительные курсы наук: коммерции, химии, технологии, бухгалтерии и английского языка. Переписка по данному вопросу шла между различными инстанциями: высшим училищным начальством в Петербурге (министром народного просвещения, попечителем, ректором университета) и архангельской губернской администрацией (гражданским и военным губернаторами). С предложением попечителя согласились, но с условием, что организация обучения произойдет за счет местных средств.

Городское общество Архангельска было заинтересовано в преподавании этих предметов и выделило средства в сумме 1700 руб.: 1200 руб. на обучение бухгалтерии и 500 руб. – на преподавание английского языка. На должность преподавателя бухгалтерии губернское училищное начальство предложило 2 кандидатуры: инспектора гимназии И. А. Никольского и старшего учителя гимназии В. М. Копосова. Однако они не получили официального разрешения на преподавание от Министерства внутренних дел, которое считало, что курс бухгалтерии должны были преподавать не учителя, а лица, непосредственно занимающиеся бухгалтерским делом и хорошо его знающие[464]. Но такого специалиста в Архангельске не нашли, поэтому курс бухгалтерии в гимназии введен не был.

Для изучения английского языка также требовался особый учитель. В апреле 1835 г. директор Ю. А. Ковалевский обратился к попечителю учебного округа разрешить преподавание английского языка англиканскому пастору Смиту с оплатой труда 2000 руб. в год. Деньги на выплату жалованья Смиту складывались бы из суммы, выделяемой архангельским городским обществом (1200 руб.) и 800 руб., которые можно было взять из экономической суммы гимназии. Но М. А. Дондуков-Корсаков на такое значительное денежное вознаграждение для преподавателя английского

---

[463] РГИА. Ф. 733. Оп. 22. Д. 109. Л. 25.
[464] Там же. Л. 48.

языка не согласился, отметив, что данный предмет является дополнением к основному курсу обучения и предложил другую сумму оплаты – 320 руб. в год (по 3 руб. 75 коп. за урок). Это предложение было реализовано, с пастором Смитом заключен контракт на год, по которому он обучал воспитанников гимназии английскому языку в течение 1835/36 учебного года[465].

Вопрос о преподавании английского языка в гимназии поднимал также академик Императорской академии наук Ф. Ф. Берг в 1837 г. В своем отчете по обозрению Архангельской гимназии он, в частности, писал, что «в Архангельске купечество составляет самое многочисленное сословие…», но многие дети из купеческих семей не изучают латинского языка. Для них Ф. Ф. Берг предлагал продолжить преподавание английского языка за счет сокращения часов латинского[466].

В то же время в отчетах Архангельской дирекции училищ отмечалось, что число выпускников гимназии, стремящихся продолжить обучение в университете незначительно. Из 108 учащихся в 1836 г. только один может без посторонней помощи поступить в университет, а остальные по своей бедности остаются дома. При этом не заканчивают полного курса учения, покидают гимназию раньше времени, ссылаясь на ненужность классического образования, а именно не видят никакой пользы в изучении латинского языка. Многие родители обучающихся воспитанников все чаще стали обращаться с просьбами об освобождении детей от этого предмета[467].

В связи с этим в попечительской канцелярии стал разрабатываться вопрос об изменении курса учения в Архангельской гимназии. В ноябре 1840 г М. А. Дондуков-Корсаков предложил Министерству народного просвещения установить в Архангельской гимназии два курса: «главный – гимназический и другой – реальный», где усилить преподавание новейших языков и ввести

---

[465] Кизель Н.К. Мазюкевич В.И. Историческая записка Архангельской Ломоносовской гимназии… С. 66.
[466] РГИА. Ф. 733. Оп. 23. Д. 48. Л. 4 об.
[467] Там же. Л. 11.

новые курсы, взамен латинского языка, преподавание коммерческой арифметики, естественной истории, бухгалтерии, товароведения, коммерции и коммерческого права. Подавая проект реформы преподавания в Архангельской гимназии в Комитет министров, попечитель предложил два документа: «Проект положения о реальном курсе при Архангельской гимназии» и «Проект распределения преподавания учебных предметов реального курса Архангельской гимназии»[468].

17 мая 1841 г. вступило в силу высочайше утвержденное «Положение о реальном курсе при Архангельской губернской гимназии». Он вводился, как сказано, «для доставления торговому сословию города Архангельска средств к приобретению познаний по торговой промышленности», были назначены и распределялись по классам учебные предметы[469]. Реальный курс предназначался не только для детей купеческого и мещанского сословия, но и для детей дворян и чиновников. «Положение» предусматривало для учащихся свободу выбора курса обучения в гимназии по «воле родителей». Занятия по программе реального курса начались в сентябре 1841 г., на ведение которого Министерство финансов ежегодно дополнительно выделяло 1200 руб.

Однако введение реального курса в Архангельской гимназии столкнулось с рядом проблем, основной из которых было отсутствие квалифицированных преподавателей коммерческих и бухгалтерских курсов. Поначалу новые предметы преподавали инспектор А. И. Попов и старшие учителя гимназии А. Скачков и Э. Венерт, затем через попечителя было сделано обращение в Санкт-Петербургское коммерческое училище с предложением об отправке воспитанников этого училища в Архангельск для преподавания реального курса. Отметим, что коммерческое училище в Санкт-Петербурге учителей не готовило, но двое его штатных воспитанников Мейнер и Виднер, окончившие с отличием полный курс, согласились приехать в

---

[468] РГИА. Ф. 733. Оп. 23. Д. 48. Л. 27-34.

[469] Положение о реальном курсе при Архангельской губернской гимназии // ПСЗРИ. Собр. 2. Т. 16, ч. 1. № 14554.

Архангельскую гимназию. Совет Коммерческого училища освободил выпускников от обязательной «отработки» после окончания училища в Торговой палате и разрешил им перейти в училищное ведомство. Но родители Мейнера и Виднера выразили несогласие с этими условиями, отметив, что «они несут издержки для приготовления их к коммерческим делам»[470], и впоследствии сами выпускники от поездки в Архангельск отказались. Тогда было решено отправить на учебу в Санкт-Петербургское коммерческое училище пансионеров из Архангельской гимназии на счет Министерства финансов, которое согласилось выплачивать 200 руб. каждому учащемуся. В августе 1842 г. Совет Архангельской гимназии отправил на учебу в Петербург ученика VI класса гимназии Павла Тушева, который после окончания коммерческого училища в 1846 г. вернулся в Архангельск и преподавал в гимназии естественную историю и товароведение[471]. Вместе с ним коммерческие науки преподавал учитель Ф. Редер.

Второй немаловажной проблемой в организации реального курса являлось постепенное сокращение количества желающих обучаться на нем. В 1841 г. таковых было 60 человек, в 1842 – 62, в 1843 – 61, 1844 – 53, 1845 – 59, 1846 – 55, 1847 – 35, 1848 – всего 25[472]. Как видно из приведенных данных, количество обучающихся стало снижаться уже через два года после открытия реального курса. При этом среди них оканчивало полный курс только от 1 до 4 учеников. Остальные уходили из гимназии, в основном, после третьего класса, так и не начав изучение специальных наук.

В своем донесении на имя попечителя Санкт-Петербургского учебного округа М. Н. Мусина-Пушкина в 1849 г. директор Архангельской гимназии И. А. Никольский указал причины непопулярности реального курса среди населения: торгующие купцы в Архангельске являются жителями Вологодской и Вятской губерний, русских купеческих контор в

---

470 Там же. Оп. 23. Д. 240. Л. 62.
471 Там же. Д. 240. Л. 101.
472 Кизель Н.К. Мазюкевич В.И. Историческая записка Архангельской Ломоносовской гимназии… С. 106.

Архангельске вовсе не находится, а немецкие конторы «наполнены лицами, которые к занятиям конторским некоторым образом приготавливаются в немецко-евангелическом училище»[473]. И хотя численность учеников в 1841 г., пожелавших обучаться на реальном курсе была значительной, как показало время, «окончившие реальный курс наук остались без должности, попытки их вступить в купеческие конторы были неудачны»[474]. В конечном счете, ученики реального курса постепенно стали переходить на основной гимназический курс, а реальный курс был закрыт в 1849 г. Средства, выделяемые Министерством финансов на организацию реального курса в Архангельске, с 1850 г. были переданы в Нарвскую гимназию, туда же перевели педагогов этого отделения П. Тушева и Ф. Редера.

Интересно заметить, что такие же курсы по изучению английского языка, коммерции, бухгалтерии, делопроизводства были открыты и в гимназиях Санкт-Петербурга, где большинство учащихся также составляли дети купцов и предпринимателей. В Олонецкой гимназии в 1841 г. были открыты курсы «форменного делопроизводства» (их преподавал секретарь Олонецкой казенной палаты Белобородов) и коммерческой бухгалтерии (ее преподавал старший учитель гимназии Э. А. Мудров).

В 1840-х гг. отдельные предметы гимназического курса были признаны малодоступными для учеников ни по возрасту, ни по умственному развитию и переведены в программу обучения в университеты. Так, в 1844 г. из программы были исключены логика и статистика, последняя в ограниченном объеме вошла в курс географии, и «дальнейшее развитие сей науки предоставлено университетам»[475]. В 1846 г. значительно уменьшили количество часов на изучение математики[476]. Ряд учебных дисциплин заменили на новые курсы. В 1845 г. отменили начертательную и аналитическую геометрию, в 1847 г. ввели законоведение. С 1848 г.

---

[473] РГИА. Ф. 733. Оп. 23. Д. 240. Л. 105.
[474] РГИА. Ф. 733. Оп. 23. Д. 240. Л. 115 об.
[475] ЖМНП. 1847. Ч. 54. С. 8.
[476] Там же. 1846. Ч. 49. С. 159.

сократили учебное время на изучение древних языков. В связи с изменением политического курса после вспыхнувших в Европе в 1848 г. революций изучение классической литературы заменили освоением трудов богословских философов и отцов церкви. К 1849 г. в гимназиях было оставлено преподавание древнегреческого языка только для тех, кто готовился в университет, и для поступающих из гимназии прямо на гражданскую службу.

С декабря 1845 г. для повышения успеваемости в отечественной словесности и языке для учеников были учреждены литературные беседы. В 1850 г. в гимназиях ввели еще и «читательские беседы», на которых публично читались художественные произведения, одобренные училищным начальством.

Реорганизация учебных программ, осуществленная в царствование Николая I, сделала их более однородными и приблизила содержание курсов к университетским требованиям. В гимназии был возвращен русский язык, математика, латынь и древнегреческий языки.

Государственное финансирование гимназий во время правления Николая I значительно увеличилось. Теперь оно составляло 26 300 руб. в год ассигнациями (или 7398 руб. 67 коп. серебром), что в несколько раз превышало прежние суммы. Бюджет гимназии по-прежнему состоял из сумм, выделяемых из Государственного казначейства и городских дум. Тем не менее Олонецкая гимназия во второй четверти XIX в. содержалась только на государственные средства и дополнительных сумм от городской думы и Приказа общественного призрения не получала: «посторонних доходов не имеет», – отмечал в своем ежегодном отчете за 1838 г. ее директор М. И. Троицкий[477].

Такое положение дел было не везде. Архангельской приказ общественного призрения до ежегодно субсидировал 2468 руб. ассигнациями (705 руб. 14 коп. серебром). В отчете за 1837 г. архангельского директора училищ И. Н. Скрыдлова сообщалось, что доходная статья годового бюджета

[477] НА РК. Ф. 17. Оп. 5. Д. 8/16. Л. 591.

Архангельской гимназии состояла (в ассигнациях): от Министерства народного просвещения – 26 300 руб., от Архангельского приказа общественного призрения – 2468 руб. и от городской думы – 1200 руб.[478] Всего 29 968 руб. в год. Такая финансовая поддержка со стороны городского общества позволяла дирекции училищ обучать в гимназии неимущих воспитанников и значительно пополнить фонды училищных библиотек всех школ.

Введенная с 1819 г. плата за учение с приходящих учеников могла несколько поправить финансовое положение школ. И хотя попечитель учебного округа С. С. Уваров предписал дирекциям училищ установить плату, далеко не во всех гимназиях и уездных училищах был определен денежный взнос за обучение. Например, в Олонецкой и Архангельской губерниях учение осталось бесплатным для всех учеников еще в течение нескольких лет. Директора С. А. Башинский и В. Л. Сильвестров отказались от этого нововведения «по местным условиям» – несостоятельности родителей учеников. Отметим, что впервые плата за учение в Вологодской гимназии была введена в 1821 г. и составила 12 руб. в год, в уездных училищах – по 8 руб. в год, в приходских – по 4 руб. в год. В Архангельской губернии – в 1826 г. введена плата – 10 руб. в год асс. для гимназии и 9 руб. в год для уездных училищ. В Олонецкой губернской гимназии плата за обучение была введена только с января 1838 г., по 10 руб. ассигнациями в год. В общей сложности поступления каждой гимназии от оплаты учениками обучения составляли от 200 до 500 руб. в год. Каждая гимназия расходовала эти деньги по своему усмотрению. Часть средств выдавали в виде денежных наград педагогам – это незначительно повышало жалованье учителям, часть отправляли в пенсионный капитал или увеличивали экономические суммы гимназии. В 1842 г. была определена единая сумма оплаты за учение для всех гимназий (3 руб. серебром) и изданы новые правила о расходовании средств, взимаемых с учащихся, по которым одна половина средств шла на награды

---

[478] ГААО. Ф. 61. Оп. 1. Д. 86. Л. 82 об.

лучшим ученикам, другую употребляли на поддержку беднейших учащихся или пополняли экономические суммы[479].

Финансовые проблемы губернских гимназий могли бы решить почетные попечители. Однако в первой половине XIX в. таких благотворителей имела только Вологодская гимназия. Ими были потомственный дворянин Вологодской губернии Ф. А. Андреев с 1832 г., отставной лейтенант флота Гревенс с 1835 г., коллежский асессор Н. С. Ваксель с 1838 г., А. И. Олешов с 1841 г., статский советник П. А. Межаков с 1844 г., отставной артиллерийский прапорщик П. Д. Неелов с 1847 г. Щедрым попечителем являлся Ф. А. Андреев, который выделил значительные средства на учреждение благородного пансиона при гимназии и на устройство гимназической церкви. Остальные ограничивались выделением средств на покупку книг для гимназической библиотеки и подарки к различным праздничным дням. У Архангельской и Олонецкой гимназий таких благотворителей не было.

Во второй четверти XIX в. некоторые гимназии улучшили условия обучения. Например, для Архангельской гимназии в 1835 г. был куплен дом купца И. Х. Штуцера за 65 000 руб. то было одно из лучших в то время зданий г. Архангельска. Средства на его покупку были выделены из экономических сумм самой гимназии и 6000 руб. было добавлено из хозяйственных сумм Шенкурского уездного училища Архангельской губернии. В мае 1838 г. купец Фешинов вымостил на свой счет мостовую, прилегающую к дому гимназии, израсходовав на это около 6000 руб., за что получил золотую медаль на Аннинской ленте[480]. Но в 1847 г. училищный дом значительно пострадал во время пожара. Только в 1852 г. для ремонтных работ обгоревшего дома Архангельской гимназии Министерством народного просвещения было выделено 28 800 руб.[481]

---

[479] ЖМНП. 1842. Ч. 35. С. 105-116.

[480] Общий отчет, представленный его Императорскому величеству по Министерству народного просвещения за 1837 г. СПб., 1838. С. 22.

[481] ЖМНП. 1853. Ч. 78. С. 49.

В конце 1850-х гг. проблема взаимосвязи школы и общества стала предметом обсуждения среди педагогической общественности, преподавателей учебных заведений и сочувствующих делу просвещения в России. На педагогических советах гимназий стали разрабатываться меры по сближению школы с обществом. По этому поводу были разные предложения. Одни предлагали приглашать родителей учащихся на уроки в классы гимназии и на заседания педагогических советов, более широко представлять информацию о деятельности и успехах школы через губернские периодические издания, проводить музыкальные, литературные или театральные представления. Были мысли о ведении «открытых журналов», так, чтобы на стенах актовых залов гимназий ежедневно вывешивать оценки по предметам всех гимназистов. Родители же могли зайти в здание учебного заведения в любое время и посмотреть результаты обучения своего ребенка. Такими способами можно было привлечь родителей посещать гимназию и проводить с ними педагогические беседы. В некоторых учебных заведениях завели специальные книжки для воспитанников, где отмечали ежедневную успеваемость учащегося. Книжки еженедельно подписывались родителями и возвращались в школу. Так родители имели возможность контролировать текущую успеваемость своих детей[482]. Такие меры успешно предпринимались в гимназиях Казанского учебного округа. Педагоги были недовольны перегрузкой и тратой времени на заполнение листов успеваемости, не успевали готовиться к урокам, о чем сообщал корреспондент.

Во время правления Николая I вышло несколько постановлений и распоряжений Министерства народного просвещений, направленных на то, чтобы заинтересовать учащихся и их родителей не покидать школы до окончания полного учебного курса. В 1831 г. было запрещено принимать «молодых людей в университет без знаний предметов полного

---

[482] С.П. Несколько слов о сближении школы с обществом. (По поводу рассуждений об этом во многих педагогических советах гимназий) // Журнал для родителей и наставников. 1859. № 20. С. 151-156.

гимназического учения» и чиновников на канцелярскую службу без диплома «хотя бы уездного училища»[483]. С 1839 г. воспитанников благородных пансионов при гимназиях лишили права покидать пансионы до окончания полного курса учения, в случае, если они содержались на счет казны или дворянских сумм[484]. В 1848 г. последовало запрещение производить канцелярских служителей в первый классный чин, если они не имели аттестата об успешном окончании полного курса уездного училища или об экзамене «в предметах оного»[485]. Учителям предписывалось внушать родителям, чтобы они своевременно доставляли детей в училище после каникул и праздников, а тех учеников, кто пропускал уроки без уважительной причины на публичных актах, объявляли нерадивыми.

Эти меры позволили значительно увеличить количество обучающихся в учебных заведениях. В конце 1830-х годов их численность стала расти. Если в 1828 г. в Архангельской гимназии обучалось 35 человек, в Вологодской – 31, в Олонецкой – 36, то в 1842 г., соответственно, в 121 в Архангельской, 231 в Вологодской, 61 – в Олонецкой гимназии. При этом их численность увеличивалась ежегодно в течение всей второй четверти XIX в. (См. Таблицы № 4, 5).

По данным М. С. Лалаева, во вторую четверть XIX в. численность отечественных гимназий увеличилась с 48 (1828 г.) до 77 (1854 г.), а количество обучающихся в них возросло с 7600 (1828 г.) до 18, 5 тыс. (1854 г.). Что касается собственно Санкт-Петербургского округа, то в 1828 г. в 5-ти гимназиях обучалось 430 гимназистов, а в 1854 г. – в 13-ти гимназиях находилось 3000 учащихся[486].

---

[483] О запрещении приема молодых людей в университет без знаний предметов полного гимназического учения // ПСЗРИ. Собр. 2. Т. 6, ч. 2. №. 4928.

[484] О запрещении казенным воспитанникам благородных пансионов при гимназиях оставлять прекращать обучения раньше окончания полного курса учения // ПСЗРИ. Собр. 2. Т. 14, ч, 2. № 12267.

[485] Извлечение из всеподданнейшего отчета министра народного просвещения за 1852 г. // ЖМНП. 1853. Ч. 78. С. 154.

[486] Лалаев М.С. Император Николай I, зиждитель русской школы... С. 112.

3.1.2. Организация благородных пансионов

Частные благородные пансионы

Частные благородные пансионы для дворянских детей первой половины XIX в. появлялись в губернских городах по инициативе самих дворян. По мнению правительства, «благородное юношество своим происхождением предназначалось к определению на государственные должности» и должно было, по возможности воспитываться отдельно в пансионах. Пансионеры находились под постоянным попечительством своих наставников и подчинялись установленному своду правил. Дворянское сословие, не будучи удовлетворено государственными общеобразовательными школами, охотно отдавало своих детей в частные пансионы.

В «Уставе учебных заведений, подведомых Университетам» (1804 г.) глава «О пансионах» посвящалась обустройству частных пансионов, которые находились в подчинении губернских училищных дирекций и Приказов общественного призрения. В ней, в частности, говорилось, что содержателем частного пансиона мог стать иностранец или российский подданный «свободного состояния». Для того чтобы открыть подобное заведение, необходимо было подать прошение директору губернской гимназии с необходимыми свидетельствами и примерный план работы, где оговаривались: цель открытия пансиона, преподаваемые учебные предметы, предполагаемое число учащихся и педагогов и плата за обучение. Обязательными предметами являлись русский язык и Закон Божий, остальные – назначались по усмотрению содержателя. Директоры училищ в губернских городах или смотрители в уездных имели право в течение учебного года осматривать эти школы и проводить ежегодные испытание учащихся[487].

Законодательные документы начала XIX в., подчинив общему контролю Министерства народного просвещения частные учебные заведения, ни в чем их не ограничивали. В связи с этим численность благородных пансионов

---

[487] Устав учебных заведений, подведомых Университетам.

стала расти. Так, в 1808 г. в шести учебных округах Российской империи числился 91 частный пансион с 22 854 учащимися[488].

На Европейском Севере России такой частный благородный пансион был организован в Вологде по инициативе отставного полковника О. Якоби, подавшего директору училищ А. С. Волоцкому об этом прошение в 1815 г. В нем содержатель предлагал обучение детей обоего пола. Благородный пансион открылся в 1816 г. с платою за полный пансион по 500 руб., а за полупансион по 300 руб. в год. В нем обучалось в 1816 г. 5 мальчиков и 6 девочек, в 1817 г. – 13 мальчиков и 10 девочек. Учащиеся изучали Закон Божий, российскую словесность, арифметику, всеобщую и естественную историю, географию, чистописание, рисование, немецкий и французский языки, танцевальное искусство. Девочки обучались рукоделию под руководством родственницы полковника Якоби – Т. Тауш. Однако в начале 1819 г. директор училищ известил высшее училищное начальство о закрытии пансиона, поскольку его содержатели «неизвестно куда удалились»[489].

Следует отметить, что частные благородные пансионы, открытые в начале XIX в., просуществовали недолго. Отсутствие официальной четкой регламентации их деятельности со стороны правительства, государственной материальной поддержки и финансовая несостоятельность учредителей из местного дворянства стали главными причинами их недолгого существования.

Благородные пансионы при губернских гимназиях

«Предварительные правила народного просвещения» 1803 г. разрешали организацию благородных пансионов для дворянских детей при губернских гимназиях, а их содержатели, «хозяева», могли иметь, по определению документа, «предметом токмо содержание и надзор за поведением юношества, получающего учебные наставления в училищах»[490]. Таким

---

488 Периодическое сочинение о успехах народного просвещения. 1809. № 23.
489 Отто Н.К. Вологодская дирекция училищ. С. 69-70.
490 Предварительные правила народного просвещения.

образом, содержание пансиона и обучение в пансионе не соединялись в одних руках, обучение оставалось под контролем государства.

Благородные пансионы, открытые при губернских гимназиях, содержались на средства Приказов общественного призрения и благотворительной помощи. Пансионеры проживали в зданиях пансионов, а обучались вместе с воспитанниками гимназий. Обучение в гимназиях, с одной стороны, удешевляло стоимость содержания пансиона: содержатели не тратили средств на оплату труда учителей. С другой стороны, обучение юношества находилось под контролем училищного начальства. Благодаря наличию пансиона увеличивалась привлекательность обучения в гимназии и, соответственно, численность учащихся в ней. Такое положение дел вполне устраивало и правительство, и организаторов пансионов. Открываемый пансион имел свой Устав, утвержденный высшим губернским и училищным начальством.

Пансионы при гимназиях на основании Устава 1804 г. появились в центрах учебных округов (Москве, Петербурге, Харькове) и в некоторых губерниях, в том числе в Олонецкой (1805 г.) и в Вологодской (1816 г.).

В Олонецкой губернии идею открытия благородного пансиона при гимназии в Петрозаводске инициировали Олонецкий гражданский губернатор В. Ф. Мертенс, губернский предводитель дворянства И. Г. Киприянов и директор народных училищ А. Е. Крылов. В январе 1805 г. они обратились к олонецким дворянам с предложением о выделении денежных средств на обустройство пансиона. В. Ф. Мертенс спешил реабилитировать себя в глазах императора таким «благородным начинанием», поскольку ранее, в 1802 г. он был отстранен от службы Александром I, а 14 июня 1804 г. получил назначение на должность губернатора[491].

В свою очередь, 7 января 1805 г. депутаты губернского дворянского собрания направили письмо к олонецкому губернатору, где выразили готовность содействовать открытию в Петрозаводске благородного пансиона

---

[491] НА РК. Ф. 29. Оп. 1. Д. 24/200. Л. 1-2.

для детей дворян и чиновников. В обращении говорилось: «Ваше человеколюбивое и сострадательное сердце показало нам путь к усерднейшим пожертвованиям частью наших избытков на восстановление в губернии благородного пансиона»[492]. Собрание приняло решение: открыть благородный пансион в Петрозаводске и в течение трех лет вносить на его содержание по 1360 руб.[493] Следует подчеркнуть, что в вопросе финансирования дворяне Олонецкой губернии проявили единодушие. Денежные взносы на обучение 12 юношей благородного состояния от 8 до 14 лет внесли не только состоятельные дворяне (как, например, губернатор В. Ф. Мертенс, пожертвовавший 140 руб., совестный судья П. Тимирязев 135 руб.), дворянин Ярославцев представил вексель на 6040 руб., но и дворяне, «не имеющие состояния и единственно земледелием питающиеся»[494]. Всего в 1805 г. на открытие пансиона было собрано 1500 руб., что существенно превышало предварительно оговоренную ежегодную сумму на его содержание.

Открытие такого учреждения в Петрозаводске – событие неоднозначное. При малочисленности дворянского сословия в Олонецкой губернии и его финансовой несостоятельности общественные пожертвования на пользу просвещения – событие примечательное. В своем донесении министру народного просвещения П. В. Завадовскому попечитель Петербургского учебного округа П. А. Строганов в 1805 г. заметил: «Дворянство Олонецкой губернии сколь оно ни малолюдно и недостаточно, будучи движимым духом и соревнованием к пользе общественной» определило учредить в г. Петрозаводске пансион[495].

Такая «благородная» деятельность олонецкого дворянства в деле развития просвещения в «отдаленном крае» не осталась без внимания императора Александра I. В именном указе В. Ф. Мертенсу в феврале 1805 г.

---

492 РГИА. Ф. 733. Оп. 20. Д. 24. Л. 6 об.
493 Там же. Л. 1.
494 Там же. Л. 4 об.
495 Там же. Л. 1.

«Об учреждении пансиона для воспитания бедных дворянских детей Олонецкой губернии, на иждивении тамошнего дворянства» государь поручал губернатору объявить губернскому предводителю, совестным судьям, коллежским советникам И. Г. Кирьянову и П. Тимирязеву, а также всему дворянству и чиновникам – монаршее благоволение[496].

25 января 1805 г. были составлены «Правила для учреждаемого в губернском городе Петрозаводске благородного пансиона». В них, в частности, указывалось, что пансион находился в ведении Олонецкого приказа общественного призрения под особенным наблюдением гражданского губернатора и учреждался для детей из бедных дворянских семей. Пансион содержался только на благотворительные средства дворянства. В Правилах оговаривались документы, необходимые для поступления в учебное заведение: свидетельство с подписью губернского предводителя дворянства, «в коем долженствует быть объяснено его рождение, достоинство его отца и состояние с удостоверением, что представляемый юноша действительно остается без приличного ему воспитания по скудости его родителей или по сиротству»[497].

Воспитанники проживали в здании пансиона (арендованном частном доме купца Баранова), а обучались в Петрозаводском Главном народном училище, куда они сопровождались под строгим контролем смотрителя. Он имел «неослабное наблюдение» за поведением пансионеров и их нравственностью «во время свободное от классов». Ни один пансионер не мог отлучиться из пансиона без особого на то разрешения. Таким образом, жизнь воспитанников находилась под контролем его служителей. Пансионеры «с особливыми способностями и дарованиями», окончившие учебный курс гимназии, имели право поступить в университет.

В штатном расписании пансиона при гимназии в Петрозаводске значилось пятеро служителей: один смотритель (надзиратель), один служитель, один

---

[496] Об учреждении пансиона для воспитания бедных дворянских детей Олонецкой губернии, на иждивении тамошнего дворянства // ПСЗРИ. Собр. 1. Т. 28. № 21624.
[497] НА РК. Ф. 29. Оп. 1. Д. 20/152. Л. 23-27.

сторож и две кухарки. Главным действующим лицом в пансионе становился надзиратель. Он избирался из благородных чиновников, проживал в доме пансиона, вел всю хозяйственную часть учреждения, наблюдал за воспитанниками и питался с ними за общим столом. При этом «жалованья ему не полагалось, а по достатку суммы и по усердию давалось грошовое содержание по воле попечителей»[498].

Итак, дворянский пансион в Петрозаводске был открыт 10 августа 1805 г. (вне связи с Олонецкой гимназией, которая открылась позже) в присутствии губернатора, губернского предводителя дворянства И. Г. Киприянова, чиновников и именитых горожан. По этому случаю, губернатор В. Ф. Мертенс писал к губернскому предводителю дворянства И. Г. Киприянову: «Не могу в сем не признать иного как за истинным патриотизмом достойного приличия древнего дворянства российского изящными и достохвальными подвиганиями во всех веках отличившегося, движимого духом чести, любовью к Отечеству и состраданием к ближнему»[499]. Первыми воспитанниками пансиона стали дети из дворянских семей: Александр Нежин, Николай Березин, Федор Петров, Федор Отсолин, Алексей Нуромский, Неофит Неелов, Алексей Неелов, Иван Волков, Федор Саблин, Иван Стахиев.

Первым смотрителем пансиона стал, служащий Александровского завода губернский секретарь П. Ермолин, который уже через месяц за неблагопристойное поведение был уволен, а вместо него наблюдение за пансионерами было поручено чиновнику Приказа общественного призрения И. Л. Фолкерну.

Об учебно-воспитательной деятельности благородного пансиона в Петрозаводске мало что известно. Известно, что присмотр за училищем был недостаточен. В 1809 г. директор училищ писал губернатору, что дети «учением не занимаются, говорят, что сапог нет, приходят и говорят, что

---

[498] РГИА. Ф. 733. Оп. 20. Д. 24. Л. 16.
[499] Петров К.М. Исторические материалы Петрозаводского благородного пансиона // ОГВ. 1866. № 2.

проспали, идучи в классы, дерутся. В то время надзирателем пансиона был секретарь земского суда»[500]. Сохранившиеся архивные документы и исторические сведения, собранные исследователем истории просвещения Олонецкого края К. М. Петровым, свидетельствуют: пансион существовал не более 10 лет. Так, в 1817 г. на его содержание повенецкие чиновники жертвовали по 5 коп. с рубля получаемого жалованья, что составляло 62 руб. 49 коп. Из Олонца поступило 150 руб., из Петрозаводска 42 руб. 50 коп[501]. Всего 254 руб. 99 коп. Эта сумма была слишком мала для организации обучения пансионеров. Видимо, отсутствие средств и послужило главной причиной закрытия пансиона в 1817 г., уже после открытия Олонецкой губернской гимназии. Подобная ситуация произошла и в Новгородской губернии, когда в 1805 г. такой же пансион был открыт помещиком Зиновьевым при Новгородской гимназии. На содержание 10 воспитанников Зиновьев жертвовал ежегодно 1000 руб. Но в 1808 г. пансион закрылся «по случаю возвысившейся на все дороговизны»[502].

Вологодский благородный пансион для дворянских сирот существовал на средства Вологодского приказа общественного призрения с 1784 г. На содержание 28 учащихся Приказом ежегодно выделялось 1399 руб.[503]. Дети проживали и обучались французскому языку, арифметике, российской грамматике, чтению и рисованию в здании, принадлежащем Приказу. Смотрителями пансиона были учителя Главного народного училища и лица военного ведомства. Пансионеры носили единую форму: сюртук, жилет и брюки серого сукна, кожаный зеленый картуз и халат из равендука.

Пансион на протяжении многих лет терпел нужду. Финансовых средств, выделяемых Приказом на его содержание, было недостаточно. Об этом свидетельствуют многочисленные письма в адрес Приказа и в дирекцию

---

500 Там же.
501 Там же.
502 Отто Н.К. История Новгородской дирекции до 1828 г. С. 22.
503 ГАВО. Ф. 438. Оп. 1. Д. 60. Л. 8.

вологодских училищ от смотрителей пансиона[504]. В мае 1806 г. директор училищ К. С. Станиславский писал вологодскому губернатору К. И. Линеману: «Вологодский приказ общественного призрения с самого открытия здешней губернии, входя в цель своей деятельности… учредил… для воспитания бедных дворян обер-офицерских и разного звания детей здешней губернии пансион, при котором открыта была и школа. На содержание учеников было учинено постановление сходное с ценами, существующими тогдашнего времени, но при переменах начальников сие заведение от слабого надзора и беспечности также и вверено таким людям кои при таковом заведении и быть не могли, … это привело к совершенному беспорядку и недостатку, как, то в пище, в одежде и прочих ученических пособиях…»[505]. В своем письме директор просил разрешить пансионерам бесплатно в обучаться в Вологодской губернской гимназии. Так, с 1806 г. пансион перевели в ведение дирекции училищ, он стал называться Вологодский пансион для сиротских детей дворянского происхождения и существовал при гимназии. Приказ общественного призрения продолжил оказывать прежнюю материальную поддержку на питание и одежду 28 детей-сирот из обедневших дворянских семей.

Как отмечает Н. К. Отто в своей исторической записке о Вологодской дирекции, в хозяйственной части пансиона были большие недостатки и недосмотры: в 1810 г. – на 23 человека было только 20 салфеток, 22 полотенца, 3 скатерти, 20 ветхих кроватей. Кровати были деревянные, и между ними поставлены были деревянные щиты, окрашенные кирпичной краской. Столовая посуда была деревянная. «Нравственная часть в пансионе была в упущении: надзор над воспитанниками чаще всего поручался сторожам»[506].

В связи с удорожанием цен на продукты питания, ежегодной суммы, назначенной на пансион еще в конце XVIII в., не хватало. На каждого

---

504 Там же. Оп. 3. Д. 31.
505 Там же. Оп. 1. Д. 122. Л. 13.
506 Отто Н.К. Вологодская дирекция училищ. С. 25.

казеннокоштного воспитанника требовалось по 225 руб. в год и 50 руб. единовременно. В 1826 г. Вологодский приказ общественного призрения принял решение о сокращении численности пансионеров. С этого времени в пансион стали принимать вместо 28 – только 10 детей-сирот и допустили обучение учащихся, имевших родителей, за собственный счет. Для таких пансионеров родительская плата за каждого воспитанника составляла: за первый год – 275 руб., а в последующие годы – по 250 руб. в год и 50 руб. единовременно[507]. С 1826 г. из-за нехватки государственных финансовых средств в Вологодском пансионе численность казеннокоштных пансионеров уменьшалась, а в числе пансионеров появилось 7 своекоштных воспитанников. Смотрителем сиротского пансиона с этого времени был назначен И. И. Дозе, учитель немецкого языка Вологодской гимназии.

Дирекция училищ старалась различными способами материальному обеспечению пансионеров. В целях экономии директор училищ А. В. Башинский в 1832 г. отказался от жалованья в пользу пансионеров и настоятельно просил об этом других чиновников дирекции. В письме к попечителю Санкт-Петербургского учебного округа М. А. Дондукову-Корсакову директор писал, что он сократил жалованье комнатному надзирателю, который, вместо положенных ему по штату 700 руб., получал только 250 руб. в год, а врач Вологодского приказа общественного призрения оказывал помощь заболевшим воспитанникам и вовсе бесплатно. А. В. Башинский просил попечителя округа о выплате единовременного денежного пособия в размере 3737 руб. 26 коп. для покупки необходимых вещей для пансионеров[508]. Однако просьбу директора не удовлетворили. Следует отметить, что этот сиротский пансион при Вологодской гимназии действовал до 1835 г.

В начале своего правления Николай I был вынужден вновь вернуться к проблеме развития и организации благородных пансионов в провинциальных

---

507 РГИА. Ф. 733. Оп. 22. Д. 83. Л. 1 об.
508 Там же. Л. 1-2 об.

городах России. Это было связано с новыми стратегиями Министерства народного просвещения – усилением контроля над всеми учебными заведениями и ликвидацией частных школ. В это время был разработан ряд законодательных документов, касающихся организации благородных пансионов при гимназиях. По мнению правительства, «лучший порядок учения, строгий и постоянный надзор» в пансионах должны были привлечь дворянство и в свою очередь возвысить авторитет гимназии в глазах общественности[509].

«Устав гимназий и училищ уездных и приходских» (1828 г.) раскрывал суть организации деятельности благородных пансионов при губернских гимназиях в системе Министерства народного просвещения, определил цель и способы их содержания. Был упорядочен вопрос о поступлении в пансионы. Для принятия детей требовались свидетельства: о рождении, крещении и дворянском происхождении, о материальном положении родителей и справка о сделанной прививке от оспы. В пансионах обучались своекоштные пансионеры (те, которые сами вносили плату за обучение) и казеннокоштные (те, которые обучались за счет взносов какого-нибудь лица, ведомства, организации).

Почетный попечитель и директор гимназии должны были «иметь бдительный, беспрерывной надзор за воспитанниками», «быть при них безотлучно», записывать в специальном журнале «в какие проступки чаще впадают ученики» и изыскать финансовые средства для их открытия. В штате пансиона определялись новые должности: комнатный надзиратель (по одному на 15 воспитанников) и служитель (по одному на 8 воспитанников) для осуществления пристального надзора за пансионерами. Хозяйственная часть находилась в ведении эконома, осуществлявшего контроль над имуществом пансиона. В его обязанности входила покупка одежды и продуктов, учебных пособий и прочих вещей для воспитанников[510].

---

509 Воронов А.С. Историко-статистическое обозрение... СПб., 1855. С. 8.
510 Устав гимназий и училищ уездных и приходских.

Министр народного просвещения С. С. Уваров обещал серьезное внимание на организацию благородных пансионов в провинциальных городах Российской империи, что отвечало всей стратегии Министерства, избранной еще при А. С. Шишкове. Уваров, в частности, писал «С самого начала вступления моего в управление Министерством народного просвещения (11 мая 1833 г.) я обратил внимание попечителей учебных округов, гражданских губернаторов и предводителей дворянства на эти полезные учреждения»[511]. В циркуляре Министерства народного просвещения от 16 мая 1833 г. министр отметил, что «доселе дворяне готовили своих детей к высшему образованию посредством домашнего образования и частных пансионов, но и тот и другой способ оказались недостаточными и неудобными; между тем гимназии оставались частью праздными, а университеты наполнялись незрелыми к слушанию университетских лекций питомцами, которые не проходили однообразно чрез приготовительное воспитание»[512]. По утверждению нового министра, пансионы должны были «сосредотачивать в себе благородное юношество», не давать окончательное образование молодым людям, а только готовить их к слушанию университетских лекций[513]. Так была сделана ставка на пансионы, но не частные, а хорошо организованные и подконтрольные Министерству народного просвещения, которые повышали привлекательность губернских гимназий, поскольку существовали при них.

В это время одна губерния за другой ходатайствовали об открытии пансионов при губернских гимназиях. Вопрос об открытии благородного пансиона при Вологодской губернской гимназии на средства дворян решался в течение нескольких лет (1829-1835 гг.). В 1829 г. вологодский губернский предводитель дворянства А. Н. Левашов просил у министра народного просвещения К. А. Ливена разрешение на учреждение при Вологодской гимназии благородного пансиона. В прошении, однако, не оговаривались

---

511 Десятилетие Министерства народного просвещения... С. 10.
512 О пансионах. СПб., 1864. С. 3.
513 Десятилетие Министерства народного просвещения… С. 10.

важные для организации такого учебного заведения мероприятия: порядок и размеры денежных сборов на содержание пансионеров и назначение почетного попечителя пансиона. Это послужило причиной отказа А. Н. Левашову.

В январе 1830 г. Вологодское дворянское собрание постановило жертвовать на пансион по 8 коп. ежегодно с каждой ревизской души. Правда, единодушия среди дворян губернии не было – многие из них отказывались вносить деньги на пансион. Тогда организаторы обратились к министру просвещения, чтобы тот своей властью обязал несогласных вносить ежегодный взнос. На это К. А. Ливен ответил, что это дело добровольное, а он только может «убедить их к соучастию в сем благом деле». Министр резюмировал: пансион может быть открыт только тогда, когда в нем будет обучаться не менее 20 детей дворян и чиновников и самое главное – «со всей точностью Устава будут собраны потребные для того издержки без всяких временных изъянов»[514]. В тот момент Вологодское губернское дворянское собрание так и не приняло решения о сумме, назначенной на содержание пансиона.

В сохранившейся переписке между министрами народного просвещения К. А. Ливеном (за 1829-1832 гг.), С. С. Уваровым (за 1833-1834 гг.) а также бывшими, соответственно, в это время попечителями Петербургского учебного округа К. М. Бороздиным и М. А. Дондуковым-Корсаковым и депутатами Дворянского собрания и дирекцией вологодских училищ отражается стремление к учреждению пансиона в Вологде. Представители высшего училищного начальства постоянно интересовались этим вопросом, считая, что открытие Вологодского пансиона – может «дать первое движение» и «послужить примером и поощрением для других городов». Но его организация затягивалась. В конечном счете, в марте 1834 г. М. А. Дондуков-Корсаков сообщил С. С. Уварову: «Я не предвижу никакого успеха в оном, доколь лично на месте не приму участия в соглашении

[514] РГИА. Ф. 733. Оп. 22. Д. 83. Л. 7 об, 10.

дворянства»[515], имея в виду предстоящую летом этого же года поездку по обозрению Вологодской дирекции училищ.

В мае 1834 г. на имя попечителя пришло донесение от вологодского директора училищ А. В. Башинского, где он уведомил, что вологодское дворянство согласилось открыть пансион при губернской гимназии в Вологде. К письму директора прилагалась копия постановления Дворянского собрания. В нем говорилось о готовности дворян губернии выделить средства на содержание 10-ти воспитанников «из детей самобеднейших дворян Вологодской губернии, не имеющих никаких способов доставить им воспитание», по 400 руб. в год, что составило по 10 коп. с каждой ревизской души. В общей сложности дворянским собранием было обещано ежегодно собирать по 9000 руб.: из них 4000 руб. на обучение детей и 5000 руб. на отправку в Приказ общественного призрения для приращения процентов. Еще 10 пансионеров планировалось обучать за счет родителей.

В постановлении оговаривались условия обучения для пансионеров, обучавшихся на взносы с дворянского капитала: они не имели права уйти из гимназии до окончания полного курса наук, а выпускники обязывались в течение 6 лет служить на военной, гражданской службе или поступить в университет. Дворянское собрание оставляло за собой право решение вопроса о распределении учащихся пансиона. Положение о поступлении в университет вместо службы, особенно интересно. Это прослеживается по биографиям выпускников гимназий, бывших пансионерами. Таким образом, повышалась мотивация для дворян поступать в гимназию, оканчивать ее, а потом поступать в университет. Такая возможность открывалась даже для несостоятельных дворян. Не случайно с середины 1830-х гг. отмечается рост доли дворян в числе студентов, так называемое «одворянивание университетов».

Несомненно, посещение Вологды попечителем М. А. Дондукова-Корсаковым вдохновило вологодских дворян на выделение финансовых

---

[515] Там же. Л. 13, 19.

средств для открытия пансиона, включая решение самого почетного попечителя пансиона Ф. А. Андреева «принести в жертву сему общественному делу единовременно 20 000 руб.»[516].

Торжественный акт открытия благородного пансиона при Вологодской гимназии происходил 8 сентября 1835 г. По окончании литургии в Иоанно-Предтеченской церкви города почетный попечитель пансиона, директор, инспектор, учителя и все ученики гимназии направились в зал Дворянского собрания. Перед собравшимися с речами выступили протоиерей П. Васильевский, директор училищ А. В. Башинский, старшие учителя гимназии Н. Позняков и Ф. Фортунатов, учащиеся Васильев, Макшеев, а ученик VI класса Монаков обратился с благодарственной речью к посетителям на французском языке.

В ноябре 1837 г. при благородном пансионе Вологодской гимназии построили церковь Святого Духа, освящение которой совершил Преосвященный Стефан, епископ Вологодский и Устюжский, а также обустроили больницу, разбили сад, благоустроили двор, где дети в часы отдыха «под надзором гувернеров могли и гулять и веселиться невредными забавами»[517].

В Псковской губернии пансион при губернской гимназии был открыт в 1833 г. По инициативе почетного попечителя гимназии Крекшина дворяне Псковской губернии на своем собрании приняли решение «жертвовать» в течение 7 лет ежегодно по 9 коп. с ревизской души, что составило 17 440 руб. на содержание в благородном пансионе 24 воспитанников[518]. В Новгородской губернской гимназии пансион начал свою работу в 1835 г., когда новгородским дворянством было решено жертвовать ежегодно из своих доходов на содержание 20 воспитанников по 7 коп. с души[519]. Пансион при Новгородской гимназии открылся в 1835 г.

---

[516] Там же. Л. 29-35.
[517] Старая Вологда, XII – начало XX в.: сб. док. и мат-лов. Вологда, 2004. С. 364.
[518] Лещиков В.Н. Псковская мужская гимназия в 1833-1855 гг. // Псков. 2011. № 34. С. 57.
[519] Отто Н.К. История Новгородской дирекции… С. 21-22.

Количество пансионов ежегодно увеличивалось. Если в 1832 г. в масштабах всей России при губернских гимназиях действовало только 6 пансионов, то в 1842 г. – 46[520], в 1855 г. – 54[521]. Из существующих в середине 1830-х гг. 13-ти губернских гимназий Санкт-Петербургского учебного округа благородные пансионы были открыты в четырех: в Вологде, Новгороде, Пскове и Могилеве, к 1 января 1853 г. появилось 9 пансионов, число воспитывающихся в них детей простиралось до 1099 человек[522].

Открытие благородных пансионов при губернских гимназиях стало возможным в тех регионах, где была значительная прослойка дворян-землевладельцев. В губерниях с незначительной долей дворянского землевладения дворянское корпоративное самоуправление было слабым, а значит и организация подобных учебных заведений – проблематичной. Например, в Олонецкой губернии в 1811 г. были даже отменены дворянские выборы. И хотя в 1821 г. генерал-губернатор А. Ф. Клокачев внес на высочайшее имя записку о восстановлении дворянских выборов, в 1824 г. его преемник – С. И. Миницкий, после сбора сведений о проживающих в Олонецкой губернии дворянах, признал это мероприятие нецелесообразным. Не случайно, вопрос об открытии благородного пансиона в губернии при таком положении до 1840 г. не поднимался.

В 1840 г. Училища детей канцелярских служителей в Петрозаводске было переименовано в Особый пансион при Олонецкой гимназии. Пансион переходил в ведение Олонецкой дирекции училищ. На его содержание из Государственного казначейства выделялось 3000 руб. серебром, с 1847 г. добавилось еще 360 руб. (проценты с экономического капитала). Других дополнительных источников доходов, в виде благотворительной помощи, пансион не получал.

В штат пансиона входило два комнатных надзирателя, совмещавшие должности с обязанностями эконома, а также учителя приготовительного

---

[520] Десятилетие Министерства народного просвещения… С. 63.
[521] Отчет министра народного просвещения за 1855 г. // ЖМНП. 1856. Ч. 140. С. 54-75.
[522] Воронов А.С. Историко-статистическое обозрение… СПб., 1855. С. 134-135.

класса. Служителями пансиона в течение 1840-1856 гг. являлись В. Бахтемиров, П. Куняев, П. Васильев, А. Иванов, П. Дешевой, П. Волков и др.

4 ноября 1840 г. состоялось торжественное открытие Особого пансиона. После божественной литургии в кафедральном соборе воспитанники, вместе с инспектором гимназии прошли в гимназию. На торжественном акте в зале гимназии выступили начальник дирекции училищ М. И. Троицкий и секретарь Попечительного совета Училища, который сообщил собравшимся о предписании попечителя Санкт-Петербургского учебного округа об открытии пансиона и прочел выдержки из «Положения о соединении Петрозаводского училища для детей Канцелярских служителей с Олонецкой гимназией». Окончилось торжество «молебствием Господу Богу с водоосвящением и провозглашением многолетья Государю Императору и всему Августейшему Дому»[523].

Курс обучения пансионеров в Олонецкой гимназии оканчивался 4 классами, вместо языков – латинского, немецкого и французского они слушали курсы: геометрии без доказательств (учитель А. М. Копосов), бухгалтерии (учитель И. Рожнов) и коммерческой бухгалтерии (учитель Э. А. Мудров), форменного делопроизводства (его преподавал секретарь Олонецкой казенной палаты П. Белобородов). Также пансионеры занимались письмом с диктовкой и чтением книг и рукописей (учитель К. А. Зосимский), изучали законоведение.

Учебно-воспитательная деятельность особого пансиона в Петрозаводске представлена в отчетах надзирателей «О состоянии Особого пансиона, причисленного к губернской гимназии», поступавших в Олонецкий приказ общественного призрения. В них составители указывали численность пансионеров, их успехи в обучении и поведении, количество учебных пособий в библиотеке пансиона, перечислялись фамилии преподавателей. Так, в отчете надзирателя А. Иванова за 1844 г. отмечалось, что из 30 воспитанников пансиона 23 человека переведены в следующий класс, 5 –

---

[523] Об открытии пансиона при Олонецкой гимназии // ОГВ. 1840. № 26.

оставлены на второй год обучения, один – выбыл в течение года и еще один – определен на гражданскую службу[524].

Важно заметить, что эти отчеты довольно лаконичны, здесь приводится много цифровых данных о расходных суммах по содержанию пансиона. В них отсутствуют сведения о воспитательной работе, деятельности пансионеров во внеурочное время, нет информации о распределении выпускников. Более пространными были отчеты надзирателя пансиона по хозяйственной части, включавшие сведения о покупке дров, свечей, продовольствия и одежды для воспитанников и т. д.

В ежегодные отчеты директоров и инспекторов гимназии включались общие данные по успеваемости и прилежанию воспитанников Особого пансиона, «влившегося» в гимназию, но они ограничивались только сведениями о количестве учеников, их происхождении и общими определениями успехов в учебных предметах и поведении. Судя по ведомостям, многие пансионеры были прилежными учениками, на экзаменах показывали отличные и хорошие знания, за что неоднократно награждались книгами на публичных гимназических актах. Например, в отчете директора училищ М. И. Троицкого за 1841 г. указывалось, что из 22 пансионеров показали хорошие успехи – 6 человек, достаточные – 9, посредственные – 5, слабые – 2[525]. Были и выпускники, окончившие Особый пансион с отличными аттестатами и сделавшие впоследствии карьеру по училищному ведомству. Так, например, Севериан Воронков, удостоенный «золотой» медали, стал учителем латинского языка в Варшавской гимназии, «серебряные» медалисты: Платон Николаевский – учителем математики в Новгородской гимназии и Михаил Чеботов – начальником расходного отделения в Брест-Литовске[526].

Однако были и примеры низкой успеваемости пансионеров. В этой связи особый интерес представляют протоколы Педагогического совета Олонецкой

---

[524] НА РК. Ф. 29. Оп. 6. Д. 10/677. Л. 4.
[525] Там же. Ф. 17. Оп. 6. Д. 7/8. Л. 291.
[526] Петрозаводский пансион для детей канцелярских служителей // ОГВ. 1874. № 100.

гимназии, где неоднократно рассматривались проблемы снижения успеваемости среди воспитанников пансиона. В апреле 1845 г. по инициативе М. И. Троицкого в Совете обсуждался вопрос ослабления надзора за воспитанниками и определения им взысканий за «леность и неисправность». Совет выявил причины неуспешности пансионеров: во-первых, «частое, но почти беспрестанное отсутствие их в классах за первую половину текущего года», и, во-вторых, то, что большая часть воспитанников пансиона «не только не отличались хорошими способностями, но как можно видеть из аттестаций преподавателей за прежние годы, одарены очень посредственными» и, в-третьих, совершенным отсутствием домашнего надзора и содействия, «даже можно сказать холодным равнодушием самих родителей к успехам детей (исключая весьма немногих)». О родителях учеников сказано весьма категорически: «Только окончательный результат годичного учения – перевод в высшие классы, выводит их на некоторое время из этого равнодушия, только просьбы и жалобы в это время обнаруживает принимаемое ими некоторое участие в учении детей»[527].

Совет, в частности, решил: усилить контроль за выполнением домашних заданий среди нерадивых учащихся, для помощи им привлечь лучших воспитанников пансиона; свободное время занимать пансионеров уроками чистописания в отдельных классах; лишать отпусков тех воспитанников, кто за учебную неделю получил общую оценку менее трех баллов[528]. Однако, несмотря на принятые меры, успеваемость пансионеров оставалась на прежнем уровне.

Ревизия Олонецкой дирекции училищ в 1845 г. инспектором казенных училищ П. П. Максимовичем снова выявила ряд существенных недостатков в деятельности пансиона в Петрозаводске. В отчете инспектора отмечалось: «Пансион находился в самом жалком положении… Наемный дом, где помещен пансион, стар, ветх и все в нем носит печать близкого, почти

---

527 НА РК. Ф. 17. Оп. 6. Д. 8/9. Л. 756.
528 Там же.

конечного разрушения, со стен обвалилась штукатурка, печки потрескались, сквозь изразцы просвечивает, дверцы печные не затворяются и с дырами, при таком можно ожидать пожара…. В пансионе везде нечистота, даже на столах лежала пыль слоями. Сами пансионеры не довольно опрятны, белье, обувь и платье их едва достаточны, пища совсем скудна. Директор, по-видимому, мало входит в состояние пансиона, считая, что это дело собственно пансиона»[529].

Негативные факты, открытые ревизией, послужили поводом к увольнению на пенсию в 1846 г. директора училищ М. И. Троицкого и повышению внимания со стороны губернской администрации к учебным заведениям. Губернатор Х. Х. Повало-Швейковский в своем всеподданнейшем отчете за 1847 г., в частности, признал, что Олонецкая гимназия стоит на низшей степени, пансион не имеет отдельного помещения, в связи с этим воспитанники проживали в родительских квартирах и обучались в здании Петрозаводского уездного училища. «Развитию образования между чиновниками препятствует, с одной стороны, недостаточное их состояние…, с другой стороны, отсутствие учебно-вспомогательных средств, потому что губернская гимназия не имеет особого помещения для воспитанников, при котором можно постоянно жить… Ученики… все остальное от классов время проводят в домах при родителях, большей частью людей бедных и находящихся постоянно на службе», – писал губернатор[530]. По мнению Х. Х. Повало-Швейковского, строительство отдельного здания для благородного пансиона могло бы решить многие проблемы, связанные с улучшением учебно-воспитательной работы не только в пансионе, но и в губернской гимназии. Министр народного просвещения С. С. Уваров в апреле 1848 г. по этому поводу дал разъяснение в Комитет министров о том, что еще в 1843 г. предполагалось построить для Петрозаводского пансиона отдельный флигель, на что по смете было

---

529 РГИА. Ф. 733. Оп. 24. Д. 172. Л. 8-8об.
530 Там же. Оп. 25. Д. 74. Л. 1.

определено более 12 000 руб., однако Государственное казначейство на ассигнование данного строительства не согласились[531].

Таким образом, пансион остался в частном доме вдали от гимназии. «Кроме неудобства частных квартир для учебного и воспитательного заведения на 30 воспитанников, с надзирателями и прислугою…, самая отдаленность прежних пансионских квартир от дома гимназии имела гибельное влияние на здоровье детей: малютки, едва достигшие десятилетнего возраста, в легких шинелях должны были ежедневно два раза приходить в гимназию, иногда за полверсты, несмотря ни на какую погоду, особенно осенью и зимой, отличающуюся на нашем севере суровостью и обилием снегов и метелей»[532]. Решение вопроса о постройке нового здания затянулось еще на 10 лет. Только в 1858 г. в Петрозаводске было построено новое каменное здание для пансиона на Соборной площади, возле самой гимназии. В новом двухэтажном пансионном доме на первом этаже располагались столовая, зала для занятий, гувернерская и кухня, на втором – спальня, гардеробная, лазарет и комната эконома. После закрытия пансиона (1862 г.) с 1872 г. в здании размещалась женская гимназия.

Следует отметить, что в центральных и южных губерниях России, где дворянская прослойка была значительной, происходила трансформация благородных пансионов в Дворянские институты. Например, в Пензенской губернии (Казанский учебный округ) благородный пансион при губернской гимназии открылся в 1835 г. Однако в июне 1843 г. он был отделен от гимназии и преобразован в Дворянский институт, просуществовавший на взносы дворянства до 1863 г. Такой же Дворянский институт появился и в Нижнем Новгороде в 1844 г. Эти учебные заведения являлись дворянскими гимназиями, учебная программа которых соответствовала курсу гимназий и ставили своей «целью доставить воспитывающемуся в нем юношеству общее

---

[531] Там же. Л. 5.

[532] А.И. Освящение здания для особого Пансиона при Олонецкой гимназии // ОГВ. 1858. № 43.

образование, и вместе с тем служит приготовительным заведением для поступления в университет и другие высшие специальные училища»[533].

Благородные пансионы при губернских гимназиях занимали особое место в профессиональной подготовке к канцелярским должностям для военного, гражданского, училищного ведомств Европейского Севера России: Архангельской, Вологодской, Олонецкой губерний. Их выпускники работали помощниками военных докторов, секретарями городнических правлений, земские судов, пополняли штаты губернских и уездных присутственных мест, являлись учителями учебных заведений. Немаловажным фактором стало и то, что обучение в пансионе являлось значительной поддержкой несостоятельных дворян. Пансионеры принадлежали к беднейшим дворянским и обер-офицерским семействам, многие из них являлись сиротами. Аттестат об окончании пансиона открывал им новые возможности получения профессии, способы дальнейшего продвижения по службе.

Учреждение таких пансионов отвечало требованиям дворянства об отделении их детей от детей других сословий во время учебного процесса. Это и делало пансионы отдельным типом учебного заведения Государство, в свою очередь, привлекало детей дворянского сословия обучаться в казенных школах (уездных училищах и гимназиях), полагая, что «воспитание общественное, в заведениях правительством открываемых и под его постоянным надзором и руководством находящихся, составляет, конечно, главное орудие просвещения и нравственной жизни народа»[534].

3.1.3. Училища детей канцелярских служителей как особый тип среднего учебного заведения

Во второй четверти XIX в. на территории Европейского Севере России были открыты в училища для детей канцелярских служителей, которые

---

[533] Логинова О.А., Логинов О.Н. Учебно-воспитательный процесс в гимназиях дореволюционной России (на примере гимназий Пензенской губернии). Пенза, 2009. С. 58-59.

[534] есятилетие Министерства народного просвещения... С. 25.

могли решить остро стоявшую в то время кадровую проблему в губернских и уездных учреждениях[535]. Примечательно, что в качестве эксперимента такая школа была открыта в августе 1825 г. в Рязани на средства «заводосодержателя» Ярцова пожертвовавшего 40 000 руб.[536] Положение «О канцелярских служителях гражданского ведомства»[537] (1827 г.), «Устав училищ для детей канцелярских служителей» (февраль 1828 г.) явились законодательной базой для организации таких училищ в Пермской, Вятской, Оренбургской[538], Архангельской, Смоленской, Псковской, Костромской Новгородской, Тверской, Витебской, губерниях[539]. Отметим, что в данном Уставе была отражена идея организации особых отделений при гимназиях для воспитанников училищ приказнослужителей.

Детей олонецких канцелярских служащих в количестве 10 человек изначально предполагалось обучать в Архангельском училище канцелярских служителей, рассчитанном на 25 человек. Олонецкие губернатор П. А. Лачинов и вице-губернатор Б. И. Пестель в 1827-1828 гг. ходатайствовали об открытии Училища для детей канцелярских служителей в Петрозаводске. Вплоть до начала 1830 г. шло обсуждение вопросов и ведомственная переписка по вопросам организации этого учебного заведения, его финансированию, обустройству зданий для училища и проживания учащихся, определению в него учеников и т. д.[540]

---

535 См: Ефимова В.В. 1) Кадровая политика генерал-губернатора А. Ф. Клокачева (на примере Олонецкой губернии) // Вестник Карельского филиала Северо-Западной академии государственной службы. Петрозаводск, 2008. С. 296-324; 2) Генерал-губернатор С. И. Миницкий и кадровый вопрос в Олонецкой губернии // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2013. № 7. (Т. 2). С. 104-109.

536 ПСЗРИ. Собр. 2. Т. 3. № 5472.

537 О канцелярских служителях гражданского ведомства // ПСЗРИ. Собр. 2. Т. 3. № 1469.

538 Об устройстве училищ для детей канцелярских служителей в губерниях: Пермской, Вятской и Оренбургской // ПСЗРИ. Собр. 2. Т. 3. № 2185.

539 ПСЗРИ. Собр. 2. Т. 3. № 2238; 2242.

540 Подробнее об учреждении училища см.: Ефимова В.В. Учреждение училища для детей канцелярских служителей в Олонецкой губернии // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов. 2013. № 12 (38). Ч. 2. С. 76-79.

В итоге в марте 1830 г. в Петрозаводске было открыто Училище для детей канцелярских служителей[541]. Училище действовало на основании утвержденного 18 февраля 1828 г. Устава училищ для детей канцелярских служителей и включало курс уездного училища с изучением дополнительных предметов: бухгалтерии и делопроизводства. Это был своего рода закрытый пансион для детей неимущих канцелярских чиновников, задачей которого являлось обучение детей «способных к должностям канцелярским и вообще к гражданской службе»[542]. Учащиеся в училище находились на полном казенном содержании и обязывались по окончании учения прослужить 8 лет в губернских или уездных правлениях. При этом в Уставе оговаривалось, что выпускники училищ, окончившие полный курс, но не удостоенные перевода в университеты, получали места канцелярских служителей высшего разряда, а подвергшиеся исключению за легкие проступки – места писцов, или канцелярских служителей низшего разряда[543].

Олонецкая губернская администрация попыталась включить в состав воспитанников Училища детей канцелярских служащих, имеющих классные чины, а также сирот, оставшихся после смерти таких чиновников (в этом списке могли оказаться и дети потомственных дворян), но эти усилия не увенчались успехом. Этот факт весьма красноречиво доказывает, что правительство целенаправленно отделяло дворян от других сословий в вопросе обучения и воспитания.

Училище состояло в ведении Министерства внутренних дел, на средства которого оно и содержалось. В нем обучалось 28-30 воспитанников и на их содержание из государственного казначейства отпускалось 3000 руб. серебром. Из них 818 руб. употреблялось на жалованье инспектору, надзирателям и за уроки учителям, 2182 руб. расходовались на содержание пансионеров: на продовольствие, снабжение одеждой, бельем, обувью, на

---

[541] К этому времени в Архангельске Училище канцелярских служителей не было открыто.

[542] Устав училищ для детей канцелярских служителей // ПСЗРИ. Собр. 2. Т. 3. № 1814.

[543] Устав училищ для детей канцелярских служителей.

учебные пособия, отопление, освещение и прочие расходы. Полное содержание каждого пансионера обходилось по 59 руб. 66 коп. в год[544]. Следует отметить, что за время существования училища (1829-1840 гг.) никакие пожертвования в его адрес не поступали.

В Училище для детей канцелярских служителей преподавались следующие предметы: чтение и чистописание, Закон Божий и Священная История, российская грамматика «с практическими упражнениями в оной», всеобщая и российская история, география, арифметика, бухгалтерия и основания геометрии, «присоединяя к сему, где будет возможность, и начал тригонометрии и геодезии», формы делопроизводства и судопроизводства, с практическими упражнениями. Полный курс учения продолжался 6 лет и разделялся на три класса: преподавание учебных предметов в каждом классе шло в течение двух лет[545].

Открытие Училища для детей канцелярских служителей в Петрозаводске привлекло внимание коллежского советника Олонецкого губернского правления Ф. Н. Глинки, сосланного в Петрозаводск по делу декабристов. 2 августа 1829 г. он передал в дар училищу бюст Николая I на пьедестале, гравированный портрет наследника престола; для училищной библиотеки: шесть томов «Систематического свода существующих законов», Устав сухопутного шляхетного корпуса, с наставлениями Екатерины II «как учащим, так и обязанным пещись о воспитании юношества» и описание швейцарского Института, созданного Фелленбергом на основе педагогических идей Песталоцци»[546]. Открытию пансиона Ф. Н. Глинка посвятил стихотворение, которое и зачитал на торжестве:

Кому взошла наук заря?
Сей дом для вас мы отверзаем,
Питомцы Русского Царя.

---

[544] НА РК. Ф. 29. Оп. 1. Д. 92/590. Л. 27 об.
[545] Устав училищ для детей канцелярских служителей.
[546] Донесение Его Императорскому Величеству, представленное статс-секретарем графом Каподистрием, о заведениях г. Фелленберга в Гофвиле, в октябре 1814 года: пер. с фр. СПб: в тип. Н. Греча, 1817. 69 с. (НА РК. Ф. 29. Оп. 1. Д. 73/492. Л. 1-1об.)

Хвала Царю! Цвети, держава!
Он наша радость, наш покров!
Он Русского народа слава;
К нему и верность и любовь!
Царю Отцу благословенье
И с долголетием покой;
Везде Он сеет просвещенье
Своей державною рукой.
И долг судей откроют вам:
Здесь возмужают обороны
Безгласным сирым и вдовам….
Святая вера осеняет
Сей дом присутствием своим;
И всякий сердцем поздравляет
Потомков с веком золотым.
К Царю любовию пылая,
Прославим имя Николая[547].

В Училище был создан Попечительный совет, председателем которого был губернатор, а членами являлись губернский предводитель дворянства, директор народных училищ и член Приказа общественного призрения. На Совете обсуждались вопросы расхода и прихода финансовых средств по Училищу, распределение учебных часов среди преподавателей, рассматривались проблемы содержания воспитанников в учебном заведении. В конце учебного года члены Совета утверждали расписание экзаменов и назначали день публичных испытаний учащихся.

Преподаванием учебных предметов в Училище для детей канцелярских служителей занимались учителя Олонецкой гимназии и, по назначению губернатора, чиновники разных присутственных мест. С 1829 по 1840 г. в

[547] А.И. Освящение здания для особого Пансиона при Олонецкой гимназии // ОГВ. 1858. № 43.

нем преподавали: А. Е. Гек – чистописание, К. В. Баранкоев – чтение, Н. О. Куняев – всеобщую историю, В. М. Копосов – арифметику, И. И. Анциферов и А. С. Бельзовский – русскую грамматику и упражнения в сочинении, ключарь Петропавловского собора С. Богословский – Священную историю. Учебные предметы по канцелярскому порядку и формальному делопроизводству преподавал дворянский заседатель Олонецкой палаты гражданского суда Хорунженко. Для преподавателей Олонецкой гимназии преподавание в Училище для детей канцелярских служителей, с одной стороны, было серьезной дополнительной нагрузкой, с другой – неплохим дополнительным заработком. И все же педагоги, ссылаясь на большую загруженность на основной работе, отказывались от преподавания в Училище для детей канцелярских служителей. Так, в 1834 г. директор училищ М. И. Троицкий обратился в Попечительный совет об отстранении от работы в Училище учителя гимназии А. И. Мещерского по его личной просьбе. А. И. Мещерский объяснил директору, что преподавание постороннего предмета «становится для него обременительным»[548].

Непосредственное же управление Училищем принадлежало особому смотрителю из чиновников. Первым штатным смотрителем Училища стал отставной капитан-лейтенант III ранга морской артиллерии Андрей Федоров, который по состоянию здоровья был уволен с военной службы и до 1829 г. являлся надзирателем на Александровском заводе[549]. Он надзирал за порядком в доме Училища, наблюдал за исправностью преподавания учебных предметов, работой прислуги и вел хозяйственную часть.

В число воспитанников Училища принимали детей чиновников от 13 до 16 лет из всей губернии. Это были дети канцелярских служителей, сироты, дети из многодетных бедных семей. В 1830 г. в пансионе обучались: 19 пансионеров из Петрозаводска, 1 – из Пудожа, 2 – из Каргополя, 3 – из

---

[548] НА РК. Ф. 29. Оп. 1. Д. 88/563. Л. 21.
[549] Там же. Л. 72/480. Л. 3 об.

Лодейного Поля и 3 – из Олонца[550]. Успеваемость учащихся находилась под пристальным контролем директора училищ, который ежемесячно обозревал Училище и в конце учебного года проводил испытания учащихся. Так в отчете директора М. И. Троицкого за 1834 г. отмечалось, что «успехи большего числа воспитанников, по всем частям преподанного им учения, совершенно удовлетворительны»[551].

Олонецкий губернатор А. И. Яковлев весьма серьезно относился к организации Училища для канцелярских служителей, активно участвовал в работе Попечительного совета, лично контролировал проведение в нем уроков учителями гимназии. Смотритель Училища ежедневно делал рапорт губернскому начальству о состоянии учебного заведения. Так, на одном из утренних рапортов смотрителя А. Федорова в феврале 1834 г. губернатор поинтересовался о том, своевременно ли начинаются уроки в училище. Смотритель сообщил об опоздании учителя Н. Андреева и неявке в класс учителя И. И. Анциферова. А. И. Яковлев потребовал разъяснения по данному вопросу у М. И. Троицкого, который сообщил об уважительных причинах отсутствия учителей (были на похоронах учителя гимназии И. М. Копосова)[552].

Значительным событием в жизни Училища являлись ежегодные экзамены. Они проходили в два этапа. В конце июня учащихся экзаменовали в присутствии членов Попечительного совета. Итоги экзаменов членами Совета тщательно анализировались, выявлялись успехи и неудачи в преподавании отдельных предметов. Так, в протоколе одного из заседаний Совета за июль 1834 г. отмечалось: «Замечено..., что теоретические познания воспитанников в геометрии и отличное искусство большей половины из них в копировании планов и географических карт не подкреплены практическими упражнениями в геодезии»[553].

---

[550] Там же. Д. 80/518. Л. 8.
[551] Там же. Д. 88/563. Л. 53 об.
[552] НА РК. Ф. 17. Оп. 6. Д. 5/12. Л. 395.
[553] Там же. Ф. 29. Оп. 1. Д. 87/554. Л. 63 об.

В конце августа в гимназическом зале, т. е. в зале гимназии устраивались публичные испытания с приглашением духовенства, гражданских и горных чиновников и родителей учеников. Здесь свои способности перед публикой демонстрировали лучшие ученики Училища. Как правило, к этому мероприятию готовились основательно. На Попечительном совете заранее утверждался план торжества, уточнялся список приглашенных гостей, смотритель Училища, учителя и учащиеся готовили приветственные речи. В назначенный час проводился торжественный смотр знаний учащихся по изучаемым учебным предметам. Присутствующие на экзамене рассматривали образцы чистописания, наблюдали за перепиской набело деловых бумаг и чертежей географических карт с топографическими планами[554]. Испытания заканчивались речами о пользе просвещения, словами благодарности от учащихся в адрес губернского и училищного начальства, учителей, выдачей аттестатов об окончании курса учения и похвальных листов отличившимся учащимся.

Заботой Попечительного совета Училища являлось распределение окончивших обучение в различные губернские и уездные учреждения. Если же вакансии находились не сразу, тогда выпускники, не имеющие родителей и родственников в Петрозаводске, «оставались на попечении губернского правления в здании училища «до определения их на гражданскую службу»[555].

Организация помощи нуждающимся выпускникам при окончании учебного заведения также стала предметом особой заботы Попечительного совета. Как правило, «воспитанники – дети бедных родителей, а многие из них не имели ни отца, ни матери и даже близких родственников и потому по выходе из училища могли терпеть нужду в самых необходимых потребностях» – говорилось на одном из заседаний Совета в 1834 г.[556] В связи с этим при выпуске на службу пансионеры получали всю необходимую одежду. Было постановлено выдавать им форменные сюртуки с позументом

---

[554] Там же. Л. 76-76 об.
[555] Там же. Л. 53-54 об.
[556] Там же. Д. 88/563. Л. 56.

на воротнике и обшлагах, жилет, брюки суконные и нанковые, суконную темно-серую шинель на коленкоровой подкладке, фуражку, 3 рубахи, 3 подштанников, 2 полотенца, 2 платка носовых и 1 шейный, сапоги, 2 пары чулок[557]. Кроме того, было предложено выделять неимущим выпускникам по 80 руб. 50 коп. из экономических сумм Училища в качестве денежных наград. При недостатке средств было принято решение о назначении учащимся от 35 до 50 руб. «подъемных» средств. Так в 1834 г. для 13 выпускников училища было выдано 525 руб.[558]

Для того чтобы воспитанники Училища для детей канцелярских служителей продолжали заниматься самообразованием, поступив на службу, с декабря 1836 г. им безвозмездно выдавались учебные книги. Кроме того, им разрешалось пользоваться учебными пособиями из других учебных заведений и губернской публичной библиотеки. Выпускников, пользующихся льготами при окончании учебного заведения, в течение трех лет подвергали экзамену на знание предметов учебных курсов гимназии и уездного училища. Тех, кто не показывал «достаточных успехов», наказывали лишением возможности дальнейшего продвижения по службе и наград. Характерно, что начальников присутственных мест обязывали, чтобы они «при строгости надзора за поведением воспитанников на службе не препятствовали, а побуждали бы их заниматься науками, посещая в свободное время от службы учебные заведения»[559]. Некоторые выпускники Училища для канцелярских служителей продолжили свое обучение в Санкт-Петербурге. Так, для дальнейшего образования в межевую роту Санкт-Петербургского Лесного института в 1836 г. были направлены выпускники Серебряков, Артемьев, Фомин, Гребешков, Ульянов[560].

---

[557] Петрозаводский пансион для детей канцелярских служителей // ОГВ. 1874. № 98.
[558] НА РК. Ф. 29. Оп. 1. Д. 87/554. Л. 56-57 об.
[559] Петрозаводский пансион для детей канцелярских служителей // ОГВ. 1874. № 98.
[560] Санкт-Петербургский Лесной и межевой институт готовил чиновников для лесной службы и топографов для размежевания и оценки казенных земель. В Межевом отделении института было создано три роты (отделения).

В общей сложности Училище для детей канцелярских служителей за 1830-1840 гг. сделало три выпуска: в 1834 г. – 13 человек, 1836 г. – 14 человек, 1838 г. – 13 человек. Всего было подготовлено 40 выпускников, которые трудились в присутственных местах в губернском и уездных городах Олонецкой губернии, а выпускник 1838 г. Н. Волков стал управляющим Новгородской казенной палатой.

Архангельское училище для канцелярских служителей появилось в 1833 г. Его открытие откладывалось по причине отсутствия «приличного здания». Первоначально генерал-губернатор С. И. Миницкий предполагал купить для помещения училища дом купца Классена, но затем принял решение отдать дом купца для жительства вологодского гражданского губернатора Н. П. Брусилова, а помещение, где проживал губернатор – под училище. Но казенный дом требовал значительных финансовых затрат на проведение ремонта и не был приспособлен под училище. Вопрос об открытии училища вновь отложили[561].

В тоже время министр внутренних дел настаивал на «скорейшем открытии» Архангельского училища для детей канцелярских служителей. Он предложил создать Попечительный совет училища, решить вопрос о переделке и ремонте здания под училище, провести набор воспитанников, приобрести одежду, обувь и все необходимое для нужд училища.

Не менее серьезной была проблема набора учеников. Еще летом 1832 г. уездные управы Архангельской губернии отправили в губернское правление списки детей канцелярских служителей от 9 до 15 лет, направленных на обучение. Интересно, что не во всех уездах были желающие обучаться в Архангельске. В списке Архангельской уездной управы значилось 7 человек, Холмогорской – 2, Шенкурской – 2, Мезенской – 2, в общей сложности 13 кандидатов. Другие уездные города (Пинега, Онега, Кемь и Кола) такие списки не предоставили. В связи с этим в сентябре того же года был объявлен повторный набор учащихся с требованием дополнить список

[561] ГААО. Ф. 43. Оп. 3. Д. 64. Л. 1-2 об.

воспитанников до 25 человек. При этом управы были строго предупреждены о том, что в списках должны быть только дети бедных чиновников. Однако «никто из таковых желания не изъявил»[562].

В декабре 1832 г. губернское правление в присутствии губернатора рассмотрело списки чиновников по уездам и г. Архангельску и определило списки сирот, «кто может, и кто имеет право обучаться в училище». Списки были направлены городничим, которые, в свою очередь, сообщили «о сем ближайшим родственникам, не пожелают ли они отдать их детей на воспитание в учрежденное здесь училище». Родители должны были доставить детей в г. Архангельск к 20 декабря. Указание губернского начальства не было выполнено. Только в марте 1833 г. в губернском правлении смогли утвердить окончательный список из 25 будущих учеников.

Торжественное открытие училища для детей канцелярских служителей произошло 22 августа 1833 г. Училище помещалось в собственном деревянном одноэтажном доме, крытом железной окрашенной крышей, на каменном фундаменте. Дом был обит тесом и выкрашен желтой краской. К училищному зданию был пристроен флигель, имелась баня и погреб. После пожара в 1851 г. школа размещалась в наемном доме. При училище имелась неплохая библиотека. Ее каталог, по сведениям смотрителя училища И. Первушина, в 1845 г. состоял из учебных пособий по разным учебным предметам: богословию и церковной истории, русской словесности, математике, истории, географии, правоведению. Имелись книги для детского чтения, рассказы для юношества, периодические журналы, а также Полное собрание законов Российской империи. Всего в библиотеке насчитывалось около 400 экземпляров книг[563].

«Архангельские губернские ведомости» с 1839 г. на своих страницах публиковали информацию о проведении экзаменов в Училище канцелярских

---

[562] Там же. Л. 15.
[563] ГААО. Ф. 43. Оп. 2. Д. 102. Л. 28, 47-50.

служителей[564]. Такие публичные испытания в 1839 г. начались в 6 час. вечера, на торжественное мероприятие были приглашены военный и гражданский губернаторы, епископ Архангельский и Холмогорский, чиновники и горожане. Заседание открыло выступление церковного хора воспитанников гимназии и торжественная публичная речь ученика Сергеева. Сам экзамен состоял из опроса по закону Божьему и священной истории, российской грамматике, арифметике, алгебре и геометрии, всеобщей истории и географии, а также делопроизводству. Экзамен продлился до 10 час. вечера, потом были розданы награды отличившимся ученикам. Корреспондент газеты писал: «Чистота в одежде, цветущее здоровье, смелость и живость в ответах учеников на задаваемые вопросы по наукам удовлетворили всех посетителей, и каждый из них, благодарил в душе своей влияние этого истинно благодетельного заведения»[565]. На экзамене в 1840 г. воспитанники 3-го класса Никитин и Угрюмов прочли собственные сочинения: первый о Тридцатилетней войне, а второй о Владимире Великом. «Ответы экзаменованных по билетам и представленные ими образцы чистописания были более чем удовлетворительны… Из числа двадцати двух воспитанников… по определению Попечительного совета книгами были награждены 7 учеников»[566].

Исследователь истории народного образования Архангельской губернии Ф. Ф. Шперк представил довольно подробное описание деятельности этого училища. Он в частности отметил, что ученики вставали 5 часов, завтракали в 6 час., обедали в 13 час. и в 20 час. ужинали. Учебные занятия велись только до обеда с 9 до 12 час., с двумя переменами. Учение начиналось 1 августа, а оканчивалось в июле, так что каникулы длились не более 6 недель. «При малоуспешности оставались в одном и том же классе по несколько лет и бывали примеры перевода в низший класс, увольнение за неуспешность

---

[564] АГВ. 1839. № 38; 1856. № 27; 1857. № 26;

[565] О публичном испытании воспитанников училищ детей канцелярских служащих // Прибавление к АГВ. 1839. № 38.

[566] О публичном испытании, бывшем в Архангельском училище для детей канцелярских служителей // Прибавление к АГВ. 1842. № 40.

практиковалось редко»[567]. С 1833 г. по 1845 г. Училище окончили 37 юношей: в 1837 г. – 9, в 1839 г. – 8, в 1843 г. – 4, в 1845 г. – 8[568]. Архангельское училище для детей канцелярских служителей просуществовало до 1861 г.

Общая картина деятельности училищ для детей канцелярских служителей в целом по России была неудовлетворительной. В 1838 г. министр внутренних дел Д. Н. Блудов направил в адрес губернаторов письмо, где высказал тревогу по поводу низкой успеваемости учащихся: «многие воспитанники училищ для детей канцелярских служителей, как в продолжение учебного их курса, так и по окончанию оного, оказывают посредственные, даже весьма слабые успехи в науках. Таким образом, цель училищ иметь способных канцелярских служителей в губернских и уездных присутственных местах остается не в полной мере достигаема и самые издержки, употребляемые на устройство и содержание сих заведений должно считать большею частью потерянными»[569]. Причина такого положения виделась министру в слабом руководстве учителей и собственном «нерадении» воспитанников. В связи с этим Блудов просил обратить особое внимание Попечительных советов училищ на необходимость усиления контроля во время выпускных экзаменов, учителям давать «приватные уроки для посредственных», чтобы они могли «сравняться в успехах со своими сверстниками», а при необходимости оставлять учеников в училище «долее положенного срока, нежели выпускать с ограниченными познаниями без всякой существенной пользы для службы»[570]. Указания Д. Н. Блудова инициировали реорганизацию этих школ.

Критика училищ для канцелярских служителей имела основания, что подтверждается документально. Сохранилось донесение инспектора Олонецкой гимназии Н. Познякова директору училищ М. И. Троицкому в

---

567 См.: Шперк Ф.Ф. Краткий очерк народного образования в Архангельске. С. 31-33.
568 АГВ. 1845. № 37.
569 НА РК. Ф. 1. Оп. 56. Д. 6/23. Л. 658.
570 Там же.

январе 1841 г. Инспектор, в частности писал, что нравственно-учебная часть в петрозаводском Училище для канцелярских служителей была в «величайшем расстройстве». Недостаток дисциплины, «дух своеволия и самоуправства, запирательство, незнание воспитанниками обыкновенных приличий, грубость в речах и во всех приемах представило много затруднений… По части хозяйственной тоже упущения. Дети носили продранную одежду и обувь, на 23 воспитанника 11 пар сапогов было принято мною совершенно годных к употреблению»[571].

Похожие проблемы присутствовали и в Архангельском училище. Судя по отчету смотрителя училища И. Первухина в апреле 1845 г. одежда многих воспитанников была ветхой. Из 25 имеющихся суконных брюк и курток 23 – были негодны к употреблению, из 25 фуражек – все 25. В связи с этим в июне этого же года на заседании Попечительного совета училища рассматривался вопрос о выделении денежных средств на приобретение одежды для учащихся[572].

Училище для детей канцелярских служителей в Петрозаводске вскоре изменило свой статус. Идея о присоединении Петрозаводского училища для детей канцелярских служителей к Олонецкой гимназии в виде пансиона была предложена инспектором казенных училищ Санкт-Петербургского учебного округа П. П. Максимовичем в 1838 г. во время осмотра Олонецкой и Архангельской гимназий. По мнению Максимовича, присоединение представляло выгоду в том, что «увеличивало число учащихся в гимназии, доставляя вместе с тем воспитанникам пансиона образование более многостороннее и облегчая их средства содержания чрез уничтожение особой платы учителям»[573].

Руководство учебного округа и Министерство народного просвещения одобрили предложение П. П. Максимовича. На основании высочайше утвержденного 6 сентября 1840 г. «Положения о соединении

---

571 НА РК. Ф. 17. Оп. 6. Д. 7/8. Л. 34.
572 ГААО. Ф. 43. Оп. 2. Д. 102. Л. 3, 34.
573 Петрозаводский пансион для детей канцелярских служителей // ОГВ. 1874. № 100.

Петрозаводского училища для детей канцелярских служителей с Олонецкой гимназией» Училище прекратило свое существование, а на его базе был создан Особый пансион[574].

3.2. Формирование системы начального образования

3.2.1. Городские училища в 1800-1850-е гг.: правовой, финансовый, социально-культурный аспекты

Городские общественные общеобразовательные школы являлись частью образовательного пространства губернских и уездных городов Российской империи и играли значительную роль в социальной и общественной жизни этих городов.

Формирование уездных училищ проходило на базе уже существовавших в то время Главных и Малых народных училищ. Правительство предполагало открыть в стране 405 таких школ. Их преобразование происходило постепенно и продолжалось в течение всей первой половины XIX в.: в 1808 г. в 486 уездных городах России имелось 126 школ, где обучалось 12 839 учащихся[575], а в 1855 г. – уже 439 училищ (на 27 309 учеников)[576]. Однако даже к середине XIX в. далеко не во всех уездных городах страны были открыты такие школы. Например, в уездных городах Пинеге и Коле Архангельской губернии, в Ляльске, Вельске, Никольске, Красноборске Вологодской губернии, в Повенце, Пудоже и Лодейном Поле Олонецкой губернии училища к этому времени так и не открылись. В этих городах действовали только приходские школы.

Следует отметить, что такая ситуация была повсеместной, например, по данным исследователя истории просвещения Д. А. Захаратоса в Московском

---

[574] Положение о соединении Петрозаводского училища для детей канцелярских служителей с Олонецкой гимназией // ПСЗРИ. Собр. 2. Т. 15, ч. 1. № 13759.
[575] Князьков С.А., Сербов Н.И. Очерк истории народного образования в России… С. 189.
[576] Отчет министра народного просвещения за 1855 г. ... С. 54-75.

учебном округе «в 1809 г. только 55% малых народных училищ были преобразованы в уездные (этот процесс завершился к середине 1820 гг.)»[577].

Раньше всего уездные училища были открыты в Вологодской губернии. В 1807 г. ректор Московского университета Ф. Браузе сообщил министру народного просвещения П. В. Завадовскому, что «по рапорту директора Вологодских училищ Яренское малое народное училище Вологодской губернии преобразовано в уездное, где учителями стали А. Иконников с жалованьем 180 руб. в год и Н. Слободской с жалованьем 160 руб. в год, содержится училище от казны – 1600 руб. в год»[578].

В 1800-х гг. в четырех из семи уездов Олонецкой губернии произошло открытие училищ. Малые народные училища были преобразованы в уездные в Петрозаводске (1808) – затем в Вытегре (1809), по приезде туда В. Березниковского – выпускника Педагогического института. В августе 1810 г. открылись уездные училища в Каргополе и Олонце. Это соответствовало ситуации по соседним губерниям. В Архангельской губернии из 8 уездных городов уездные училища открылись только в трех, в Вологодской из 10 уездных городов – в четырех, в Новгородской из 10 уездных городов – в семи.

Школьный Устав 1828 г. предполагал превратить 3-х классные уездные училища в 4-х классные, но из-за острой нехватки педагогов эта реорганизация началась только с 1832 г. Другой причиной плохой организации этих училищ был недостаток государственных ассигнований на нужды просвещения. «Предварительные правила» 1804 г. определяли, что уездные училища «будут содержимы из доходов городских обществ с достаточным положением от казны, где оное потребуется»[579].

Все уездные училища были разделены на три разряда (в зависимости от дороговизны их содержания в разных губерниях). В губерниях первого

---

[577] Цит.: по Захаратос Д.А. Московский учебный округ 1804-1835: Создание государственной системы образования и подготовка педагогических кадров: Автореф. дис… канд. ист. наук. М., 2003. С. 14.
[578] РГИА, ф. 733, оп. 28, д. 68, л. 1.
[579] Предварительные правила народного просвещения.

разряда, куда были отнесены все северные губернии, полагалось на содержание училища полагалось по штату 1600 руб. в год; в губерниях второго разряда – 1410 руб.; третьего – 1250 руб. Сюда входила оплата годичного жалованья штатному смотрителю училищ – 400 руб., двум учителям – по 300 руб. каждому, законоучителю – 100 руб., учителю рисования – 100 руб., кроме того, выделялось 400 руб. на содержание училищного дома и «прочие расходы»[580]. Суммы на училище отпускались по третям (три раза в год). Этих государственных ассигнований было крайне недостаточно для нормальной работы учебных заведений. В штатные суммы не включались деньги на покупку училищного здания и на его содержание и без внешней помощи со стороны властей или инициативы благотворителей само училище было затруднено. Эту инициативу губернское и училищное начальство и пыталось пробудить.

Пополнить бюджет школ правительство надеялось за счет финансовой помощи городских обществ и частной благотворительности дворянства и купечества. В 1804 г. Олонецкий губернатором В. Ф. Мертенсом были отправлены предписания во все уездные городские думы с призывами к «благородным жителям» о пожертвованиях на пользу просвещения и организацию школ, чтобы они «собрали неукоснительно градское общество и отобрали от него [сведения. – *Е. К.*], какое оно может давать пособие на содержание уездных училищ»[581].

Однако городские думы не готовы были выделять деньги на содержание училищ, одновременно содержать два училища (уездное и приходское) им было не под силу. Поэтому думы предпочитали открывать приходские училища, считая, что государственных ассигнований на уездные училища будет вполне достаточно. Отказы городских дум от выделения средств на организацию уездных училищ мотивировались «бедностью и малолюдством» городов.

---

[580] Примерное исчисление сумм на каждогодное содержание…
[581] НА РК. Ф. 29. Оп. 1. Д. 21/166. Л. 8.

«На содержание уездных училищ по малости городовых доходов сверх употребляемых ныне,… пособий сделать не могут»[582], – сообщалось в решениях Холмогорского, Мезенского, Онежского городских обществ архангельскому губернатору П. Ф. Мартьянову в ноябре 1804 г. От шенкурского городничего был получен ответ, что «особливых городских доходов не имеется», поэтому необходимой суммы для училищного дома, жалованья учителю и «на прочие надобности» по малому числу купцов и мещан нет[583].

В этом отношении примечателен рапорт мезенского исправника, который собрал со всех волостных сельских сходов приговоры крестьян о согласии выделить деньги на содержание училищ. Но «из 10 волостей, 2 пустыней, 5 слободок (всего 5544 души мужского полу), согласие дали только 12 человек»[584].

Только после посещения Архангельской губернии визитатором учебного округа академиком Я. Д. Захаровым с целью обозрения учебных заведений Мезенская и Холмогорская городские думы согласились выделить незначительные средства на содержание школ. Однако из-за отсутствия педагогов открыть училища в этих уездных городах так и не удалось.

Открытие Архангельского уездного училища произошло в 1811 г., когда Архангельская городская дума согласилась выделить на нужды училища 133 руб. 39 1/4 коп. в год[585].

В целях привлечения дополнительных финансовых средств со стороны благотворителей в 1811 г. вышло в свет постановление Министерства народного просвещения «О почетных смотрителях», которое разрешало назначать почетных смотрителей в уездные училища из местных помещиков и гарантировало им некоторые льготы. Деятельность почетных смотрителей приравнивалась к государственной службе и давала возможность получения

---

582 ГААО. Ф. 1. Оп. 3. Д. 333. Л. 6-8.
583 Там же. Д. 308. Л. 14.
584 Там же. Л. 24.
585 Там же. Ф. 127. Оп. 1. Д. 1. Л. 53 об.

чина и наград[586]. Кандидаты на эту должность утверждались министром народного просвещения. Устав 1828 г. подтвердил полномочия почетных смотрителей. Как уже было выше сказано, должности почетных смотрителей не встраивалась в систему ведомственного подчинения училищами. Это были лица, добровольно принявшие на себя обязанности по оказанию материальной поддержки школам. Устав расширил их функции контроля над школами «для лучшего надзора за уездными училищами и содействия успехам благосостояния оных»[587].

В Олонецкой губернии в первой половине XIX в. почетными смотрителями уездных училищ являлись купцы, отставные чиновники и бывшие военные. Судя по архивным документам, должность почетных попечителей они занимали непродолжительное время, а внесенные ими единовременные пособия составляли от 10 до 150 руб. в год и, соответственно, не могли влиять на финансовое благополучие училищ. Так, в Олонецкой губернии смотрителями Вытегорского уездного училища являлись: бывший служащий Правления II округа Ведомства путей сообщения и публичных зданий П. А. Сухачев (1841-1846) и купцы Максимов (1829 г.), Л. Редуев (1827-1832 гг.). Смотрителем Каргопольского училища был капитан Дернов (1812 г.) и купцы А. Чижкоев (1839 г.), М. С. Копосов (1838-1839 гг.), смотрителем Петрозаводского – отставной капитан III ранга морской артиллерии А. Федоров (в 1829 г.)[588], Олонецкого – титулярный советник Климовский (1812 г.), купцы С. Васильев (1837 г.) и Я. И. Воронов (1842-1846). По «Ведомости о состоянии учебных заведений по ведомству Департамента народного просвещения» за 1824 г. среди северных губерний Санкт-Петербургского учебного округа почетных смотрителей имели только уездные училища Вологодской губернии[589].

---

[586] О почетных смотрителях // Периодическое сочинение о успехах народного просвещения. 1811. № 31. С. 136.
[587] Устав гимназий и училищ уездных и приходских...
[588] ЦГИА СПб. Ф.139. Оп. 1. Д. 847. Л. 4.
[589] ЖМНП. 1825. Кн. 1. С. 334.

Заметным событием в жизни Олонецкого уездного училища стало пожертвование в июне 1827 г. олонецким купцом 3-й гильдии Лукой Редуевым половины собственного дома под нужды училища. Побывав в уездном и приходском училищах г. Олонца на открытых публичных испытаниях, «будучи доволен» успехами учеников и «имея ревность на их дальнейшее обучение», он пожертвовал в пользу училища «весь нижний этаж, состоящий в семи комнатах, со всеми принадлежащими к оному службами… впредь на четыре года без всякой платы»[590]. «За таковое приношение» в сентябре 1832 г. по предложению Совета Петербургского университета решением министра народного просвещения К. А. Ливена купцу Редуеву была объявлена благодарность, его было положено «наименовать почетным благотворителем и имя его выставить на черную доску с означением пожертвования»[591].

Еще одним из благотворителей был П. А. Сухачев, который в 1841-1846 гг. ежегодно жертвовал в пользу Вытегорского уездного училища по 100 руб. Значительный взнос в адрес Олонецкого уездного училища внес Я. И. Воронов в 1843 г.: 100 руб. и 95 книг в школьную библиотеку на сумму 867 руб. 85 коп.[592]

Однако такие масштабы благотворительности были редки. Чаще надежда на улучшение материального положения школ в уездных городах за счет спонсорской помощи дворянства и купечества не имела успеха.

В других губерниях Санкт-Петербургского учебного округа финансовая помощь, оказанная уездным училищам, была более масштабной. Так, по данным А. С. Воронова, за первую четверть XIX в. сумма пожертвований в пользу уездных училищ Архангельской губернии составила 1832 руб. 09 коп., в пользу училищ Вологодской – 14 761 руб. 14 коп. Одними из самых серьезных пожертвований в это время стали в Вологодской губернии – подаренный купцом И. А. Холодиловым каменный дом Тотемскому

590 НА РК. Ф. 17. Оп. 5. Д. 3/6. Л. 6.
591 Там же. Л. 27.
592 ЦГИА СПб. Ф. 139. Оп. 1. Д. 4893. Л. 34.

уездному училищу (дом оценивался в 4000 руб.), а также в Архангельской – денежные средства для ремонта Онежского училища, направленные жителями г. Онеги в 1806 и 1817 гг.[593]

Плата, введенная в феврале 1819 г. за обучение в уездных училищах (10 руб. в год) не могла изменить их скудное материальное положение. В постановлении Министерства народного просвещения «О назначении платы за учение по тем училищам, где сие окажется нужным» отмечалось, что уездные училища, «оставаясь на одном содержании от казны по штату,… терпят в сем случае крайнюю нужду»[594]. Надежды на увеличение размеров благотворительности были зыбкими, прежде всего, из-за малочисленности учащихся, а значит, их родителей, способных стать благотворителями.

На какие нужды тратили уездные училища средства, отпускаемые от казны (1600 руб. в год)? Как правило, большая часть средств уходила на жалованье педагогам, смотрителю и сторожу училищ. Так, согласно приходно-расходным ведомостям Олонецкого уездного училища за 1824-1829 гг. основной статьей расхода было жалованье учительскому персоналу (891 руб. 25 коп.) и сторожу – 95 руб. в год. Остальные суммы расходов оплачивали наем училищного дома – 45 руб., покупку свечей, дров и канцелярских принадлежностей – 260 руб., приобретение книг для училищной библиотеки – 50 руб.: всего – 1341 руб. Неизрасходованные средства (экономическая сумма) составили 258 руб. 75 коп.[595]. Как видно из документа, сумма расхода была ниже доходной части бюджета училища. В случаях дефицита бюджета, а это, как правило, было редким явлением, недостаточные суммы покрывались за счет экономической суммы или банковского процента от училищного капитала[596]. Очевидно, что

---

[593] Воронов А.С. Историко-статистическое обозрение… СПб., 1849. С. 251-253; ГАВО. Ф. 438. Оп. 3. Д. 260; ЦГИА СПб. Ф. 139. Оп. 1. Д. 1779.

[594] О назначении платы за учение по тем училищам, где сие окажется нужным // ЖМНП. 1821. Ч.2. С. 286.

[595] НА РК. Ф. 17. Оп. 5. Д. 2/5. Л. 27.

[596] Денежные средства школ находились в Государственном банке, доходы от банковского процента являлись экономической суммой училищ.

выделенных из казны средств хватало только на самое необходимое: жалование учителям, покупку для школы дров, свечей, незначительное пополнение учебно-материальной базы, библиотечных фондов. На ремонт училищных зданий денег не было.

Таким образом, казна почти на 100% финансировала уездные училища на протяжении всей первой половины XIX в. Городские думы, как правило, ограничивались выделением денежных средств только на содержание городских приходских школ. При недостатке средств, а также отсутствии педагогических кадров случались длительные перерывы в деятельности школ. Например, в связи с этими трудностями в 1812 г. было закрыто Мезенское училище Архангельской губернии, а Белозерское уездное училище Новгородской губернии не работало в течение четырех лет (1823-1826 гг.).

По утвержденному штатному расписанию (1803 г.) в уездном училище полагалось два учителя. Один преподаватель обучал всеобщей и российской истории, всеобщей и российской географии, арифметике, геометрии, физике, естественной истории, технологии и рисованию, второй – Закону Божьему, Священной истории, российской грамматике и чистописанию. Недельная нагрузка каждого учителя составляла 28 часов. В учебном Уставе 1828 г. число преподавателей в училищах увеличивалась до пяти: законоучитель вел Закон Божий, Священную и Церковную историю, 2-й учитель-предметник преподавал русский язык, 3-й – арифметику и геометрию, 4-й – историю и географию, 5-й – рисование, черчение и чистописание. Но необходимость увеличить число учителей больше всего затрудняла преобразование училищ по новому Уставу.

Во второй четверти XIX в. контроль над школами значительно усилился. Основные надзорные функции по Уставу 1828 г. оставались за штатными смотрителями, которые проживали в училищном доме и обязаны были «о необыкновенных происшествиях немедленно доносить в вышестоящие

инстанции»[597]. Кроме того, предусматривалось назначение штатных смотрителей из состава учителей на каждый уезд, а не как было ранее, когда один смотритель ведал учебными заведениями двух или трех уездов одновременно.

Учебный план уездных училищ был предложен Уставом 1804 г. (ст. 85). В план были включены Закон Божий, российская грамматика, всеобщая и русская география, всеобщая и русская история, арифметика, начальные правила геометрии, начальные правила физики и естественной истории, начальные правила технологии, относящиеся к хозяйству края и его промышленности, рисование, изучение книги «О должностях человека и гражданина», которая с 1786 г. применялась в народных училищах как официальное пособие, рассчитанное на воспитание гражданского и политического сознания и верноподданности. Всего в плане значилось 15 учебных предметов. Курс обучения составлял всего 2 года. Многопредметность создавала непосильную нагрузку для учащихся и, по мнению многих деятелей народного образования, являлась одной из причин неуспешности уездных училищ в начале XIX в. 8-10-летним детям трудно было разобраться в пестрой картине изучаемого материала, запомнить основные положения учебной программы. Очевидно, что поставленные Уставом 1804 г. задачи уездных училищ были завышены и потому и не были решены. «Опыт показал бесполезность такого учебного плана и невозможность выполнить его, если бы он даже имел за собою какое-либо педагогическое обоснование, почему в мое время многие предметы сошли с росписи»[598], – вспоминал профессор Московского университета М. П. Погодин – выпускник уездного училища того времени.

Изменение учебного плана уездных училищ последовало в 1819 г. по предложению попечителя Санкт-Петербургского учебного округа С. С. Уварова. В предложенный Главным Правлением училищ новый «план

---

[597] Устав гимназий и училищ уездных и приходских.
[598] Погодин М.П. Школьные воспоминания 1814-1820 гг. С. 882.

учения» для уездных училищ вместо 15 вошло всего 8 предметов: Закон Божий, чтение из Священного Писания, российская грамматика, чистописание, правила слога с письменными практическими упражнениями, краткая всеобщая и российская география, краткая всеобщая и российская история, арифметика и начальные правила геометрии и физики, рисование.

Устав 1828 г. отменил преподавание физики и естествознания и увеличил учебный курс до трех лет. Преподавание отдельных предметов усиливалось введением практических занятий для учащихся. Например, по русскому языку больше часов уделялось на синтаксический и этимологический разбор слов, выучивание прозы и стихотворений наизусть, а также письменное изложение прочитанного и написание собственных сочинений. По арифметике и геометрии авторами реформы предлагались задачи с практическим применением правил науки к реальной жизни. По истории значительное предпочтение оказывалось изучению русской, а не всеобщей истории[599]. Таким образом, значительное сокращение числа изучаемых предметов, усиление внимания практическим занятиям упрощали учебную программу и повлияли на улучшение качества обучения учащихся в уездных училищах.

Во второй четверти XIX в. в уездных училищах школах разрешили открыть дополнительные курсы для получения учащимися какой-либо профессии. В частности, предполагалось обучение «тем искусствам и наукам, коих знания наиболее способствует успехам в оборотах торговли и в трудах промышленности»[600]. Приоритет отдавался курсам по судопроизводству, коммерческим наукам и бухгалтерии, механике, технологии, рисованию, правилам архитектуры, сельскому хозяйству и садоводству. Такие реальные отделения при училищах с 1836 г., смотря по местным потребностям, с разрешения Министерства народного просвещения, могли открывать горожане или общества без пособия от правительства. Однако новшество не

---

[599] Воронов А.С. Историко-статистическое обозрение… СПб., 1855. С. 204-206.
[600] Устав гимназий и училищ уездных и приходских.

вызвало интереса у промышленного сословия, которое считало, что учебная программа уездных училищ и так слишком обширна.

Попечитель Петербургского учебного округа князь М. А. Дондуков-Корсаков в 1837 г. признал наиболее полезным открытие реальных отделений в Кронштадтском, Новоладожском, Боровическом, Валдайском, Тихвинском, Великоустюжском, Псковском, Новгородском и Вологодском уездных училищах. В частности, в Вологодской губернии первоначально предполагалось открыть при Вологодском и Устюжском училищах реальные курсы, включавшие преподавание практической механики и счетоводства. При Грязовецком, Тотемском, Сольвычегодском и Яренском училищах – курсы агрономии. Но организация реальных курсов осложнялась недостаточной общеобразовательной подготовкой учащихся, невозможностью практического применения этих знаний в уездных городах, а также нехваткой учителей, способных преподавать практические предметы и отсутствием методических руководств. В Вологодской губернии введение планируемых курсов не осуществилось, а многие из организованных курсов вскоре были закрыты.

В Архангельской губернии по инициативе архангельского губернатора П. В. Степанова в 1840 г. были учреждены курсы навигации – при Архангелогородском уездном училище. В 1843 г. за счет Министерства юстиции в Рождественском, Псковском и Новгородском уездных училищах для желающих получить профессию помощника землемера был открыт дополнительный курс землемерия. В Вытегорском уездном училище Олонецкой губернии предполагалось ввести с сентября 1845 г. дополнительный курс купеческой бухгалтерии и российского товароведения. Правда, по распоряжению попечителя округа М. Н. Мусина-Пушкина его преподавание началось в виде дополнения к существующему в училище арифметическому курсу, а не как самостоятельный учебный предмет. В уездных училищах Вологодской губернии бесплатно преподавались некоторые предметы, не входившие в учебный план уездных училищ: с 1835

по 1852 г. для желающих учеников безвозмездно преподавались: в Устюжском училище – французский и латинский языки, в Грязовецком, Кадниковском и Тотемском – латинский, в Вологодском – латинский, немецкий язык и алгебра.

Как правило, уездные училища северных губерний не имели специальных оборудованных школьных помещений. Первоначально они располагались в училищных домах совместно с гимназиями (как Архангельское, Вологодское и Петрозаводское уездные училища), в общественных зданиях, принадлежащих Приказам общественного призрения или в наемных домах городских обывателей, и были плохо приспособлены для потребностей обучения. Перемещение училищ, не имевших собственных зданий, зависело от решения городских обществ, смотревших с недоверием на общественную школу.

Некоторые уездные училища помещались в одном доме с городским магистратом, сиротским судом, богадельней и другими учреждениями местного самоуправления. В Каргопольское училище Олонецкой губернии помещалось в общественном здании. Яренскому (1805 г.) и Грязовецкому (1823 г.) уездным училищам Вологодской губернии при открытии также отведены комнаты в городских присутственных местах.

Некоторые из уездных училищ Архангельской (Шенкурское, Кемское) и Олонецкой (Каргопольское и Олонецкое) губерний размещались в арендуемых частных домах, где небольшие по размеру комнаты (классные помещения) не могли вместить всех желающих учиться. Поскольку расходы на содержание училищных зданий не предусматривались штатами и не выделялись дополнительно, долгое время эти помещения оставались без ремонта.

В уездных городах Вологодской губернии уездные училища располагались в домах пожертвованных местными благотворителями: из 7 уездных училищ 5 располагались в таких зданиях. Тотемское уездное училище с 1805 по 1810 г. безвозмездно помещалось в каменном доме майора Панова, потом до 1843 г. в собственном деревянном и «весьма

удобном доме», который в 1810 г. был подарен училищу купцом И. А. Холодиловым. Яренское училище с 1820 по 1835 гг. помещалось в половине деревянного дома, пожертвованной коллежской секретаршей Марией Жеребцовой. Здание для Грязовецкого училища в 1829 г. было перестроено на средства городского головы, купца Гудкова и его братьев Павла и Андрея. Во время постройки здания они внесли значительные пожертвования, построив за свой счет при училищном доме новые службы, забор и ворота. В 1840 г. городской голова г. Грязовец Гудков за переустройство дома училища, был награжден золотою медалью на Александровской ленте. Кадниковское уездное училище с 1837 г. помещалось в доме помещицы Богословской, первоначально нанятом для него, а затем приобретенного почетным смотрителем М. А. Волоцким за собственный счет. В 1838 г. к училищному дому был пристроен новый флигель для квартиры штатного смотрителя, а сам дом перешел в собственность училища. Устьсысольское уездное училище, со времени открытия его в 1840-1842 гг., находилось в деревянном доме, пожертвованном купцом Новоселовым.

Чаще всего в училищных домах вместе с классным помещением располагались квартиры учителей, а так как свободных комнат не хватало, то некоторым педагогам приходилось проживать прямо в классе. В сложных условиях существовало уездное училище в Вытегре. В своем отчете по обозрению Вытегорского уездного училища в 1815 г. смотритель С. С. Полидоров так описывал директору училищ Н. П. Ушакову обстановку училищного помещения, которое не могло вместить всех желающих учиться. «От такой многочисленности, замыкающейся в тесном покое, происходит духота, вредная для здоровья, а наипаче в такое время, когда двери и окна должны быть затворены. Для учителя же самого, кроме тесноты, нет никакой кладовой для хозяйственного запаса. За всем тем дом ветх и печи растрескались, одним словом, весьма неудобен для училища и для жительства»[601].

---

[601] Сметанин В.А. На пользу народного просвещения... С. 99.

Училища страдали от пожаров, во время которых, как правило, полностью сгорали училищные дома, уничтожалось все школьное имущество. После таких событий надолго прекращались учебные занятия, училище перемещалось в неустроенные наемные дома, а на восстановление прежних училищных домов уходило длительное время. Пожары в доме Сольвычегодского училища были в июне 1819 г. в сентябре 1841 г. Во время пожара в г. Сольвычегодске 1819 г. выгорела почти половина города, сгорело училище, находящееся в доме титулярной советницы Мудровой. Пожар привел «семейство ее в несчастное положение». В училище спасли казну и библиотеку, сгорела вся мебель, книги и учебники, не розданные ученикам, также сгорели[602]. В июне 1843 г., сгорело здание училища в Тотьме «со всеми принадлежавшими ему службами». В отчете штатного смотрителя П. Яблокова «О состоянии Тотемского уездного училища от 26 февраля 1844 г.» отмечалось, что после пожара училище помещалось в старом доме присутственных мест, «в покоях представляющих чрезвычайную ветхость и неопрятность, где находились прежде уездный суд и казначейство»[603].

Во второй четверти XIX в. многие уездные училища получили возможность приобретения собственных училищных домов. Этому способствовали средства, накопленные учебными заведениями в банке экономические суммы, а также благотворительная помощь. В Вологодской губернии в 1834 г. таким образом был куплен каменный дом для Сольвычегодского училища, в 1835 г. деревянный дом для Яренского училища, в 1837 г. каменный трехэтажный дом макарьевского купца Кокорева для Вологодского училища; в 1844 г. двухэтажный каменный дом для Великоустюжского училища; в 1850 г. каменный двухэтажный дом у мещан Сухановых для Устьсысольского училища; в 1852 г. деревянный дом двухэтажный на каменном фундаменте с флигелем для Тотемского училища.

---

602 ГАВО. Ф. 438. Оп. 3. Д. 55. Л. 42.
603 Там же. Д. 1480. Л.16.

В Архангельской губернии здания для уездных училищ были построены в 1847-1848 гг. в Онеге и Кеми[604].

В октябре 1804 г. исполняющий должность попечителя Санкт-Петербургского учебного округа П. А. Строганов писал олонецкому губернатору В. Ф. Мертенсу: «Многие училища часто терпят недостаток в самых нужных вещах или по недостатку сумм, выделяемых Приказами общественного призрения и градскими обществами на содержание оных, или по не отпуску оных в определенное время»[605]. Проблема недостаточного финансирования уездных училищ сохранялась на протяжении всей первой половины XIX в.

Организация процесса обучения наталкивалась на непонимание обществом пользы получения грамоты для своих детей. Обычной причиной неявки детей в школу являлось оставление их дома для домашней работы и бедность родителей. Так в объяснении смотрителя училищ С. С. Полидорова старшему учителю Олонецкой гимназии М. И. Троицкому, обозревавшему Каргопольские уездное и приходское училища в июне 1815 г., сообщалось, что «сами родители познания свои ограничивают чтением и письмом. Они так ведут и детей их, разве прибавят к тому начальные познания в арифметике. ...Бедность состояния не дозволяет детям их оставаться долгое время в училищах. Два года учения их, а ежели более, превышает уже меру терпения их родителей. Частые к тому же в столь короткое время отлучки по домашним занятиям и промышленности, разумеется, препятствуют утвердиться в юных самым даже первоначальным понятиям»[606].

Введенная повсеместно плата за обучение (с 1821 г. в Вологодской дирекции – по 8 руб. в год, в Архангельской – с 1826 г. введена – 9 руб. в год, в Олонецкой – с 1838 г. – по 4 руб. в год) также повлияла на численность обучающихся в уездных училищах. По данным смотрителя Тотемских училищ Вологодской дирекции М. В. Савинова со времени открытия

---

604 ЦГИА СПб. Ф. 139. Оп. 1. Д. 5190. Л. 35; ЖМНП. 1848. Ч. 58. С. 8.
605 НА РК. Ф. 29. Оп. 1. Д. 21/166. Л. 4-4 об.
606 Там же. Ф. 17. Оп. 5. Д. 1/1. Л. 393-395.

училища с 1805 г. до 1822 г. число учащихся постоянно увеличивалась, но с 1822 г., после введения платы количество учащихся сократилось наполовину. Дворянских и купеческих детей в училище не было, при бедности родителей платить за обучение было некому, а приказнослужители при скудости жалованья и при офицерском чине считали унижением и стыдом для себя представлять свидетельства о бедности. Как указывал смотритель, были и другие причины убыли учеников, такие как переезды в другой город для торговли и хозяйственных занятий, крайняя бедность[607].

В связи с этим уездные училища долгое время оставались малочисленными (от 1 до 25 учеников). Например, в 1816 г. в Каргопольском уездном училище обучалось 4 ученика[608], в 1818 г. в Олонецком – 7 учеников[609], а в 1827 г. директор Олонецких училищ С. А. Башинский, заручившись поддержкой городничего г. Олонца, отчитывался перед ректором Петербургского университета А. А. Дегуровым по поводу малого числа учащихся в Олонецком уездном училище, где обучался в тот момент только 1 мальчик[610]. В донесении директора была представлена информация о причинах непосещения детьми училища, при этом указывалось, что учитель А. Ильинский оказал «в учении учащихся старание и примерное поведение»[611] и вины преподавателя в малой численности учеников нет. Директор выразил надежду, что в следующем учебном году их будет больше.

Устав 1828 г. изменил положение уездных училищ. Их численность значительно выросла. Если в 1828 г. в Санкт-Петербургском учебном округе действовало 41 уездное училище[612], то в 1855 г. их было 64[613]. Эти заведения перестали служить подготовительной ступенью для гимназии, получили автономность, соответствовавшую требованиям городского сословия,

---

607 Отто Н.К. Вологодская дирекция училищ… С. 133.
608 ЦГИА СПб. Ф. 139. Оп. 1. Д. 1630. Л. 28.
609 Там же. Д. 1878. Л. 52.
610 НА РК. Ф. 17. Оп. 5. Д. 2/3. Л. 270.
611 Там же. Л. 291.
612 Воронов А.С. Историко-статистическое обозрение… СПб., 1849. С. 162-163.
613 Отчет министра народного просвещения за 1855 г. … С. 54-75.

лишние предметы были исключены из учебного курса. Большинство учащихся в уездных училищах составляли дети купцов, мещан, ремесленников и небогатых дворян.

Качество обучения и уровень успеваемости в уездных училищах был еще низким. Так в 1836 г. при обозрении Олонецкой дирекции инспектором казенных училищ Санкт-Петербургского учебного округа П. П. Максимовичем большинство выявленных недостатков в учебной работе касались уездных училищ. Например, Вытегорское училище, по мнению инспектора, находилось в неудовлетворительном состоянии, несмотря на то что «в Вытегре, как в торговом городе, должно стоять на лучшей степени устройства во всех отношениях». В училище «нет единства в направлении к образованию детей… Из Закона Божия дети почти ничего не знают»[614]. В Олонецком уездном училище «законоучитель протоиерей Богославский преподает… географию, и дети из нее почти ничего не знают. В русском языке, как в истории, дети слабы, в арифметике так же. Вообще Олонецкое уездное училище принадлежит к посредственным», причиной этого инспектор полагает «более то, что многие ученики карелы и мало понимают русский язык»[615].

Характеристика низкого уровня знаний, полученных учащимися в уездных училищах Вологодской губернии была дана корреспондентом газеты «Вологодские губернские ведомости» Ф. Сбоевым: «эти знания имеют большей частью только формальные, усвоенные памятью [учащихся. – *Е. К.*] из бедных руководств... и потому очень естественно, что при выходе из школы в жизнь действительную, они забываются, как не отвечающие требованиям этой жизни»[616].

Слабая профессиональная подготовка учителей уездных училищ также оказывала негативное влияние на качество обучения. Большинство педагогов

---

[614] НА РК. Ф. 17. Оп. 5. Д. 6/13. Л. 72-74 об.
[615] Там же.
[616] Сбоев Ф. Старая песня на новый лад // Вологодские губернские ведомости (далее ВГВ). 1859. № 13.

этих учебных заведений являлись выпускниками губернских гимназий. И даже имея значительный запас знаний по отдельным предметам, они не были знакомы с методикой преподавания, способами ведения уроков и педагогическими приемами. Как отметил исследователь истории просвещения В. В. Григорьев, «учителя уездных училищ, поступающие из гимназий, духовных семинарий,… будучи незнакомы с педагогическими и воспитательными требованиями, ограничиваются в большинстве случаев только механической стороной учебного дела, ученики не получают требуемого развития, к тому же мало заботятся о воспитании»[617].

Таким образом, недостаточное государственное финансирование ставило эти учебные заведения в тяжелое положение. В отчете И. А. Никольского, директора Архангельской дирекции училищ за 1846 г. отмечалось, что Шенкурское уездное училище самое беднейшее… это училище не может не оставить грустного впечатления по чрезмерной бедности и малозначительности учащихся и даже может показаться, что оно состоит в упадке»[618].

Наряду с уездными училищами в провинциальных городах действовали городские приходские училища. Законодательные акты начала XIX в. предназначали приходские училища «для нравственного образования граждан, соответственно обязанностям и пользам каждого состояния»[619]. Эти училища являлись первой, начальной ступенью общеобразовательной системы, давали элементарные знания в русской грамматике, арифметике, чтении и Священной истории, готовили учащихся к поступлению в уездные училища. Учебная программа училищ соответствовала уровню начальной школы.

Особое место в деятельности этих школ уделялось воспитательной работе. Так, учитель, работающий в них, должен был наставлять учащихся «в благонравии, в обязанностях государю, начальству и ближнему, и вообще

---

617 Григорьев В. В. Исторический очерк русской школы. М., 1890. С. 325.
618 ЦГИА СПб. Ф. 139. Оп. 1. Д. 5190. Л. 45 об.
619 Предварительные правила народного просвещения. Ст. 2.

простым, ясным [объяснением. – *Е. К.*] и состоянию учащихся соответственным образом стараться дать им правильное понятие о вещах»[620].

Городские начальные школы стали открываться в губернских и уездных городах России с 1804 г. Однако работа по их повсеместному распространению, особенно в отдаленных городах, затягивалась на неопределенное время из-за отсутствия пригодных зданий и подготовленных учителей.

Вопрос об источниках финансирования начальных училищ был одной из самых серьезных проблем их организации, поскольку на их содержание государственных средств не выделялось. Городские общества должны были сами изыскивать возможности и способы открытия начальных школ. В Олонецкой губернии только Петрозаводское, Олонецкое, Вытегорское и Каргопольское городские общества согласились выделить от 300 до 800 руб. в год[621]. В Олонце городская Дума определила сумму в 300 руб. (150 – учителю и 150 – на содержание училища), обещая увеличить сумму до 750 руб. в 1805 г., в Вытегре – 378 руб. (300 – учителю и 78 – на содержание здания), а с 1805 г. – 400 руб., в Каргополе – 230 руб. (150 учителю и 80 – на содержание здания), а с 1805 г. – до 250 руб.[622] В дальнейшем эти суммы были увеличены. Так, в 1810 г. Петрозаводская городская дума выделила на приходское училище 400 руб., Вытегорская – 800 руб., Каргопольская и Олонецкая – по 300 руб. каждая[623].

Горожане остальных уездных центров (Повенца, Лодейного Поля) ответили отказом: «В нашем обществе никаких доходов не имеется»[624]. В Пудоже обещали выделить на школу с 1805 г. только 25 руб. В феврале 1805 г. директор училищ А. Е. Крылов сообщил исполняющему должность попечителя Санкт-Петербургского учебного округа графу П. А. Строганову: «уездные… города Повенец, Пудож, Лодейное Поле по малолюдству и по бедности граждан оные населяющих, как равномерно и по неимению

---

620 Там же.
621 ЦГИА СПб. Ф. 139. Оп. 1. Д. 133. Л. 2-5 об.
622 Там же.
623 Там же. Д. 454. Л. 115 об.-117.
624 НА РК. Ф. 29. Оп. 1. Д. 21/166. Л. 35, 43, 46.

никаких градских доходов, находятся не в состоянии учредить и содержать положенные по штату уездные училища, коих там и в заведении никогда не было. Почему дети граждан и чиновников, там по службе пребывающих, лишены всех способов к просвещению»[625].

В Олонецкой губернии из 10 уездных городов приходские училища появились в четырех, в Вологодской – из 10 уездных городов – в семи, в Архангельской – из 10 уездных центров – в четырех. Отметим, что городские общества Олонецкой губернии (Петрозаводск, Вытегра, Каргополь и Олонец) согласились выделять деньги на содержание начальных школ, однако отказываясь при этом содержать уездные училища. Именно в этих городах Олонецкой губернии и появились первые городские приходские училища. Эта картина соответствовала общероссийской статистике. В 1808 г. в России было организовано 124 приходских училища, в которых обучалось 3075 учащихся[626]. Не все уездные центры проявляли «ревность к просвещению». Следует отметить, что в Вологодской губернии городские приходские училища были открыты и в заштатных городах: в Ляльске, Красноборске, Верховажске.

В отчете по Петербургскому учебному округу за 1829 г. есть яркая характеристика тщетности усилий, предпринимаемых олонецкой дирекцией по открытию приходского училища в Лодейном Поле на средства города. Дирекция обратилась к городскому обществу «с приглашением к назначению ежегодной суммы на содержание оного». Общество «отказалось по бедности от взноса, какой бы то ни было суммы, уничтожив надежду об учреждении такового училища на счет города», что и остановило «дальнейшие действия училищного начальства по сему предмету в других, еще беднейших городах»[627].

---

[625] Там же. Ф. 27. Оп. 2. Д. 57/3. Л. 10.
[626] Периодическое сочинение о успехах народного просвещения. 1808. № 23.
[627] Санкт-Петербургский университет в первое столетие его деятельности. 1819-1919. Материалы по истории Санкт-Петербургского университета. Т. 1. 1819-1835. Пг., 1919. С. 665.

Организация начальных школ в уездных городах России, как и уездных училищ, продолжалась до 1853 г. Еще до реформы 1828 г. в Архангельской губернии приходские училища существовали в г. Архангельске, Кеми, Онеге и Шенкурске. Другие училища (2-е Архангельское, Кольское, Пинежское) были открыты гораздо позже – в 1835-1844 гг., а в Холмогорском и Мезенском уездах имелись только уездные училища. В Вологодской губернии до 1828 г. работало 6 начальных школ: в Вологде, Вельске, Тотьме, Верховажске и Великом Устюге (два училища), в других уездных городах Кадникове, Устьсысольске, Никольске, а также в заштатных городах Ляльске, Красноборске начальные училища были открыты в 1834-1847 гг. В Олонецкой губернии в Лодейном Поле, Пудоже, Повенце школы появились в 1836 г.

Открытие школы всегда становилось значительным событием в жизни провинциального города, и информация об этом попадала в «Губернские ведомости»[628]. Так об открытии приходского училища в г. Кола в 1839 г. «Архангельские губернские ведомости» сообщали: «День открытия был радостным для всех родителей, не имеющих никаких средств для первоначального обучения детей своих…, кроме того, многие отцы семейств просили смотрителя о принятии детей их по возвращении с рыбных и звериных промыслов»[629]. «Вологодские губернские ведомости» информировали своих читателей об открытии 3 мая 1838 г. второго приходского училища в Вологде: «на средства здешнего купечества 3-ей гильдии… из добровольной складки»[630].

Вместе с тем в целях экономии денежных средств при уездных училищах открывали низшие отделения с программой приходского школы[631].

---

[628] Об открытии 2-го приходского училища в г. Архангельске // АГВ. 1839. № 48; П.Я. Открытие в сопредельном Соломбальском селении приходского училища // Там же. 1859. № 28.

[629] Об открытии в г. Коле приходского училища // АГВ. 1839. № 16; Открытие училища в г. Кола // Прибавление к АГВ. 1839. № 16.

[630] ВГВ. 1838. № 19.

[631] В отчетах училищных дирекций такие классы обычно назывались «подготовительными».

Например, в Санкт-Петербургском учебном округе в 1828 г. было открыто 23 таких «подготовительных» класса, а в 1853 г. в г. Санкт-Петербурге работало 17 низших классов, в Архангельской губернии – 5, в Вологодской – 2[632]. В «Ведомостях о состоянии Архангельской дирекции училищ» в течение всей первой четверти XIX в. Архангельское приходское училище именовалось как «Архангельский приготовительный класс». Практика создания приготовительных классов уездных училищ в малых городах продолжалась до 1860-х гг.

Таким образом, во второй четверти XIX в. наблюдается значительный рост численности городских приходских училищ. Если в 1832 г. в уездных городах Российской империи насчитывалось 552 начальные школы, то в 1855 г. их количество возросло до 1106 (49 101 учащихся)[633]. Тем не менее, на территории Российской империи были уездные центры, в которых не было ни одной городской общественной школы.

Как правило, численность учащихся в приходских училищах была значительной. Они привлекали горожан своей несложной программой и небольшим сроком обучения. Численность учащихся в городских приходских училищах превышала численность обучающихся в уездных. Так, в Петрозаводском приходском училище в 1807/08 учебном году обучалось 73 ученика, а в 1808/09 гг. – уже 109 учащихся. При этом в численность учеников в Олонецкой гимназии и Петрозаводском уездном училище за 1808/1809 учебный год была гораздо ниже. Так в гимназию посещало только 13 воспитанников, а в уездном училище – 65 человек[634].

На протяжении первой половины XIX в. в приходских училищах обучалось от 51 до 157 учащихся. Сильная перегруженность помещений большим количеством учеников (иногда до 70–80 в одном классе) делала условия обучения очень сложными как для учителя, так и для детей. В рапорте архангельского гражданского губернатора сообщалось, что в

---

632 Воронов А.С. Историко-статистическое обозрение… СПб., 1855. С. 219-220.
633 Отчет министра народного просвещения за 1855 г. … С. 54-75.
634 ЦГИА СПб. Ф. 139. Оп. 1. Д. 360. Л. 39; Д. 439. Л. 5.

Архангельском приходском училище численность детей в июле 1839 г. достигла 105 человек и «вероятно увеличилась бы еще больше, если б не помещение училища… Таковые приращения в числе учеников всего показывает стремление обывателей города к образованию своих детей»[635].

Из-за многочисленности желающих получить начальное образование в городах одновременно открывалось несколько приходских училищ. Эта практика относится еще к началу XIX в. Так, в ноябре 1810 г. в г. Устюге Вологодской губернии было открыто 3 приходские училища в разных частях города. Одним из них было Пятницкое приходское училище, при Прасковьинской церкви, в котором священник А. Иванов не только принял на себя безвозмездное исправление должности учителя, но и бесплатно предоставил помещение для училища в своем доме, а также взял все расходы по училищу на свой счет. Однако по неимению средств школа была закрыта в феврале 1814 г.[636]

В Вологодском приходском училище с начала его организации постоянно обучалось 50-60 учеников в одном классе. Это создавало большие трудности для работы учителя. В связи с этим Вологодская дирекция училищ прилагала различные усилия для открытия в г. Вологде еще двух приходских училищ и регулярно обращалась в городскую думу с просьбами о выделении дополнительных средств для их организации. Только в 1838 г. на счет купеческого сбора в Вологде было обустроено второе приходское училище, в котором обучалось от 30 до 50 человек[637].

В Архангельске второе приходское училище было открыто в 1840 г. в с. Кузнечное ибо, таким образом, «во второй части города могут воспользоваться сиим заведением и дети Соломбальских жителей» (с. Кузнечное и Соломбала пригороды г. Архангельска). Средства на содержание училища были определены из бюджета городской думы – 1555

---

635 ГААО. Ф. 61. Оп. 1. Д. 79. Л. 1.

636 А.Л. Для истории вологодской дирекции училищ // Памятная книжка для Вологодской губернии на 1860 г. Вологда, 1860. С. 75.

637 Отто Н.К. Вологодская дирекция училищ… С. 102.

руб. в год. Школа разместилась в наемном доме Ф. Рудакова с оплатой по 142 руб. 8 коп. в год, учителем назначили Е. Карельского, законоучителем – Ф. Шанявина[638].

Число учащихся в разных городах варьировало довольно сильно. Вытегорское приходское училище пользовалось большей популярностью у жителей города, его посещали от 40 до 55, тогда как в Олонце всего от 5 до 15, в Каргополе – от 14 до 27 учащихся. Видимо, значительная сумма на содержание Вытегорского училища (800 руб. в год) делала благоприятной обстановку для учеников.

Для содержания училищ органы городского самоуправления вынуждены были с 1817 г. в виде опыта, а с 1819 г. повсеместно вводить плату за обучение, хотя это было отступлением от школьного устава 1804 г. Размер платы составил 5 руб. в год в городских приходских училищах, что создавало дополнительные препятствия для учащихся из беднейших слоев городского населения. Судя по архивным данным, численность обучающихся в Петрозаводском училище в 1820 г. снизилась до 58 человек, а в Олонецком – до 5.

В целях экономии из-за незначительной численности учащихся, Министерство народного просвещения попыталось ряд существующих малолюдных в то время уездных училищ преобразовывать в приходские. Такая реорганизация в 1829 г. по предложению министра народного просвещения К. А. Ливена была проведена в г. Грязовец Вологодской губернии. Министерство сделало запрос: «желают ли грязовецкие граждане, по малочисленности учащихся» заменить существующее Грязовецкое уездное училище приходским. Однако, городское общество на общем собрании в январе 1830 г., единодушно решило сохранить в Грязовце уездное училище, не понижая его статуса[639].

Интересная ситуация сложилась в Вельском уезде Вологодской губернии, где к 1826 г. действовали только 2 городских приходских училища:

---

638 ГААО. Ф. 61. Оп. 1. Д. 79, Л. 13, 31.

639 А.Л. Для истории вологодской дирекции училищ… С. 80.

одно в уездном городе Вельске, а другое в заштатном городе Верховажске. Интересно, что в г. Верховажске училище появилось в 1810 г. – на 6 лет раньше, чем в уездном городе Вельске (1816 г.). Верховажское общество определило на содержание училища 1000 руб. на 10 лет: по 100 руб. ежегодно[640]. В ноябре 1825 г. в адрес директора Вологодских училищ П. А. Шипилова поступило прошение от Верховажской городской думы с просьбой об утверждении в Верховажске уездного училища. «Хотя в здешнем Верховажском посаде имеется приходское училище, … но как таковое первоначальное образование обоего пола душ и понимающих пользы от наук происходящие, слабо и недостаточно, то вообще жители особо из купецкого сословия желают, чтобы нынешнее приходское училище было преобразовано в уездное, где круг преподавания предметов гораздо обширнее» и согласны добавлять ежегодно по 200 руб. из общественных доходов к штатной сумме уездного училища[641]. В это же время жителям Вельска также было предложено организовать уездное училище при условии материальной поддержки со стороны городского общества.

В этой конкуренции двух посадов лучшие условия для организации училища были предложены в Верховажске. Верховажская дума обещала расширить помещение для школы, увеличить средств на содержание училища. В августе 1827 г. на имя Вологодского гражданского губернатора Н. П. Брусилова поступило прошение от купца А. Н. Ярославова о разрешении на вступление его в должность почетного смотрителя Верховажского уездного училища с ежегодным взносом 200 руб.[642] Кроме того, директор училищ П. А. Шипилов лично ходатайствовал в Правление училищного комитета Петербургского университета об организации уездного училища именно в Верховажске[643]. Тем не менее вопрос остался нерешенным. Высшие училищные инстанции открыть уездное училище на

---

640 ГАВО. Ф. 438. Оп. 3. Д. 40. Л. 16.
641 Там же. Д. 614. Л. 1.
642 Там же. Д. 614. Л. 13.
643 Там же. Д. 614. Л. 2.

штатные суммы в безуездном городе не разрешили, и это несмотря на то, что в Вельске за неимением средств к 1831 г. было закрыто даже приходское училище.

Попытка преобразования приходского училища, открытого в 1835 г., в уездное не увенчалось успехом и в Никольском уезде Вологодской губернии. Инициатором организации Никольского уездного училища выступил штатный смотритель В. Круглов. Он в 1845 г. обратился с этой просьбой к городничему г. Никольска, к директору училищ, а также к купцу I-й гильдии Грибанову. В ноябре 1845 г. Никольское городское общество согласилось выделить единовременное пособие на содержание училищного дома и квартир для учителей, а купец Грибанов обещал отвести дом для училища[644]. Но вопрос так и не решился. В первой половине XIX в. в Никольском уезде действовало только одно приходское училище.

В учителя приходских училищ определялись «люди всякого состояния», доказав на испытании в уездном училище, что умеют писать, считать и читать и имеющие некоторые способности к обучению детей. При этом штатный смотритель обязательно осведомлялся об их нравственных качествах и поведении. В каждом училище работал также законоучитель, обычно это был местный священник. Так как содержание учителей было весьма скудное, то места учителей занимали люди, не получившие специальной педагогической подготовки. Чаще всего это были местные священники или выпускники губернских гимназий и уездных училищ.

В тех приходских училищах, где позволяло место, было значительное число учеников, употреблялся ланкастерский способ обучения, распространившийся в конце 1810-х г.[645]. Введение этого метода затруднялось отсутствием специальных учебных пособий и навыков преподавания у учителя.

---

[644] Там же. Д. 1542. Л. 52; Д. 1643. Л. 4.

[645] Орлов А.А. Ланкастерские школы в России в начале XIX в. // Педагогика и психология образования. 2013. № 1. С. 11-20.

Содержание приходских училищ оставалось на попечении городских обществ, которые, по недостатку средств, не всегда могли помогать школам. Выделенные на обустройство школ суммы постоянно изменялись, в зависимости от городского бюджета. В 1832 г. губернатор А. И. Яковлев обратился к городским думам Петрозаводска, Вытегры, Олонца и Каргополя с предписанием «определить раз и навсегда годовые оклады содержания помянутых заведений [приходских училищ. – *Е. К.*] и производить им оные постоянно и безостановочно»[646]. С этого времени годовой бюджет Петрозаводского приходского училища стал стабилен и составил (в ассигнациях) 1200 руб., Вытегорского, соответственно, 800 руб., Каргопольского – 455 руб., Олонецкого – 550 руб. В 1848 г. школьные бюджеты вновь были сокращены.

В истории приходских школ были и такие эпизоды, когда из-за отсутствия денежных средств учителя в течение года не получали штатного жалованья. Требования и жалобы, обращенные в городскую думу, о выплате денег обычно не давали результатов. Ответы было просты и лаконичны – денег нет. В таких случаях училище закрывали, как это случилось в г. Вельске в 1837 г. Вельское приходское училище, существовавшее с 1822 по 1837 г., в дальнейшем так и не открыли. Одной из характеристик отношения общества к деятельности городских приходских училищ могут быть слова одного городского головы: «хоть бы школа была закрыта, навсегда избавились бы от лишних хлопот, да от траты денег»[647].

Таким образом, училищные Уставы 1804 г. (ст. 162) и 1828 г. (§ 38) обязывали Думы содержать начальные школы, но так как размеры содержания не были четко определены, то в этом отношении царил произвол. Доходы городских Дум в небольших селениях были так незначительны, что их не хватало на содержание училищ. Городские общества в таком случае в

---

[646] НА РК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 8/6. Л. 8.

[647] Флорикс В. Несколько слов о приходских училищах и учителях // Журнал для воспитания. 1859. Кн. 4. С. 194.

некоторых случаях и вовсе отказывались от таких взносов. Часто деньги до школ не доходили или поступали с длительными задержками.

Значительное увеличение числа городских приходских училищ во второй четверти XIX в. последовало в результате изменения политики правительства в отношении содержания этих школ. С введением нового Устава (1828 г.) было объявлено об отделении приготовительных классов от уездных училищ и устройстве самостоятельных начальных школ. Но эта реорганизация не увенчалась успехом. Многочисленные донесения городских дум и отчеты училищных дирекций по-прежнему сообщали о несостоятельности городских обществ и отсутствии у них возможности финансировать школы. Поэтому с 1832 г. было принято решение о выделении государственных средств на организацию приходских училищ в некоторых городах России.

Материальное положение городских приходских училищ было очень разным, в зависимости от статуса города, числа городских жителей и прослойки торгово-промышленной буржуазии в их составе.

В рамках столичного учебного округа в 1830-1840-х гг. более стабильное положение было в училищах Санкт-Петербургской губернии, особенно близких к Петербургу. Из 108 начальных школ округа государством финансировались приходские училища в Павловске, Петергофе и Красном Селе (Санкт-Петербургской губернии). В Архангельской губернии на содержании казны состояли училища в Коле и Пинеге, в Олонецкой губернии – в Повенце, Пудоже, Лодейном Поле. Другие школы получали единовременное «вспомоществование». Так, небольшие государственные субсидии получили три училища в Витебской губернии и одно в Могилевской. Часть школ содержались за счет благотворительной помощи почетных попечителей: училища в Могилеве и Пскове, три училища в Витебске, в Вологде. Большая часть городских приходских училищ содержалась на средства городских обществ. Например, в Псковской губернии все 10 уездных училищ содержались городскими думами.

На такое неравномерное финансирование обратил внимание директор училищ Олонецкой губернии А. И. Иордан. В 1848 г. он составил рапорт на имя губернатора Х. Х. Повало-Швейковского, где подробно описал создавшуюся ситуацию и сделал ряд предложений по ее изменению. Он, в частности, отметил, что одной из главных причин благосостояния школ в Пудоже, Повенце и Лодейном Поле является «безостановочное», «по расписанию» получение штатных сумм из уездных казначейств. Так с 1836 г. на Пудожское и Повенецкое приходские училища выделялось по 1438 руб., на Лодейнопольское – 1288 руб.[648] Правда, в 1848 г. Повенецкое училище получило всего 414 руб., Пудожское – 442 руб., а Лодейнопольское – 374 руб., но и эти суммы, по мнению училищного начальства, были вполне «достаточны»[649].

«Совершенно на других основаниях», по словам А. И. Иордана существовали городские общественные приходские училища, находящиеся в Петрозаводске и уездных городах Олонце, Вытегре и Каргополе[650], которые содержались за счет городских доходов и зависели от городских дум. Автор записки отмечал притом, что финансирование этих школ производилось с «чрезвычайной неисправностью, беспрестанно подававшей повод к жалобам со стороны преподавателей, иногда по целому году не получавших жалованья»[651].

По мнению А. И. Иордана, разность в размерах получаемого содержания сказывалась на состоянии учебно-воспитательной работы школ, а также на положении педагогов. Там, где училища получали государственное финансирование, учителя с семействами пользовались «умеренным довольством», и напротив, учителю Петрозаводского приходского училища, «человеку холостому, при отлично скромной и бережливой жизни» невозможно было «обзавестись теплою шинелью и вицмундиром»[652]. Не получая достаточных средств для существования, педагоги вынуждены были

648 НА РК. Ф. 17. Оп. 5. Д. 7/5. Л. 319.
649 НА РК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 8/6. Л. 6.
650 Там же. Л. 7 об.
651 Там же.
652 Там же.

искать другое место работы или дополнительных заработков. Поэтому по необходимости и «более из христианского усердия к общественной пользе» учительские вакансии преподавателей приходских училищ занимали духовные лица, которые были обременены обязанностями по церковным приходам и не могли уделять обучению детей достаточно времени.

Для выравнивания материального положения приходских училищ в уездных городах губернии директор предложил увеличить суммы на содержание всех приходских училищ до 500 руб. за счет государства или же объединить уездное и приходское училища в одно учебное заведение и тем самым изменить сумму их содержания. Кроме того, Иордан представил губернатору примерные сметы объединенных школьных бюджетов.

Предложения Иордана не остались без внимания. Обсуждение данной проблемы между министерством финансов, министерством народного просвещения и министерством внутренних дел шло в течение нескольких лет.

В начале 1850 г. олонецкий губернатор Н. Э. Писарев, сменивший Х. Х. Повало-Швейковского в июле 1848 г., вновь обратился с просьбой в Министерство финансов об увеличении государственного финансирования уездных училищ Олонецкой губернии «по недостатку доходов Вытегорского, Олонецкого и Каргопольского училищ» на общую сумму 752 руб. 64 коп.[653] Но решение данного вопроса ввиду отсутствия средств было отложено до следующего 1851 г. Межведомственная переписка по этому вопросу продолжилась еще в течение трех лет. Только в 1853 г. была назначена из казны требуемая общая сумма в 752 руб. 64 коп. в год, из нее Вытегорскому уездному училищу полагалось 200 руб. 13 коп., Каргопольскому – 266 руб. 98 коп., Олонецкому – 285 руб. 53 коп.[654] Однако эти дополнительные средства не могли решить всех финансовых проблем уездных училищ.

---

653 РГИА. Ф. 733. Оп. 25. Д. 80. Л. 26.
654 Там же. Л. 27-28.

Таким образом, серьезные проблемы организации городских общественных школ так и не были решены в первой половине XIX в. государственного финансирования школы не получали. Отсутствие постоянных средств препятствовало как возникновению приходских училищ, так и их дальнейшей работе, в связи с этим, школы находились в трудном положении. Остро стоял вопрос о нежелании городских жителей обучать своих детей в общественных школах и предпочтении их частному обучению. Как резюмировал современник – учитель Курского приходского училища В. Флорикс: «от наших городских сословий трудно ожидать любви к просвещению. Каждый мещанин скорее согласится отдать своего сына в самую трудную работу, нежели в школу, отговорившись тем, что его дед и отец не учились, так и внукам не к чему забивать голову бестолковщиной… Желают обучать только чтению, да уметь подписывать свое имя и фамилию»[655].

Улучшить материальное положение всех городских школ можно было при помощи государственных средств или изменений в городском самоуправлении и хозяйстве. Только хорошо обустроенные учебные заведения, с соответствующей учебно-методической базой, подготовленными преподавателями могли привлечь горожан и вызвать желание обучать в них своих детей и жертвовать на нужды просвещения.

3.2.2. Сельские приходские училища в системе народного просвещения

Устав 1804 г. предусматривал учреждение начальных общеобразовательных школ в сельской местности (приходских училищ), которые становились низшим звеном в системе народного просвещения и давали элементарные знания чтения, письма и счета. В училища принимались дети от 8 до 12 лет «всякого состояния без разбору пола»[656].

---

655 Флорикс В. Несколько слов о приходских училищах и учителях... С. 191.

656 Устав учебных заведений, подведомых Университетам.

Курс обучения приходских училищ продолжался согласно уставу один год, в течение которого нужно было усвоить основные учебные предметы. Обучение должно было проходить на русском языке. Учебный год продолжался «от окончания полевых работ до начала оных в следующем году»[657]. Главный надзор за сельскими училищами возлагался на штатных уездных смотрителей, которым вменялось в обязанность «посещение… приходских училищ в уездах, по крайней мере, три раза в год»[658].

Сельские приходские училища не финансировались государством. «Предварительные правила народного просвещения» 1803 г. и «Устав» 1804 г. поставили дело народного просвещения на селе в достаточно тяжелые условия тем, что оговаривали источники необходимых училищам материальных средств. Их не отпускало государство, а сельские общества отказывались от помощи школам. Частные пожертвования на сельские училища также почти отсутствовали. Учителя, охотно шедшие в уездные училища и гимназии, «ехать в глухие села, в большей степени отказывались»[659].

Следует отметить, что на территории Европейского Севера России преобладали селения государственных крестьян, а не помещичьи, где учреждение школ было обязанностью помещиков. Это обусловило и специфику проблем в организации сельских приходских училищ.

На пути реализации положений Устава об открытии начальных школ в сельской местности проявились такие же проблемы, как и при организации других типов учебных заведений. В первую очередь, это кадровый вопрос. Открытие приходских училищ в каждом селении (а этого никто не ожидал) требовало несметного количества учителей. Сама работа в глухих окраинах России не могла привлечь молодых специалистов в сельскую школу. Полная зависимость от помещиков, сельских властей, крестьянских обществ, и при этом отсутствие какого-либо финансирования, делали сельские приходские

---

657 Там же.

658 Воронов А.С. Историко-статистическое обозрение… СПб, 1849. С. 97.

659 Князьков С.А., Сербов Н.И. Очерк истории народного образования… С. 189.

училища малопривлекательными. Тогда же у законодателей возникла мысль использовать в качестве учителей начальных училищ духовенство: «весьма бы полезно было, если б приходские священники и церковнослужители сами исправляли должность учителей»[660]. Таким образом, Министерство народного просвещения возложило главную тяжесть заботы об учреждении сельских приходских училищ на Духовное ведомство, оставляя за органами министерства лишь внешний надзор за ними. В данной ситуации эффективность работы школы полностью зависела от личности священника, от его ответственности, трудолюбия, усердия и добросовестности.

Законодательные документы предусматривали определенный порядок назначения на должности учителей в приходских училищах. Штатные смотрители уездных училищ через директора училищ представляли кандидатуры преподавателей на утверждение в Правление университета, которое утверждало представления на священников, изъявлявших желание быть учителями. Если же на должность учителя предлагались кандидатуры крестьян, то такие предложения отклонялись. Так в 1815 г. крестьяне Рыборецкой, Сямозерской и Салменижской волостей Олонецкой губернии изъявили желание открыть школы в своих селениях, но разрешения от попечителя учебного округа было получено только на организацию самих училищ, учителями же было предложено избрать местных священников[661].

Участие церковнослужителей в организации сельских училищ позволяло организовать первоначальное обучение крестьян без выделения средств из государственного бюджета на оплату труда учителя. Кроме того, привлекая духовенство к преподаванию в этих школах и управлению ими, верховная власть рассчитывала использовать авторитет местных священников для влияния на крестьян в пользу обучения детей и согласия участвовать в содержании училища.

---

[660] Устав учебных заведений, подведомых Университетам.
[661] ЦГИА СПб. Ф. 139. Оп. 1. Д. 1302. Л. 1.

Сельские училища того времени действительно были открыты и содержались духовенством. Учителями в них были священники, причетники, иногда даже жены священников. Все они большей частью учили бесплатно и содержали училища на свой счет в своих домах.

Почти все школы содержались на средства местных священников, лишь незначительная часть – за счет местных жителей. Училища были далеко не во всех приходах, их распространение происходило медленно и зависело от ряда причин. Училища появлялись там, где губернские дирекции народных училищ и епархиальное начальство активно взаимодействовали. В центральных и региональных архивах сохранились документы, отражающие совместную деятельность Святейшего Синода, министерства народного просвещения, епархиального начальства и региональных дирекций училищ по организации сельских приходских училищ.

Интересна переписка между губернскими директорами народных училищ и церковными иерархами об открытии школ. В одном из своих обращений архиепископа Архангельского и Холмогорского Евлампия (1801–1809 гг.) в Святейший Синод 1806 г. он писал, что директор народных училищ В. Л. Сильвестров сообщил ему о возможном открытии в Архангельском, Шенкурском, Холмогорском уездах 37 приходских училищ и о том, что отдельные священно- и церковнослужители согласились принять на себя должности учителей. Директор училищ просил архиепископа все предполагаемые школы «снабдить искуснейшими учителями-священниками, способными к обучению в семинарии»[662].

В открытии приходских училищ в Архангельской губернии участвовал и Парфений II, епископ Архангельский и Холмогорский (1809-1819 годы). Вместе с В. Л. Сильвестровым он совершал поездки по епархии и внушал прихожанам и местным священникам необходимость учреждения приходских училищ. Во многом благодаря совместным усилиям светской и духовной власти к 1809 г. в Архангельской губернии открылось 9 сельских

---

[662] РГИА. Ф. 796. Оп. 87. Д. 152.

приходских школ, где обучались 65 детей. При этом предпринятая в 1819 г. попытка открытия приходского училища в Пустозерске для ненцев не увенчалась успехом.

Директор училищ Олонецкой губернии А. Е. Крылов в начале XIX в. обращался к Олонецкому епископу Евгению, настаивая на получении разрешения от Духовной консистории на преподавание местными священниками российской грамоты в сельских приходских училищах, а также о возможности «доставления складки денег на содержание в городах домов для духовных училищ»[663]. По мнению А. Е. Крылова, вмененная священнослужителям обязанность по преподаванию в этих школах, потребует от них определенного уровня образования, что могли осуществить низшие духовные училища.

В августе 1804 г. директор училищ Олонецкой губернии А. Е. Крылов в своем прошении на имя попечителя учебного округа Н. Н. Новосильцева о выдаче прогонных денег на проезд «в окружные города» отмечал: «Я желал бы мимоездом внушать крестьянам многолюдных казенных селений пользу наук происходящих и убеждать их в добровольном взносе денег на приходские училища без всякого вида принуждений»[664]. Крылов понимал, что единственной надежной формой материальной поддержки начальных школ могут быть пожертвования самих крестьян и стремился пропагандировать среди крестьян пользу училищ. Предложенная им модель управления училищами вполне соответствует «просветительским» целям и методам, провозглашенным в 1800-х гг. правительственной политикой в сфере образования.

В 1804 г. А. Е. Крылов приготовил к открытию, а в следующих 1805-1806 гг. открыл в различных селах Петрозаводского уезда Олонецкой губернии 20 начальных школ, согласно правилам об устройстве училищ 24 января 1803 г. Учителями во всех приходских школах стали местные священники, которые

---

[663] ЦГИА СПб. Ф. 139. Оп 1. Д. 135. Л. 1.
[664] Там же. Д. 91. Л. 5.

большей частью учили бесплатно. Местным священникам вменялось в обязанность обучать детей письму, чтению, простейшим арифметическим действиям и Закону Божьему. Специальных зданий для училищ не было, поэтому школы помещались в домах волостных правлений, где были «лишние комнаты», или в домах священнослужителей, которые были «готовы уступить на первый случай в своих домах лишнюю горницу для училища»[665]. Сам же директор училищ не только заботился об открытии школ, но и оказывал им благотворительную помощь: снабжал открытые им училища учебными пособиями за свой счет. «Я принял на себя снабжать учебными пособиями училища за свой счет», – сообщал А. Е. Крылов попечителю[666].

Активная деятельность А. Е. Крылова была оценена руководством учебного округа и самим императором. Попечитель Санкт-Петербургского учебного округа граф П. А. Строганов отмечал «особенную деятельность и усердие директора училищ Олонецкой губернии А. Е. Крылова»[667]. Успехи распространения училищ в столичном округе, включая Олонецкую губернию, были представлены вниманию самого Александра I в докладе министра народного просвещения П. В. Завадовского. Завадовский в письме к П. А. Строганову 19 апреля 1805 г. сообщал: «Я докладывал Государю Императору по отношению Вашего Сиятельства. Его Величество с удовольствием внимал оному»[668]. Вероятно, император «внимал» не отношению попечителя об успехах школ в отдельной губернии, а докладу, излагающему дела по округу.

В конце 1806 г. А. Е. Крылов скончался. 20 января 1807 г. на его место был назначен Николай Петрович Ушаков. Он продолжил начатое А. Е. Крыловым дело по устройству новых школ в Олонецкой губернии и довольно успешно. Приходские, уездные, и губернские училища подвергались осмотру директором училищ, а также визитаторами –

---

665 НА РК. Ф. 27. Оп. 21. Д. 57/3. Л. 9.
666 Там же. Л. 11.
667 РГИА. Ф. 733. Оп. 20. Д. 32. Л. 1.
668 Там же. Л. 2.

представителями Петербургского педагогического института. По результатам таких проверок составлялись отчеты о состоянии училищ. По данным обозрения училищ за 1808 г. по Олонецкой губернии были указаны все школы, ранее открытые А. Е. Крыловым в Петрозаводском уезде, правда, из 20 значились действующими только 11 училищ. В остальных 9 начальных школах по разным причинам обучение не производилось[669].

Просуществовали некоторые школы недолго, число их на протяжении следующего десятилетия уменьшалось. Отсутствие материальной базы, разработанной программы обучения создавало серьезные трудности для развития школьного дела. Не хватало школьных принадлежностей, учебных пособий, остро стояли бытовые проблемы: размещение классов и жилья учителя, освещение, отопление и пр.

Следует отметить, что такая ситуация была повсеместной. Например, в Воронежской губернии с 1804 г. по 1828 г. было открыто всего 11 приходских училищ, из которых 4 закрылись[670].

В Вологодской губернии тесного взаимодействия между дирекцией училищ и Духовным ведомством в деле устройства сельских приходских училищ в начале XIX в. не произошло. Но поскольку в губернии было немало селений, принадлежащих Удельному ведомству, Департамент уделов сотрудничал в этом вопросе с училищным комитетом Московского университета (в округ которого первоначально входила губерния). Департамент уделов предписывал вологодскому губернатору А. А. Горянинову, епархиальному архиерею Феофилакту Слонецкому, директору училищ К. С. Станиславскому предпринять меры по учреждению в удельных селениях приходских училищ и контролировать их состояние: кто учится, кто работает, сколько средств выделено[671]. В июле 1806 г. Департамент уделов отправил в вологодскую дирекцию училищ «Росписание учиненное в Архангельской удельной экспедиции в удельных по ведомству селений

---

669 НА РК. Ф. 27. Оп. 2. Д. 57/3. Л. 34.
670 См.: Филоненко Т.В. Реформы и контрреформы… С. 32.
671 ГАВО. Ф. 438. Оп. 3. Д. 40. Л. 4 -10.

означенных для обучения юношества училищ», в нем содержался список предполагаемых к открытию сельских школ в Вологодской губернии: «в Сольвычегодской округе – 5 школ, в Устюженской – 4, в Кадниковской – 1, в Вологодской – 10, в Тотемской – 9. Всего 26 школ[672].

В деле организации сельских приходских училищ в Вологодской губернии дирекция училищ и Духовная консистория активности не проявили, а ограничились составлением ответов в Департамент уделов. В ответе было сказано о том, что «не нашли удобным учредить при 2-3 комплектных церквах приходских училищ», а «при приходах не было способных для преподавания учения священно- и церковнослужителей»[673]. Смотрители уездных училищ докладывали директору К. С. Станиславскому, что организация сельских училищ весьма затруднительна из-за малочисленности селений. Например, В. Протопопов, смотритель Устюжского уезда, сообщил директору училищ, что «хотя и росписании и много значится таких училищ для составления которых назначено по 3-4 прихода, однако судя по малочисленности душ в каждом отдельно открыть их не можно…»[674].

Директор училищной дирекции К. С. Станиславский в 1806 г. отказался предпринять поездку для обозрения подведомственной территории, считая ее «весьма затруднительной и неудобоисполнимой» за дальностью расстояний между округами[675]. В результате в Вологодской губернии сельские приходские училища в первой четверти XIX века не были открыты.

Следует заметить, что по данным исследователя истории народного просвещения С. Г. Мирсаитовой «в 1820-е годы в Оренбургской губернии низшая ступень начальных школ (приходских училищ) вообще не была создана»[676]. В этом регионе первое училище и единственное училище для крестьянских мальчиков Министерство уделов открыло только в 1825 г.

---

[672] Там же. Л. 9.
[673] Там же. Л. 11.
[674] Там же. Д. 118 б. Л. 6.
[675] Там же. Д. 122. Л. 10–11.
[676] Цит.: Мирсаитова С.Г. Народное образование на Южном Урале в первой половине XIX в.: Автореф. дис… канд. ист. наук. Уфа, 1999. С. 13.

Активности в получении образования у самого населения не было. В донесении Кольского земского суда архангельскому губернатору П. Ф. Мартьянову в 1804 г. указывалось, что крестьяне отказались открыть в их селении школу, так как «дети начинают с таковых лет, каковых к учению должны приучить, [с 7-8 лет, так было определено в Уставе. – *Е. К.*], так уже в обращении должны находиться при помощи семейных промыслов»[677], и А. Е. Крылов также отметил в своем рапорте в 1806 г.: «Крестьяне не соглашаются отдавать в училища своих детей…»[678].

Однако в том же рапорте Крылов отметил отдельные случаи, когда крестьяне были заинтересованы в открытии начального училища в своей деревне. Это проявлялось в их добровольном согласии содержать школы у себя в домах, не требуя за это никакой оплаты. Так, в Шокшинском и Вытегорском погостах крестьяне «от усердия к общему делу отдавали верхний этаж своего дома для училища, не желая за то от мирского общества никакого для себя вознаграждения»[679].

Первые сведения о добровольном желании крестьян Олонецкой губернии отдавать детей в школы появляются в 1821 г. В отчете смотрителя уездных училищ М. А. Копосова директору училищ С. А. Башинскому за 1821 г. отмечалось, что в селе Остречины Петрозаводского уезда активную деятельность по открытию начальной школы развили местные крестьяне С. Панфилов и К. Артемьев. С. Панфилов сам изъявил желание работать учителем в Остречинской приходской школе, а К. Артемьев предложил передать для нужд училища в безвозмездное пользование собственный дом. Просьбы крестьян утвердили, «назначив начальником учителя С. Панфилова, а учителем Остречинского приходского училища местного дьяка А. Тимофеева»[680]. Хотя смотритель училищ и указывал в своем отчете, что

---

677 ГААО. Ф. 1. Оп. 3. Д. 308. Л. 27.
678 НА РК. Ф. 27. Оп. 2. Д. 57/3. Л. 9.
679 Там же. Л. 17.
680 НА РК. Ф. 17. Оп. 2. Д. 1/2. Л. 272.

«крестьяне желают отдавать в училища своих детей»[681], но в действительности это «желание» выразили только трое из жителей села Остречины. Когда на сельском сходе в 1822 г. М. А. Копосов поставил вопрос о материальной помощи сельского общества в ремонте ветхого школьного здания, остречинские крестьяне не отказались от помощи, но перенесли ремонт школы на неопределенный срок, обещая «поправить оное училище с начала 1823 г. и покончить оную поправку в течение 3-х лет»[682]. В конечном счете, обещанный ремонт так и не состоялся, крестьяне безвозмездно помогать школе отказывались или ограничивались обещаниями.

Участие крестьян в устройстве и содержании первых школ, открытых в начале XIX в., на протяжении десятилетий состояло лишь в том, что они соглашались обучать своих детей на дому за отдельную плату учителю («ежемесячно за обучение бралась полтина») или «за стол и кров»[683]. Но и таких желающих было немного. Местное население на призывы волостного начальства об открытии школ, как правило, отвечало молчанием. Устраивать в своих селениях начальные школы и содержать их за свой счет крестьяне не соглашались, проявляя равнодушие даже к усвоению русской грамоты. При отличающем их патриархальном укладе жизни школа представлялась чуждым и непонятным явлением.

Иногда сельские школы получали финансовые средства от благотворителей, обычно это были жители деревни, переехавшие на жительство в крупные города. Но такие случаи были исключением. Так Палтожское училище Вытегорского уезда Олонецкой губернии было открыто в 1818 г. Оно финансировалось за счет процентов с капитала 12000 руб. именитого гражданина надворного советника П. Шарапова из Санкт-Петербурга и получало 115 руб. в год[684]. В течение все первой половины XIX в. в школе ежегодно обучалось от 20 до 45 детей. Училище помещалось в

---

681 Там же.
682 Там же.
683 Там же. Ф. 27. Оп. 1. Д. 50/830. Л. 1.
684 Там же. Ф. 17. Оп. 2. Д. 1/5. Л. 617.

каменном доме Шараповых. Учителем в школе был местный священник, который получал жалованье в размере 40-50 руб. в год. По Архангельской и Вологодской губерниям по отчетам дирекций училищ в первой четверти XIX в. данных о существовании сельских школ, относящихся к училищному ведомству, найдено не было.

Интерес представляют архивные документы, иллюстрирующие заботу церковнослужителей о продолжении учения в закрывшихся по тем или иным причинам приходских училищах. Так в марте 1815 г. дьяконы и пономари Рыборецкого, Салменижского и Сямозерского приходов Олонецкой губернии при обозрении училищ смотрителем Петрозаводского уезда М. А. Копосовым объявили о своем желании занять училищные должности после смерти священников-учителей[685]. Благодаря отзывчивости церковнослужителей в сельских школах продолжилось обучение детей.

Об эффективности обучения в приходских школах говорит тот факт, что приобретение грамоты для некоторых крестьянских детей из глухих деревень стало путевкой в жизнь, толчком для карьерного и социального роста. Так, М. Н. Смирнов, после окончания в 1826 г. Сямозерской приходской школы (Олонецкая губерния) поступил на службу к олонецкому купцу Ф. Метлинскому, который доверил грамотному и сметливому юноше ведение торговых дел. В своих заметках мемуарного характера М. Н. Смирнов вспоминает, что грамоте он начал учиться с 10 лет. «У нас учил пономарь при погосте. Через год я уже вышел из училища, то есть выдержал экзамен, как видите – прошел высокий курс науки: от аз-земля-есть до фиты и ижицы. Умел кое-как, прямо по складам читать и в той же степени писать»[686]. Впоследствии М. Н. Смирнов открыл свое дело в Финляндии, стал успешным предпринимателем и в течение многих лет был почетным блюстителем народных училищ в Олонецкой губернии. Но такие случаи были, скорее всего, исключением.

---

[685] ЦГИА СПб. Ф. 139. Оп. 1. Д. 1324. Л. 1.

[686] Смирнов М. Голос корела. Путевые заметки и корельская поэзия. СПб., 1890. С.1.

Указанные факторы обуславливали недолговечность многих уже открытых школ. Сокращение количества начальных школ в Олонецкой губернии в 1810-х – начале 1820-х гг. можно проследить по ведомостям об учебных заведениях. В 1806 г. в Олонецкой губернии было 20 сельских школ, в 1815 г. – 11, в 1821 г. – всего 2, а в 1824 г. – 4. Всего в приходских школах обучалось в 1806 г. – 443 ученика, в 1815 г. – 39, а в 1824 г. – 22. В 1818 г. учебном году на средства Санкт-Петербургского опекунского Совета было открыто приходское училище в Палтожском приходе, но и оно прекратило свое существование в 1826 г. «за неотпуском от мирских обществ сумм, как на содержание училищ, так и на жалованье учителю»[687]. К 1825 г. многие школы, открытые в 1806 г., прекратили свое существование. По крайней мере, в ведомости о составе учебных заведений Олонецкой губернии за 1825 г., составленной директором училищ, в губернии вообще не значилось ни одного действующего училища, а сказано: «В прочих сельских приходских училищах учения не было за неимением учеников…».[688]

Таким образом, в начале XIX в. была впервые сформулирована задача просвещения народа в качестве приоритетного направления деятельности Министерства народного просвещения, предприняты усилия по пропаганде начальных школ и их открытию в сельской местности. Однако просветительская инициатива сразу же натолкнулась на полную финансовую необеспеченность открытых школ, которые не имели никакой материальной поддержки государства и содержались на средства отдельных энтузиастов и сельских обществ. Проблема обучения народа возлагалась тем самым на плечи Духовного ведомства, но и оно многого не могло сделать. Немногочисленность школ на территории Европейского Севера России в первой половине XIX в. была связана с отсутствием государственного финансирования приходских школ и с тем, что надежда правительства на «мирское» обеспечение школьного дела не оправдалась. Бедность населения

---

687 НА РК. Ф. 17. Оп. 2. Д. 1/5. Л. 423.
688 Там же. Оп. 10. Д. 1/1. Л. 2.

карельской провинции была основной причиной незаинтересованности крестьян в обучении своих детей.

Что касается финансирования сельских приходских училищ, то в правление Николая I политика правительства в этом вопросе осталась прежней. Содержание сельских школ по-прежнему возлагалось на крестьян. Все школьные расходы должны были покрываться за счет «особых мирских сборов с жителей»[689]. Поэтому положение начальных школ в системе Министерства народного просвещения по-прежнему было неопределенным. Министр А. С. Шишков был совершенно прав, когда при обсуждении реформы 1828 г. признал начальное образование в России «почти не существующим»[690].

Численность сельских приходских училищ, состоящих в ведомстве Министерства народного просвещения во время правления Николая I, была незначительной. Не получая государственного финансирования, оставаясь на попечении сельских обществ, эти школы терпели крайнюю нужду. Крестьяне по-прежнему не соглашались отдавать своих детей учиться грамоте и не выделяли средств на содержание училищ. Штатные смотрители уездных училищ, объезжая селения уездов, встречались с местным населением и священниками, всякий раз убеждали их открыть школу. Обычно при таких встречах крестьяне соглашались с мнением смотрителя, но средств на содержание школы не отпускали, ссылаясь на свою бедность.

В этой связи необходимо отметить существование в отдаленных глухих деревнях старообрядческих школ. Учителями в таких школах состояли грамотные крестьяне-старообрядцы. Такие школы возникали сами по себе, действовали нелегально и были распространены по всей территории Европейского Севера России. Деятельность школ старообрядцев находилась под запретом, и местные власти всячески пытались воспрепятствовать их работе. В рапортах штатных смотрителей училищ отмечалось, что во время

---

[689] Калинина Т.А. Развитие народного образования на Урале в дореформенный период (80-е годы XVIII – 1861.): Автореф. дис… канд. ист. наук. Пермь, 1992. С. 35.
[690] См: Милюков П.Н. Очерки по истории русской культуры. Т. 2, ч. 2. С. 321.

осмотра приходских училищ они замечали факты обучения детей крестьянами-старообрядцами. Если такие сведения обнаруживались, то смотрители своей властью запрещали обучение детей этим крестьянам. «Я воспретил им [обучение. – *Е. К.*] и, между тем, дал знать Олонецкому земскому суду сие противление уставу учебных заведений», – писал в своем рапорте смотритель училищ Олонецкого уезда А. Гек в 1834 г.[691] Духовным ведомством поощрялись те священники, которые смогли открыть в раскольничьих селениях свои школы, обучить детей старообрядцев грамоте и дать основы православной веры. Так священнику П. Крючкову было объявлено благословение Святейшего Синода за успешное обучение 10 человек в поселении раскольников[692].

Особого внимания губернских чиновников удостаивались крестьяне-старообрядцы, принявшие православную веру. По мнению начальства, «в стране, проникнутой духом раскола, такой человек в деле обучения детей драгоценность»[693]. Так в рапорте чиновника особых поручений М. Смирнова на имя Олонецкого губернатора в 1854 г. сообщалось, что в Кижской волости грамотный крестьянин К. Махаев перешел в православие, но разрешения для открытия школы не имеет. М. Смирнов ходатайствовал о встрече К. Махаева с Преосвященным архиепископом Аркадием и беседе с ним.

В первой половине XIX в. разрешалось открывать и содержать школы не только Министерству народного просвещения, но и Министерству внутренних дел, финансов, государственных имуществ, Святейшему Синоду, удельному и горному ведомствам и другим. Какие ведомства были заинтересованы в развитии приходских училищ на территории Олонецкой губернии в первой половине XIX в.?

Важное место в сети начальных учебных заведений губернии занимали школы Святейшего Синода. Духовное ведомство принимало активные меры для содействия распространению грамотности среди крестьянского

---

691 НА РК. Ф. 17. Оп. 5. Д. 6/2. Л. 574.
692 Там же. Ф. 25. Оп. 15. Д. 21/470. Л. 4 об.
693 Там же. Ф. 1. Оп. 46. Д. 20/497. Л. 2.

населения. В 1828 г. в Олонецкой губернии была проведена ревизия, во время которой тайный советник сенатор Д.О. Баранов обратил особое внимание на распространение старообрядчества на территории губернии. Сенатор, в согласии с официальным курсом правительства на борьбу с расколом, выразил тревогу по поводу положения православной церкви в Олонецкой губернии и предложил Святейшему Синоду учредить в г. Повенце духовное училище. Сенатор полагая, что эта мера поможет усилению православия среди старообрядцев, писал: «дети старообрядческие воспитывались бы в оном [духовном училище. – *Е. К.*], приносили бы с собой чувства православного христианского учения в свои семейства»[694]. Архиепископ Олонецкий и Петрозаводский Игнатий (Семенов) согласился с мнением Д. О. Баранова, но Министерство внутренних дел в 1832 г. «усмотрело неудобным учреждать в Повенце… духовное училище, т.к. в оное должно будет детей набирать посредством земской полиции»[695]. Такие насильственные меры в отношении старообрядцев казались чрезмерными, поэтому было решено учредить здесь сельские приходские училища, а учителями в них назначить местных священников. Таким образом, приходские школы Духовного ведомства должны были стать в Олонецкой губернии и альтернативой раскольничьих «домашних школок».

В марте 1834 г. во все приходы Олонецкой епархии были направлены специальные «Обязательства священников об обучении детей»[696], составленные архиепископом Игнатием, которые стали основой будущих синодальных «Правил для первоначального обучения поселянских, в том числе и раскольничьих детей» (1836 г.). В «Обязательствах» была разработана программа действий священнослужителей по организации училищ в церковных приходах. Первый пункт этого документа обязывал приходских священников открывать школы для поселянских и раскольничьих детей в собственных домах и обучать их грамоте и Закону

---

694 РГИА. Ф. 381. Оп. 1. Д. 23054. Л. 1.
695 НА РК. Ф. 25. Оп. 15. Д. 21/470. Л. 1.
696 Там же. Оп. 20. Д. 31/345. Л. 1а.

Божьему. Церковнослужителям предлагалось привлекать учащихся к чтению и пению молитв во время проведения служб в церкви. Каждый священник лично подписывал «Обязательство» и предоставлял информацию о том, где и когда произойдет открытие школы, сколько раскольников в приходе и сколько книг потребуется для обучения грамоте. Затем необходимые документы отправлялись в Духовное ведомство. В Национальном архиве Республики Карелия сохранились такие подписки-обязательства от многих приходских священников.

В 1836 г. Святейший Синод составил «Правила для первоначального обучения поселянских, в том числе и раскольничьих детей», которые предназначались лишь для Олонецкой губернии, но затем «с высочайшего соизволения распространены и на другие епархии, где есть раскольники»[697]. Заметим, что основой этих «Правил» стали указанные выше «Обязательства священников об обучении детей». По этим правилам обязанность начального обучения поселянских детей, т. е. детей казенных крестьян, возлагалась на приходское духовенство, «которое сим средством и случаем должно воспользоваться для использования своей беспрекословной обязанности наставления детей в вере и благочестии»[698].

По мнению авторов «Правил», обустройство Духовным ведомством школ должно было стать основным средством распространения православной веры и привлечения внимания крестьянского населения к православным церковным приходам, а правом надзора за сельскими приходскими училищами были наделены благочинные архиереи[699].

На просьбу обер-прокурора Святейшего Синода по поводу разграничения контроля над сельскими училищами между Духовным ведомством и Министерством народного просвещения министр просвещения С. С. Уваров ответил, что приходские училища, открытые в сельской местности должны

---

[697] Рождественский С.В. Исторический обзор деятельности Министерства… С. 283.
[698] РГИА. Ф. 381. Оп. 1. Д. 23054. Л. 20.
[699] Костикова М.Н. Вероисповедная политика Министерства народного просвещения в учебных округах Российской империи в XIX веке. Курск, 2001. С.117.

быть подчинены штатным смотрителям уездных училищ. Однако заметил, что «ввиду особенной цели, преследуемой в данном случае правительством», он готов одобрить «Правила…», составленные Святейшим Синодом «с тем, чтобы благочинные ежегодно доставляли сведения о школах директорам училищ»[700]. Поручая начальное обучение раскольничьих детей православному духовенству, верховная власть одновременно предприняла ограничительные меры, запрещающие раскольникам самим организовывать и осуществлять обучение своих детей, и сохранила их встроенность в систему Министерства народного просвещения.

По «Ведомости об училищах, открытых при приходских церквах Олонецкой епархии» за 1838 г. по всем уездам губернии было открыто 207 школ. Вероятно, некоторые из них существовали только номинально. В этом же документе указывалось, что «в 35 приходах были открыты училища, но в них обучения не проводится по неимению учеников»[701]. В данной ведомости были приведены данные и о количестве учащихся. Так, в Олонецкой губернии в 1838 г. училось 1177 детей (1146 мальчиков и 31 девочка)[702]. По данным ведомостей, эти школы существовали в 1840-1850-е гг. Важно отметить, что в дальнейшем сельские приходские училища, открытые в 1837-1838 гг. в Олонецкой губернии, стали базой для организации училищ других ведомств: Министерства государственных имуществ и Олонецкого горного правления.

С течением времени постепенно росла потребность в образовании и расширении сети начальных школ. Губернские Приказы общественного призрения испытывали острую нужду в грамотных людях в сельской местности, так как бюрократизация управления и реформа делопроизводства в николаевское царствование потребовали увеличения числа писарей. Российская деревня остро нуждалась в специалистах по сельскому хозяйству, ветеринарии, счетоводству, медицине и по другим областям знаний. Власти

---

700 Рождественский С.В. Исторический обзор деятельности Министерства … С. 283.
701 НА РК. Ф. 25. Оп. 1. Д. 20/54 Л. 6.
702 Там же. Л. 1.

предполагали, что назначение на должность волостных писарей крестьян из местных жителей явилось бы наилучшим способом влиять на сельские общества. Во второй четверти проектировались специальные волостные школы для подготовки писарей, что, в конечном счете, облегчало управление казенными селениями.

Согласно «Положению о волостных училищах казенных поселян» 1830 г. целью создания школ явилось «распространение нужных первоначальных сведений между казенными поселянами и приготовление из числа их способных волостных и сельских писарей»[703]. В «Положении» предусматривались программа обучения, обязанности и права учителей, было представлено хозяйственное управление училищ. Курс обучения назначался пятилетний: один год в городском приходском, затем три года в уездном училище, где ученики обучались Закону Божьему, чтению по церковной и гражданской печати, чистописанию, первым действиям арифметики. В течение еще одного года предполагалось обучение канцелярскому порядку непосредственно в уездных казначействах. Учитель в открывающихся волостных училищах обязан был не только обучать крестьянских детей грамоте, но и «не терять, ни в коем случае, из виду главной, т.е. нравственной задачи»[704].

Содержание волостных училищ возлагалось на счет частных земских повинностей казенных поселян, а местное духовенство обязали принять на себя обучение детей. Волостные правления ведали расходами по их содержанию и отчитывались перед губернской казенной палатой, а та в свою очередь отправляла финансовые отчеты в Петербург. Общая сумма расходов на содержание одного училища в год составляла 700 руб.: на жалованье учителю – 300 руб. и на наем дома и сторожа и на учебные пособия 400 руб. (ст. 328).

Надзор за учебной частью волостных училищ поручался губернским Приказам общественного призрения и дирекциям училищ. Департамент

---

[703] Положение о волостных училищах казенных поселян // Сборник постановлений по Министерству народного просвещения. Т. 2, ч. 1. 1864. Стб. 324.
[704] Там же. Стб. 326.

государственных имуществ в составе Министерства финансов планировал открыть такие школы в 1831 г. сначала в Санкт-Петербургской и Псковской губерниях, а затем с 1836 г. распространить по другим регионам Петербургского учебного округа. Данное «Положение» было утверждено Государственным Советом 24 декабря 1830 г. и затем получило высочайшее соизволение Николая I.

Деятельность Департамента государственных имуществ по организации училищ для крестьянских детей в губерниях, населенных казенными крестьянами, началась в 1833 г. и натолкнулась на ряд проблем. В первую очередь, это негативное отношение сельского населения к обучению своих детей, а также отсутствие в волостных правлениях пригодных училищных домов, нехватка педагогических кадров, трудности с обеспечением учащихся учебными пособиями. Это обусловило различные результаты реализации «Положения о волостных училищах казенных поселян» 1830 года в разных губерниях. В одних местные администрации нашли возможность открыть училища при волостных центрах, в других определили, что крестьянские дети будут получать образование сначала в городских приходских, а затем в уездных училищах. Так, например, в Вологодской и Архангельской губерниях училища открылись при волостных правлениях, а в Олонецкой крае будущие ученики уезжали из дома в уездные центры, где для них было организовано обучение грамоте и делопроизводству.

В январе 1833 г. министром финансов Е. Ф. Канкриным в губернские казенные палаты было отправлено циркулярное письмо, в котором предписывалось: «По случаю затруднения в принятии из казенных поселян людей, способных к занятиям должности волостных писарей…, через волостное правление предложить волостелям, желают ли избрать из семей казенных поселян по доброй воле их по 2 или 3 мальчика от каждой волости» и отправить их для обучения в уездные училища[705]. Однако на выполнение данного предписания потребовалось несколько лет, в течение которых шла

[705] НА РК. Ф. 33. Оп. 5. Д. 6/23. Л. 2.

интенсивная переписка между волостными правлениями и уездными, губернскими и центральными государственными учреждениями о подготовке волостных писарей из крестьян.

Только через год, в феврале 1834 г., в Департамент государственных имуществ Министерства финансов стали поступать донесения о противодействии сельских сходов отправлению детей для подготовки из них волостных писарей. В ответ на это последовало строгое предписание из Петербурга: внушить крестьянам сельских обществ о выборе для обучения крестьянских мальчиков «ибо сие делается для собственной их пользы»[706]. Кроме того, предлагалось отправлять в училища детей-сирот, «преимущественно не имеющих собственного достояния» или оставшихся без попечения родителей, надзор за которыми возлагался на уездных чиновников «лесных, винных приставов или уездных казначеев»[707]. В итоге, к лету 1835 г. только в некоторых губерниях были определены кандидаты в число учеников городских приходских училищ. Как правило, количество обучающихся детей определялось по числу жителей губернии: на каждую тысячу по одному ребенку. При этом в Архангельской и Новгородской губерниях желающих учиться среди крестьян вообще не нашлось, а в Олонецкой – обучалось 76 детей, причем, все они были незаконнорожденные или сироты («подкидыши в семейства крестьян»[708]). Дети отправлялись в уездные центры для поступления в приходские училища.

Открытие волостных училищ продвигалось медленно. Имея своей основной целью подготовку волостных и сельских писарей, школы были малопривлекательны для крестьян, так как немногие родители соглашались отдавать в них сыновей, что означало навсегда оторвать их от дома и крестьянского хозяйства. Организация школ для крестьянских детей в Олонецкой губернии началась еще в 1833 г., но первые школы для обучения

---

706 НА РК. Ф. 33. Оп. 5. Д. 6/23. Л. 55 об.
707 Там же. Л. 107.
708 Там же. Ф. 335. Оп. 2, д. 1/1. Л. 8.

волостных писарей открылись только в 1837 г. Архивные документы иллюстрируют переписку (с 1833 по 1838 г.) между Департаментом государственных имуществ (1833-1836), а затем Министерством государственных имуществ (1837-1838) и губернской казенной палатой по поводу организации обучения в этих школах

В январе 1833 г. Олонецкий губернский приказ общественного призрения получил циркулярное письмо из Департамента государственных имуществ. Министерство предписывало: «По случаю затруднения в принятии из казенных поселян людей, способных к занятиям должности волостных писарей…, через волостное правление предложить волостелям желают ли избрать из семей казенных поселян по доброй воле их по 2 или 3 мальчика от каждой волости»[709] и отправить их для обучения в уездные училища. В мае-июне 1833 г. уездные казенные палаты Олонецкой губернии получили решения сельских сходов, которые были достаточно категоричны: отправить детей учиться грамоте среди крестьян «желающих не оказалось». Только Тихманское общество Вытегорского уезда отметило: «желающих нет, но желают, чтобы открыли в волости приходское училище для обучения малолетних детей Закону Божьему и положениям Иисуса»[710].

Материалы архивных дел показывают, что, несмотря на отказы крестьян, в декабре 1833 г. Департамент государственных имуществ потребовал отчет «об успехах образования мальчиков», а 31 января 1834 г. руководство департамента циркуляром вновь центральных ведомств призвали Олонецкую казенную палату «принять меры по устройству школ»[711]. И хотя в ее донесениях в феврале 1834 г. сообщалось об отрицательной реакции крестьян, Министерство финансов обязало чиновников сделать внушение сельских обществ по отправке в школу крестьянских мальчиков «ибо сие делается для собственной их пользы».[712]

---

[709] Там же. Ф. 33. Оп. 5. Д. 6/23. Л. 2.
[710] Там же. Л. 31.
[711] Там же. Л. 421.
[712] Там же. Л. 55 об.

В феврале 1834 г. по всем волостям Олонецкой губернии были проведены сельские сходы, где крестьяне отвечали отказом на все увещевания чиновников из Петрозаводска об отправлении детей в уездные города для обучения. Власти понимали, что желающих отпустить детей из родного села в уездные центры будет немного, поэтому в августе 1834 г. предложили отправлять на обучение детей-сирот, «преимущественно не имеющих собственного достояния» или оставшихся без попечения родителей. Но и эта идея не имела большого успеха. В ответ последовали многочисленные приговоры сельских сходов, в которых снова проявилось единодушие крестьян: «Известного рода сирот между нами не имеется, а детей своих в означенную науку отдавать никто не согласен»[713].

Однако Департамент государственных имуществ проявлял особую настойчивость в этом вопросе. В марте 1835 г. всем волостным управляющим строжайше было приказано составить по всем волостям списки детей-сирот (по два мальчика от каждой волости) и отправить их в губернскую палату. Лица, нарушившие данное предписание, отстранялись от должности и предавались суду. В итоге, к июню 1835 г. такие списки появились в Олонецкой казенной палате, из которых и были определены кандидаты в число учеников городских приходских училищ, всего 76 крестьянских детей (по установленной пропорции: на каждую тысячу жителей губернии по одному человеку). По сообщениям учителей, в приходские училища были направлены «подкидыши в семействах крестьян»[714]. На этот раз во всех приговорах, составленных крестьянами на сельских сходах, выражалось полное согласие «сумму утвердили, собрать обязуемся беспрекословно»[715]. По расчетам Олонецкой казенной палаты, на пять лет обучения одного ученика необходимо было внести 1015 руб. 20 коп.: 1-й год учения – 218 руб. 40 коп., 2-й год – 192 руб. 75 коп., 3-й год – 201 руб. 40 коп., 4-й год – 200 руб. 75 коп., 5-й год – 201 руб. 90 коп.

---

[713] Там же. Л. 94.
[714] Там же. Ф. 335. Оп. 2. Д. 1/1. Л. 8.
[715] Там же. Ф. 33. Оп. 5. Д. 6/23. Л. 467 об.

Свое несогласие с распоряжением отдавать детей учиться волостных писарей крестьяне выражали в жалобах губернскому начальству и даже на высочайшее имя. В адрес олонецкого гражданского губернатора А. В. Дашкова и вице-губернатора А. И. Яковлева, управляющего Олонецкой казенной палатой, крестьяне обращались с жалобами на «самое беднейшее» положение их семейств, призывали начальство не забирать детей-помощников из семей в школы. «Без их помощи не в силах владеть всем крестьянским достоянием»[716], – писала императору вдова Авдотья Минина из Ведлозерской волости в 1835 г. «Обучать сына своего гражданской грамоте не желаю,… ему 13 лет от роду и приучен он к крестьянской работе… Прошу защиту и покровительство», – писала вдова М. Васильева в 1837 г. из Пудожского уезда. На эти прошения власти отвечали отказом, объясняя крестьянам, что списки уже составлены, утверждены, и они не могут отменить постановления казенной палаты. Один из бывших учеников вспоминал, что при отправке его в уездный город на обучение «мать заголосила, как будто меня снаряжали в рекруты, называя учителей варварами, мучителями»[717].

Активную деятельность «по предмету образования крестьянских мальчиков в должности волостных писарей» проявил олонецкий гражданский губернатор А. В. Дашков. В 1837 г. он потребовал от директора училищ М. И. Троицкого предоставить информацию о возможном устройстве таких школ в селениях и примерных суммах, необходимых на их содержание[718]. А. В. Дашков вел переписку с Олонецкой казенной палатой об организации надзора за учащимися, устройстве проживания детей в уездных городах. Губернатор лично утверждал сметы по содержанию и обучению учеников, определял наставников из числа чиновников губернской и уездных администраций, производил расчеты по расходам и делал некоторые замечания по их сокращению. Так в отношении от 20 мая 1837 г. в казенную

---

[716] Там же. Л. 129 об.
[717] Дружинин Н. Вспоминая о школьной жизни // Сын Отечества. 1860. № 48. С. 1460.
[718] НА РК. Ф. 17. Оп. 5. Д. 7/14. Л. 97.

палату он предложил сократить смету, полагая лишним приобретение для крестьянских детей тюфяков, кроватей и одеял. Вместо этих «излишеств» губернатор предложил внести в число расходов «войлок, обтянутый посконным холстом, и подушку, ибо неудобно размещать кровати на наемных квартирах, покрываться во время сна могут суконным своим кафтаном»[719]. Заметим, что палата с мнением А. В. Дашкова согласилась. В июле 1837 г. губернатором была утверждена окончательная смета.

Таким образом, осенью 1837 г. началось обучение крестьянских детей в городских приходских училищах г. Олонец, Каргополь и Петрозаводск. По причине отсутствия школ в уездных городах Лодейное Поле, Повенец и Пудож – дети из Пудожского и Повенецкого уездов должны были учиться в Каргопольском уездном училище, а дети из Лодейного Поля – в Олонецком[720]. Приезжие учащиеся «вливались» в общий состав учеников приходских училищ, что значительно повышало численность обучающихся. Так смотритель Каргопольского и Пудожского уездов А. Иввинский отмечал в своем рапорте директору училищ М. И. Троицкому, что в Каргопольском приходском училище в 1838 г. насчитывается 70 учеников. Смотритель предлагал два пути решения проблемы: назначить еще одного учителя или ввести для него дополнительное вознаграждение[721]. Но ситуация оставалась прежней.

Обучение в отдаленных уездных городах обрекало сельские общины на дополнительные расходы по содержанию учеников, а именно: наем жилья, организацию питания, приобретение одежды и обуви. И самое главное, крестьянские семьи навсегда лишались работников в домашнем хозяйстве. Крестьяне сопротивлялись нововведениям и отказывались отправлять своих детей в город.

Вторым важным обстоятельством являлось то, что поступившие на обучение дети имели разный уровень развития. Одни уже были знакомы с

---

[719] НА РК. Ф. 33. Оп. 5. Д. 6/23. Л. 440 об.
[720] Там же. Л. 424.
[721] Там же. Ф. 17. Оп. 5. Д. 7/14. Л. 212.

основами грамотности, другие – нет. Остро стояла проблема недостатка умственного развития некоторых учащихся, которые, по мнению педагогов, вовсе не имели способностей к обучению. В рапортах дирекции Олонецких училищ за 1838 г. отмечалось «природное слабоумие и нерасположенность к учению сельских детей»[722]. Учитель Олонецкого приходского училища Н. Андреев сообщил, что ученик И. Богданов, «привыкший к вольной сельской жизни не хотел приставать к наукам и, сколько можно было заметить, старался казаться угрюмым и диким, скучал по родным, уходил без позволения домой»[723]. Большинство мальчиков, присланных учиться, были незаконнорожденными или сиротами. Например, в Олонецкое приходское училище поступило 13 детей от 10 до 14 лет и только 4 из них имели родителей. Быт сельских детей в уездном городе резко отличался от их домашней обстановки, к которой они привыкли. Обычно всех учеников помещали в одном доме, где не предусматривалось особых удобств для выполнения школьных заданий на дом, сна и отдыха. «Жили все вместе по 10-15 человек… спали рядом на нарах, покрытых войлоком, на которых грязь и пыль едва ли весили не больше их самих,… нас заедали насекомые, у редкого не было на голове струпьев и на руках язв, мы заражались друг от друга не только прилипчивыми болезнями, но и вредными привычками», – вспоминал один из них[724].

Тяжести жизни в новых условиях выдерживали не многие. Частым явлением среди учащихся были побеги из школы. «Не все могли освоиться с нашим положением, каждую треть мы насчитывали по несколько беглецов, дезертировавших в свои села»[725], – вспоминали ученики. Как правило, детей искали, находили, возвращали в училище и подвергали телесному наказанию. Местные чиновники обязаны были строго контролировать поведение учащихся вне школы, но, не имея за этот труд материального

---

722 Там же. Л. 751.
723 НА РК. Ф. 17. Оп. 5. Д. 7/14. Л. 110.
724 Дружинин Н. Вспоминая о школьной жизни … С. 1461.
725 Там же.

вознаграждения, многие уездные казначеи и лесничие (их чаще всего привлекали к преподаванию) халатно относились к своим обязанностям. Вне классов дети были предоставлены сами себе и не имели никакого надзора. Но были и примеры добросовестного отношения к школьному делу. Вытегорский уездный казначей в 1838 г. отмечал в своем рапорте: «Я имею ближайшее и деятельное наблюдение… Словом, что только необходимо для благосостояния и появления нравственности»[726]. Хотя здесь вероятна завышенная оценка своего труда этим чиновником.

Результаты такой организации учебного дела были неутешительны. В 1838 г. из 76 обучавшихся полный год обучения прошли только 12 человек. В итоговых ведомостях в графе «Прилежание учащихся» учителя отмечали: «мало прилежен, не старается, очень ленив, отчасти прилежен, не прилежен». Так в Вытегорском приходском училище из 11 человек только 6 учеников получили оценку «прилежен и старателен», остальные дети учились плохо[727].

В 1838 г. попечитель Санкт-Петербургского округа М. А. Дондуков-Корсаков вынужден был признать, что «успехи большей части крестьянских мальчиков не соответствуют ожиданиям и даже многие из них, пробыв в училище положенный срок,… оказываются совершенно неспособными, так что общества крестьян вовлекаются также в напрасные ожидания на содержание их»[728]. Для улучшения ситуации было решено ввести испытательный срок для всех учеников в течение первого года обучения, по окончании которого учителя устраивали испытания для детей, а не прошедших испытания возвращали домой. Такие испытания в 1839 г. были проведены во всех городских приходских и уездных училищах Олонецкой губернии, где обучались сельские дети. Из донесений штатных смотрителей и учителей выяснилось, что 24 учащихся из 76 оказались «неспособными к учению и очень слабые по здоровью»[729]. Причин слабой успеваемости было

---

[726] НА РК. Ф. 33. Оп. 5. Д. 6/23. Л. 946.
[727] Там же. Д. 5/13. Л. 414.
[728] Там же. Ф. 422. Оп. 1. Д. 2/21. Л. 7 об.
[729] Там же. Ф. 17. Оп. 5. Д. 7/14. Л. 205.

несколько. Одни учителя указывали на плохое знание карельскими детьми русского языка. Другие сетовали на лень учащихся, при этом предлагали ввести исправительные наказания для нерадивых. Третьи жаловались на большую загруженность педагогов в уездных училищах и усложнение преподавательской деятельности в связи с увеличением численности учащихся. Штатный смотритель Каргопольского и Пудожского уездов отметил, что после летней вакации и роспуска учащихся по деревням дети возвращаются «с большой потерею познаний тех, кои они приобрели в училище»[730].

Следует заметить, что слабая успеваемость крестьянских детей, из которых готовили волостных писарей, сохранялась и в последующие годы. Так после двух лет обучения в приходском училище (вместо одного года, как это планировалось ранее) из 76 учеников только 11 были переведены в 1840 г. в уездное училище. Остальные снова продолжили курс обучения в приходском училище, а три мальчика «найдены вовсе безуспешными… по природной их непонятливости и тупоумию»[731]. Относительно обучавшихся в Олонецком уездном училище начальник Олонецкой окружной палаты Министерства государственных имуществ отмечал в рапорте за 1840 г., что «из 13 крестьянских мальчиков… никто курс учения в не окончил»[732]. Директор училищ М. И. Троицкий отметил в своем отчете, что ухудшение успеваемости у многих учащихся началось со второй половины 1839 г., по его мнению, это произошло не от недостатка их способностей, а от детской лени, и предложил применять к таким учащимся строгие меры вплоть до телесного наказания, чтобы «внушить им, что они не будут возвращены домой, пока не будут лучше учиться»[733]. Следует отметить, что применение телесных наказаний для провинившихся и нерадивых учащихся являлось распространенным явлением во второй четверти XIX в.

---

730 Там же. Л. 230.
731 Там же. Ф. 33. Оп. 5. Д. 9/35. Л. 36 об.
732 Там же. Л. 260.
733 Там же. Л. 63.

В Вологодской губернии училища для подготовки писарей при волостных правлениях появились в 1836 г. и успешно работали на протяжении длительного времени. Так, 1843 г. в них на общественном содержании находилось 207 мальчиков, из них в уездных училищах обучалось 18 человек, в городских приходских – 9, в сельских приходских – 40 и у местных священников – 22, а 118 учеников находились при губернской палате государственных имуществ, в окружных и волостных правлениях для практического обучения письмоводству, в чертежной при уездном гражданском инженере, а также во второй комиссии корабельных рот[734]. В Вологодской губернии были примеры материальной помощи содержанию школ со стороны крестьян. Так, на обустройство Шуйского волостного училища этой же губернии крестьянами Коркиным и Кожевиным в 1837 г. было пожертвовано 250 руб., а в 1838 г. выстроен деревянный дом[735].

В Архангельской губернии школы волостных писарей в казенных селениях появились в сентябре 1839 г. В рапорте архангельского губернатора П. В. Степанова за 1839 г. сообщалось о попытке по организации таких школ: был составлен список 110 мальчиков из 35 волостей Архангельской губернии. Но на этом все и закончилось. Губернатор отмечал, что «родители избранных детей неохотно повиновались воле начальства, сельские общества в приговорах своих объясняли, что они понести издержки на содержание избранных по бедности своей не могут»[736]. Также крестьяне не соглашались отправлять своих детей в уездные города на обучение грамоте. Для организации этих школ создали приуготовительную комиссию, но она мало изменила создавшуюся ситуацию.

В качестве еще одного способа обучения грамоте крестьянских детей для подготовки из них волостных писарей была предложена единовременная выплата жалованья местным священникам. За определенную плату, выдаваемую Приказами общественного призрения, церковнослужители в своих домах давали крестьянским мальчикам элементарные сведения по

---

[734] РГИА. Ф. 383. Оп. 6. Д. 5094. Л. 5.
[735] ВГВ. 1841. № 52.
[736] РГИА. Ф. 733. Оп. 23. Д. 131. Л. 17 об.

русскому языку, чтению, арифметике и тем самым готовили их к поступлению в уездные училища, минуя приходские. Размер такого жалованья священникам был мизерным и составлял 25-30 руб. в год.

В 1840-е годы подготовка крестьянских детей в городских уездных и приходских училищах постепенно прекращалась. Так в «Ведомости о приходских училищах Вологодской губернии» за 1845 г. указывалось, что на обучении в уездных городах к писарским должностям оставались 103 человека, из которых только шестеро обучались в приходских школах, других учащихся приучали к письмоводству при Вологодской окружной палате государственных имуществ[737].

С мая 1840 г. в Министерстве государственных имуществ началась активная деятельность по организации училищ в селениях государственных крестьян. Реформа П. Д. Киселева предполагала открытие училищ в самих селах без отрыва детей от родителей, как для получения общего начального образования, так и для подготовки из них писарей.

Местным органам данного ведомства – палатам государственных имуществ и уездным конторам было поручено открытие приходских училищ в сельских обществах для подготовки крестьянских детей к работе письмоводителями, помощниками фельдшеров, землемеров и других специалистов. Школы в системе Министерства государственных имуществ имели практическую ориентацию. В этих начальных учебных заведениях предусматривалось обучение учащихся элементарным основам российской грамоты (письму, чтению, арифметике и Закону Божьему). В преподавании учебных предметов большое внимание обращалось на обучение скорописи и знакомство учащихся со счетом, мерами веса, монетами и т. п. Получение же профессиональных знаний проходило под руководством соответствующих специалистов в губернских или уездных учреждениях. Организация таких школ была необходима при намерении властей включить самих крестьян в систему управления государственными селениями.

---

[737] Там же. Ф. 383. Оп. 6. Д. 5094. Л. 101-112.

Первый министр государственных имуществ П. Д. Киселев старался широко пропагандировать идею учреждения сельских приходских училищ, возбуждая к ней сочувствие помещиков и государственных крестьян[738]. В 1838 г. в губернские Палаты государственных имуществ было разослано циркулярное предписание, в котором предлагалось представить конкретные сведения о ранее существовавших приходских училищах[739]. В мае 1840 г. последовало новое указание министерства о создании училищ в волостных центрах и обучении грамоте в своих селениях. По плану министра предполагалось открыть приходские училища в каждой волости, чтобы каждое волостное общество имело начальную школу. В распоряжении особо указывалось, что вся ответственность за успех обучения возлагалась на учителей[740].

Выпускники училищ казенного ведомства по достижении ими 16-летнего возраста могли поступить в волостные и сельские писари. Сам П. Д. Киселев в 1842 г. определил назначение и цель сельских училищ следующим образом: «Распространять между государственными крестьянами религиозно-нравственное образование и первоначальные для каждого сословия более или менее нужные сведения»[741].

22 июня 1842 г. вышло высочайшее повеление об устройстве училищ для государственных крестьян на основе школьного устава 1828 г. «под непосредственным наблюдением местного управления государственным имуществом и на счет общественного сбора»[742]. Все открытые учебные заведения в государственной деревне школы Духовного ведомства получали статус приходских училищ и переходили в ведение Министерства государственных имуществ. Следует обратить внимание, что школы, относящиеся к Министерству народного просвещения, сохраняли свой прежний статус. Предполагалось постепенно открыть 2000 училищ в

---

[738] Дружинин Н. М. Государственные крестьяне и реформа П. Д. Киселева. М.; Л, 1946. Т. 2. С. 249.
[739] РГИА. Ф. 383. Оп. 1. Д. 3. Л. 4-5 об.
[740] Там же. Оп. 6. Д. 5105. Л. 1.
[741] Милюков П. Н. Очерки по истории русской культуры… Т. 2, ч. 2. С. 321.
[742] Рождественский С. В. Исторический обзор деятельности Министерства… С. 284.

казенных селениях Российской империи. На выполнение этой задачи потребовалось около 10 лет[743].

Содержание курса обучения в этих училищах, их управление, система надзора за ними, выбор наставников и способы содержания были подробно определены в «Наставлении для управления сельскими приходскими училищами в селениях государственных крестьян», изданном в июле 1843 г. Школы, находящиеся в ведение Министерства государственных имуществ, учреждались в больших селениях, населенных исключительно государственными крестьянами. В них принимались дети с 8 лет по желанию родителей. Обучение было 3-летним. После окончания училища наиболее способные ученики направлялись на службу в палаты государственных имуществ в округа в качестве помощников окружных начальников.

Содержались такие училища за счет самих крестьян: государственные крестьяне обложены были для этой цели особым общественным сбором. Ежегодно министерство тратило на содержание училищ не менее 258 тысяч (в 1845 г.) и не более 417 тысяч руб. (в 1847 г.). Эти расходы покрывались суммами общественного сбора, предназначенного на подготовку сельских волостных писарей, а при недостатке таких сумм – отчислениями от хозяйственного капитала[744]. Предполагалось, что годовое содержание каждого приходского училища составит 250 руб. Эта сумма шла на выплату жалованья учителю в размере 85 руб., помощнику учителя – 75 руб., на наем, отопление и освещение школьного дома – 45 руб., на покупку учебных пособий – 27 руб. 50 коп., и на оплату труда сторожа –17 руб. 50 коп. в год. Если наставник обучал 40 учеников, то он получал прибавку – 15 руб., свыше этого количества еще 15 руб.[745]

---

[743] Давитлидзе Г.Г. Общеобразовательная школа Кубани в системе народного просвещения Российской империи: Автореф. дис… канд. ист. наук. Краснодар, 2007; Калинина Т.А. Развитие народного образования на Урале в дореформенный период (80-е годы XVIII – 1861 г.). Автореферат дисс… канд. ист. наук. Пермь: Пермский университет, 1992; Костюкова А.В. Начальное народное образование в Новгородской губернии в дореформенный период (1802-1864 гг.): Автореф. дис… канд. ист. наук. СПб., 2005; Мирсаитова С.Г. Народное образование на Южном Урале в первой половине XIX в.

[744] Дружинин Н.М. Государственные крестьяне и реформа П. Д. Киселева… Т. 2. С. 249.

[745] Там же.

Органам Министерства народного просвещения предоставлялось право наблюдения за учебной частью. Губернские директора училищ и штатные смотрители обязаны были осматривать эти училища и о результатах доносить в местную Палату государственных имуществ и в окружные правления, а те в свою очередь сообщали директору училищ сведения об открытии и закрытии каждого образовательного учреждения. Хозяйственная же часть находилась в ведение волостных голов и окружных начальников. Им вменялось в обязанность «внушать крестьянам пользу и важность учреждения сельских училищ и всемерно стараться склонять их к отдаче детей в оные»[746]. При такой организации учебного дела на местах училища Министерства государственных имуществ вполне могли удовлетворить потребности общества в образовании своих детей.

Обучение учебным предметам вверялось также сельским священникам, если не хватало учителей. Поэтому епархиальное начальство должно было заботиться об «избрании достойных наставников из местных священников, дьяконов и причетников, или из окончивших курс воспитанников семинарии»[747]. Священники охотно соглашались работать в казенных школах, где их труд вознаграждался. Для большей части церковнослужителей, особенно для выпускников духовных семинарий, которые не получили место приходского священника, это было «лучшее место в жизни»[748]. Деятельность наставника сельского училища была гораздо выгоднее и почетнее причетнического служения: учитель получал годовое жалованье и готовую квартиру с отоплением и освещением.

Архивные материалы иллюстрируют согласованность действий Министерства государственных имуществ и Духовного ведомства в данном вопросе. Особенности процесса взаимодействия разных ведомств в организации школ можно рассмотреть на примере Архангельской губернии,

---

[746] РГИА. Ф. 383. Оп. 6. Д. 5094. Л. 32.

[747] Воронов А.С. Историко-статистическое обозрение… СПб., 1849. С. 230.

[748] Касаткин П. О сельских училищах в Устьсысольском округе ведомства Министерства государственных имуществ // Русский педагогический вестник. 1860. № 7. С. 326.

где с 1843 г. началось учреждение училищ. Губернская казенная палата предписала всем окружным начальникам «доставить свои соображения», в каких селениях удобнее открыть школы. Епархиальное начальство в это время занималось поиском сельских священников и диаконов для преподавания учебных предметов[749].

Как указывалось выше, в Олонецкой губернии организация волостных училищ проходила на базе школ, открытых еще в 1837-1838 гг. Духовным ведомством по «Правилам для первоначального обучения поселянских, в том числе и раскольничьих детей». Начиная с 1841 г. эти школы постепенно стали переходить в ведение Министерства государственных имуществ. Поэтому в Олонецкой губернии наряду с увеличением численности казенных школ происходило резкое сокращение количества приходских училищ церковного ведомства. Если в 1840 г. при церковных приходах Олонецкой епархии существовало 207 школ, то в 1844 г. их насчитывалось только 6. С передачей школ в ведение МГИ Духовное ведомство было согласно, т.к. это улучшало материальное обеспечение священников-учителей, тем более, а контроль над деятельностью училищ оставался в ведении епархиального начальства. Министерство же, приглашая священников в школы в качестве учителей, таким образом решало кадровый вопрос.

Какой была динамика школьного строительства в сельских поселениях Европейского Севера России и Северо-Запада? Если в 1841 г. на территории Олонецкой губернии действовало 6 училищ, в которых обучалось 76 мальчиков, то к 1853 г. их насчитывалось уже 22, где обучалось 733 ученика (675 (92,1%) мальчиков и 58 (7,9%) девочек)[750]. Процесс создания казенных школ в Вологодской губернии шел гораздо быстрее, чем в других губерниях, входящих в Санкт-Петербургский учебный округ. На территории этой губернии в 1842 г. открылись 4 школы, а в 1853 г. их численность увеличилась до 62 с 1999 учениками (1977 мальчиков и 22 девочки). Рост

---

749 РГИА. Ф. 383. Оп. 6. Д. 5094. Л. 1; Д. 5124. Л. 1.
750 НА РК. Ф. 25. Оп. 1. Д. 33/21.

численности училищ и учащихся наблюдался повсеместно. По данным исследователя истории народного просвещения А. В. Костюковой, в 1843 г. Министерство государственных имуществ отметили Новгородскую губернию, где по Московскому учебному округу было открыто больше всех школ. Так, в Новгородской губернии в 1846 г. работало 26 училищ, где обучалось 1061 учащихся, а в 1851 г. в 30 школах училось 1200 человек, из них 120 (10%) составляли девочки[751].

Статистические данные по Санкт-Петербургскому учебному округу за 1853 г. демонстрируют значительное превосходство численности и организации школ Министерства государственных имуществ над другими ведомствами. Так на 1 января 1853 г. в восьми губерниях округа насчитывалось 226 училищ Министерства государственных имуществ, 25 школ Министерства уделов, 9 – Горного ведомства, а училищ, содержащихся помещиками, всего 4[752].

Следует заметить, что контроль над училищами осуществлялся как со стороны Министерства государственных имуществ, так и по линии Министерства народного просвещения. Министерство государственных имуществ представляло отчеты о реализации школьной реформы по губерниям, а училищное – по учебным округам. Успехи открытия училищ в 1843 г. воодушевили министерство на дальнейшие действия по распространению просвещения среди государственных крестьян. Губернским палатам предписывалось ускорить выполнение программы по созданию учебных заведений Министерства государственных имуществ на селе. Однако выполнить эти распоряжения было непросто, особенно в отдаленных селениях. Например, в Архангельской губернии из предполагаемых к открытию 38 школ в 1843 г. начали работу только 16. Поэтому в 1844 г. Архангельской казенной палате было предписано в ближайшее время открыть еще 22 училища. Однако губернская палата согласилась

---

751 Костюкова А.В. Начальное народное образование в Новгородской губернии в дореформенный период (1802-1864 гг.): Автореф. дис… канд. ист. наук. СПб., 2005. С. 18.
752 Воронов А.С. Историко-статистическое обозрение… СПб., 1849. С. 238.

организовать деятельность только 12 школ: «В Архангельской губернии по разобщенности населения и притом мелким деревням весьма затруднительно отдавать крестьянам своих детей в училища». Судя по «Ведомости о числе волостей с показанием, где находятся приходские училища и где таковые предполагается учредить вновь» за 1844 г. в Архангельской губернии было открыто 21 училище, а в 1845 г. планировалось открыть еще 13 школ[753]. К 1853 г. здесь действовало всего 19 сельских училищ.

При организации сельских училищ в системе МГИ также встречаются примеры благотворительности со стороны жителей, которые оказывали содействие при открытии училищ, предлагая для их размещения собственные дома. Например, в Вологодской губернии в декабре 1844 г. волостной голова Афанасий Савельев пожертвовал для училища «деревянный дом, стоящий 150 руб.»[754] Некоторые из крестьян делали небольшие денежные взносы от 1 до 20 руб. или жертвовали процент от капитала. Такие пожертвования в пользу Масельско-Паданского приходского училища Олонецкой губернии внес купец из Рыбинска Тюменев[755]. Отметим, что только в течение 1843 г. государственными крестьянами на содержание школ было пожертвовано 9833 руб. 28 коп. и 33 дома передано для размещения училищ[756]. Как правило, значительная материальная помощь поощрялась высшим начальством. Крестьянин Афанасий Чертов из Архангельской губернии пожертвовал на содержание Елецкого приходского училища 100 руб., за что ему от имени министра П. Д. Киселева была объявлена благодарность и вручен похвальный лист: «в ознаменовании признательности начальства за таковой подвиг»[757]. Иногда крестьяне отдавали в пользу училищ то, в чем перестали нуждаться сами. Так, крестьянами Семеном Бураковским и Алексеем Холминским для Важинского училища в Олонецкой губернии

---

[753] РГИА. Ф. 383. Оп. 6. Д. 5124. Л. 46-48.
[754] Там же. Д. 5094. Л. 48.
[755] НА РК. Ф. 33. Оп. 2. Д. 3/38.
[756] Раев А. Ф. О мерах к распространению образования между государственными и удельными поселянами// ЖМГИ. 1860. № 9. Ч. 75. С. 46-47
[757] РГИА. Ф. 383. Оп. 6. Д. 5124. Л. 36.

были пожертвованы избы, которые, как оказалось, «пришли в гнилость от течи в крышах»[758]. Дома пришлось продать, а вырученные деньги – 17 руб. пополнили училищный капитал.

Несомненно, большим успехом развития системы школ Министерства государственных имуществ стало появление среди учащихся представительниц женского пола, численность которых ежегодно увеличивалась. Так, если в 1847 г. в губерниях Санкт-Петербургского округа из 5600 учащихся было только 30 девочек (0,1%), причем только в Вологодской – 23 и в Олонецкой – 7, то в 1853 г. среди 7207 учтенных по округу учащихся сельских школ девочек насчитывалось 407 (5,6%). Из них в Архангельской губернии – 47, Вологодской – 22 и в Олонецкой – 58 девочек[759].

Успехам работы учебных заведений Министерства государственных имуществ отводилось значительное место среди газетных публикаций в губернской периодической печати. Как правило, это были путевые заметки штатных смотрителей училищ или жителей губернии, а также воспоминания бывших учеников. Представленные материалы раскрывали как достижения, так и проблемы в развитии этих училищ. Среди успехов отмечалось увеличение количества учащихся и то, что предпринятые меры обучения крестьянских детей «соответствуют духу времени и обнаруживают в самих крестьянах потребности образования»[760]. По мнению авторов, препятствиями дальнейшего успешного развития школьного дела являлись недостаток общественных средств, отсутствие хороших методик преподавания и предубеждение крестьян против всяких нововведений[761]. Указывалось и на проявление заинтересованности крестьянского населения в открытии школ, что выражалось в их добровольных пожертвованиях[762].

---

758 Там же. Д. 5105. Л. 102.
759 Воронов А.С. Историко-статистическое обозрение… СПб., 1849. С. 233.
760 Успехи мер к распространению образования между государственными крестьянами // АГВ. 1846. № 13.
761 Там же.
762 Там же.

Местные корреспонденты губернских изданий в своих статистических и этнографических описаниях деревень обычно обращали внимание на грамотность жителей села и желание крестьян обучать своих детей грамоте. «Народ Кокшеньги весьма смышлен и имеет особую наклонность к грамотности…, – писал один из них. – У каждого занимающегося, даже неграмотного крестьянина можно найти в доме одну или несколько книг, большей частью духовного содержания, в домах же более достаточных, и притом в тех, где есть грамотный – псалтирь, часовник и святцы считаются необходимой потребностью»[763].

Несмотря на успехи в организации учебных заведений казенного ведомства, оставалось немало трудностей. Самой сложной проблемой был вопрос обеспечения училищ квалифицированными педагогами. Архивные документы показывают, что многие церковнослужители-учителя волостных училищ не владели методикой преподавания учебных предметов, некоторые из них были сами малообразованны и едва умели читать и писать. К тому же деревни находились на большом расстоянии друг от друга и от церкви, и священникам было «весьма трудно совмещать в одном лице церковные и приходские обязанности с училищными»[764], как писало епархиальное начальство. «Не желают они отдавать детей к священнику Даниилу Малошальскому»[765], – сообщалось о жителях села в одном из рапортов Олонецкой казенной палаты в Духовное ведомство. Ситуацию осложняла и языковая проблема. Во время посещения директором училищ М. И. Троицким Олонецкого уезда в 1843 г. учитель И. Каргопольцев сообщил, что в школу поступили ученики «все без исключения карелы и до поступления в школу нисколько не говорили по-русски»[766]. В связи с этим вставал вопрос о священниках, которые не только обладали бы достаточными сведениями и способностями к преподаванию, но и владели бы карельским языком.

---

[763] Попов В. Описание Кокшеньги (Тотемского уезда) // ВГВ. 1857. № 24.
[764] РГИА. Ф. 383. Оп. 6. Д. 5105. Л. 73 об.
[765] Там же.
[766] НА РК. Ф. 17. Оп. 5. Д. 8/17. Л. 84.

Министерство государственных имуществ требовало от Святейшего Синода скорейшей замены священников, неподготовленных к педагогической деятельности. Но осуществить подбор необходимых педагогических кадров для дальних приходов было сложно, поскольку в штате приходской церкви состоял только один священник. Для решения кадровой проблемы приходилось прибегать к услугам лиц, не получивших по тем или иным причинам священнического сана, но они в большинстве случаев не отвечали даже элементарным требованиям[767].

Одной из трудных проблем в организации обучения стала частая перемена наставников. При переводе священников в другие приходы и назначении новых проходило несколько месяцев, и все это время дети оставались без обучения. Министерство по поводу таких фактов требовало от епархиального начальства разъяснений и просило, чтобы «без укоризненного повода не перемещать в другой приход без крайней необходимости»[768]. Несомненно, такое положение дел сказывалось на итогах успеваемости учащихся в сельских школах.

Помочь в решении кадровой проблемы могли учащиеся духовных семинарий, которых по указанию консистории отправляли на учительские места в сельские школы. Но семинаристы в дальние приходы ехать отказывались. И все же в ожидании вакансии приходского священника они привлекались к преподаванию в сельских училищах. Об этом свидетельствует отношение архиепископа Олонецкого и Петрозаводского Венедикта П. Д. Киселеву. Архиерей сообщал, что избраны лучшие студенты Олонецкой духовной семинарии, но не по собственному желанию, «им с прочими от меня сделано нарочитое внушение, чтобы то время, чрез которое продолжится невозможность поступить на священнослужительские места, употребили они на наставническое в сельских училищах занятие с должною начальственным назначениям покорности»[769].

---

[767] Дружинин Н.М. Государственные крестьяне и реформа П.Д. Киселева … Т. 2. С. 252.
[768] РГИА. Ф. 383. Оп. 6. Д. 7735. Л. 16.
[769] Там же. Д. 5105. Л. 75

Организация сельских школ по-прежнему была осложнена недостаточным финансированием училищ. Губернские палаты постоянно жаловались на недостаток училищного капитала для открытия новых школ. «Не имеем в распоряжении свободных сумм»[770], – обращалась архангельская Палата с просьбой о доставлении из государственного казначейства на открытие 12 училищ дополнительно 2100 руб. в декабре 1845 г. При этом указывалось, что в отдаленных волостях открыть школы затруднительно «по разъединению селений на больших пространствах» губернии. Добавочные суммы министерством были выделены только на четыре училища, и было предложено «не устраивать в Архангельской губернии новых училищ и упразднить открытые, в коих менее 10 учащихся»[771].

Резкое несоответствие между количеством открываемых школ и ограниченными размерами денежных ассигнований обнаружилось и в Вологодской губернии. Так, в селениях Коровичи, Борисово и Федорово Вологодского уезда прекратили деятельность те школы, где обучалось по одному мальчику[772]. Отметим, что в западных губерниях России власти пошли по другому пути и малочисленные «излишние» школы переоборудовали в передвижные, переводя их из одной местности в другую[773].

Хозяйственная часть сельских школ оставляла желать лучшего. Школьные помещения, располагавшиеся, как правило, в наемных крестьянских избах, были тесными и не приспособленными для проведения уроков, остро ощущалась нехватка учебных пособий. Сам П. Д. Киселев, объезжая в 1846 г. государственные имения Тверской губернии, нашел в училищах неустройство в помещении и чистоте[774].

Еще одной важной проблемой была многоуровневая система контроля над учебными заведениями, когда одно и то же училище администрировали два, а то и три ведомства одновременно. Это вносило определенную неразбериху среди

---

770 Там же. Д. 5124. Л. 59.
771 Там же. Л. 110.
772 Там же. Д. 5094. Л. 20.
773 Дружинин Н.М. Государственные крестьяне и реформа П.Д. Киселева… Т. 2. С. 249.
774 ам же. С. 250.

надзирающих органов по вопросам надзора и контроля. Особую трудность при обозрении училищ различного подчинения испытывали проверяющие лица. Одной из проблем надзора являлось методическое руководство в преподавании учебных предметов, которое могли осуществить только специалисты с педагогическим образованием, а именно представители училищного ведомства. Как правило, это были штатные уездные смотрители или директора училищ. Многие из них были выпускниками российских университетов и имели опыт педагогической деятельности. Они владели методикой преподавания предметов, могли выявить конкретные недостатки в обучении детей, дать тот или иной совет по улучшению успеваемости в училищах. Представители других ведомств чаще всего не обращали внимания на эти проблемы, хотя многие трудноразрешимые вопросы учения зависели от методических приемов, применяемых учителями. Поэтому в отчетах Министерства государственных имуществ и Духовного ведомства сообщались общие итоги успеваемости учащихся и давалось подробное описание хозяйственной части школ.

При обозрении училищ ведомственные чиновники обращали особое внимание на состояние учебной и хозяйственной части учебных заведений, на методику преподавания предметов, а также на добросовестность и трудолюбие священников. «Учитель-священник к делу своему весьма способен и усерден,… имеет достаточные педагогические способности,… священник имеет все достоинства умного и благонравного наставника»[775], а «учителя всемерно стараются внушить мальчикам страх Божий, повиновение к власти, имеют бдительный надзор за нравственностью их и наблюдение»[776], – отмечалось в отчетах ревизоров. Дети в воскресные дни посещают церковь. Отметим, что были и другие характеристики педагогов: «неудачный учитель…, стар,… нигде сам не учился, не знаком с методикой»[777].

Иногда проверяющие, инспектировавшие училища, свои отчеты не только предоставляли высшему начальству, но и помещали их в периодических

---

[775] НА РК. Ф. 17. Оп. 5. Д. 8/17. Л. 84.
[776] РГИА. Ф. 383. Оп. 6. Д. 5105. Л. 3 об.
[777] НА РК. Ф. 17. Оп. 5. Д. 8/17. Л. 84.

изданиях. Их взгляд на организацию учебного дела был своеобразен. Некоторые из них считали, что школы, учрежденные духовенством и Министерством государственных имуществ, стоят на низкой ступени как по своим средствам, так и по характеру своей деятельности и по слабости влияния на уровень умственного развития в народе[778]. Так, П. Касаткин, штатный смотритель Устьсысольского уезда Вологодской губернии после обозрения сельских волостных училищ поместил свои заметки в журнале «Русский педагогический вестник». Он отметил недостатки состояния и содержания сельских училищ в подведомственном ему уезде. «Ученические столы – красные, сомнительного цвета и все смотрят инвалидами…, знания неудовлетворительные, читают вяло, растянуто, безжизненно, наставник не вникает в положение ребенка… бесчеловечный метод учения… наставник – дочь священника, настоящий автомат, в своей жизни ничего поучительного не встречала и не слыхала»[779]. Автор писал, что, несмотря на финансовую поддержку школ, помещения училищ находились в жалком состоянии, уровень обучения детей грамоте был низким, в училищной библиотеке не было ни одной книги для детского чтения. Из 26 учащихся только шестеро учеников могли прочитать текст и совсем не понимали прочитанного. Сами же наставники были малообразованные люди. Так одна из них, кроме псалтыри ничего не читала и дальше уездного города нигде не была[780]. «Где же взять хороших преподавателей в сельские училища на такое скудное жалованье, и притом без всяких видов в будущности»[781], — сетовал один из проверяющих. При обозрении сельских училищ в Псковской губернии И. Шарловский отметил, что «сельские школы находятся в самом плачевном состоянии»[782].

Интересно обратиться к мемуарным источникам, которые демонстрируют нам взгляд на казенные училища «изнутри». Бывшие выпускники таких школ

---

[778] Барсов Н. О народных школах в средней России // Отечественные записки. 1863. № 11/12. С. 491.
[779] Касаткин П. О сельских училищах Грязовецкого уезда ведомства Министерства государственных имуществ // Русский педагогический вестник. 1861. № 8. С. 48.
[780] Там же. С. 47.
[781] Касаткин П. О сельских училищах в Устьсысольском округе... С. 327.
[782] Шарловский И. Народное образование по местным исследованиям // Отечественные записки. 1864. № 5. С. 158.

в своих воспоминаниях высказывали мнения, суждения о способах преподавания учебных предметов, о пользе учения, о преподавателях. Многие отмечали, что метод обучения в то время был «слишком схоластичен и мало приспособлен … к развитию ребенка и вызвать к самостоятельности его душевные силы»[783]. Почти все мемуаристы указывают на слабый уровень подготовленности учащихся: «знали только кое-как читать да писать и больше ничего»[784]. Любопытны упоминания бывших учеников казенных школ о своих педагогах. Некоторые из них с большим уважением вспоминают тех учителей, которые добросовестно относились к своему делу. Такие преподаватели давали крестьянским детям прочные знания, и тогда «грамотность быстро распространялась в селе. Почти каждое семейство имело в среде своей… учащегося»[785]. Но чаще всего учителя-священники остались в памяти бывших выпускников как строгие и малограмотные педагоги. Они вспоминали: «Но какой Федосеевич был учитель, когда он и сам куда-небойко разбирал церковные книжки. Если же Федосеевичу приходилось прочесть… книги из гражданской печати, то тут он постоянно запинался и путался»[786].

Школы Министерства государственных имуществ работали, и с каждым годом их численность постоянно увеличивалась. Если в начале реформы на территории Российской империи в 1842 г. в 226 училищах обучалось 11 386 учеников, то уже в 1843 г. численность школ возросла до 1486, в которых обучалось 38 485 учащихся, а в 1856 г. на обучение в 2566 школах казенного ведомства поступило учиться 112 460 детей[787]. И это был шаг вперед, и грезились большие перспективы по развитию просвещения среди народа. Но в целом по Российской империи учебных заведений и учащихся в них было мало. Например, в Вологодской губернии в селениях государственных крестьян одна школа приходилась на одну-две волости, на 180-200 сел и

---

783 Братцев В. Жертвы неразумного воспитания // Странник. 1879. Т. 3. № 2. С. 295.
784 Там же. С. 302.
785 Л. Два учителя одной сельской школы // Воспитание. 1861. № 1. С. 48.
786 Братцев В. Жертвы неразумного воспитания... С. 298.
787 Дружинин Н.М. Государственные крестьяне и реформа П.Д. Киселева… Т. 2. С. 250.

деревень, а один ученик – на 176 жителей (один учащийся на 100 мужчин и одна ученица на 577 женщин)[788].

По-разному оценивали результаты деятельности училищ и историки народного просвещения. По мнению А. С. Воронова, государственным издержкам на организацию школ в казенных селениях вполне соответствовали и результаты учения. Ученики, окончившие курс учения в 1844 г., принимались в палаты и окружные правления для практического приготовления в писарские должности, землемеры, топографы, ветеринарные врачи и фельдшеры[789]. Таким образом, волостные школы заложили начало профессиональному образованию в России.

Однако исследователь реформы государственных крестьян Н. М. Дружинин по-другому оценивает деятельность Министерства государственных имуществ по организации сельских школ. По его мнению, ничтожные ассигнования на школьное дело не могли обеспечить не только всеобщего охвата государственной деревни, но и создания необходимых условий для организации начального обучения в волостном масштабе. Школьные помещения были тесными и грязными, учебных пособий не хватало, школы отстояли порой на десятки верст от местожительства учащихся, остро стояла и кадровая проблема[790].

Таким образом, в организации учебного процесса, состоянии хозяйственной части училищ были определенные успехи и многочисленные проблемы. «Школа открыла дорогу нам, но община, на средства которой отчасти она содержалась, что она выиграла от этой начальной школы? Сделала ли она грамотными всех в общине, подняли ли уровень образования жителей села…, и сделала ли она оную такою же потребностью жизни, как соседний кабак? Где же и в чем причина?»[791] — писал один из бывших

---

788 Памятная книжка для Вологодской губернии на 1861 г. Вологда, 1864. С. 66.
789 Воронов А.С. Историко-статистическое обозрение… СПб., 1849. С. 233.
790 Дружинин Н.М. Государственные крестьяне и реформа П. Д. Киселева… Т. 2. С. 250.
791 Лемехов П. Из школьных воспоминаний // Школьная жизнь. 1873. № 32. С. 714.

учеников такого сельского училища, который так и не нашел ответов на эти вопросы.

Организацией сельских училищ в Олонецкой губернии по Уставу 1828 г. занималось и Олонецкое горное правление, которое открывало школы в тех селениях, где находились горные заводы. Впервые этим ведомством были открыты четыре школы в 1848 г., где обучалось 136 мальчиков и 15 девочек[792]. Наставниками в них были местные священники, которые получали жалованье 85 руб. в год. Все школы находились в Петрозаводском уезде. В 1855 г. было уже 8 таких школ, в которых учились 301 мальчик и 9 девочек.

В редких селениях местное население проявляло интерес к открытию в деревне приходских училищ. Смотритель Вытегорского уезда А. Луневский, обозревая подведомственную территорию в 1832 г., в своем отчете отметил, что крестьяне Тихманской волости «очень желают и обещаются по возможности помогать содержать школу»[793]. Школа была открыта только в 1834 г. и благодаря местному священнику, который согласился обучать детей безвозмездно и поместил училище в собственном доме. В 1836 г. Салменижское волостное правление Олонецкой губернии на сельском сходе убеждало крестьян «учредить несколько приходских училищ для распространения русского языка»[794].

В апреле 1842 г. на совете Олонецкой гимназии слушался вопрос о разрешении бывшему канцеляристу Олонецкой духовной консистории Григорию Защепину преподавать основы российской грамматики среди крестьянских детей. В совет гимназии Г. Защепин предоставил свидетельство о благонадежности, подтвержденное крестьянами Пряжинского общества, в котором указывалось, что «он проживал в … Пряжинском погосте с 1840-1842 гг., в чем себя хорошо проявил»[795]. При этом крестьяне соглашались

---

792 НА РК. Ф. 25. Оп. 3. Д. 7/124. Л. 58.
793 Там же. Ф. 17. Оп. 2. Д. 2/8. Л. 249.
794 Там же. Ф. 25. Оп. 20. Д. 78/90. Л. 32.
795 НА РК. Ф. 17. Оп. 4. Д. 1/1. Л. 285.

открыть в Пряже училище для обучения крестьянских детей и пригласить в школу Г. Защепина в качестве учителя: «…мы ему, Защепину верим, в чем и подписуемся»[796]. Члены совета гимназии решили вопрос положительно: «…быть впредь ему, Защепину, при Пряжинском обществе в приходском училище учителем для обучения крестьянских детей российской грамоте»[797]. Григорий Защепин прошел при совете испытание на право преподавания в училище, был признан способным и получил специальное свидетельство.

В начале 1850-х гг. в ежегодных отчетах олонецких губернаторов о состоянии губернии появляется информация о росте заинтересованности крестьян в обучении своих детей. Так, в отчете за 1851 г. губернатора Ю. А. Долгорукова отмечалось, что «в низшем классе народа местные сельские школы мало-помалу развивают просвещение между крестьянами, которые понимают благодеяние этих учреждений»[798]. Заметим, что и в отчете за 1852 г. было сказано, что «низшие сословия, для которых существуют сельские школы, понимают благодательную пользу этих учреждений и охотно отдают детей своих в училища»[799].

Тем не менее в основной массе крестьян не было еще сознания необходимости грамотности как средства к улучшению их нравственного состояния и хозяйственного быта. Многие из них обучали своих детей по какому-нибудь расчету, постоянному внушению. Приобретение грамотности для крестьян в это время еще воспринималась как дополнительные хлопоты и обременительная статья расходов. Чтобы привлечь внимание крестьянского населения к школе, учитель часто вынужден был «заманивать» детей различными подарками, а беднейшие семейства обеспечивать одеждой и обувью[800].

---

[796] Там же.
[797] Там же. Л. 286.
[798] Там же. Ф. 27. Оп. 2. Д. 5/65. Л. 29.
[799] Там же. Л. 38.
[800] Золотов В. Исследования крестьянской грамотности по деревням, преимущественно Тверской губернии и частью Московской // ЖМНП. 1863. Ч. 118. С. 409.

3.2.3. Развитие частного образования в первой половине XIX в.

Обучение в частных учебных заведениях было привлекательным для разных социальных групп провинциального общества первой половины XIX в. Большинство таких школ давали элементарное образование: здесь приходящих детей обучали чтению, письму и счету. Содержателем частной школы мог быть иностранец или российский подданный «свободного состояния». Домашнее обучение за небольшую плату осуществляли церковно- и священнослужители, преподаватели средних учебных заведений и их жены, выпускники гимназий и пансионов, отставные чиновники, иностранцы и другие лица, более или менее владеющие грамотой. Статьи школьного Устава 1804 г. оговаривали статус и рамки деятельности частных пансионов, но не затрагивали способов организации и деятельности таких небольших «домашних» школ, а также не регламентировали права и обязанности работающих в них учителей. Так, частный пансион являлся утвержденной властями формой обучения с проживанием детей или без проживания, а «домашняя школка» – неутвержденная, стихийная и непостоянная, которую было трудно регламентировать и определить ее официальный статус.

Однако вдали от центров в течение всей первой половины XIX в. имела достаточно широкое распространение практика обучения детей в частных школах, которые назывались «школками». Обычно они открывались стихийно, без ведома училищного начальства по согласованию с родителями учеников. Домашний учитель занимался чаще всего в собственном или частном доме с несколькими детьми. Такие учебные заведения высшим училищным начальством признавались вредными и по представлению директоров народных училищ закрывались. Однако установить тщательный контроль за деятельностью домашних педагогов в первой четверти XIX в. не удавалось.

Случаи существования «домашних» школ в северных губерниях России были не единичны. По сообщениям директоров, смотрителей и

преподавателей училищ, они открывались повсеместно. Так, в 1804 г. директор народных училищ Олонецкой губернии А. Е. Крылов доносил Петрозаводскому городничему: «Здесь в губернском городе содержатели и содержательницы в некотором роде домашних наставников обучают чтению и письму детей обоего пола не по методу, в народных училищах веденному, и не по книгам в них употребляемым, не имея на то дозволения от Приказа общественного призрения, ни свидетельства о своем звании от здешнего Главного народного училища». Такая же «тайная школа» в это время существовала и в Олонце «у мещанки Степаниды Федоровой и Анны Красильниковой и мещанской девицы Ириньи Соседовой»[801].

Данные по Архангельской губернии о деятельности домашних школ содержатся в рапортах земских начальников. Так шенкурский городской голова в феврале 1804 г. сообщил губернатору: «Малолетних у нас мещанских до 7 мальчиков, которых родители учат российскому чтению, письму, арифметике, закону Христианскому своим попечением»[802]. Сведения о деятельности частных школ на территории Кемского уезда содержатся в исторической записке Кемского уездного училища, составленной в 1823 г. В ней отмечалось, что по незнанию грамоты жители уезда «прибегали к раскольникам и раскольницам-грамотеям и поручали им обучение детей своих чтению и частью письму»[803].

Подобные школы находились и в Вологодской губернии. Так, «многие жители города Яренска содержали в домах своих партикулярные училища для детей без дозволения по учебной части главного начальства, не зная способа преподавания»[804]. В своих донесениях штатные смотрители уездных училищ регулярно сообщали о деятельности частных школ и сетовали, что, несмотря на их постоянные письменные и словесные доклады, городничие не могли запретить частным лицам обучение детей, которых обучают по домам

---

801 К истории просвещения в Олонецком крае // ОГВ. 1893. № 90.
802 ГААО. Ф. 1. Оп. 3, Д. 308. Л. 14 об.
803 Там же. Ф. 61. Оп. 1. Д. 140. Л. 684.
804 ГАВО. Ф. 438. Оп. 3. Д. 100. Л. 6 об.

не только «мужики, но и бабы, и девки, не взяв на это никакого повеления. А из духовных попы, попадьи, дьяконы, и поддьяконы, дьячки и пономари в своих домах без всякой опаски принимая мальчиков, не перестают обучать»[805]. В 1804-1805 гг. в Устюге учитель А. О. Мудров с квартальными надзирателями осмотрел все частные школы и «нашел производимое в них обучение несообразным с высочайшим Уставом»[806]. Частных учителей оказалось более 20, учеников свыше 85 человек. Обучали дьячки, пономари, мещане, приказные из сиротского суда и городской думы. Таким образом, частное нерегламентированное обучение шло в бóльших масштабах, нежели в открытых государственных начальных училищах.

Факты активной деятельности нелегальных школ были замечены визитатором Санкт-Петербургского Педагогического института профессором П. Д. Лодием, который, осматривая училища округа в 1811 г., в своем отчете отметил, в частности, что жители Каргополя «преимущественно отдают детей своих на учение священникам, содержащим домашние школы без всякого порядка»[807]. Каргопольский городничий обещал проверяющему из Петербурга «прекратить сии беспорядки».

Интересно, что частные школы содержали и сами учителя уездных училищ. Так, в 1816-1820 гг. в Каргополе учитель В. А. Соколов «имел у себя в домашней школе кроме 5 женского, 4 учеников мужского пола и в угодность родителей их, отступая от училищных правил, обучает чтению старинным выговором», – сообщал штатный смотритель С. С. Полидоров директору олонецких училищ С. А. Башинскому[808]. Несмотря на докладные записки смотрителя, никаких предписаний по закрытию данной школы от училищного начальства не поступило.

Иногда грамотные крестьяне также открывали школы без разрешения училищного начальства. Об этом сообщал в своем отчете в 1824 г.

---

805 Там же. Д. 287. Л. 60.
806 Отто Н.К. Вологодская дирекция училищ… С. 30.
807 РГИА. Ф. 733. Оп. 20. Д. 125. Л. 22.
808 ААО. Ф. 1955. Оп. 7. Д. 3. Л. 104.

смотритель училищ Петрозаводского уезда М. А. Копосов. Он писал, что в Ивинском и Муромском погостах крестьяне обучают детей грамоте сами в «домашних» школах, и просил директора народных училищ С. А. Башинского о «воспрещении крестьянам И. Миронову и Е. Устинову обучать детей без позволения начальства»[809]. Не предусмотренная школьным Уставом 1804 г. такая форма обучения без особого на то разрешения высшего училищного начальства, считалась противозаконной.

Тем не менее искоренить частное обучение, особенно в отдаленных поселениях, было непросто, поскольку оно отвечало представлениям и запросам населения. Даже представители местных властей сами пользовались услугами домашних учителей, поручая им обучение своих детей, и не закрывали такие школы. Это было серьезной конкуренцией открывшимся под эгидой Министерства народного просвещения училищам. Так, в августе 1820 г. штатный смотритель Сольвычегодского уездного училища А. Васюткин в рапорте директору училищ М. А. Волоцкому сообщил, что в Сольвычегодске «несмотря на непрестанные мои доклады письменные и словесные городничий Силин не может запретить частным людям обучение детей обывателей... Училище наше остается обнаженным и презренным»[810].

Иногда обнаруженные и работавшие незаконно частные «школки» закрывали, но случалось и так, что при отсутствии в городе министерских училищ частная школа оставалась единственной и привлекала учеников, хотя обучение шло незаконно и даже секретно. Так, в 1805 г., несмотря на усилия директора училищ А. Е. Крылова в г. Лодейном Поле не удалось открыть первую государственную школу. «Город остался без школы. Горожане стали обучаться у частных пришлых учителей, но такие учителя подвергались преследованию, и потому обучение шло как бы крадучись»[811]. Деятельность

---

[809] НА РК. Ф. 17. Оп. 2. Д. 1/4. Л. 7.
[810] ГАВО. Ф. 438. Оп. 3. Д. 287. Л. 60.
[811] Суморин. Краткий очерк начального народного образования в городе Лодейном Поле // ОГВ. 1891. № 76.

нелегальных школ отмечалась и в воспоминаниях их бывших учащихся. Оценивая ситуацию в Повенецком уезде Олонецкой губернии в начале XIX в., мемуарист пишет: «Особенно в свое время известностью в среде населения пользовались грамотеи-крестьяне Ф. И. Севериков из деревни Лонгасовой и Ф. П. Шильцов из деревни Леликова, которая входила в состав Сенногубского же прихода. Оба они обучали детей при своих домах за известное вознаграждение и имели достаточное число учащихся. Никакому начальственному контролю упомянутые школы грамоты не подлежали»[812].

Контроль же олонецкого училищного начальства за незаконной работой «домашних» школ местами давал результаты. В 1830 г. директор народных училищ М. И. Троицкий в своем отчете по ведомству констатировал: «Домашних учителей и частных школ нет, один из учителей духовных, священник, обучает дома детей чтению и письму обоего пола»[813]. Однако сообщения о существовании нелегальных «частных» продолжали поступать от директоров и смотрителей училищ и во второй четверти XIX в. Деятельность такой школы в Ивинском приходе Петрозаводского уезда смотритель М. А. Копосов обнаружил в марте 1834 г. школу «у мастерового I класса 10 экипажа Ф. Сидорова, без позволения от училищного начальства обучавшего детей 5 человек, из коих один должен поступить в Остречинское приходское училище»[814].

В 1843 г. в деревне Пиркины Лодейнопольского уезда Олонецкой губернии крестьянин Ф. Палатин и ссыльный А. Данилов самовольно открыли школу для обучения детей. Заметим, что в селении в это время уже существовала школа ведомства Министерства государственных имуществ. Местный священник В. Воздвиженский сообщил в консисторию об открытии нелегальной школы, обвинив при этом А. Данилова в вольнодумстве. Об этом факте стало известно не только в Олонецкой консистории, но и в

---

[812] Завадовский И. К истории Сенногубского Министерства народного просвещения одноклассного сельского училища // ОГВ. 1906. № 9.
[813] НА РК. Ф. 17. Оп. 5. Д. 2/4. Л. 333 об.
[814] Там же. Д. 6/12. Л. 572 об.

губернской дирекции училищ и Олонецкой палате государственных имуществ, которые потребовали немедленно прекратить обучение детей и школу закрыли[815].

Поскольку в официальной переписке данные о нелегальных частных школах не систематизировались, представить хотя бы приблизительно их количество невозможно. Вероятно, с 1840-х гг. противодействие училищного начальства их деятельности усилилось, и вместе с тем расширилась сеть официально открытых начальных училищ разного подчинения. Тем не менее школы работали, поскольку на обучение грамоте имелся социальный заказ даже в крестьянских селениях. Как отмечал волостной голова Спасского прихода Вологодской губернии В. Попов: «В прежнее время до открытия в 1841 г. сельских училищ, каждый из более зажиточных крестьян старался хотя бы одного сына выучить грамоте…, да еще теперь, независимо от училищ, многие родители обучают детей грамоте у себя дома, и многие крестьяне, не обучавшиеся в училище, пишут довольно хорошим почерком»[816].

Поскольку ни искоренить частную инициативу в деле образования, ни насытить потребность в обучении силами существующих государственных школ было невозможно, правительство Николая I идет по пути социальной и правовой регламентации частного образования. В июле 1834 г. было издано «Положение о домашних наставниках и учителях». Согласно этому документу официально учреждались особые звания домашних наставников, учителей и учительниц. Открыть частную школу могли подданные Российского государства, из лиц свободных состояний и христианского вероисповедания. Иностранцы имели право на обучение детей, но не пользовались преимуществами и выгодами и «Положения», т. е. не являлись государственными служащими и пр. Для утверждения в должности преподавателя заявитель обязан был представить следующие документы:

---

815 Там же. Ф. 1. Оп. 36. Д. 51/25. Л. 1-11.

816 Попов В. Описание Кокшеньги (Тотемского уезда) // ВГВ. 1857. № 24.

метрическое свидетельство о рождении и «удостоверение о нравственных качествах» и поведении от заведений, в которых он воспитывался или от начальства по месту жительства (ст. 14).

Важнейшим условием, без которого частный наставник не получал права преподавать, было наличие образования. Звание «домашнего наставника» присваивалось исключительно лицам с высшим образованием (ст. 9), которые изъявили желание заниматься обучением и воспитанием в частных домах. Звание «домашнего учителя» устанавливалось после специального экзамена в университете, лицее или гимназии на знания, необходимые для начального обучения (ст. 10). От таких испытаний освобождались бывшие преподаватели российских учебных заведений, имевшие трехлетний стаж работы по преподаваемому предмету[817].

По мнению исследователя, «с этого времени «научное образование» и «нравственная благонадежность» официально и законодательно стали неотъемлемыми условиями для каждого лица, желающего посвятить себя обучению детей в частных домах. Данное требование одинаково относилось ко всем педагогам, посвятившим себя частной практике обучения и воспитания»[818].

Какие же преимущества давало «Положение» домашним наставникам и учителям? Лица, имеющие звание домашнего наставника или домашнего учителя, считались состоящими в действительной службе по ведомству Министерства народного просвещения, могли носить вицмундир, установленный для чиновников этого министерства. За 10-летнюю безупречную службу они были «вознаграждаемы пожалованием… медали, для ношения в петлице, на ленте ордена Св. Александра Невского. Медаль золотая назначалась для наставников, а серебряная… для учителей»[819]. За 15-25 лет безупречной службы наставников представляли к ордену Св. Анны III

---

[817] Положение о домашних наставниках и учителях // ПСЗРИ. Собр. 2. Т. 9, ч. 1. № 7240.

[818] Сергеева С.В. Частное образование в России (Последняя четверть XVIII – первая половина XIX вв.). Пенза, 2000. С. 84.

[819] Положение о домашних, наставниках и учителях...

степени, а учителей – к ордену Св. Станислава IV степени. За 35 лет добропорядочной службы – пожалованием орденом Св. Владимира IV степени. Не менее важным приобретением для них стало назначение пенсий и пособий из капитала Призрения, состоявшего при Департаменте народного просвещения (ст. 46).

Домашние наставники, учителя и учительницы подчинялись губернским директорам училищ, почетным попечителям гимназии, два раза в год предоставляли училищному начальству отчеты о деятельности своей школы и одобрительные свидетельства о поведении от уездных предводителей дворянства. В случае переезда в другую губернию они обязаны были уведомлять директора училищ, а тот в свою очередь сообщить об этом губернатору. Губернские училищные и гражданские чиновники были обязаны бдительно наблюдать, «чтобы не вкрадывались никакие злоупотребления», а за нарушение правил «Положения» устанавливались меры наказания: штраф 250 руб. ассигнациями в пользу капитала Призрения не только учителю, но и родителям, в дом которых определялся домашний наставник[820].

Следует подчеркнуть, что «Положение» 1834 г. дало толчок развитию женского образования, поскольку законодательно оформило появление женщин в системе просвещения в качестве учительниц частных школ. Для обучения в государственные школы (за исключением приходских училищ) допускались только мальчики, поэтому для юных представительниц женского пола это была единственная возможность получения образования вне закрытых пансионов. В организации школ для девочек в уездных и губернских городах России «домашние учительницы» сыграли немаловажную роль. Звание «домашней учительницы» присваивалось только после получения особого свидетельства, которое давало право занимать эту должность и организовать частную школу. Выпускницы учебных заведений, находящиеся под покровительством вдовствующей

[820] Там же.

императрицы Марии Федоровны, получали такие свидетельства, не подвергаясь специальным испытаниям.

Во второй четверти XIX в. численность частных школ и обучающихся в них детей значительно выросла. Согласно статистике, помещенной в официальных отчетах министра народного просвещения, в 1835 г. в России имелось 430 частных школ, в 1855 г. их было уже 614[821]. По данным А. С. Воронова, в 1853 г. в Санкт-Петербургском учебном округе работало 212 домашних учителей. Среди них 17 домашних наставников, 112 домашних учителей, 83 домашних учительницы[822].

Официальное открытие частных школ в Олонецкой губернии началось с 1833 г., когда была открыта школа Н. Ивановой (Мещерской) в Петрозаводске. В 1834 г. такие учебные заведения появились не только в губернском городе, но и в Лодейном Поле и Вытегре. Однако эта форма обучения все же не имела столь значительного распространения, поскольку уже в 1830-х гг. с ней успешно конкурировали государственные учебные заведения. К тому же частное образование не могло быть массовым, учеников у частных учителей и учительниц было немного. В течение исследуемого периода ежегодно во всех трех губерниях действовало от 3 до 10 школ одновременно. Некоторые школы существовали длительное время, другие, напротив, скоро закрывались, просуществовав лишь несколько лет.

Отчасти это объяснялось установленной в «Положении» 1834 г. утомительной процедурой открытия и лицензирования частной школы, которая обязывала предоставлять губернскому училищному начальству различного рода документы. Первоначально желающий открыть такое учебное заведение направлял письменное прошение в адрес смотрителя уездных училищ, тот в свою очередь делал представление на просителя директору училищ и городничему. И только после согласования между

---

[821] Общий отчет, представленный его Императорскому величеству по Министерству народного просвещения за 1835 г.// ЖМНП. 1836. Ч. 4. С. 26; Ведомости о состоянии учебных заведений за 1854-1855 гг. // ЖМНП. 1856. Ч. 140. С. 54-75.

[822] Воронов А.С. Историко-статистическое обозрение… СПб., 1855. С. 250.

городскими и училищными инстанциями и утверждения предоставленных необходимых документов давалось официальное разрешение на открытие школы. Об открытии частной школы директор училищ уведомлял губернатора и Училищный комитет университета (до 1835 г.), а затем попечителя учебного округа.

В архивных материалах по открытию частных школ на территории Европейского Севера России в первой половине XIX в., сохранились материалы о частных наставниках: метрические свидетельства о рождении, свидетельства о получении звания «домашних учителей и учительниц», отзывы о благонравном поведении и нравственных качествах воспитанников, представленные председателем опекунского совета Московского Императорского воспитательного дома и его руководителем И. А. Тутолминым, а также подробные планы учения в открываемых ими школах. Чаще всего в число наставниц домашних школ определялись питомцы воспитательных домов.

В учебных планах частных школ отражались состав обучающихся детей, предметы обучения, данные о священнике, приглашенном для преподавания Закона Божьего и о преподавателях отдельных предметов. Кроме того, указывалось место расположения школы, время обучения, представлялся список используемых учебников и учебных пособий, предполагаемая плата за учение, обязательство содержателя или содержательницы о предоставлении отчетов о состоянии школы и о заблаговременном уведомлении училищного начальства о ее закрытии. В учебном плане подчеркивался характер деятельности школы: заведение учебное, а не воспитательное[823].

Одними из первых домашних учительниц стали воспитанницы Императорского Санкт-Петербургского воспитательного дома. Они проживали в домах своих родственников и имели специальное свидетельство на право преподавания. Выпускницам женских учебных заведений,

---

[823] НА РК. Ф. 17. Оп. 4. Д. 4/9. Л. 32.

состоящих под покровительством императрицы, звание домашних учительниц предоставлялось без особого испытания, а только на основании свидетельств, выданных заведениями, где они получили образование. Так, в октябре 1833 г. одну из первых частных школ в Петрозаводске открыла Настасья Иванова (Мещерская), воспитанница Санкт-Петербургского воспитательного дома. Ею были представлены все нужные документы в дирекцию Олонецких училищ. Любопытно, что в свидетельстве Н. Ивановой указывались не только изучаемые учебные предметы, но и внешние данные воспитанницы: «роста среднего, лицом бела, глаза серые, волосы русые»[824]. Школа Н. Ивановой (Мещерской) просуществовала в течение 3 лет. В ней обучались девочки-дворянки и дочери купцов за установленную плату 5-8 руб. в месяц. Например, в 1834/35 учебном году в ней обучались 7 девочек из дворянских семей, одна – из купеческой семьи и одна – из семьи священника[825]. Учительница обучала их российской грамматике, арифметике, чистописанию и правописанию, французскому и немецкому языкам.

Примечательно, что с 1834 по 1856 г. в Олонецкой губернии воспитанницами Императорского Санкт-Петербургского воспитательного дома было открыто еще несколько частных школ для детей обоего пола. В 1834 г. Матрена Потапова (Щеглова) открыла школу в Лодейном Поле, в 1836 г. Юлией Гетс была открыта школа в Петрозаводске, в 1844 г. в Любовью Карабутовой, также в Петрозаводске[826].

Одной из содержательниц частной школы, существовавшей первоначально в Вытегре, а затем в Петрозаводске была Катерина Ивановна Гек – жена учителя рисования Олонецкой гимназии А. Е. Гека. Она получила в 1834 г. в Вытегорском уездном училище свидетельство на право преподавания в частной школе[827]. В ее школе обучались девочки 8-11 лет: «чтению и письму на российском и французском языках, Закону Божию,

---

824 Там же. Оп. 5. Д. 3/7. Л. 143.
825 Там же. Оп. 6. Д. 5/6. Л. 46.
826 Там же. Оп. 5. Д. 7/15. Л. 656.
827 Там же. Оп. 6. Д. 5/6. Л. 46.

российской и французской грамматике, первым началам арифметики, истории, географии преимущественно отечественной и кратко»[828]. В объявлении, помещенном в газете «Олонецкие губернские ведомости» в 1844 г., дирекция училищ рекомендовала школу как «единственное пока средство для первоначального образования детей женского пола, тем более надежное, что госпожа Гек больше тридцати лет постоянно посвящала себя делу воспитания детей в частных домах, и своею нравственностью и благонамеренным исполнением долга, по званию наставницы и смотрительницы, оправдала уже доверенность многих родителей, вверявших ей своих детей, и заслужила одобрение училищного начальства»[829].

В качестве содержателя частной школы работал отставной губернский секретарь А. Чурилов. В 1845 г. в Петрозаводске он обучал двух мальчиков в течение только одного года. Школа закрылась из-за болезни учителя. Частные училища открывали также жены и дочери чиновников: в 1837 г. начала обучение в Петрозаводске А. Ф. Париано и в Олонце Феоклиста Макарова, в 1843 г. – жена сенатского регистратора К. Передавщикова открыла школу в Вытегре. Отметим, что количество учащихся в этих школах составляло от 5 до 18 человек.

В Архангельске первые частные школы были открыты иностранцами. Немецко-евангелические училища здесь существовали еще в первой четверти XIX в. В ежегодных отчетах о состоянии училищ и в донесениях по училищному ведомству в адрес высшего училищного начальства в Петербурге и губернатору директор училищ В. Л. Сильвестров неоднократно сообщал о деятельности «домашних» школ в Архангельске, когда их не была регламентирована и содержались они, в основном, иностранцами. Например, в отчете за 1803 г. упоминаются две школы. Одна из них Иоганна Реберера Алтона при реформаторской церкви (в школе обучалось 16 человек) и школа

---

828 ОГВ. 1842. № 15.
829 Там же.

Оплгелма Рогенфера, в которой обучалось 28 человек[830]. Кстати сказать, визитатор Архангельской губернии Я. Д. Захаров при посещении училища Реберера в 1804 г. отметил в дневной записке слабые познания не только учащихся, но и самого учителя, которого он «нашел его не токмо несведущим в познаниях правил грамматики, но в чтении»[831].

В отчете за 1808 г. отмечалась деятельность при архангельской лютеранской церкви училища Петра Дризе, уроженца Гамбурга, для детей обоего пола [832]. В июне 1811 г. директор доложил губернатору об иностранце Шарре, который открыл домашнее училище без позволения высшего училищного начальства[833]. В своих донесениях В. Л. Сильвестров просил губернское правление дать предписание о запрещении незаконной деятельности этих школ. В качестве доказательств директор отмечал деятельность еще одного училища: «учитель сего училища датчанин Дризе… ни мало не разумеет российского языка, преподает учение на одном немецком»[834]. В этой школе работал Ольдескоп, имевший свидетельство от императорского Московского университета, но он не мог быть учителем «при таком училище, которое высшим училищным начальством не утвержденное»[835]. Так немецко-евангелические училища не руководствовались школьным Уставом и, по мнению директора училищ «уклонялись от всяких обязанностей, какие они должны иметь к училищному начальству». В конечном итоге школу Дризе закрыли. Факты незаконной деятельности немецко-евангелического училища в Архангельске есть в донесениях визитатора Я. Д. Захарова за 1804 г. и архангельского губернатора А. Я. Перфильева за 1811 г.

По данным исследователя истории народного просвещения в Архангельской губернии Ф. Ф. Шперка, официальная деятельность немецко-

---

830 ЦГИА СПб. Ф. 139. Оп. 1. Д. 15. Л. 39.
831 ГААО. Ф. 61. Оп. 1. Л. 52.
832 ЦГИА СПб. Д. 439. Л. 45.
833 ГААО. Ф. 1. Оп. 3. Д. 584. Л. 1.
834 РГИА. Ф. 733. Оп. 20. Д. 145. Л. 1 об.
835 Там же. Л. 2, 4.

евангелического училища началась с 1811 г. оно характеризовалось, как «одно из лучших учебных заведений в городе… за отличный присмотр и внимание, обращенные на нравственность, воспитывавших в училище детей»[836].

С 1828 г. училища Иоганна Реберера Алтона и Оплгелма объединились в одно немецко-евангелическое училище. По уровню преподаваемых в нем предметов и по продолжительности обучения оно заняло среднее положение между уездным и училищем и гимназией. В школе преподавались: Священная история и Катехизис, всеобщая история и география, коммерческая арифметика, общие понятия из физики и естественной истории и языки – русский, немецкий, французский и английский. В нем обучались дети обоего пола, оно имело три класса с двухгодичным курсом в каждом, мальчики и девочки занимались отдельно в особых помещениях, причем обучение представительниц женского пола происходило под наблюдением надзирательницы. В школу принимались не только дети лютеранского вероисповедания, но и православные, хотя губернское училищное начальство всячески этому препятствовало. Училище содержалось на средства городского общества, причем «особенное участие принимал сахарозаводчик Брандт», основным источником содержания была довольно высокая для того времени плата за обучение, по 36 руб. в год с каждого учащегося»[837]. В 1847 г. в немецко-евангелическом училище обучалось 57 учеников (33 мальчика и 18 девочек). Плата за обучение составляла 34 руб. 28 1/2 коп. Учебные предметы преподавали Н. Уготит и А. Гашар, а также учителя Архангельской гимназии: Э. Венерт, Э. Казимиров и В. Гальянов[838].

Первые частные школы, открытые подданными Российской империи, в Архангельске появились в 1833 г. Их содержали иностранка Ранек, купеческие дочери Галлерман и Ольдескоп, мещанки Е. Либецанс и В.

---

[836] Шперк Ф.Ф. Краткий очерк народного образования в Архангельске. Архангельск, 1905. С. 26.
[837] Там же.
[838] ЦГИА СПб. Ф. 139. Оп. 1. Д. 5190. Л. 18-19.

Семенова, дочь священника М. Жаровова. При этом количество частных училищ в Архангельске с каждым годом увеличивалось. В 1846 г. здесь действовало 12 школ, в которых обучалось 144 ученика (107 мальчиков и 137 девочек). В самой многочисленной школе обучалось 29 учеников (17 мальчиков и 21 девочка), она содержалась тремя сестрами Креше. В остальных училищах обучалось от 14 до 20 человек.

О популярности этих училищ среди жителей Архангельска можно судить по значительному увеличению численности обучающихся в них детей. Если в 1834 г. в 8 частных училищах обучалось 147 детей (64 мальчика и 83 девочки), то в 1853 г. – 231 учащийся (120 мальчиков и 111 девочек)[839].

В Вологодской губернии первая частная школа была открыта в октябре 1834 г. в г. Устюге дочерью подпоручика Н. Кичиной, выпускницей Павловского Военно-сиротского дома. В своем заявлении на имя директора училищ, она, в частности, писала, что «по крайней моей необходимости для содержания себя умею по российской и французской грамматике, читать и переводить знаю арифметику, грамматику и географию». Н. Кичиной разрешили открыть школу только после получения сообщения от Великоустюжской градской полиции о ее «благонравном поведении»: «Будучи совершенной сиротой во все время пребывания в г. Устюге более трех лет отличным своим поведением и примерной нравственностью заслужила от всего здешнего общества и значительного купечества уважение». В этом же году появились еще две частные школы, открытые А. Ландерер, уроженкой Швейцарии, которая имела свидетельство на право преподавания, выданное Московским университетом и в г. Вельске Ф. Шведковской [840].

В 1835 г. в г. Вологде открылось еще 5 частных школ. В «Списке учебных заведений, учителей, наставниц, занятых обучением детей дворян и чиновников в городе Вологде» за 1835 г. значились частные школы: в 1-ой

---

[839] Шперк Ф.Ф. Краткий очерк народного образования в Архангельске. С. 41.
[840] ГАВО. Ф. 438. Оп. 3. Д. 835. Л. 21, 23, 27, 32.

части города – поручицы княгини Костровой, во 2-ой части – воспитанницы Санкт-Петербургского воспитательного дома П. С. Софроновой, жены кантониста Циммерман и некой С. И. Алиот, в 3-ей части – учителя Вологодского духовного училища А. Попова[841]. Численность этих школ постепенно увеличивалось. Частное обучение привлекало внимание горожан. Если в 1835 г. в Вологде работало 5 таких школ, то в 1853 г. – 16 частных учебных заведений[842].

Что касается официально запрещенных «домашних» частных школ в городах и селениях, то из-за отсутствия государственных учебных заведений в отдаленных уголках империи их существование было неизбежно, несмотря на преследование. Государственных школ не хватало, а желание получить грамоту среди мещанского и крестьянского населения постепенно увеличивалось, поэтому и были востребованы «домашние школки». Тем более что они полностью отвечали запросам жителей губернии – научить детей читать по-церковнославянски часослов и псалтирь, писать прошения высшему начальству и считать семейный бюджет.

Частные школы действовали и в сельской местности. Некоторые крестьяне отдавали своих детей на учение приходским священникам или причетникам. Обучение детей грамоте в таких школах проводилось по добровольному соглашению родителей и учителя, предусматривавшего плату с каждого ученика за время обучения, до «результата». Плата за учение была скромной. Как пишет о себе мемуарист, «стал учить Деревяшка крестьянских мальчиков, и стал брать сперва по 5, потом по 7 руб. с мальчика за полную выучку его читать и писать. Да, к тому, же и кормили его родители учеников. И стал ходить учитель по крестьянским домам; и где кормят тут в тот день и школа»[843]. В Вешкельской школе Петрозаводского уезда с каждого ученика за обучение местные крестьяне платили по полтине.

---

[841] Там же. Л. 53.
[842] Там же. Ф. 18. Оп. 1. Д. 1526. Л. 32-33.
[843] Тихомиров А. Народное образование в селе Девятинах до открытия одноклассного образцового училища // ОГВ. 1871. № 61.

Учителями в сельских частных училищах были не только священники, но и крестьяне, которые получили право преподавания путем сдачи специальных экзаменов при губернской гимназии, но только под надзором священников. В 1834 г. в селах Олонецкой губернии работало 8 таких школ, где обучалось 77 мальчиков и 1 девочка. В Вытегорском уезде, например, такие школы действовали в селениях Мегра, Никифорово, Кондуши и Шильда. В Петрозаводском уезде, как писалось, «в Ладвинском, Сямозерском, Ивинском и Шокшинском приходах священники обучают детей прихожан, помещают их в своих домах и получают за обучение умеренную плату»[844]. В Пудожском уезде в Купецком погосте диакон С. Я. Азаданов открыл школу в 1835 г., и оно было единственным официально признанным домашним учебным заведением в уезде, т. к. имел разрешение на преподавание не только от Олонецкой духовной консистории, но и от дирекции олонецких училищ. Особенной заслугой основателей частных сельских школ считалось, что учителя «не употребляют при занятиях: зуботычин, затрещин, пинков и т. п.»[845].

Отдавая своих детей для обучения к частному учителю, родители сами определяли продолжительность и уровень обучения, который соответствовал их требованиям. Как правило, эти запросы ограничивались навыками письма и чтения церковных книг. Такие школы работали нерегулярно: то закрывались, то вновь открывались. Их деятельность зависела от желания самих крестьян обучать своих детей грамоте и наличия в деревне грамотного человека, согласившегося быть учителем сельских детей.

Домашние сельские школы в приходах Олонецкой епархии действовали до 1836-1837 гг. После выхода в свет «Правил первоначального обучения поселянских детей» (1836 г.) эти школы перешли в ведение Святейшего Синода.

Состояние учебной части частных школ отражалось в отчетах директоров и смотрителей народных училищ. Несомненно, успехи учеников зависели от

---

[844] Там же. Д. 5/10. Л. 290.
[845] Там же. Ф. 27. Оп. 2. Д. 50/830. Л. 1.

уровня подготовки их преподавателей. Городские частные школы в Петрозаводске и в уездных городах губернии отвечали требованиям населения и заслуживали высокую оценку у проверяющих. На испытаниях дети показывали хорошие знания по чтению, письму и счету. В отчете Н. Ивановой (Мещерской) о своем училище за 1834/35 учебный год отмечалось, что из 10 ее учениц – 9 имели хорошие знания по изучаемым предметам. В то же время в отчетах содержательниц отражается значительный отсев учащихся. Например, в школе Н. Ивановой (Мещерской) из 17 принятых в 1834 г. учениц в течение года выбыло 7 девочек, в школе М. П. Потаповой из 19 – 4 ученика. Причины их выбытия в отчетах домашних учительниц не указаны[846].

В сельской же местности уровень обучения был значительно ниже. Так, по сообщению смотрителя Пудожского уезда А. Иввинского в декабре 1837 г. в Купецком училище обучалось 5 мальчиков и две девочки, которых «в знании Закона Божьего, чистописания, чтении церковной и гражданской печати успехи не вполне удовлетворительны, а правила арифметики и вовсе им не показаны. При училище не имеется черной для решения арифметических задач доски и прочей учительской мебели... С. Я. Азаданов имеет мало свободного времени для занятий с учащимися по отвлечению к полевым и домашним работам…»[847].

Был еще один тип частных школ, которые устраивались просвещенными помещиками для своих крестьян. Например, в помещичьих имениях Вологодской губернии с 1814 по 1840 гг. было открыто 3 начальных училища. В мае 1814 г. в Вологодском уезде в с. Покровском, принадлежащем помещику А. С. Брянчанинову, на его счет было открыто училище, в котором обучалось от 25 до 35 учеников. В январе 1815 г. в Кадниковском уезде в с. Никольском, принадлежащем Межакову также открылось училище, куда учителем был определен выпускник Вологодской

---

846 НА РК. Ф. 17. Оп. 6. Д. 5/6.
847 Там же. Оп. 5. Д. 5/13. Л. 416.

гимназии Д. М. Вотмежемский. В училище обучалось в 1815 г. – 22 человека, в 1818 г. – 34. С 1840 по 1852 гг. в Вологодском уезде в с. Ковырино, принадлежащем В. А. Засецкой, также работала школа для крепостных детей. Но, как отметил исследователь истории просвещения Н. К. Отто, на сотни тысяч крепостных в Вологодской губернии приходилось только 3 училища. Помещики вообще не были расположены к распространению грамотности между своими крестьянами[848].

В Олонецкой губернии численность помещиков была незначительной. В источниках встречается лишь одно упоминание о подобной инициативе. Это школа в Лодейнопольском уезде в 1851 г. в имении Николаенковой. Школа не имела официального разрешения для обучения крестьянских мальчиков и работала нелегально. О деятельности этой школы дирекции училищ стало известно только после смерти одного из учащихся от применения учителем к ребенку жестокого телесного наказания.

Таким образом, «домашние» школы на Европейском Севере России существовали в течение всей первой половины XIX в. Восполняя отсутствие государственных школ на местах, чаще всего были единственной доступной формой получения образования, особенно в сельской местности. Правовой статус они получили только с 1834 г. и были поставлены под бдительный контроль государства. Ужесточение государственного контроля над домашним обучением способствовало унификации образовательной системы, основанной на единых принципах и отвечающей единым требованиям.

Как правило, частные училища располагались в домах содержателей, причем число женщин-содержательниц превосходило число мужчин. Они обучали приходящих детей по курсу начальной школы. Образовательный уровень домашних наставников, воспитанниц воспитательных домов, священников, отставных чиновников позволял обеспечить учащихся необходимой первоначальной грамотой. Приобретенные знания давали

---

[848] Отто Н.К. Вологодская дирекция училищ… С. 191.

возможность одним ученикам частных школ продолжить обучение в государственных учебных заведениях, другим – стать едва ли не единственными грамотными в округе. Важно отметить, что частные школы стали первой формой женского образования, поскольку большинство «домашних учительниц» открывали школы именно для девочек.

Принятое в 1834 г. «Положение о домашних наставниках и учителях» регламентировало нормативно-правовую базу домашней формы обучения, определило права и преимущества государственной службы. Оценивая значение «Положения», министр народного просвещения С. С. Уваров подчеркнул, что «правительство признало заслугой Отечеству и государству труды людей, в безвестности подвизающихся на этом скромном поприще, и приманкой сильной вызвало на это полезное служение природных русских, которые по укоренившимся понятиям привыкли предпочитать государственную службу всякой иной. Бессильная старость и беспомощность их сирот уже не устрашают их: для пенсий составлен особый капитал, беспрерывно возрастающий»[849]. Однако материальное и правовое положение домашних наставников, учительниц было значительно хуже, чем у педагогов гимназий и уездных училищ. Несмотря на предоставленные им права государственной службы и льготы, низкий и непостоянный заработок не мог обеспечить достойного существования, а скудное пенсионное пособие – обеспеченной старости. Более того оставались нерешенными многие вопросы, касающиеся методики преподавания и способов улучшения качества обучения учащихся.

3.2.4. Становление женского образования

Проблема обучения представительниц женского пола являлась одной из наиболее трудноразрешимых вопросов в области российского просвещения. Женское образование пробивало себе дорогу с большими трудностями. Многие считали, что главное предназначение женщин – быть женой,

---

[849] Десятилетие Министерства народного просвещения… С. 56.

матерью и воспитательницей своих детей. В XVIII в. обучение девочек было преимущественно домашнее и зависело от степени заботы родителей, от их материального благополучия. Практика организации школ и правительственная опека над женским школьным образованием сложились в царствование Екатерины II и продолжились в первой половине XIX в. Заботами императрицы Марии Федоровны возник целый ряд институтов благородных девиц в Москве, Казани, Киеве, Нижнем Новгороде, Харькове и других губернских центрах России. В ведомстве вдовствующей императрицы, а затем, после смерти Марии Федоровны в 1828 г., в составе IV отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии находились также девичье училище при военно-сиротском Доме в Москве, Воспитательный дом и Дом трудолюбия в Санкт-Петербурге, открытые в конце XVIII – начале XIX вв., они являлись высшими учебными заведениями и готовили педагогические кадры для женских средних и начальных школ. В дальнейшем выпускницы этих учебных заведений открывали частные женские школы и работали в училищах для девиц.

Долгое время правительство, финансируя только привилегированные и закрытые женские учебные заведения, не проводило существенных преобразований в сфере среднего и начального женского образования. Решение этого вопроса предоставлялось обществу. Родители, городские и сельские общества сами должны были позаботиться об образовании девочек, привлекая благотворительные средства, или за свой счет открывать женские училища. До основания государственных женских школ девочки довольствовались лишь домашним воспитанием, ограничиваясь приучением к рукоделию и домашнему хозяйству. Обучение же чтению и письму заимствовалось от отца или братьев и состояло в чтении по букварю, часослову и в подписи своего имени и фамилии. Хотя в некоторых губерниях были организованы девичьи приюты, но они предназначались, главным образом, для сирот. Большинство же представительниц женского пола должны были ограничиваться элементарным домашним воспитанием.

Одной из форм женского среднего образования являлись частные пансионы. Школьные уставы (1804 г. и 1828 г.) разрешали их открытие, как для мальчиков, так и для девочек. В большинстве своем они были доступны только детям привилегированных сословий. На Европейском Севере России такие учебные заведения действовали в Вологодской губернии. В г. Устюге было открыто два частных женских пансиона для благородных девиц: один – в декабре 1827 г. открыла жена коллежского секретаря А. Мерцалова, второй в январе 1849 г. был открыт женой губернского секретаря М. Н. Поповой, имеющей свидетельство из Санкт-Петербургского Дома трудолюбия[850]. Однако эти пансионы существовали непродолжительное время. Уже в июне 1849 г. наставница М. Н. Попова по случаю переезда ее мужа в г. Саратов уехала вместе с ним. Родители девиц, желая продолжить обучение девочек, обратились с просьбой к вологодскому губернатору С. Г. Волховскому о разрешении дочери судьи Н. Красильниковой открыть пансион в Устюге. Через месяц, в июле 1849 г., согласие губернатора было получено. В распоряжение губернатора было сказано: «По личной мне известности нравственности и безукоризненности поведения девицы Надежды Красильниковой, она может быть содержательницей частного женского пансиона в Устюге»[851]. Однако, в октябре 1849 г. Н. Красильникова также уехала к родным мужа в Оренбургскую губернию, и женский пансион закрылся.

Интерес для исследователей представляет деятельность в г. Вологде частного пансиона для благородных девиц, открытого в октябре 1834 г. с разрешения министра народного просвещения С. С. Уварова и ректора Санкт-Петербургского университета А. А. Дегурова. Содержательницей пансиона стала жена учителя гимназии Г. К. Дозе. Ее отец, уроженец г. Гамбурга, потерял свое состояние, и Генриетта Корниловна, получившая солидное образование в лучшем английском пансионе, должна была искать

---

[850] А.Л. Для истории Вологодской дирекции училищ // Памятная книжка Вологодской губернии на 1860 г. Вологда, 1860. С. 73.
[851] ГАВО. Ф. 438. Оп. 3. Д. 1818. Л. 1-9.

счастья в России. Здесь в 1820-е годы она поступила наставницей детей к вологодскому помещику Ф. Д. Ахматову, поместье которого находилось в окрестностях Вологды. Окончив воспитание детей, она вышла замуж за учителя немецкого языка И. И. Дозе и вместе с ним работала в мужском пансионе для благородных детей при Вологодской гимназии. Своей образованностью, добросовестностью и музыкальным талантом она сразу завоевала внимание местного общества (ее учеником был член Государственного Совета П. А. Зубов). Г. К. Дозе трудно было справиться с мальчиками, т. к. муж почти все свое время должен был отдавать гимназии, а потому, она открыла женский пансион, который процветал в течение целого 25-летия[852].

В декабре 1833 г. Генриетта Корниловна написала прошение директору училищ А. В. Башинскому с просьбой об открытии в г. Вологде женского пансиона. «Как в сие время в г. Вологде не находится никакого заведения для обучающихся благородных девиц, – писала она, – то имею желание под руководством мужа… открыть в сем городе заведение для воспитания благородных детей женского пола»[853]. К данному прошению прилагались документы наставницы, подтверждающие право преподавания в пансионе: свидетельство от Вологодской губернской гимназии в том, что она прошла испытание по истории, географии, арифметике, по французскому и немецкому языкам, свидетельство о ее благонравном поведении: «во время пребывания в городе познаниями своими равно и отличнейшим поведением приобрела доверенность к себе от здешней публики». Подписи в данном документе поставили вологодские помещики М. А. Зубов, В. Алябьев, помещицы А. В. Чуровская, Е. М. Михайлова, А. Ахматова, статские советники И. И. Андреев и другие именитые граждане г. Вологды.

В представленном пакете необходимых документов также присутствовал «Конспект учебного заведения для благородных детей женского пола,

---

852 Г.К. Дозе (Некролог) // ОГВ. 1882. № 98.
853 ГАВО. Ф. 438. Оп. 3. Д. 737. Л. 1.

имеющего быть открытым в губернском городе Вологде»[854]. Это был предполагаемый план деятельности пансиона. В нем, в частности, указывалось, что в учебное заведение принимались 6 полных пансионеров и 6 полупансионеров, всего 12 девочек не моложе 8 лет и не старше 12 лет, умеющих писать и читать на российском языке. Пансион работал с понедельника до пятницы, кроме субботы, воскресенья и праздничных дней, с 9 час. до 14 час. и с 16 час. до 18 час. Заведение помещалось в собственном доме Г. К. Дозе, под личным надзором ее самой и помощницы – надзирательницы. В конспекте оговаривался курс учебных предметов и состав учителей из числа педагогов Вологодской губернской гимназии. Закон Божий преподавал протоирей П. Ермилов, российский язык и географию – Н. Титов, немецкую и французскую грамматику – И. Дозе, историю – Ф. Фортунатов, арифметику, чистописание, переводы и чтение книг на иностранных языках, музыку и танцование – сама содержательница.

В пансионе Г. К. Дозе воспитывались дочери дворян, чиновников, духовных лиц и купцов. В октябре 1834 г. в заведение Г. К. Дозе поступили 4 пансионерки (дочери ротмистра Семеринкина, почетного гражданина Глазного, вологодского помещика Волкова, ротмистра Лаврова) и 3 полупансионерки – дочери коллежского советника Андреева[855]. В 1838 г. в пансионе обучалось 19 учениц (17 дочерей дворян и 2 дочери почетных граждан)[856]. В 1840-е годы численность воспитанниц возросла до 30 человек.

Родители имели право выбрать для своих дочерей различный режим пребывания в пансионе, исходя из желания и финансовых возможностей. Например, полный пансион предполагал обучение, питание и проживание воспитанниц в пансионном доме, полупансион – обучение и питание, позднее некоторые пансионерки платили только за обучение, а питались и проживали дома. Первоначально с каждой девицы было назначено за полный пансион 400 руб., за полупансион – 250 руб. ассигнациями в год. В 1840-е годы плата

---

854 Там же. Л. 5-10.
855 Там же. Л. 14
856 Там же. Д. 1091. Л. 1-4.

только за обучение составляла 57 руб. 14 коп., за полупансион – 85 руб. 71 коп., за полный пансион – 142 руб. 57 коп. серебром.

В 1846 г. в пансион Г. К. Дозе было введено преподавание физики и краткий обзор всеобщей истории на французском языке. По отчетам и ведомостям о состоянии пансиона видно, что в 1847 г. в числе предметов учебного плана была риторика, которую преподавали по учебному пособию профессора Н. Ф. Кошанского.

В свободное время воспитанницы занимались чтением книг на трех языках и рукоделием, при хорошей погоде прогуливались в сопровождении содержательницы или надзирательницы. Воспитанницы пользовались своими учебными книгами, бумагой, аспидными досками, перьями и карандашами, кроме того родители сами приобретали для своих дочерей одежду, кровать и постельные принадлежности, столовые приборы (серебряную ложку, нож, вилку и 4 салфетки), которые по окончании обучения оставались в пансионе.

Незначительное количество сохранившихся архивных документов не дает нам возможности создать целостную картину 25-летней деятельности женского пансиона Г. К. Дозе. Тем не менее, выявленные материалы свидетельствуют о том, что пансион пользовался в Вологде известностью и доверием. Попечители Петербургского учебного округа М. А. Дондуков-Корсаков, П. Г. Щербатов, инспектор казенных училищ учебного округа П. П. Максимович и другие ревизоры, осматривая женский пансион, всегда отзывались о его состоянии самым благоприятным образом и постоянно обращались к местному обществу с предложениями о его материальной поддержке. Это учебное заведение действовало вплоть до 1858 г. и открытия Вологодской женской гимназии.

В конце 1830-х гг. в обществе появилась потребность в учреждении для девочек всесословных учебных заведений, где могли бы получать образование не только дочери дворян, но и дети других сословий. Необходимо было организовать такие школы, в которых девочки могли проживать в семьях и ежедневно приходить в училище на несколько часов,

не отрываясь от домашней обстановки. Так они оставались помощницами матери и могли совмещать учебные занятия с работой по дому.

Государственных средств на женские училища не выделялось. Школа открывалась в тех городах, где городские общества изыскивали средства. В этом отношении необходимо также отметить ревностную деятельность уездных смотрителей по открытию училищ. Как правило, школы для девочек появлялись там, где было тесное взаимодействие между чиновниками училищного ведомства и горожанами. Там, где училищным чиновникам удавалось убедить купцов и зажиточных мещан в пользе обучения, те соглашались на благотворительную помощь в виде полного ежегодного содержания училищ и предоставления помещений для школ.

Первые женские школы в северных губерниях России, открывшиеся на собранные средства купцов и городских жителей, появились в Вологодской губернии.

Например, Кадниковское (сентябрь 1838 г.) и Устюжское (май 1844 г.) женские училища открылись по инициативе штатного смотрителя Кадниковского уезда В. Круглова, который обратился с просьбами к директору училищ А. В. Башинскому. По поводу училища в Кадникове в 1838 г. он писал: «Желая более и более распространить просвещение в городе Кадникове и доставить образование не только детям мужского пола, но и женского, я изыскиваю средства…., чтобы убедить жителей г. Кадникова на пожертвование в пользу имеющего быть открытым училище для обучения девиц благородного, купеческого и мещанского сословия»[857].

В. Круглов смог убедить горожан Кадникова и Устюга о подписке на пожертвования для этого училища. В течение лета 1838 г. он собрал у кадниковских граждан по подписке 114 руб. В г. Устюге таким же образом на открытие училища в 1844 г. было собрано 415 руб. серебром и 1452 руб. 50 коп. ассигнациями[858].

---

[857] Там же. Д. 1051. Л. 1.
[858] Там же. Д. 1370. Л. 1.

Курс обучения длился 4 года (по 2 года в каждом классе). Девочки изучали Закон Божий, чтение, чистописание и рисование, русский язык, арифметику, краткую российскую историю и географию, немецкий и французский языки, занимались рукоделием. В школы принимались девицы благородного, купеческого и мещанского сословий. Причем принимались и те, кто по бедности не мог вносить плату за обучение. Как говорилось в отчете, «бедного же состояния из оных сословий имеется только в заведении 10 девиц, от которых не требуется никакой платы»[859].

Училища располагались в наемных домах. В 1847 г. Устюжскому женскому училищу купцом П. Жилиным был пожертвован деревянный дом. В организации Устюжского женского училища активное участие принимала К. Протопопова, жена учителя уездного учителя. Она занималась с девочками чтением, письмом и рукоделием. Ее муж учитель В. Протопопов безвозмездно преподавал в женском училище рисование, штатный смотритель В. Круглов – арифметику, русский язык, историю и географию. Деятельность смотрителя Круглова не осталась незамеченной высшими училищными инстанциями. «За похвальное усердие к службе» попечителями Санкт-Петербургского учебного округа М. А. Дондуковым-Корсаковым и Г. П. Волконским ему дважды объявлялись благодарности, в октябре 1838 г. и в августе 1843 г.[860].

На средства купцов, горожан, самих преподавателей уездных училищ в Вологодской губернии были открыты Грязовецкое (сентябрь 1840 г.), Яренское (ноябрь 1843 г.) и Тотемское (1852 г.) женские училища. Училище в Яренске располагалось в специально построенном во дворе уездного училища деревянном флигеле, на средства от добровольных пожертвований.

Однако положение женских училищ не было стабильным. Они существовали исключительно на благотворительные капиталы. Отсутствие государственного финансирования, уменьшение ежегодных взносов граждан на содержание школ ставило их в трудное положение. Так, в конце 1845 г.

---

[859] Там же. Л. 2.
[860] Там же. Д. 1051. Л. 6.

яренские горожане внесли недостаточно средств для нормальной работы школы. Чтобы не прерывать обучение девочек учителя Яренского уездного училища преподавали учебные предметы безвозмездно, а штатный смотритель П. Протопопов при жаловании 225 руб. в год содержал на собственные средства всю хозяйственную часть училища, включавшую оплату жалованья надзирательнице, отопление, освещение и учебные пособия. «Таким образом, по благородному сочувствию этих тружеников к пользе общей – сочувствию, которое заставляет их забывать собственную нищету, будут и впредь доставлять необходимое образование большому числу будущих матерей семейств. Не имея видов на особенное воздаяние, эти бескорыстные ревнители просвещения находят награду единственно в совести своей и добре, которые они приносят»[861], – писал корреспондент «Вологодских губернских ведомостей» об истории Яренского училища.

Женское училище в Вологде открылось в феврале 1843 г. при содействии городского головы Грудина, первоначально оно размещалось в доме мещанки Скулябиной, а с 1848 г. в доме Вологодского уездного училища. Школа существовала, на счет остатков от содержания 2-го мужского приходского училища. В ней обучалось от 10 до 20 учениц.

Сохранилось прошение штатного смотрителя Устьсысольского уезда Е. Кичина в адрес городской думы в сентябре 1848 г. о содействии открытию женского приходского училища в уезде. Смотритель, в частности, писал, что заведение женских приходских училищ в Устьсысольске позволит в большей мере распространить первоначальное образование среди зырян. «Даже и тех, которые совсем или очень худо понимают русский язык, – зырянки-матери,… не получившие первоначального обучения столь необходимого в каждом городском обществе не только растолкуют своим детям мальчикам важность образования, но и заставят их посещать классы»[862]. В ответ на просьбу Е. Кичина Устьсысольская дума обещала изыскать средства, но школу так и не открыли.

---

[861] Об училище для девиц в г. Яренске // ВГВ. 1859. № 20.
[862] ГАВО. Ф. 438. Оп. 3. Д. 1721. Л. 5.

Частные и приходские училища для девочек в Вологодской губернии существовали до конца 1850-х годов, до открытия в уездных городах государственных женских гимназий и специальных училищ для девиц.

Архангельское училище для образования девиц было открыто по инициативе Архангельской городской думы, которая ходатайствовала о его учреждении в Санкт-Петербургский учебный округ. Городское общество согласилось из своих доходов ежегодно отпускать по 510 руб. на содержание женского училища, с последующим увеличением ассигнований до 1650 руб. в год. Купечество изъявило желание единовременно выделить 25 % с объявленных на 1847 г. купеческих капиталов на первоначальное обзаведение училища[863].

Просьба архангелогородцев была удовлетворена. 2 апреля 1848 г. вышел в свет высочайше утвержденный «Устав Архангельского училища для образования девиц»[864]. В нем были определены цели и задачи его учреждения, источники содержания, принципы управления, а также организация учебно-воспитательной работы. В ст. 1 Устава говорилось, что училище создавалось для обучения девиц, дочерей чиновников, купцов и мещан. Финансирование училища осуществлялось за счет доходов архангельского городского общества и взносов родителей – по 3 руб. серебром в год за обучение каждой девицы. Право бесплатного обучения имели сироты, дочери чиновников и граждан бедного состояния, а также дочери учителей (ст. 4, 5, 42).

Торжественное открытие училища произошло 15 октября 1848 г. Первоначально в нем обучалась 51 воспитанница. Это были дочери военных – 17 человек, обер-офицерские дети – 19 девочек, купцов и мещан – 14, священников – 1[865]. В училище преподавали: Закон Божий – законоучитель С. В. Алексеевский, историю – Н. Данилло, географию – П. И. Тушев,

---

[863] Шперк А.А. Краткий очерк народного образования в Архангельске. С. 36.

[864] Устав Архангельского училища для образования девиц // ПСЗРИ. Собр. 2. Т. 23. № 22156.

[865] ГААО. Ф. 79. Оп. 1. Д. 1. Л. 1 об.

немецкий язык – А. Шеневе, чистописание – А. И. Жаравов и другие учителя Архангельской губернской гимназии.

Учебная часть училища находилась в ведении Министерства народного просвещения, а хозяйственная – Министерства внутренних дел. Уровень преподавания по содержанию учебного плана соответствовал уровню уездного училища. Для непосредственного управления училищными делами создавался Попечительный совет, в который входили архангельский губернатор, директор училищ, городской голова и попечительница училища из почетных жителей города (как правило, это были жены архангельских военных губернаторов.). Попечительный совет контролировал учебную и экономическую деятельность училища, утверждал кандидатуру надзирательницы, определял размер оплаты за обучение, освобождал от нее сирот и детей бедных родителей, решал все вопросы, касающиеся хозяйственной части. По окончании учебного года Совет представлял отчет в Министерство внутренних дел и попечителю Санкт-Петербургского учебного округа. Городской голова ведал всеми хозяйственными делами училища. Он заботился о найме училищного здания, его отоплении и освещении, снабжении необходимой мебелью (ст. 12). Учебная часть контролировалась губернским директором училищ, который назначал учителей и контролировал выполнение учебных программ. Общий надзор за училищем осуществляла попечительница, а члены Совета оказывали ей всяческое содействие. Первой попечительницей училища для девиц стала супруга архангельского военного губернатора маркиза Маргарита Карловна де Траверсе.

В штат училища определялись старшая и младшая надзирательницы. Они проживали в здании училища, наблюдали за успеваемостью, нравственным поведением и прилежанием воспитанниц, находились безотлучно в классах во время преподавания учебных предметов, а также бесплатно обучали учениц рукоделию (ст. 24-29). При открытии училища в 1848 г. старшей надзирательницей была назначена вдова капитан-лейтенанта

О. Я. Шафрова, она обучала девочек рукоделию. Младшей – дочь чиновника К. А. Харитонова, которая одновременно преподавала в училище французский язык и танцование.

Процедура приема девочек в училище была следующей: при поступлении они должны были представить прошение о приеме и свидетельство, удостоверяющее их сословную принадлежность. Затем Совет рассматривал все поступившие прошения, издавал постановление о приеме воспитанниц и передавал предполагаемый список их для утверждения в Архангельскую городскую думу.

В училище принимались девочки в возрасте 10-12 лет. Учебные пособия, книги, письменные принадлежности ученицы приобретали за собственный счет. В четырехгодичный учебный курс, разделявшийся на 2 класса, входили: Закон Божий, русская грамматика, арифметика, всеобщая и отечественная история и география, естественная история, немецкий язык, чистописание, рисование, рукоделие, шитье, вышивание, танцы. За дополнительную плату родители имели право ввести обучение французскому языку и музыке (ст. 35). Устав определял меры поощрения и наказания учениц. За хорошую учебу и примерное поведение ученицы награждались книгами, за неуспешность и различные нарушения следовали «благоразумные и кроткие выговоры» перед одноклассницами, в серьезных случаях предусматривалось исключение из училища (ст. 44).

С 1848 по 1859 гг. училище располагалось в наемном доме, принадлежащем купцу И. Торопову, затем на пожертвованные средства почетного гражданина П. К. Куйкина для него был приобретен отдельный каменный дом.

Хозяйственная и учебно-воспитательная деятельность этого училища представлена в сохранившихся в архиве «Журналах Совета Архангельского училища для образования девиц». Интересно, что в течение всего первого полугодия 1848/49 учебного года на Совете решались только организационные и хозяйственные вопросы. Например, в сентябре 1848 г. были решены вопросы: о

приобретении для училища свечей, сундука, столов, стульев, портретов императора, книг и учебных пособий, а также о приеме на работу в училище делопроизводителя. Им стал инспектор Архангельской гимназии А. Попов[866]. К 1853 г. в училище находилось 63 ученицы, в том числе 49 дочерей потомственных и личных дворян[867]. Архангельское училище для девиц было преобразовано в 1860 г. по новому «Положению о женских училищах» (1858 г.)[868]. Важно отметить, что в уездных центрах Архангельской губернии женские приходские училища в первой половине XIX в. так и не открылись.

Попытка открыть женское училище в Олонецкой губернии была предпринята в 1849 г. олонецким губернатором Н. Э. Писаревым, который ходатайствовал в Министерство народного просвещения о выделении дополнительных 1500 руб. в помощь частному учителю Шлитангу, содержавшему частную женскую школу в Петрозаводске. Однако просьбу губернатора не удовлетворили. В 1854 г. при Вытегорском приходском училище было открыто отделение для девочек, в котором законоучитель, учителя и смотритель бесплатно обучали арифметике, русскому языку и чтению, а жена смотрителя – рукоделию[869].

Что касается организации школ в сельской местности, то в первой четверти XIX в. крестьянские девочки имели право обучаться в приходских училищах, где для них создавались специальные женские отделения. Однако численность обучающихся в них девочек была незначительной. Судя по «Ведомостям о состоянии учебных заведений Олонецкой губернии» с 1804 по 1825 гг., девочки появились в сельских приходских училищах только с 1815 г. Например, в отчетах за 1815-1818 гг. показано, что в сельских училищах обучалось по 6 девочек за каждый год, в 1820 г. – всего 2, в 1825 г. – 8[870].

---

866 Журналы Совета Архангельского училища для образования девиц за 1848 и 1849 гг. С. 3-4.

867 Воронов А.С. Историко-статистическое обозрение… СПб., 1855. С. 271.

868 Положение о женских училищах Министерства народного просвещения // ПСЗРИ. Собр. 2. Т. 33, ч. 1. № 33221.

869 Петров К. М. Учебные заведения в городе Вытегра (Из историко-статистического очерка г. Вытегры) // ОГВ. 1864. № 15.

870 НА РК, Ф. 17. Оп. 5. Д. 1/1. Л. 185; Оп. 10. Д. 1/1. Л. 1-2; ЦГИА СПб. Ф. 139.Оп. 1. Л. 1878. Л. 52;

Во второй четверти XIX в. девочки обучались в приходских училищах, находящихся в ведении Духовного ведомства, Министерства народного просвещения и Министерства государственных имуществ. Активную деятельность по привлечению представительниц женского пола к получению образования проводил Святейший Синод. Например, в 1837 г. он предложил взять обязанности учителей сельских приходских школ священническим женам или вдовам. По всем приходам Олонецкой епархии стали собирать сведения о женщинах, желающих заняться обучением девочек. Судя по рапортам священников, сохранившимся в Национальном архиве Республики Карелия, желающих было немного. Большинство из них оказались не способны к учительской должности («грамоты вовсе не знают»), иные не могли открыть школу «по причине частых болезненных припадков и малоприходству», т.е. малочисленности прихода[871]. Только в Вытегорском уезде в Мегорском и Баданском погостах жена пономаря и дочь умершего священника согласились начать обучение девочек.

Важным событием в Петрозаводском уезде в это время можно считать открытие в 1856 г. женского приходского училища женой пономаря Толвуйского прихода Евфимией Велеславовой «без всяких внешних побуждений с неутомимой ревностью...»[872]. Учреждение здесь женского училища представлялось училищному начальству крайне необходимым, «как в видах удовлетворения народного стремления к грамотности, так и с целью ослабления раскола, которым заражены жители Толвуйского прихода»[873]. Тем более, что Е. Велеславова была крестьянского происхождения, воспитывалась и получила начальное образование в Лексинском раскольничьем монастыре. Такой учитель, несомненно, мог снискать расположение местного населения, а также с успехом преподавать основы православной религии и грамотности детям раскольников. Деятельность школы Е. Велеславовой контролировался благочинным округа. Интересно,

---

871 НА РК. Ф. 25. Оп. 17. Д. 2/28. Л. 54, 63, 72.
872 Там же. Оп. 1. Д. 39/15. Л. 3.
873 Там же. Л. 6.

что в этой школе обучались не только девочки. Крестьяне отдавали на обучение к учительнице и своих сыновей. Как свидетельствуют архивные документы, дети учились прилежно и на испытаниях показывали хорошие результаты.

Работа Е. Велеславовой была отмечена высшими инстанциями. За добросовестное отношение к обучению детей архиепископом Олонецким Аркадием ей был вручен похвальный лист, Святейший Синод дал свое благословение, а училищное ведомство наградило денежной премией в размере 120 руб.

Таким образом, система женских учебных заведений в России постепенно оформилась к концу 1850-х гг. Первоначально появились женские благородные институты для подготовки педагогических кадров, затем возникли средние и начальные учебные заведения для девочек: частные пансионы, общественные городские и сельские приходские училища. Для овладения навыками хорошего воспитания надзирательницы следили за тем, как воспитанницы встречают гостей, занимают их разговором, танцуют и т. п.

Учебные курсы женских училищ в общеобразовательном плане приближались к программам мужских уездных училищ. Но в отличие от последних здесь много времени уделялось рукоделию, домоводству или какому-либо женскому ремеслу. Первоочередной задачей считалось религиозно-нравственное «воспитание честных и добродетельных жен», хороших и сведущих хозяек, надзирательниц за детьми искусных во всех женских рукоделиях.

Пожалуй, самой привлекательной формой обучения девочек стали частные школы, открытые по «Положению о домашних наставниках и учителях» 1834 г.

Во 1840-е годы передовая общественность России возбудила вопрос о религиозно-нравственном обучении крестьянских девочек. Секретарь Московского общества сельского хозяйства С. А. Маслов опубликовал книгу

«Всенародное распространение грамотности», в которой предлагал повсеместно открывать женские училища в сельской местности, обучать крестьянских дочерей грамоте, считая, что это впоследствии послужит всеобщей народной грамотности. «Пришла пора обратить внимание на религиозно-нравственное образование крестьянок, как матерей, имеющих гораздо большее влияние на благосостояние семейств, нежели самые отцы, – писал С. А. Маслов. – Отцы и грамотные сыновья скорее зовутся на внешнюю деятельность и расходятся из семей как промышленники, как фабриканты, как писари и конторщики. От их грамоты может быть семейству денежная польза лучшими заработками, но нравственно очень мало, мать всегда остается с детьми и если она сама знает заповедь Божию, сама читает молитвы утренние и вечерние, то она непременно выучит тому и детей своих»[874]. Рассуждая о возможных направлениях учения девочек, С. А. Маслов, в частности, предполагал, что «самый приличный возраст» начала обучения девочек – с 10 до 13 лет: «7-летняя девочка может забыть без повторения, но 12-летняя девочка уже не забудет выученного, ибо с каждым прибавляющимся годом будет более и более понимать цену грамотности»[875]. На книгу С. А. Маслова откликнулся ученый-просветитель и педагог В. Ф. Одоевский. Вольное экономическое общество присудило автору книги золотую медаль.

Но рекомендации С. А. Маслова не получили реального претворения в жизнь. Большинство городских и крестьянских обществ равнодушно относилось к обучению девочек. Сельские женские школы не были открыты, а численность обучающихся девочек в приходских училищах оставалась крайне низкой. Недаром один из корреспондентов «Вологодских губернских волостей» констатировал в 1857 г., что «детей женского пола грамоте почти вовсе не обучают, и если есть из них умеющие читать, то это явление весьма редкое»[876]. Эффективность женских школ на селе зависела от личности наставниц. Одни школы были известны «необыкновенными успехами в деле

---

[874] Маслов С.А. Всенародное распространение грамотности. М., 1845. С. 9.
[875] Там же. С. 35.
[876] Попов В. Описание Кокшеньги (Тотемского уезда). ВГВ. 1857. № 24.

образования крестьянских девочек»[877], в других «дети больше прислуживали наставнице по хозяйству, чем учились грамоте»[878]. Реальное развитие женского образования в России началось только с 1856 г., после утверждения проекта «Положения о женских училищах» в 1855 г.

---

[877] Мегорский П.М. Вытегорские Кондуши // ОГВ. 1874. № 16.
[878] Соколов Н. О женских училищах Толвуйского прихода // ОГВ. 1906. № 8.

ГЛАВА IV. СОДЕРЖАНИЕ ОБРАЗОВАНИЯ

4.1. Формы и методы первоначального обучения

Реформаторские шаги правительства Александра I в начале XIX в. привели к образованию на территории России новой системы образовательных учреждений. Одним из важнейших условий ее жизнеспособности стала проблема методического обеспечения преподавания. В первой половине XIX в. шло активное создание российских школьных учебников, а вопросы – что и как преподавать стали предметом пристального внимания училищного начальства и педагогов.

Один из новых способов эффективного первоначального обучения детей был разработан в 1780-х годах членом Комиссии училищ, директором Главного народного училища в Санкт-Петербурге, австрийским реформатором, приглашенным в Россию Екатериной II, Ф. И. Янковичем де Мириево. Он предложил педагогические идеи и практические методики работы с целым классом или группами учащихся, разделенных в зависимости от их успехов в усвоении предмета. В связи с этим задачи учителя значительно усложнялись: необходимо было уметь руководить всеми учащимися одновременно при индивидуальном подходе к ученику, а также учитывать возрастные особенности учащихся.

Новые методы включали в себя общие приемы преподавания: особые педагогические наставления при объяснении нового материала, выразительное чтение текстов, применение «вопрошений» – бесед по принципу вопросов и ответов учителя с учащимися, а в качестве наглядности, использование доски, мела и настенных таблиц. Применение этих новшеств кардинально изменяло старые формы работы педагогов с детьми. Теперь преподаватель во время обучения обращался одновременно ко всем воспитанникам, «выговаривал все слова громко, плавно и ясно, наблюдал за классом и ходил около учеников, чтобы видеть, все ли слушают внимательно, особенно слабые ученики, которые должны были чаще других

отвечать и повторять вопросы»[879]. Большое значение уделялось правильной постановке вопросов, при помощи которых учитель попеременно спрашивал воспитанников, проверяя их знания. Включение в учебный процесс таких бесед оживляло урок и развивало мыслительные способности учеников.

По мнению Ф. И. Янковича де Мириево, важное значение в преподавании школьных предметов имели навыки чтения учащихся. Знакомство с текстами в созданных им новых учебниках и учебных пособиях осуществлялось при чтении вслух. Сначала текст громко прочитывался учителем, потом несколько раз другими учениками, при этом указывались и исправлялись ошибки произношения, делались необходимые пояснения прочитанного, задавались различные вопросы, относительно прочитанного отрывка. Как правило, материалы учебников читались одновременно всеми или группами учеников. Если же вслух читал один ребенок, то остальные следили за его чтением по книге. В заключение урока содержание текста пересказывалось одним из учеников.

Способом удержания внимания среди учащихся во время обучения служило применение записей мелом на классной доске и употребление таблиц с кратким содержанием уроков, что, несомненно, укрепляло дисциплину на уроках: ученики «отвлекались от лишних шалостей и, наконец, они, научась читать, вместе с тем незаметно обогащались понятиями о новых для них предметах»[880].

Практические учебные пособия, разработанные Ф. И. Янковичем де Мириево, выдержали пять изданий и содержали много методических рекомендаций для преподавателей начальных школ[881]. В них предлагались советы по преподаванию уроков чтения, письма, арифметики. Например, на уроках чтения вводилась новая система слогового чтения, которая легче

---

[879] оронов А.С. Федор Иванович Янкович де Мириево и народные училища России при императрице Екатерине II. СПб., 1858. С. 143.

[880] Там же. С. 144.

[881] Янкович де Мириево Ф.И. 1) Руководство к чистописанию для юношества в народных училищах. СПб., 1781; 2) Руководство учителям первого и второго классов народных училищ Российской империи. СПб., 1783.

усваивалась детьми, а на уроках чистописания большое внимание уделялось работе с прописями гражданского российского письма. Предлагались образцы вопросов для учеников, которые должны быть «кратки, определенны, без возношений, полны, составлены из слов известных и взятых в смысле обыкновенном, а не иносказательном»[882].

Несмотря на то, что методика Ф. И. Янковича де Мириево была официально принята в духовных, народных и военных училищах, многие учителя ее не понимали и не умели правильно применять. Педагоги, обладая широким кругозором и комплексом академических знаний по конкретным предметам, не были знакомы с методическими приемами обучения. Широкого распространения в начале XIX в. методика Ф. И. Янковича де Мириево не получила и постепенно забылась.

Интерес представляла также методика работы с целым классом И. Б. Базедова, введенная в 1819 г. в немецком училище Святого Петра в Петербурге его директором Готлибом фон Шубертом. Эта методика предполагала активную деятельность на уроке учителей по вовлечению в ход урока каждого учащегося «от самого слабого до сильнейшего». В низших классах изучались самые простые темы, наиболее понятные для детей детского возраста. При этом большая часть учебного материала предлагалась на уроке, когда дети вместе с учителем заучивали несложные правила и тексты. Это устраняло загруженность повторением и заучиванием уроков на дому. Материал предыдущего урока ученики не учили наизусть, а объясняли главное содержание того, что было пройдено. Метод показал хорошие успехи в немецком училище, был одобрен Министерством народного просвещения[883]. Но и эта методика также не получила широкого применения[884].

---

882 Янкович де Мириево Ф.И. Руководство учителям первого и второго классов… С. 138.
883 Шмид Е.К. История средних учебных заведений в России. С. 321-322.
884 Там же.

На каком методическом уровне велось преподавания учебных дисциплин в начальных учебных заведениях Европейского Севера России? Какие учебные пособия и практики использовались?

Главным учебным предметом в начальных училищах являлся «Закон Божий». Ученики изучали краткий Катехизис и Священную историю, а также учили наизусть общеупотребительные молитвы.

Пособиями для учащихся и педагогов с 1784 до 1821 гг. стали «Краткая Священная история» Ф. И. Янковича де Мириево (СПб., 1784) и «Краткий Катехизис для обучения малых детей православному христианскому законоучению» (СПб., 1786) Платона, митрополита Московского. Несмотря на свою краткость, они содержали ключевые приемы изучения Священного Писания с опорой на общие начала христианской нравственности. В целом, в преподавании Закона Божьего нравоучение явно преобладало над учением догматическим: догматы веры изучались лишь настолько, насколько это считалось нужным для нравоучительных выводов. Изложение фактов Священной истории привязывалось к указанию на образцы нравственности[885]. Три часа в неделю отводились на изучение основ христианской нравственности, а чтение учащимися книги «О должностях человека и гражданина» значительно дополняла эти знания.

Однако преподавание Закона Божьего было сопряжено с определенными проблемами. В первую очередь, преподаватели основ православного вероучения сталкивались с нехваткой необходимых учебников и методических пособий. Изданные в конце XVIII в. учебники уже не отвечали новым требованиям.

В 1817-1821 гг. протоирей Г. П. Павский, законоучитель цесаревича Александра Николаевича и Царскосельского Лицея (1817), член Комитета для учреждения училищ взаимного обучения при Главном Правлении училищ (1821) составил несколько руководств по преподаванию

---

[885] Тихомирова Е.Е. Преподавание Закона Божьего в гимназии глазами современников (вторая половина XIX–начало XX века. // URL: http:// www. gf.nsu.ru/rizhsky. (Дата обращения: 01. 12. 2013).

религиозного учения: «Из уроков по Закону Божьему наследнику цесаревичу Александру Николаевичу» (СПб., 1817), «Начертание христианского учения для изъяснения таблиц, составленных по лекциям Г. Павского» (СПб., 1819). Данные учебные пособия были хорошо известны петербургским школьным законоучителям. Разногласия во взглядах Г. П. Павского с Филаретом, митрополитом Московским и Коломенским, профессором Петербургской Духовной академии, в то время членом Святейшего Синода не дали возможности широкого внедрения сочинений Павского в практику преподавания в учебных заведениях Петербургского округа.

Активная деятельность самого Филарета по созданию школьных учебников позволила укрепить методическую базу обучения Закону Божьему. «Исторические чтения из книг Ветхого Завета» (СПб, 1821), «Пространный христианский катехизис» (СПб., 1829) Филарета издавались Синодальной типографией в 1821-1829 гг. Следует отметить, что его учебник «Начатки христианского православного учения или краткая Священная история и краткий катехизис» (СПб., 1828) был переведен на чувашский (Казань, 1832) алеутский-лисьевский (СПб., 1834), финский (СПб., 1836), черемисский (Казань, 1839) языки и ежегодно переиздавался на русском языке до 1917 г.

В 1820-1830-х гг. в целях усиления нравственного воспитания юношества, как дополнение, появились руководства по христианскому нравоучению, составленные протоиереями: Т. Ф. Никольским[886], Н. П. Друговым[887], И. С. Кочетовым[888] и законоучителями петербургских гимназий В. Б. Бажановым и Г. И. Мансветовым[889]. Учебники, изданные этими авторами, имелись в училищных библиотеках всех типов учебных заведений северных губерний России и пользовались успехом у законоучителей.

---

[886] Никольский Т.Ф. Руководство о Богопознании и Богопочитании. СПб., 1822.

[887] Другов Н.П. О христианском воспитании детей. М., 1827.

[888] Кочетов И.С. 1) Начертания христианских обязанностей. СПб., 1827; 2) Христианское нравоучение в кратких размышлениях. М., 1831.

[889] Бажанов В.Б. Нравоучительные повести для детей. СПб., 1834; Мансветов Г.И. 1) Подарок детям на Святую Пасху 1832 г. Разговор в пользу воспитания. СПб., 1832; 2) Училище благочестия или примеры христианской добродетели. СПб., 1836-1837; 3) Об обязанностях христианина. СПб., 1839.

Во-вторых, остро стояли проблемы создания государственных программ и методик преподавания Закона Божьего как предмета. В первой половине XIX в. официальных программ такого рода не было. В этом вопросе училищное начальство полагалось на разум и ответственность самих педагогов. Считалось, что учащиеся начальных школ должны были читать книги церковной печати, знать наизусть молитву «Отче наш», Символы Веры, 10 заповедей с объяснениями, стих «Богородице Дево, Радуйся», смысл церковных праздников. С 1851 г. по распоряжению попечителя учебного округа от воспитанников требовались знания времени постов и главных церковных праздников. В качестве поощрения лучшим ученикам в праздничные дни давали в церкви место на клиросе, приобщая их к церковному пению и чтению при проведении церковных богослужений.

Еще одним важным предметом в первоначальном обучении являлось «Чтение». Как правило, на уроках чтения использовали «Таблицы азбучные и для складов церковной и гражданской печати», Буквари, «Правила для учащихся» и детские книги гражданской и церковной печати. Все эти учебные пособия издавались в конце XVIII в. и являлись основными учебниками на протяжении всей первой четверти XIX в.[890]. Особое внимание обращалось на чтение произведений русских писателей и поэтов. Например, по распоряжению Министерства народного просвещения, в 1841 г. в расписание уроков приходских училищ включили 2 урока в неделю для чтения книги «Друг детей» и один урок для чтения басен И. А. Крылова «с приличным произношением и с надлежащим объяснением смысла и значения каждого слова в той и другой означенных книг»[891]. В отчетах смотрителей училищ северных губерний России есть данные о проведении таких дополнительных уроков внеклассного чтения в начальных училищах.

---

[890] Букварь для употребления российского юношества. М., 1780; Правила для учащихся. СПб., 1782; Таблицы азбучные и для складов церковной и гражданской печати. СПб., 1782; Янкович де Мириево Ф.И. Российский букварь для обучения юношества чтению. СПб., 1791.

[891] ГАВО. Ф. 1955. Оп. 1. Д. 9. Л. 1.

При обучении детей чтению применялся буквослагательный метод. Первоначально ученики заучивали буквы и их графическое изображение по алфавиту и в разбивку. Затем переходили к складыванию и заучиванию слогов, состоящих из двух, трех, четырех букв и только потом произносили слово целиком. Ученики повторяли за учителем сначала двухбуквенные слоги, заучивали и упражнялись в слитном чтении слогов. Далее читали слова «по складам», с называнием в читаемом слове каждой буквы и каждого слога *(«ба» – «буки-аз»)*, затем «по верхам» – без полного называния букв и слогов *(«ба»)*. Обычно при чтении смысл текста ученикам не разъяснялся, а требовался лишь сам процесс озвучивания, даже без соблюдения знаков препинания и ударений, чем впрочем, не владели и сами учителя[892]. Такой способ обучения был достаточно труден для учащихся.

В это время отдельными учителями российских школ продолжались разработки новых и более эффективных методик преподавания учебных предметов для начальной школы. В апреле 1818 г. в Главное Правление училищ поступила докладная записка от учителя столичного Пантелеймоновского уездного училища Матвея Пруцкого, в которой сообщалось о четырехнедельном успехе автора в обучении юношества «простейшими средствами в кратчайшее время»[893]. Автор записки предложил свою методику обучения чтению и письму в начальной школе. Для того, чтобы убедиться в результативности методы, М. Пруцкий должен был «сделать опыт» такого обучения в Пантелеймоновском училище для учеников, не умеющих ни читать, ни писать. Под контролем директора народных училищ Петербургской губернии И. О. Тимковского автор новой методики в течение месяца демонстрировал возможности обучения. Однако отзыв директора о новшестве М. Пруцкого был отрицательным: «метода Пруцкого не только не имеет преимуществ перед старою, но еще сопровождается многими неудобствами, ибо из 10 обучавшихся и найденных

---

[892] Михащенко А.Л. Становление и развитие образования в Российской провинции в 1719-1917 гг. Курган, 2004. С. 120.
[893] РГИА. Ф. 732. Оп. 2. Д. 12204. Л. 1 об.

способнейшими, оказалась одна ученица, могущая читать не безостановочно». По мнению И. О. Тимковского, методика М. Пруцкого могла быть использована только для обучения одаренных детей «с особыми способностями»[894]. Опыт прекратили, автору объявили благодарность за усердие к пользе народного просвещения.

В 1830-х годах французский педагог Ж. Жакото предложил для обучения чтению звуковой метод. Автор предлагал две разновидности этой методы: аналитическую и синтетическую. При аналитическом методе фразы делятся на слова, слова на слоги, слоги на звуки. При синтетическом методе, наоборот, от звука идут к слогу, от слогов – к словам, потом к предложениям.

Инициаторами распространения аналитического варианта звукового метода Ж. Жакото в российских школах стали педагоги В. А. Золотов и Ф. Д. Студитский. Обучение начиналось с показа учащимся слов, составленных из букв разрезной азбуки. Ученики запоминали их изображение, затем под руководством учителя делили слова на слоги, запоминали их по порядку и вразбивку, находили эти слоги в других словах, упражнялись в разложении слогов на звуки, наконец, узнавали обозначавшие их буквы и запоминали последние. Этот способ обучения стал основой новых азбук В. А. Золотова и Ф. Д. Студитского, получивших распространение в российских начальных училищах только в 1850-х годах[895].

Следует признать, что новые методики не получили всеобщего распространения в российских школах. Данных о применении этих методик в школах Архангельской, Вологодской и Олонецкой губерний нами не обнаружено. Звуковой метод считался неестественным, неудобным и не соответствующим цели первоначального обучения. Это происходило вследствие неподготовленности самих учителей, не понимавших преимуществ употребления новой методики и продолжавших работать по-

---

[894] Там же. Л. 2.

[895] Золотов В.А. 1) Русская азбука по методе Жакото. СПб., 1833; 2) Французские разговоры. СПб., 1833; 3) Руководство к изустному счислению. СПб., 1834; 4) Первоначальное чтение. СПб., 1835; Студитский Ф.Д. Русская азбука для детей. СПб., 1846.

старому. Буквослагательный способ обучения чтению продолжал оставаться преобладающим.

После обучения чтению приступали к «Письму». Сначала ученики списывали с книг и прописей в тетради. Начинали с черточек, линий прямых, косых и овалов, а потом приступали к написанию букв. В прописях предусматривалось чистописание букв, слогов и фраз с обязательными запятыми и точками. Интересно, что дети сначала писали по линейкам, потом приучались писать без линеек, обозначая лишь начало и окончание строчки точками, позднее переходили к письменным упражнениям на чистом листе.

Далее переходили к изучению правил грамматики русского языка, на что отводилось 2 урока в неделю. Учителя диктовали небольшие отрывки из произведений отечественных авторов, объясняя учащимся непонятные слова и выражения.

Основным учебником русского языка являлась «Полная российская грамматика с присовокуплением краткой истории славяно-российского языка» (СПб., 1807 г.), составленная учителем Московской гимназии М. Ф. Меморским в форме вопросов и ответов. Это учебное пособие переиздавалась до 1868 г. 24 раза. Его достоинствами являлись краткость и доступность изложения. Профессиональные филологи этому учебнику давали негативные оценки. В. Г. Белинский в журнале «Московский наблюдатель» также назвал грамматику М. Ф. Меморского «явлением допотопным, ископаемым»[896]. Тем не менее данный учебник был самым популярным среди учителей и учащихся многих российских школ. Краткие и лаконичные вопросы: Что такое существительное? – с точным ответом в одно предложение были понятны и просты для учеников и вполне устраивали преподавателей. Учебники М. Ф. Меморского значились в реестрах всех училищных библиотек.

---

[896] Белинский В. Г. Критика // Московский наблюдатель. 1839.

Элементарное обучение «Арифметике» ограничивалось механическим заучиванием чисел и таблицы умножения, а также арифметических правил, часто без понимания. В редких случаях занимались решением математических примеров и задач. Одними из первых учебников по арифметике являлись: перевод с немецкого книги И. Г. Песталоцци и учебник М. Ф. Меморского, последний переиздавался несколько раз до 1830 г.[897]

Уровень обучения в начальной школе зависел от требований родителей, запросы которых ограничивались приобретением детьми знаний церковной грамоты, умений чтения Библии, навыков письма. Обучение арифметике считалось излишним. Например, в «Ведомости об учениках Шильдского приходского училища [Олонецкая дирекция училищ. – *Е. К.*] за январь 1809 г.» отмечалось, что ученики: П. Сермягин – писал рукописные буквы, В. Медведев – обучался письму и читал руководство к чистописанию, Р. Титов – обучался письму и читал Катехизис, И. Ростков – читал Катехизис, М. Ростков – читал Катехизис и руководство к чистописанию, Ф. Ярцев – письму обучался и читал Катехизис, С. Цветков – читал букварь до 5 страниц[898]. Данная ведомость показывает, что приоритетными учебными предметами являлись чтение и письмо, а арифметике никто из учеников не обучался.

Особое место в истории развития методик преподавания учебных предметов в начальной школе первой половины XIX в. занимает ланкастерская методика взаимного обучения, которая впервые возникла в Англии в конце XVIII в. и на протяжении первой половины XIX столетия распространилась по всей Западной Европе. Свое название она получила по имени Ланкастера, впервые применившего метод взаимного обучения в Англии в конце XVIII в. В это же время такой же метод обучения грамоте

---

[897] Меморский М.Ф. Краткая арифметика, служащая к легчайшему обучению малолетних детей. М., 1815; Песталоцци И.Г. Песталоцциевы для начального учения книги. Очевидного учения о содержании чисел. СПб., Кн. 1-3. 1806.

[898] ГААО. Ф. 1955. Оп. 1. Д. 2. Л. 13-14.

была введен Бэллем в Индии. Особенность этого метода обучения заключалась в том, что он давал возможность одному педагогу в начальной школе, с помощью особой организации обучать одновременно от 200 до 1000 учащихся чтению, письму, счету и другим предметам. Сама организация обучения сводилась к следующему: учитель основательно подготавливал небольшую группу наиболее способных учеников (так называемых мониторов), а затем каждому из них поручал вести обучение небольших групп учащихся, на которые была разделена вся школа. Сам же преподаватель надзирал, наблюдал за порядком в классе и распределял награды и наказания для воспитанников.

Организация обучения заключалась в том, что по каждому предмету учащиеся разделялись на два отделения и постепенно, смотря по успехам в учении, переходили из одного отделения в другое. Первое отделение делилось на восемь классов, а второе на десять. Каждый класс имел свои определенные задачи в зависимости от изучаемого предмета. Например, при обучении письму: первый класс – на песке чертил отдельные буквы из азбуки, второй в это время – писал слоги и слова из двух букв на аспидных досках. Третий класс письменно составлял слова и слоги из трех букв, четвертый – слова и слоги из пяти или шести букв, шестой – двусложные слова, седьмой и восьмой – все многосложные слова на бумаге пером и чернилами. При организации обучения чтению – ученики в классах сначала проговаривали и учили буквы из азбуки, потом складывали две буквы в один слог, затем три-четыре буквы в два-три слога и т. д. Все это происходило одновременно в общем пространстве класса.

Во второе отделение входило десять арифметических классов. Первый класс писал цифры, второй – учил простое сложение, третий – вычитание, четвертый – умножение, пятый – деление, шестой – сложение сложных чисел, седьмой – вычитание, восьмой – умножение, девятый – деление, десятый – решал примеры из нескольких действий.

Учебные занятия по такой системе могли проводиться в просторных помещениях, где одновременно могли разместиться многочисленные отделения и классы. Стол учителя находился на возвышении (подиуме) для общего обозрения процесса обучения. Возле него ставился стол для главного старшего ученика (помощника учителя). Ученики располагались в классе: кто сидел за партами, кто стоял вдоль стен перед таблицами. Отделения располагались в строгой последовательности: первое – помещалось ближе к учителю, за ним второе, третье и т.д. Каждый класс имел свой классный ученический телеграф, на одной стороне которого обозначали номер класса, на другой обозначение: «EX»[899]. Поворот доски к учителю с буквами EX означал: класс экзаменован (прошел проверку пройденного материала) и готов перейти к новому заданию.

Такая форма обучения был «подобна механизму часов… и требующему мало напряжения для того, чтобы прийти в движение. Художник, [учитель. – *Е. К.*] устроивший этот механизм должен быть человек с необыкновенными дарованиями»[900]. В первую очередь, ему был необходим талант организатора. Держать под контролем большую массу школьников, при этом сохранять дисциплину, спокойную обстановку в классном помещении – было непросто. Педагогу важно было предусмотреть и продумать различные детали деятельности каждой группы, каждого обучающегося.

Для более четкой организации дела предполагались помощники – лучшие ученики, которые усвоив уроки, обучали порученную им группу учеников. Таких учащихся называли «старшие», они разделялись на два разряда: на «главных старших» и на «старших классов» (отделений). Главные старшие не обучали учеников, а только наблюдали за порядком в школьном помещении и за правильным ходом различных занятий. Старшие классов (отделений), обучали учеников по специальным

---

[899] Телеграф – вертикальная доска, которая могла поворачиваться вокруг своей оси и передавать информацию учителю, сидевшему в начале класса.

[900] Гамель И. О способе всеобщего обучения по системе Белля, Ланкастера и других. СПб., 1847. С. 79.

таблицам, проводили диктанты, проверяли домашнее задание. Они назначались из тех, кто отличился в учебе и поведении по отдельным предметам.

Вся деятельность учащихся на уроках производилась по указаниям учителя. Задания раздавались, как правило, в устной форме или посредством надписей на классной доске. Каждый класс имел свое задание. Во время диктовки все ученики сидели за столами, во время чтения группами (от 6 до 10 человек) стояли перед таблицами в полукругах: «работали то стоя, то сидя, учение шло вполголоса, так, что в классе стоял шум, похожий на жужжание пчел в улье»[901].

Книг, кроме Библии, не использовали, вместо учебников были разработаны специальные таблицы (с напечатанными буквами и цифрами), вместо бумаги, перьев и чернил – доски, покрытые песком, аспидные доски и грифеля[902]. Учение шло быстро, занятия сменялись через каждые полчаса. Учащиеся могли пройти 12 классов за шесть месяцев. Те, кто научился хорошо читать и писать, выучил несколько молитв, прошел все четыре действия арифметики, учил других[903]. Перевод из класса в класс осуществлялся после экзаменов, которые проводились один раз в месяц. Новые списки классов составлялись ежемесячно.

В школах взаимного обучения применялась своеобразная система поощрений и наказаний: повышение или понижение места в отделении, переводы в следующий или в предыдущий класс, вручение или лишение знака отличия, записи в «красную» или в «черную» книгу, назначение или лишение должности «старшего класса» или «надзирателя», перемещение ученика в уездное училище или выдача ему штрафного ярлыка[904].

---

[901] Семенов Д. Д. Из школьных воспоминаний старого педагога // Русская школа. 1890. № 9. С. 47.

[902] Греч Н.И. Таблицы для всеобщего обучения чтению, письму и арифметике. СПб., 1820.

[903] Семенов Д. Д. Из школьных воспоминаний старого педагога. С. 47.

[904] Буссе Ф.И. Руководство к учреждению школ по методе взаимного обучения. СПб., 1829. С. 81.

В России ланкастерская система взаимного обучения была введена в 1815 г. в оккупационном корпусе графа М. С. Воронцова, находившемся во Франции, где было устроено три ланкастерских училища. Так, в 1818 г. 300 солдат одновременно обучались чтению и письму и главным правилам арифметики в течение трех месяцев. Александр I одобрил такой способ учение и предписал учредить школу в каждом гвардейском полку. Примечательно, что в это время во многих военно-сиротских учебных заведениях страны применялся такой метод обучения.

Во внедрении ланкастерской методики в начальных училищах было заинтересовано и Министерство народного просвещения. Казалось возможным с наименьшими финансовыми издержками обучать чтению, письму и арифметике одновременно большое количество детей, при этом использовать обыкновенные таблицы. При новом способе – одна таблица применялась одновременно для 10-20 учеников, тогда как по обыкновенной методике учебники по предметам необходимы были для каждого ученика. Немаловажное значение имела экономия в письменных принадлежностях для воспитанников. Так, для сбережения бумаги, перьев и чернил ученики писали на песчаных или аспидных досках. Только учащимся двух высших классов позволялось писать на бумаге. Простота и легкость в усвоении учебного материала, ускоренные сроки приобретения навыков счета, письма и чтения, массовость обучающихся, вместе с тем значительная экономия государственных средств, – все это привлекло внимание высшего училищного начальства.

Идея распространения данной методы увлекла попечителя Санкт-Петербургского учебного округа С. С. Уварова. В 1816 г. в Главное Правление училищ он представил «Проект предварительного образования Второго разряда Главного Педагогического Института», где высказал предположение, что «новая педагогическая школа сделается рассадником учителей по новой ланкастерской методе»[905]. По мнению попечителя, для

[905] Рождественский С.В. Вопрос о народном образовании и социальная проблема в эпоху Александра I // Русское прошлое. Пг., М., 1923. Т. 5. С. 40.

правильного применения в училищах новой методики необходимо было подготовить специальных учителей. Вместе с тем он предупреждал, что «ланкастерова метода, при всех своих неоспоримых выгодах, как и все лучшие методы воспитания и всякое законодательство, вообще, имеет характер национальный, т. е. приноровленный к положению надобностям той земли, в которой она взяла свое начало»[906]. Механическое копирование западной системы обучения без обращения к традициям русского просвещения, по его мнению, не будет иметь ожидаемого успеха.

Историк просвещения А. С. Воронов отмечал, что учащиеся при помощи этой методики «выучиваются скорее, нежели обыкновенным путем, менее утомляются и привыкают к внимательности, порядку и послушанию, кроме того при этой методе все учатся. Один учитель может учить до 1000 учеников»[907]. При таких условиях обучения просвещение «скорее и легче может распространиться в России»[908].

С целью изучения основных направлений нового способа учения в 1816 г., в Англию и Швейцарию были командированы четыре студента Петербургского Педагогического института: А. Г. Ободовский, Ф. И. Буссе, М. М. Тимаев, К. Ф. Свенске. После трехлетнего пребывания за границей студенты представили отчет, где высказали суждение о том, что применение методики Ланкастера, как единственно правильной методики в российских школах было бы неэффективно. Данная метода затрагивала только образовательную сторону и совсем не касалась воспитательной части школьного дела. Реализовать систему можно было только сообразно с местными обстоятельствами. Будущие педагоги предположили: «механизм Ланкастера облагородить и оживить духом песталоциевой системой [семейного. – *Е.К.*] воспитания»[909]. Однако эта идея дальнейшего развития не получила.

---

[906] Там же. С. 42.
[907] Воронов А.С. Историко-статистическое обозрение… СПб., 1849. С. 282.
[908] Дмитриев Д. О духовном образовании земледельческих классов в России по отношению к его благосостоянию. СПб., 1848. С. 16.
[909] Там же. С. 45.

Постепенно метод Ланкастера заинтересовала общественные круги. В начале 1819 г. граф Ф. Толстой, Ф. Н. Глинка, Н. И. Греч, Н. И. Кусов основали «Общество для заведения училищ по методе взаимного обучения», которое впоследствии насчитывало более 100 человек. Представляя Устав общества на утверждение, Министерство народного просвещения выражало уверенность, что введение методы Ланкастера «будет общим для всего государства учреждением, по которому откроется средство к первым началам обучения для всего нижнего и бедного состояния людей»[910]. Благодаря деятельности этого Общества с 1819 г. в России стали появляться учебные пособия и руководства по этой методе. И. Гамель в своих работах описал основные направления деятельности ланкастерских школ для взаимного обучения[911], Н. И. Греч разработал методику применения ее для российских учебных заведений[912], приглашенный из Англии Я. И. Герд подготовил специальный задачник по арифметике для работы в училищах взаимного обучения[913].

О связи ланкастерского движения как общественной и правительственной инициативы с декабристами писал П. В. Ильин[914].

Официальное признание этого метода обучения было подтверждено статьями школьного Устава 1828 г. Педагогам приходских училищ разрешалось использовать этот способ обучения в сочетании с обыкновенной методикой. При этом уточнялись условия применения методики в городской

---

[910] Там же. С. 42.

[911] Гамель И. 1) Описание способа всеобщего обучения по системе Ланкастера и других, в коем изложены начало и успех сего способа в Англии, Франции и в других странах и подробное разъяснение правил и порядок употребления оного в училищах. СПб., 1820; 2) О способе всеобщего обучения по системам Белля, Ланкастера и других. СПб., 1847.

[912] Греч Н.И. 1) Ланкастерская школа. СПб., 1818; 2) Руководство по всеобщему обучению. СПб., 1819; 3) Таблицы для всеобщего обучения чтению, письму и арифметике. СПб., 1820.

[913] Герд Я.И. Мониторская книжка или собрание арифметических задач на первоначальные правила, составленная для употребления в училищах по методе взаимного обучения. СПб., 1834.

[914] Ильин П.В. Ланкастерский метод обучения и движение декабристов: о либерально-просветительской ориентации тайных обществ в 1810 – 1820 гг.: Автореф. дисс. … канд ист. наук. СПб. 1996.

и сельской местности. Там, где «жителей не менее тысячи – говорилось в Уставе, – начальства приходских училищ долженствуют стараться вводить в оные способ взаимного обучения или Ланкастера. Впрочем, употребление сего способа не воспрещается и в тех школах, кои посещаемы малым числом учеников»[915].

Министерство народного просвещения поощряло использование ланкастерского метода. Училищным дирекциям было рекомендовано применять методику взаимного обучения в начальных учебных заведениях. При Главном училищном правлении в 1820 г. был образован особый комитет для заведывания училищами взаимного обучения. В мае 1821 г. в адрес попечителей учебных округов Министерство направило циркулярное предписание «Об употреблении в училищах взаимного обучения одной ланкастерской методики», в котором предписывалось обращать внимание на применение нового способа при обучении чтению, письму и арифметики в начальных школах[916].

Однако ланкастерская система в российских начальных школах приживалась плохо и была введена лишь в некоторых многолюдных училищах, например, в воспитательных домах Гатчины и Петербурга[917]. Для подготовки учителей в столице устраивались специальные курсы. В 1828 г. на такие курсы при Санкт-Петербургском Батальоне военных кантонистов были отправлены инспектора и учителя провинциальных гимназий, входящих в состав Петербургского учебного округа: И. А. Николаевский и К. В. Баранкоев – из Петрозаводска, И. А. Никольский – из Архангельска, Гирт – из Вологды, из Пскова – Махеев, из Новгорода – Еленев и другие[918].

На Европейском Севере России первое училище взаимного обучения с достаточным числом учеников и классов было открыто Я. Муромцевым в

---

915 Устав гимназий и училищ уездных и приходских.

916 Об употреблении в училищах взаимного обучения одной Ланкастерской методики // ЖМНП. 1822. Ч. 1. С. 409.

917 Константинов Н.А., Струминский В.Я. Очерки истории начального образования в России. С. 90.

918 НА РК. Ф. 17. Оп. 2. Д. 2/7. Л. 118.

Вологде в декабре 1819 г. Муромцев был выпускником Петербургского училища взаимного обучения, где «при тщательном старании научился преподавать по сему способу учения положенные предметы». В свою очередь Ф. П. Толстой, председатель Комитета общества взаимного обучения ходатайствовал перед вологодским гражданским губернатором И. И. Поповым о позволении Я. Муромцеву открыть в Вологде училище взаимного обучения.

Я. Муромцев привез из Петербурга все необходимые для работы методические пособия, руководства, печатные таблицы, грифельные доски, грифели, суконки и губки для вытирания досок, знаки, телеграфы. Нанял дом, в который можно было поместить одновременно 200 учеников, и объявил всем жителям Вологды о разрешении губернского начальства на безвозмездное обучение детей по ланкастерской методике. 21 декабря 1819 г. на торжественном открытии училища присутствовал Вологодский архиепископ, губернатор, директор училищ, чиновники и горожане.

Училище состояло из 8 классов. Дети обучались чтению, письму, арифметике и Закону Божьему. Судя по рапортам Я. Муромцева, численность обучающихся в нем мальчиков и девочек с 1819 по 1823 гг. была внушительной. Так, в декабре 1819 г. в училище поступило учиться 32 ученика, в 1820 г. – 133, в 1821 г. – 90, 1822 г. – 51, в 1823 г. – 179[919]. В последующие годы количество учеников снизилось: в 1825 г. – 12, в 1826 г. – 31, в 1827 – 31, в 1828 – 38 детей обоего пола[920].

Следует подчеркнуть, что Я. Муромцев содержал училище за свой счет (наем дома отопление и освещение), а также безвозмездно производил обучение детей, утверждая: «единственно нахожу себе награду в утешении, что я могу быть полезен обществу»[921]. По сведениям, представленным самим учителем, за три года на пользу училища он истратил около 5000 руб. собственных средств. Не получив финансовой поддержки ни от городского общества, ни от

---

919 ГАВО. Ф. 438. Оп. 3. Д. 598. Л. 17.
920 Там же. Д. 53 а. Л. 39 об.-40, 129 об, 131 об.
921 Там же. Д. 598. Л. 18.

училищного ведомства, училище Я. Муромцева в 1831 г. закрылось. Оформить официальный статус частной школы в это время было невозможно, т. к. «Положение о домашних наставниках и учителях» вышло в свет только в 1834 г. Популярность и правительственная поддержка ланкастерского метода также сошла на нет. В дальнейшем Я. Муромцев работал в Вологодской гимназии в качестве надзирателя благородного пансиона.

Несмотря на попытки подготовить учителей для преподавания по ланкастерскому методу, широта применение его за пределами Петербурга была небольшой. В приходских училищах округа чаще применялись только таблицы, составленные по системе Ланкастера, а сама технология обучения игнорировалась. Так, директор олонецких училищ М. И. Троицкий 18 сентября 1838 г. писал штатному смотрителю каргопольских училищ А. О. Луневскому: «Замечено мною, что в некоторых из приходских училищ обучение чтению по таблицам ланкастерской методы производят к действиям не вполне удовлетворительным, так что дети выучивают одни только звуки, не понимая значения слов»[922].

В 1840-е годы деятельность Министерства народного просвещения по распространению методики взаимного обучения вновь активизировалась. Попечитель Санкт-Петербургского учебного округа М. А. Дондуков-Корсаков в сентябре 1841 г. сделал предписание всем директорам народных училищ округа «об исполнении параграфа Устава 1828 г. о введении этой методики в приходских училищах»[923].

Предписание попечителя было выполнено в Архангельске. Директор училищ И. А. Никольский сообщил попечителю округа о том, что ланкастерский метод введен в 1-ом и 2-ом Архангельских приходских училищах, а в других школах эту методу «применяют в сочетании с обыкновенной»[924]. Директора Олонецкой и Вологодской дирекций училищ, наоборот, указывали, что введение ланкастерского метода в настоящее время

---

922 ГААО. Ф. 1995. Оп. 1. Д. 7. Л. 6.
923 ЦГИА СПб. Ф. 139. Оп. 1. Д. 4737. Л. 1.
924 Там же.

затруднительно по причине малочисленности учащихся и недостатка удобных помещений. Приходские училища, как правило, располагались в наемных квартирах или крестьянских избах, которые были малопригодны для обучения большого количества детей, а иных помещений для организации школ взаимного обучения в уездных городах не имелось. В ответ на эти разъяснения М. А. Дондуков-Корсаков приказал олонецкому директору училищ М. И. Троицкому: «Я вменяю Вам обязанность употребить зависящие от Вас меры к убеждению городского общества доставить училищу другое помещение, более удобное для означенной методы»[925]. Строгое предписание попечителя было выполнено в 1844 г., кода обучение грамоте по новой методике удалось ввести в Петрозаводском приходском училище.

Метод взаимного обучения предполагался и для сельских приходских школ, где большинство учителей были священники, которых новая «заграничная» система не интересовала. Обремененные работой по приходу, они ограничивались «обыкновенной» методикой обучения грамоте, состоявшей в механической зубрежке наизусть пройденного на уроках материала. Священнослужители считали применение ланкастерского способа обучения невозможным, как «неудобоисполнительного и даже неприличного для их сана»[926]. Хотя в одном из пособий для священников эта методика подробно описывалась и предлагалась к применению в приходских училищах[927].

Воспоминания бывших воспитанников ланкастерских школ, с одной стороны, раскрывают положительные стороны методы: «Учение шло быстро... Я, например, ...через 6 месяцев стал бойко читать и писать, выучил несколько молитв, прошел все четыре действия из арифметики», – писал российский педагог Д. Д. Семенов, бывший ученик Санкт-Петербургской

---

925 ЦГИА СПб. Ф. 139. Оп. 1. Д. 4737. Л. 16.
926 Там же. Л. 5, 10.
927 Всенародное распространение грамотности в России. М., 1819. С. 35-37.

школы[928]. С другой – мемуаристы рисуют негативную картину обучения детей грамоте по новому методу. Так, один из них писал: «Представьте себе около 40 или 45 учеников разнообразного происхождения, в разнообразных костюмах, начиная от аристократического воротничка, которым щеголял сын городничего до пестрого халата, подпоясанного кромкой из сукна, вся эта масса жужжит на разные голоса. Одни учат азбуку, другие – склады, третьи делают задачи, четвертые – символ Веры, пятые громогласно повествуют историю прекрасного Иосифа, шестые и седьмые потихонечку толкаются между собой, а потом немножко негромко подерутся за губы и т. д.»[929]. «Постоянный глухой гул и всхлипывания наказанных детей, – отмечал другой бывший учащийся, – стоящие на коленях и по углам ученики, ослиные уши, дурацкие колпаки, дранье за волосы и уши, сечение розгами, битье линейкой, команды учителя, взятки старшим, подарки учителю – вот обычная картина ланкастерской школы. Неудивительно, что дети неохотно посещали такую школу и многие находились в бегах»[930].

Деятельность учителя во время процесса обучения выглядела в глазах учеников неблаговидным образом: «вооружившись линейкой и пучком розог, [учитель. – *Е. К.*] играл роль только наблюдателя и карателя, изредка уча в послеобеденное время старших учеников, желавших поступить в уездные училища или гимназии»[931].

В Комитете для заведования училищами взаимного обучения Министерства народного просвещения вопрос о полезности введения ланкастерской методы в начальные школы Российской империи обсуждался на протяжении всей первой половины XIX в. По этому поводу высказывались разные мнения. Одни выступали категорически против

---

928 Семенов Д.Д. Из школьных воспоминаний старого педагога // Русская школа. 1890. № 9. С. 42.

929 Автобиография Степана Лукича Геевского. 1813-1862 гг. // Киевская старина. 1893. № 9. С. 391.

930 Семенов Д.Д. Первые десятилетия Санкт-Петербургских начальных училищ на почве общественного управления // Русская старина. 1887. №. 6. С. 667-703.

931 Там же. С. 669.

введения методики, мотивируя тем, что западный опыт обучения неприемлем для российского просвещения. Противники этого метода считали, что хотя при взаимном обучении учащиеся быстрее, чем в обычных школах, овладевали навыками чтения, письма и счёта, но они при этом не приобретают никакой системы знаний. Так, М. Л. Магницкий, попечитель Казанского учебного округа резюмировал: в методике Ланкастера – «ни сносного ученья, ни доброго духа»[932].

Другие, наоборот, призывали шире применять метод Ланкастера, раскрывая его положительные стороны: экономичность, легкость и быстрота обучения большого числа детей одновременно. В педагогических журналах читателям предлагались конспекты уроков по ланкастерской методе, публиковались статьи о пользе ее применения. Так, в «Педагогическом журнале» в январе 1834 г. один из студентов, учившихся ланкастерскому методу в Англии, А. Г. Ободовский писал, что ланкастерская система обучения учитывает способности каждого ученика и помогает им быть успешными: «прилежный подвигается вперед по живой лестнице, тупой и рассеянный остается на той же лестнице»[933]. С. С. Уваров полагал, что «метода обретет применение к народному духу, обычаям и другим местным обстоятельствам»[934]. Некоторые педагоги настаивали на разработке собственных российских методик обучение грамоте. Следует подчеркнуть, что только с началом 1860-х годов методика ланкастерского обучения в школах была упразднена и заменена более эффективными методами.

Значительные изменения в распространении новых способов преподавания в начальных школах связаны с деятельностью Министерства государственных имуществ, которое с 1840 г. занималось устройством начальных школ в селениях государственных крестьян и уделяло большое

---

[932] Рождественский С.В. Из истории идей народного просвещения в Александровскую эпоху // Сборник статей по русской истории, посвященный С.Ф. Платонову. Пг., 1922. С. 395.

[933] Ободовский А. О преимуществах ланкастерской системы // Педагогический журнал. 1834. № 1. С. 35.

[934] Рождественский С.В. Из истории идей народного просвещения… С. 395.

внимание разработке и внедрению новых способов преподавания. Для этой цели был организован особый Ученый комитет, где в должности старшего члена Комитета по народному образованию долгое время работал общественный деятель, писатель, педагог В. Ф. Одоевский. Он осуществлял педагогическое руководство учебной деятельностью сельских училищ, разрабатывал народные книги для чтения, методические руководства, учебники, в которых предлагался звуковой синтетический метод обучения грамоте – знакомство со звуком и его буквенным обозначением[935]. По этим книгам дети обучались грамоте, знакомились с начальными сведениями из естествознания, географии, истории, с окружающей средой, развивали свои умственные способности, расширяли объем общеобразовательных знаний.

Как наглядное пособие на уроках арифметики большое распространение получили русские счеты. В 1840-х гг. для сельских приходских училищ были изданы новые азбуки, авторами которых являлись Д. Д. Дмитриев и Э. И. Ренгартен[936]. В помощь учителям Д. Д. Дмитриев разработал и новые руководства по преподаванию чтения[937]. Автор считал, что педагогам необходимо убеждать детей в пользе изучения азбуки и соблюдать постепенность при переходе от легкого к трудному материалу, «обогащая память детей полезными сведениями, приучая их с малолетства основательно мыслить и рассуждать»[938].

---

[935] Одоевский В.Ф. 1) Детская книжка для воскресного дня. СПб., 1833; 2) Памятка деревенского мальчика. СПб., 1862; 3) Пестрые сказки с красным словцом, собранные Иринеем Модестовичем Гомозейко. СПб., 1833; 4) Сельское чтение. СПб., 1843; Одоевский В. Ф., Заблоцкий-Десятовский А. П. Рассказы о Боге, человеке и природе. Чтение дома и в школе. СПб., 1849.

[936] Дмитриев Д.Д. 1) Детская азбука, гражданская и церковная с примерами постепенного чтения и молитвами. СПб., 1846; 2) Русская азбука в 24 урока. СПб., 1847; 3) Русская азбука, какой еще не бывало или новая самая простая и легкая метода учить грамоте, не употребляя даже складов, изданная другом детей. СПб., 1839; 4) Сельское детское чтение. СПб., 1846; Ренгартен Э.И. Азбука. М., 1848.

[937] Дмитриев Д.Д. 1) Основные направления сельского образования в России. СПб., 1848; 2). Основные начала педагогии в применении к сельскому образованию в России. СПб., 1846; 3) О духовном образовании земледельческих классов в России по отношению к его благосостоянию. СПб., 1848; 4) Руководство к обучению детей к чтению по детской азбуке, составленной для сельских школ. СПб., 1846.

[938] Дмитриев Д.Д. Руководство к обучению детей к чтению. СПб., 1846. С. 3.

Например, при чтении педагогу необходимо было требовать от учеников выговаривать каждое слово, а если ученик ошибался, то заставлять его разлагать слова на слоги. Особое значение в обучении чтению отводилось пониманию учениками прочитанного ими текста. Требовалось также, чтобы «объяснение молитв и заповедей» соотносилось с понятиями ученика, избегать «отвлеченных путей, недоступных для детского возраста, истины же отвлеченные объяснять по возможности предмета из видимого мира»[939]. В методических разработках петербургского педагога Д. Д. Дмитриева были представлены примерные уроки чтения в начальной школе, а также примеры разговоров учителя и ученика о Боге, о Земле.

Однако Духовное ведомство в лице Филарета, митрополита Московского и Коломенского, выражало недовольств внедрением новых методик первоначального обучения в приходских училищах и пропагандировало простые методы обучения. Филарет считал необходимым укрепление церковного влияния в школах Министерства государственных имуществ. Сравнивая постановку религиозного обучения детей в школах Синода и казенных училищах, митрополит выразил сомнение: «В училищах Министерства государственных имуществ начальство их ввело в них методу менее простую, нежели какая предписана в правилах Святейшего Синода 1836 г. и начало издавать по разным предметам для чтения крестьян особые книги, о которых трудно сказать, будут ли их действием на умы народа оправданы благие намерения и надежды»[940]. Он предложил в отношении религиозно-нравственного образования «в методике и пространстве обучения держаться соответствующей простоты»[941].

Между тем, в народных училищах России широкое распространение получила «обыкновенная» метода или «буквальное вытверживание на память» – спрашивание учителем у ученика материала механически выученного наизусть текста. Такой способ обучение превалировал во всех

---

939 Там же.

940 Взгляд Филарета, митрополита Московского на начальное образование. М., 1884. С. 4.

941 Там же.

учебных заведениях не только северных губерний, но в целом по России. Он был прост, не требовал никаких усилий по организации учебного процесса, особенной подготовки к урокам, а учитель выступал в качестве строгого ревизора по проверке домашнего задания.

Как правило, на уроках преподаватели ограничивались опросом учащихся. При ответе ученика на поставленный вопрос отступление от текста учебника считалось грубейшей ошибкой, за что учащимся снижалась оценка. Вызывая лучших учеников и заставляя их спрашивать своих товарищей, сам преподаватель в это время читал книгу, или вовсе сидел без дела. В отчетах смотрителей училищ отмечалось, что при таком способе обучения дети связно ничего пересказать не могли: «если переменить или иначе поставить тот же вопрос или если спросить ученика, чтобы он рассказал собственными словами им говоренное, то он не в состоянии ответить ни слова, хотя и знает всю книгу наизусть и не только, ученик не привык рассуждать»[942].

Министерство народного просвещения на протяжении всей первой половины XIX в. проявляло недовольство повсеместным применением «обыкновенной» методы и всячески старалось его ограничить, пропагандируя новые методы обучения.

О недопустимости механического заучивания во всех типах российских учебных заведений впервые было сказано министром народного просвещения А. К. Разумовским в июле 1810 г. Он направил предписание в Главное правление училищ, где указывал, что во многих училищах науки преподавались без внимания к пользе учащихся, а учителя «вместо развивания рассудка постепенным ходом, притупляют оное, заставляя выучивать наизусть от слова до слова то, из чего ученик должен удерживать одну только мысль и доказывать, что понимает собственными, хотя и не связными, но не книжными выражениями»[943].

---

[942] Ткаченко А.М. Учебно-методическое руководство Харьковского университета школами. С. 44.

[943] РГИА. Ф. 733. Оп. 86. Д. 225. Л. 1.

А. К. Разумовский предложил усилить ответственность педагогов за качество обучения. Для этого директорам училищ на местах вменялось «иметь неослабный контроль над учителями», а при назначении на должность требовать от них познаний методы, способствующей «к действительному обогащению учащихся полезными и нужными знаниями». Учителю нельзя заставлять детей «вытверживать наизусть уроков». Уроки следует проводить «легким и простым способом к пониманию всего им преподанного, останавливаясь на каждом слове сколь-нибудь для них непонятном и объясняя оное удобовразумительным для них способом»[944]. Правда, в чем состоял это «удобовразумительный способ», в министерском указании не пояснялось.

Данное предписание не способствовало ограничению применения механической зубрежки в учебных заведениях. Некоторые директора губернских училищных дирекций не имели педагогического образования, не обладали определенными знаниями и опытом педагогической деятельности, чаще всего не вникали в особенности методов преподавания, поэтому не могли в должной мере контролировать учителей. Сказывался недостаток квалифицированных педагогов.

В марте 1816 г. Министерство народного просвещения и Главное правление училищ вновь обратились к проблеме введения новых методик преподавания и необходимости введения перемен в преподавании для всех российских учебных заведений. Всем попечителям учебных округов предложили представить соображения университетов по данному вопросу. В связи с этим, Советы университетов образовали особые комитеты и представили свои идеи. Все они признали вредность выучивания наизусть и необходимость ответов учащихся своими словами. Училищный комитет Харьковского университета в 1817 г. предложил повсеместно запретить диктование, отнимающее время у учителей и учеников[945].

---

944 Там же. Л. 1 об-2.

945 Алешинцев И.А. История гимназического образования в России… С.63-64.

При проведении учебной реформы в 1819 г. по изменению школьных программ относительно методов преподавания попечитель столичного учебного округа С. С. Уваров призывал, чтобы учителя не задавали заучивать наизусть слово в слово, а заставляли ученика рассказывать выученное, объясняя им все хоть сколь-нибудь непонятное. По мнению попечителя, механический метод, не способствовал «к действительному обогащения ума полезными и нужными истинами»[946].

Преобладание «обыкновенной» зубрежки учебного материала в российских учебных заведениях негативно сказывалось на качестве обучения. Об этом по итогам осмотра учебных заведений Санкт-Петербургского учебного округа летом 1833 г. попечитель М. А. Дондуков-Корсаков сообщил министру народного просвещения С. С. Уварову. Он, в частности, писал, что «дети не привыкли мыслить и считают излишним рассуждать о пройденном, при малейшем отступлении от буквальности изложения в книге вопросов не находили ответов, изучив вначале грамматику не умели ни писать правильно, ни исправлять ошибки прочих»[947]. По мнению попечителя, такой метод преподавания «не требует от преподавателя ни познаний, ни дальней образованности, ни тщательного приготовления к классам и, успокаивая их совесть при хорошем выучивании учениками заданных уроков, снимает с них всякую заботливость о действительном увеличивании их познаний..., а учителя начальные училища… считают спокойным и беззаботным местом»[948].

И хотя многие руководства по учебным предметам были составлены по принципу – вопрос-ответ, что предусматривало проведение на уроках совместных бесед, диалогов между учащимися и учителем, «обыкновенная» методика обучения была общепринята в учебных заведениях России.

---

946 Струминский В.Я. Начальная русская школа и ее теоретики в I половине XIX века // Начальная школа. 1945. № 4. С. 38.

947 РГИА. Ф. 733. Оп. 89. Д. 109. Л. 2 об.

948 Там же. Л. 3.

Частые упоминания о применении «обыкновенной» методики заучивания учебного материала в отчетах директоров училищ относились и к урокам Закона Божьего, преподаваемых священнослужителями. Так, в 1836 г. после осмотра школ Олонецкой губернии П. П. Максимовичем, инспектором казенных училищ Санкт-Петербургского учебного округа, членом Ученого комитета Министерства народного просвещения, сообщалось, что в Петрозаводском уездном училище «священник Зверев преподает Закон Божий механически… В Вытегорском уездном училище из Закона Божия дети почти ничего не знают… По Олонецкому уездному училищу: преподавание Закона Божия ограничивается строгим выучиванием наизусть Катехизиса»[949].

В июле 1838 г. попечителем Санкт-Петербургского округа М. А. Дондуковым-Корсаковым по итогам обозрения архангельских училищ также было сделано замечание: «затверживание уроков, не понимая их, совершенно бесполезно, доказывает недостаток методы учащих»[950]. В отчете штатного смотрителя Петрозаводского и Повенецкого уездов Г. С. Епифанова в 1843 г. отмечалось, что «в Шуньгском погосте Повенецкого уезда… Закон Божий преподается совершенно механически: выучивая по книге на память ученики не понимают нисколько из того, что выучивают»[951].

Таким образом, повсеместное использование «обыкновенного» способа обучения было нормой. Новые методы работы с детьми с трудом прокладывали себе дорогу.

Тем не менее, уже к середине XIX в. на основе классно-урочной системы, изменялись формы и методы работы с детьми, выпускались наглядные пособия, карты, глобусы, атласы. Одним из важных элементов в развитии новых методик начального обучения к середине XIX в. стало знакомство с педагогической системой Песталоцци и его школы, а также попыток ее переработки и перенесения их на русскую почву. Новая методическая

---

949 НА РК. Ф. 17. Оп. 5. Д. 6/13. Л. 72-74 об.
950 ГААО. Ф. 127. Оп. 1. Д. 21. Л. 207 об.
951 НА РК. Ф. 17. Оп. 5. Д. 8/17. Л. 7-7 об.

система раскрывала перед русскими педагогами идею начального обучения, как особую стадию в развитии ребенка. При этом основной акцент в деятельности учителя отводился к необходимости раскрытия умственных и нравственных возможностей учеников. Умение видеть, слушать, правильно выражать свою мысль, размышлять, логически мыслить стали главными направлениями педагогических методик в будущем, получивших развитие в первой половине XIX в.

4.2. Организация учебной работы в средней школе

Совершенствование учебного процесса в общеобразовательной средней школе зависело от программы преподавания предметов и правильного применения методик обучения. В течение первой половины XIX в. на повестке дня стояли главные вопросы: Чему учить? Как учить? Каково значение каждого учебного предмета для общего духовного развития учащихся? Особое значение в это время приобрело создание школьных учебников.

В поисках правильного решения идеологи реформ несколько раз подвергали учебный курс гимназий коренному пересмотру, определяя каждый раз совершенно новое направление. В школьных Уставах 1804 г. и 1828 г. программа обучения получила определенную классическую основу, имеющую целью приготовление учащихся к дальнейшему обучению в высшей школе – университете. Основу учебного курса составляли русский и древние языки. Первоначально все учебные предметы были одинаково важны, в программе гимназий ни одного из них не выделяли. Затем стали определять их значимость, объем и программу преподавания. Например, в правление Николая I Закон Божий приобрел особенную, самостоятельную, нравственно-религиозную и образовательную роль.

С 1849 г. классическая программа гимназий, ориентировавшая на подготовку к поступлению в университет, была сочтена излишеством для всех учеников. В гимназии введена бифуркация: древние языки оставлены

для тех учеников, кто стремился продолжить обучение в университете, а для воспитанников, поступающих из гимназий прямо на службу взамен древних языков ввели законоведение. Отметим, что «реальные классы» в губернских гимназиях появись раньше. В 1852 г. классицизм был еще более ослаблен. Древнегреческий язык был оставлен только в университетских городах или там где проживало много греков (Таганрог, Одесса). В других гимназиях он был упразднен.

Важную роль в учебном процессе играли учебники и методические пособия для учителей по преподаванию отдельных предметов. При императоре Александре I издание учебных книг и руководств находилось в непосредственном ведении, созданного в 1803 г. при Главном Правлении училищ специального Комитета для рассмотрения учебных книг. Его членами стали С. Я. Румовский – попечитель Казанского учебного округа, Н. Я. Озерецерковский – академик Императорской Академии наук и Н. И. Фус – академик, непременный секретарь Академии. Комитет составил список недостающих по новому учебному плану учебников для школ и призвал профессоров университетов начать переводы учебных книг с немецкого языка.

Школьный Устав 1804 г. определял исключительное право Главного правления училищ на утверждение и издание «в достаточном количестве различных начальных книг, приноровленных установленному к плану учения»[952]. Однако складывалась парадоксальная ситуация: по новой учебной реформе открывались новые школы, а учебников для них не было. Поэтому в начале XIX в. Министерство народного просвещения активно занималось переизданием учебных руководств, изданных еще при Екатерине II или переводами на русский язык книг немецких ученых.

В начале XIX в. большое внимание среди учебной литературы отводилось учебникам по истории. Как отмечает Т. А. Володина, «за относительно короткий период времени, предшествовавший появлению

---

[952] Устав учебных заведений, подведомых университетам.

«Истории государства Российского» Н. М. Карамзина (1800-1817), было напечатано более 25 сочинений по русской истории, имевших обобщающий характер, т. е. изображавших более или менее длительный период (в идеале – от Рюрика до Александра I) и адресованных не узкому кругу профессионалов, а широкой аудитории»[953]. В это же время были напечатаны и первые детские энциклопедии.[954]

После Отечественной войны 1812 г. и восстания декабристов в деятельности правительства стали проявляться охранительные тенденции. С изменением идеологических установок в сторону клерикализации образования, произошла трансформация учебной и педагогической литературы. Значительное место в правительственных изданиях отводилось описанию роли православия и церкви, истории государственности. Правительство брало под контроль создание учебной литературы и инициировало появление единых учебников для школ. Например, учебник по Отечественной истории.

В сентябре 1816 г. министр народного просвещения А. Н. Голицын переименовал Комитет для рассмотрения книг для учебных заведений в Ученый комитет. Процесс публикации учебной литературы был усложнен. Каждое новое учебное издание подвергалось обстоятельному разбору в отношении содержания книги, ее слога, пользы, бесполезности или вреда, основательности в сочинении, сходства или несходства с подлинником при переводе. Затем члены комитета (И. С. Лаваль, Н. И. Фус и А. С. Стурдза и др.) составляли подробный письменный отчет о проведенной экспертизе, представляли его на заседание Главного правления училищ, и только потом принималось решение о публикации книги.

5 августа 1818 г. А. С. Стурдзой была предложена инструкция Ученому комитету «Для руководств и исправления возложенных на него

---

[953] Володина Т.А. Учебники Отечественной истории как предмет историографии: середина XVIII – середина XIX в. // История и историки. 2004. № 1. С. 115.

[954] Могульский И. Детская энциклопедия или круг детского учения. М., 1808; Новейшая детская энциклопедия. М., 1809.

обязанностей». В ней, в частности, говорилось, что Комитет при рассмотрении содержания всех учебных книг должен следить за соглашением «между христианским благочестием, просвещением умов и существованием гражданским». Особенная осторожность предполагалась в отношении книг по философии и естествознанию. Все издания, «противные или чуждые» цели воспитания или содержащие «ложные учения о происхождении верховной власти не от Бога, а от условий между людьми» (т. е. следующие учению просветителей об общественном договоре) отклонялись. Например, по поводу пособий по истории, в инструкции указывалось, что они должны были утверждать единство истории, а также «кроме точного и подробного изложения происшествий, [иметь. – *Е. А.*] указание на дивный и постепенный ход Богопознания в человеческом роде и верную синхронистику со священным бытописанием и эпохами церкви»[955]. Так Министерством народного просвещения постепенно вырабатывались правила по изданию учебных сочинений. Особое внимание обращалось на построение плана написания учебников, объем и уровень изложения в них фактического материала, отвечающего целям тех учебных заведений, для которых они предназначались.

4.2.1. Закон Божий

Первенствующее место в программе гимназий занимал Закон Божий. Как отметил один из педагогов этого времени Н. И. Биллевич: «В сфере гимназического образования во главе всех предметов идет Закон Божий: учение религии близко к натуре каждого человека. Первое мышление ребенка должно выразиться в мысли о молитве… Научим… детей прежде страху Господню, а потом уже человеческому любомудрию»[956].

Согласно высочайшему распоряжению (ноябрь 1811 г.) этот предмет, «заключающий главную и существенную цель образования», вводился как обязательный и основной предмет в средних учебных заведениях:

---

[955] Георгиевский А.И. К истории Ученого комитета. СПб., 1912. С. 5.

[956] Биллевич Н.И. О цели и сущности гимназического образования // Московские ведомости. 1848. № 139. С. 1293.

«…Отныне навсегда постановлено было коренным и неизменяемым правилом во всех учебных заведениях военного и гражданского ведомства… обучать юношество Закону Божьему»[957]. Его значимость подчеркивалась и тем, что все переводные и выпускные экзамены обязаны были начинаться с экзамена по этому предмету.

Новая учебная программа гимназий (1819 г.) включала в себя преподавание религиозных дисциплин: чтение Евангелия от Матвея с дополнениями из других евангелистов и христианскую нравственность. В университетах учреждались кафедры богословия.

Школьный Устав 1828 г. подтвердил обязательность Закона Божьего, как главного предмета обучения в учебных заведениях страны. Учебный день начинался и заканчивался общей молитвой учащихся. В I-IV классах гимназии шло повторение учебного курса уездных училищ (Ветхий и Новый Завет), а в V-VII – подробно изучали Священную и церковную историю. Помимо уроков Закона Божьего в это время широкое применение получили «Христианские беседы», где изучались жития святых, проповеди особо почитаемых служителей церкви. Сведения по преподаванию религиозного учения занимали первое место во всех годовых отчетах губернских дирекций училищ о состоянии школьного дела на местах. В аттестатах об окончании гимназии подпись законоучителя ставилась раньше подписей других преподавателей.

При этом характерным явлением того времени стал недостаток книг по религиозному учению в библиотеках учебных заведений. В описи книг отдела богословия библиотечного фонда Олонецкой гимназии в 1825 г. числилось по одному экземпляру «Сокращенного Катехизиса на олонецком языке» неизвестного автора (СПб., 1804), «Чтений их четырех Евангелистов» (СПб., 1820), и три экземпляра книги «Поучение как стоять в

---

[957] Об обучении во всех учебных заведениях Закона Божьего и о прислании почетного Духовенства на экзамены // ПСЗРИ. Собр. 1. Т. 31. № 24874.

церкви во время божественной литургии» (СПб, 1824)[958]. Подобное положение было и в других училищных библиотеках.

Это значительно усложняло задачу преподавания Закона Божьего в гимназиях России, а изучение основ православного учения всецело зависело от личности законоучителя. Отчеты губернских училищных дирекций содержат сведения о том, как педагоги справлялись с этой задачей. Например, в Новгородской гимназии законоучитель занимался чтением Нового Завета для всех учеников, на уроках Закона Божьего проходил пространный Катехизис, Священную историю, изъяснение Евангелий и «прочее, относящееся к познанию Веры, священных обрядов и т. д.»[959] В Псковской гимназии преподавание Закона Божьего в 1820 г. шло по следующей программе: часть первая – о Богопознании естественном «из Богословия Платона, митрополита Московского с дополнением из Богословия Сильвестровой и Православного исповедания веры…, часть вторая – о вере Евангельской…, часть третья – о Законе Божьем вообще»[960].

Во второй четверти XIX в. Святейший Синод утвердил официальную программу обучения Закону Божьему, составленную митрополитом Филаретом, и одобрил целый ряд учебных пособий, необходимых для его преподавания.

Что касается организации методической работы по этому учебному предмету, необходимо отметить, что священники, преподающие Закон Божий, не имея педагогического образования и навыков работы с детьми, чаще всего, ограничивались зазубриванием молитв и текстов из Священного писания. В отчетах визитаторов из Петербурга, директоров училищ постоянно встречаются указания на недостаточные знания учащихся и слабую дисциплину на уроках. Например, в 1838 г. инспектор петербургских казенных училищ П. П. Максимович, осматривая Архангельскую гимназию, обратил внимание на механический характер преподавания Закона Божьего.

---

958 НА РК. Ф. 17. Оп. 6. Д. 1/2. Л. 196.
959 Отто Н.К. Новгородская дирекция училищ... С. 44.
960 Алешинцев И.А. История гимназического образования… С. 70 -71.

В своем отчете инспектор написал, что одного механического способа обучения, затверживания уроков наизусть – недостаточно, учителя должны «передавать свое учение» так, чтобы это было доступно для детского возраста, чтобы ученики "могли усвоить выученное и дать в том отчет, и сами объяснить друг другу"[961].

4.2.2. Древние и новые языки

В учебном курсе российских гимназий первой половины XIX в. большое внимание уделялось преподаванию древних (латинского и греческого) и новых (немецкого и французского) языков. Идеологи реформ российского просвещения считали, что изучение древних языков является наилучшим и наиболее надежным средством всестороннего развития духовных способностей учащихся, которое приучает юношество к усидчивому и серьезному труду. Считалось, что знание древних языков помогало воспитанникам гимназий легче усваивать новые языки и давало возможность окончившим курс гимназии продолжить образование в университетах, где бóльшая часть предметов преподавалась на латыни.

Перед учебными курсами древних и новых языков ставились практические задачи – научить учащихся умению читать и понимать древнегреческие и латинские тексты, а также произведения французских и немецких авторов. Система преподавания использовала приемы работы, развивающие механическую память и логическое мышление учащихся. Большая роль отводилась письменным упражнениям по переводам текстов классических авторов, а учителя а преподавании использовали грамматико-переводной метод.

По Уставу 1804 г. воспитанники гимназий латинский язык изучали с I по III класс (в I-II классах – по 6 час., в III классе – по 4 час. в неделю)[962]. Преподавание греческого языка, видимо, в качестве эксперимента, впервые

---

961 ГААО. Ф. 127. Оп. 1. Д. 21. Л. 207.

962 Устав учебных заведений, подведомых университетам.

было введено в учебный план благородного пансиона при Санкт-Петербургской гимназии в 1806 г., но вследствие увольнения учителя Псомы в 1810 г. его преподавание прекратилось[963].

Изучение латинского языка определялась необходимостью его обязательного знания в высших учебных заведениях. Однако в выпускном классе гимназий этот предмет не изучался. Неудачное распределение учебного времени в программе по латинскому языку обуславливало затруднения для абитуриентов высших учебных заведений. Многие учащиеся за последний год обучения год забывали приобретенные умения и навыки и испытывали трудности при дальнейшем обучении в университете. Об этом говорил попечитель Петербургского учебного округа С. С. Уваров в своем докладе 22 сентября 1811 г. Он констатировал, что воспитанники гимназий, поступившие в этом году в Педагогический институт, «имея достаточные сведения в прочих науках, слабы в знании латинского языка»[964].

В 1811 г. преподавание древних языков получило особое значение. В высочайшем указе от 7 июля 1811 г. относительно важности преподавания латинского языка говорилось: «Знание латинского языка доказывает приобретение глубоких и твердых сведений в словесности вообще, истории, археологии, мифологии и прочих подобных сим науках»[965]. По предложению С. С. Уварова в семилетний учебный план Петербургской гимназии с 1817 г. вводится изучение не только латинского (с I по VII класс), но и греческого языка (в VI и VII классах). В связи с увеличением продолжительности гимназического обучения (с 4 до 7 классов), значительно увеличивалось и количество учебного времени на эти предметы.

Следует отметить, что в Московской гимназии класс греческого языка был открыт еще в 1815 г., а в средних учебных заведениях Петербургского учебного округа его изучение должно было начаться с 1819 г.

---

963 Воронов А.С. Историко-статистическое обозрение… СПб., 1849. С. 127.

964 Сборник постановлений по Министерству народного просвещения. Т. 1. 1864. Стб. 746.

965 Об уравнении учителей латинского языка со старшими учителями // ПСЗРИ. Собр. 1. Т. 31. № 24716.

При подготовке реформы народного образования в 1828 г. по поводу введения классических языков в курс гимназий высказывались разные мнения. Сторонники классической системы образования настаивали на усилении внимания к изучению древних языков и словесности. Одним из тех, кто говорил о необходимости «нераздельного преподавания обоих древних языков» и об исключении из программ обучения французского языка, был академик, профессор Петербургского университета Ф. Б. Грефе, которого «причисляли в Европе к эллинистам первого разряда»[966]. Единомышленники Ф. Б. Грефе утверждали, что древняя словесность, «богатая изящными произведениями, как и все новейшие, имеет пред ними два решительных преимущества: самородную, так сказать первообразность и возбуждение к труду»[967]. Гимназист, окончив курс древней словесности, «не возмнит, что он знает уже все», а получит вкус и желание знать более и будет далее усовершенствоваться в своих познаниях.

Президент Императорской Академии наук С. С. Уваров не поддержал Ф. Б. Грефе. Его мнение основывалось на практическом воплощении идеи преподавания греческого языка. Он, в частности, отметил, что «преподавание древних языков, естественно, основа всяческого образования… Греческий и латинский языки требуют много времени и много средств для их изучения… У нас господствует полнейший недостаток учителей… Какой выгоды можно ожидать от слабого, незрелого преподавания греческого языка в наших отдаленных гимназиях?» С. С. Уваров предложил оставить в курсе гимназий изучение латинского языка, «как более легкого, обыкновенного и… применительного к практической жизни», а греческий преподавать только в гимназиях при университетах[968].

Николай I поддержал мнение С. С. Уварова. Он не одобрил решение комитета о необходимости обучения греческому языку во всех гимназиях и не согласился на исключение из гимназического курса французского языка.

---

966 Шмид Е.К. История средних учебных заведений... С. 250.
967 Там же. С. 244.
968 Там же. С. 250.

В итоге, новый Устав гимназий (1828) предусматривал изучение древних и новых языков. Учащиеся гимназии разделялись на изучающих и не изучающих греческий язык. Латинский язык изучали все гимназисты с I по V класс – 4 час. в неделю, а с VI по VII класс по 3 час. в неделю. На обучение греческому языку для желающих отводилось с IV по VII класс по 5 час. в неделю. Прошедшим курс греческого языка по окончании гимназии предоставлялись служебные преимущества: эти выпускники имели право поступления в университет, а при определении на гражданскую службу им присваивался XIV класс. Следует отметить, что по Уставу 1828 г. на другие предметы отводилось гораздо меньше учебного времени, чем на древние языки. Например, на изучение математики и русского языка предполагалось от 2 до 4 час. в неделю, на историю – от 2 до 3 час. в неделю. Так, Устав подтверждал особую значимость древних языков в деле обучения российского юношества.

В 1849 г. учебные программы российских гимназий вновь подверглись изменению. Новый министр народного просвещения П. А. Ширинский-Шихматов взял курс на сокращение учебного курса древних языков. Латинский и греческий языки изучали только гимназисты, планировавшие поступать в университет, и уже не с первого, а с IV класса. В 1852 г. греческий язык был изъят из учебных программ гимназий. Его преподавание сохранилось только в 3-й Петербургской гимназии, которая получила официальный статус «филологического заведения, подготавливавшая учащихся к слушанию лекций на историко-филологическом факультете университета»[969].

Учебные программы по древним языкам были достаточно сложны. Воспитанники младших классов гимназии знакомились с первоначальными основами грамматики и обучались чтению и письму, «приобщая к каждому правилу» объясняемого учителем словосочетания, примеры, «извлеченные из лучших авторов»[970]. Учащиеся занимались переводами, читали произведения классических авторов, начиная «с легчайшего и доходя к труднейшим, с

---

969 Воронов А.С. Историко-статистическое обозрение… СПб., 1855. С. 127.

970 Устав учебных заведений, подведомых Университетам.

раздроблением красоты слога». Так они приобретали элементарные грамматические сведения и устойчивые навыки чтения текстов.

В старших классах ученики должны были не только читать произведения на латинском и греческом языках, но и писать самостоятельно небольшие сочинения и сочинять стихи. На уроках воспитанниками вслух читались отрывки из произведений классических авторов с грамматическим, этимологическим и синтаксическим разбором. Как правило, учителя требовали заучивания наизусть отрывков текстов «лучших сочинений или мест в латинских сочинениях… для изощрения памяти». Большое внимание уделялось переводам с русского языка на латинский и греческий языки и обратно. На выпускных и вступительных экзаменах в университет требовалось достаточное знание латинских слов, правил грамматики, а также навыки чтения латинских писателей.

Перед курсом древних языков ставилась практическая задача – умение понимать древнегреческие и латинские тексты. За время обучения учащиеся должны были переводить и читать довольно сложные тексты по древней истории (Тита Ливия), литературы (Овидия, К. Саллюстия, Вергилия, Горация, Сатира); философские сочинения Цицерона, отрывки из Энеиды, Одиссеи, трактаты Сенеки, Августина, Минуция Феликса, Тертуллиана, Корнелия Непота. Иногда использовался прием перевода известных текстов с русского языка на латинский, например, в Олонецкой гимназии с русского на латинский переводили отрывки из «Наказа» Екатерины II, причем «переводы на российский язык и обратно делались без посредства авторов, изустно, под руководством самого учителя, природного немца»[971].

Учебная литература по преподаванию древних языков была обширна. В качестве учебных пособий применялись латинские и греческие грамматики и словари, хрестоматии и антологии классических прозаиков и поэтов: Ю. Цезаря, К. Непота, Саллюстия, Овидия, Вергилия, Тита Ливия, Цицерона и

---

[971] Петров К.М. Олонецкая гимназия с 1808 по 1831 гг... С. 7.

Горация[972]. Значительное количество учебников латинского языка было выпущено в конце XVIII – начале XIX в.[973]. Успехом пользовались учебники Ф. Ф. Розанова, выпускника Московской духовной академии, российского литератора, которые с 1806 до 1826 гг. выдержали 6 изданий[974].

На протяжении первой половины XIX в. коллекция методической и учебной литературы по латинскому и греческому языкам постоянно пополнялась изданиями новых авторов. Составителями пособия по латинскому языку стали преподаватели Петербургского университета Д. П. Попов и Я. В. Толмачев[975]. Учебные пособия А. Ф. Кирьякова, Н. Ф. Кошанского, Г. И. Шада, И. Ф. Эйнерлинга[976] также использовались для преподавания латыни. Авторами учебников были и преподаватели столичных гимназий. Так, учитель Санкт-Петербургской гимназии Н. Ф. Белюстин написал учебник «Руководство к переводам с русского языка на латинский язык» (СПб., 1829).

Автором основного учебника греческого языка являлся историк М. Т. Каченовский, профессор Московского университета. Его «Учебная книжка древнего греческого языка» (М., 1807) вплоть до 1865 г. переиздавалась 15 раз. Свою лепту в создание учебников языка эллинов внесли профессора Петербургского университета И. Я. Соколов, А. Л. Крылов. Ими были

---

[972] Белюстин Н.Ф. Хрестоматия. СПб., 1839; Гедике Ф. Ф. Латинская хрестоматия. М., 1822; Попов Д. П. Хрестоматия. СПб., 1830; Якобс Ф. 1) Латинская хрестоматия. М., 1805; 2) Греческая хрестоматия или выписки из легчайших мест из древних писателей. М., 1821.

[973] Бантыш-Каменский Н.Н. Латинский букварь. М., 1784; Гедике Ф.Ф. Латинская учебная книга для начинающих учиться латинскому языку. СПб., 1806; Латинский букварь с таблицами склонений и спряжений правильных и неправильных. М., 1814; Латинская грамматика. М., 1806; Латинский синтаксис. М., 1806.

[974] Розанов Ф.Ф. 1) Краткие правила о чистоте латинского языка. М., 1804; 2) Латинский язык. М. 1805.

[975] Попов Д.П. 1) Латинская грамматика СПб., 1835. 2) Латинская грамматика, составленная по Цумпту. СПб., 1838); Толмачев Я.В. Ручная книга первообразных латинских слов. СПб., 1822.

[976] Кирьяков А.Ф. Латинская грамматика. М., 1847; Кошанский Н.Ф. Латинская грамматика. СПб., 1837; Латинская учебная книга, заключающая этимологию, синтаксис и примеры. М., 1820; Латинский букварь. М., 1826; Латинско-русский словарь. М., 1845; Шад Г.И. Учебная книга латинского языка. СПб. 1843; Эйнерлинг И.Ф. Латинско-русский словарь. СПб., 1841.

изданы учебники для обучения греческому языку[977]. Среди авторов учебных пособий были и учителя провинциальных гимназий. Например, учитель греческого языка А. Г. Попов из Вологодской гимназии, который преподавал этот предмет с 1838 по 1852 гг. В качестве учебного пособия им был составлен «Русско-греческий словарь» (СПб., 1840).

Большая часть указанной выше учебной литературы была представлена в фондах училищных библиотек трех губернских гимназий и с успехом в них использовалась. Так, в «Ведомости книгам Вологодской губернской гимназии» за 1808 г. значились: буквари и азбуки латинские, немецкие, грамматика латинская – В. Лебедева, Н. Н. Бантыш-Каменского, грамматика немецкая – Ф. Гелтергофа и Неймана, французская – И. Соколова, а также лексиконы: немецкий лексикон И. Аделунга, латинский и французский лексиконы (словари), разговорники[978]. В библиотеке Архангельской гимназии в 1820-е годы в обучении латинскому языку употреблялись учебники: Н. Ф. Белюстина «Опыт практического руководства в переводах с русского языка на латинский», книги Н. Ф. Кошанского «Корнелий Непот» и «Латинская грамматика», пособие Ш. Ф. Ломонда «Epitoma historiae sacrae» («Краткое изложение Священной истории»)[979].

Преподавание древних языков в российских гимназиях сталкивалось со значительными трудностями. В первую очередь, остро стояла кадровая проблема. Большое количество учебного времени на преподавание древних языков требовало увеличение численности преподавателей-специалистов по этим дисциплинам (по 2-3 педагога на каждую гимназию). Необходимую потребность в кадрах выпускники российских университетов и педагогических институтов удовлетворить не могли.

---

977 Крылов А.Л. Краткий словарь греческого языка. СПб., 1827; Попов Д.П. 1) Греческая грамматика по Бутману. СПб., 1836; 2) Греческая хрестоматия по Якобсу. СПб., 1838; 3) Греческая хрестоматия Якобса со ссылками на греческую грамматику Бутмана. СПб., 1838; Соколов И.Я. Руководство к переводу на греческий язык. СПб., 1832.

978 ГАВО. Ф. 438. Оп. 3. Д. 130. Л. 8об.-9.

979 Кизель Н.К. Мазюкевич В.И. Историческая записка Архангельской Ломоносовской гимназии… С. 40.

Недостаток в педагогах-классиках остро ощущался с момента открытия гимназий. Так, при организации Вологодской (1804) и Олонецкой гимназий (1808) должности учителей латинского языка оставались вакантными. В качестве дополнительной и бесплатной нагрузки этот предмет в Вологде был поручен преподавателю философских и политических наук В. Двиновскому, а в Петрозаводске – И. Ф. Яконовскому. Надежда на получение ими хотя бы незначительного единовременного вознаграждения за свои труды в конце учебного года – не оправдалась. В. Двиновский в 1805 г. за «нетрезвое поведение» был уволен, а И. Ф. Яконовский отказался от преподавания латыни. В Архангельской гимназии обучение латинскому языку началось в 1811 г. Учителем был назначен выпускник Петербургского педагогического института М. Д. Беликов. Во время его длительной болезни (1817-1819), а затем когда Беликов уехал в Костромскую губернию, в 1820-1826 гг. этот предмет преподавали старшие учителя Е. П. Смирнов (учитель истории) и К. В. Васильев (учитель логики). Специалистов, способных преподавать латинский язык не хватало, несмотря на то, что с 1811 г. жалованье этих педагогов увеличилось с 400 до 750 руб. в год[980].

Еще более сложное положение в гимназиях Европейского Севера России сложилось с введением древнегреческого языка. В штатном расписании гимназий по Уставу 1804 должность учителя древнегреческого языка не предусматривалась. По предписанию Министерства народного просвещения этот курс должны были ввести с 1819 г., но финансовых средств на это не было отпущено. Таким образом, введение греческого языка легло на плечи самих гимназий, которые должны были изыскать местные средства (из экономических сумм) на оплату труда педагогов.

Язык эллинов в средних учебных заведениях страны вводился постепенно. Кафедра латинского и греческого языков в Петербургском Педагогическом институте была открыта в 1811 г. ее занял Ф. Б. Грефе. Но его

---

[980] Об уравнении учителей латинского языка со старшими учителями // ПСЗРИ. Собр. I. Т. 31. № 24716.

ученики не могли заполнить все имеющиеся вакансии в провинциальных гимназиях, тем более что не везде были выделены средства на преподавание греческого языка. В некоторых гимназиях учителя работали безвозмездно. Например, в Архангельской гимназии учитель К. В. Васильев согласился преподавать греческий бесплатно с 1826 г. При этом, из Петербурга для проверки знаний учителя были отправлены контрольные тексты для перевода с греческого на русский язык. В марте 1826 г. Училищный комитет уведомил директора Архангельской гимназии В. Л. Сильвестрова, что экстраординарный профессор Петербургского университета Д. П. Попов «нашел в переводах некоторые недостатки, но признал возможным допустить К. В. Васильева к преподаванию элементарного курса греческого языка в гимназии»[981].

Судя по архивным документам, в большинстве гимназий открыть преподавание греческого языка оказалось возможным только после преобразования гимназий по Уставу 1828 г. Например, в Олонецкой гимназии греческий язык стали преподавать с 1831 г. после приезда в Петрозаводск выпускника Петербургского университета И. И. Анциферова. Он был назначен на должность учителя латинского языка, а преподавание греческого языка являлось его дополнительной нагрузкой. В 1-й и 2-й Санкт-Петербургских гимназиях древнегреческий язык преподавался с 1831 г., ввести преподавание греческого языка в Вологодской гимназии удалось только с 1836 г., а в Новгородской гимназии – с 1838 г.

Характерной чертой российских гимназий первой половины XIX в. являлась частая смена и долговременное отсутствие преподавателей, что, несомненно, становилась причиной малоуспешности обучающихся. Так, в Архангельской гимназии с 1811 по 1848 гг. сменилось 13 преподавателей латинского языка. За неимением преподавателей в Архангельске преподавание латыни не велось с 1831 по 1833 гг., в Вологде – с 1805 по 1832 гг., в Петрозаводске – с 1809 по 1827 гг. Обучение греческому языку в

---

[981] Кизель Н.К. Мазюкевич В.И. Историческая записка Архангельской Ломоносовской гимназии... С. 39.

Олонецкой гимназии проходило только в течение 7 лет (1831-1837). В 1837 г. учитель И. И. Анциферов уехал на новое место работы в 2-ю Петербургскую гимназию, а нового преподавателя не нашли. В Архангельской гимназии обучение греческому прекратилось в 1843 г.

Преподавание древних языков в первую половину XIX в. не отличалось эффективностью. Это было связано с несовершенством и сложностью учебных программ, а также с отсутствием методик обучения древним языкам. Как отмечал исследователь истории народного просвещения Н. Х. Вессель, «Мальчики, едва умеющие писать на родном языке и не имеющие никаких грамматических понятий, прямо приступали к изучению латинской грамматики! Как тут преподавать учителю, чтобы сделать преподаваемое понятным ученику? А нет правильного начала, нет твердого сознательного основания, не может быть и никакого основательного дальнейшего знания»[982].

Очевидно, что при первом столкновении со сложной грамматикой у воспитанников возникали трудности ее освоения. Об этом вспоминал известный русский поэт П. А. Вяземский: «В разные времена первой молодости моей изучал я и латинский язык, римскую литературу, особенно Овидия и Горация. В старых бумагах моих отыскиваю целые страницы, исписанные мною на латинском языке. Но латынь не далась мне, не укрепилась за мною, как вообще не укрепляется она за нами, русскими. У нас нет ни исторической, ни народной почвы для латинства. В нас на севере нет ничего латинского, ничего того, что людям прирожденно на западе и на юге. Разумеется, не протестую против изучения классических языков; хочу только примером своим отметить, что, за весьма редкими исключениями, учение это легко испаряется из нас, потому что оно малоприменимо к действительности»[983].

---

982 Вессель Н.Х. Учебный курс наших гимназий. СПб., 1866. С. 31-32.

983 Вяземский П.А. Автобиографическое введение // Вяземский П.А. Полное собрание сочинений. СПб., 1878. Т. 1. С. LIX.

Специальных методик преподавания древних языков разработано не было. В это время в гимназиях был распространен грамматико-переводной метод преподавания древних языков, согласно которому письменные упражнения и переводы с русского на греческий и латинский языки являлись основными видами деятельности учащихся. Чтение отрывков античных авторов применялось редко, а плохая подготовленность учителей к преподаванию классических языков вызывала отрицательное отношение к этим предметам со стороны учеников.

Новые языки (немецкий и французский) входили в программы обучения российских гимназий на протяжении всей первой половины XIX в. По школьному Уставу 1804 г. их преподавание предполагалось с I по IV класс в объеме 16 час., а по Уставу (1828) – 18 час. в год.

Учебные программы новых языков были идентичными с программами преподавания древних. Первоначально шло знакомство с основами грамматики и обучение чтению и письму, затем ученики занимались переводами и составлением небольших сочинений. Далее они должны были читать оригинальные произведения на немецком и французском языках.

Учебная и методическая литература по преподаванию новых языков была составлена преподавателями Московского университета и Петербургского Педагогического института и университета. Одним из первых учебников в начале XIX в. являлись «Французская грамматика» Я. В. Толмачева (СПб., 1809) и «Новая практическая немецкая грамматика», изданная А. В. Шумахером (СПб., 1811). Последняя выдержала 5 изданий и имелась во многих училищных библиотеках провинциальных гимназий. В типографии Московского университета издавались азбуки, самоучители и буквари для изучения французского языка[984]. В 1830-40-е годы появилось значительное количество новых учебных пособий. Это в первую очередь,

---

[984] Новый самоучитель французского языка. М., 1812; Французская азбука. М., 1815; Французская грамматика. М., 1819.

учебники учителя немецкого языка Царскосельского лицея В. А. Эртэля[985], а также книги Е. Зорича[986], К. Геккера[987] и других авторов. Преподаватель Олонецкой гимназии В. М. Топоров издал «Теоретико-практической грамматику немецкого языка с присовокуплением краткой истории литературы» (СПб., 1841).

В первой половине XIX в. были предприняты попытки разработать теоретические основы обучения новым языкам, ориентированные не только на развитие практических навыков чтения и разговорной речи, но и на формирование целостного представления о фонетике, грамматике, этимологии, синтаксисе изучаемых языков. Например, метод Д. Локка, английского философа, просветителя, включал в себя использование наглядного материала и диалог, что способствовало поддержанию внимания детей и облегчению усвоения лексического материала. Этот метод исключал необходимость овладения грамматикой, но при этом требовал обогащения учебного процесса чтением, переводческими упражнениями[988]. Но методику Д. Локка в гимназиях Европейского Севера России не использовали.

В преподавании немецкого языка широко употреблялась методика В. А. Эртеля, одобренная Комитетом устройства учебных заведений и введенная в гимназиях Санкт-Петербургского учебного округа в 1833 г. Она основывалась на наглядном методе обучения и была необходима для легчайшего обучения воспитанников немецкому языку.

Пособием для запоминания слов на немецком языке служили картинки (рисунки), изображающие различные предметы. Учитель, показывая

---

985 Эртель В.А. 1) Элементарный курс французского языка. СПб., 1837; 2) Теоретико-практический курс немецкого языка и литературы. СПб., 1840; 3) Элементарный практический курс немецкого языка. СПб., 1845.

986 Зорич Е. 1) Грамматические постепенные упражнения в переводах с российского языка на немецкий язык. СПб., 1829; 2) Теоретические и практические упражнения в переводах с русского языка на французский язык. СПб., 1830; 3) Французский букварь. СПб., 1830.

987 Геккер К. 1) Немецкая грамматика. СПб., 1832; 2) Руководство к практическим упражнениям в немецком языке. СПб., 1846.

988 Головина Н.В. Обучение иностранным языкам в России в XVIII-XIX вв. // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов. 2013. № 8 (26). Ч. 2. С. 50.

картинку, называл изображение на немецком языке, заставляя весь класс повторять за собой слово. Потом ученики по очереди повторяли объяснение картинок на немецком языке. Так учащиеся приобретали необходимый словарный запас. Объяснения начинались с простых изображений: кавалерист, пехотинец, сабля, пика, ружье, затем предлагались смысловые картины – например, картина сражения.

Для правильного применения своей методики В. А. Эртель в 1830 г. издал «Краткое руководство для употребления картин» (СПб., 1830), которое состояло из трех последовательных отделений. Первое – 56 простых изображений разного содержания, второе – подбор ситуативных сюжетов из практической жизни, третий – 64 картины из Священной истории Ветхого и Нового Завета. Каждый раздел сопровождался понятными и простыми объяснениями, соответствующими способностям учеников[989].

Однако, по мнению специалистов, этот метод имел некоторые неудобства. Ученики знакомились только с теми предметами, которые изображались на картинках, а предложенный объем их был весьма ограничен. Чтобы расширить познания воспитанников, необходимо было иметь значительное количество изображений, что влекло за собой большие финансовые затраты. Поэтому методика Эртеля для применения в общественном обучении была признана затруднительной и определена как вспомогательное пособие для преподавания в гимназиях. Использование данной методы рекомендовалось при домашнем обучении. По сообщениям директоров училищ в Архангельской, Вологодской и Олонецкой гимназиях данная метода применялась учителями немецкого языка В. Л. Рейнеке, К. Альтдорфом, И. Дозе.

Еще одну методику преподавания новых языков предложил А. Язвинский. Его идея заключалась в заучивании специальных таблиц, составленных из букв, слов и словосочетаний. Таблицы, по мнению автора, «служили орудием мнемонимическим, аналитическим и синтетическим» и

---

[989] Воронов А.С. Историко-статистическое обозрение… СПб., 1855. С. 155

помогали воспитанникам легко заучивать слова[990]. Они представляли собой многочисленные квадраты, где помещались основные правила грамматики и синтаксиса. Но и эта методика не была принята для преподавания в средних учебных заведениях.

Учителя, как правило, использовали уже упомянутый выше грамматико-переводной метод преподавания, который ориентировался, прежде всего, на курс грамматики (морфологию и синтаксис). Учащиеся усваивали грамматические правила и выучивали слова. Этот метод давал возможность воспитанникам освоить письменные виды речевой деятельности на иностранном языке, но не способствовал освоению ее устных форм. Ученики читали и переводили тексты из произведений немецких и французских писателей и поэтов в оригинале.

Довольно часто учителями новых языков в гимназии являлись «природные немцы и французы», которые иногда плохо знали русский язык, что значительно затрудняло преподавание. Например, в Архангельской гимназии в 1831/32 учебном году директор В. Л. Сильвестров пригласил для преподавания французского языка «какого-то иностранца де Андилли», а на должность учителя немецкого – немца Брона. Но Училищный комитет отверг данные кандидатуры, потому что при экзаменовке их учеников «обнаружились недостаточные знания предметов». Учитель французского языка в Архангельской гимназии появился только в 1839 г., им стал О. Гутковский, переведенный из Олонецкой гимназии. К преподаванию немецкого языка в Архангельской гимназии в 1832 г. Советом Петербургского университета допущен был «гапсальский уроженец К. Виттенбург»[991]. Такие педагоги не могли свободно общаться со своими учениками, исправлять их ошибки, толково и понятно объяснять то или иное

---

[990] Язвинский А.А. 1) Самоучитель французского языка. СПб., 1840. С. 1; 2) Самоучитель немецкого языка. СПб., 1845; 3)

[991] Кизель Н.К. Мазюкевич В.И. Историческая записка Архангельской Ломоносовской гимназии… С. 71.

грамматическое правило. Поэтому на уроках обычно царило непонимание между учителем и учениками, отсутствовала дисциплина.

Это влияло на частую смену преподавателей. Так, в Вологодской гимназии с 1803 по 1806 гг. сменилось 3 учителя немецкого языка. В 1803 г. его преподавал лифляндский дворянин Шрейдер, который «самоохотно принял на себя обучать немецкому языку за половинное жалованье», но он вышел в отставку. На его место был принят иностранец Ф. Таннефельд, ни слова не понимавший по-русски, «дряхлый и бесполезный старик», слушавший когда-то в Лейпцигском университете философский и словесный курсы. В 1804 г. учителем был назначен С. Вельцин, выпускник Рижской гимназии, но и он в 1806 г. по состоянию здоровья и «невозможности привыкнуть к суровому местному климату» уволился[992]. Учителями французского языка в Вологодской гимназии также были иностранцы: Ф. Таннефельд (1804-1806), И. И. Крон (1825), Ф. Эверс (1832-1834), А. П. Дювернуа (1834), К. А. Блез (1846-1860). «Немец Дозе, хоть плохо, но говорил по-русски, а француз, Карл Антонович Блез, только что приехавший в Вологду в год поступления моего в гимназию, ни слова не говорил и не понимал по-русски», – писал воспитанник Вологодской гимназии Н. Ф. Бунаков[993].

Судя по воспоминаниям бывших воспитанников гимназий на уроках немецкого и французского языков они много времени уделяли письменным упражнениям. Ученики писали под диктовку, списывали отрывки из хрестоматий, занимались переводами на русский язык и обратно. Как вспоминал ученик Вологодской гимназии Л. Ф. Пантелеев: «Немецкий и французский языки были для всех обязательными, но преподавались так неудовлетворительно… Француз, плохо говоривший по-русски, еще в младших классах несколько занимался с нами, т. е. заставлял выучивать спряжения глаголов и разные отрывки, в старших классах почти ничего не

---

992 Отто Н.К. Вологодская дирекция училищ… С. 16, 26.
993 Бунаков Н.Ф. Записки: моя жизнь. СПб., 1909. С. 13.

давал, целые уроки проходили в том, что болтали (конечно, по-русски) разный вздор. Немцев «называли колбасниками». На первом плане у них стояло, например, выучивать немецкие стихотворения, а понимали мы их или нет – этим наши учителя особенно не интересовались»[994].

Были и другие отзывы о преподавании немецкого языка в Вологодской гимназии. Н. Ф. Бунаков писал в своих воспоминаниях: «Учитель немецкого языка, Роман Иванович Альтдорф, заменивший Дозе, после, своего предшественника, казался очень хорош, хотя не отличался ни талантами, ни педагогическим искусством. Все-таки его преподавание было не одной бестолковой зубристикой, гораздо живее и содержательнее, нежели монотонные уроки Дозе. Он даже делал попытки знакомить учеников с поэзией Шиллера, и я, следуя его советам, стал переводить Шиллера стихами. Переводы были не особенно удачны, но работа над ними была полезна. Я перевел: «Раздел земли», «Идеалы», «Тайна», «Тоска», «Чужестранная гостья», «Ожидание», «К Минне», «Беглец», «Гектор и Андромаха»[995].

В России XIX в. знание древних языков было неотъемлемой чертой образованного человека. Постепенно их преподавание в гимназиях налаживалось, появлялись специалисты-предметники и методически приемлемые руководства. Изучение классических древностей позволяло молодому поколению приобщиться к истокам мировой цивилизации, а знание новых языков являлось формой коммуникации в дворянской среде. Как отметил С. С. Уваров, ежедневное употребление французского языка утверждает человека в обществе: «Легкий, приятный, часто блистательный разговор, исполненный острословия, удобности фамильярной беседы с высшими удостоверяет его, что знающий сей язык принадлежит уже к лучшему и избранному обществу… Знания языков, богатство памяти, с трудом им приобретенное, не будет он расточать на тщетные политические

---

994 Пантелеев Л.Ф. Из воспоминаний о гимназии 50-х годов. С. 126.
995 Бунаков Н.Ф. Записки: моя жизнь. С. 15.

состязания и мечтательные умозрения, но на твердое образование его рассудка, раскрывание знания новейших языков»[996].

Примечательно, что знания воспитанниками древних и новых языков с успехом использовались при проведении публичных испытаний и торжественных актов в гимназиях. Учащиеся выступали перед собравшимися гостями с речами на латинском, греческом, немецком или французском языках. Например, в Вологодской гимназии в 1809 г. торжественный акт проходил в присутствии гражданского губернатора К. И. Линемана, председателя гражданского департамента Д. А. Петрова и губернских чиновников, купцов и других посетителей и начался чтением стихов на немецком языке. Речь произнес учитель И. Г. Гейнеман, а стихи собственного сочинения прочитал ученик IV класса А. Решетов. Далее в продолжении праздника читались речи на французском языке учеником М. Филипповым и на латинском языке учеником Е. Богдановым[997].

4.2.3. Русская словесность

Преподавание русской словесности постепенно вводилось в учебный процесс и основательно завоевало одно из главных мест в программах гимназий первой половины XIX в.

Первоначально учебный предмет «Русская словесность» включал в себя обучение «Русской грамматике» (впоследствии «Русскому языку») и «Русской литературе». В «Уставе учебных заведений, подведомых университетам» 1804 г. преподавание русской словесности предполагалось только в приходских и уездных училищах. В гимназиях подготовка «благовоспитанного» человека к будущей службе и жизни предусматривала «всеобщую грамматику» лишь в I классе. Преподавание российской словесности содержательно связывалось с изучением древних и новых европейских языков. Воспитанники гимназий знакомились с извлечениями из «лучших сочинений или мест в латинских

---

996 Шмид Е.К. История средних учебных заведений... С. 254.
997 ГАВО. Ф. 438. Оп. 3. Д. 50. Л. 7-8.

сочинениях писателей», а также «из французских и немецких прозаических писателей и стихотворцев»[998]. На этой основе учителя русской словесности, обучая учащихся способам создания произведений в прозе или в стихах, подготавливали будущих писателей и поэтов.

Например, учитель Олонецкой гимназии И. Ф. Яконовский обучал правилам российского стихосложения, а «при рассмотрении существа и видов стихотворений практически занимался умственными сочинениями примеров на разные виды стихотворства»[999]. Этот педагог стал вдохновителем будущего русского поэта, ученика Олонецкой гимназии В. Г. Бенедиктова (1817-1821). Первые опыты В. Г. Бенедиктова были написаны под влиянием Яконовского. Владимир Григорьевич признавался: «В гимназии с особенным вниманием и удовольствием, слушал я уроки учителя Яконовского, который писал иногда и сам стихи для произнесения их ученикам при публичных ежегодных экзаменах, при домашних праздниках и разных других случаях…»[1000]. Литературное сочинительство в стихах было удобно для выражения благочестивых чувств и пользовалось особенным почетом. Как правило, стихи учеников патриотического содержания, оды, посвященные царственным особам или высшему начальству, использовались в проведении публичных актов в школах.

Как утверждал В. А. Половцов, автор одного из учебников по русскому языку, немногие в это время учили русскую грамматику, «она узнавалась сама собою. Дворяне учили особенно французскую, а духовные латинскую грамматику… Следовательно изучение теории отечественного языка было уделом городских обывателей… И хотя Комиссией народных училищ были изданы нарочитые правила преподавания, однако же до грамматики они не коснулись»[1001]. И действительно, в «Руководстве учителям» Ф. И. Янковича де Мириево, изданном в конце XVIII в. приводились наставления и методические приемы по обучению письму, но не по основам русского языка.

---

998 Устав учебных заведений, подведомых Университетам.

999 Петров К.М. Олонецкая гимназия. С. 5.

1000 Петров К.М. Иван Федорович Яконовский // ОГВ. 1874. № 69.

1001 Половцов В.А. Краткая летопись грамматической деятельности в России. СПб., 1847. С. 27.

Импульсом для развития школьного филологического образования стало введение в 1819 г. предмета «Русский язык» в учебные планы российских гимназий (с I по VI класс). Учебная программа предмета включала в себя: в I – II классах – чтение гражданское и церковное, в II – IV – грамматику с упражнениями в слоге и диктант, в V – VI – риторику, логику, словесность и ее историю[1002]. По школьному Уставу 1828 г. обучение русскому языку в гимназиях производилось с I по VII класс. Учащиеся изучали этимологию языка, синтаксис, орфографию, словоговорение, стихосложение, словоударение. В связи с этим у отечественных лингвистов и педагогов в это время возникла потребность в создании новых школьных грамматических руководств по русскому языку и русской литературе и, соответственно, повышение интереса к русской словесности как науке.

Первые краткие указания по ведению уроков русского языка были сделаны преподавателем Петербургской учительской семинарии Е. Б. Сырейщиковым в «Предисловии» к «Краткой российской грамматике» еще в 1787 г. Он, в частности писал, что учитель после изучения темы «Имя существительное» должен заставить учеников «по одиночке приискивать в какой либо учебной книге, имена существительные и прочие, показывая какого каждое из них рода, которого склонения, в каком падеже, а прилагательные в какой степени уравнения». При окончании курса обучения грамматики учащиеся разбирали, тексты из разных учебных книг, «показывая все части речи и правила из сочинения слов, по которым эти части речи соединены»[1003]. Его грамматика с успехом использовалась в первой четверти XIX в

Интерес представляют методические приемы ведения уроков, указанные в «Предуведомлении» к учебному пособию «Основания русской словесности» (СПб., 1807) учителя Троицкой семинарии А. С. Никольского. Например, по поводу способов изъяснения правил грамматики, автор писал, что нужно

[1002] Алешинцев И.А. История гимназического образования... С.58.
[1003] Сырейщиков Е.Б. Краткая российская грамматика. СПб., 1787. С. I-III.

делать, чтобы «учащиеся не слепо следовали за учителем, и не буквально затверживали преподавание учения, но собственным своим рассудком вникали в оное». Кроме того, он обращал внимание педагогов на то, что примеры для объяснения правил и грамматических разборов необходимо брать из произведения российских писателей «дабы учащиеся могли приобрести вместе и нравственные качества»[1004]. Судя по донесению П. Д. Лодия, обозревавшего Олонецкую и Архангельскую губернии в 1811 г., учителя гимназий в то время пользовались учебниками А. С. Никольского по риторике и поэзии[1005].

В 1820-1840-е гг. большой популярностью в учебных заведениях страны пользовались грамматические руководства Н. И. Греча, имевшего к этому времени уже достаточно большой опыт преподавания русской словесности в немецком училище Святого Петра в Санкт-Петербурге. Его грамматические сочинения неоднократно переиздавались до 1850-х годов: «Пространная русская грамматика» (СПб., 1827, 1830), «Начальные правила русской грамматики» (СПб., 1828), «Практические уроки грамматики» (СПб., 1832) и другие являлись «самым полным и верным кодексом русских грамматических правил и законов» и были переведены на немецкий, французский, английский, шведский, польский языки[1006].

Работая над своими учебными пособиями, Н. И. Греч пользовался сочинениями французских и немецких авторов, используя сочинения В. А. Жуковского, Н. Ф. Кошанского, Д. В. Давыдова и других русских авторов. Грамматики Н. И. Греча состояли из четырех частей: в «Словопроизведении» давалась общая характеристика частей речи, в «Словосочинении» излагались правила соединения «частей и частиц между собой для произведения понятной речи», в главе «Произношении слов» предлагались правила говорения и чтения по-русски, а в разделе «Правописание» учащиеся

[1004] Никольский А.С. Основания русской словесности. СПб., 1814. С. I-II.
[1005] РГИА. Ф. 733. Оп. 20. Д. 125. Л. 24 об.
[1006] Виноградов В.В. Из истории изучения русского синтаксиса (От Ломоносова до Потебни и Фортунатова). М., 1958. С. 135.

знакомились с грамматическими правилами. Здесь содержалось большое количество примеров, краткие определения лингвистических понятий. Отличительной чертой пособий являлась доступность изложения материала. Как указывал автор, главное в преподавании: учить детей правильно говорить и писать по-русски.

Особый интерес представляло учебное пособие Н. И. Греча «Практические уроки грамматики» (СПб., 1832), где впервые был представлен материал для самостоятельной деятельности учащихся. Пособие состояло из кратких теоретических сведений о правописании слов, вопросов к повторению пройденного на уроках и упражнений на выполнение выученных правил грамматики, а также интересных заданий с текстами российских ученых и прозаиков, в которых требовалось исправить грамматические ошибки или вставить пропущенные буквы и слова. Это был своеобразный сборник упражнений и задач по русскому языку, который служил дополнением и пояснением к изданным учебникам по русской грамматике, а также руководством к повторению и практическим упражнениям.

Работы Н. И. Греча по-разному оценивались современниками. Одни критики давали им положительную оценку. Например, К. Полевой писал: «В этой грамматике впервые изложены были вполне и удовлетворительно правила русской конструкции, или порядка слов. Кажется, по всему этому, что она и вскоре последовавшая за нею "Грамматика" Востокова, пояснившая равномерно многие пункты вопросов грамматических, могла скорее, нежели несуществующие исследования Российской Академии, ознаменовать новую эру в истории грамматики русской»[1007]. Высоко оценивал «Грамматику» Н. И. Греча В. А. Половцев, который отметил это сочинение, как «плод долголетних трудов и глубокого знания отечественного языка», который ценится высоко[1008].

[1007] Давыдов И.И. Опыт общесравнительной грамматики русского языка. СПб., 1852. С. 9-10.

[1008] Половцов В.А. Краткая летопись грамматической деятельности в России. СПб., 1847. С. 46.

Другие учебники Греча критиковали. Так, В. Г. Белинский в своей рецензии на «Практическую русскую грамматику», изданную Н. Гречем в 1834 г. отметил, что «эта работа трудна, но бесполезна… Неверностей, сбивчивости, странностей, словом недостатков в грамматике Греча очень много, но много и достоинств... Вообще эта книга, как магазин материалов для русской грамматики, есть сочинение драгоценное и, вместе с тем, горький упрек нам, русским, которых даже и нашему-то родному языку учат иностранцы»[1009]. Критик имел виду тот факт, что Н. И. Греч по происхождению был немец.

В начале 1830-х гг. Ученым комитетом по рассмотрению учебных пособий были одобрены и утверждены для использования на уроках русского языка учебники по русской грамматике А. Х. Востокова. Его «Русская грамматика» (СПб., 1831) переиздавалась до 1874 г. 12 раз, а «Сокращенная русская грамматика», вышедшая в 1833 г., выдержала до 1888 г. 14 изданий. В общей сложности, тираж учебников А. Х. Востокова с 1831 по 1847 гг. составил 150 000 экземпляров. Они издавались в разных учебных округах страны: Петербургском, Московском, Харьковском, Казанском, Киевском.

Труды А. Х. Востокова высоко оценивал В. Г. Белинский. Он, в частности, писал: «Без всякого сомнения, есть доселе лучшая из всех русских грамматик. Конечно, это еще не значит, чтоб она была именно такою грамматикою, какая нужна; но она уже и потому заслуживает большого внимания, что представляет собою материал для будущего грамматиста и заключает в себе много частных заметок и наблюдений, которые мог сделать только человек, долго и основательно изучавший русский язык»[1010]. Интересно, что и современными российскими учеными-филологами работы А. Х. Востокова оцениваются положительно: «Великий ученый поднял на небывалую высоту филологическую грамматику и завершил Ломоносовский

[1009] Белинский В.Г. Практическая русская грамматика, изданная Николаем Гречем // Молва. 1835. Ч. 10. № 41. Стб. 232-233.

[1010] Белинский В.Г. Русская грамматика Александра Востокова // Отечественные записки. 1844. Т. 35. № 8. С. 75.

период русского языкознания», – пишет современный историк филологической науки[1011].

Свой вклад в создание учебной литературы по русскому языку внес и В. Г. Белинский. Его основным трудом по грамматике русского языка являлась книга «Основания русской грамматики для первоначального обучения» (СПб., 1837), кстати сказать, изданная на собственные средства. Однако этот учебник считался сложным для детского восприятия, являлся скорее серьезным научным исследованием в области языкознания и не встретил одобрения со стороны учебного начальства.

Учебный курс по русской литературе в начале XIX в. не являлся отдельным предметом в гимназической программе обучения, а находился в составе учебного курса «Русская словесность». Для знакомства и изучения основ этого курса авторы учебников помещали в качестве примеров для письменных упражнений на уроках русского языка отрывки из произведений отечественной литературы, а также составляли краткие исторические заметки об отечественных авторах и их книгах.

Например, в «Кратком руководстве к российской словесности» И. М. Борна (СПб., 1808) был напечатан небольшой очерк истории русской литературы от древнейших ее памятников до Н. М. Карамзина. Н. И. Греч и В. Т. Плаксин в своих учебных пособиях поместили произведения российских авторов в хрестоматии для чтения и синтаксических разборов учащимися на уроках[1012]. Как отметила современная исследовательница В. М. Касьянова, включение образцов в качестве анализа и грамматического разбора высказываний древних ученых и философов, афоризмов, изречений, библейских заповедей не только способствовало духовному просвещению учащихся, но и помогало им осознать красоту, богатство и выразительность

[1011] Смирнов С.В. Отечественные филологи-слависты середины XVIII-начала XX вв. М., 2001. С. 42.

[1012] Греч Н.И. 1) Опыт краткой истории русской литературы. СПб., 1822), 2) Избранные местах из русских сочинений и переводов в прозе. СПб., 1812; Плаксин В. Т. Руководство к познанию истории литературы. СПб., 1833.

родного языка, найти оптимальные средства для выражения мыслей: «Тот лучше и говорит, и пишет, кто правильнее наблюдает и судит»[1013].

Во второй четверти XIX в. изучению русской литературы стали уделять больше внимания, а произведения русской литературы стали постепенно входить в круг школьного образования. Для школьников издавались хрестоматии, в которых содержался обширный фактический материал: сведения из русской истории, культуры, просвещения, журналистики, театра, краткие биографические сведения и обзоры творчества русских писателей – В. А. Жуковского, В. Д. Батюшкова, Е. А. Баратынского, Н. М. Языкова и А. С. Пушкина и др. Как правило, хрестоматии состояли из двух разделов. В первом помещался очерк истории русской литературы от середины IX до начала XIX в., во втором – отрывки из лучших произведений древнерусской литературы и литературы XVIII в. – начала XIX в.

В это время фонды училищных библиотек значительно пополнились произведениями русских поэтов и прозаиков.

Новый этап развития преподавания русской словесности начался в 1840-1850-е гг. и характеризовался большей самостоятельностью русской филологической науки. Важно отметить, что программа обучения «Русскому языку» к этому времени значительно усложнилась. Предмет гимназического учения языка состоял в изучении грамматических правил, теории языка, теории и истории отечественных произведений вместе с грамматикой славянского языка.

Федор Иванович Буслаев, известный русский ученый-философ, фольклорист, профессор Московского университета, преподаватель словесности в московских гимназиях, являлся автором методического руководства «О преподавании отечественного языка» (СПб., 1844). Эта книга сразу была высоко оценена критиками и сыграла важную роль в совершенствовании методики преподавания русского языка. Как заметил С.

[1013] Касьянова В.М. О первых учебных книгах русского языка // Русская речь. 2007. № 3. С. 83.

В. Смирнов, Ф. И. Буслаев «открыл путь к последующим лингвистическим исследованиям»[1014].

Важное место в методической системе Ф. И. Буслаева отводилось чтению классических произведений. Центральное место в курсе словесности занимали произведения М. В. Ломоносова, Н. М. Карамзина и А. С. Пушкина.

Ф. И. Буслаевым была разработана методика проведения письменных работ с учащимися. В начальных классах он предлагал обучать переводам, извлечениям (т. е. кратким пересказам) и переработке авторских текстов, а в старших – писать самостоятельные сочинения на материале истории литературы, письменные изложения рассказа учителя или небольшие рефераты по одному или нескольким источникам.

Теория преподавания русского языка Ф. И. Буслаева легла в основу новой программы обучения русскому языку в отечественных гимназиях. Одновременно с появлением нового учебного плана вышло в свет «Наставление преподавателям русского языка и словесности», подготовленное И. И. Срезневским (СПб., 1852). Перед учителями-словесниками ставилась задача научить каждого воспитанника «выражаться по-русски не только без ошибок, но до некоторой степени с изяществом», для чего предполагались практические упражнения и разборы, а в старших классах – сочинения на заданные темы. В этой инструкции педагогам предлагалось «не входить в тонкости умозрения там, где предмет может быть понят здравым смыслом»[1015].

В это же время изменилась программа по литературе. От учащихся требовалось чтение образцов Н. М. Карамзина, В. А. Жуковского и А. С. Пушкина. С целью развития интереса к чтению, а также развития речи учащихся рекомендовались литературные беседы.

[1014] Смирнов С.В. Отечественные филологи-слависты. С. 54.

[1015] Срезневский И.И. Наставление преподавателям русского языка и словесности. СПб., 1852. С. 34.

Интересно, что в первой половине XIX в. среди филологов, преподавателей словесности было распространено мнение о трудностях преподавания русской словесности учащимся средних школ. «Каково же заучить и запомнить все эти многочисленные правила с бесчисленными исключениями?… Для учащихся грамматика русская есть наука трудная, тяжелая, скучная, внушающая страх и отвращение, и, наконец, тем, что для русского мальчика легче выучиться грамматике какого угодно иностранного языка, чем грамматике своего родного» – восклицал В. Г. Белинский[1016].

В контексте официальной установки на развитие «русской народности» как элемента триединой идеологической конструкции С.С. Уварова происходило усиление внимания правительства к преподаванию русского языка и русской литературы. Руководство Министерства народного просвещения стимулировало создание учебных программ, новых руководств и учебных пособий. Разнообразились и формы школьной учебной работы по русской словесности: внеклассное чтение, литературные и читательные беседы, написание сочинений, стихотворство. Ученики много читали, знали русских авторов и их работы, многие из них и сами сочиняли прозаические и поэтические произведения.

4.2.4. Математика и физика

По школьному Уставу 1804 г. математический курс в гимназиях включал в себя: арифметику, алгебру, плоскую тригонометрию, чистую и прикладную математику, опытную физику, статистику. В общей сложности этому предмету уделялось три из четырех лет обучения. В I классе изучали части чистой математики (алгебра, геометрия, плоская тригонометрия), во II и III – прикладную математику и опытную физику[1017].

С течением времени курс математики постепенно сокращался. По новому Уставу 1828 г.: с I по III класс изучали арифметику, в IV – алгебру и

[1016] Белинский В.Г. Русская грамматика Александра Востокова // Отечественные записки. 1844. Т. 35. № 8. С. 72-73.

[1017] Устав учебных заведений, подведомых Университетам.

геометрию, а с V по VII – математику «до конических сечений включительно»[1018]. Физика преподавалась в VI и VII классах по 2 часа в неделю. Далее в декабре 1845 г. постановление Министерства народного просвещения «Об ограничении в гимназиях преподавание математики» отменило изучение начертательной и аналитической геометрии в учебном курсе гимназий. Только с 1849 г. произошло увеличение времени для обучения математического курса с 20 час. до 30 час. в год.

Математика основным предметом учения не считалась. По утверждению Н. Ф. Бунакова, она была предметом «не для всякого доступным, а только для прирожденных математиков, т. е. для людей…, способных ради цифр забыть весь мир»[1019].

Издание учебных пособий и руководств по математике для народных училищ началось в последней четверти XVIII в. Их авторами стали преподаватели Морского кадетского корпуса Я. П. Козельский и Н. Г. Курганов[1020]. Учебники Н. Г. Курганова «отличали простой и ясный язык, обилие интересных задач, систематичность курса математики и доказательность»[1021]. Самым популярным учебником в это время было «Руководство к арифметике» преподавателя Санкт-Петербургской учительской семинарии М. Е. Головина, уроженца Архангельской губернии, племянника М. В. Ломоносова. В его пособии содержались объяснения систем счисления, излагались нумерация и четыре действия над целыми и дробными числами, предлагались арифметические примеры и задачи. Книги М. Е. Головина до 1828 г. переиздавались 9 раз[1022].

В изданных в это время методических руководствах отсутствовала теоретическая часть, а учащимся предлагались лишь пояснения о системе

[1018] Устав гимназий и училищ уездных и приходских.
[1019] Бунаков Н.Ф. Записки: моя жизнь. С. 9.
[1020] Козельский Я.П. Арифметические предложения. СПб., 1815; Курганов Н. Г. 1) Арифметика или Числовик. СПб., 1791; 2) Генеральная арифметика. СПб., 1774.
[1021] Колягин Ю.М. Школьный учебник математики: в прошлом и настоящем // Математика в школе. 2003. № 4. С.72.
[1022] Головин М.Е. Краткое руководство к арифметике. СПб., 1783.

счисления и о действиях над целыми и дробными (ломаными, как тогда говорили) числами. Математические правила разъяснялись примерами на каждый конкретный случай.

Одним из первых, кто обратил внимание на недостаток теоретических сведений в учебных пособиях по математике, стал С. Е. Гурьев, член Петербургской Академии наук, с 1798 г. – профессор математики Училища корабельной архитектуры, с 1813 г. – преподаватель в Институте Корпуса инженеров путей сообщения. С. Е. Гурьев высказался о необходимости последовательного и связного изложения теории и написал несколько руководств по математике, геометрии и механике. В учебнике «Наука исчислений» (СПб., 1805) автор раскрыл сущность арифметики, геометрии, тригонометрии и алгебры, подробно описал задачи и цели изучения этих наук. Его труды оказали большое влияние на развитие русской учебной литературы первой половины XIX в. По плану С. Е. Гурьева учащиеся должны были пройти подготовительный курс «детской арифметики и геометрии»: начальные правила арифметики, черчение простейших фигур, склеивание бумажных моделей, затем изучить геометрию, а только потом приступить к математике[1023]. Однако «Наука исчисления» была написана тяжелым языком и не имела дальнейшего успеха. Арифметика С. Е. Гурьева была понятна только для хорошо умственно развитых детей. Как и многие другие авторы учебников, свой труд С. Е. Гурьев посвятил императору Александру I.

В первой четверти XIX в. несмотря на внушительный объем всех трех частей курса, базовым учебником для гимназий был признан «Курс математики» (СПб., 1801) Т. Ф. Осиповского, профессора Харьковского университета. В нем были представлены краткие теоретические понятия о числах, мерах, пропорциях, теоремах, аксиомах, леммах и т. д.

В это время в средних учебных заведениях применялись и переводные учебники. В 1806 г. был издан «Курс математики господина Безу» в переводе

[1023] Юшкевич А.П. Математика в ее истории. М., 1996. С. 304.

В. Загорского, в 1812 г. – работа Н. И. Фуса «Основания алгебры», составленная на основе переработки труда Л. Эйлера, а в 1817 г. вышли «Начальные основания арифметики Лакруа» в переводе Ф. И. Петрушевского. В них содержался весьма обширный учебный материал, часто превышающий школьный курс математики.

Наряду с полновесными изданиями для школ российских ученых-математиков появились учебники, созданные учителями, хорошо знающими практику преподавания предмета. Например, учебники московских преподавателей математики Е. Войтяховского, П. И. Куминского и М. Ф. Меморского[1024], в которых помещалось много интересных задач. Отметим, что учебник М. Ф. Меморского переиздавали вплоть до 1895 г. (100 лет!), практически без изменений. Его популярности способствовала простота и ясность языка. Автор предложил список необходимых для решения математических примеров и задач в виде вопросов и ответов, что значительно облегчало процесс запоминания. Вот один из примеров: «Вопрос: Что есть Арифметика? Ответ: Арифметика есть наука о числах. Вопрос: Что есть число? Ответ: Число есть собрание единиц одного рода» и т. д.[1025]. Учебник М. Ф. Меморского имелся в фондах библиотек Вологодской, Архангельской и Олонецкой гимназий во второй четверти XIX в.

Учебная литература по математике первой четверти XIX в. способствовала оживлению обучения этому предмету. В школах появились учебники по математике, геометрии, в предисловиях к ним учителя могли познакомиться с основами методики преподавания. Однако вся издаваемая печатная продукция имела значительные недостатки. Так, в учебниках не было связного и последовательного изложения теоретических сведений, в основном, учебный материал строился на практических заданиях.

[1024] Войтяховский Е. Курс чистой математики. СПб., 1804: Куминский П.И. Арифметика. М., 1808; Меморский М.Ф. Краткая арифметика, служащая к легчайшему обучению малолетнего юношества в вопросах и ответах. М., 1794.

[1025] Меморский М.Ф. Краткая арифметика, служащая к легчайшему обучению малолетнего юношества в вопросах и ответах. М., 1794. С. 1.

Отсутствовали самостоятельные методические издания. Не издавались сборники задач. Учащихся заставляли заучивать готовые решения. По меткому выражению исследователя истории преподавания математики, в школах господствовало «приказание, а не преподавание»[1026].

В книжных реестрах гимназических библиотек Европейского Севера России значились следующие учебники: в 1809 г. в Вологодской гимназии – «Курс математики Безу, опытная физика Бриссона»[1027]. В Олонецкой – в 1825 г. в математико-физическом отделении находились: «Курс математики Войтеховского. М., 1804; Краткое руководство к геометрии. СПб., 1808; Сокращенная высшая математика Гиларовского. СПб., 1796; Физика Мушенброка. М., 1791; Сокращение астрономии Делаланда. СПб.; Руководство к архитектуре»[1028], а также учебники В. Бриссона, Лакруа, С. Е. Гурьева. В Архангельской гимназии для преподавания математики в 1820-х годах употреблялись книги: Н. И. Фус «Курс чистой математики в трех частях», А. Шрадер. «Опытная физика, переведенная студентами Педагогического института», Шрадер. «Механика»»[1029].

Как видно из указанного списка в гимназических библиотеках однообразия приобретенных и используемых на уроках учебников не было. Каждая гимназия пополняла фонды библиотек в зависимости от наличия свободных денежных средств, а также предлагаемых каталогов книжных издательств. Литература, издаваемая Санкт-Петербургским университетом, поступала в библиотеки учебных заведений по льготной цене.

Несмотря на все старания Министерства народного просвещения по изданию учебной литературы, в школах ощущался недостаток учебников. Отсутствие книг, неудовлетворительность методического обеспечения, заставляли учителей составлять записки (конспекты) по своему предмету и

[1026] Латышев В.А. Исторический очерк русских учебных книг по математике // Педагогический сборник. 1878. Кн. 4. С. 418.
[1027] Отто Н.К. Вологодская дирекция училищ… С. 51.
[1028] НА РК. Ф. 17. Оп. 6. Д. 1/2. Л. 174.
[1029] Кизель Н.К., Мазюкевич В.И. Историческая записка Архангельской Ломоносовской гимназии... С. 41.

диктовать их учащимся. В отчетах визитаторов и губернских директоров училищ сообщалось о деятельности учителей по обучению детей без учебников. Так, согласно донесению А. Е. Крылова, директора Олонецкой дирекции попечителю Санкт-Петербургского округа Н. Н. Новосильцеву в 1806 г.: М. А. Копосов составлял «алгебраические выписки из различных классических авторов и лучших ученых российских сочинений о сей материи», поскольку «нет еще в издании алгебры нарочито для народных училищ приспособленной, по которым можно преподавать алгебраический урок»[1030]. Визитатор из Петербурга П. Д. Лодий в своем отчете по итогам обозрения олонецких учебных заведений в 1811 г. указывал, что учитель М. И. Троицкий обучал математике и физике по книгам, изданным Главным правление училищ, «не упуская при этом делать нужные прибавления из авторов Б. Бриссона, Лакруа, Монта, Г. Галилея, С. Е. Гурьева, Е. Войтяховского, кроме того делает непрерывные наблюдения над состоянием атмосферы»[1031]. Видимо он соединял и обобщал всю эту литературу, с которой познакомился, обучаясь в Санкт-Петербургском Педагогическом институте. Составление собственных обобщающих письменных руководств для преподавания обременяла педагогов, но была необходимой. В помощь учителям в 1812 г. было издано «Наставление для составления записок в гимназии».

Во второй четверти XIX в. развитие учебной и методической литературы по математике шло гораздо эффективнее. В это время появилось значительное количество официальных и частных изданий: учебников, задачников, руководств к преподаванию предмета. Все они как в практическом, так и в теоретическом отношении имели большое значение для развития математического школьного образования и методики преподавания в учебных заведениях страны.

[1030] ЦГИА СПб. Ф. 139. Оп. 1. Д. 227. Л. 1.
[1031] РГИА. Ф. 733. Оп. 20. Д. 125. Л. 25 об.

В 1829-1832 гг. вышли в свет учебники Ф. И. Буссе «Руководство к арифметике для употребления в уездных училищах» (СПб., 1829). Следует отметить, что Федор Иванович Буссе по окончании курса наук в Главном педагогическом институте работал директором 3-й Санкт-Петербургской гимназии. Содержание его руководств было дополнено теоретическими статьями «о свойствах результатов действий, о разложении чисел на множители и о бесконечных десятичных дробях» и сжатыми объяснениями правил решений[1032]. Эта учебная литература была востребована в учебных заведениях России до 1880-х гг. Например, «Руководство к арифметике» Ф. И. Буссе до 1883 г. выдержало 21 издание.

В 1844 г. к преподаванию в учебных заведениях России была официально допущена «Арифметика» В. Я. Буняковского, которая переиздавалась до 1860 г. В книге подробно раскрывалась суть математических понятий, содержались краткие теоретические сведения о системе счисления, об основных четырех действиях, о происхождении и свойствах дробей и т. д., а также приводились практические задачи и примеры, в конце книги помещались объяснения римской и славянской систем нумераций, прилагались таблицы знаков и букв, употреблявшихся древними римлянами и славянами. Изложение в «Арифметике» В. Я. Буняковского велось простым, общедоступным языком с соблюдением строгости и единообразия способов объяснения[1033].

В это время учителя активно использовали появившиеся сборники задач. Автором одного из них стал Ф. И. Буссе. Он составил «Собрание арифметических задач» (СПб., 1831), которое до 1878 г. выдержало 17 изданий.

В 1832 г. вышли в свет «Арифметические листки, постепенно расположенные от легчайшего к труднейшему, содержащие в себе 2523 задачи» и в 1833 г. – «Ключ к арифметическим листкам» П. С. Гурьева. В

[1032] Латышев В.А. Исторический очерк русских учебных книг по математике… С. 498.
[1033] Прудников В.Е. В. Я. Буняковский – ученый и педагог: пособие для учителя. М., 1954. С. 63.

1844 г. он в соавторстве со своим учеником А. Дмитриевым издал «Практические упражнения к геометрии или собрание геометрических вопросов и задач с ответами и решениями».

Интересно, что задачи для самостоятельной работы учащихся в «Арифметических листках» были напечатаны на небольших по размеру страницах (карточках), на которых учащимся предлагались примеры, задачи и правила для арифметических вычислений. Предполагалось, что учитель разделит книгу на отдельные листы и после объяснения того или иного материала раздаст их учащимся, обращая внимание на способности каждого. «Что же касается до объяснения арифметических правил, – отметил в Предисловии к «Арифметическим листкам» П. С. Гурьев, – то я старался избирать оные так, чтобы ученик без помощи учителя мог идти один вперед; и с этой же целью поместил в конце книги вопросы, которые должны, руководствовать ученика при изучении объяснений»[1034]. Заметим, что его «листки» переиздавались до 1847 г.

Приведем несколько условий задач из «Арифметических листков»: «1) Какую часть составляет 3 гривны 7 копеек от одного рубля; 2) Один отец после своей смерти оставил шестерым своим сыновьям один миллион рублей наследства. Сколько получит каждый? 3) Знаменитый поэт Г. Р. Державин родился 3 июля 1743 г. в Казани. Он скончался 8 июля 1816 г. Сколько лет он жил?»[1035]

Интерес также представляют учебные пособия по математике, авторами которых стали учителя северных губерний России: старшие учителя математики и физики Э. А. Мудров из Петрозаводска, А. И. Иваницкий из Вологды[1036]. Эти учебники были рекомендованы для преподавания в гимназиях и училищах для детей канцелярских служителей северных губерний России.

[1034] Гурьев П.С. Арифметические листки. СПб., 1832. С. I.

[1035] Там же.

[1036] Иваницкий А.И. Собрание арифметических задач. СПб., 1850; Мудров Э.А. 1) Арифметика. СПб., 1840; 2) Счетоводство для всех родов торговли. СПб., 1846; 3) Арифметика целых чисел. СПб., 1848.

Что касается геометрии, то в первой половине XIX в. этот учебный предмет не выделяли в качестве отдельно изучаемого курса. Геометрия являлась частью математики, при обучении которой ставилась задача развить у учащихся логику мышления, геометрическое отвлечение, а также обучить навыкам работы с геометрическими инструментами. Геометрию преподавали с обязательным применением практических вычислений и измерений. На уроках употребляли циркуль, линейку, счеты, а также приборы, использующиеся в разных ремеслах: отвес, ватерпас, наугольник, угломер и др. Важно было довести до понимания учащихся, что геометрия это не случайный набор каких-то фактов и теорем, которые нужно заучить, а – стройная система, где теоремы объединены в определенные группы, имеющие свои названия.

Геометрия, прежде всего, имела, практический характер. Краткие руководства М. Е. Головина, которыми пользовались в училищах, почти не имели доказательств теорем. При объяснении следовало исходить из «очевидности» и «наглядности». Подробно излагалось устройство мельниц, характеризовались различные источники механической силы, давались указания относительно строительства, составления планов зданий, которые «требовалось построить»[1037].

Важной составляющей для успешного преподавания точных наук является использование особых методических приемов. Основоположником методики преподавания арифметики в Западной Европе считается Г. Песталоцци. В начале XIX в. его метод получил широкое распространение в учебных заведениях России. В 1805-1806 гг. в издательстве Петербургской Академии наук вышел русский перевод двух учебных пособий Г. Песталоцци: «Азбука наглядности или наглядное обучение отношению мер» и «Очевидное учение о содержании чисел». В целом эта методика преподавания основывалась на «стремлении к внутреннему развитию

[1037] Головин М.Е. 1) Краткое руководство к геометрии. СПб., 1786; 2) Краткое руководство к гражданской архитектуре. СПб., 1789; 3) Плоская и сферическая тригонометрия. СПб., 1789.

человека, а единственным средством к тому служит… наглядность, полагающее основание всякому знанию. Конечно, цель занятий – ясное понимание»[1038]. По мнению Песталоцци, главными элементами в методике преподавания математики являлись теория, наглядность и возможность самостоятельной работы учащихся.

Не имея методического обеспечения преподавания математики, учителя вынуждены были давать уроки по своему усмотрению: как они сами понимали, чувствовали и видели содержание материала. Учителям, имеющим педагогическое образование и навыки преподавания (выпускникам учительских семинарий, педагогических институтов, Университетов), было значительно легче найти оптимальное решение по способам ведения уроков.

Однако большинство работающих педагогов в школах России не имели такой профессиональной подготовки. С методическими приемами преподавания математики они знакомились, читая предисловия школьных учебников, где авторы кратко излагали способы объяснения по различным темам. В деятельности таких преподавателей преобладала зубрежка. По воспоминаниям бывших учащихся этот метод обучениям был основным. Как писал Ф. И. Буслаев, «учитель заставлял учеников по нескольку раз пересказывать изложение параграфа в руководстве, так, что от многократного повторения заданий урок был уже готов и к следующему классу без затверживания его на дому. Мне никогда не приходилось дома готовиться к урокам алгебры и геометрии, и я был лучшим учеником»[1039]. Смотритель уездных училищ Вологодской губернии П. Касаткин отмечал: «Арифметика проходит по руководству М. Ф. Меморского с всесильным зазубриванием правил без всякого упражнения в умственных исчислениях. Дети, пробормотав правила деления без запинки не в состоянии разделить пять копеек на двоих»[1040]. Таким образом, часто преподавание математики

[1038] Латышев В.А. Исторический очерк русских учебных книг по математике… С. 414.
[1039] Буслаев Ф.И. Мои воспоминания. М., 1897. С. 60.
[1040] Касаткин П. О сельских училищах в Устьсыссольской округе… С. 327.

сводилось к комментированному чтению текста учебника, и контролю над выученным наизусть прочитанного материала на уроках.

В 1830-е годы в гимназиях стала применяться теория вычисления на счетах по методе генерал-майора Свободского. Для обучения этой методике при Санкт-Петербургском университете профессором П. В. Тихомировым были организованы курсы счетоводства, на которые приглашались учителя гимназий и уездных училищ Петербургского учебного округа. Программа курса «Арифметики на счетах» включала в себя сведения о счетах и работе с ними, способы производства на них счисления целых, десятичных чисел, арифметические действия с дробями, извлечение корней, вычисление процентов с капитала и т. д. Но, как утверждал А. С. Воронов, преподавание в таком обширном объеме теории исчисления на счетах было полезно для учителей, но не для училищ[1041].

Развитие основных принципов методики преподавания математики относится ко второй четверти XIX в. В 1830-1840-х гг. вышли в свет «Руководство к преподаванию арифметики для учителей» Ф. И. Буссе (СПб., 1831); «Руководство к преподаванию арифметики малолетним детям» П. С. Гурьева (СПб., 1839); а также «Программа и конспект арифметики для руководства в военно-учебных заведениях», «Программа и конспект начальной геометрии для руководства в военно-учебных заведениях» В. Я. Буняковского (СПб., 1849). В этих методических пособиях подробно рассматривались способы преподавания предметов математики. Как правило, авторы использовали в своих работах труды западноевропейских ученых: И. Шмида, О. Штольца, Ф. А. Дистервега и других. «Мы читали Песталоцци, Шмида, Тюрка... и многих других, – писал П. С. Гурьев в Предисловии к своему Руководству, – и, поверяя читанное на опыте, к которому нам дала возможность служба по одному из обширнейших и разнообразнейших педагогических заведений, составили, таким образом, нашу книгу»[1042].

[1041] Воронов А.С. Историко-статистическое обозрение… СПб., 1855. С. 207.
[1042] Гурьев П.С. Руководство к преподаванию арифметики. СПб., 1839. С. VIII.

Составители учебных руководств старались определить цели и задачи преподавания арифметики. Главной целью математического образования являлась практика: дать учащимся такие математические знания и умения, которые могли бы пригодиться им в будущей профессии, а также стараться «возбудить и поддержать в учениках своих, сколько возможно самодеятельность». По мнению Ф. И. Буссе, «при обучении всякой науке должно иметь в виду две главные цели: первая состоит в развитии и упражнении умственных способностей учащихся, а вторая в сообщении им полезных и необходимых сведений»[1043].

Большое значение придавалось задачам практического характера, которые должны были возбуждать в детях интерес к арифметике, развивать мышление. Как правило, авторы учебников предлагали учащимся задачи с готовыми решениями и объяснениями, задач для самостоятельного решения (задач без решений) не было. Предполагалось, что учащиеся будут заучивать решения задач и по мере надобности использовать алгоритм решения в повседневной жизни[1044].

Несомненно, главным условием успешного преподавания математики считались опытность и познания наставников. Мудрый педагог старался заставить учеников сравнивать, противопоставлять уже пройденное с вновь выученным и полученные понятия соединять в одно целое. Такой учитель направлял учащихся «на дорогу изобретения», готовил их к пониманию книги, учил их самостоятельно работать, давал «доступные упражнения, в которых ученик нашел бы все необходимое для создания теории, и так руководить упражнениями, чтобы ученик не запутался в них, чтобы мысль ученика всегда была ясна»[1045].

Относительно преподавания физики, следует сказать, что в гимназиях с начала XIX в. стали оборудовать физические кабинеты, где находились

[1043] Буссе Ф.И. Руководство к преподаванию арифметики для учителей. СПб., 1831. С. I.

[1044] Кондратьева Г.В. О преподавании геометрии в XIX в. // Образование в современной школе. 2005. № 6. С. 54.

[1045] Буссе Ф.И. Руководство к преподаванию арифметики для учителей… С. V.

приспособления, необходимые на уроках для демонстрации опытов. Реестр необходимого оборудования для одного такого кабинета в первой четверти XIX в. включал в себя множество различных инструментов, общей стоимостью 2497 руб. и был утвержден Главным правлением училищ. Однако не все гимназии могли приобрести такие физические кабинеты, поэтому реальные каталоги физических кабинетов провинциальных губернских гимназий ограничивались списком отдельных простых приборов: астролябии, термометры, барометры, микроскопы, иногда электрические машины[1046].

Пополнение физических кабинетов происходило постепенно. Как отметили в своей историческая записке Архангельской гимназии Н. К. Кизель и В. И. Мазюкевич, до 1836 г. в физическом кабинете гимназии значились: электрическая машина, воздушный насос, пирометр, 4 микроскопа, 4 термометра, 3 барометра, и «некоторые незначительные приборы, коих число простирается до 30, больше частью принадлежащие к воздушному насосу и электрической машине»[1047]. Затем были приобретены: магнит, фонтан, водоочистительная машина, реторта, лейденская банка, гальваническая батарея.

Среди учителей математики, внесших значительный вклад в развитие математического образования в гимназиях Европейского Севера России, необходимо отметить А. И. Иваницкого (Вологда), Э. А. Мудрова (Петрозаводск). Эти педагоги были хорошо известны не только в своих дирекциях училищ, но и в учебном округе. Они создавали учебники и задачники для преподавания математики, проводили публичные лекции для горожан, занимались этнографией. Учителя пользовались уважением среди училищного начальства, жителей города, своих учеников и их родителей.

Таким образом, в первой половине XIX в. была заложена основа для дальнейшего успешного развития преподавания математики и физики.

[1046] ЦГИА СПб. Ф. 139. Оп. 1. Д. 91. Л. 6.

[1047] Кизель Н.К., Мазюкевич В.И. Историческая записка Архангельской Ломоносовской гимназии… С. 313.

Создавались новые учебники, в которых значительное место стало уделяться теоретическим основам предмета. Улучшалось положение физических кабинетов, в них расширялось количество инструментов и приборов для уроков. Совершенствовалась методика преподавания. Многие идеи преподавания математики были заимствованы из идей немецкой методики и использованы нашими педагогами. При этом важно подчеркнуть, что внимание уделялось не только развитию памяти учащихся, сколько аналитического мышления.

4.2.5. История

Учебный предмет «История» был введен в курс образовательных учреждений России в конце XVIII в. по учебной программе Главных народных училищ 1786 г. Предмет разделялся на Всеобщую историю (преподавалась в III и IV классах) и Отечественную историю (преподавалась в IV классе). По школьным Уставам 1804 и 1828 гг. курсы всеобщей и отечественной истории изучались только в уездных училищах и гимназиях, но отсутствовали в приходских школах. Между курсами отсутствовала какая-либо связь, причем всеобщая история рассматривалась, как основная, отечественная же преподавалась в старших классах, и служила завершением программы по истории.

Законодательные документы первой половины XIX в. лишь учреждали школьный курс истории в учебных заведениях России, как обязательный, но вопросы содержания исторического образования: концепции исторического процесса, периодизация, методология истории, а также формы и методы обучения не были конкретизированы и поэтому стали предметом обсуждения, разработки ученых-историков, профессоров российских университетов, преподавателей школ и общественных деятелей.

Одним из обсуждаемых вопросов была проблема определения целей и задач школьного исторического образования. В этом вопросе историки и педагоги были едины: история – это описание истории человеческого рода,

деятельности людей, их биографий, изложение прошлого должно быть организовано в виде непрерывного ряда существенно связанных между собою событий, последовательно сменяющих друг друга.

Об особой роли истории в системе народного просвещения России еще в ноябре 1813 г. писал С. С. Уваров, в то время попечитель Санкт-Петербургского учебного округа. Он представил Александру I доклад «О некоторых общих началах, могущих служить руководством при управлении Министерства народного просвещения». В нем автор сформулировал концепцию народного образования, предвосхищая собственные формулировки в духе доктрины «официальной народности». Уже в 1813 г. Уваров назвал преподавание истории в учебных заведениях страны «делом государственным», основой воспитания патриотизма и национальной гордости. Суть преподавания состояла, по его мнению, в признании «поучительного, нравственно-назидательного назначения истории, просвещении и воспитании историей дворянских детей, в необходимости пробуждения в них духа патриотизма, дворянской гордости и чести, национального чувства»[1048].

Свою точку зрения на цели и задачи российского исторического образования выразил Н. М. Карамзин. В учебном пособии «Сокращение российской истории Н. М. Карамзина в пользу юношества», подготовленном и изданном Августом Таппе, преподавателем немецкого училища в Петербурге, было отмечено, что познание настоящего начинается с прошлого. Карамзин значительно расширил представление о значении истории: «История мирит с несовершенством видимого порядка вещей, как с обыкновенным явлением во всех веках; утешает в государственных бедствиях, свидетельствуя, что и прежде бывали подобные, бывали еще ужаснейшие и государство не разрушилось; она питает нравственное чувство, и праведным судом своим располагает к справедливости, которая

[1048] Уваров С.С. О некоторых общих началах, могущих служить руководством при управлении Министерства народного просвещения. СПб., 1813. С. 24.

утверждает наше благо и согласие общества»[1049]. Отметим, что данный учебник имелся в фондах гимназических библиотек.

Задачи в деле обучения российской истории также представил профессор Санкт-Петербургского университета, автор школьных учебников Н. Г. Устрялов. По его мнению, история должна объяснять постепенное развитие гражданской жизни от его начала его до настоящего времени и указывать: «какое место занимает Россия в системе прочих государств, какие правила политики внутренней и внешней в ней наиболее были сообразнее с ее выгодами, какими причинами, как плоды времени и обстоятельств ускорили или замедляли успех промышленности и образованности»[1050].

В целом, целью изучение истории в школе стало формирование у учащихся «исторического отношения» к жизни, понимание мирового исторического процесса и особенностей истории России, в частности.

Несомненно, значительное место в преподавании истории занимал религиозный компонент, провиденциализм. Как отмечал профессор императорского Царскосельского лицея И. К. Кайданов: «История учит нас трудному, но необходимому искусству – уметь терпеливо сносить все на свете и примириться со своей судьбой, ибо во все времена и везде страдания и бедствия был уделом рода человеческого. Судьбы царств и народов содержатся в деснице Божьей»[1051]. Исторические примеры развития государств и народов давали учащимся представления об их возвышении и падении «в океане времени» по причине Святой Воли Провидения.

Некоторые авторы разделяли историческую науку на различные направления. Например, И. К. Кайданов предлагал деление истории на церковную, политическую (гражданскую) и естественную: историю науки,

---

[1049] Таппе А. Сокращение российской истории Н. М. Карамзина. СПб., 1819. С. 3.
[1050] Устрялов Н.Г. Начертание русской истории для учебных заведений. СПб., 1839. С. 3.
[1051] Кайданов И.Г. Руководство к познанию всеобщей и политической истории. СПб., 1826. С. 5.

художеств, торговли, изобретений, открытий, а Г. Т. Степанов – на политическую, дипломатическую и философскую[1052].

Предметом обсуждения стал вопрос, с какого класса начинать изучать историю в школе. Многие сходились во мнении: изучать курс истории надо в старших классах, в зрелом возрасте, не ранее 14-15-летнего возраста, «когда голова не будет трещать от множества набиваемых в нее сведений». Считалось, что понятие о течении исторического времени слишком отвлеченно для более раннего возраста: даже одиннадцатилетний, с хорошими способностями одаренный воспитанник не только «не мог перенестись мыслями за несколько тысячелетий, но не в состоянии даже надлежащим образом постигнуть последовательность нескольких столетий в приложении к событиям»[1053]. В курсе истории исторические факты изображались результатом предыдущих или причиной последующих. Но большинство учеников запоминали только хронологию событий, и, не имея должного понятия о значении времени, на отвлеченные вопросы о причинах тех или иных событий отвечали механически. Поэтому для 10-11-летних воспитанников полезнее было преподавать предметы, которые требовали механического запоминания и легкоусвояемого материала.

Согласно Уставу 1804 г. историю преподавали в уездных училищах в I и II классах (с девятилетнего возраста), где в I классе изучали древнюю историю, а во II – отечественную историю по 2 часа в неделю. В гимназиях – в III и IV классах (с двенадцати лет).

В 1819 г. в связи с увеличением длительности школьного обучения (в гимназии – с 4 до 7 лет) и изменением всех учебных программ, последовала значительная корректировка исторического курса. Так, в губернских гимназиях история стала преподаваться в течение четырех лет, начиная с III класса и заканчивая в VI классе. Воспитанники последнего VII класса историю не изучали.

[1052] Степанов Г.Т. Об истории всеобщей, предмете, цели и практическом изложении оной // Сын Отечества и Северный Архив. 1834. № 41. С. 57.

[1053] Бессомыкин И. Очерк педагогических начал // ЖМНП. 1836. № 1. С. 250-251.

С введением «Устава гимназий, уездных и приходских училищ» 1828 г. в гимназиях длительность обучения этому предмету увеличилась до 5 лет. Гимназисты изучали историю в III-IV классах по 2 часа в неделю, в V-VII – по 3 часа в неделю, а с 1849 г. исторический курс снова сократили до 4-х лет: историю начинали изучать с IV класса – по 2 часа в неделю и далее в V-VII классах – по 3 часа в неделю.

Преподавание исторического курса шло концентрическим способом, при котором вся история изучалась, по меньшей мере, дважды, но различным образом. Первоначальное обучение проводилось в уездном училище, где элементарный курс истории с древности до наших дней ограничивалось чтением и рассказами о главных событиях. В первых трех классах гимназии учитель сообщал учащимся интересные сведения об исторических деятелях и событиях по всеобщей и отечественной истории, преимущественно останавливаясь на биографиях знаменитостей, являющихся примером для юношества.

Вторая часть концентра преподавалась в гимназиях. Тот же самый курс становился более сложным, подробным, с использование исторических терминов, представлением причин и следствий событий. Предлагалось изложение главнейших событий всеобщей и отечественной истории и жизнеописания великих российских монархов. Так, у учащихся формировались патриотические чувство и убеждение в могуществе государства.

Преимущества концентрической системы были очевидны: выпускники уездных училищ получали целостное, хотя и элементарное, представление об историческом процессе, при отборе материала учитывались возрастные особенности детей, все разделы истории имели почти одинаковое количество времени для усвоения. Такой способ учения был особенно важен. Учащиеся гимназий, не окончившие полного гимназического курса, также имели определенные сведения по отечественной истории.

Важной проблемой при создании учебной литературы по истории являлся вопрос: каким должен быть учебник истории?

Первые школьные учебники по российской истории для учебных заведений страны вышли в свет в конце XVIII в. и были продуктом деятельности екатерининской Комиссии об учреждении народных училищ под председательством П. В. Завадовского. Комиссией был составлен план «Сочинения российской истории для народных училищ в Российской империи», в котором настоятельно рекомендовалось «всякое важное происшествие или дела описывать таким образом, чтобы оно служило или в поощрение или в предосторожность людям нынешних и будущих времен»[1054].

Правительство брало на себя финансирование создания пособий по российской истории, это касалось как поощрения составителей, так и оплаты издателей. Уже к 1796 г. было готово и отпечатано 27 руководств и пособий, большинство из которых (в том числе учебники по российской и всеобщей истории) были составлены или переведены Ф. И. Янковичем де Мириевым. С текстами учебников знакомилась лично Екатерина II. Как правило, авторы учебников стремились добиться высочайшего одобрения, и на первых страницах указывали читателям на то, что за свои труды они удостаивались ценных подарков в виде золотых табакерок с бриллиантами. Подобные уведомления содержались практически во всех изданиях учебной литературы того времени.

Основным учебником для школ по российской истории в конце XVIII в. стала «Краткая российская история», составленная Ф. И. Янковичем де Мириево (СПб., 1799 г.) и выдержавшая к 1821 г. 8 изданий. Его учебник имел четкую и стройную структуру, где вся история разделялась на 4 периода 1) 862-1224 гг. – от Рюрика до нашествия татар, 2) 1224 – 1462 гг. – от нашествия татар до их изгнания; 3) 1462-1613 – от изгнания татар до

[1054] О сочинении российской истории для училищ в царствование императрицы Екатерины II // ЖМНП. 1835. Ч. 5. С. 146.

призвания Романовых; 4) 1613-1797 – от Романовых до современности. Каждый период, в свою очередь, делился на два неравных раздела: большой – «О государях» и маленький – «О внутреннем состоянии России», где давался краткий очерк развития страны, приводились сведения о территориях, торговле и финансах, о вере, нравах и социально структуре общества, о науках и художествах[1055]. Следует отметить, что уровень научности этих учебных книг в целом был невысок: отсутствовали некоторые важные события и явно приукрашивалась деятельность монархов.

По рекомендации Комиссии об учреждении народных училищ был издан учебник И. Стриттера «История Российского государства» в трех томах (СПб., 1800-1802). Автор во время работы над книгами пользовался архивными источниками из московских архивов, а также «Историей» В. Н. Татищева. В книге Стриттера представлены краткие описания исторических событий, достопримечательностей, родословные таблицы. Все три тома были огромны по объему. Каждый том насчитывал до 400 страниц, язык изложения для школьников был труден и тяжел. В итоге, сочинение И. Стриттера императрице не понравилось. Основной ее вывод был таков: работа И. Стриттера хороша и полна и одновременно – никуда не годится. В своих «Записках, касательно российской истории» она сформулировала свои претензии и «История…» И. Стриттера так и не была признана хорошим школьным учебником[1056].

Помимо официальных учебников, в конце XVIII – первой четверти XIX вв., начали выходить пособия, написанные общественными деятелями, знатоками отечественной истории. Авторами этих изданий стали

[1055] Володина Т.А. К 200-летию создания первого учебника Русской истории для народных училищ // Вестник Московского университета. Сер № 8. История. 2000. № 1. С. 58

[1056] См: Володина Т.А. 1) К 200-летию создания первого учебника Русской истории для народных училищ // Вестник Московского университета. Сер. № 8. История. 2000. № 1. С. 42-43; 2) Иван Михайлович Стриттер // Историки России: Биографии. М., 2001. С. 67-75; 3) «Дилетанты» и «профессионалы»: к вопросу о периодизации развития исторической науки в конце XVIII – первой трети XIX века // Отечественная история. 2003. № 4. С. 122-130.

общественный деятель, писатель М. Н. Муравьев, когда-то преподававший русскую историю будущему императору Александру I, и публицист, издатель журнала «Русский вестник» С. Н. Глинка[1057].

Необходимо особо отметить учебные книги, подготовленные самими преподавателями истории, в том числе служившими в учебных заведениях вдалеке от столиц: И. Ефремова «Детская Российская история, изданная в пользу юношества» (Смоленск, 1797); П. М. Захарьина «Новый синопсис» (Николаев, 1798), киевского педагога М. Берлинского «Краткая Российская история» (М., 1800); а также учебник профессора российской истории, географии и статистики Казанского университета И. Ф. Яковкина «Летосчислительное изображение российской истории» (СПб., 1798). Все эти учебники имели характер справочных изданий, отличались краткостью, энциклопедичностью. В них содержалось много фактического материала.

Иногда в комплекте с учебниками предлагались исторические карты. Так, в 1793-1799 гг. были напечатаны настенные карты Азии, Африки, Древнего Востока и Римской империи. Кроме этого, появились и своеобразные исторические игры: картинки с изображением рыцарского турнира, сражений, портретов Ж. Кольбера, М. Лютера, О. Кромвеля и даже сюжетов на тему американской революции, к которым ребенок должен был подобрать соответствующие названия[1058].

Появление в 1818 г. первых восьми томов «Истории государства российского» Н. М. Карамзина оказало значительное влияние на российское общество. Этот труд пользовался большой популярностью и успехом среди российских историков, составителей школьных учебников XIX в. Н. Г. Устрялов в своей работе «О системе прагматической русской истории» (1836) называл Н. М. Карамзина «истинным гигантом», «совершившим

[1057] Володина Т. А. «Русская история» С. Н. Глинки и общественные настроения в России начала XIX в. // Вопросы истории. 2002. № 4. С. 147-161; Глинка С.Н. Русская история в пользу семейного воспитания // Русский вестник. 1816. Ч. 6, кн. 4. С. 11; 1817. № 1. С. 4-8; Муравьев М.Н. Опыты истории, словесности и нравоучения. М., 1796.

[1058] Историческая игра для детей, или новый и самый легчайший способ под видом забавы обучать детей истории. М., 1795.

подвиг»[1059]. Некоторые из историков свои работы впоследствии посвящали памяти Карамзина. Многие авторы учебных изданий по истории посвящали их Карамзину, а также высочайшим особам, чтобы снискать особое расположение. Так поступал автор популярных многократно переиздававшихся учебных книг И. К. Кайданов – профессор исторических наук Царскосельского Лицея, корреспондент Императорской Академии наук[1060].

Наиболее именитый составитель школьных учебных пособий второй половины XIX в. Д. И. Иловайский в учебнике «Руководство к российской истории» также уделил значительное место биографии Карамзина в разделе «Словесность и писатели». Он писал, что Н. М. Карамзин описывал исторические события так красноречиво, что его «История» «сделалась любимой книгой для чтения и познакомила русских людей с прошедшим временем их Отечества»[1061].

Следует отметить, что в фондах всех училищных библиотек северных губерний восьмитомный труд Н. М. Карамзина появился уже в 1818 г.

Влияние идей Н.М. Карамзина испытали почти все историки в следующие полвека, не исключая авторов школьных учебников. Вот почему важно обратиться к содержательной и дидактической стороне его концепции российской истории. Авторы школьных учебников для написания своих работ использовали карамзинскую «Историю» в качестве одного из источников и отмечали это в «Предисловиях» к изданию. Например, М. П. Погодин писал, что «в некоторых местах, где было нужно и возможно, извлекал я собственными словами… Карамзина»[1062]. Какие идеи Н. М. Карамзина, изложенные в его труде «История государства российского» легли в основание создававшихся в первой половине XIX в. школьных учебников по отечественной истории?

[1059] Устрялов Н.Г. О системе прагматической русской истории // Русская история. СПб., 1855. С. 412, 419.
[1060] Кайданов И.К. Начертание истории государства Российского. СПб., 1829.
[1061] Иловайский Д.И. Руководство к русской истории. М., 1863. С. 158.
[1062] Погодин М.П. Начертание русской истории для гимназий. СПб., 1837. С. VIII.

Следует заметить, что эти идеи были изложены Н. М. Карамзиным не только в «Истории государства российского», но и гораздо раньше, в «Записке о древней и новой России», представленной императору Александру I в марте 1811 г.[1063] Как отметил историк А. В. Гулыга, в «Записке» сведены воедино, обобщены многолетние размышления Карамзина над отечественной историей, это как бы философское резюме «Истории государства российского»[1064]. Текст «Записки» был неизвестен широкому читателю. Она была впервые опубликована в 1860-е гг., вследствие чего не стала программным документом для составителей школьных исторических учебников. Поскольку в ней более емко выражался взгляд автора на российскую историю, то она может быть нами рассмотрена как источник изучения наследия Н. М. Карамзина в российских школьных учебниках первой половины XIX в.

В своем труде Н. М. Карамзин осуществил комплексный подход к истории и представил историю страны в целом: «все, что входит в состав гражданского бытия людей: успехи разума, искусства, обычаи, законы, промышленность»[1065]. Основным тезисом «Истории» явился тезис о решающей роли в историческом процессе власти и государства, а главными действующими лицами русской истории – его правители. История России представлялась как череда свершений русских царей и результатов их деятельности. «С какой любовью он останавливался на каждом светлом лице, на каждом доблестном подвиге, – писал биограф Н. М. Карамзина К. Н. Бестужев-Рюмин в 1882 г.[1066].

Автор «Истории государства российского», утверждал органичность и незаменимость самодержавной власти в России: «Россия основалась

[1063] Карамзин Н.М. Записка о древней и новой России в ее политическом и гражданском отношениях. СПб. 1914.

[1064] Гулыга А.В. Великий памятник культуры // Карамзин Н.М. История государства российского. Т. I. М., 1989. С. 470.

[1065] Карамзин Н.М. История государства российского. Т. I. М., 1989. С. 20.

[1066] Бестужев-Рюмин К.Н. Биографии и характеристики. Татищев, Шлецер, Карамзин, Погодин, Соловьев, Ешевский, Гильфердинг. СПб., 1882. С. 220.

победами и единоначалием, гибла от разновластия и спаслась мудрым самодержавием»[1067]. Современный российский историк замечает, что в труде Н. М. Карамзина «весь русский исторический процесс является борьбой самодержавия с народоправством, олигархией, аристократам и уделами. Единовластие представляет собой стержень, на который нанизывается вся общественная жизнь России. Разрушение единовластия всегда приводит к гибели, возрождение – к спасению. Самодержавие олицетворяет собой порядок, безопасность и благоденствие»[1068].

Особенностью «Истории Государства Российского» также является повествовательное изложение исторических событий с соблюдением строгой хронологии.

Многие из авторов школьных учебников приняли периодизацию Н. М. Карамзина и на ее основе составляли свои учебные пособия. Так поступили М. П. Погодин, Ф. Ф. Куртенер, И. К. Кайданов, Н. И. Зуев, С. Н. Смарагдов и другие. Однако во второй четверти XIX в. Н. Г. Устрялов предложил другую периодизацию, подвергнув критике периодизацию Н. М. Карамзина. С точки зрения Н. Г. Устрялова история России делилась на две части – древняя (с 862 по 1689 гг.) и новая (с 1689 до «сегодняшнего дня»). Ликвидация «средней истории» обосновывалась тем, что «единодержавие» и самодержавие» были свойственны России изначально, со времен Рюрика; в удельный период «единодержавие» хотя и исчезло, но мысль о необходимости единства Русской земли сохранилась; «самодержавие» же никуда не исчезло, поскольку в своих владениях князья были неограниченными правителями[1069].

Анализируя содержание школьных учебников первой половины XIX в., необходимо отметить, что в их основе, как и в карамзинской «Истории» лежит последовательный хронологический рассказ о деятельности

[1067] Карамзин Н.М. Записка о древней и новой России… С. 26.

[1068] Сидоренко О.В. Историография IX – начала XX вв. отечественной истории. Владивосток, 2004 г.

[1069] Перхавко В.Б. Периодизация истории в учебной литературе XVIII – начала XX века // Преподавание истории в школе. 2008. № 6. С. 4-9.

правителей России. В «Записке» 1811 г. Карамзин утверждал, что «в России государь есть живой закон: добрых милует, злых казнит, и любовь первых приобретается страхом последних. Не боятся государя – не боятся закона! В монархе российском соединяются все власти: наше правление есть отеческое, патриархальное»[1070].

В учебниках для российских учебных заведений образы царствующих особ Российской империи были представлены только с положительной стороны. Например, Н. Г. Устрялов указывал, что Николай I положил в основание своего правления «начало строгой справедливости, умеренности и бескорыстного великодушия… Все дела его были выражением мысли, что народ благоденствует только в том случае, когда правительство во всякое время готово отразить и наказать внешнее покушение на его спокойствие и безопасность, когда в недрах государства царствует строгий порядок, основанный на страхе Божьем, свято исполняется закон, цветет народная промышленность, образовывается юношество в духе теплой веры и отечественных Уставов, и все родное, национальное пользуется общим уважением»[1071].

Тезис о самодержавии как движущей силе истории России, о необходимости для русского народа вождей и, как следствие, необходимости самодержавной власти, представлен в «Начертании русской истории для средних учебных заведений» Н. Г. Устрялова, который писал: «Главные непременные условия русской жизни являются религия и самодержавие… Свойства народного характера – это беспредельная преданность вере и престолу»[1072].

Мысли Н. М. Карамзина о том, что в периоды смуты Россия спасалась только «крепким самодержавием» отражались также в учебных текстах. И. К. Кайданов в своем учебнике «Краткое начертание российской истории»

[1070] Карамзин Н.М. Записка о древней и новой России… С. 122.
[1071] Устрялов Н.Г. 1) Начертание русской истории для средних учебных заведений. СПб., 1839. С. 285; 2) Русская история. СПб., 1849. Ч. 2. С. 395.
[1072] Устрялов Н.Г. Начертание русской истории. СПб., 1839. С. VIII-IX.

(1838), характеризуя состояние России после Смутного времени, показывает «твердость самодержавной власти» Михаила Федоровича тем, что «народ к собственному своему счастью перестал принимать участие в делах государственных. Вся верховная власть со времен Иоанна III соединилась в особах монархов»[1073]

Идеи о союзе самодержавной власти и народа изображались в учебниках М. П. Погодина, Н. Г. Устрялова и других авторов. Они подчеркивали, что основой общественного спокойствия в России всегда было и есть самодержавие, заботящееся о благе народа, способствующее сохранению исторических традиций и русской государственности. Россию всегда спасало и спасет доверие народа к правительству и к царю. Так, Н. Г. Устрялов, рассказывая о достоинствах Михаила Федоровича, отметил, что «в первые 6 лет правления царя Михаила Федоровича Романова Россия должна была употребить неимоверные усилия, чтобы избавиться от врагов… Все сословия стояли грудью за царя, православие; неприятели исчезли один за другим»[1074].

В связи с этим, можно согласиться с точкой зрения современного российского историка, что авторство идеологической конструкции «Самодержавие, Православие и Народность», принадлежит Н. М. Карамзину, а С. С. Уваров его только упростил, доведя до простоты лозунга[1075]. «Самодержавие есть палладиум России; целостность его необходима для ее счастья… Как дворянство, так и духовенство бывает полезно государству по мере общего к ним народного уважения… Дворянство и Духовенство, Сенат и Синод как хранилище законов над всеми – государь, единственный законодатель, единовластный источник властей. Вот основание российской монархии, которое может быть утверждено, или ослаблено правилами царствующих», – писал Н. М. Карамзин в своей «Записке»[1076].

[1073] Кайданов И.К. Краткое начертание российской истории. СПб., 1838. С. 36.
[1074] Устрялов Н.Г. Начертание русской истории. СПб., 1842. С. 113.
[1075] Соколов Н. От Карамзина до наших дней: краткая история учебников истории // Троицкий вариант. Наука. http://trv-science.ru. (дата обращения 2. 04. 2016).
[1076] Карамзин Н. М. Записка о древней и новой России... С. 126, 128, 133.

В 1830-е гг. в Министерстве народного просвещения был поднят вопрос о создании единого учебника по российской истории для учебных заведений страны. Когда основания «официальной народности», были озвучены, то потребовалось создать единый учебник русской истории. Подрастающее поколение должно было усвоить, почему целью существования русского народа является сохранение самодержавия и православия.

Как отметил тогда уже министр народного просвещения С. С. Уваров «повсюду требовался учебник, который мог бы с одной стороны приманить к науке внимание юношей; с другой привести их стройно и безопасно к главным результатам отечественной истории»[1077]. Кстати сказать, о необходимости создания единого учебника он писал еще в 1813 г. в своей работе «О преподавании истории относительно к народному воспитанию». В ней С. С. Уваров определил задачи преподавания отечественной истории и школьного исторического учебника в российских учебных заведениях: «Компедиуим по истории должен быть написан слогом простом и ясным, соблюдая сколько можно хронологический порядок… Книга должна быть написана в кротком духе религии и благонравия». Изложение следовало «избрать достоверное, полезное и сообразить оное с предполагаемой целью правительства». Роль учителя в преподавании исторического курса, по мысли Уварова состояла в том, чтобы знакомить учащихся с главными происшествиями истории, и «отнюдь не вперять в них охоты к лишней разборчивости»[1078].

В 1836 г. Министерство народного просвещения объявило конкурс на создание такого учебника по русской истории, который должен был отвечать охранительным тенденциям правительства.

В конкурсе участвовал И. К. Кайданов – профессор исторических наук в Царскосельском Лицее, корреспондент Императорской Академии наук. Он представил «Начертание истории государства Российского» (СПб., 1829), где

[1077] Десятилетие Министерства народного просвещения… С. 62.

[1078] Уваров С.С. О преподавании истории относительно к народному воспитанию // С.С. Уваров. Избранные труды. М., 2010. С. 206-207.

была охвачена история России от древнейших времен до кончины Александра I. Три части российской истории: Древняя, Средняя и Новая, в свою очередь, подразделялись на следующие периоды: от Рюрика до кончины Ярослава I; от смерти Ярослава I до нашествия татар; от нашествия татар до Иоанна III; от Иоанна III до начала династии Романовых; от восшествия на престол Романовых до петровской эпохи; от времен Петра I до воцарения Екатерины Великой; от эпохи Екатерины до кончины Александра I. В книге в виде биографических рассказов подробно излагалась история правления Дома Романовых, было представлено внутреннее состояние России. В конце книги помещались таблицы, родословная самодержцев: от Рюрика до Николая I.

Профессор Московского университета М. П. Погодин – еще один участник конкурса, к этому времени уже имевший опыт педагогической работы и в высшей, и в средней школе. С 1833 г. он являлся преподавателем русской истории в пансионе профессора Павлова. В 1837 г. в университетской типографии вышло его «Начертание русской истории для гимназий» (М., 1837). Изложение истории России М. П. Погодин начал с 862 г. и довел до смерти Александра I 19 ноября 1825 г. Однако эта работа была подвергнута критике: учебник достаточно короток и сух. В. Г. Белинский отметил, что «эта книга решительно недостойна имени своего автора, от которого публика всегда была вправе ожидать чего-нибудь дельного и даже прекрасного… она составлена слишком на скорую руку… причина совершенной неудовлетворительности его сочинения заключается в крайней невнимательности и поспешности, с какою она составлялась[1079]. Интересно, что данная рецензия вызвала неудовольствие автора учебника и привела к его конфликту с Надеждиным. В своем «Дневнике» М. П. Погодин записал: «Неприятное утро у Надеждина, который имеет дух рассказывать о лае

[1079] Белинский В.Г. Начертание русской истории для училищ. Сочинение профессора Погодина // Молва. 1835. Ч. 10. № 36. Стб. 147-150.

Белинского»[1080]. Конкурс М. П. Погодин проиграл – Министерство народного просвещения его учебник не одобрило.

Победителем конкурса стал Н. Г. Устрялов. Его книга «Начертание русской истории для средних учебных заведений» стало первым официальным «единым учебником истории» и по объему превышала произведение М. П. Погодина в 3 раза. Русская история Н. Г. Устрялова состояла из двух частей: 1 часть – Древняя история – от основания династии Рюриковичей до начала царствования Дома Романовых, вторая – от Петра Великого до Николая I. Сам учебник начинался введением «Отечественная история в смысле науки» и заканчивался двумя приложениями: картой с пояснением «Россия великого князя Иоанна I и императора Николая I» и родословной таблицей (Рюриковичей, Романовых). По мнению Т. А. Володиной, Н. Г. Устрялов «лучше всех сумел воплотить уваровскую триаду в учебные тексты, и его руководства на долгие годы стали основным источником исторических сведений для тех, кто сидел на школьной скамье»[1081].

Министр народного просвещения С. С. Уваров высоко оценил труд Н. Г. Устрялова: «По ней история преподается повсюду, даже вне пределов министерства,… эту книгу нельзя не почесть весьма значительным орудием министерства при образовании училищ в западных губерниях: там особенно приняла она отличительное достоинство от местных обстоятельств и содействовала к сближению умов и к распространению в юношестве основательных сведений о России и о ее истории, раскрывая на непреложном ряду фактов, что западная Русь, в особенности Литва, составляла интересную часть Российского государства»[1082].

Были и другие точки зрения на труд Устрялова. Гимназисты неодобрительно вспоминали об этих учебниках: «Помню, мы исправно

[1080] Барсуков Н. Жизнь и труды М.П. Погодина. Кн. 4. СПб., 1891. С. 354.

[1081] См.: Володина Т.А. 1) Учебники Отечественной истории как предмет историографии: середина XVIII – середина XIX в. // История и историки. 2004. № 1. С. 115; 2) Уваровская триада и учебники по русской истории // Вопросы истории. 2004. № 2. С. 117-28.

[1082] Уваров С.С. Десятилетие Министерства народного просвещения... С. 62.

зубрили слово в слово «маленькую Устряловку», очень часто не понимая выражения вроде «удельная система падает»[1083]. Н. Ф. Бунаков в своих воспоминаниях отмечал, что русская история проходила «в официально-патриотическом духе по «Устряльчику», т. е. по учебнику профессора Н. Г. Устрялова, плохому,… который дополнялся чтением Н. М. Карамзина»[1084].

Критика на учебники Н. Г. Устрялова обрушилась в 1860-е годы. Многие педагоги-практики, долгое время работавшие по ним, считали эту учебную литературу несовершенной и давали ей резкие отзывы, опубликованные в педагогических журналах. Например, учитель Н. Овсянников писал в журнале «Воспитание» в 1861 г.: «Сухость и бесцветность на каждой странице. О самых важнейших фактах русской истории в кратком изложении учебника Устрялова вы не найдете живого слова. Необходимо переменить этот учебник. Это бесполезный учебник»[1085]. Тем не менее он являлся основным учебников в течение 25 лет.

Следует отметить, что в это же время была опубликована еще одна учебная книга русского писателя, журналиста, историка Н. А. Полевого «Русская история для первоначального чтения» в четырех частях (СПб., 1835-1841). В. Г. Белинский отметил: «Мы поставляем себе за особенное удовольствие и за честь признавать в Н. А. Полевом человека необыкновенно умного и даровитого, литератора деятельного, оказавшего, в качестве журналиста, важные услуги русской литературе и русскому образованию… Ожидаем окончания «Русской истории для первоначального чтения» Н. Полевого: это будет книга, в какой всего более нуждалось русское юношество»[1086]. Однако книга Полевого в учебных заведениях страны широкого распространения не имела.

[1083] Отрывок из автобиографии Александра Матвеевича Лазоревского // Киевская старина. 1905. Т. 77. № 5. С. 491.
[1084] Бунаков Н.Ф. Записки: моя жизнь. С. 13.
[1085] Овсянников Н. С чего начинать учение истории в третьем классе гимназии // Воспитание. 1861. № 1. С. 3.
[1086] Белинский В.Г. Библиографическая хроника // Отечественные записки. 1841. Т. 18. № 9, отд. 6. С. 26.

Таким образом, основой школьных учебников надолго стала «История Государства Российского» Н. М. Карамзина, где были отражены главные принципы содержания российской истории. Государственное единство, сильная самодержавная власть, по Карамзину, ключ всей истории Отечества. Монарх, обладающий умом и талантом, благонравием и добродетелями, является главным защитником своих подданных. «Народ еще коснеет в невежестве, в грубости, но правительство уже действует по законам ума просвещенного», – делая ссылку на Н. М. Карамзина, писал в своем учебнике М. П. Погодин[1087]. Только союз самодержавия, церкви и народа является оплотом спокойствия и развития великой России.

Наряду с учебными книгами по истории России издавались учебники и по Всеобщей истории. Еще в 1787 г. были изданы учебники Ф. И. Янковича де Мириево «Всемирная история, изданная в пользу народных училищ Российской империи» (СПб., 1787) и И. М. Шрека «Шрекова всемирная история» (СПб., 1787), предназначенные для IV класса Главных народных училищ. Авторы учебников изложили историю стран Запада и Востока с указанием общих явлений у разных народов в различные исторические периоды. Надо отметить, что переводные учебники И. М. Шрека имели бо́льшую популярность, нежели труд Ф. Ф. Янковича де Мириево. Например, «Учебная книга всеобщей истории» И. М. Шрека в пяти частях переиздавалась в петербургских частных типографиях до 1827 г.

В первой половине XIX в. вышли в свет учебники П. А. Анкетиля «Сокращенная всемирная история» (СПб., 1802), А. Германа «Всеобщая история» (СПб., 1848); Ф. Ф. Куртенера «Краткое начертание всеобщей истории по этнографической методе» (М., 1849) и Н. И. Зуева «Учебная книга всеобщей истории» (СПб., 1849). Но базовыми учебниками по всеобщей истории в это время являлись учебные книги И. К. Кайданова[1088],

---

[1087] Погодин М.П. Начертание русской истории для гимназий. СПб., 1837. С. 143.

[1088] Кайданов И.К. 1) Краткое начертание всемирной истории. СПб., 1821; 2) Основание всеобщей политической истории. СПб., 1814; 3) Учебная книга всеобщей истории для юношества. СПб., 1834.

которые были одобрены Ученым комитетом Министерства народного просвещения. В представлении Комитета в числе достоинств учебника И. К. Кайданова «Основание всеобщей политической истории» (СПб., 1814) отмечались: обдуманный план и основательные размышления, «большей частью чуждые пристрастия и предрассудков,… приспособленные к понятиям учеников». Недостатки заключались в несоразмерности изложения исторических событий неодинакового значения, а также «упоминание о лицах, не заслуживающих места во всеобщей истории и пропуски таких деятелей, которые составляли эпоху в истории наук и художеств»[1089].

Учебники И. К. Кайданова спустя 20 лет вызывали резкую критику. Н. А. Полевой в едкой рецензии называл их «кучей переработанного холстинного тряпья, испещренного сажею и маслом… собранием хронологических меток, а не систематическим обзором происшествий»[1090]. Резкую критику в адрес И. К. Кайданова высказывали также М. П. Погодин, А. В. Кюхельбекер, а В. Г. Белинский указал, что в книге «много перемен и улучшений, словом, много нового; но это *новое,* ново только для одного автора и не носит на себе никаких признаков успехов науки»[1091]. Недовольство учебниками И. К. Кайданова проявлялось и у воспитанников гимназий, которые называли их бесполезным «мраком неизвестности»[1092].

В 1840-е годы на смену этим учебникам пришли учебные книги учителя истории и географии при Сиротском институте императорского Гатчинского воспитательного дома С. Н. Смарагдова: «Руководства…» по древней, средней и новой истории для средних учебных заведений (СПб., 1840-1844) и «Краткое начертание всеобщей истории для первоначальных училищ» (СПб., 1845), переиздававшееся 6 раз. Его труды положительно оценивались современниками. Например, В. Г. Белинский в журнале «Отечественные записки» поместил две рецензии на учебники С. Н. Смарагдова по средней и

[1089] Сухомлинов М.И. Материалы для истории образования Александра I. С. 37.
[1090] Современная библиография // Московский телеграф. 1829. Ч. 30. № 22. С. 226, 228.
[1091] Учебная книга всеобщей истории. (Для юношества). Сочинение профессора И. Кайданова // Молва. 1835. Ч. 9. № 19. Стб. 309-316.
[1092] Вейнберг П.И. Из школьных воспоминаний // Русская школа. 1890. № 8. С. 43.

новой всеобщей истории. Он, в частности писал, что труд С. Н. Смарагдова «произвел в нас чувство, скорее похожее на увлечение, чем на нерасположение или холодное равнодушие», а его «Руководство…» заслуживает «полного внимания публики… Это почти первый учебник истории, составленный добросовестно, отчетливо, умно, со знанием дела… Автор составил очень дельный учебник для средних классов. Смело можем сказать, что труд С. Н. Смарагдова превосходит все, с такою же целью составленные у нас учебники истории»[1093]. Одобрение руководств С. Н. Смарагдова отмечалась и в среде учащихся. Проштудировав эти три тома, гимназист получал больше знаний по истории, чем в позднее время из учебника Д. И. Иловайского, слишком краткого для того чтобы заинтересовать ученика. Учебник С. Н. Смарагдова «давал учащимся более цельное представление об исторических фактах, чем краткие наброски, почти конспекты»[1094].

Учебники по всеобщей истории имели между собой много общего. Изложение событий в них велось незначительными периодами, так, что учащимся трудно было создать цельное представление о развитии цивилизаций: Египетской, Ассирийской, Вавилонской, Персидской, Греческой и Римской. Много внимания уделялось правителям и войнам, а изобилие дат, географических названий и имен вряд ли способствовало возбуждению интереса к такой учебной литературе.

Характерно, что в первой половине XIX в. создание учебников по истории постепенно приобретало строгую форму и структуру, которая впоследствии была принята практически всеми авторами учебной литературы. Во введении авторы подробно объясняли читателям цели и задачи изучаемого предмета, представляли программу обучения, давали краткие методические указания. Затем предлагались основные понятия, применяемые в процессе обучения: периодизация истории и исторические

[1093] Белинский В.Г. 1) Руководство к познанию древней истории для средних учебных заведений, сочиненное С. Смарагдовым // Отечественные записки. 1840. Т. 11. № 7, отд. 6. С. 26; 2) Критика // Отечественные записки. 1844. Т. 36. № 9, отд. 5. С. 1.

[1094] Лебедев В.А. Учебные воспоминания // Русская старина. 1907. Т. 131. № 7. С. 136.

источники, используемые в учебном пособии. Исторические понятия отличались точностью, определенностью, внутренней содержательностью.

Далее шел текст, который делился на главы и параграфы с кратким изложением главных положений всемирной или русской истории: основополагающих фактов, событий, исторических связей, биографий исторических деятелей и т. д. Авторы стремились, чтобы содержание самого учебника было понятно и доступно всем учащимся. В конце учебника помещались приложения. Они состояли из летоисчислительных таблиц, выстроенных по хронологическому и синхроническому признаку с указанием дат и главных событий, а также родословных русский монархов.

Учебники по истории первой половины XIX в. отличались от руководств, выпущенных в последней четверти XVIII в. Исторические тексты составлялись в форме связного рассказа, а не в вопросно-ответной форме и набором отдельных событий, иногда не связанных друг с другом, изменилась и структура учебников, хронология исторических дат начиналась от «Рождества Христова». Содержание учебного материала становилось более светским: библейские рассказы были отнесены к курсу Священной истории, однако идея «управления вселенной Божественной мудростью» или «провидения Божьего» в историческом процессе сохранялась.

Учебники по истории чаще всего представляли собой конспективный набор фактов. На первый план была выдвинута практическая, прикладная сторона, теоретические объяснения и доказательства не приводились. Поэтому назначение учебной литературы в первой половине XIX в. – быть выученной наизусть: Как свидетельствует современник, «в седьмом классе изучали русскую историю по очень краткому, деревянным слогом написанному учебнику Устрялова. Его учебник, чтобы не терять нити рассказа, приходилось зубрить фразу за фразой наизусть[1095]. По словам П. Н. Милюкова, дореформенная школа «должна была служить, очевидно, усвоению знаний, а не развитию мысли»[1096].

[1095] Там же.
[1096] Милюков П.Н. Очерки русской культуры. Т. 2. С. 301.

Какие же учебники находились в фондах училищных библиотек Архангельской, Вологодской и Олонецкой губерний в первой половине XIX в. Например, в «Реестре книгам и другим учебным пособиям» в Петрозаводском Главном народном училище в 1802 г. числились книги Ф. И. Янковича де Мириево «Краткая история Российская» и «Всемирная история» И. М. Шрека в трех томах[1097]. Во второй четверти XIX в. список исторических книг в библиотеках гимназий значительно увеличился. Судя по «Описям библиотекам при гимназиях и уездных училищ» за 1822-1840 гг. в них значились учебники по истории П. А. Анкетинова «Всемирная история», И. Стриттера «Российская история» в 3-х томах, В. Н. Татищева «Российская история», Н. М. Карамзина «История государства Российского», «Курс всеобщей истории» Е. Ф. Зябловского, учебные руководства по русской истории Н. Г. Устрялова, по всеобщей истории И. К. Кайданова. Значительно увеличилось и количество научной, популярной и художественной литературы по истории. Так учащиеся учебных заведений могли познакомиться с книгами по истории наполеоновских войн, по истории Англии, Франции, Китая, Японии, Турции, Алжира, Древней Греции и Рима. В библиотечных фондах находились работы М. Берлинского «Краткое описание Киева» (СПб., 1820), книги неизвестных авторов «Описание Сибирского царства», «Деяния Петра Великого», «Последние часы жизни Людовика XVI» и др.[1098].

В 1825 г. по количеству экземпляров литература по истории в фондах школьных библиотек превышала численность книг по другим направлениям. Так в библиотеке Олонецкой гимназии по реестру в разделе «Отделение историко-филологическое» насчитывалось 152 книги и 50 названий, а по русской литература – 22 книги, по географии – 6, по политической науке – 8, по рисованию – 1, по геометрии – 14, по грамматике – 14[1099]

[1097] НА РК. Ф. 29. Оп. 1. Д. 20/150. Л. 5.
[1098] НА РК. Ф. 17. Оп. 6. Д. 1/2. Л. 173-180. Д. 8/8. Л. 773 - 777; ЦГИА СПб. Ф. 139. Оп. 1. Д. 360. Л. 40-41 об.
[1099] ЦГИА СПб. Ф. 139. Оп. 1. Д. 360. Л. 40-41 об.

Вместе со становлением учебной исторической литературы шел активный процесс поиска форм и методов преподавания истории в учебных заведениях страны. Вопросы методики изложения исторического материала на уроках, приемы работы с учебником, применение наглядности – исторических карт, хронологических таблиц, взаимодействия с учащимися в процессе обучения предмету, – становились предметом дискуссий педагогов.

По вопросу способов подачи учебного исторического материала высказывались разные точки зрения. Например, Ф. Ф. Куртенер, профессор Московского университета, один авторов из учебников по истории, считал, что «в изучении истории возможны два принципа изложения: этнографический, в рамках которого излагаются происшествия каждого народа порознь и синхронический, когда излагаются происшествия, случившиеся в одно время у всех народов исторических»[1100].

По мнению Н. Г. Устрялова, необходимо было прагматическое изучение истории. Он считал, что подробное знание фактов не принесет существенной пользы, если они не будут приведены в стройную систему, где каждое явление было бы на своем месте, как следствие предыдущего. «Для соединения фактов в одно стройное целое, в одну живую картину минувшего… необходимо вникнуть в общий ход событий и найти нить, которая связывает все явления непрерывной цепью…, определить точки, где нить события изменяется, вследствие стремительного переворота дел или быстроты развития гражданственности..., приноравливаясь к общему историческому ходу, разместить все явления по мере важности, так чтобы в изображении их соблюдена была точность и соизмеримость, с правильной связью причин и следствий»[1101].

С точки зрения Н. И. Зуева, историю можно представлять в нескольких изложениях: хронологическом, прагматическом, этнографическом и

[1100] Куртенер Ф.Ф. Краткое начертание всеобщей истории по этнографической методе. М., 1849.

[1101] Устрялов Н.Г. Руководство к первоначальному преподаванию русской истории. СПб., 1840. С. 8.

синхронистическом. История хронологическая ограничивается простым последовательным исчислением событий, не соблюдая между происшествиями внутренней связи, соединяющей предыдущее с последующим. История прагматическая или философская старается объяснить факты и следить за их внутренними причинами. В этнографическом изложении – историк располагает событии по народам, то есть представляет судьбу того или другого государства от начала его существования до известной эпохи; в синхронистическом – представляет историю одновременно всех народов, взятых в одно и то же время[1102]. Способа изложения древней истории по этнографическому принципу придерживался и С. Н. Смарагдов: лучшая метода состояла в «познании фактов и извлечении из них пищи для ума и сердца. Первое есть дело училищ приготовительных, второе – училищ высших[1103].

Важное место в преподавании истории занимал выбор материала. В частности, предполагалось при первоначальном обучении значительную часть исторического материала заменять живыми и образными характеристиками исторических деятелей, жизнеописания которых были бы доступны и привлекательны для ребенка, обращая внимание на характер, талант знаменитых людей. Каждое историческое событие следовало основательно разобрать, обсудить. Многие считали, что при определении объема курса истории нужно избегать объемного материала и выделять то, что должен знать ученик и что может принести ему «истинную пользу из массы излишнего, непонятного и непереваримого»[1104]. Для решения этой проблемы авторы учебных пособий ограничивали составление текстов учебников только главными «происшествиями», кратко представляя ход исторических событий разных стран.

[1102] Зуев Н.И. Учебная книга всеобщей истории. Ч. I. СПб., 1851. С. 2-3.

[1103] Смарагдов С.Н. Руководство к познанию древней истории для средних учебных заведений. СПб., 1844. С. 6-7.

[1104] Бендерман К. Преподавание истории в училищах, его недостатках и план его реформ // ЖМНП. 1862. Ч. 115. С. 147-148.

Что касается методики преподавания школьного курса истории, то авторы учебных руководств в предисловии к ним предлагали практические советы по ведению уроков, конкретные указания о применении форм и методов работы с детьми. Например, книга Ф. И. Янковича де Мириево «Всемирная история», помимо исторического материала, содержала рекомендации о том, как вести урок: краткое повторение пройденного материала на прошлом уроке, чтение и объяснение новой темы по статье в учебнике, показ на настенных картах (ландкартах) мест событий, походов, переселений народов. Кроме того, предлагались примерные вопросы для учащихся и акцентировалось внимание учителя на ответы учащихся «своими словами», а не зазубренными фразами без понимания текста: «лучше, если они ответствуют исправно своими словами, нежели теми словами, какие находятся в книге»[1105].

Как отмечает М. Т. Студеникин, сторонником такого обучения был и И. М. Шрек, который говорил «о весьма великой пользе» для учащихся, когда они сами будут задавать друг другу вопросы и советовал педагогам стремиться «к ясному и порядочному повествованию», тщательно отбирать факты. Вопросы учителя, по его мнению, должны были быть превращены в «испытательный разговор» с учащимися, чтобы ученик «сам через себя» доходил до знания истории. При этом И. М. Шрек считал, что при изучении большинства событий ученикам достаточно знать только век, когда они происходили[1106].

В курсе преподавания истории постепенно приобретали значимость наглядные пособия, которые изображали исторические предметы, портреты исторических деятелей, исторические сцены событий, рисунки одежды, жилищ, памятников и зданий. Применение наглядности, особенно на уроках в начальном школе, в юном возрасте воспитанников, «когда их ум еще

[1105] Янкович де Мириево Ф.И. Всемирная история, изданная в пользу народных училищ… С. 4-5.

[1106] Студеникин М.Т. Становление и развитие методики обучения в XVIII-XIX вв. // Преподавание истории и обществознания в школе. 2008. № 1. С. 9.

малоспособен к высшим отправлениям», являлось одним из достоинств уроков истории. Наглядность знакомила детей с окружающими предметами природы и культуры. Необходимыми пособиями при преподавании истории становились географические атласы и настенные карты. Одним из компонентов наглядности считались хронологические таблицы. Учителям рекомендовалось составлять их прямо на уроках и затем использовать для заучивания исторических дат, имен, событий.

Однако наглядность на уроках истории не всегда можно было развернуть. Школьные учебники издавались без иллюстраций, а иногда и без карт, настенными картами (ландкартами) в то время школы не были обеспечены. В такой ситуации учителя использовали рукописные карты или руководствовались географическими пособиями: картами или глобусом. В связи с этим высказывались мнения о необходимости создания для гимназий учебников истории в картинах, «где бы каждое значительное событие, каждый особенный период времени имел свое изображение, где бы каждый век имел свою краску, как государства на географических картах, и где под каждым изображением нарисованы были бы современные ему изобретения в науках, искусствах, общежитии, ремеслах и т. п.»[1107]

Несомненно, главным действующим лицом на уроках являлся учитель. Как заметил Н. А. Полевой: «Историк – живописец, ваятель прошедшего бытия: от него только требуют верного и точного изображения прошедшего… Историк обязан только показать нам прошедшее, как оно было, оживить представителей его, заставить их действовать, думать, говорить, как они действовали, думали, говорили»[1108].

Особое место уделялось рассказу педагога. Живое, красноречивое слово преподавателя не могло заменить учебник. Наставник оживлял историю своими искусными рассказами, не обременяя изложение материала мелочными подробностями и критическими исследованиями. Интересный и

[1107] Киреевский И.В. Записка о направлении и методах первоначального образования в России // Духовные основы русской жизни. М., 2007. С. 136-137.
[1108] Полевой Н.А. История русского народа. Т. 1. М., 1829. С. 20-21.

поучительный рассказ учителя влиял на ученика, заставлял работать воображение учащихся, развивал его память. Важно было во время передачи учебного материала излагать предметы ясно, наглядно, связно, красноречиво, обращать внимание на правильность и простоту выражения, всячески избегая многословия, расплывчатости, общих фраз.

Здесь многое зависело от личности педагога. Судя по воспоминаниям учащихся, они уважали того учителя, который излагая историю, обладал даром слова, выражался ясно, увлекал красноречием, был знатоком своего предмета, при объяснении урока не только пересказывал текст учебника, а старался выяснить внутренний смысл события. И наоборот, когда преподаватель не сообщал своим ученикам взгляды на исторические факты, а ограничивался только сухим изложением учебных пособий и руководств, то тогда этот предмет становился только собранием войн и дат.

Широко известной методикой преподавания истории в школах страны в это время явилась методика «Хронологии» А. Язвинского. А. Язвинский, уроженец г. Минска, высшее образование получил в Вильне, затем поступил на военную службу. Во время длительного путешествия по странам Западной Европы изобрел мнемонический метод, который можно было использовать для заучивания данных по разным гуманитарным предметам: истории, языкам и пр. В 1835 г. министр народного просвещения С. С. Уваров пригласил А. Язвинского в Россию.

В чем же состояла методика А. Язвинского применительно к истории? Для быстрого запоминания учащимися курса истории изобретатель предложил все даты исторических событий расположить в специальной таблице, разделенной на квадраты. Всего 2000 квадратов, в одном квадрате-столетии находится 100 квадратиков – 100 лет. Каждый квадратик посвящен определенному историческому событию. Для лучшего запоминания хронологии исторических дат, автор предлагал в квадратиках поместить конкретные изображения происходящих исторических событий или личностей.

По утверждению самого А. Язвинского, созданные им «Синхронистические таблицы всеобщей истории», состоявшие из хронографического атласа и 500 портретов государей, производили самое точное сближение всех современных событий в воображении учащихся. Изображение портретов исторических деятелей лучше всяких подробных словесных описаний запечатлевали вид, возраст, даже характер исторических героев в памяти учеников[1109]. Исторический факт в таблице символизировался определенными значком. Специальные знаки-символы помогали учащимся запомнить знаменательные даты. Среди этих знаков были папские ключи, двуглавые орлы, французские королевские лилии, британские львы, мусульманские полумесяцы, лиры и т. д. В таблице по истории Древнего мира были также помещены изображения Колизея, колонны Траяна, ассирийского царя, египетских пирамид и др. Дети сначала учили даты, затем закрывали квадраты марками и повторяли их. Благодаря этому методу обучения у учащихся возникали ассоциации между временными и пространственными представлениями.

Эксперимент по применению методики Язвинского был проведен в Главном Педагогическом институте с шестью студентами и 12-ю воспитанниками гимназии в течение 20 уроков истории. На экзамене, по итогам обучения, воспитанник по таблице называл, без малейшего затруднения, год, царствование известного лица или дату. Оказалось, что 12-летние мальчики знали по 152 имени за 230 годов истории, чем удивили маститых историков и самого министра просвещения. Такой успех убедил С. С. Уварова в пользе методики.

В виде опыта с сентября 1836 г. методика Язвинского была введена в Санкт-Петербурге: в двух низших классах Владимирского и Андреевского уездных училищ, а также во 2-й и 4-й гимназиях. В 1836 г. в Главном Педагогическом институте организовали учебные курсы для ознакомления с новой методикой, куда были приглашены преподаватели гимназий из

[1109] Язвинский А.А. Синхронистические таблицы всеобщей истории. СПб., 1840.

столичного учебного округа. Для распространения методики в отдаленные губернии направлялись методисты – бывшие студенты, владеющие приемами изучения Хронологии по таблицам. Например, в феврале 1837 г. в Архангельскую и Олонецкую гимназии был направлен выпускник института, учитель истории и статики Псковской губернской гимназии Стефан Барановский, который познакомил учителей истории северных гимназий с методикой А. Язвинского[1110]. Главным правлением училищ были выпущены методические руководства по обучению учащихся Хронологии[1111].

В апреле 1837 г. эта методика была рекомендована для применения в учебных заведениях Санкт-Петербургского и других учебных округов. Директорам училищ Архангельской, Вологодской и Олонецкой губерний было предписано начать преподавание хронологии российской истории по методе А. Язвинского с сентября 1838 г.[1112]. Судя по источникам, в 1838-39 учебном году данную методику уже применяли в Архангельской, Вологодской и Олонецкой гимназиях.

Оказалось, что данная методика преподавания полезна только тем детям, у которых была хорошо развита память. Для других же детей она не была неэффективна. Ребенок запутывался в огромной массе исторических событий и затруднялся соотнести номера квадратов и порядок летоисчисления. Ученик знакомился только с историческими датами, но не с самой историей. Итоги апробирования новой методики были сделаны на заседании Комитета устройства учебных заведений в 1839 г. Ректор Петербургского университета И. П. Шульгин, профессор Н. Г. Устрялов, адъюнкт М. П. Касторский сделали заключение, что методика Язвинского может применяться только в низших классах, кроме того, отмечалась ее несовершенство и «для

[1110] НА РК. Ф. 17. Оп. 5. Д. 5/ 13. Л. 434.

[1111] Язвинский А.А. 1) Всеобщая история: руководство к хронографической карте для изучения истории главных европейских государств. СПб., 1837; 2) Синхронистические таблицы всеобщей истории. СПб., 1840; 3) Русская история, хронографическое обозрение и портреты. СПб., 1845; 3) Методы преподавания хронологической истории. СПб., 1837; 4) Руководство к хронологическим картам для изучения истории. СПб., 1837; 5) Хронографическое обозрение всеобщей истории. СПб., 1841.

[1112] ГААО. Ф. 1955. Оп. 1. Д. 7. Л. 1; ГАВО. Ф. 438. Оп. 3. Д. 1162. Л. 14.

приспособления к употреблению должно быть сокращено и переделано». В итоге, в конце 1850-х годов этот способ был оставлен, так как он оказался не более, как вспомогательное мнемоническое средство, пригодное для учеников с развитой памятью[1113].

Следует подчеркнуть, что применение данной методики ограничивалось заучиванием дат, имен, «достопамятных» событий по учебнику «от и до» без каких-либо объяснений и комментариев со стороны учителя. Архивных документов, освещающих результаты ее применения, нами не обнаружено. В своих отчетах о состоянии учебных заведений директора училищ уделяли особое внимание главным предметам обучения: Закону Божьему, русской словесности, древним и новым языкам, а также воспитательной работе с учащимися. История, впрочем, как и другие предметы, не занимали много места в отчетных документах дирекций училищ.

В 1838 г. пытались применить методику А. Язвинского при обучении детей географии, математике, естественной истории, физике, химии, медицине, военному искусству, законоведению, немецкому, французскому и латинскому языкам, но мероприятие не имело успеха. Инспектор казенных училищ Петербурга П. П. Максимович констатировал: «метода Язвинского не есть метода, а только самый частный прием при изучении одной части науки географии, и притом, не самый существенной… как то: народонаселение и пространства»[1114].

Еще одним распространенным приемом обучения на уроках истории в гимназиях было краткое комментирование текста учебника. Как правило, учитель подробно и не спеша излагал содержание каждого параграфа в руководстве, затем заставлял учащихся по нескольку раз пересказывать услышанное на уроке. Учение заключалось в буквальном заучивании исторических уроков по книгам.

[1113] Там же. С. 153.
[1114] Воронов А. С. Историко-статистическое обозрение... СПб., 1849. С. 152.

Письменное замечание о механическом преподавании истории во всех уездных училищах Олонецкой дирекции, а также о «сухом, вялом, ни мало не оживленном преподавании истории» в Олонецкой гимназии сделал попечитель Петербургского учебного округа М. А. Дондуков-Корсаков директору М. И. Троицкому по итогам ревизии в декабре 1838 г.[1115].

Подобная ситуация была и в других российских гимназиях. Как вспоминали свои уроки истории бывшие гимназисты: «История шла у нас вдолбежку, не более и как все насильственно заученное, наши знания скоро улетучились[1116]. «Когда ученик говорил слово по книге педагог одобрительно качал головой, в случае неудовлетворительного ответа скажет: болван, стань на колени, нередко большая часть учеников была на коленях, зубрили сколько хватало сил ибо без обеда оставаться было очень неприятно[1117].

В первой половине XIX в. издание учебных руководств и пособий по различным учебным дисциплинам находилось под строгим контролем и подвергалось цензуре. За время деятельности Комитета для рассмотрения учебных пособий (1830-1836 гг.) было рассмотрено 1960 печатных и рукописных сочинений и переводов, из их числа вновь составлено членами Комитета или под его руководством 39 учебников[1118].

Основу изучения учебных предметов составляло затвержение определений и правил, чаще всего, не подкрепленными примерами. Однако время шло, выученное забывалось, а ученики не умели правильно писать, решать математические задачи и примеры, рассказывать отдельные эпизоды из истории России и т. д. Хотя во второй четверти XIX в. русскими педагогами и вырабатывались новые методики учебных предметов, но они не получили повсеместного значения. Учителя, сами обучавшиеся совершенно иным путем, неохотно следовали новым указаниям или даже не понимали их,

---

[1115] НА РК. Ф. 17. Оп. 5. Д. 6/13. Л. 72-74 об

[1116] Мартынов А. Школьные воспоминания. С. 7-8.

[1117] Назимов М. В. провинции и в Москве с 1812 по 1828 гг. // Русский вестник. 1876. № 7. С. 105.

[1118] Рождественский С.В. Исторический обзор деятельности Министерства… С. 202.

поэтому случалось так, что вполне полезные книги оставались в училищах невостребованными.

4.3. Воспитательная работа: цели, основные формы и методы

Политика правительства в отношении воспитательной работы в российских учебных заведениях на протяжении первой половины XIX в. не оставалась неизменной. Первоначально считалось, что школа должна заниматься только «образованием юношества» и в школьном Уставе 1804 г. вопросы воспитания учащихся не оговаривались. Формирование благовоспитанных и просвещенных юношей достигалось при преподавании разнообразных учебных дисциплин: от естественнонаучных до философии, изящных наук и этики. Эти предметы несли определенную воспитательную нагрузку, более рационально и аргументировано давали ответы на «вопросы жизни» и служили основой нравственности и добродетельного поведения.

Какие практические методы воспитательной работы использовались? В приходских и уездных училищах проводилось коллективное чтение вслух книги «О должностях человека и гражданина», изданной в 1783 г. и предназначенной по высочайшему повелению императрицы Екатерины II для чтения в народных училищах Российской империи. До 1817 г. эта книга переиздавалась 11 раз и считалась незаменимой в деле воспитания юношества. В ней раскрывалась суть обязанностей человека по отношению к своей душе, к телу, к обществу, а также к домашнему хозяйству. Интересно, что слово «гражданин» употреблялось в книге только в названии.

В книге подробно объяснялись принципы взаимоотношений верховной власти с подданными, значение Отечества для каждого человека и способы изъявлений любви к Родине. Например, доказывалось, что «истинный сын Отечества должен быть привязан к государству, образу правления, к начальству и к законам. Любовь к Отечеству состояла в том,

чтобы покорялись законам, учреждениям и добрым нравам общества, в коем живем»[1119].

Книга «О должностях человека и гражданина» в духе философии Просвещения, тем не менее, доказывала, что источник патриотизма заключается не только в образе правления, но и в совершенстве общественного воспитания, что истинная любовь к Отечеству может развиться вполне только в свободном обществе или республике[1120]. В целом, этот текст был довольно противоречив, толковать и комментировать его можно было широко.

В отношении обязанностей к самому себе утверждалось, что благополучие человека заключалось в «доброй совести, здравии и довольствии», в связи с этим учащиеся обязаны: наполнить свою душу добродетелью, заботиться о теле, исполнять общественные должности и знать правила хозяйства. Образование же души состояло в развитии «честолюбия, спокойствия духа, любознательности, правдивости, т. к. … подлый человек ничего не делает без корысти и принуждения; честолюбивый, желая снискать похвалу от разумных, делает добро без корысти и принуждения…»[1121]

Гимназистов знакомили с основами юриспруденции, которые давали не только юридические знания, но и вырабатывали чувство социальной справедливости и уважения к закону.

С 1811 г. распоряжения правительства были направлены на усиление религиозного компонента в учебных заведениях[1122]. Так сущность воспитательной работы дополнилась необходимостью воспитания учащихся на христианских ценностях.

[1119] Цит. по: Днепров Э.Д. Российское образование в XIX – начале XX вв. М., 2011. Т. 1. С. 86.

[1120] О должностях человека и гражданина. СПб., 1789. С. 98.

[1121] Там же. Вступление. С. III.

[1122] Введение в программу обучения Закона Божьего в 1811 г. и чтение Священного писания перед учебными занятиями в 1819 г.

В 1819 г. «Книга о должностях человека и гражданина», основой которой являлись все-таки философия Просвещения, хотя и в противоречивом сочетании с защитой традиционных ценностей, подверглась осуждению. Члены Ученого комитета, составив новое расписание учебных предметов, предложили ее заменить. Главное правление училищ определило вместо книги «О должностях человека и гражданина» ввести в употребление по всем училищам «Чтение из евангелистов», тем самым приобщая учащихся к основам православия. «Истинное просвещение состоит в страхе Божьем, который есть начало премудрости», – писал министр народного просвещения А. С. Шишков в 1824 г. императору Николаю I.

Во второй четверти XIX в. основным тезисом правительства по вопросу воспитания российского юношества являлся тезис воспитания в «государственном» духе. Многие просвещенные деятели были сторонниками этой идеи. Например, А. С. Пушкин в своей записке «О народном воспитании», поданной царю в 1826 г., критиковал российское домашнее воспитание, как «самое недостаточное, самое безнравственное», считая, что «ребенок окружен одними холопями, видит одни гнусные примеры, своевольничает или рабствует, не получает никаких понятий о справедливости, о взаимном отношении людей, об истинной чести. Воспитание его ограничивается изучением двух или трех иностранных языков и начальным основанием всех наук, преподаваемых каким-нибудь нанятым учителем». В связи с этим Пушкин считал необходимым «увлечь все юношество в общественные заведения, подчиненные надзору правительства…, дать ему время перекипеть, обогатиться познаниями, созреть в тишине училищ…, во что бы то ни стало подавить воспитание частное»[1123].

Школьная реформа 1828 г. основывалась на принципе, что «школа должна не только учить, но и воспитывать и что это воспитание всецело

[1123] Пушкин А.С. Записка о народном воспитании, предоставленная Пушкиным императору Николаю Павловичу в 1826 г. // Бартенев П. XIX век. Исторический сборник. СПб. 1872. С. 211 212.

должно находиться в руках государства». Содержание и дух законодательство начала 1830-1840-х гг. о народном просвещении отражали установку правительства Николая I на доктрину «православие, самодержавие и народность»[1124]. Главный акцент был сделан на развитии нравственности, добропорядочности, любви к Отечеству, уважения к начальству. Как отмечал автор знаменитой триады С. С. Уваров, «без надлежащей постановки воспитания простого народа все система просвещения – здание на песке»[1125]. На первое место в этой системе С. С. Уваров ставил православие.

В законодательных документах второй четверти XIX в. теме нравственного воспитания юношества уделялось значительное внимание, а обучение основам религии рассматривалось как ее основа. Ст. 30 Устава 1828 г. утверждала, что «Главная цель воспитания – нравственная», а задача школьного образования – воспитать «сострадание к несчастью, любовь к справедливости, ревность к учению, к трудам своего звания и вообще к полезной нравственности» (Ст. 31). Как отметил протоирей Д. П. Соколов в это время нравственно-философское направление сменилось на нравственно-религиозное[1126].

Высочайший указ «О воспитании российского юношества в отечественных учебных заведениях» (1831 г.) в целях предупреждения вредных последствий западного воспитания, ассоциировавшегося с декабризмом, запрещал обучение российского юношества в зарубежных учебных заведениях. По мнению правительства, получающие «чужеземное» воспитание «молодые люди возвращаются иногда в Россию с самыми ложными о ней понятиями. Не зная ее истинных потребностей, законов, нравов, порядка, а нередко и языка, они являются чуждыми посреди всего отечественного». В связи с этим было высочайше повелено,

---

[1124] Милюков П. Н. Очерки русской культуры… Т. 2… С. 244.

[1125] Хотеенков В. Граф С. С. Уваров – министр и просветитель // Высшее образование в России. 1996. № 2. С. 2. 147-160.

[1126] Соколов Д.П. Исторический очерк преподавания Закона Божьего в светских учебных заведениях // Собрание педагогических статей о преподавании Закона Божия, отпечатанных (1861-1888 гг.) в различных повременных изданиях. СПб, 1900.

чтобы российское юношество от 10 до 18-летнего возраста воспитывалось всегда в России и чтобы юноши моложе 18 лет не были отправляемы для усовершенствования в науках в чужие края[1127]. Так проявлялись охранительные тенденции правительства Николая I.

В инструкции Министерства народного просвещения попечителям учебным округов в мае 1833 г. при обозрении училищных дирекций рекомендовалось обращать особенное внимание на состояние нравственной части учебных заведений. Теперь визитаторы должны были наблюдать, чтобы во время проведения уроков не происходило ничего «колеблющего или ослабляющего учение православной веры», проверяли посещение учащимися церкви в праздничные и воскресные дни, контролировали соблюдение способов «к предохранению учеников от пороков, дурных связей, неприличного обращения и знакомства, чтобы в книгохранилищах, назначенных для употребления учеников, не было книг противных вере, правительству и нравственности, и чтобы подобные сочинения отнюдь не обращались в их руках»[1128].

Как же на практике выполнялись правительственные установки?

В отчете об обозрении Архангельской, Вологодской и Олонецкой гимназий за 1834 г. попечитель Санкт-Петербургского учебного округа М. А. Дондуков-Корсаков указывал, что «Петрозаводская гимназия в отношении к нравственности и порядку заслуживает отличную похвалу. На поведение учащихся обращается бдительное внимание… Нравственное состояние Вологодской гимназии равно удовлетворительно, она пользуется во всем отношении доверием жителей», а нравственное направление наставников и юношества в этих учебных заведения «подает самые утешительные надежды, воспитанники видимо получают… оборот благоприятный народному

[1127] О воспитании российского юношества в отечественных учебных заведениях // ПСЗРИ. Собр. 2. Т. 6. Ч. 1. № 4364.

[1128] Алешинцев И.А. Сословный вопрос и политика в истории наших гимназий… С. 40-41.

духу»[1129]. Можно предположить, что такой бодрый дух отчетов служил, с одной стороны, желании приукрасить реальную ситуацию на местах, с другой – прикрытием недоработок самого начальства.

Важно отметить, что с этого времени в ежегодных отчетах смотрителей и директоров училищ был также введен раздел «Меры, принимаемые к улучшению состоянию учащихся в нравственном отношении». Например, в отчете по дирекции вологодских училищ за 1846/47 учебный год А. В. Башинского отмечалось, что в учебных заведениях Вологодской губернии для поддержания дисциплины употребляются меры внушения доброй нравственности, не разрешается оставаться в школах тем, кто «не подавал надежды к исправлению»[1130]. В отчете штатного смотрителя Петрозаводского уезда Г. С. Епифанова за этот же год указывалось, что «каждому ученику вменялось в обязанность под страхом наказания за несоблюдение: знать наизусть и понимать установленные в классах молитвы… Ходить в воскресные дни в церковь, где вести себя благопристойно, говеть ежегодно, соблюдать во всем чистоту, стричь волосы и прилично одеваться, вести себя благонравно, заниматься уроками на дому примерно, за этим повременно будет наблюдать старший ученик и сами преподаватели, посещая квартиры учеников и, наконец, знать местные власти и оказывать им должное почтение при встрече»[1131].

Изменение вектора в работе учебных заведениях в сторону дополнения образования воспитанием требовало пристального внимания проверяющих к нравственной части школ. При этом страдала часть образовательная. «Начальство менее всего заботилось о научных занятиях и о действительных успехах учеников в науках. Больше всего оно заботилось о хорошей нравственности учащихся, в условном и весьма узком смысле: внешняя религиозность, формальное благочестие, официальный патриотизм,

---

[1129] Общий отчет представленный его Императорскому величеству по Министерству народного просвещения за 1834 г. СПб., 1835. С. 39, 41.
[1130] ГАВО. Ф. 438. Оп. 3. Д. 1828. Л. 10.
[1131] НА РК. Ф. 422. Оп. 2. Д. 1/1. Л. 6 об-7.

смирение ума, чувства, воли, вот составные части того идеала, который имелся в виду у этих педагогов «николаевских» времен», – писал в своих воспоминаниях Н. Ф. Бунаков[1132].

Какие же формы и методы воспитательной работы применялись в учебных заведениях?

В первую очередь, содержание материала школьных уроков оказывало заметное воздействие на формирование личности учащихся. Предполагалось, что учебная работа позволит не только значительно расширить кругозор учащихся, но и выработать у них определенные этические нормы поведения, добродетели.

Преподавание Закона Божьего, как обязательного предмета, в русской школе в первой половине XIX вв. играло важное значение. В обществе, где религия пронизывала все стороны общественной и частной жизни, религиозные принципы легли в основу образования и воспитания. На уроках Священной истории Ветхого и Нового заветов учащиеся получали общие представление о великих державах древности. Учителя должны были вселять в учащихся страх Божий, благовение к православной церкви, объяснять обязанности истинного христианина и любовь к добродетели

Постижение основ православного вероучения за школьной скамьей, с одной стороны, играло функции мировоззренческой и этической дисциплины, наиболее понятной и приемлемой для широких масс. С другой, Закон Божий являлся одним из инструментов воспитательной работы в учебных заведениях страны, и рассматривался как средство «сохранения юношества от заразы вольнодумства». Социально-нравственные установки в содержании этого предмета в духе преданности самодержавию и религии укрепляли моральные основы юношества, воспитывали в них любовь к Отечеству, добропорядочность, гуманность.

Основу религиозного воспитания в учебных заведениях составляло ежедневное чтение Библии, участие школьников в молебнах, обязательной

[1132] Бунаков Н.Ф. Записки: моя жизнь. С. 8.

исповеди, причащении и т. п. По мнению правительства, присутствие при богослужении, слушание божественной литургии служило единственным источником утверждения нравственности и святых истин христианской веры. Учащиеся каждое воскресенье и праздничные дни становились на клирос и участвовали в церковном пении под руководством причта. Все это сопровождалось строгими наказаниями за неисполнение всех необходимых предписаний. Воспитание в государственных учебных заведениях базировалось на библейских ценностях. На практике это выражалось в постоянном цитировании Священных книг при проведении индивидуальных нравственных бесед, а также призывах к ученикам заниматься самосовершенствованием через размышления о Боге.

По мнению исследователя Русской православной церкви И. К. Смолича «для школьной политики и школьных реформ XIX в. в отношении религиозного обучения характерны следующие черты: признание необходимости религиозного воспитания и образования во всех типах школ…, расширение программы религиозного обучения в соответствии с мероприятиями светских властей по воспитанию «добрых подданных»[1133].

Большое внимание в учебных заведениях уделялось изучению «Русского языка», как носителя национальной культуры. Учащихся обучали умению правильно владеть государственным языком, что было крайне важно для будущих чиновников. Тексты письменных упражнений учебников по этому предмету составлялись на основе религиозных книг. Например, в одном из пособий в разделе «Упражнения» содержались только предложения нравственной и патриотической направленности, например, такие: «Добрый сын любит своих родителей. Прилежный ученик, рачительно исполняющий свои обязанности, получает заслуженную им похвалу. Империя Великая и могущественная, в пределах которой солнце не заходит, есть любезное мое Отечество»[1134]. В прописях для письма и чистописания помещались статьи

[1133] Смолич И.К. История Русской церкви (1700-1917)… С. 23.
[1134] Греч Н.И. Практические уроки грамматики. СПб., 1832. С. 8.

из книг «Подражания Христу и «Чтение четырех евангелистов». Переписывая такие высказывания к себе в тетрадь, ученики, как считалось, незаметно приобщались к нравственным добродетелям.

Знакомство с «Российской словесностью» осуществлялось при чтении произведений отечественных поэтов и прозаиков и также способствовало духовному обогащению воспитанников. На уроках литературы учителя вместе с учащимися разбирали оригинальные авторские тексты, уделяя большое значение нравственным поступкам героев, делая акцент на положительных характеристиках персонажей. Образование «благовоспитанного человека» предполагало знание иностранных языков: французского и немецкого. Учащиеся знакомились с иностранной литературой, как художественной, так и научной, что также оказывало определенное влияние на их нравственное развитие.

Особое значение в деле патриотического воспитания учащихся имел школьный исторический курс обучения. История «есть наука, образующая героев, есть пантеон славных мужей, славных народов и их добродетелей в пользу рода человеческого, хранящая великие дела для подражания и соревнования душ, способных чувствовать благо общественное и ценить истинные достоинства», – писал один из общественных деятелей начала XIX в. В. В. Попугаев в [1135].

Главная задача истории заключалась в передаче исторических картин жизни людей, которые бы вызвали в юношестве интерес к человечеству вообще и патриотическое чувство к своему государству и своему народу. Изучение истории постепенно приобретало нравственное влияние: «на умы и сердца народов, необходимые в системе общественного воспитания» и в содействии к распространению истины, мудрости и добродетели[1136]. Полагали, что со временем факты и хронология событий исчезнут из памяти учащихся, а вот формирование понятий о нравственном значении событий,

---

[1135] Попугаев В.В. О политическом просвещении вообще. СПб. 1804. С. 95-96.
[1136] Кайданов И.К. Руководство к полной всеобщей истории. СПб., 1826. С. 2.

при познании которых развивались бы представления о чести и достоинстве, долге и их обязанностях перед обществом могли оказать влияние на воспитание гражданских начал. Поэтому при обучении истории необходимо было обращать внимание на возбуждение в детях благородных нравственных чувств, в особенности глубокой и истинной любви к своему Отечеству. Изучая курс истории, учащиеся постигали правила, необходимые для человека и гражданина: альтруизм, гуманность, патриотизм. В качестве примера из учебного курса «История» можно привести тему «Сергий Радонежский и Троице-Сергиев монастырь», которая в этом отношении являлась благодатным материалом, вызывающим в юношестве патриотическое чувство к своему государству и своему народу.

Данная тема в школьных учебниках истории представлена в нескольких разделах: по истории Русской православной церкви (об основании Троице-Сергиева монастыря в XIV в.), в жизнеописании князя Дмитрия Донского (о благословении его Сергием Радонежским на Куликовскую битву), в событиях Смутного времени (осада монастыря) и в теме «Петр I» (восстания стрельцов 1682 и 1689 гг.)

Яркий образ Сергия Радонежского представлен в его биографическом описании только с положительной стороны. Особо подчеркивались его нравственные черты. О Сергии рассказывалось, что он обладает даром предвидения; что молитва его имела чудесную силу, что смиренный подвижник всегда вел суровую жизнь, полную всевозможных лишений и тяжких трудов; был прост и добродушен в обхождении с другими; с той же добротой обращался он как с нищими, питавшимися на счет монастыря, так и с князьями и боярами, делавшими богатые вклады. В рассказах по истории создания и развития монастыря демонстрировалось величие, богатство и могущество Лавры.

Авторы учебных пособий уделяли значительное внимание сюжету покровительства царствующих особ Троице-Сергиевой Лавре, который пользовался значительным покровительством Великих князей. Например, Н.

Г. Устрялов отмечал, что «Иван Грозный… не щадил ничего для обители…: построил в ней два великолепных собора, каменный дворец и несколько зданий для монашествующих; возвел игумена на степень архимандрита, дал ему несудимую грамоту, подчинил ведению его 11 монастырей, рассеянные по всей России, освободил от пошлин и оброка[1137].

Юных читателей впечатляли красочно представленные эпизоды осады Лавры. «Кроме надежды на поживу, поляки хотели овладеть монастырем и для того, чтобы лишить Василия Шуйского весьма крепкой опоры: обитель давала ему деньги, тревожила грамотами умы в Тушинском стане и высылала по дорогам вооруженных монахов для истребления самозванцевых шаек»[1138].

Во время стрелецких восстаний в 1682 г. и в 1689 г. монастырь стал оплотом самодержавной власти. Так, во время бунта 1682 г. Софья со всем царским семейством и двором, поспешно удалилась в Троицкую Лавру, которая «немедленно приняла вид крепости, ежеминутно ожидавшей неприятельского прихода: с раскатов выглянули заряженные пушки, по стенам расположились вооруженные царедворцы и дворяне, крепкие караулы заняли монастырские ворота, сторожевые отряды рассыпались по оврагам, для наблюдения за московскою дорогою... Охраняемая твердынями Лавры и верностью дворянства, уже в значительном числе собравшихся на защиту государей, Софья смело заговорила со стрельцами и в ответ на дерзкое требование о немедленном возвращении царей в Москву.. послала к ним... строгое повеление, чтобы они от смятения перестали, всполохов и страхования в Москве не производили…»[1139]

Так, уроки истории в школах России в первой половине XIX в. способствовали нравственному воспитанию гражданственности, патриотизма учащихся и формировали у них представление об исторических событиях прошлого. Учащимся пытались привить официальные представления о нравственных ценностях и поведенческих нормах граждан.

[1137] Устрялов Н.Г. Русская история. Ч. 1. СПб., 1855. С. 284-285.
[1138] Там же. С. 285.
[1139] Устрялов Н.Г. Царствование Петра Великого. Т. 2. СПб., 1858. С. 89, 90.

Еще одной формой воспитательной работы являлись *литературные беседы* в гимназиях на различные отвлеченные темы, в присутствии высших чиновников и дворянства губернии. На таких мероприятиях у воспитанников формировалось не только умение четко излагать свои мысли, участвовать в диалогических спорах, но и правильно общаться со старшими.

В Архангельской гимназии такие беседы были введены с 1836 г. после обращения директора гимназии И. Н. Скрыдлова к попечителю Санкт-Петербургского учебного округа М. А. Дондукову-Корсакову с просьбой о разрешении ученикам высших классов собираться 2 раза в неделю вечером в зале гимназии для чтения вслух произведения лучших российский поэтов и прозаиков, а также и собственные ученические сочинения. Такие чтения, по мнению дирекции, могли устранить «местное произношение» у уроженцев города Архангельска и «усовершенствовать учеников в правильном и приятном чтении вслух на различных языках»[1140]. Успешный опыт Архангельской дирекции привлек внимание высшего училищного начальства, и литературные беседы вскоре были распространены в других школах учебного округа.

Инициатором проведения литературных бесед в гимназиях Санкт-Петербурга стал попечитель М. А. Дондуков-Корсаков. По его предложению в 1840-1842 г. беседы были организованы для усиления успехов учащихся в Русской словесности. Проведение бесед проводилось в форме конкурса. По окончании учебного года 4 ученика VI-VII классов от каждой столичной гимназии в зале университета зачитывали свои сочинения на заданные им по разным предметам темы. Затем эти работы поступали к университетским профессорам на просмотр и наиболее отличившиеся награждались книгами и похвальными листами. Публичное представление лучших сочинений предполагало возбудить соревнование не только между учащимися, но и между учителями и директорами школ. Первоначально ученикам предлагались темы сочинений по 4 предметам: русской словесности,

[1140] ЦГИА СПб. Ф. 139. Оп. 1. Д. 45509. Л.1.

всеобщей истории, алгебре и латинскому языку, позже, в 1842 г., история и алгебра были заменены геометрией и греческим языком. Как правило, на каждый предмет назначались по 4 премии (всего 16 премий). Конкурс заканчивался торжественным актом, где зачитывался общий отчет о состоянии всех Санкт-Петербургских гимназий и вручались награды за лучшие сочинения[1141]. С 1841 г. литературные беседы для учеников VI-VII классов были введены не только в Санкт-Петербургском учебном округе, но и в других учебных округах.

В ноябре 1845 г. были учреждены «Правила литературных бесед при гимназиях Санкт-Петербургского учебного округа»[1142]. По этим «Правилам» беседы проводились 2 раза в месяц в присутствии директора, по 1,5 часа, в свободное от других занятий время, под руководством старшего учителя словесности, в присутствии директора, инспектора, учителей. Для каждой беседы ученики готовили одно или два сочинения на свободные темы и поочередно публично их представляли. В конце 1840-х годов из Петербурга в учебные заведения стали присылать примерный список тем, состоящий из нескольких разделов: краеведческого (по истории края), описательного (об окружающей среде) и нравственного (о добре и зле). Все письменные работы предварительно просматривались старшим учителем словесности. На него возлагалось главное руководство за ходом проведения бесед.

После прочтения сочинения между автором сочинения и слушателями устраивались диспуты. Присутствующие ученики высказывали свое мнение о достоинствах или недостатках сочинения товарища. Замечания касались: «выбора темы, плана и авторской точки зрения, верности и полноты сообщаемых сведений; содержания, а также использования языка и слога[1143]. При этом сочинитель обязан был защищаться и отстаивать свой способ изложения материала. По окончании взаимного обмена мнений между учениками учитель русской словесности разъяснял спорные вопросы, сам

[1141] Шмид Е. К. История средних учебных заведений… С. 320.
[1142] РГИА. Ф. 733. Оп. 24. Д. 128.
[1143] РГИА. Ф. 733. Ф. 24. Оп. 24. Д. 128. Л. 3.

делал подробный разбор и ставил оценку ученическому сочинению: «объяснить степень справедливости сделанных возражений… и подробный разбор и оценку прочитанного сочинения и исправить оказавшиеся погрешности»[1144]. Мнение проверяющего о достоинствах сочинения излагалось письменно.

Директор, инспектор и присутствующие учителя также могли сделать свои замечания и дать советы. Сочинения, прочитанные на литературных беседах, представлялись попечителю учебного округа сначала по полугодиям, затем в конце каждого учебного месяца, с приложением всех черновых записей сделанных замечаний, чтобы можно было таким образом видеть весь ход работы ученика и оценить надлежащим образом сам способ ведения литературных бесед.

Циркуляры попечителя по проверке сочинений состояли из нескольких разделов. Сначала приводились общие данные о количестве прочитанных сочинений по каждой гимназии в округе, затем следовала их характеристика и оценка и в заключение – указания и предложения исходя из отмеченных замечаний. Мнение высшего училищного начальства о достоинствах сочинений воспитанников прочитывалось на педагогическом совете гимназии, а также на собрании воспитанников двух высших классов гимназии. Сочинения, удостоенные одобрения попечителя, вносились в особый альбом, который хранился в гимназической библиотеке «как памятник успехов воспитанников в отечественном языке и для возбуждения соревнования учащихся»[1145].

Интересно, что в 1853 г. «Правила» 1845 г. были дополнены методическими рекомендациями о способах составления сочинения, а именно: как правильно выбрать тему и составить план. Особое внимание обращалось на грамотность и стройность изложения материала. Новые «Правила» учащимся рекомендовали темы по русской истории и литературе:

[1144] Арепьев Н. Литературные и читательные беседы // Русская школа. 1891. № 7/8. С. 82.
[1145] Там же. Л. 5.

«обработка подобных тем полезна и в том отношении, что ученик вместе с тем знакомится с отечественной историей, с нравами и обычаями предков и с древним русским языком», а темы по истории русской литературы знакомили воспитанников с сокровищами родного языка, «учили его сознательно любить свою Родину и из ее же недр извлекать пищу для своего любознательного ума»[1146]. Кроме собственных сочинений на избранные темы на литературных беседах допускались упражнения в переводах с иностранных языков. Переводить разрешалось только произведения классических авторов по выбору преподавателей. Например, в Вологодской гимназии ученики, изучающие немецкий язык, занимались «переводами серьезных сочинений и представляли их для прочтения на литературных беседах»[1147].

Литературные беседы возбуждали в учащихся литературные наклонности, любовь к литературе, развивали умение владения русским языком и пером, потребность чтения, литературный вкус. «Тут юные литераторы впервые ощущают то радостное чувство славы и всеобщего одобрения»,[1148] – писал директор училищ А. В. Башинский в своем отчете за 1838 г. Как вспоминал Н. Ф. Бунаков: «Ученики много читали… довольно дельно и не без изяществ писали сочинения довольно серьезного характера. Были и поэты, вернее стихотворцы, бойко владевшие стихом... Большинство обладало литературным вкусом, хорошо понимая и чувствуя неизмеримую разницу между романами Ф. В. Булгарина и произведениями Н. В. Гоголя; между стихами В. Г. Бенедиктова и М. Ю. Лермонтова, между «Юрием Милославским» и «Капитанской дочкой», между историческими драмами Н. В. Кукольника и «Борисом Годуновым»[1149].

[1146] Правила для литературных бесед в гимназиях Санкт-Петербургского учебного округа, утвержденные попечителем Санкт-Петербургского учебного округа 22 марта 1853 г. СПб., 1853. С. 5.
[1147] ГАВО. Ф. 438. Оп. 3. Д. 1628. Л. 6.
[1148] ВГВ. 1839. № 1.
[1149] Бунаков Н.Ф. Записки: моя жизнь… С. 16-17.

Архивные документы свидетельствуют, что в 1846/47 учебном году в 9 гимназиях Петербургского учебного округа было проведено 27 литературных бесед, а в адрес попечителя М. Н. Мусина-Пушкина поступило 150 сочинений (См. Таблицу).

Количество литературных сочинений, присланных попечителю Санкт-Петербургского учебного округа из Архангельской, Вологодской и Олонецкой гимназий за 1846 – 1852 гг.[1150]

Учебный год	Всего сочинений по округу	Архангельская гимназия	Вологодская гимназия	Олонецкая гимназия
1846/47	150	18	16	15
1847/48	167	14	12	13
1848/49	123	16	8	9
1849/50	223	16	16	10
1850/51	169	17	18	12
1851/52	260	17	20	12

Среди них 18 работ из Архангельской гимназии: сочинения «О зырянах» ученика Суханова, «Санкритское предание» – Плотникова, «Соловецкий монастырь» Шестакова и стихотворение «Река Иордан» – Четверухина и др. 16 сочинений – из Вологодской гимназии: «О рыцарстве и его падении» – Дозе, разбор элегии К. М. Батюшкова «На развалинах замка в Швеции» – Новицкого, «Устюг» – Мерцалова, «Исторический взгляд на столицу» – Герасимова и др.

15 сочинений поступило из Олонецкой гимназии и 16 – из Вологодской гимназии. В замечаниях попечителя отмечалась небрежность написания сочинений: «так нечетко и неразборчиво, что с трудом можно было прочитать». М. Н. Мусин-Пушкин предложил учителям словесности научить

[1150] Табл. сост.: РГИА. Ф. 733. Оп. 24. Д. 128. Л. 21-40.

учеников письменно выражаться отечественным языком свободно, правильно и связно, а «для полного успеха в языке»: 1) Тему сочинения ученик должен сам обдумать, 2) Лучше всего задавать небольшие темы, т. к. «обширные темы не годятся для учеников», 3) Обязательно прилагать план сочинений, 4) Записывать замечания на полях[1151].

К проверке ученических сочинений, как правило, привлекали преподавателей Санкт-Петербургского университета А. В. Никитенко, А. С. Воронова, П. А. Плетнева и инспектора П. П. Максимовича. Относительно письменных работ в общих замечаниях профессоров отмечалось, что «молодые люди, судя по сочинениям, видимо, склоняются к основательному и нравственному способу изложения, избегают литературных блесток, ложного насыщенного красноречия, затейливых фраз и афоризмов… Сочинения воспитанников Олонецкой гимназии большей частью составлены описательно… Желательно, чтобы воспитанники для разнообразия выбирали темы исторические и литературные…»[1152].

Следует подчеркнуть, что среди лучших сочинений, отмеченных проверяющими в 1846/47 учебном году, были признаны работы учащихся Вологодской и Олонецкой гимназий. Более слабыми оказались работы воспитанников Архангельской гимназии. Сочинения учащихся Архангельской гимназии на исторические темы «посредственные, они написаны не по источникам, лишены всякой критики и заключаются только в переложении своими словами или много что в извлечении из известных историков»[1153].

Очевидно, что авторство было широко распространено в гимназиях. Например, произведения школьных сочинителей и стихотворцев Вологодской гимназии печатались на страницах «Вологодских губернских ведомостей»[1154] и публиковались в столичных изданиях периодической

[1151] Там же. Л. 10 – 10 об.
[1152] Там же.
[1153] Там же.
[1154] Андреевский Н. Воспоминания о пребывании Петра Великого в Вологодской губернии // ВГВ. 1840. № 1; Протопопов П. Нашествие Шемяки на Вологду и северные страны Вологодской губернии // ВГВ. 1843. № 28.

печати: журналах «Маяк»[1155], «Москвитянин»[1156], прибавлений к «Журналу Министерства народного просвещения»[1157] и др.

В то же время работы учащихся гимназий имели большое значение в деле краеведческой работы. При подготовке своих сочинений воспитанники занимались сбором документальных материалов по истории края. Кроме того, публичное чтение лучших сочинений и стихов украшало проведение публичных актов и торжественных собраний в гимназии.

С 1852 г. в гимназиях были введены читательные беседы с целью научить учащихся говорить по-русски не только правильно, но и с «некоторым изяществом». На таких беседах воспитанники прочитывали вслух отрывки из произведений русских писателей и прозаиков. Особое руководство по проведению читательных бесед в учебных заведениях были составлены экстраординарным профессором Петербургского университета И. И. Срезневским.

Практика проведения литературных и читательных бесед продолжилась и в уездных училищах, только в более упрощенном варианте под названием «Практические упражнения». Они предполагали краткое переложение учащимися прочитанных ими различных текстов из журналов и произведений художественной литературы отечественных авторов. По мнению училищного начальства, такая деятельность приучала бы учеников к легкости, ясности и точности выражений связных мыслей. Советы по проведению практических упражнений были изложены «Правилах о практических упражнениях в русском языке в Петрозаводском уездном училище в 1851 г.[1158]

Как отметила современный исследователь О. В. Сосновская, литературные беседы как средство нравственного развития учащихся, с

[1155] Красильников А. Окрестности Устюга // Маяк. 1844. Т. 14. № 4; Муромцев И. Глеб Васильевич, князь Белозерский К. // Маяк. 1843. Т. 8. С. 26-31.
[1156] Бунаков Н.К. Н. Батюшков // Москвитянин. 1855. № 23/24.
[1157] Фаворский И. Грозный в Вологде // ЖМНП, 1845. Ч. 48; Хохлов И. Киев // ЖМНП. 1844. Ч. 42. С. 968-967; Царевский В. Крестный ход в Устюге во время холерной эпидемии 1848 г. // ЖМНП. 1849. Прибавление. С. 7.
[1158] НА РК. Ф. 423. Оп. 3. Д 1/1. Л. 11.

одной стороны, «стали составной частью внеклассной работы с гимназистами, поэтому в первую очередь были призваны решать учебные задачи, но несколько на ином уровне, чем в классе. С другой стороны, литературные беседы, в работе которых наравне с учащимися могли принимать все желающие, явились продолжением кружков литературного чтения, распространенных в это время среди образованных слоев общества тех лет…[1159]

В гимназиях создавались школьные хоры, хотя специального обучения пению не проводилось. Интересно, что попытка организации певческого класса была сделана в Вологодской гимназии и уездном училище еще в 1805 г.[1160]. Как правило, дети пели под руководством законоучителей во время богослужений в церкви, а также на торжественных гимназических актах. «Мы очень любили попевать, и в зимние вечера наш пансионский зал частенько оглашался излюбленными: «Под вечер осенью ненастной» и особенно «То ли дело жизнь студента»… или «Вот в воинственном азарте воевода Пальмерстрон», – вспоминал Л. Ф. Пантелеев[1161].

Особые формы воспитательной работы применялись к воспитанникам благородных пансионов при гимназиях. Для них организовывались специальные занятия по музыке, танцам и гимнастике.

Большая роль в деле воспитания отводилась учителям, которые обязаны были читать нравственные наставления воспитанникам, беседовать с ними «о таких предметах, которые могут расположить сердце их к добродетели, а души к благомыслию». Приучать детей к учтивости, опрятности и исправности, ко всякому добру, к трудолюбию, «показать им путь к наукам, дать почувствовать их цену… положить в них твердые основания честности и благонравия, исправить и преодолеть в них худые склонности»[1162].

[1159] Сосновская О.В. От катехизической беседы к учебному диалогу // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета IV: Педагогика. Психология. 2005. Вып. 1. С. 59-60.
[1160] ГАВО. Ф. 438. Оп. 3. Д. 68.
[1161] Пантелеев Л.Ф. Из воспоминаний о гимназии 50-х годов. С. 128.
[1162] Устав учебных заведений, подведомых Университетам.

Выполняя эту сложную задачу, педагоги постоянно проводили беседы с учащимися, а инспектора и директора во время различных торжеств, публичных испытаний читали речи о нравственности, призывали воспитанников к уважению, патриотизму, любви к Отечеству. Педагоги объясняли обязанности учащихся к государю и властям, родителям, наставникам, укореняли в них глубокую преданность императору, повиновение, привязанность к родителям, признательность к наставникам, почтительность к старшим, готовность служить Отечеству и бескорыстно помогать людям. Например, в Кадниковском уездном училище Вологодской губернии в 1846 г. на публичном акте по случаю окончания года учителем русского языка была прочитана рассуждение «О важности развития душевных способностей», а в 1854 г. директор Вологодской гимназии А. С. Власов на торжественном акте по случаю окончания учебного года произнес речь на тему «О воспитании, а в особенности о доверенности учащихся к наставникам»[1163].

Однако эти призывы чаще всего воспитанниками не воспринимались. «На тему благонравного поведения, благочестия, смирения, повиновению властям инспектор [Ф. Н. Фортунатов. – *Е. К.*] то и дело говорил ученикам речи и проповеди, – писал Н. Ф. Бунаков, – и в классах, и в гимназическом зале, и в церкви речи и проповеди красивые и трогательные, с возгласами, с жестами, даже со слезами на глазах… А. В. Башинский [директор Вологодской гимназии. – *Е. К.*]… тоже говорил бестолковые и нескладные речи о преимуществах благонравия перед ученостью, о великом значении православия и самодержавия… Благонравное поведение и очевидные задатки православного благочестия и официального патриотизма были выше всего»[1164].

Важным фактором в воспитательной работе учебных заведений являлась система поощрений и наказаний, которая служила для исправления негативного поведения учащихся. Приучение к дисциплине, к подчинению властям и установленным нормам формировало поведение подданных в их

[1163] ВГВ. 1846. № 51. ВГВ. 1854. № 52.
[1164] Бунаков Н.Ф. Записки: моя жизнь. С. 9.

взрослой жизни. Например, в «Правилах для учащихся народных училищ» (1807 г.) говорилось, «Кто в юности учителю не послушен, тот, возмужавши, и власти гражданской обыкновенно не покоряется, и для сего ученику подлежит в училище к повиновению благовременно привыкать»[1165].

Глава 2 «Об училищной строгости» в «Руководстве учителям I и II разрядов» Ф. И. Янковича де Мириево посвящалась наказаниям учащихся. Учеников разрешалось наказывать за умышленные проступки, за нарушение «Правил для учащихся», за обиды, соблазны, за непочтение, упрямство и непослушание к начальникам, за неприличные слова и речи.

В Руководстве предусматривались гуманные виды наказаний учащихся: «исключать проступивших из игры на гульбище и не допускать их до прочих училищных увеселений. Не давать садиться в училище, пока все прочие не сядут, а между тем велеть им стоять им у порога с книгами своими мальчику с шапкой, а девочке с перчатками в руках. При выходе же выпускать последних, давая им чрез то знать, что они чрез проступок свой потеряли доверенность учителя»[1166]. Все телесные наказания: ремни, палки, плети, линейки и розги, пощечины, толчки и кулаки, дранье за волосы и уши, ставить учащихся на колени – запрещалось. Самым строгим наказанием являлось исключение из школы.

Учитель мог также использовать увещания, устыжения, предостережения и угрозы. Предполагалось, что увещания должны быть краткими, смотря по свойству проступка, усиливаться выдержками из Священного писания и соединяться с обещаниями награждения. Устыжением считался выговор от учителя или начальника при открытом испытании или осмотре училища. Педагогам сообщениями о возможном наказании предостерегали учащихся от опасности и вредных последствиях их проступков[1167].

[1165] Правила для учащихся народных училищ. СПб., 1807. С. 5.
[1166] Там же. С. 105.
[1167] Янкович де Мириево Ф.И. Руководство учителям I и II разрядов. С. 102.

Школьный Устав 1804 г. также признавал главной формой наказания учащихся стыд, а не розгу и определял широкий спектр поощрений для благовоспитанных учащихся. За благонравное поведение, хорошую и отличную учебу директором или инспектором объявлялась похвала и одобрение, а также публичное представление имен отличившихся учеников на общих собраниях и запись их фамилий на красную доску. По итогам учебного года, как правило, на каждый класс определялось не более 2 или 3 награжденных. Воспитанникам вручались книги Священного Писания или духовного содержания и похвальные листы, а также полезные для учения вещи: аспидные доски, счеты и др. Выпускники гимназий, удостоенные похвальных аттестатов, могли занимать места служащих высшего разряда.

Тем не менее официальное запрещение телесных наказаний соединялось с неофициальным разрешением наставникам употреблять их в исключительных случаях. Как правило, методы убеждения во всем своем многообразии не использовались и нередко заменялись жесткие мерами.

Сохранившиеся архивные документы: рапорта директоров, смотрителей училищ, а также письменные жалобы родителей учеников, содержат многочисленные факты применения телесных наказаний в учебных заведениях Европейского Севера России.

Например, в августе 1804 г. в адрес директора Вологодской дирекции училищ К. С. Станиславского поступило донесение смотрителя Устюжских училищ В. Протопопова о неблаговидном поведении учителя, который «приходил пьян и бил учеников без воли родителей и без моего согласия», наказывал учеников за неуспешность на уроках, а во время беседы с ним «почитал содеянное, не стоящим внимания, и отзывался мне презрительно и грубо»[1168]. В ответ на это директор сделал распоряжение: «за грубые и несовместимые с учением поступки и оказанную против вас грубость» в присутствии учителей объявить учителю строгий выговор и объяснить ему: «Дабы он не занимал звание учителя постыдным пьянством…, дать ему

[1168] ГАВО. Ф. 438. Оп. 3. Д. 132. Л. 24.

читать руководство изданного для учителей, где сказано какое должен иметь учитель поведение, и Устав… Если от дурного поведения не исправится тогда уже не минуемо вынужден представить произошедшее высшему начальству»[1169]. Здесь следует обратить внимание, что в приказе директора нет ни слова о незаконном применении телесных наказаний, а только замечания по поводу нетрезвого состояния учителя и грубости в отношении смотрителя.

В 1807 г., в Сольвычегодском училище Вологодской губернии был высечен восьмилетний солдатский сын Прокопий Логинов. Труп ученика был покрыт синими пятнами и рубцами от сечения розгами. Мальчик вскоре умер. Городничий, узнав о случившемся, произвел следствие, на котором отец умершего сообщил, смерть сына последовала от сечения его в училище на полу розгами, сначала по приказанию учителя учеником И. Алексеевым, а потом и самим учителем. На допросе учитель показал, что он сек, ученика прутиком из веника за незнание урока, за не хождение в школу и за невыученные уроки. Дело было передано в Уголовную палату, которая выяснила по проведенному следствию городничего и по отзыву самих родителей, что смерть мальчика была естественна, а не от сечения розгами и определила: «по неимению виновников, дело не возбуждать». Как утверждал историк Вологодской дирекции училищ Н. К. Отто: «Это ужасное дело осталось на совести учителей. Училище после того почти опустело, и оставшиеся ученики были так запуганы и забиты, что отвечали шепотом и дрожали при виде учителя»[1170].

О незаконном применении телесных наказаний в учебных заведениях Московского учебного округа в марте 1811 г. министру народного просвещения А. К. Разумовскому сообщил визитатор С. П. Берг, ревизировавший Вологодскую губернию. Он, в частности, писал, что битье учащихся розгами совершается «с ожесточением и без согласия родителей

[1169] Там же. Л. 25.
[1170] Отто Н.К. Вологодская дирекция училищ… С. 42.

или родственников, а как сие противно доброму воспитанию»[1171]. С. П. Берг убедительно просил министра вникнуть в эти обстоятельства и предупредить «под опасением отрешения от должностей» директора, смотрителей, учителей, содержателей пансионов «исправлять детей моралями кратчайшими, каковы прописаны Уставом п. 42, 44»[1172].

А. К. Разумовский в свою очередь направил предписание П. И. Голенищеву-Кутузову, попечителю Московского округа: разобраться и сообщить о каждом случае применения телесных наказаний. В ответ на это из округа пришел ответ, что жалоб от родителей от детей не поступало, а по округу сделано «строжайшее предписание открыть виновников, если таковые сыщутся»[1173]. Отметим, что указания попечителя С. С. Уварова о строгом наблюдении за учащимися и запрете применения телесных наказаний в дирекциях училищ Санкт-Петербургского учебного округа были отправлены в феврале 1814 г.[1174]

Видимо, распоряжения министра народного просвещения возымело действие. В отчете профессора Санкт-Петербургского университета В. Кукольника по обозрению училищ Санкт-Петербургской губернии в 1815 г. сообщалось, что «для поддержания учеников в повиновении и возбуждении в ленивых прилежания учителями не предоставлено иных средств, как только увещевать их и заставлять во время класса стоять некоторое время на особенном месте на виду прочих учеников, оставлять по отбытии прочих на некоторое время в классе, и на последнее сноситься с родителями или теми, кто заступил на место родителей»[1175].

В Уставе 1828 г. были разработаны конкретные меры поощрений и наказаний учащихся. Сохранялось награждение лучших учеников книгами и благодарственными письмами, а отличнейшим учащимся по окончании обучения вручались золотые и серебряные медали.

[1171] РГИА. Ф. 733. Оп. 86. Д. 270. Л. 1.
[1172] Там же.
[1173] ГАВО. Ф. 438. Оп. 3. Д. 53. Л. 5.
[1174] Кизель Н.К., Мазюкевич В.И. Историческая записка Архангельской Ломоносовской гимназии… С. 34.
[1175] РГИА. Ф. 733. Оп. 20. Д. 164. Л. 15.

По сравнению с поощрениями система наказаний была более разнообразной и предусматривала как гуманные, так и жесткие методы исправления. За непослушание и неблагопристойность учащимся применялись: «увещание», замечание и выговор. При этом выговор не должен был заключать в себе никаких бранных выражений. В качестве мер за более серьезные проступки наказывали запрещением участвовать в играх, пристыжением, лишением высшего места в классе, выставлением имени виновного ученика на черной доске, в дневное время оставляли на несколько часов в запертом классе с уведомлением родителей или опекунов о причинах применения этой меры[1176]. Такие наказания могли назначить учащимся инспектор, директор или педагогический совет школы.

В некоторых учебных округах разрабатывали свои методы наказаний учащихся. Так градация наказаний, предложенная в руководстве Харьковским университетом была следующей: выговор учителя, стояние у порога, лишение места в порядке старшинства по успехам, выговор директора, сидение на задней скамейке до выслуги, извещение родителей о неисправности ученика, вторичное извещение, оглашение имени дурного ученика по всем классам, перевод учащихся в низший класс, извещение родителей об исключении, в случае неисправления, исключение, за выдающиеся проступки применять иногда отдачу в военную службу[1177].

В истории российских гимназий были и такие случаи, когда за незначительную провинность пансионеры лишались на три дня на хлеб и воду и питались только тем, что посылали им родители, а «порции на наказанных, конечно, выписывались ежедневно, и стоимость их шла в карман эконому»[1178]. Л. Ф. Пантелеев из Вологды вспоминал, что «в углу и

[1176] Устав гимназий уездных и приходских училищ.
[1177] Алешинцев И.А. История гимназического образования… С. 96
[1178] Мамонтов И. На школьной скамье 75 лет назад // Прошлое и настоящее. Л., 1924. С. 43.

на коленях мы искупали свои грехи в букве «Ь» или в неумении показать на истрепанной карте, где течет Везер»[1179].

Устав 1828 г. официально разрешил «по необходимости» прибегать к телесным наказаниям, если все другие меры были употреблены и не достигли желаемого результата. Определить такое наказание могли только директор или Совет гимназии (ст. 205). Наказание розгами допускалось в трех первых классах гимназии, в высших, за серьезные проступки ученики исключались из гимназии. Например, на одном из заседаний педагогического совета Архангельской гимназии в феврале 1835 г. было принято решение о наказании «для обуздания шалунов» – учащихся Глазова, Добрякова и Белова, за то, что они «прибили ученика Митрофанова». В решении Совета было записано: ученику Глазову, который и «прежде неоднократно был замечен в шалостях…, показал своевольство и дерзость», полагалось 10 ударов розог, а учащимся Добрякову и Белову «сделать строжайшее внушение – вести себя скромно и благопристойно». При этом объявлялось «всем ученикам гимназии, чтобы они в классах… вызывались на ответы подъемом рук своих, не писали на столах, ни на стенах мелом или карандашом и не резали оных своим ножичком»[1180].

Сохранившиеся архивные документы иллюстрируют использование телесных наказаний и в уездных училищах. «Классические журналы Педагогического Совета Каргопольского уездного училища» за 1830-1840-е годы содержат протоколы педагогических советов училища, в решении которых назначались наказания воспитанников. Например, в декабре 1832 г. по решению Совета за леность и шалость были наказаны в I классе из 12 учеников – 3, во II классе – из 8 – 6, в приходском училище за леность и замечания в своеволии из 21 ученика – 2 наказали по воле родителей[1181]. При этом в «Ведомости об успехах и поведении» все эти ученики отмечались «тупыми, ленивыми, самовольными, шалунами». На таком же заседании

[1179] Везер – река в Германии; Пантелеев Л.Ф. Из воспоминаний о гимназии 50-х годов. С. 124.
[1180] ГААО. Ф. 127. Оп.1. Д. 17. Л. 5.
[1181] НА РК. Ф. 17. Оп. 2. Д. 2/8. Л. 298-304.

Совета в июне 1841 г. рассматривался вопрос о мерах «к исправлению нравственных успехов» ученика А. Сухова, который кроме чистой самовольной отлучки от училища замечен в краже книги своего товарища и в доме купца А. Носова. Совет определил: ученика А. Сухова «за дурное поведение и нерадение к учению исключить из училища»[1182].

Особую оговорку следует сделать по поводу самого сурового вида наказаний – исключения из школы, которое постигало виновных преимущественно за воровство и грубость начальству, в исключительных случаях она применялась к жалобщикам в высшие инстанции на плохие условия обучения и содержания.

Чаще всего при рассмотрении фактов применения телесных наказаний училищное начальство принимало сторону учителя, сохраняя честь педагогической корпорации. Так житель г. Онеги П. Лытков в октябре 1838 г. написал письмо директору архангельских училищ о том, что учитель Н. В. Талицкий «за незнание уроков или может за не понятие часто наказывает учеников розгами без жалости, от чего ослабевает их понятие в науке» и просил директора прекратить телесные наказания малолетних. Так 12 октября сын Николай (11 лет) пришел из училища домой с опухшим лицом и рассказал, что учитель Н. В. Талицкий «таскал его за виски и щипал за лицо» [1183]. При расследовании случившегося, в рапорте Н. В. Талицкого выяснилось, что ученик «Николай Лытков постоянно замечен в упорном нерадении к учению,… состоял в числе слабых учеников по успехам, украл у товарища перочинный ножик», а его отец пришел в класс и самовластно приказал своему сыну покинуть училище без объяснения причин. Ученик Н. Лытков за нерадивость никогда не подвергался телесным наказаниям, его только ставили на колени, учитель его не бил, ученик сам упал и повредил себе щеку. В данной ситуации директор встал на сторону учителя и потребовал

[1182] ГАВО. Ф. 1955. Оп. 1. Д. 9. Л. 15 об.
[1183] ГААО. Ф. 127. Оп. 1. Д. 21. Л. 306-308.

исключить ребенка из школы. В ноябре 1838 г. Совет училища решил исключить Н. Лыткова «за нерадение и дурное поведение и за нарушение отцом училищного благочиния и порядка, тишины и спокойствия в классах во время преподавания учения»[1184].

Как правило, учеников наказывал школьный сторож в присутствии инспектора и в специально отведенном месте (комнате сторожа). Так, Крашенинников, выпускник одной из гимназий Санкт-Петербургского учебного округа, писал в своих воспоминаниях, что для операции сечения состоял гимназический палач (он же и церковный сторож) Сергей. «Сек он всегда с улыбкой … и всегда в присутствии инспектора, самолично считавшего удары. Публично, однако ж, вообще не наказывали и свидетелями экзекуции могли быть те только ученики, которые, как признанные одновременно виновными, обязывались ожидать своей очереди. Виновного… двое сторожей держали наказуемого за голову и за ноги, а Сергей наносил удары, с сознанием своего в этом деле уменья. Невольные свидетели обязаны были раздеться, как и первый очередной, догола и ждать своей очереди, стоя навытяжку. Особенно крикливым ученикам вкладывали в рот… платок. Но и боялись же ученики этой экзекуции!»[1185]. С 1838 г. наказание розгами было введено для всех гимназистов.

В сельских приходских училищах учеников наказывал сам учитель. Если же наказание проводилось с особой жестокостью и наносило вред здоровью ученика, то такие случаи становились предметом рассмотрения в губернских палатах государственных имуществ. Так в ноябре 1838 г. в Олонецкой палате государственных имуществ рассматривалось дело о жестоком обращении учителя П. Фролова с учеником Повенецкого приходского училища (мальчик был высечен розгами). Однако при «дознании» выяснилось, что обращение учителя с мальчиками нельзя признать жестоким, а «исправительные меры в школе не противны училищным правилам». П. Фролову было предложено

[1184] Там же. Л. 309.
[1185] Мамонтов И. На школьной скамье 75 лет назад. С. 44-45.

«удерживаться от наказания розгами» и предоставлять это право уездному казначею[1186].

В 1842 г. было составлено «Наставление для управления сельскими приходскими училищами в селениях государственных крестьян», где были определены условия применения форм и методов наказаний учеников. Статьи Наставления указывали, что «ленивые и худого поведения ученики, смотря по степени их вины, при недействительности увещаний и выговоров, наказываются наставником: постановлением к доске на колени и задержанием в училище». Особо оговаривалось применение телесных наказаний, которые допускались только с согласия родителей «за совершенную леность и безнравственность». Если уже все меры к исправлению воспитанников были безуспешны, ученики, то в таких случаях ученики с согласия окружного начальника исключались из школы[1187].

Мнения общественности по поводу применения телесных наказаний в российских учебных заведениях разделялись. Одни считали, что розги – необходимый путь к послушанию, воспитанию смирения и покорности. Министр народного просвещения А. С. Шишков полагал, что «ребенок, уверенный, что начальники ни в коем случае не смеют его наказывать, привыкает к непокорству, которое возрастает с летами. Он мечтает о правах своих, преждевременно почитает себя зрелым человеком и таким образом приучается судить и рядить о предметах, далеко превышающих его понятия. Министерство неоднократно обращало внимание на дурные последствия, рождающиеся от решительного запрета всякого телесного наказания…, а потому полагаю, что оные могут быть допущены с некоторыми изменениями в общем Уставе»[1188]. Впоследствии эти меры одобрил Комитет учебных заведений.

[1186] НА РК. Ф. 17. Оп. 5. Д. 7/14. Л. 183-183 об.

[1187] Наставление для управления сельскими приходскими училищами в селениях государственных крестьян. СПб., 1843. С. 9.

[1188] Чернета В., Яковлев Б. Предтеча (Адмирал А. С. Шишков – человек, ученый, министр) // Высшее образование. № 4. С. 139.

Жесткая форма наказаний учащихся одобрялась церковью, которая учила, что «природа человека греховна», а телесные наказания способствуют спасению души. Считалось, что средства школьной дисциплины состоят не в том, чтобы наблюдать за внешним спокойствием учеников, за тишиной в классе, за соблюдением школьного порядка, за прилежностью детей. Школьная дисциплина должна заняться правильной постановкой воспитания, научить воспитанников владеть собою, ограничивать себя, быть терпеливым, при этом воспитание не мыслилось иначе, как с использованием розог. Наказание розгами подразумевалось не как возмездие за проступок, а как предупредительное средство против укоренения порочных наклонностей и являлось средством воздействия физической боли на чувства ребят.

Сторонниками телесных наказаний были и сами педагоги, которые нередко к ним прибегали. Одни рассчитывали на возбуждение в наказываемых учениках стыда и страха перед будущими более тяжкими наказаниями в случае не исправления, другие жестоко били детей. В учебных заведениях постепенно усиливались карательные меры по отношению к учащимся. «В числе школьных наказаний розга была царицей», – писал историк гимназического образования И. А. Алешинцев. Ее частое употребление он связывал с обычаем, бытовавшем в русском обществе, кроме того, розга являлась самым простым средством наказания. Битье учащихся розгами стали обычным явлением в жизни российских гимназий. Наряду с розгами в младших классах некоторых гимназий довольно часто практиковалось битье ученика по ладони деревянной линейкой или так называемым «квадратом», т. е. четырехгранной линейкой. Технически оно называлось «дать лапу»[1189].

Многие общественные деятели, ученые, педагоги полагали, что уничтожение телесных наказаний необходимо. Дети, воспитывающие в страхе наказания, в самом малолетстве делают запрещенное очень скромно и

[1189] Алешинцев И.А. История гимназического образования... С. 201, 203.

боятся следующее за этим наказание, но с возрастом они более свыкаются с наказаниями и начинают похваляться своими проделками. Грубое воздействие возбуждало строптивость и, наоборот, приводило к ожесточению. В связи с этим, телесные наказания были бессмысленны и вредны. Вместо розог и оплеух предлагалось терпеливо развивать отвращение к пороку и объяснять детям, что человек – нравственное существо. Известный в первой четверти XIX в. историк-методист по школьному обучению Я. С. Кулжинский писал, что целью школьного образования должно быть воспитание гуманизма, альтруизма[1190].

Противником наказаний был А. С. Пушкин, который в своей записке Николаю I в 1826 г. отмечал, что «надлежит заранее внушить воспитанникам правила чести и человеколюбия; не должно забывать, что они будут иметь право розги и палки над солдатами; слишком жестокое наказание делает из них палачей, а не начальников»[1191]. Следует подчеркнуть, что об этом предупреждал штатных смотрителей уездных училищ и директор Олонецкой гимназии М. И. Троицкий в сентябре 1838 г. Он, в частности писал, что учителя для исправления детского упрямства применяют меры, не соответствующие Уставу 1828 г., и призвал учителей к «благоразумной строгости взыскания, непомерные наказания… вместо исправлений, еще более ожесточают детей против учения» и дают возможность ученикам хвастаться своими неблаговидными поступками[1192].

Динамику применения телесных наказаний в Архангельской гимназии представили в своей исторической записке Н. К. Кизель и В. И. Мазюкевич. Авторы показали численность учащихся подвергавшихся наказанию розгами за 1835 – 1849 гг. Так, учеников в 1835 г. наказали 9 раз, 1836 г. – 2, 1837 г. – 16, 1838 г. – 40, 1839 г. – 43, 1840 г. – 54, 1841 г. – 27, 1842 – 17, 1844 г. – 50,

---

[1190] Периодические сочинения об успехах народного просвещения. 1805. № 12. С. 543.
[1191] Пушкин А.С. Записка о народном воспитании, предоставленная Пушкиным императору Николаю Павловичу в 1826 г. // Бартенев П. XIX век. Исторический сборник. СПб. 1872. С. 213.
[1192] ГАВО. Ф. 1955. Оп. 1. Д. 7. Л. 5.

1845 г. – 1, 1846 г. – 16, 1847 г. – 46, 1848 г. – 21, 1849 г. – 9[1193]. По подсчетам автора, в среднем детей наказывали 25 раз в год. Учитывая среднее число воспитанников за этот период в гимназии – 65 человек, то получается, что почти 40 % учащихся были «биты» за различные проступки.

Как отметила исследователь истории просвещения О. Е. Кошелева, «наказания относятся к наиболее запоминающимся событиям детства, особенно наказания несправедливые. Авторы воспоминаний помещали автобиографический сюжет о наказаниях в детстве не для того, чтобы еще раз восстановить в памяти эти неприятные моменты, но для того, чтобы иметь возможность высказать их осуждение и предложить иные способы наказаний[1194].

Так, один из гимназистов Московского учебного округа писал, что «наказывать в то время значило драть,… единицы стояли на коленях, после класса или под звонком в коридоре… Три единицы за неделю вели к субботней порке, которые подвергали не менее 20-30 учеников каждый раз. Стоять на коленях, быть изгнанным из класса в хорошей компании было гораздо веселее, чем сидеть на уроках»[1195]. Другой ученик вспоминал: «Розги были в большом употреблении, особенно по субботам, ленивых, нерадивых и провинившихся ставили на колени среди класса у печки и даже с кочергой в руке, задерживали в классе, оставляли без обеда и нередко учитель позволял себе подрать учеников за волосы или за уши».[1196]. Третий отмечал: «Розга в четырех младших классах царствовала неограниченно. Секли, главным образом, за единицы. Каждую пятницу, вечером, дежурный гувернер выписывал из журнала всех, получившие на неделе единицы и нули, а

[1193] Кизель Н.К., Мазюкевич В.И. Историческая записка Архангельской Ломоносовской гимназии… С. 95.

[1194] Кошелева О.Е. Провинности и наказания юношества в XVIII столетии // Вина и позор в контексте становления европейских государств (XIV – XX вв.): сб. ст. СПб., 2011. С. 189.

[1195] 1-ая Московская гимназия в 50-х годах (отрывок из воспоминаний) // Русская старина. 1904. № 7. С. 169, 175-179.

[1196] Назимов М.В провинции и в Москве с 1812 по 1828 гг. // Русский вестник. 1876. № 7. С. 100.

каждую субботу на первом уроке Василий Степанович являлся в класс и кивком головы вызывал попавшего в черный список»[1197].

Судя по воспоминаниям учащихся, одним детям в школах было страшно, они жили в непрестанном трепете, многие из них боялись не только физическую боль, но и пополнить ряды нерадивых, неблагонадежных учеников. В результате такого «воспитания» дети становились хорошим материалом для изготовления слепых исполнителей на службе и тиранов в семьях. Другие «отчаянные», которые заставляли трепетать не только братьев и сестер, но и окружающих его людей. Они достаточно быстро теряли всякий стыд, становились циничными в словах и в действиях, способны на непредсказуемые поступки и позволяли себе бить младших учеников.

В большинстве же случаев розги не улучшали поведения и не повышали уровень успеваемости, а только укрепляли негативное отношение учеников к начальству, возбуждали в детях малодушие, злость и обиду и порождало «неуставные» отношения между старшими и младшими школьниками. Как отмечал Л. Ф. Пантелеев: «Старшие не только отнимали у младших лучшие порции, домашние гостинцы, били их – так от нечего делать, но и позволяли себе всякого рода нравственные издевательства»[1198].

Несомненно, гуманное отношение педагогов к своим ученикам, с опорой на «увещевание», а не на прямое принуждение также могло способствовать воспитанию нравственных качеств. Однако в школах широко применялась система телесных наказаний, подрывающая многие воспитательные усилия и достигающая противоположного эффекта. Желание прибегнуть к розге часто было следствием слабой профессиональной подготовки учителей, их педагогической несостоятельности и неспособности завоевать уважение воспитанников. Многие из них всеми силами старались приобрести авторитет у начальства, а для этого пытались подавить в учениках всякое

[1197] Авсеенко В.Г. Школьные годы // Исторический вестник. 1881. Т. 4. №. 4. С. 784.
[1198] Пантелеев Л.Ф. Из воспоминаний о гимназии 50-х годов. С. 131.

стремление к самовыражению, а поступки, всегда считавшиеся безнравственными: ябедничество, наушничество поощряли. С другой стороны даже мелкие шалости, нарушение порядка и тишины в классе, лень, обман, нарушение слова, словом, то, что в обычной жизни порицалось неуважением школьных товарищей, доводилось до сведения училищного начальства и наказывалось по всей строгости.

4.4. Организация и деятельность училищных библиотек

Училищные библиотеки появились вместе с созданием учебных заведений в России в начале XIX в. Школьные Уставы 1804 и 1828 гг. разрешали губернским гимназиям иметь «библиотеку, избранную из разных известнейших классических авторов и лучших ученых творений иностранных и российских,… относящихся до учебных предметов, преподаваемых в гимназии»[1199]. Однако законодательные документы первой половины XIX в. не предусматривали ученических библиотек в приходских и уездных училищах. В них предполагалось только лишь «небольшое собрание нравоучительных и других полезных книг для чтения, как учащихся, так и самих учителей»[1200]. В начале XIX в. училищные библиотеки появились только в губернских гимназиях, в других же учебных заведениях Российской империи библиотеки не предполагались.

Открывая библиотеки при губернских гимназиях, правительство не могло допустить свободы учителей и учащихся в выборе книг для чтения. За выпуском и приобретением учебной литературы устанавливался строгий надзор. Кто будет выполнять функции контроля и надзора за составлением, изданием учебников, книг, пособий для учебных заведений империи в начале XIX в., не было четко определено, поэтому в течение всей первой половины XIX столетия происходила корректировка и передача обязанностей по надзору за издаваемой учебной литературой различным комитетам.

[1199] Устав учебных заведений, подведомых Университетам...
[1200] Там же.

Одним из первых учреждений, надзирающих за выпуском учебников для учебных заведений России, явилось Главное правление училищ, на которое возлагались обязанности по принятию мер к изданию книг и методических пособий для всех средних и низших учебных заведений России. Оно должно было рассматривать списки всех книг, предназначенных для училищных библиотек. В функции правления входило утверждение реестров учебной литературы, предназначенной к употреблению в средних и низших училищах. Деятельность Главного правления в этом направлении регламентировалась Уставом 1804 г., где устанавливались полномочия правления по разработке мероприятий к изданию в достаточном количестве различных книг для училищ[1201].

В 1817 г. при министре народного просвещения князе А. Н. Голицыне был создан Ученый комитет, который стал одним из подразделений Главного правления училищ и находился в ведении министерства. Он стал еще одним учреждением, надзирающим за учебной литературой для учебных заведений России. Согласно инструкции от 5 августа 1818 г. Ученому комитету поручалось «рассмотрение книг, заготавливаемых для учебных заведений, суждение о книгах всякого рода, входящих к министру…, рассмотрение учебных пособий для училищ»[1202]. Кроме этого, при Главном правлении училищ был организован еще и хозяйственный комитет, который занимался снабжением книгами и учебными пособиями школ страны. Хозяйственный комитет управлял книжным магазином и книжной лавкой, где продавалась учебная литература.

В 1824 г. министром народного просвещения был назначен А. С. Шишков, при котором была проведена новая реформа подразделений министерства. В 1826 г., был создан Комитет устройства учебных заведений, в состав которого включались «надежнейшие профессора и академики» после утверждения лично императором[1203]. Комитет рассматривал и

[1201] Там же.

[1202] Григорьев В.В. Исторический очерк русской школы. С. 234.

[1203] О составе комитета для рассмотрения учебных пособий // Сборник постановлений по Министерству народного просвещения. Т. 1. 1864. Стб. 1126.

утверждал не только все курсы обучения, но и составленные российскими учеными учебники и руководства для преподавания в учебных заведениях. Комитет устройства учебных заведений действовал до 1849 г. В 1831 г. был упразднен Ученый комитет, а его функции передали Департаменту Министерства народного просвещения и Главному правлению училищ, которые осуществляли надзор за выпуском учебных пособий и книг для училищ. При Департаменте состоял книжный магазин и особый книгохранитель. Учреждался особый хозяйственный стол, в ведении которого находилось издание и снабжение учебной литературой школ России.

Еще одним органом, контролирующим выпуск и распространение учебной продукции, стал университет, который возглавлял подведомственный учебный округ. В его ведении находились все учебные заведения, в том числе и училищные библиотеки. «Предварительные правила народного просвещения» 1803 г. (ст. 30) возлагали на университет функцию цензуры всех печатаемых книг[1204]. Для контроля над изданием учебной литературы при университетах в 1804 г. был созданы специальные цензурные комитеты, членами которых были деканы всех университетских отделений. Университетский Устав 1804 г. предписывал комитету «отвращать издание сочинений, коих содержание противно Закону и Правительству, благопристойным, добрым нравам и личной чести какого-либо частного человека»[1205] и разрешал иметь собственную университетскую типографию, где могли печататься книги, «относящиеся к наукам, преподаваемым в университете и училищах его округа»[1206]. Петербургский университет, в отличие от Московского, не осуществлял функцию цензуры, т. к. в столице действовал цензурный комитет. 2 июня 1835 г. было издано новое «Положение об управлении учебными округами», по которому учебные заведения, а вместе с ними и ученические библиотеки на местах

[1204] Предварительные правила народного просвещения...
[1205] Устав университетов...
[1206] Устав учебных заведений, подведомых Университетам...

были изъяты из ведения университета и поступили под непосредственное управление попечителей округов.

Необходимо отметить, что состояние училищных библиотек и библиотечных фондов становилось одним из объектов пристального внимания визитаторов во время обозрения учебных заведений. В «Наставлении визитаторам», составленном в 1811 г., говорилось, что профессор университета, посещающий училища в подведомственном учебном округе, обязан «рассмотреть в каждом училище по каким книгам преподается учение и есть ли тетради…, каким образом и откуда получают учебные книги? Везде ли в довольности оных находится? По сходной ли цене продаются?»[1207].

Таким образом, к середине XIX в. все функции по рассмотрению и проверке содержания учебных книг и пособий для всех учебных заведений, издание, снабжение книгами училищных библиотек, управление книжными магазинами и типографией сосредоточились в ведении Министерства народного просвещения, при котором с течением времени для надзора и контроля над ученическими библиотеками создавались различные комитеты. В 1856 г. восстановили Ученый комитет, который сосредоточил в своем ведомстве все функции контроля и надзора за рассмотрением издаваемых учебных пособий для учебных заведений России и за деятельностью училищных библиотек.

В начале XIX в. во всех образовательных учреждениях страны использовались книги и учебные пособия, изданные Комиссией училищ или частными лицами еще в конце XVIII в. Устав 1804 г. определял список учебных пособий по различным предметам, преподаваемым в учебных заведениях страны. По Уставу, в фонде гимназической библиотеки должны были находиться грамматики и словари: латинские, немецкие и французские; антология французских поэтов; курсы чистой и прикладной математики, опытной физики, философии, изящных наук, истории и географии;

[1207] РГИА. Ф. 733. Оп. 20. Д. 125 Л. 7.

статистика; начальные правила политической экономии, основания технологии и коммерческой науки[1208]. В уездных училищах в составе школьной библиотеки состояли: краткий и пространный Катехизис, «Книга о должностях человека и гражданина», Евангелие, грамматика российского и местного языков, арифметика, география, история, геометрия, физика[1209]. В приходских училищах необходимо было иметь российский букварь, прописи и руководства по чистописанию, арифметику, сокращенный Катехизис, «Краткое наставление о сельском домоводстве, о произведениях природы, о сложении человеческого тела и вообще о средствах к предохранению здоровья», «Правила для учащихся»[1210].

Как шло формирование фондов училищных библиотек, и откуда поступали книги в библиотеку? Какой-либо системы в комплектовании библиотечного фонда не существовало. В тех учебных округах, где были уже созданы университеты, забота об обеспечении всех учебных заведений округа учебной литературой входила в круг обязанностей училищных комитетов университета. Они заботились об обеспечении школ округа учебными книгами и пособиями. Такая деятельность, несомненно, была важна для организации качественного обучения учащихся на местах. Тем более, что в начале XIX в. специальных программ обучения не создавалось, и в таких условиях учебные пособия для учителей приобретали значение программных документов по преподаванию того или иного предмета. Кроме того, в училищных библиотеках остро стояла проблема приобретения не только учебников, но и учебно-методических материалов, помогающих учителям в преподавании предметов учения.

Заботу о библиотеках учебных заведений России проявлял Училищный комитет Московского университета, который обеспечивал поступление книг в библиотеку Вологодской гимназии до 1824 г., когда Вологодская губерния входила в состав Московского учебного округа. Книги в библиотеки училищ

1208 Устав учебных заведений, подведомых Университетам...
1209 Там же.
1210 Там же.

Архангельской и Олонецкой губерний поступали через Училищный Комитет Петербургского университета. Интересно заметить, что Московский университет заботился не только об учебных заведениях своего учебного округа, но и о школах других учебных округов. В 1825 г. в Санкт-Петербургский учебный округ поступили учебники адьюнкта Московского университета Д. Тростинина «Легчайший способ учения латинскому языку» для безвозмездной раздачи всем училищам округа[1211]. Так, был налажен книгообмен между университетами, часть книг распространялись по гимназическим библиотекам.

Училищный комитет университета постоянно контролировал состояние фондов училищных библиотек своего учебного округа, определяя, какие учебные пособия имелись в школах и в каких учебниках нуждались училища. Из отчетов и сообщений губернских дирекций училищ комитет имел сведения с мест о комплектации книгами фондов училищных библиотек и регулировал численность учебной литературы в учебных заведениях округа. Большая организационная работа была проделана профессорами университета и учителями округа по составлению необходимых учебников. В университетской типографии печатались учебники для учебных заведений подведомственного учебного округа. Комитет изыскивал средства в виде различных пожертвований на пополнение фондов училищных библиотек. Училищный комитет университета организовывал продажу учебников через книжные магазины при гимназиях и становился одним из важнейших источников пополнения и формирования фондов училищных библиотек учебного округа. Часть книг университет отправлял в учебные заведения безвозмездно, часть за плату. Бесплатно в школы поступали учебники, составленные профессорами университета и напечатанные в его типографии.

Кроме этого, помощь школам оказывала императорская Академия наук, которая отправляла книги бесплатно, но эта поддержка была незначительна и непостоянна и, в основном, состояла из разовых присылок книжной

[1211] НА РК. Ф. 17. Оп. 6. Д. 3/4. Л. 173.

продукции в различные учебные заведения. Например, при открытии Пудожского приходского училища в 1836 г. из Академии наук поступило 3 книги[1212]. В 1840 г. в Олонецкую гимназию Академией наук была отправлена «Картины России и быт ее народов»[1213].

Содержание библиотек полностью находилось в ведении самих учебных заведений. Директор училищ по требованиям смотрителей училищ, инспекторов гимназий делал официальную заявку необходимых книг в Училищный комитет. Приобретение книг происходило за счет специальных сумм, выделяемых государственной казной, и частных пожертвований. Средства на приобретение и покупку учебной литературы и содержание самих училищных библиотек предусматривались в общей смете расходов по губернским гимназиям. В «Примерном исчислении сумм на каждогодное содержание университетов, гимназий и уездных училищ в России» (1803 г.) по гимназиям указывалась сумма 250 руб. на содержание библиотеки[1214]. Интересно заметить, что в начале XIX в. специальной статьи на финансирование библиотек в бюджете гимназий не предусматривалось. Только лишь в графе «на содержание училищного дома и прочие расходы» под словом «прочие» подразумевалась сумма, отведенная на покупку книг для библиотек[1215]. Отдельные статьи расходов на приобретение книг и учебных пособий в «Ведомости о приходе и расходе сумм по учебным заведениям» появились позже. Часто из-за недостатка финансирования гимназий сокращалась именно эта статья расходов, включая суммы на покупку книг для библиотек. В 1804 г. олонецкий губернатор В. Ф. Мертенс сообщал попечителю Санкт-Петербургского учебного округа графу П. А. Строганову, что на содержание всех народных училищ в Олонецкой губернии на книги, дрова, свечи было определено 74 руб. 65 коп.[1216].

[1212] Там же. Оп. 5. Д. 7/15. Л. 121 об.
[1213] Там же. Оп. 6. Д. 3/4. Л. 173.
[1214] Примерное исчисление сумм на каждогодное содержание…
[1215] Там же.
[1216] ЦГИА СПб. Ф. 139. Оп. 1. Д. 133. Л. 3.

Постепенно внимание училищных властей к развитию гимназических библиотек усиливалось. В 1820-х гг. финансирование училищных библиотек увеличилось. Значительная часть средств на покупку книг и учебных пособий для учебных библиотек отпускалась Министерством народного просвещения: книги закупались в книжном магазине министерства и отправлялись на места. Губернские училищные дирекции несли расходы по приобретению книг для библиотек из книжного склада или из книжных магазинов Санкт-Петербурга. В фондах Национального архива Карелии сохранились оплаченные счета из Министерства просвещения и из магазина книгопродавца Смирдина в Петербурге.

По «Ведомости о суммах, ассигнованных к отпуску по Санкт-Петербургскому учебному округу» за 1822 г. расходы на библиотеку Олонецкой гимназии составили 232 руб. 44 коп.[1217]

Закупка учебной литературы производилась по решению педагогического совета гимназии, который утверждал список книг. Чаще всего при составлении реестров мнение директора было определяющим, поэтому большую роль в формировании фондов училищных библиотек играли начальники дирекций училищ. Они ведали всеми расходами по книжному делу училищных дирекций, заботились о состоянии библиотек. Директора изыскивали различные финансовые средства на покупку литературы, нередко сами выступали в роли благотворителей.

В первой половине XIX в. приобретение книжной продукции жителями отдаленных провинций России было трудным делом. Кроме фундаментальных библиотек в учебных заведениях России существовали также и «продажные» библиотеки. Так библиотеки учебных заведений становились пунктами распространения учебной литературы. В них находились книги, предназначенные для продажи учащимся школ. Как правило, среди продажных книг большую часть составляли учебники для гимназий, уездных и приходских училищ. Порядок распространения книг

[1217] Там же. Д. 2838. Л. 5-19 об.

среди учащихся предусматривал прохождение учебных пособий по ряду инстанций. Обычно необходимые книги заказывали учителя и смотрители училищ, которые направляли заявки на имя директора училищ. Затем общая заявка по училищной дирекции поступала попечителю учебного округа, который, в свою очередь, делал соответствующие распоряжения по выполнению заказа и отправке на места. Заметим, что почтовые расходы по пересылке посылок с книгами оплачивало Министерство народного просвещения. Книги приходили в губернские дирекции и распределялись по училищам. Смотрители составляли ведомость по продаже книг, где указывали исходную и продажную суммы. Обычно надбавки были минимальны: от 1 до 50 копеек.

Книги продавались в гимназии, уездных и городских приходских училищах, в сельских приходских школах продажи книг не было. Деньги, вырученные от продажи учебной литературы, шли на пополнение фондов библиотек. Судя по архивным источникам, книги покупались только учениками гимназий и уездных училищ, а из приходских школ учебники возвращались обратно нереализованными. Так, в 1809 г. в приходские училища Олонецкой губернии из Училищного комитета были отправлены учебные пособия для продажи среди учащихся сельских школ. По ведомости, где были указаны цены книг для продажи, книги поступили в октябре 1809 г. Штатные смотрители и приходские священники, получившие книги, в течение всего учебного года докладывали в дирекцию училищ, что ни одна книга не продана[1218]. В итоге, все учебники были переданы обратно в гимназию и уездные училища. Судя по «Реестру книгам, находившимся у смотрителя в Каргопольском уездном училище» за 1817 г. из имевшихся в уездном училище 209 книг за этот год было продано 15 российских букварей, 4 сокращенных Катехизисов, 1 руководство по физике, 1 по Священной истории, 2 изъяснение Евангелия, российскую пропись[1219].

[1218] НА РК. Ф. 17. Оп. 6. Д. 1/1 а. Л. 278, 295.
[1219] ГААО. Ф. 1955. Оп. 1. Д. 3. Л. 234 об.

По архивным источникам интересно проследить, как происходило пополнение фондов библиотек учебных заведений периодическими изданиями. Специальных средств в бюджете училищ на выписку газет и журналов не предусматривалось. Поэтому в начале XIX в. в библиотеках находился только журнал «Периодическое сочинение об успехах народного просвещения», который бесплатно отправлялся во все учебные заведения страны. Об этом свидетельствуют отчеты директора народных училищ. Первые сведения о выделении средств на выписку журналов и книг для библиотеки появляются в ведомостях о суммах в Олонецкой гимназии за 1825 г.[1220] Чаще всего благотворительные взносы в пользу учебных заведений местные чиновники делали в виде годовой подписки на газеты и журналы. В середине XIX в. в библиотеки губернских гимназий Вологды, Архангельска и Петрозаводска поступали журналы «Отечественные записки», «Северная пчела», «Вестник Европы», «Христианское чтение», «Сын отечества», «Северный архив» и др. В фондах находились подписки газет: «Сенатские ведомости», «Звездочка», «Гильдия», «Русский инвалид».[1221] Уездные училища стали выделять деньги на выписку периодических изданий с 1830-х гг. Например, в 1834 г. Олонецкое уездное училище получало журнал «Родина»[1222]. Чтобы заинтересовать учебные заведения в приобретении периодических изданий, Министерство народного просвещения рекомендовало всем губернским гимназиям подписаться на те или иные журналы. Так, например, в 1826 г. дирекциям училищ Санкт-Петербургского учебного округа предлагалось подписаться «на газету "Русский инвалид или военные ведомости" единственно в пользу увечных воинов»[1223].

На приобретение учебных пособий для библиотек уездных училищ в 1803 г. постоянной суммы не предусматривалось, поэтому библиотеки при

[1220] НА РК. Оп. 6. Д. 3/4. Л. 482.
[1221] ЦГИА СПб. Ф. 139. Оп. 1. Д. 5048. Л. 133 об.; Д. 4677. Л. 16 об.
[1222] НА РК. Ф. 17. Оп. 5. Д. 5/12. Л. 222.
[1223] Там же. Д. 2/3. Л. 13.

уездных училищах, в основном, состояли только из книг, принесенных в подарок частными лицами, которые нередко были бесполезны по своему содержанию. Исследователь истории народного образования А. С. Воронов отметил, что в Олонецкой дирекции Санкт-Петербургского учебного округа при уездных училищах имелись небольшие училищные библиотеки уже с 1804 г. В других же школах округа, например, в уездных училищах Псковской и Новгородской губерний, школьных библиотек не было вплоть до 1818 г.[1224] И хотя только с 1828 г. в финансирование уездных училищ были включены суммы на приобретение книг (по 150 руб. в год), некоторые уездные училища округа выделяли деньги на покупку учебной литературы значительно раньше. Так, в ведомости доходов и расходов Олонецкого уездного училища за 1824-1826 гг. указывается, что в 1824 г. на покупку книг для училищной библиотеки было выделено 50 руб.[1225]

В уездных училищах на приобретение книг предусматривались мизерные средства от 2 до 6 руб. Например, уездные училище деньги на книги и учебные пособия не предусматривали вовсе, так как сами училища располагались вместе с гимназиями в одном здании, поэтому ученики уездного училища могли пользоваться гимназической библиотекой.

С появлением постоянного финансирования существенно увеличились фонды уездных училищных библиотек. Если в начале XIX в. они состояли из нескольких экземпляров книг, принесенных в дар, то к 1853 г. в библиотеках всех уездных училищ Вологодской дирекции имелось 2550 названий книг (4972 тома), в библиотеках уездных училищ Архангельской губернии – 1907 названий (6112 томов). Если сравнить данные по наполняемости фондов библиотек в уездных училищах по Санкт-Петербургскому учебному округу, то самые значительные были в Санкт-Петербургской (5435 названий и 12 925 томов) и Псковской губерниях (3667 названий и 8200 томов). Наиболее

[1224] Воронов А.С. Историко-статистическое обозрение… СПб., 1849. С. 210.
[1225] НА РК. Ф. 17. Оп. 1. Д. 2/5. Л. 27.

малочисленные фонды уездных училищных библиотек были в Олонецкой губернии (924 названия и 2215 томов)[1226]. (см. Таблицу № 12).

Особенно остро нуждались в учебных пособиях приходские училища. Лишенные какой-либо помощи правительства, они не имели средств не только на приобретение учебных пособий, но и на содержание школьных домов и оплату учителей. Во всех приходских училищах всех училищных дирекций средств на покупку книг не предусматривалось. Поэтому многие приходские училища не имели учебных пособий не только в начале, но и в конце исследуемого периода.

Важной составляющей в формировании фондов училищных библиотек были пожертвования частных лиц. Значительные финансовые средства на приобретение книг и учебных пособий передавало купечество. Такая материальная помощь оказывалась многим учебным заведениям. Пожертвования со стороны местных жителей стали появляться уже в XIX в. Олонецкий купец Семен Васильев в 1837 г. пожертвовал на улучшение библиотеки Олонецкого уездного училища 60 руб., а в 1839 г. ежемесячно выделял на устройство этой же училищной библиотеки по 1 руб. 21 коп.[1227] В 1839 г. уроженец г. Олонца, Санкт-Петербургский купец Михаил Копосов подарил 575 учебных пособий беднейшим ученикам Олонецкого училища[1228].

Часто благотворителями учебных заведений становились губернское и училищное начальство, а также губернские и уездные чиновники, сами учителя. Обычно пожертвования в пользу училищных библиотек делались при открытии училищ. Тайный советник Корнилов пожертвовал для гимназии в Петрозаводске три экземпляра книги «Замечания о Сибири», для раздачи[1229]. Благотворительную помощь школам оказывали директора народных училищ, которые снабжали открытые училища учебными

[1226] Воронов А.С. Историко-статистическое обозрение… СПб., 1849. С. 211.
[1227] НА РК. Ф. 17. Оп. 5. Д. 7/14. Л. 9.
[1228] Там же. Д. 7/15. Л. 127.
[1229] НА РК. Ф. 17. Оп. 2. Д. 36. Л. 349.

пособиями за свой счет. Безвозмездно помогали школам директора Олонецкой дирекции училищ А. Е. Крылов и М. И. Троицкий.

Также в роли благотворителей выступали жители городов. Например, в 1804 г. «председатель Вологодской гражданской палаты Д. А. Петров принес в дар Вологодской гимназической библиотеке 116 книг на разных иностранных языках, дочери надворного советника Я. Я. Фриза – девицы Христина и Федосья Яковлевны – 118 книг разного содержания, на немецком языке»[1230]. 1809 г. в Олонецкую гимназию было направлено учебное пособие по изучению французского языка Сикаровой «Французская общая грамматика» от московского именитого гражданина Блемлеера[1231]. Пожертвования в пользу Петрозаводского уездного училища сделал Ф. Н. Глинка. В 1840 г. в Архангельскую гимназию была отправлена книга магнитных и метеорологических наблюдений от Одесского общества любителей истории и древности и учебник русского языка от тайного советника Ф. И. Лубяновского.

Чаще всего благотворительный взнос на пополнение фондов библиотек как гимназических, так и уездных училищ производился во время открытых испытаний (экзаменов) в конце учебного года. Такие публичные акты директора училищ старались проводить особенно торжественно и празднично, чтобы привлечь внимание общественности к делу просвещения. На испытания учащихся приглашались губернское и уездное начальство, именитые люди города, дворяне, почетные смотрители, родители учащихся. По окончании испытаний проводили сбор пожертвований на нужды школы. При этом составлялся список жертвователей с указанием суммы взноса. Этот список прилагался к отчету по учебному заведению и отправлялся по инстанциям от смотрителя училищ до попечителя учебного округа. Во многих уездных и приходских училищах северных губерний такие благотворительные взносы были единственной материальной помощью в

[1230] А. Л. Для истории вологодской дирекции училищ. С. 66.
[1231] Там же. Оп. 6. Д. 1/1 а. Л. 7.

течение всего учебного года. В 1845 г. при испытаниях в Тотемском уездном училище Вологодской губернии было пожертвовано книг от разных лиц на 297 руб. 50 коп.[1232] Такие же пожертвования на приобретение учебных пособий на публичных актах были сделаны и в Олонецкой губернии: в 1837 г. в Повенецком приходском училище на 10 руб. 43 коп.[1233], в 1839 г. в Каргопольском уездном училище на 54 руб. 75 коп. и в Пудожском приходском училище на 13 руб. 30 коп.[1234]

Незначительная благотворительная помощь оказывалась приходским училищам. Учителями в этих школах были священники, которые учили бесплатно и снабжали учащихся сельских школ учебниками на свой счет.

Библиотекарем гимназической библиотеки по усмотрению директора училищ назначался один из старших учителей губернской гимназии, который выполнял обязанности библиотекаря бесплатно. В уездных и приходских училищах должности библиотекаря не предусматривалось, все школьные книги и учебные пособия находились в ведении штатного смотрителя училищ[1235]. В обязанности библиотекаря и штатных смотрителей училищ входило ежегодное составление реестра всех книг, имеющихся в училищных библиотеках. При этом описывались все учебные пособия, имеющиеся в гимназии: учебники, руководства по преподаванию предметов, книги, исторические таблицы, карты всемирной истории, географические атласы, периодические издания. Журнал с описью книг постоянно проверялся училищным начальством. Опись находящихся в библиотеках книг мог потребовать и попечитель учебного округа с целью выявления дублетных изданий, которые затем высылались в другие учебные заведения. Так, Олонецкая гимназия выслала 38 томов дублетных изданий в Абовский университет[1236].

[1232] Воронов А.С. Историко-статистическое обозрение… СПб., 1855. С. 252.
[1233] НА РК. Ф. 17. Оп. 5. Д. 5/13. Л. 420.
[1234] Там же. Оп. 2. Д. 8/16. Л. 103 об.
[1235] Устав учебных заведений, подведомых Университетам.
[1236] Петров К.М. Олонецкая гимназия с 1808 по 1831 гг. ... С. 17.

Непосредственной задачей библиотекаря являлась работа с читателями. Выдача книг посетителям проводилась только под роспись «в особой книге», находящейся у заведующего. Книги в библиотеках выдавались учащимся бесплатно, правда, в начале XIX в. учителями Устюжского уездного училища Вологодской губернии было предложено в виде опыта «дозволить посторонним лицам брать из училища книги с платой по 3 коп. за каждую». Однако директор училищ К. С. Станиславский не одобрил этой инициативы: «Учебная библиотека не есть книжная лавка, из коей дают читать книги из проката… брать 3 коп. за прочет книги хорошей и полезной несообразно будет с общим порядком и правилами училищам предначертанными»[1237].

В организации библиотечного дела учебных заведений остро стоял вопрос сохранения книжных фондов. Книги, особенно учебники, от частого использования быстро приходили в негодность и требовали постоянных ремонтов. Библиотекари составляли специальные правила пользования учебниками и учебной литературой, приучали учащихся к аккуратному чтению и обучали их производить мелкий ремонт книг. Если же требовались более сложные переплетные работы, тогда книги отправляли в Санкт-Петербург на реставрацию. Еще одной проблемой в училищных библиотеках являлось неаккуратное возвращение читателями книг и журналов. Поэтому библиотекарям предлагалось установить определенный срок возврата взятых книжек, а о нерадивых читателях сообщать в дирекцию училищ[1238].

Работа в ученических библиотеках требовала больших усилий и затрат времени. С увеличением книжных фондов значительно возрастала и нагрузка на заведующих библиотеками. В связи с этим учителя отказывались бесплатно выполнять обязанности библиотекаря или выполняли их халатно. В середине XIX в. в периодической печати стали появляться статьи с требованиями об определении библиотекарям жалованья[1239].

[1237] Отто Н.К. Вологодская дирекция училищ... С. 19.
[1238] Воскресенский А. Несколько замечаний о состоянии и устройстве библиотек // ЖМНП. 1863. Ч.117. С. 84.
[1239] Там же. С. 85.

С увеличением численности книг в училищных библиотеках изменялась сама организация работы с книжными фондами, отчетностью, сохранностью учебной литературы, с читателями. В начале XIX в. фонды библиотек были небольшими, поэтому составление ежегодных реестров книг не представляло большого труда. Когда же фонды библиотек значительно пополнились, появилась проблема систематизации книг в фондах. Уже в 1805 г. при составлении описей книг стали делить их по учебным предметам, преподаваемым в гимназиях, на 8 отделений: история, литература, политические науки, география, рисование, алгебра, русский язык, религия. Затем в 1825 г. сократили количество разделов по направлениям: нравственно-философское (включая сочинения западноевропейских философов), математико-физическое (руководства к геометрии и алгебре), историко-филологическое (книги по всеобщей истории и истории России, сочинения Г. Р. Державина, басни И. А. Крылова, письма русских путешественников, сочинения) и богословие (Катехизис, Евангелие). Книги по географии и химии вошли в раздел математико-физический. Такое деление оказалось неудобным, потому что увеличивалось не только количество книг и учебных пособий, но и их тематическое разнообразие по учебным предметам. В 1841 г. в реестре библиотечного фонда появляются новые разделы, их количество расширяется с 4 до 12: богословие, философия и правоведение, естественная история и терминология медицины, физика и химия, математика, искусство, словесность, биографии, география и статика, путешествия, юмористические. В 1845 г. появилось еще несколько отделений, например, историю разделили на три отдела: всеобщая, российская история и история отдельных стран. Таким образом, организация библиотечной работы и систематизация фондов учебных книг проходила методом проб и ошибок, многое решал опыт и усмотрение самих библиотекарей. Предполагалось, что каждый библиотекарь формирует отделы фонда самостоятельно, исходя из наличия учебной и художественной литературы в библиотеке.

В 1850-1860-х гг. в ведомственном «Журнале Министерства народного просвещения» стали появляться статьи, в которых представители педагогической общественности, библиотекари предлагали различные схемы расположения книг в гимназических библиотеках по отдельным учебным предметам. Так в 1856 г. была напечатана статья «О простом и удобном способе располагать библиотеки большого объема». Авторы статьи предлагали библиотекарю составлять каталог «по своему усмотрению, разумению, как признает лучше, и совершенствовать его ежедневно»[1240]. Систематизацию книг предлагалось проводить по алфавитному порядку по авторам и предметам. Несколько позже рекомендовалось разделить гимназические библиотеки на два отдела: ученический – собрание книг для чтения и учительский – коллекция книг как средство следить за современным развитием науки[1241]. Кроме того, авторы журнальных статей предлагали списки литературы по российской истории для библиотек гимназий. В 1863 г. К. Лавров предлагал включить в каталог полное собрание русского летосчисления, произведения историков В. Н. Татищева, Н. И. Костомарова, С. М. Соловьева, Н. М. Карамзина, учебные пособия Н. Г. Устрялова, книги по истории России Д. И. Иловайского, И. С. Аксакова, Ф. И. Буслаева[1242].

По изменениям численности книг и их рубрикации по предметным и тематическим отделениям в училищных библиотеках можно проследить трансформацию правительственных требований к просвещению народа на протяжении всей первой половины XIX в. В начале века Закон Божий в гимназиях не преподавался, поэтому книг религиозного направления было мало, большинство составляли исторические книги. Например, в Олонецкой гимназии в 1805 г. из 227 существующих в гимназической библиотеке книг – 152 (66%) было по истории и только три – религиозного содержания. С переходом российских гимназий на классический курс в училищных

[1240] ЖМНП. 1856. Ч. 91. С. 58.
[1241] ЖМНП. 1863. Ч. 117. С. 88.
[1242] ЖМНП. 1863. Ч. 118. С. 143-147.

библиотеках значительно увеличилась численность книг отделения словесности. Так, в 1832 г. в Олонецкой гимназии в разделе словесности значилось 330 книг, физико-математическом – 164, по богословию – 14. Такая же картина наблюдается в 1841 и 1845 гг. Из находящихся в библиотеке Олонецкой гимназии 1682 книг в 1841 г. – 507 (31%) томов, а в 1845 г. из 1951 книги – 601 (31%) относились к разделу словесности. К тому времени увеличилось количество книг религиозного содержания (с трех экземпляров в 1805 г. до 41 – в 1845 г.).

Несмотря на расширение фондов ученических библиотек, их было недостаточно, особенно для вновь открывающихся школ. В своих воспоминаниях бывшие ученики гимназий отмечали, что учебников для каждого ученика не хватало, поэтому выдавали книги на время уроков. Библиотеки учебных заведений северных губерний России также испытывали недостаток учебников. Л. Ф. Пантелеев, ученик Вологодской гимназии, вспоминал, что он «из-за недостатка учебников лишний год провел в гимназии»[1243]. Гимназисты вспоминали, что «учебник логики и риторики был у нас в руках только во время классов. …Книги были тогда редкостью, они были наперечет. Когда достанешь какую-нибудь желаемую книгу, дорожили ею как диковинкой и перед тем, как воротить ее назад, непременно для себя сделаешь несколько выписок»[1244]. Заметим, что многие бывшие учащиеся гимназий вели дневники с записями понравившихся эпизодов из книг. По словам одного из мемуаристов, «я стал писать дневник, в котором подробно излагал содержание прочитанного, впечатление, произведенное на меня чтением, и свое суждение о прочитанном»[1245].

Интерес представляют записки о хранении книг в гимназической библиотеке. Один из мемуаристов отмечал: «В гимназической библиотеке был запечатанный шкап, в котором красовались «Отечественные записки» за время В. Г. Белинского. Новых книг в библиотеке было очень мало, чтение

[1243] Пантелеев Л.Ф. Из воспоминаний о гимназии 50-х годов. С. 122.
[1244] Буслаев Ф.И. Мои воспоминания. С. 60.
[1245] Бунаков Н.Ф. Записки: Моя жизнь. С. 18.

не поощрялось и получение книг из гимназической библиотеки (и то с 4 класса) было нелегко»[1246].

Из-за недостатка отечественных учебников в начале XIX в. вся учебная литература состояла преимущественно из переводных иностранных пособий и руководств. В фондах училищных библиотек преобладали учебники, составленные иностранными авторами. Так, в библиотеке Олонецкой гимназии в начале XIX в. находились «Нравоучения» Фергюсона, «Древняя география» Стеффенгагена, «Физика» Боссю, «Статистика» Паратича, «Эстетика» Эшенбурга.[1247] Многие исследователи истории народного образования отмечают, что один из существенных недостатков первых учебников «заключался в их обширности»[1248]. Все книги были огромны по объему. Так, например, «География России» Е. Ф. Зябловского насчитывала 585 страниц, «История Государства Российского» И. М. Стриттера – 635 страниц, учебник физики – 527 страниц. Точно такое же количество страниц имели и другие учебники.

Учителя, штатные смотрители училищ, начальники дирекций постоянно жаловались на нехватку учебных пособий в училищных библиотеках. В своих донесениях они просили прислать книги для классических упражнений, Катехизисы, буквари, прописи, басни И. А. Крылова и другую учебную и художественную литературу.

Только с 1830-х гг. стали появляться учебники, составленные отечественными учеными и педагогами. Среди первых таких учебников в отчетах библиотек в 1835 г. упоминаются книги, написанные профессорами Петербургского университета и Педагогического института: «Славянская грамматика» И. С. Пенинского, «Физика» Н. П. Щеглова, «Всеобщая история» Е. Ф. Зябловского, «Русская история» Н. Г. Устрялова, «Собрание арифметических задач» Ф. И. Буссе и др. В 1838 г. в «Журнале Министерства народного просвещения» был опубликован реестр учебников,

---

[1246] Там же.
[1247] Петров К.М. Олонецкая гимназия с 1808 по 1831 гг. …С. 6.
[1248] Георгиевский А.И. К истории Ученого комитета МНП. СПб., 1912. С.4.

изданных российскими учеными и рекомендованных для преподавания учебных предметов в гимназиях и уездных училищах[1249].

Вся литература, находящаяся в фондах училищных библиотек, обязательно должна была соответствовать списку книг, допущенным Министерством народного просвещения. «Вредная» литература не допускалась для использования в гимназии. По этому вопросу велась переписка попечителя Санкт-Петербургского учебного округа с директорами училищ. В школьных библиотеках запрещалось хранить книги, противоречащие религиозным догмам. Министерством составлялись списки запрещенных книг, к ним относилась, например, масонская литература: «Воззвание к человекам о последовании внутреннему влечению Духа Христова», «Таинства креста», «Путь ко Христу», «Толкование на Евангелие»[1250]. Список запрещенных книг высылался в дирекции училищ.

Таким образом, гимназические библиотеки губерний Русского севера к середине XIX в. имели достаточно хорошо укомплектованные фонды. В фондах Вологодской губернской гимназии в 1846 г. находилось 5625 томов (1562 названия), Архангельской – 4531 том (1113 названий), в Олонецкой – 1951 том (975 названий)[1251]. Судя по архивным данным, самая большая училищная библиотека была в Вологде. В ее фонде находились книги на французском, немецком, латинском языках, сочинения французских просветителей Вольтера, Монтескье, Ж.-Ж. Руссо, полные собрания сочинений И. Гете, Ф. Гизо, И. Шиллера, Н. М. Карамзина, В. Н. Татищева, рукописные книги на латинском языке. Столь значительное количество книг в библиотеке Вологодской гимназии появилось благодаря благотворительным взносам вологодского купечества и других жертвователей в пользу народного просвещения. Бывшие учащиеся Вологодской гимназии с уважением вспоминали об училищной библиотеке: «Тогда чтение учащихся в гимназии было гораздо свободнее, нежели в

[1249] ЖМНП. 1838. Ч. 19. С. 222-224.
[1250] НА РК. Ф. 17. Оп. 6. Д. 1/8. Л. 279.
[1251] ЦГИА СПб. Ф. 139. Оп. 1. Д. 5048. Л. 4, 133об.; НА РК. Ф. 17. Оп. 6. Д. 8/9. Л. 33а.

нынешнее время, а потому оно, действительно, имело большое развивающее значение»[1252]. Гимназисты читали российских авторов и переводы иностранных литературных произведений: Ч. Диккенса, И. Гете, Д. Байрона, У. Шекспира и др., какие печатались в журналах, критические статьи В. Г. Белинского и В. Майкова в «Отечественных записках» и «Современнике», произведения молодых тогда русских прозаиков — «Обыкновенную историю» И. Гончарова, «Бедных людей» Ф. Достоевского, первые рассказы И. Тургенева, Д. Григоровича, А. Ф. Писемского, Л. Толстого, научные статьи К. Д. Кавелина, С. М. Соловьева, Т. Н. Грановского и публицистические очерки А. И. Герцена.

И все же в учебных заведениях округа (уездных и приходских училищах в особенности) ощущался недостаток книг и других учебных пособий. Училищные дирекции были лишены возможности своевременно и в необходимом количестве приобретать учебную литературу и периодические издания. Пополнение книжных фондов многих ученических библиотек происходило бессистемно, носило случайный характер и зависело в основном от добровольных пожертвований. В библиотеках губернских гимназий часто отсутствовали учебные пособия, необходимые для проведения уроков.

Министерство народного просвещения, Главное правление училищ, Училищный комитет университета оказывали всяческую поддержку ученическим библиотекам. Но для удовлетворения нужд учебных заведений в учебных пособиях необходимы были значительные финансовые расходы, а правительство ассигнований на эти цели почти не отпускало. Надежда на помощь школам со стороны российского общества не оправдалась. Благотворительность в пользу учебных заведений империи в первой половине XIX в. была разовой и незначительной. К тому же многие директора и штатные смотрители сами часто недооценивали значения учебных пособий и мало заботились об их приобретении.

[1252] Бунаков Н.Ф. Записки: Моя жизнь. С. 24.

ГЛАВА V. УЧАЩИЕ И УЧАЩИЕСЯ

5.1. Подготовка учительских кадров

Изучение истории российской школы невозможно без обращения к теме о положении учителя как неотъемлемого элемента школьной системы. На основе архивных и опубликованных источников мы рассмотрим проблемы подготовки педагогических кадров, правовой, образовательный, социальный статус провинциальных учителей и их общественную репутацию, а также особенности повседневной жизни и социальной мобильности этой социопрофессиональной и социокультурной группы.

Учебные реформы Александра I были глубокими, системными и должны были в перспективе дать государственно-бюрократический и социальный эффект, создав в стране слой просвещенных квалифицированных чиновников и просто образованных граждан. Но реализация правительственной программы, предполагавшей покрыть всю Россию сетью школ разного уровня, затруднялась нехваткой учителей, что особенно ощущалось при организации уездных и приходских училищ в провинции.

Целенаправленную подготовку учителей в начале XIX в. осуществляла лишь Учительская семинария в Петербурге (1783-1802) и ставший ее преемником Петербургский Педагогический институт (1804-1816), преобразованный затем в Главный педагогический институт. Последний должен был стать головным учебным заведением страны для подготовки учителей для средней и начальной школы[1253]. Существующие лишь номинально при университетах педагогические институты должны были со временем также включиться в этот процесс. Курс обучения в Главном педагогическом институте продолжался шесть лет и делился на три уровня. В первые два года студенты проходили предварительный курс наук: логику и

[1253] Жуковская Т.Н. Правительственные стратегии в сфере просвещения и идея университета в Петербурге (1803-1819) // КЛИО. Журнал для ученых. № 10 (82). 2013. С. 15-25.

метафизику, чистую и высшую математику, всеобщую и российскую географию, мифологию и древности, курсы риторики, грамматики и словесности, русского, латинского, немецкого и французского языков, а также искусств (гражданской архитектуры, рисования, черчения, музыки и фехтования). В следующем курсе наук (трехлетнем) студенты распределялись по трем факультетам, в зависимости от своей будущей педагогической специализации: наук философских и юридических; физических и математических, исторических и словесных[1254]. Последний шестой год обучения посвящался теории и практике преподавания. Экзамены в каждом цикле представляли собой опыт чтения лекций и ведения уроков по объявленным экзаменаторами темам. После преобразования Главного педагогического института в университет в 1819 г. программа обучения существенно не изменилась, сохранилась и установка на подготовку педагогических кадров. Кроме того, при Петербургском университете в 1819 г. открылся Учительский институт для подготовки учителей уездных училищ, курс которого включал освоение ланкастерского метода взаимного обучения. Правда, это подразделение существовало недолго, сделав единственный выпуск.

Большая часть студентов Педагогического института и Петербургского университета в 1800-1820-х гг. к моменту поступления окончили полный курс обучения в губернских духовных семинариях и имели хороший уровень знаний в древних языках, российской словесности, истории, философии, риторике, чем облегчалась их дальнейшая профессиональная подготовка[1255]. В связи с перепроизводством образованных кандидатов в священнослужители и их низким социальным и общественным статусом, питомцы семинарий предпочитали духовной службе светскую, в учительском звании. Возможность получения по окончании института

[1254] Сборник постановлений по Министерству народного просвещения. Т. 1. 1864. Стб. 830-836

[1255] Об определении в статскую службу, токмо уволенных из духовного звания, которые окончили полный курс учения // ПСЗРИ. Собр. 1. Т. 32. № 25506.

классного чина и дальнейшей выслуги, автоматический выход из духовного сословия, были для вчерашних семинаристов весьма сильной мотивацией. Учительская служба воспринималась как более свободная, материально обеспеченная и перспективная. При этом культурные и поведенческие стандарты учительской деятельности были понятны, принимались и легко воспроизводились выходцами из духовной среды[1256]. Этика и практика воспитания юношества была сродни пастырскому служению. Это объясняет относительно небольшой процент оставлявших учительскую службу по истечении обязательного срока, а большинство педагогов продолжали ее до пенсии.

Распределение по «учительским местам» производила Конференция Педагогического института (впоследствии Совет университета). В течение академического года от губернских дирекций в адрес попечителя учебного округа поступала информация о вакансиях, составлялся их список, который предлагался выпускникам. Каждый из них за полгода знал об этих вакансиях, к тому же Конференция объявляла о них «в ведомостях обеих столиц»[1257]. Студенты давали письменное согласие занять ту или иную вакансию. Для казенных студентов срок обязательной службы по училищному ведомству определялся в шесть лет. Студенты из податных сословий освобождались из подушного оклада после получения диплома об окончании университета. Эта процедура требовала в каждом случае утверждения Сенатом. Если же учащийся прерывал учебу до окончания полного курса учения или отказывался работать учителем, то он должен был вернуть все израсходованные на него средства.

Преобразование Главных народных училищ в гимназии в Олонецкой и Архангельской губерниях состоялось только после прибытия туда выпускников Педагогического института. В 1808 г. из Петербурга в

[1256] Ментальные традиции и повседневные жизненные стандарты «поповичей» были мало изменчивы и проявлялись в следующих поколениях. См.: Манчестер Лори. Поповичи в миру: духовенство, интеллигенция и становление современного самосознания в России. М., 2015.

[1257] Образование Главного Педагогического института.

Архангельск приехали К. В. Васильев, Л. С. Левицкий, С. А. Баранов, Е. П. Смирнов, а в Петрозаводск – И. Ф. Яконовский, И. Д. Егорьевский, А. М. Протопопов, И. Малецкий, П. С. Соболев, Н. О. Куняев. Все они были питомцами первого выпуска института.

При распределении студентов в отдаленные губернии на учительские места, помимо прогонных денег, «в уважение равномерной бедности» они могли получить от университета учебные книги и казенное платье безвозмездно, а также пособие в 50 руб. или более, выделенное из экономической суммы университета. Эту сумму полагалось вернуть путем постепенных вычетов из учительского жалования[1258].

В 1809 г. Конференция Педагогического института распределила своих воспитанников И. Д. Воскресенского и П. Флоринского в Олонецкую губернию. Они дали письменное согласие заступить на учительские должности соответственно в Петрозаводское и Вытегорское уездные училища. Однако вскоре после распределения П. Флоринский подал прошение в Конференцию о том, что выехать не может по состоянию здоровья, да и родственники в Москве обещали устроить его на учительскую должность в Московском учебном округе. Тогда Конференция обратилась к попечителю Петербургского учебного округа Н. Н. Новосильцеву с просьбой о пересмотре распределения П. Флоринского, причем в представлении указывалось, что «Конференция, стараясь размещать студентов на учительские места по доброй воле, доколь-то возможно, и притом уважает причины, предполагавшие определение его [П. Флоринского. – *Е. К.*] по Московскому учебному округу»[1259]. Н. Н. Новосильцев согласился и П. Флоринский поехал работать в Москву, а в Олонецкую губернию вместо него был отправлен студент В. И. Березниковский, предварительно дав на это свое согласие. Таким образом, Конференция Педагогического института, с одной стороны, заботилась о своих студентах, считаясь с их пожеланиями по

[1258] О назначении пособия студентам университета при определении их в учителя // ПСЗРИ. Собр. 2. Т. 3. № 1809.
[1259] ЦГИА СПб. Ф. 139. Оп. 1. Д. 398. Л. 2.

трудоустройству и распределению на учительские места, с другой стороны, постоянно заботилась о закрытии вакансий желающими. По мнению Конференции, молодые педагоги, отправляясь на работу по собственному желанию, а не по принуждению могли дольше и усерднее работать на учительских должностях. Правда, эта мягкая позиция приводила к тому, что невыгодные вакансии долго оставались незаполненными. Никто не хотел ехать в отдаленные уездные училища северных российских провинций, или перемещаться в Финляндию или Виленский учебный округ, не имея там ни связей, ни прочной материальной базы.

Студенты отправлялись на учительское место не с пустыми руками. Они бесплатно получали в Университете «учебные книги, коими снабжены были для слушания курса»; при них же оставалась и вся «обмундировка»[1260]. Кроме того, отъезжающим выплачивалось авансом штатное жалованье и «прогонные». Так, отправленным в Олонецкую губернию И. Д. Воскресенскому и В. И. Березниковскому в 1809 г. было «выдано 300 руб. за треть вперед и сверх того из училищной казны на путевые издержки каждому по 100 руб.»[1261]. В 1819 г. К. В. Баранкоев «получил деньги на проезд на две лошади 57 руб. 10 коп. и 250 руб. третного жалованья по окладу старшего учителя»[1262]. Эти «подъемные» суммы предоставлялись всем выпускникам на переезд к месту учительской службы и на обустройство.

В феврале 1828 г. было высочайше утверждено новое положение Комитета Министров о назначении пособия студентам университета при определении их в учителя. В нем, «поступающим в учителя… в уважение равномерной бедности», предоставлялись «казенное платье и прочие казенные вещи, кроме кровати и постели», а также денежное пособие 50 руб. Однако, при этом отмечалось, «чтобы не расстроить экономической суммы университета, из коей делаются многие значительные издержки для самих студентов, то вычитать из их учительского жалованья столько, сколько по

[1260] Образование Главного Педагогического института.
[1261] ЦГИА СПб. Ф. 139. Оп. 1. Д. 398. Л. 3.
[1262] Там же. Д. 2220. Л. 6.

расчислению до срока должны стоить те вещи»[1263]. Предоставление материальной помощи неимущим студентам стало производиться в рассрочку за их же счет.

Университет продолжал кураторство по отношению к своим выпускникам, ставшим учителями, в самых разных формах: методического и научного обеспечения преподавания учебными пособиями, визитаций училищ профессорами, включения в систему наград и поощрений, социальной помощи[1264]. Связи с Петербургским университетом для учительских семей распространялись на второе-третье поколение, поскольку дети учителей по окончании гимназий имели преимущественное право поступить в университет на казенную стипендию. Окончили Петербургский университет сыновья Н. Н. Познякова, А. И. Мещерского, М. И. Троицкого, трое из шести сыновей М. А. Копосова и др.

Возобновленный в Петербурге Главный педагогический институт (1828-1859) пополнил 11-ю своими выпускниками состав трех губернских гимназий. В Вологодскую гимназию в 1835 г. приехали работать А. А. Тукалевский и П. А. Назаров, через год – Г. В. Розанов. В Олонецкой дирекции училищ начали учительскую карьеру А. Е. Вознесенский, в 1840 г., И. Пальников – в 1845 г. Шесть выпускников Института в том же году заняли места учителей в Архангельской дирекции.

Впрочем, в школах Архангельской, Вологодской и Олонецкой губерний в рассматриваемое время работали выпускники не только Санкт-Петербургского, но и Московского, Виленского, Харьковского университетов, питомцы Академии художеств, Института корпуса путей сообщения, а также лица с дипломами Берлинского, Лейпцигского, Кильского и других университетов. Последние из числа иностранцев,

---

[1263] О назначении пособия студентам университета при определении их в учителя // ПСЗРИ. Собр. 2. Т. 3. № 1809.

[1264] Подробнее см.: Жуковская Т.Н., Калинина Е.А. «От азбуки до университета»: административная деятельность Санкт-Петербургского университета в учебном округе в первой половине XIX в. // Вестник Санкт-Петербургского университета. 2014. № 2. С. 22-32.

вступивших в российскую службу и принявших российское подданство, устраивались, в основном, преподавателями языков. В Архангельской гимназии работал Г. Зейфред – выпускник Лейпцигского университета; в Вологодской гимназии – И. Дозе, окончивший Кильский университет, И. И. Крон – Кенигсбергский университет, Ф. Таннефельд – Лейпцигский университет. Из преподававших в Олонецкой гимназии Ф. И. Пелабон был питомцем Дерптского университета, В. Л. Рейнеке – Ангальтского. Образованные иностранцы без дипломов преподавали в городских приходских школах или открывали частные училища. Так, в Вологодской гимназии в разное время преподавали языки, а также Ф. Эверс, А. П. Дювернуа, К. А. Блез.

В губернских гимназиях Европейского Севера России преподавателями Закона Божьего, латинского языка, естественной истории, географии и других предметов работали выпускники духовных академий. Одни из них после окончания академии, продолжив обучение в Петербургской учительской семинарии, вышли из духовного сословия и поступили на учительскую службу. Например, Г. К. Ореховский из Санкт-Петербургской духовной академии; Н. О. Куняев, П. С. Соболев, Е. П. Смирнов из Московской духовной академии. Другие стали учителями в зрелом возрасте, имея солидный стаж работы в духовно-учебных заведениях. Это бывшие студенты Санкт-Петербургской духовной академии – А. Семшин и Н. Тырынданов, А. И. Нечаев и А. О. Ласточкин.

Подготовкой преподавательских кадров для российских школ занимались средние учебные заведения, среди которых особое место занимали духовные семинарии. Путь бывших семинаристов «в учителя» шел по двум направлениям. Первый путь: духовная семинария – университет – школа. По «Уставу Духовных семинарий» высочайше утвержденному в 1814 г. лучшим семинаристам присваивался первый разряд: они получали звание «студент» и могли продолжить свое образование в академии или стать священниками церкви второго разряда, преподавателями в епархиальных

духовных училищах, а также получали право поступления в университет[1265]. Многие учителя, выходцы из духовного сословия после окончания семинарий обучались в Санкт-Петербургском университете, а затем работали в губернских гимназиях Архангельска, Вологды и Петрозаводска. Это воспитанники Тверской духовной семинарии: П. А. Лопатинский, М. А. Копосов, И. Ф. Яконовский, К. В. Васильев; Ярославской семинарии – А. М. Протопопов и Л. С. Левицкий; Владимирской семинарии – И. Д. Егорьевский; Костромской семинарии – М. Д. Беликов; Калужской семинарии – Г. И. Милованов; Архангельской семинарии – В. Л. Сильвестров; Вологодской – А. Яхонтов, И. Фортунатов, В. Двиновский и др.

Второй путь: духовная семинария – школа. По причине продолжающегося отсутствия педагогических кадров в школах Министерства народного просвещения, было разрешено принимать в государственную службу семинаристов, окончивших полный курс учения в семинариях. Многие семинаристы, имеющие аттестаты «в совершенном знании русского языка, по правилам грамматики, риторики и других науках» начинали свою карьеру в училищном ведомстве. По окончании семинарии они получали увольнение из Духовного ведомства для дальнейшего самостоятельного определения на училищную службу[1266]. Семинаристам, желающим поступить преподавателями в школы, необходимо было сначала познакомиться с методикой преподавания учебных предметов. Для этого они в течение определенного времени обучались методическим и педагогическим приемам работы в общеобразовательных школах, а только потом им разрешали работать в школе. Такая подготовка была организована в Вологодской губернии в начале XIX в.

[1265] Устав Духовных семинарий // ПСЗРИ. Собр. 1. Т. 32. № 25674.

[1266] Об определении в статскую службу, токмо уволенных из духовного звания, которые окончили полный курс учения // ПСЗРИ. Собр. 1. Т. 32. № 25506.

С 1815 г. на учительские должности стали принимали семинаристов, не окончивших семинарский курс обучения[1267]. Низкое социальное положение и стремление священнослужителей получения чинов, отсутствие свободных вакансий священников в приходах заставляло бывших переходить в другое, более престижное ведомство.

Детьми священников, получившими семинарское образование, а затем диплом Петербургского Педагогического института или Петербургского университета были: П. А. Лопатинский, М. А. Копосов, И. Ф. Яконовский, К. В. Васильев (питомцы Тверской духовной семинарии); А. М. Протопопов и Л. С. Левицкий (Ярославской семинарии); А. Яхонтов, И. Фортунатов, В. Двиновский (Вологодской семинарии); И. Д. Егорьевский (Владимирской семинарии); М. Д. Беликов (Костромской семинарии); Г. И. Милованов (Калужской семинарии); В. Л. Сильвестров (Архангельской семинарии) и др. Продолжая следовать жизненным стратегиям, принятым в духовной среде, многие из названных лиц основали в Петрозаводске, Архангельске или Вологде учительские династии, их сыновья, окончив университет, также стали педагогами. Так, пять сыновей М. А. Копосова после окончания Олонецкой гимназии продолжили дело отца и стали учителями. Старший сын Павел служил учителем в Петрозаводском приходском училище, Иван – учителем в Олонецкой гимназии. Владимир, Александр и Петр Копосовы по окончании Петербургского университета, вернулись в Петрозаводскую гимназию. Позже Александр и Петр перебрались в Петербург, где Александр Копосов стал учителем 1-й Санкт-Петербургской гимназии, а Петр Копосов дослужился до позиции директора 4-й Московской гимназии[1268].

Подготовку учителей для уездных и приходских училищ осуществляли гимназии и уездные училища. Выпускники губернских

[1267] О не изъятии из общих правил гражданской службы определяемых к учительским должностям церковно-служительских детей // Сборник постановлений по Министерству народного просвещения. Т. 1. 1864. Стб. 763-766.
[1268] НА РК. Ф. 17. Оп. 5. Д. 4 / 8. Л. 409.

гимназий поступали учителями уездных училищ, а выпускники уездных – учителями городских приходских училищ.

Необходимо упомянуть еще об одном учебном заведении, осуществлявшем подготовку учителей в конце XVIII – начале XIX в. Преподавателями общественных школ, открытых при Александре I, являлись также выпускники Главных народных училищ. В Архангельской дирекции стоит назвать: И. Соломбальцева, М. Таратина, И. Попова, П. Ивановского, в Вологодской дирекции: Алексея и Николая Фортунатовых, Ф. Радкевича, А. Иконникова, Н. Слободского, В. Лебедева, А. Цветкова, П. Клеопатрова, А. Ключарова, И. Карпова, Д. Протопопова. Все они были выходцами их духовного сословия, окончившие курс духовных училищ.

Иначе говоря, стать учителем мог любой гражданин, имеющий на руках аттестат об окончании университета, педагогического института, духовной семинарии, губернской гимназии или уездного училища. Однако педагогические основы профессии (методику преподавания учебных дисциплин, педагогику, психологию) будущие учителя осваивали лишь в высших учебных заведениях. Средние школы в первой половине XIX в. таких знаний не давали. Предмет «Педагогика» был включен в учебные программы духовных семинарий и гимназий лишь во второй половине XIX в.

Для заполнения свободных учительских вакансий с 1812 г. разрешили принимать на учительскую службу лиц из податных сословий, уволенных из обывательских, мещанских или купеческих обществ, а также вольноотпущенных, отличившихся талантами, знаниями наук или изящных искусств[1269]. Их обязывали давать подписки на шестилетнюю работу в училищном ведомстве. Данный указ, с одной стороны, помог решить кадровую проблему российских школ, с другой – несколько понизил образовательный уровень преподавательского состава учебных заведений.

[1269] О дозволении определять в службу по учебной части состоящих в подушном окладе людей // ПСЗРИ. Собр. 1. Т. 32. № 24951.

До 1860-х гг. в России практически не имелось постоянно действующих педагогических учебных заведений, готовящих учителей начальных училищ. Министерство народного просвещения «не признавало нужды в особой специальной подготовке» педагогических кадров для этих школ[1270]. Священникам, дьяконам, пономарям, обучающим детей, не хватало навыков практической педагогики и методики обучения грамоте, да и образовательный уровень многих церковнослужителей был недостаточен. За обучение крестьянских детей грамоте мог взяться каждый умеющий читать и писать. Исследователь истории народного просвещения С. Миропольский, характеризуя состав сельского учительства первой половины XIX в., писал: «Учителями народа являлось всякое отребье, изгнанные из службы чиновники, отставные солдаты, писари и т. д. – словом всякий, кому деться некуда, ради куска хлеба, брался за учительство, которое не давало ни чести, ни хлеба, но все же давало приют бедняку»[1271].

5.2. Правовое положение, социальный статус и культурный облик учителей

Образовательный уровень

Сохранившиеся формулярные списки, отчеты училищных дирекций и иные источники позволяют оценить численные показатели исследуемой группы по трем губерниям, в динамике, и одновременно представить образовательный статус учителей.

Образовательный уровень учительской корпорации на территории Европейского Севера России был достаточно высок. В результате исследования выяснилось, что количество выпускников университетов, академий и институтов, работавших в школах этих губерний в течение первой половины XIX в. увеличилось. В Архангельской, Вологодской и

[1270] Миропольский С.И. Обязательность обучения в России. С. 62.
[1271] Там же. С. 68.

Олонецкой гимназиях представительство преподавателей с высшим образованием в начале XIX в. было значительным. По сохранившимся в архивным материалам за 1808 г. в Архангельской гимназии они составляли 50%, в Вологодской – 12%, в Олонецкой – 47%. Остальные педагоги являлись выпускниками духовных семинарий или Главных народных училищ[1272].

Образовательный уровень преподавателей училищ Министерства народного просвещения в Архангельской, Вологодской и Олонецкой дирекциях училищ в 1804-1825 гг.

Дирекция училищ / Учебное заведение	*Архангельская кол-во/%*	*Вологодская кол-во/%*	*Олонецкая кол-во/%*	*Всего кол-во/%*
1804-1825 гг.				
Университет, академии, институты	13 чел./31%	10 чел./16%	18 чел./38%	41 чел./27%
Духовные семинарии	15 чел./37%	24 чел./38%	13 чел./28%	52 чел./34%
Лицеи	-	-	-	-
Гимназии	3 чел./7%	8 чел./13%	5 чел./12%	16 чел./11%
Уездные училища	3 чел./7%	2 чел./3%	2 чел./4%	7 чел./5%
Главные и Малые народные училища	4 чел./10%	11 чел./17%	2 чел./4%	17 чел./11%
Морские и военные школы	2 чел./4%	-	3 чел./6%	5 чел./3%
Коммерческие училища	-	-	-	-
Без образования	1 чел./4%	8 чел./13%	4 чел./8%	13 чел./9%
Всего	41 чел.	63 чел.	47 чел.	151 чел.

[1272] РГИА. Ф. 733. Оп. 20. Д. 71. Л. 3-20.

В общей сложности в 1802-1825 гг. в трех училищных дирекциях трудился 151 учитель, из них 41 человек (27%) имели высшее образование. В 1825-1855 гг. из 307 преподавателей 114 (37%) окончили высшее учебное заведение. В первой четверти XIX в. больше всех таких учителей находилось в Олонецкой дирекции – 18 (38%), а во второй четверти в Архангельской дирекции – 49 (42%). Необходимо отметить заметное увеличение численности преподавателей с высшим образованием в Вологодской дирекции. Если в 1804-1825 гг. там работало 10 педагогов (16%), то в 1826-1855 гг. их стало 32 (32%). Большинство из них являлись студентами Санкт-Петербургского университета, выполнявшего основную роль подготовки учительских кадров для школ округа.

В тоже время данные таблицы показывают уменьшение количества педагогов с духовным образованием – выпускников духовно-учебных заведений. Если в первой четверти XIX в. в школах северных губернии работало 52 (34%) таких учителя, то во второй четверти – 66 (21%) человек. В первую очередь, это связано с тем, что во второй четверти XIX в. семинаристам запретили поступать в университет. Свое дальнейшее образование они должны были продолжать в Духовных академиях или работать в качестве приходских священников. Во-вторых, кадровая проблема общеобразовательных школ в это время решалась за счет высших и средних учебных заведений Министерства народного просвещения, а священнослужители занимали должности учителей в приходских училищах Министерства государственных имуществ и Духовного ведомства.

Образовательный уровень преподавателей училищ Министерства народного просвещения в Архангельской, Вологодской и Олонецкой дирекциях училищ в 1826-1855 гг.

Дирекции училищ / Учебное заведение	*Архангельская/ %*	*Вологодская/%*	*Олонецкая/%*	*Всего/%*
1826-1855 гг.				
Университет, академии, институты	49 чел./42%	32 чел./32%	33 чел./36%	114 чел./37%
Духовные семинарии	26чел./23%	25 чел./25%	15 чел./16%	66 чел./21%
Лицеи	-	2 чел./3%	-	2 чел./1%
Гимназии	31 чел./27%	29 чел./29%	30 чел./33%	90 чел./29%
Уездные училища	4 чел./4%	4 чел./4%	10 чел./11%	18 чел./6%
Главные и Малые народные училища	-	-	-	-
Морские и военные школы	2 чел./2%	-	-	2 чел./1%
Коммерческие училища	1 чел./1%	-	-	1 чел./1%
Без образования	1 чел./1%	8 чел./8%	4 чел./4%	13 чел./4%
Всего	114 чел.	101 чел.	92 чел.	307 чел.

При подсчете количества педагогов, окончивших губернские гимназии, оказалось, что во второй четверти XIX в. их количество во всех училищных дирекция возросло в несколько раз. В Архангельской дирекции с 3 (3%) до 31 (27%) человек, в Вологодской – с 8 (12%) до 29 (29%), в Олонецкой – 5 (12%) до 30 (33%). Все учителя окончили гимназии в своих же губерниях, за исключением 4-х выпускников Смоленской, Рижской, Санкт-Петербургской гимназий и 2-х учащихся Ярославского Демидовского лицея. Так, постепенно гимназии становились важным звеном в подготовке учительских

кадров. В общей сложности в 1826-1855 гг. в северных губерниях работало 90 (29%) учителей со средним образованием. Данная ситуация была отражением политики правительства по обучению казеннокоштных учеников гимназий для общественных школ.

Образовательный уровень преподавателей училищ Министерства народного просвещения в 1826-1855 гг.

	Архангельская дирекция (чел.)	Архангельская дирекция (%)	Вологодская дирекция(чел.)	Вологодская дирекция(%)	Олонецкая дирекция (чел.)	Олонецкая дирекция (%)	Всего(чел.)	Всего в %
Университеты, академии, институты	49	42,00%	32	32,00%	33	36,00%	114	37,00 %
Духовные семинарии	26	23,00%	25/25	25,00%	15/16	16,00%	66/21	21,00 %
Лицеи	-		2/3	3,00%	-		2/1	1,00 %
Гимназии	31	27,00%	29	29,00%	30	33,00%	90	29,00 %
Уездные училища	4	4,00%	4	3,00%	10	11,00%	18	6,00 %
Главные и Малые народные училища	-		1/1	1,00%	-		1/0,5	0,50 %
Морские и военные школы	2	2,00%	-		-		2/1	1,00 %
Коммерческие училища	1	1,00%	-		-		1	0,50 %

Без образования	1	1,00%	8	8,00%	4	4,00%	13	4,00 %
Всего	114		101		92		307	

Важно отметить, что среди учительской корпорации численность выпускников уездных училищ была невысокой (5-6%) и сохранялась на протяжении всей первой половины XIX в. Как правило, учащиеся этих школ не особо стремились на работу в учебные заведения. Их не привлекали небольшое жалованье и трудности в дальнейшем карьерном росте. Немногие из них продолжали обучение в гимназии, большая же часть учеников покидали школу, стараясь скорее устроиться на работу в гражданское ведомство.

Незначительный процент от общего числа учителей в губерниях Европейского Севера России составляли представители морских и военных школ, коммерческих училищ. Это были лица, вышедшие в отставку по состоянию здоровья, они заполняли вакансии преподавателей немецкого или французского языков.

В училищном ведомстве работали также учителя, не имевшие никакого образования. Чаще всего они преподавали рисование, черчение и чистописание, обладая хорошим почерком, владея навыками художественного творчества. Однако во второй четверти XIX в. их численность снизилась с 9% до 4%. Большинство педагогов этих предметов в это время являлись выпускниками Петербургской академии художеств.

Подводя итоги образовательного уровня педагогического состава на изучаемой территории, необходимо отметить, что политика правительства в отношении учительских кадров имела положительные результаты. За 50 лет усилиями Министерства народного просвещения, в основном, была решена кадровая проблема общеобразовательных школ. Вырос уровень образованности преподавателей. Формулярные списки учителей показывают,

что в подготовке учителей первенствовал Петербургский университет. 1/3 учителей имели высшее образование.

Несмотря на все предпринятые меры министерства по заполнению учительских вакансий, в школах не хватало учителей древних и новых языков. В отчетах директоров училищ часто встречаются сведения о 2-3 свободных учительских мест по каждой училищной дирекции. Например, в Олонецкой гимназии из-за отсутствия преподавателей не преподавались: французский язык с 1824 по 1830 гг. и с 1838 по 1844 гг., латинский язык – с 1811 по 1831 гг.[1273].

Состав учительской корпорации.

В соответствии с законодательством все учителя относились к категории государственных служащих. По «Предварительным правилам народного просвещения» (1803) учительские должности были соотнесены с классными чинами, что закрепляло высокий социальный статус учителей. Учителя уездного училища состояли в XII классе (губернский секретарь), учитель рисования в уездном училище – в XIV (коллежский регистратор), учитель рисования и черчения в гимназии – в XII классе, учителя языков в гимназии («младшие учителя» по должностной иерархии) – в X классе (коллежский секретарь), учителя наук, предметники («старшие учителя») – в IX классе (титулярный советник). Смотрители уездных училищ также числились в IX классе; а директор гимназии имел чин VII класса (надворный советник). По указу от 14 января 1811 г. учителя получали право производиться в чины коллежского асессора и статского советника без установленных указом от 6 августа 1809 г. специальных экзаменов на чин[1274].

Значение чина на гражданской службе усиливалось тем, что чиновники обретали личное и потомственное дворянство лишь в ходе службы, в результате чинопроизводства. Так, чин коллежского регистратора (XIV

[1273] Калинина Е.А. «Имена их известны будут в истории просвещения России…» Деятели народного образования Олонецкой губернии в первой половине XIX века. Петрозаводск, 2011. С. 119.

[1274] Указ от 14 января 1811 года // Периодическое сочинение о успехах народного просвещения. 1811. № 30. С. 1-2.

класс) давал личное дворянство, а коллежского асессора (VIII класс) – потомственное. Поскольку гражданские чины приобретались главным образом выслугой лет, получение их становилось почти автоматическим[1275]. Чин давал право учителю на должность, обеспечивал его рядом прав и привилегий и более высоким социальным статусом. Постепенное производство в чины XII – VIII классов за выслугу лет допускалось раз в 3 года. Чины можно было получить не только за выслугу лет, но и за отличия. Учитель приходского училища, если был лично свободен, получал чин XIV класса (и, тем самым, личное дворянство); прослужив не менее 12 лет, он оставался в этом чине и при увольнении[1276]. То есть вся иерархия учительских должностей соответствовала статусу личных дворян, даже независимо от наличия диплома о высшем образовании. Но и сам по себе университетский диплом был признан социально ценным. Окончивший университет со степенью кандидата, вступал в службу в чине XII, а с 1837 г., в чине X класса[1277].

Назначение на учительские должности утверждалось министром народного просвещения по представлению директора училищ. Представления директоров и смотрителей училищ становились важным фактором, определявшим возможности перехода на более престижное место, получения следующего чина или должности, награды за выслугу лет, прибавки к жалованью. Назначения отражались в ведомственном «Журнале министерства народного просвещения», где печатались также списки представленных к награждению орденами и присвоению нового классного чина.

Формально, любой лично свободный человек, обладавший элементарными знаниями, мог поступить на должность учителя и получить возможность быть причисленным к дворянскому сословию. С утверждением в звании учителя, он увольнялся из принадлежащего ему ранее сословия и

[1275] Шепелёв Л.Е. Титулы, мундиры и ордена Российской империи. М., 2008. С. 157-158.
[1276] Филоненко Т.В., Шипилов А.В. Материальное положение учителей в дореволюционной России // Педагогика. 2004. № 7. С. 65
[1277] Иванов А.Е. Ученые степени в Российской империи XVIII – 1917 г. М., 1994. С. 48.

освобождался от податей. Добросовестное отношение к своей работе, почтительность к начальству, долговременная служба в училищном ведомстве гарантировало достаточно быстрое продвижение педагогов по карьерной лестнице.

Для педагогов, не имевших высшего образования – восхождение по чиновничьей лестнице происходило труднее и зависело от педагогического стажа. Чаще всего, это были преподаватели, ранее работавшие в Главных и Малых народных училищах – младшие учителя гимназии, состоящие в X классе (педагоги древних и новых языков).

Учительская корпорация была достаточно разнородна. Педагоги в своем правовом и социальном статусе были неравны. Одни являлись государственными служащими, имели чины, льготы, пенсионное обеспечение, фиксированное жалованье, другие – нет. Оклады учителей разделялись в зависимости от чина, школьной ступени (учителя гимназии, уездных и приходских училищ) и сложности преподавания предметов (старшие – учителя наук, младшие – учителя языков, учителя рисования, черчения, чистописания). Эта иерархия делила педагогов на «первостепенных» и «второстепенных», усложняя их консолидацию как профессионального сообщества.

Элитой профессиональной группы являлись старшие учителя гимназий, учителя-предметники, имеющие высшее образование. Это были преподаватели русской словесности, математики, истории, географии. Они являлись членами педагогических советов, участвовали в обсуждении финансовых, организационных, методических и других школьных проблем, из их числа назначались директоры гимназий и училищных дирекций, смотрители уездных училищ.

Дирекция народных училищ привлекала их к инспекторским поездкам по уездным и приходским училищам губернии. По окончании командировки они составляли подробные отчеты о состоянии школ. Такие обозрения по Олонецкой губернии в разное время составляли Г. К. Ореховский, Н. О.

Куняев, М. И. Троицкий. При посещении училищ, особенно сельских, учителя встречались с местным населением, духовенством и призывали крестьян открывать в деревнях приходские училища. Заметим, что «обозрение» совершалось без дополнительной оплаты, и, кроме прогонных денег, такие визитаторы не получали ничего сверх жалованья.

Во время отсутствия директоров народных училищ (по случаю их отпусков, командировок, болезни) исполняющими должность директора училищ назначались также старшие учителя гимназий. Так, старшие учителя Олонецкой гимназии М. И. Копосов (в 1806-1807 гг.), Н. О. Куняев (в 1813-1814 гг.) замещали начальников училищных дирекций. Нередко педагогов привлекали к исполнению общественных поручений в качестве членов различных общественных организаций. В Петрозаводске М. И. Троицкий и Э. А. Мудров были членами тюремного комитета и отмечены за усердную работу в этом комитете «Всемилостивейшим удовольствием императора»[1278].

Большинство учителей уездных училищ поступили на службу после окончания духовных семинарий или губернских гимназий и не имели высшего образования. Получение чинов и учительская карьера таких учителей было делом весьма проблематичным. По Уставу 1804 г. они могли дослужиться до XII класса (чин губернского секретаря), тем не менее, благодаря значительному стажу педагогической деятельности, некоторые педагоги уездных училищ имели VIII класс (чин титулярного советника).

В первой четверти XIX в. в российских школах был значительный недостаток в кадрах среди учителей латинского языка. В целях заполнения пустующих учительских вакансий и привлечения к педагогической деятельности населения Министерство народного просвещения увеличило оклады этой категории преподавателей. Так, с июля 1811 г. учителя латинского языка уравнивались с жалованьем со старшими учителями гимназии, состояли в IX классе[1279].

[1278] НА РК. Ф. 17. Оп. 5. Д. 4/9. Л. 300.
[1279] Периодическое сочинение о успехах народного просвещения... 1811. № 31. С. 136.

Следует отметить, что контингент младших учителей иностранных языков составляли иностранцы. Педагогический стаж таких преподавателей и, соответственно, карьерный рост начинался только после получения ими российского подданства.

По ходатайству попечителей Санкт-Петербургского учебного округа в связи с «дороговизной жизни» повышение окладов учителей производилось только в столице в 1805, 1806 1807 и 1822 гг. В других же регионах Петербургского учебного округа такой прибавки не было. Министерство осознавало эту необходимость, для чего потребовалось бы значительные государственные финансовые расходы и поэтому решили ограничиться поощрительными мерами только в адрес петербургских педагогов[1280].

В 1839 г. по распоряжению попечителя Петербургского учебного округа М. А. Дондукова-Корсакова разрешалось повышать жалованье учителям французского и немецкого языков «по уважению затруднения, встречаемых в отыскании» этих учителей в отдаленных гимназиях за счет «экономических сумм» самой же гимназии[1281]. Однако денег для такой прибавки в гимназиях чаще всего не было. Например, в апреле 1839 г. учитель немецкого и французского языка Олонецкой гимназии В. Топоров написал прошение: «Чрезвычайная дорогивизна в г. Петрозаводске на все жизненные потребности при моих семейных обстоятельствах весьма для меня обременительны и заставляет меня часто терпеть недостаток в таких предметах, которые мне необходимы по моему званию»[1282]. Он просил увеличить ему жалованье до 1800 руб.[1283]. Из-за недостатка экономических сумм Совет Олонецкой гимназии не принял решение об увеличении жалованья В. Топорову

Особую категорию учительского корпуса составляли учителя рисования, черчения и чистописания. Они не являлись государственными служащими.

[1280] Воронов А.С. Историко-статистическое обозрение... СПб., 1849. С. 171-172.
[1281] НА РК. Ф. 17. Оп. 5. Д. 7/15. Л. 349.
[1282] Там же. Л. 350.
[1283] С 1828 г. старшим учителям гимназии было определено жалованье 1875 руб.

Права государственной службы по Табели о рангах (XIV класс) они получили только по Уставу 1828 г.[1284]. И это несмотря на то, что многие педагоги данных учебных предметов имели высшее образование. Например, И. Солонин, Н. Тырынданов, А. Алексеев, В. Гальянов – выпускники Петербургской Академии художеств, работавшие в Архангельской гимназии учителями рисования, черчения и чистописания.

Учителя городских начальных школ установленного жалованья не имели. Как правило, приходские училища находились на попечении обществ, в связи с этим материальное положение педагогов зависело от их произвола. Городские Думы самостоятельно определяли уровень заработной платы учителей. Необходимо отметить еще одну категорию школьных педагогов – законоучителей, игравших важную роль в воспитательной деятельности школ. Статьи школьных Уставов 1786 и 1804 гг. не предусматривали в штатном расписании учебных заведений должность законоучителя. Однако сохранившиеся архивные документы начала XIX в. иллюстрируют активную добровольную деятельность священников по организации обучения Закона Божьего во многих учебных заведениях. В 1804 г. в Петрозаводском Главном народном училище законоучителем работал священник Петрозаводского Зарецкого Троицкого прихода И. Ярославлев, в Архангельском – священник А. Молчанов, в Олонецком Малом училище – П. Беляев[1285], а труды протоирея И. Ярославлева, «обучавшего в тамошнем Главном училище Закону Божию без всякого от казны жалованья» в 1808 г. были отмечены Александром I, который «указать соизволил» наградить из установленных для белого духовенства знаков отличия камилавкою[1286]. Подобные примеры можно привести и по другим учебным заведениям северных губерний.

Постепенно заинтересованность священников в поступлении на должность школьного преподавателя Закона Божьего уменьшалась. Многие церковно- и священнослужители отказывались работать бесплатно, ссылаясь

[1284] Устав гимназий, уездных и приходских училищ.
[1285] ЦГИА СПб. Ф. 139. Оп. 1. Д. 114, 214, 376.
[1286] НА РК. Ф. 126. Оп. 2. Д. 1/14. Л. 51.

на значительную загруженность по приходу, или шли в школы неохотно, надеясь на временное там пребывание.

Введение в школах в 1811 г. преподавания Закона Божьего потребовало значительного увеличения учителей по этому предмету. Первоначально для этой цели привлекали старших учителей гимназии, как правило, выпускников университетов. Так, в Олонецкой гимназии, с 1811 г. старший учитель гимназии М. И. Троицкий «до определения особенного законоучителя из священников, в продолжение трех лет по поручению начальства занимался в гимназии преподаванием Закона Божьего без жалованья»[1287]. Только в 1815 г. здесь был назначен особый законоучитель, священник местной церкви И. Богословский. В Архангельской гимназии с 1811 г. по 1819 гг. Закону Божьему обучал также старший учитель гимназии Е. П. Смирнов.

В школьном Уставе 1828 г. порядок назначения на должность преподавателя Закона Божьего изменился: ст. 137 Устава гласила – законоучителями могли быть только духовные лица, окончившие духовные школы не ниже семинарии, преподаванием в приходских училищах могли заниматься и члены причта. Должность законоучителя была введена в штатное расписание учебных заведений. С течением времени повысился и их правовой статус. Они были уравнены в правах с другими учителями.

Деятельность законоучителя в первой половине XIX в. в учебных заведениях России была разноплановой. Кроме преподавания Закона Божия он руководил домашней, школьной и церковной молитвой учеников, внеклассным чтением ими Священного Писания и религиозных книг, регулярной исповедью и причащением, соблюдением церковных правил и благочестивых христианских обычаев и т. д.

Пожалуй, самое неопределенное положение в учительской корпорации занимали учителя сельских приходских училищ. Их правовой статус не был официально определен. Учителями являлись местные священники, которые

[1287] Там же. Ф. 17. Оп. 5. Д. 3/6. Л. 699-701 об.

исправляли свои обязанности без вознаграждения. На содержание сельских приходских училищ из государственной казны средств не выделялось. Правительство считало, что они должны содержаться «мирским обеспечением».

Следует отметить, что признание труда учителей сельских приходских училищ, включение их в ранг государственных служащих и определение постоянного жалованья произошло только во второй половине XIX в. В это время сложилась система подготовки учителей: определились требования к профессиональной подготовке педагогов, законодательно оформилось их правовое положение, которое зависело от уровня образования и квалификации.

Материальное положение учительства.

Вопрос о материальном положении учителей был определяющим в деле развития народного образования. Оплата педагогического труда оказывала значительное влияние на социальный и духовный облик учителя, его общественное поведение, отношения с училищным начальством, его психологическое состояние. Материальное положение педагогов было весьма скромным. Школа никогда не была местом обогащения, куда бы педагоги стремились ради заработка, и материальная заинтересованность не стояла на первых позициях среди мотивов людей, решивших связать свою жизнь с народной школой.

Доходы учителей различались в зависимости от чина, ступени училищной иерархии, сложности преподаваемых предметов, учебной нагрузки, возможностей совместительства. Оклад жалованья старших учителей гимназий в зависимости от региона при учебной нагрузке 18 час. в неделю составлял от 550 до 750 руб. в год. и был значительно выше, чем у других педагогов Жалованье младших учителей гимназии – преподавателей иностранных (древних и новых) языков, при нагрузке 16 час. в неделю составляло 400 руб. в год. Жалованье учителей уездных училищ,

преподающих основные предметы, не превышало 300 руб. в год[1288]. Судя по архивным данным, жалованье приходских учителей варьировалось от 15 до 250 руб. в год.

Первоначально жалованье учителям выплачивали по третям (три раза в год), затем с 1835 г. – раз в месяц. Учителя приходских училищ, находившиеся на содержании городского бюджета, часто получали жалование с серьезными задержками и испытывали материальные трудности. Например, задержки жалованья произошли в Вытегорском приходском училище Олонецкой губернии в 1843 г., когда городская Дума задержала выплату педагогам «по 6 руб. серебром и сверх того плату за помещение училища по 9 руб. серебром в месяц» с 1 сентября 1842 г. по 1 апреля 1843 г.[1289].

В системе оплаты труда учителя предполагалось дополнительное денежное поощрение, оно определялось по усмотрению директора училищ и с утверждения попечителя округа. Прибавки к жалованью осуществлялись только тем учителям, кто оказывали отличные успехи в обучении юношества и старание к исполнению своих должностей. Это были единовременные денежные вознаграждения за «отлично-усердную» службу от 100 до 200 руб. за 5, 10, 15, 25-летний педагогический стаж работы.

С 1817 г. учителям разрешили преподавать учебные предметы в разных учебных заведениях и классах[1290]. Такое разрешение с одной стороны позволяло несколько увеличить недостаточное учительское жалованье, с другой – решить проблему нехватки педагогических кадров в учебных заведениях страны. Для пополнения семейного бюджета учителя брали дополнительную нагрузку, совмещая несколько вакансий. Например, учителя совмещали преподавание уроков в гимназии, в Училище для детей канцелярских служителей, благородном пансионе, частных школах, женских

[1288] Примерное исчисление сумм на ежегодное содержание // Сборник постановлений по Министерству народного просвещения. Т. 1. 1864. Стб. 33-34.

[1289] НА РК. Ф. 17. Оп. 6. Д. 8/9. Л. 587.

[1290] О дозволении профессорам и учителям преподавать учебные предметы в разных классах и местах // ПСЗРИ. Собр. 1. Т. 35. № 26591.

училищах. Некоторые обучали детей состоятельных родителей на дому. Например, М. Д. Беликов занимался обучением детей архангельского губернатора, а В. А. Соколов – детей каргопольского мещанина П. Насонова. Так, педагоги имели возможность дополнительного заработка за счет увеличения учебной нагрузки, а также выполнения обязанностей смотрителя уездных училищ или письмоводителей школ. Но чрезмерная загруженность сказывалась на их здоровье: «беспрестанные и бессменные занятия делаются тягостными и изнуряют здоровье»[1291]. Этим и обусловлены сохранившие в архивах многочисленные ходатайства жен учителей в дирекцию народных училищ о материальной помощи на лечение детей, на погребение членов семьи и т. д.

О том, что учителя при этом жили более чем скромно, свидетельствуют отчеты визитаторов. Например, в отчете профессора Петербургского университета В. Г. Кукольника, обозревавшего школы столичного округа в 1815 г., говорилось, что «штатное жалованье» учителей, «при нынешнем понижении курса государственных ассигнований и возвышении почти в такой пропорции дороговизны на все потребности, относящиеся к первейшим нуждам человека, весьма недостаточно, для их содержания, особливо же при многочисленном семействе, которые большей части они обременены»[1292]. Дело в том, что воспринимая службу как долговременное служение, а свое положение как стабильное, большинство учителей создавали семьи, часто многодетные, покупали дом, заводили хозяйство и редко перемещались за пределы губернии. «Обремененность семьей», скромность и умеренность в быту совпадали с жизненным стандартом выходцев из духовного сословия.

В очерке учителя русского языка Олонецкой гимназии К. М. Петрова по истории учебных заведений в Вытегорском уезде, помещенным в «Олонецких губернских ведомостях» в 1864 г. представлена типичная

[1291] Петров К.М. Олонецкая гимназия… С. 10.
[1292] РГИА. Ф. 733. Оп. 20. Д. 164. Л. 16.

картина социального положения учителя в начале XIX в. на примере учителя Вытегорского уездного училища Гордея Новикова. Автор указывал, что причиною его «ранней смерти могли быть чрезмерные труды неразмерные в то время при скудости содержания со званием учителя…. Жалко было положение этого учителя, обремененный огромным семейством, он получал всего 100 руб. ассигнациями в год. Бедность заставила его исполнять обязанности сторожа… Учитель зимой и летом носил один байковый сюртук, а вместо чулков обвертывал ноги бумагой…. Он был приятелем с городничим Протопоповым, и они часто беседовали между собой за чашкой чаю по латыни»[1293].

Иногда в семьях учителей денег не хватало на похороны. В этих случаях дирекции народных училищ всегда оказывали материальную помощь. Так, после смерти П. С. Соболева в 1817 г. директор Олонецких народных училищ С. А. Башинский сообщал в своем донесении попечителю учебного округа С. С. Уварову, что «приняв в уважении бедность оставшейся после него жены его Матрены Соболевой, выдано на погребение мужа 75 руб.»[1294]. Смерть учителя обрекала его многодетную семью на нищенское существование. Материальная помощь вдовам таких учителей по закону была единовременной – в размере годового жалованья мужа, или того меньше.

В 1819 г. в Главном правлении училищ рассматривался вопрос о материальном положении учителей. На одном из заседаний Правления обратили внимание на бедственное положение училищных чиновников и особо на учителей приходских и уездных училищ. В записке министра духовных дел и народного просвещения А. Н. Голицына указывалось, что назначение штатных окладов учителям в 1805 г. «было весьма скудное». Члены Правления полагали, что учительское звание более всего сопряжено «трудностью и изнурением физических сил», и при всей его тягости не

[1293] Петров К.М. Учебные заведения в г. Вытегре (из историко-статистического очерка г. Вытегра) // ОГВ. 1864. № 14.
[1294] ЦГИА СПб. Ф. 139. Оп. 1. Д. 1692. Л. 1.

доставляет даже самого умеренного содержания. Скудное содержание чиновников произвело достаточно неблагополучные последствия, «что не только иностранцы, но и одноземцы… поступая в службу непринужденно помышляют более о своем избавлении, нежели о пользе учащихся»[1295].

Однако, конкретных мер по улучшению материального положения педагогов принято не было.

Трудное материальное положение учителей, особенно семейных, вынуждало их осаждать училищное начальство просьбами о повышении жалования или разовых выплатах. Например, учитель Архангельского уездного училища И. Л. Соломбальцев в прошении директору училищ В. Л. Сильвестрову в декабре 1824 г. просил о дополнительной прибавке к жалованью, которое считал непропорциональным, в сравнении с объемом труда. Он писал: «Ежедневно в классе бывает от 50 до 70 человек… Одно лишь бедное жалованье из 300 руб. в год, не только не может быть достаточно к воспитанию окружающих меня в трех душах семейство, но даже скудно и к собственному моему пропитанию»[1296]. Соотнесение названной суммы с жалованием мелких чиновников и духовенства (80-100 руб.), живущих не в уездном, а в столичном городе, где прожиточный минимум был гораздо выше, заставляет предположить, что проситель сильно преувеличивал свою бедность.

Вопрос об оплате труда учителей сельских училищ также постоянно поднимался перед высшим училищным начальством. В Центральном историческом архиве Санкт-Петербурга сохранились прошения церковнослужителей в адрес министра народного просвещения и попечителя Петербургского учебного округа об оплате труда за обучение крестьянских детей. Интересно, что данные прошения отправлялись одними и теми же лицами на протяжении нескольких лет. Так учителя Шильдского приходского сельского училища Олонецкой губернии дьяконы Егор и

[1295] РГИА. Ф. 733. Оп. 86. Д. 420. Л. 11-12.
[1296] ГААО. Ф. 61. Оп. 1. Д. 3. Л. 193.

Никофор Сермягины обращались к высшему училищному начальству в 1811 и 1818 гг. «Изнемогая под бременем, возложенной на нас должности»[1297], – писали священники, которые на свой счет содержали школу в собственном доме без оплаты с 1805 по 1818 гг. Наставники приходского училища обращались с просьбами оплатить их труд по обучению крестьянских детей грамоте. Министры народного просвещения А. К. Разумовский (1811 г.) и А. Н. Голицын (1818 г.) отвечая на просьбы учителей, предложили дирекции олонецких училищ выдать им единовременное денежное вознаграждение из экономических сумм дирекции. Но за отсутствием средств, дирекцией Олонецких училищ денег выделено не было.

Характерной особенностью того времени был безвозмездный труд учителей. Такая деятельность особо поощрялась училищным начальством: педагогам объявлялась благодарность, особая признательность т. д. Как правило, это было бесплатное преподавание уроков в городских женских школах или женских классах при уездных или приходских училищах, во время замены заболевших учителей. «При этом я должен упомянуть еще о похвальном усердии учителей училища Тимофеева и Куняева, которые (вследствие некогда сообщенного им мною совета – облегчать вступление в гимназию оканчивающим в училище курс ученикам безвозмездными уроками из латинского и немецкого языка) с некоторого времени приняли на себя этот безвозмездный труд в виде совершенно частных домашних уроков в свободное от учения время», – писал инспектор училищ Петербургского округа, обозревая школы Олонецкого уезда в декабре 1843 г.[1298]. В редких случаях по личным прошениям педагогов, ходатайствам директоров училищ в высшие училищные инстанции такая дополнительная нагрузка компенсировалась незначительными единовременными суммами с разрешения попечителя округа.

[1297] ЦГИА СПб. Ф. 139. Оп. 1. Д. 101. Л. 682.
[1298] НА РК. Ф. 17. Оп. 5. Д. 8/17. Л. 40-41.

Учителя бесплатно исполняли обязанности школьного библиотекаря и вели «записки заведенным и впредь заводимым училищам, как в губернском, так и в уездных городах и других окрестных местах губернии». В этих исторических заметках необходимо было указывать даты открытия училищ, сведения о министре народного просвещения, о попечителе, директоре, смотрителях и учителях. Такие исторические описания должны были составляться ежегодно и посылаться в университет. «Сей труд относится к числу посторонних обязанностей учителей, за которые они имеют ожидать особенной награды, если оный достоин будет уважения» – говорилось в Уставе 1804 г.[1299]. Однако именно благодаря этим «трудам» мы имеем сегодня неплохое представление о состоянии школьного дел в России.

К составлению таких исторических описаний обычно привлекали учителей истории. Так, например, как сообщал в 1806 г. А. Е. Крылов в своем донесении попечителю учебного округа Н. Н. Новосильцеву: «П. А. Лопатинский [учитель всемирной и естественной истории. – *Е. К.*] ведет записку заведенным и впредь заводимым училищам в Олонецкой губернии»[1300]. Его труд был впервые опубликован в 1889 г. в газете «Олонецкие губернские ведомости», вероятно, по сохранившейся рукописи. В Национальном архиве Республики Карелия также хранится «Историко-статистическое описание состояния народных училищ Олонецкой губернии со времени учреждения оных», составленное в 1834 г. неизвестным автором[1301]. Предположительно, что это был А. С. Бельзовский, так как именно он преподавал в этот момент в Олонецкой гимназии историю и статистику.

Учителям физики и математики предписывалось вести метеорологические, топографические и статистические записки. В Вологодской дирекции училищ в 1808 г. по распоряжению Училищного комитета Московского университета «О ведении в училищах исторических,

---

[1299] Устав учебных заведений, поведомых Университетам.
[1300] ЦГИА СПб. Ф. 139. Оп. 1. Д. 227. Л. 1.
[1301] НА РК. Ф. 17. Оп. 2. Д. 2/8. Л. 679.

метеорологических, топографических и статистических записок» – историческими записками занимались П. Суровцев и Н. Веденский, статистическими – Г. Осокин, метеорологическими и топографическими – Алексей и Николай Фортунатовы[1302]. Известно, что такие наблюдения в Олонецкой гимназии велись М. И. Троицким и Э. А. Мудровым. Исследовательские работы учителей гимназии А. Фортунатова, Сольвычегодского уездного учителя А. Д. Протопопова, Великоустюжского уездного училища А. О. Мудрова были опубликованы в типографии Московского университета[1303].

Сверх преподавания уроков учителя вели дополнительные занятия с учениками. Например, экскурсии, во время которых им предписывалось вместе с учениками собирать травы, различные виды грунтов, камней, и объяснять их свойства и отличительные признаки. Известно, что в Петрозаводске такие экскурсии в 1811 г. проводил учитель П. С. Соболев. Ведомственный журнал даже посчитал необходимым отметить в 1814 г., что «В Санкт-Петербургский педагогический институт отправлен собранный трудами учителя Петрозаводской гимназии П. С. Соболева гербарий»[1304].

Устав 1828 г. привел к увеличению жалования учителей сравнительно со штатами 1804 г. – примерно в 2,5 раза, без поправки на инфляцию. Для старших учителей гимназии теперь было предусмотрено жалование от 1375-2500 руб. для младших – 1200 руб. в год[1305]. Однако учительский труд не давал возможности жить безбедно. Даже при увеличении жалованья, на содержание многочисленного семейства средств не хватало. Так, служивший около пяти лет штатный смотритель Грязовецкого училища Вологодской губернии Ф. Левитский, «лишенный параличом употребления языка, ног и

[1302] ГАВО. Ф. 438. Оп. 3. Д. 243. Л. 15-19.

[1303] Мудров А.О. Сведения, относящиеся к Великоустюжскому училищу М., 1804; Протопопов А.Д. Записки, веденные по топографо-исторической части. М., 1814; Фортунатов А.Ф. Метеорологические наблюдения и разные физические замечания, сделанные в Вологде. М., 1814.

[1304] Периодическое сочинение о успехах народного просвещения. 1814. № 38. С. 186.

[1305] Сборник постановлений по Министерству народного просвещения. Т. 2, ч. 1. 1864. Отд. 1. Штаты и Приложения. С. 2-6.

одной руки, принужден в 1833 г. оставить службу и с тем самым лишиться способов к снисканию пропитания семейству из пяти лиц состоящему. Воспитанники гимназии и благородного пансиона, руководимые человеколюбием и сострадательными к положению несчастного…. пожертвовали ему 100 руб.»[1306].

Картину бедственного положения учителей провинциальных гимназий иллюстрируют воспоминания и дневники, составленные визитаторами и бывшими учащимися гимназий. А. В. Никитенко, профессор Петербургского университета, посетивший с ревизией учебные заведения Санкт-Петербургского учебного округа в 1834 г. и, видя тяжелое положение учительства, записал в своем дневнике: «Участь учителей незавидная. Общество смотрело на них холодно. Никто их не поощрял, а вознаграждения едва хватало на дневное пропитание»[1307].

Неслучайно в периодической печати середины XIX в. стали появляться заметки, авторы которых говорили о необходимости улучшения материального положения учителей. В 1868 г. М. П. Погодин в своих школьных воспоминаниях предлагал обеспечить учителей государственным жильем и позволить им «иметь нахлебников», т. е. пансионеров – учеников школ, которые за определенную плату будут проживать в домах учителей[1308]. Таким образом, материальная необеспеченность и низкое социальное положение учителя делали педагогическую карьеру для молодых людей непривлекательной и заставляли искать другой род службы. Многие называли труд учителя «неблагодарным». Однако официальные оценки положения учительства были куда более оптимистичными. Так, член Министерства народного просвещения А. С. Воронов, подводя итоги учебной реформы 1804 г., отмечал в 1828 г., что в начале XIX в. в России появилось «новое поколение наставников, облагороженных, обеспеченных в жизни» [1309].

[1306] ВГВ. 1840. № 17.
[1307] Никитенко А.В. Записки и дневник. Т. 2. С. 60.
[1308] Погодин М.П. Школьные воспоминания 1814-1820 гг. С. 629.
[1309] Воронов А.С. Историко-статистическое обозрение… СПб., 1855. С. 102.

Этика профессии

Вся деятельность педагогов жестко регламентировалась законодательными документами. Учитель был под постоянным наблюдением инспектора и директора гимназии, смотрителя училищ, чиновников местной администрации (земских исправников, городничих, губернатора), родителей учеников.

Профессиональные обязанности педагогов губернских гимназий, а также учителей уездных училищ были изложены в школьных уставах, которые предписывали вести обучение детей строго по государственному учебному плану, не вмешивая «ничего постороннего и до учебных предметов не касающегося»[1310]. Устав 1804 г. регламентировал поведение учителя не только в отношении к преподаваемым предметам, но и в отношении к ученикам и коллегам, обязывал учителя быть «терпеливым и исправным, и полагаться на свою прилежность и порядочные правила» (ст. 40), проявлять «чувствования, кротость, ласковость, терпение и внимание, ...сердцу родителей свойственные» по отношению к учащимся (ст. 42). Однако, «занимая место родителей, учители не должны почитать себя за полновластных судей над детьми», говорилось тут же (ст. 44)[1311].

В Уставе 1828 г. количество статей, посвященных нравственным основам личности учителя, значительно увеличилось. Общий их смысл сводился к тому, что учителя обязаны были иметь благонравное поведение во время службы в училище и в быту, а училищное начальство было обязано знать «об их [учителях. – *Е. К.*] нравственных качествах и поведении»[1312]. Учителя же, в свою очередь, должны были повиноваться училищному начальству и в точности выполнять все его распоряжения и предписания. Так, при определении на должность учителя кандидатам необходимо было не только доказывать на специальных испытаниях право на преподавание учебных предметов, но и «предоставлять достоверные сведения в

[1310] Устав учебных заведений, подведомых Университетам.
[1311] Там же.
[1312] Там же.

беспорочном поведении»[1313]. Преподавателям вменялось следить «за нравственностью воспитанников», но делать это они должны были путем воздействия «на юные души воспитанников, служа для них примером благонравия, трудолюбия, точного, ревностного исполнения долга и строго наблюдения не только правил чести, но и необходимых приличий общежития»[1314]. Таким образом, учитель своим нравственным обликом и достойным поведением в обществе должен был выполнять свою главную обязанность – «образовывать умы и сердца вверенных ему юношей»[1315].

Директора в своих годовых отчетах по ведомству, составляя списки учителей гимназий и уездных училищ, давали характеристику поведения каждого. Обозревая учебные заведения округа, визитаторы обязаны были также обращать внимание на нравственный облик наставников и в своих отчетах об осмотре училищ доносить об их поведении, настроении, образе жизни. Обычно инспектирующие отмечали «благородное поведение», усердие педагогов, их авторитет в обществе. Так, попечитель Петербургского учебного округа С. С. Уваров в своем докладе министру народного просвещения А. К. Разумовскому по результатам ревизии профессора Императорского университета П. Д. Лодия Санкт-Петербургского округа в 1811 г. сообщал, что учителя всех этих гимназий «в полной мере признательны к правительству и начальству за образование свое»[1316].

Отчеты и представления визитаторов, директоров и смотрителей училищ о педагогах изобилуют свидетельствами о «благонравном» поведении. В отчете профессора Петербургского Педагогического института в 1811 г. П. Д. Лодия отмечался учитель В. И. Березниковский, как «отменно деятельный, рачительный и способный к своей должности»[1317]. Об учителе Н. О. Куняеве директор Олонецких училищ С. А. Башинский в 1818 г. писал: «Прилежен и

[1313] Устав гимназий и училищ уездных и приходских.
[1314] Там же.
[1315] Там же.
[1316] РГИА. Ф. 733. Оп. 20. Д. 25. Л. 11 об.
[1317] Там же. Д. 125. Л. 23.

довольно успешен, поведения благородного и отличного»[1318]. В ходатайстве о награждении орденом Св. Анны III степени М. И. Троицкого и М. А. Копосова в 1832 г. указывалось: учителя прилежны, ответственны, «благородного образа мыслей»[1319]. В 1834 г., по итогам такой же ревизии в Олонецкой губернии в своем отчете Николаю I попечитель учебного округа М. А. Дондукова-Корсакова отмечал: «Нравственное направление наставников и юношества подает самые утешительные надежды…, и педагоги гимназий пользуются уважением и заслуживают отличную похвалу»[1320].

Примечательно, что и учащиеся в своих воспоминаниях с душевным уважением вспоминали тех учителей, которые добросовестно относились к своему делу. Как правило, одним из основных положительных качеств педагогов являлось доступное и интересное для учеников преподавание учебных предметов. Немаловажное значение приобретали и нравственные параметры личности наставников, такие как, доброта, сопереживание, внимательность, чуткость по отношению к детям. Педагоги нередко давали разумные советы, указания, развивали эстетические чувства, приучали учеников к самостоятельному и усердному труду. Иногда воспитанники после окончания гимназии или университета, продолжая дело любимого учителя в качестве преподавателей учебных заведений, старались быть похожими на своих наставников.

Но были и другие примеры, когда поведение учителей характеризовалось как недостойное, неблаговидное, при этом чаще всего имелось в виду пьянство. Отметим, что данная проблема была достаточно широко распространена среди учительства того времени. Как отметил в своем исследовании Н. К. Отто, случаи появления на работе в нетрезвом состоянии учителей Вологодской гимназии А. Яхонтова и В. Двиновского

[1318] ЦГИА СПб. Ф. 139. Оп. 1. Д. 1878. Л. 123.
[1319] НА РК. Ф. 17. Оп. 5. Д. 3/6. Л. 700 об.
[1320] Общий отчет, представленный его императорскому величеству по Министерству народного просвещения за 1834 г. СПб., 1835, С. 35-41.

отмечалось уже в 1804 г., т. е. с самого начала существования этого учебного заведения. О таких фактах директор училищ К. С. Станиславский доносил в Училищный комитет Московского университета и губернатору, который предложил «оказать в последний уже раз снисхождение,… хотя А. Яхонтов навлек на себя гнев начальства»[1321]. Училищный Комитет Московского университета предписывал директорам «употреблять деятельную блюстительность за учителями» добросовестных и порядочных учителей – уважать, а нерадивых – «представлять Комитету, с прописанием истинных и основательных причин для надлежащего следствия и решения по законам»[1322].

Нарушения трудовой дисциплины было повсеместным. В январе 1814 г. министр А. К. Разумовский направил во все учебные округа циркуляр, в котором поручал попечителям строго предупредить учителей, что если кто из них будет замечен «в гнусном пороке», то не только лишится места, но и будет исключен из училищного ведомства, а имя его опубликовано в печати[1323]. Таким образом, в борьбе с «недугом» использовались административные, материальные и моральные средства, но без особого успеха. Унылая действительность отдаленных городов и селений и отсутствие социальной перспективы воспроизводила этот русский «недуг» в каждом новом поколении местной интеллигенции.

Главной причиной «недуга» был разрыв между интеллектуальными и карьерными амбициями молодых (и не очень) педагогов и их возможностями, однообразие провинциального быта. Вот что писал в 1808 г. учитель Олонецкой гимназии П. А. Лопатинский, увольняясь от должности после 6-летнего срока службы в Петрозаводском главном народном училище: «Путь, который предпоказан учителям к приобретению высших университетских званий для меня кажется неприступным. В продолжение более, нежели пяти лет не имею я так как и теперь ни частных, ни

[1321] Отто Н.К. Вологодская дирекция училищ… С. 28.
[1322] Там же. С. 41.
[1323] РГИА. Ф. 733. Оп. 86. Д. 371. Л. 1-2.

училищных пособий к усовершенствованию своих знаний. Сверх того, напрасное ожидание любых выгод, назначенных учителям гимназии»[1324].

Упоминания «о периодической болезни, как последствии временной невоздержанности» учителей появлялись в отчетах директоров народных училищ и смотрителей училищ всех дирекций столичного учебного округа[1325]. Одни из таких учителей были молодыми специалистами, не выдержавшими трудностей быта на Севере, другие – опытные и уважаемые учителя, которые неоднократно получали благодарности по службе. При этом труднее всего было тем, кто понимал и оценивал свои способности по достоинству, но не мог применить их на практике. Именно эта группа педагогов более всего была подвержена опасности спиться в далекой провинции, так и не реализовав себя в полной мере. Данная проблема среди педагогов сохранялась на протяжении всего исследуемого периода.

Неблаговидное поведение учителей становилось объектом пристального внимания уездного и губернского училищного начальства. На такие факты смотритель и директор училищ обязаны были реагировать и принимать меры внушения или наказания. Первоначально смотритель делал предупреждение, при неоднократном повторении сообщал директору, который мог объявить выговор, а при злоупотреблении обязан был докладывать ректору университета и попечителю учебного округа. Высшее училищное начальство принимало более строгие меры наказания: увольнение или перевод преподавателя в школу другой губернии.

Еще менее оптимистичным был горизонт уездного учителя, нередко искавшего утешение в вине и деградировавшего. Смотритель Тотемского училища А. Иконников сообщил в донесении директору Вологодской дирекции училищ Н. А. Веденскому в октябре 1832 г., что учитель Вотложемский «приходил в классы не всегда в трезвом виде, а 19 сентября ни поутру, ни после полудня по его неумеренности пития не был в классе».

[1324] ЦГИА СПб. Ф. 139. Оп. 1. Д. 2163. Л. 4.
[1325] НА РК. Ф. 17. Оп. 5. Д. 3/6. Л. 298.

Смотритель делал ему предупреждения, проводил воспитательные беседы о пагубности вредных привычек, предлагал подать в отставку. Однако средства не возымели действия. Учитель «начал ходить в питейные дома, закладывать свои вещи и книги, с начала октября страсть его столько усилилась, что он послал ученика в питейный дом за хмельным питьем». Директор училищ Вотложемскому объявил строгий выговор, а затем по распоряжению из Петербурга его перевели в одно из учебных заведений Закавказского края на должность учителя[1326].

Иногда сведения «о периодической болезни, как последствии временной невоздержанности» учителей гимназий и уездных училищ попадали на страницы и отчетов директоров училищных дирекций. Так, в 1833 г. в университетский училищный комитет было доложено о недостойном поведении в быту (имелось в виду пьянство) учителя Олонецкой гимназии Н. О. Куняева[1327]. Сигналы о «неблагонравном» поведении учителя поступали в то время, когда учитель находился уже в весьма зрелом возрасте.

Другим профессиональным проступком считалось неисполнение должностных обязанностей: опоздания на уроки, неявка на работу или уход домой раньше положенного срока без уважительной причины. Еще в Уставе 1804 г. отмечалось, что «Учителя должны с точностью наблюдать учебные часы… никогда не пропускать классов, не уведомя о том заблаговременно» училищное начальство. В случае отсутствия учителя (пропуски уроков разрешались только по уважительной причине) необходимо было заменять преподавателя другими учителями или «с более успевшим учеником повторять с прочими прежние уроки»[1328].

В 1812 г. министр народного просвещения А. К. Разумовский сделал предписание ректорам университетов о том, что «учителя распускают учеников из классов прежде времени и приходят в класс позднее, нежели должны, а иногда и вовсе не бывают в классах» и просил усилить контроль, а

[1326] ГАВО. Ф. 438. Оп. 3. Д. 708. Л. 1-1об.
[1327] НА РК. Ф. 17. Оп. 5. Д. 4/8. Л. 15.
[1328] Устав учебных заведений, подведомых Университетам.

о нерадивости педагогов доносить начальству[1329]. Однако многие преподаватели часто пропускали уроки и притом не столько по болезни, сколько по неизвестным причинам. Комитет Министров предложил – вычет из жалованья по расчету за урок, пропущенный без уважительной причины. Но и эта мера оказалась неэффективна, позднее было решено предавать учителей манкирующими уроками к суду. Учитель должен предупреждать инспектора о болезни и предупреждать, когда выходит на работу. Уроки отсутствующих учителей распределяли между остальными преподавателями.

С 1839 г. директора училищ обязывались сообщать в округ о каждом учителе, «опаздывающем на урок более 10 мин., для взыскания с них по его [директора. – *Е. К.*] усмотрению»[1330] и составлять специальные ведомости об опозданиях и пропущенных уроках. С виновных вычитали штрафные суммы с их жалованья за день, неделю, месяц.

Директора, в свою очередь, заставляли всех штатных смотрителей училищ ежемесячно доносить обо всех нарушениях дисциплины[1331]. В мае 1839 г. на основе этих донесений директор М. И. Троицкий составил рапорт попечителю округа, где были названы фамилии учителей Олонецкой гимназии и количество уроков, на которые они опоздали. Например, с января по май 1839 г. Э. А. Мудров опоздал в школу три раза по 15 мин., а учитель П. Г. Шведт задерживался 7 раз от 15 до 30 мин. В ответ М. А. Дондуков-Корсаков предложил всем преподавателям, нарушившим дисциплину, сделать замечание «за таковые упущения в их деятельности». М. И. Троицкий распорядился по этому поводу следующим образом: тем учителям, кто опаздывал на уроки, было сделано устное замечание, а тем, кто вовсе не пришел на них, «вычтено из жалованья от означенных лиц и обращено в экономическую сумму гимназии». В результате, в общей сложности было взыскано на сумму 3 руб. 50 коп.[1332].

[1329] РГИА. Ф. 733. Оп. 86. Д. 324. Л. 1.
[1330] НА РК. Ф. 17. Оп. 5. Д. 7/15. Л. 356.
[1331] Там же. Ф. 422. Оп. 1. Д. 2/21. Л. 1.
[1332] Там же. Ф. 17. Оп. 5. Д. 7/15. Л. 374.

Контроль училищного начальства над учителями, как государственными служащими, затрагивал и их личную жизнь. Учителя были обязаны по закону получать у директора народных училищ разрешения на женитьбу. В Национальном архиве Республики Карелия хранятся несколько таких прошений: в 1834 г. от учителя А. И. Мещерского на вступление во второй брак с воспитанницей Императорского Санкт-Петербургского воспитательного дома Настасьей Ивановой, а в 1837 г. – от Э. А. Мудрова на брак с дочерью коллежского асессора Василия Аберхалтина Любовью[1333].

Для отлучки в отпуск во время летних каникул необходимо было просить позволения у директора училищ, который, в свою очередь, докладывал попечителю учебного округа и составлял соответствующий приказ. Также строго контролировались губернским и университетским начальством перемещения. Так, в 1834 г. официально был разрешен перевод Н. В. Талицкого из Каргопольского уездного училища в Олонецкую гимназию на преподавание географии и российской грамматики[1334].

Такая строгая регламентация учительского труда, несомненно, тяготила наставников, которые пользовались первым удобным случаем перейти на другие служебные поприща. Молодые люди, прослушавшие наук в высших учебных заведениях, неохотно занимали учительские должности и шли работать в школы либо «по принуждению», либо когда «не могли рассчитывать на иную карьеру», а отслужив положенный шестилетний срок, покидали училищное ведомство и устраивали свою дальнейшую жизнь на другой государственной службе. Одной из школьных проблем являлась постоянная смена преподавателей, которая крайне вредно влияла на правильный ход учебно-воспитательного процесса в школах.

Повседневная жизнь учителей. Структуры повседневности.

Большое значение в жизни учителей имели условия жизни и быта. Тяжелые условия службы, неустроенность быта, суровый климат многих

[1333] Там же. Д. 5/11. Л. 382; Д. 5/13. Л. 33.
[1334] Там же. Д. 5/12. Л. 418.

северных губерний Российской империи оказывали негативное влияние на здоровье учителей. Несомненно, немалую роль играло и психологическое состояние учителя, заброшенного в глухой край. Не случайно количество смертей учителей было невероятно высоким по округу в целом. Многие из них заболевали и не доживали до пенсионного возраста. В Олонецкой гимназии И. Д. Егорьевский проработал два года, затем заболел, вследствие чего был уволен и скончался в 1815 г. в возрасте 26 лет в Петербургской Обуховской больнице «от душевной болезни», П. С. Соболев трудился до 1817 г., но в 1817 г. он умер от апоплексического удара в 28 лет![1335]. И. Ф. Яконовский скончался, когда ему исполнилось только 36 лет. Заметим, как свидетельствуют архивные документы, до приезда в Олонецкую губернию никто из них серьезно не болел.

Подобная ситуация была и в других северных губерниях. Архивные документы иллюстрируют многочисленные прошения педагогов с жалобами на плохое здоровье, неблагоприятные климатические условия, неустроенность быта. Так, в своем прошении на увольнение в отставку А. М. Быстров, учитель Мезенского училища, в декабре 1842 г. написал: «За 15 лет служения моем на глубоком севере Архангельской губернии, здоровье мое расстроилось до такой степени, что во время пребывания моего при настоящем отпуске в других, более умеренных губерниях с употреблением медицинского врачевания не мог еще получить совершенное выздоровление… не могу возвратиться в Архангельскую губернию не только для продолжения службы, но даже для подачи в отставку прошения»[1336]. С разрешения попечителя округа – А. М. Быстрова уволили.

С просьбой о переводе на работу в другой город к директору училищ обратился и учитель этого же училища К. Демин в 1845 г. Он, в частности, писал: «Находясь… в Архангельской губернии на должности учителя в г. Мезень, вот уже 4 года, я постоянно чувствую, что здешний климат вреден для

[1335] ЦГИА СПб. Ф. 139. Оп. 1. Д. 1692. Л. 1.
[1336] ГААО. Ф. 61. Оп. 1. Д. 123. Л. 113.

моего здоровья, которое более и более расстраивается от частой случающейся со мной болезненной простуды». Кроме того, в своем прошении он отметил «ничтожность медицинского пособия», «частые и продолжительные отлучки единственного в г. Мезени врача по обширному уезду»[1337].

Острее всего стоял «квартирный вопрос», поскольку, будучи приезжими, многие учителя не имели наследственной недвижимости и не могли купить в собственность дом в губернском или уездном городе. Приезжающих молодых учителей селили в квартиры городских обывателей, снятые у Городской думы училищным ведомством неудобные и тесные или отводили им жилье прямо в училищных домах. Обычно это были комнаты в домах городских жителей и вдали от школьных зданий.

Информация о проблемах с жильем для учителей содержится в многочисленных рапортах и письмах училищного начальства и самих педагогов. Например, в сентябре 1809 г. в рапорте штатного смотрителя Великоустюжского уездного училища Вологодской губернии В. Протопопова и учителя А. О. Мудрова директору училищ К. С. Станиславскому отмечалось, что городской Думой учителям отводятся «не совсем выгодные квартиры…, несоответственные ни по чину, ни по семейству нашему либо в недостатке покоев, либо прочих необходимых домашних потребностей…, а хотя бы Дума и отвела иногда приличную квартиру, то нередко случается, что с другой стороны хозяева оных или по нерасположению своему не удовольствуют, либо по бедности своей удовлетворить не могут нужнейшими из означенных домашних потребностей»[1338].

В Каргопольском уездном училище Олонецкой губернии учительским семьям В. А. Соколова и Н. В. Талицкого пришлось в течение нескольких лет прожить в классном помещении, отгородившись занавеской. Отдельного жилья прибывшие в 1810 г. учителя В. А. Соколов и Н. В. Талицкий не получили – хозяйка отказывалась освобождать дополнительные комнаты под

[1337] Там же. Д. 116. Л. 305.
[1338] ГАВО. Ф. 438. Оп. 3. Д. 259. Л. 35.

жилье в училищном здании, ссылаясь на отсутствие непосредственного владельца нанятого помещения. Один из них – В. А. Соколов с женой был помещен в «отдельном покое», в классе, «перегороженном хорошими ширмами, так что стоящей за оными кровати вовсе не видно»[1339]. Только после долгих разбирательств по поводу определения «жилплощади» для семей учителей, в конечном счете, в училищном доме в 1811 г. освободили только одну комнату для семьи Н. В. Талицкого. В. А. Соколов с супругой были вынуждены жить «за ширмой» прямо в классе. Такое положение дел, несомненно, влияло на весь ход учебно-воспитательной работы и порождало конфликтные ситуации между самими педагогами и владельцами домов. В 1818 г. данная проблема разрешилась путем найма жилья для обоих учителей в разных домах г. Каргополя.

Подобная ситуация была повсеместной. Так по сообщению директора новгородских училищ А. Я. Макулова, прибывшие из Петербурга выпускники «пристали в училищном доме в отведенных для них комнатах»[1340]. Как выяснилось позже, три учителя занимали две комнаты и одну кухню, а для «удобства» в них были устроены перегородки при помощи занавески. Такие «квартиры» молодых учителей не удовлетворили, и в марте 1808 г. они написали коллективную жалобу попечителю округа «о невыносимом положении в тесных и холодных комнатах». Жилищная проблема окрасилась задержкой жалованья. «Уже через месяц директор объявил, что у него никаких денег нет, и все третные деньги уже истрачены», – жаловались бывшие студенты. В своем разъяснении по данному письму директор училищ сообщил высшему начальству, что «студенты требовали отдельные квартиры, как прежние учителя Новгородского главного училища еще свои комнаты не оставили… Живущие вместе трое между собой не согласуются»[1341].

[1339] Там же. Ф. 1995. Оп. 1. Д. 2 Л. 108.
[1340] ЦГИА СПб. Ф. 139. Оп. 1. Д. 328. Л. 6.
[1341] Там же. Л. 7.

Особенно тяготила приезжих дороговизна жизни: «Край пустой и все ужасно дорого, и такие квартиры можно дешевле нанять в Санкт-Петербурге», – писал из Петрозаводска один из учителей в 1834 г.[1342].

В то же время многие молодые педагоги с университетским дипломом достаточно быстро и удачно вступали в брак. Обычно их женами становились дочери чиновников или учителей. Все учительские семейства были многочисленны. Так, например, в семье учителя Олонецкой гимназии М. И. Копосова было 12 детей, в семьях Н. В. Талицкого, А. И. Мещерского – по семь, у Н. О. Куняева – четверо. Все мальчики из семей учителей после окончания городских уездных училищ, обучались в гимназии, причем отличались прилежанием, имели награды за отличные успехи. Многие из них были казенными стипендиатами в гимназии и получали право на продолжение обучения в университете или занятие учительской должности в уездных или приходских училищах. Так, сын И. Д. Воскресенского Николай служил в Вытегорском уездном училище, а Павел – в Петрозаводском приходском училище, сын Н. О. Куняева преподавал в Олонецкой гимназии. Заботились учителя и об образовании дочерей, отдавая их в приходские училища или частные школы, открывшиеся в Петрозаводске с 1834 г. Уже в первой половине XIX в. в округе постепенно стали складываться учительские династии: Мудровы, Копосовы, Фортунатовы, Иваницкие, Протопоповы, Дозе и др.

Система профессиональных мотиваций и социальная мобильность.

Чем же компенсировались негативные стороны жизни учителей на Русском Севере? Что заставляло преподавателей учебных заведений долгое время оставаться в училищном ведомстве, быть верным своей профессии?

Думается, для первого поколения вышедших из замкнутого, несвободного и лишенного социальных гарантий духовного сословия важнее всего была стабильность материального положения.

[1342] НА РК. Ф. 17. Оп. 2. Д. 2/8. Л. 24.

Серьезным стимулом для усовершенствования своих знаний и педагогических способностей явилось предоставление преподавателям возможности развития профессиональной карьеры и системе государственных учреждений. Учителя гимназий могли занять должность инспектора или директора училищ, а преподаватели уездных училищ – пост штатного смотрителя училищ. Например, Л. С. Левицкий, после усердной работы в Архангельской гимназии был назначен директором народных училищ в Калужской губернии. Особо отличившиеся своей усердной работой, становились директорами петербургских и московских гимназий, так, П. М. Копосов, учитель Олонецкой гимназии, впоследствии возглавил 4-ю Московскую гимназию.

Вариантом социальной мобильности был переход в высшие учебные заведения и возвращение в университетский город. Это могло быть следствием протежирования со стороны влиятельных покровителей, активизации старых связей с alma mater, собственных академических амбиций. Так в 1821 г. трем преподавателям Архангельской и Олонецкой гимназий была предложена кафедра в Харьковском университете, но они отказались «по слабости здоровья», хотя всем им едва исполнилось 30 лет.

Возможность педагогической деятельности в Царскосельском лицее в Санкт-Петербурге, также можно рассматривать как один из путей развития карьерного роста. Это учебное заведение хотя и находилось по своему статусу ниже университетов, однако оно предоставляло своим воспитанникам высшее образование. Свою работу в качестве инспектора Императорского лицея с 1837 г. продолжил учитель Олонецкой гимназии А. С. Бельзовский. Учителям уездных училищ предоставлялась возможность перейти на преподавательскую должность в гимназию или занять пост штатного смотрителя.

Как правило, преподаватели, уволенные из училищной службы после окончания положенных 6 лет, продолжали успешную деятельность в различных ведомствах. Одни из них сотрудничали с губернскими

периодическими изданиями в качестве цензоров, другие продолжали службу в губернских гражданских ведомствах.

Например, учитель Шенкурского уездного училища Вологодской губернии М. Заринский в 1845 г. стал редактором «Архангельских губернских ведомостей», Н. Дубравин – «Вологодских губернских ведомостей», учитель латинского языка и русской словесности Олонецкой гимназии А. А. Ласточкин – «Олонецких губернских ведомостей» в 1853 г. Многие педагоги сотрудничали с газетой в качестве цензоров, для которых существовали определенные стимулы (социально обусловленные и личные) для обращения к историческим исследованиям. Учителя понимали пользу и ценность местной истории, как для просветительских, так и для научных целей, поэтому они более всего были заинтересованы представить историю края частью российского и мирового исторического процесса; их интересовал вклад региона в историю страны, пребывание здесь известных исторических личностей и т. п.[1343] Важным моментом, несомненно, была и материальная сторона публикуемых статей. За доставляемые статьи в губернские периодические издания «выплачивалась сумма от 6 до 10 руб. серебром с каждого печатного листа, смотря по важности содержания известий и статей»[1344]. Несомненно, интерес для исследователя представляют научные публикации в периодической печати педагогов гимназий и уездных училищ, которые отражают степень интереса научной деятельности преподавателей провинциальных учебных заведений на Европейском Севере.

Уже в первых номерах в газеты «Вологодские губернские ведомости» за 1838 г. была опубликована работа учителя математики, физики и российской словесности Вологодской гимназии А. Ф. Фортунатова «Очерк Вологодской губернии»[1345]. Алексей Федорович вместе с учителем истории и географии

[1343] Шурупова Е.Е. Архангельские губернские ведомости и формирование интереса к местной истории в дореволюционной Российской провинции (на материалах Архангельской губернии). Автореф. дисс… канд. ист. наук. Архангельск, 2005. С. 19.

[1344] О приглашении частных сотрудников помещать статьи в Неофициальной части Архангельских губернских ведомостях // АГВ. 1859. № 21.

[1345] Фортунатов А.Ф. Очерк Вологодской губернии // ВГВ. 1838. № 20.

той же гимназии П. Суровцевым еще в начале XIX в. стали заниматься собиранием местных простонародных слов. Их труд был напечатан в «Трудах общества любителей российской словесности». В 1852 г. Академия наук издала «Опыт Великорусского словаря», где были помещены исследования вологодских педагогов и новые материалы штатного смотрителя Вологодского уезда Я. Муромцева «Сборник областных слов, употребляемых в Вологодской губернии»[1346]. Работы педагогов А. Красильникова, Николая, Александра и Ивана Иваницких, Н. Дубравина, Н. Ф. Бунакова, М. И. Яблонского, Я. Муромцева, А. Соколова, К. Березкина, П. Протопопова, Е. Кичина, П. Богданова и других были опубликованы в разное время в газете «Вологодские губернские ведомости». Такие же исторические и этнографические исследования помещались и в других губернских периодических изданиях Европейского Севера. Любопытны письма епископа Архангельского и Холмогорского Неофита к приходским священникам Федору Истомину и Тимофею Иванову за 1822 г., представленные архангельским учителем В. С. Чернышовым. В этих посланиях Владыка поручал церковнослужителям заняться переводами Евангелия, текстов молитв, Символов веры и сокращенного Катехизиса на самоедское наречие. При этом Неофит предупреждал: «действуйте только во всем тихо, без огласки, какой успех будет, или наличие препятствий встретится, тотчас уведомьте меня»[1347].

Фактором повышения социального статуса и профессиональной квалификации педагогов служила возможность заниматься научно-исследовательской деятельностью. В 1840 г. министр народного просвещения официально разрешил учителям губернских гимназий и уездных училищ составлять учебные и методические пособия. Такое нововведение было сделано по предложению попечителя Казанского учебного округа, который после обозрения подведомственного округа в 1838

[1346] ВГВ. 1866. № 21.
[1347] Чернышев В. Исторические материалы // АГВ. 1844. № 33.

г. обратил внимание, что учителя по учебной части ограничивают свои занятия одним преподаванием в классах, при этом большая часть наставников не следят за развитием науки и «уклоняются от умственной деятельности в возрасте наиболее к тому доступном и способном к науке, преимущественно в практическом их применении, теряют многое…»[1348]. По Казанскому учебному округу уже в 1838 г. были сделаны соответствующие распоряжения о доставлении попечителю округа «рассуждений об отраслях преподавания или наук». Это могли быть «исследования о лучшем способе преподавания», «критические трактаты» о существующих учебных руководствах, «переводы замечательных статей, этнографические и топографические записки, исторические исследования местных событий, описание древностей, собрание местных поверий и т. п.»[1349].

В 1840 г. С. С. Уваров предложил попечителю Петербургского учебного округа сделать подобное распоряжение по своему округу. В силу этого в мае этого же года директорам народных училищ было предложено представить работы авторов, которые «следят за ходом в ученом мире преподаваемого предмета, стремятся к обогащению науки новыми фактами, занимаются улучшением учебных руководств, методов преподавания или другими учеными и литературными изысканиями»[1350]. Для утверждения «научные труды» учителей должны были пройти ряд инстанций. Вначале автор представлял свой труд директору народных училищ, затем от имени дирекции училищ делалось представление на имя попечителя учебного округа. Далее рукопись попадала на экспертизу к профессорам Петербургского университета, которые составляли отзыв об этом сочинении с указанием положительных и отрицательных качеств работы. Рукопись, как правило, рассматривалась на Совете университета. Если работа признавалась достойной к напечатанию, т. е. утверждалась на Совете и получала одобрение попечителя учебного округа, тогда ее публиковали отдельным изданием с разрешения

[1348] ЦГИА СПб. Ф. 139. Оп. 1. Д. 4668. Л. 4.
[1349] Там же.
[1350] Там же.

министра народного просвещения. За свой труд учитель получал гонорар 200 руб. и небольшой процент с продаж. Процедура утверждения таких рукописей занимала около 2-х лет. Иногда Министерство за неимением средств на издание учебных пособий предлагало другим Министерствам и ведомствам издать их. Так, учитель Олонецкой гимназии Э. А. Мудров составил курс коммерческой бухгалтерии, на основании которого Министерство финансов в 1844 г. издало учебное пособие «Счетоводство для всех видов и родов торговли»[1351]. Учебные пособия этого учителя с успехом применялись в уездных училищах Олонецкой дирекции. Необходимо отметить, что современные ученые-экономисты считают Эраста Алексеевича Мудрова «крупным представителем русской бухгалтерской науки XIX в.», а выход его книги «событием в истории русской учетной мысли»[1352].

Для улучшения качества преподавания и распространения среди горожан физических знаний этим же учителем была разработана программа публичных лекций по физике. Его прошение об официальном разрешении по их проведению в здании гимназии по субботам было представлено начальству. Пройдя все инстанции, прошение попало на стол министра народного просвещения С. С. Уварова, который наложил в ноябре 1840 г. на него следующую резолюцию: «Я согласен на дозволение старшему учителю Э. А. Мудрову открыть в г. Петрозаводске публичный курс физики по одному разу в неделе в продолжение нынешнего зимнего времени»[1353]. Однако плата за цикл лекций вновь не была предусмотрена. Так вознаграждалась «инициатива снизу».

Известны также труды учителей учебных заведений Архангельской, Вологодской и Олонецкой губерний К. А. Зосимского, П. Г. Шведа, Э. А. Мудрова, А. И. Иваницкого, В. М. Топорова[1354]. Учитель Петрозаводского

[1351] Мудров Э.А. Счетоводство для всех видов и родов торговли. СПб., 1844.
[1352] Соколов Я.В., Соколов В.Я. История бухгалтерского учета: Учебник. М., 2004. С. 121.
[1353] ЦГИА СПб. Ф. 139. Оп. 1. Д. 4674. Л. 1.
[1354] Зосимский К.А., Швед П.Г. Руководство к изучению форм и порядка делопроизводства и судопроизводства. СПб., 1841; Иваницкий А.И. Собрание арифметических задач. . СПб., 1850; Мудров Э.А. 1) Арифметика. СПб., 1840; 2)

уездного училища А. Андреев составил этнографическое и географическое описание Олонецкого края. В 1855 г. с разрешения министра народного просвещения А. С. Норова его книга «Записки об Олонецкой губернии» была издана в Петербурге[1355].

Некоторые учителя являлись членами Императорского Географического общества. Например, уроженец г. Никольска Вологодской губернии В. А. Попов после окончания Вологодской гимназии работал учителем в Устюжском уездном училище и одновременно занимался самостоятельно археологией. Его исследования были замечены, профессором Московского университета М. П. Погодиным во время одной из экспедиций. За исследовательские работы в 1864 г. В. А. Попов географическим обществом был удостоен золотой медали[1356]. Данные исследования имеют большое значение в настоящее время и являются источниками по истории и этнографии северного края.

Таким образом, училищное начальство, приобщая учителей гимназий к научной работе, давало им возможность совершенствовать и применять свои знания.

Стимулом к плодотворной работе, несомненно, становились награды и поощрения от вышестоящего начальства. Монаршее благоволение, благодарности министра народного просвещения и попечителя учебного округа, ордена и медали, знаки отличия за беспорочную службу, денежные премии, подарки в виде бриллиантовых колец, получение почетного права носить мундир, находясь на пенсии – все это повышало статус учителя, укрепляло его авторитет не только в профессиональной среде, но и сообществе провинциального города.

В России существовала строгая иерархия орденов. Первые ступени награждения занимали: орден Святого Станислава (трех степеней), орден

Арифметика целых чисел. СПб., 1848; Топоров В.М. Теоретико-практическая грамматика немецкого языка с присовокуплением исторической литературы. СПб., 1841.

[1355] РГИА. Ф. 733. Оп. 26. Д. 235.

[1356] Некролог // ВГВ. 1867. № 38.

Святой Анны (четырех степеней), орден Равноапостольского князя Владимира (четырех степеней). Такой высокой почести удостаивались директора, инспектора гимназий, иногда штатные смотрители уездных училищ за «неотлучную и беспорочную» гражданскую службу.

Особо почетным для училищного чиновника было представление к орденам Равноапостольного князя Владимира в виде «малого креста, носившийся на шее и в петлице», III и IV степеней, Святой Анны III степени – «малый крест на узкой ленте» и Святого Станислава III степени – «небольшой крест носился в петлице»[1357]. Так, орденами Святого Владимира IV степени и Святой Анны III степени награждались директора училищ, штатные смотрители и инспектора. С получением каждого ордена и степени награжденному чиновнику предоставлялись определенные права и привилегии. Кавалер орденов получал особую пенсию.

Учителя же за усердную службу награждались знаками отличия за 15 и более лет (по пятилетиям) нахождения в классных чинах. Знак этот представлял собой золоченую пряжку с изображением на ней дубового венка и числа лет службы[1358].

Немаловажное значение имели и льготы по службе в училищном ведомстве. При поступлении на службу выплачивались прогонные (оплата проезда к месту будущей службы), бесплатная квартира или выплата квартирных денег, освобождение учительских квартир от воинского постоя, сохранение пенсионных выплат при условии продолжения службы в учебном ведомстве – все это было неплохим стимулом для продолжения службы в учебных заведениях.

К середине XIX в. большинство преподавателей губернских гимназий и уездных училищ Европейского Севера России имели университетское образование. Среди них были не только грамотные высокообразованные педагоги, но и те, кто занимался историческими и филологическими

[1357] Шепелёв Л.Е. Титулы, мундиры и ордена. С. 357.
[1358] Там же. С. 362.

исследованиями, общественной деятельностью. Педагоги активно участвовали в развитии науки, истории и культуры региона.

Общественная репутация и место учителя в провинциальном социуме

Приезжая на новое место, учителя по долгу службы вынуждены были контактировать со многими жителями города. Находясь в социальном пространстве провинциального города, учителю приходилось выстраивать взаимоотношения сразу на нескольких уровнях. Это были не только ученики гимназий и училищ, коллеги по службе и училищное начальство, но и родители учащихся, представители губернской администрации. Надо отметить, что в архивных документах количество сведений о конфликтных ситуациях, участниками которых становились учителя немного. Конфликты с родителями учеников возникали при высказывании ими недовольства качеством преподавания предметов и несправедливого, по их мнению, выставления оценок учащимся, а также обвинений преподавателей в недостаточном знании учебного материала.

Один из примеров такого конфликта произошел в Сумпосадском приходском училище (Архангельская дирекция) в апреле 1849 г. Мещанин В. Рюхин недовольный оценками сына написал «записку» учителю на обложке тетради своего сына: «Господин учитель, вы сами понимаете чистописание весьма худо». Учитель посчитал это за «явную обиду» и просил «сделать законную защиту или оградить учащих Сумпосадского училища от подобного оскорбления». В ответ на заявление педагога, из дирекции училищ пришел ответ, что «на подобные грубости грубого невежества не должно обращать внимания, ибо, чем более будете оскорбляться, тем более будут оскорблять вас. Христианское смирение и терпение суть таких орудий, которые скоро заградят уста всем враждующим»[1359]. Так училищное начальство старалось не обращать внимания на конфликты незначительного характера и наставляло учителей в самостоятельном их разрешении. Иногда замечания педагогам выражали смотрители уездных училищ по поводу «нетрезвого поведения».

[1359] ГААО. Ф. 61. Оп. 1. Д. 175. Л. 742-744.

Присутствовала также проблема «отцов и детей», когда умудренные педагогическим опытом представители старшего поколения не хотели признавать молодых учителей в качестве своих полноправных коллег по работе. Обычно, поводом для таких раздоров являлась материальная сторона дела. Как правило, это были недомолвки или разбирательства по поводу различий жалованья. У кого-то много, у кого-то мало. Вот и разбирались, кто достоин достойной заработной платы, а кто мог и подождать с повышением оклада.

Изредка возникали недоразумения между преподавателями одного и того же предмета из-за количества учебной нагрузки. Эти конфликты остро проходили при ее сокращении, когда за неимением учеников в учебном заведении закрывались отдельные классы. Одни не хотели брать «чужие» классы, другие говорили, что они старшие учителя и должны работать только в высших классах и т. д. Все эти проблемы доносились до сведения училищного начальства и разбирались на местах. Обычно директор гимназии разрешал такую проблему разделения учебной нагрузки поровну между учителями, не смотря на уровень подготовленности детей.

Нередко возникали конфликты и с городским сообществом. Одна из таких конфликтных ситуаций произошла в Петрозаводске между инспектором Олонецкой гимназии. А. Мудровым и купцом М. Анциферовым. Так, при закупке мяса для питания воспитанников гимназии произошла ссора (мясо было плохого качества). В словесной перепалке оба спорщика не стеснялись в выражениях. Скандал в лавке окончился «маленькой победой» инспектора гимназии – он заставил купца поменять товар. Однако инцидент вышел за рамки училищного ведомства, и через 10 дней конфликтующие стороны встретились у городничего, где купец все отрицал, что «никакой грубости не было, кроме приличных разговоров». Дело закончилось увольнением Эраста Алексеевича с инспекторского поста, но с оставлением его на преподавательской должности в гимназии, а мясо для пансиона при гимназии

по-прежнему брали в лавке у М. Анциферова. Так инспектор Олонецкой гимназии «пострадал» за заботу о доброкачественном питании учащихся.

Способом повысить свой социальный статус был выгодный брак, который роднил бывших семинаристов с представителями провинциального дворянства и чиновничества, обеспечивал владение городской недвижимостью и наравне с профессиональной деятельностью, открывал путь к общественному признанию. Так, учитель Олонецкой гимназии Н. О. Куняев был женат на Е. Реуцкой, из дворянской семьи, П. С. Соболев – на дочери коллежского асессора Ф. Рейнгольда, И. Ф. Яконовский – на дочери губернского секретаря И. Гребенщикова, И. Д. Воскресенский – на дочери титулярного советника П. Безрукова. Нередки были и браки внутри учительской группы. М. И. Троицкий женился на дочери смотрителя училищ М. А. Копосова, и возглавил впоследствии Олонецкую училищную дирекцию.

Взгляд из Петербурга на положение провинциальных учителей мог быть и скептическим. Так, выходец из крепостной среды и сам преподававший в юности в уездном училище профессор А. В. Никитенко сочувственно отозвался в своем дневнике 1834 г., посетив с визитацией училища округа: «Участь учителей незавидная. Общество смотрело на них холодно. Никто их не поощрял, а вознаграждения едва хватало на дневное пропитание»[1360].

Бывшие учителя, занявшие позиции в административной иерархии, пользовались уважением в провинциальном обществе. Они знали деятельность учебных заведений «изнутри», прослужив 20-25 лет в губернии, умели ладить и с подчиненными, и с местной администрацией. Тот же А. В. Никитенко писал о директоре училищ М. И. Троицком: «Обедали у Троицкого. Этот человек неглупый. Его любят в городе»[1361].

[1360] Никитенко А.В. Записки и дневник. Т. 1. СПб., 1905. С. 248.
[1361] Там же. С. 48.

Нередко педагогов привлекали к исполнению общественных поручений в качестве членов различных общественных организаций. В Петрозаводске М. И. Троицкий и Э. А. Мудров были членами тюремного комитета, за многолетнюю работу в котором были отмечены «всемилостивейшим удовольствием императора»[1362].

Пенсионное обеспечение.

Проблема пенсионного обеспечения являлась одной из основных в определении правового положения учителя. Законодательное оформление пенсий происходило на протяжении всей первой половины XIX в. Впервые данный вопрос был поставлен в «Предварительных правилах народного просвещения» 1803 г. в ст. 23: «Посвятившие себя учительскому званию в общественных училищах, за постоянное и рачительное исправление должности, имеют право получать пенсии, соответственные числу лет их службы»[1363]. Так, учителя гимназий и уездных училищ, выслужив 25 лет в своем звании, могли получить пенсию[1364].

Минимальный для назначения пенсии срок службы был определен в 1805 г. и составил 20 лет. К «доставлению покойной и беззаботной старости многочисленному и полезному классу государственных служителей», учителям за 20-летнюю службу «при непорочном и беспрерывном служении» назначили в пенсион в 1/3 учительского жалованья. За 25-летнюю службу определялась пенсия, равная 2/3 получаемого жалованья, за 30 лет службы – полное жалованье. Вдова умершего на службе чиновника также получала пенсию: за 20 лет его педагогического стажа – 1/6 от жалованья мужа, за 25 лет – 1/3 жалованья, за 30 лет выслуги – 1/2 жалованья. Вдова чиновника, прослужившего менее 20 лет, получала единовременное пособие, равное годовому окладу супруга. Выплата пенсии прекращалась, когда вдова

[1362] НА РК. Ф. 17, оп. 5, д. 4/9, л. 300.

[1363] Предварительные правила народного просвещения.

[1364] Установленный в начале XIX в. 25-летний педагогический стаж работы для получения полной пенсии для учителей существует в России и поныне.

вступала в новый брак[1365]. Для осуществления пенсионных выплат с 1 января 1806 г. создавался специальный пенсионный фонд, куда поступали денежные средства из Государственной казны, а также пожертвования частных лиц, отчисления за обучение в университетах, получение дипломов и аттестатов. С 1819 г. пенсионный фонд пополнили отчисления за учение в гимназиях, уездных и приходских училищах и пр.[1366]. Считалось, что первые 20 лет из пенсионного фонда достаточно будет выдавать до 30 тыс. руб. ежегодно, а потом выплаты увеличатся. С 1818 г. пенсионные выплаты были распространены и детей умерших учителей. При жизни матери сироты получали общую с ней пенсию, а по ее смерти пенсион переходил к ним до совершеннолетия сыновей или до замужества дочерей[1367].

Во второй четверти XIX в. в пенсионном положении педагогов произошли некоторые изменения. Ст. 295-301 Устава 1828 г. установили новые повышенные пенсии педагогам, их вдовам и детям. Теперь учителя получали пенсион за 20 лет беспорочной службы 1/2 оклада, а за 25 лет полный оклад, а за служение свыше 25 лет определялась дополнительная прибавка к пенсии[1368]. Пенсия чиновникам назначалась один раз и ее выдача прекращалась при условии поступления его на службу с жалованьем выше определенной ему ранее пенсии.

Постановление Министерства народного просвещения «О правилах на коих могут чиновники, получившие по учебной части за выслугу лет пенсии, пользоваться оными, продолжая службу»[1369] (1832 г.) разрешило учителям продолжать службу в учебном ведомстве и после выхода на пенсию, при

[1365] Об отпуске сумм для доставления капитала на производство из процентов оного пенсионов при отставке, посвятивших себя наставлению юношества в общественных училищах // ПСЗ РИ. Собр. 1. Т. 28. № 21902.

[1366] Сборник постановлений по Министерству народного просвещения. Т. 1. 1864. Стб. 382.

[1367] О пансионах детям училищных чиновников по учебным округам // ПСЗ РИ. Собр. 1. Т. 35. № 27606.

[1368] Устав гимназий, уездных и приходских училищ.

[1369] О правилах на коих могут чиновники, получившие по учебной части за выслугу лет пенсии, пользоваться оными, продолжая службу // Сборник постановлений по Министерству народного просвещения. Т. 2, ч. 1. 1864. Стб. 402-403.

этом получая пенсию и жалованье по должности. Однако с увольнением от учительских должностей новых пенсий не назначали и добавочных сумм не выплачивали. Педагоги должны были довольствоваться одною, прежде полученной ими пенсией.

В 1836 г. вышло в свет «Положение о производстве в чины и определение пенсий по учебной части Министерства народного просвещения». В нем пенсионные сроки училищных чинов уравнивались, а правила о пенсиях были приведены к единообразию. В «Положении» сохранялись статьи прежних законодательных актов и вводились новые. Теперь первоначально 1/3 оклада при отставке можно было получить с 15 до 20-летнего педагогического стажа работы, с 20 лет – 2/3, и с 25 и более лет – полный оклад учительского жалованья. «Положение» установило фиксированную «добавку» (1/5 оклада) за каждое пятилетие, выслуженное сверх 25 лет. Важно заметить, что «Положение» впервые учитывало установление пенсий педагогам, выходящим в отставку по расстроенному на службе здоровью, для которых пенсионные сроки сокращались на 5 лет, а учителям с неизлечимыми болезнями – на 10 лет. Лицам, не выслужившим пенсионных сроков и их семействам, на определенных условиях назначались единовременные денежные пособия[1370].

В эти правила были включены не все группы педагогов. Вопрос о назначении пенсий законоучителям, преподавателям сельских и городских приходских училищ, учителям рисования, домашним наставникам до конца решен не был.

«Для обращения в состав пенсионного капитала для приходских училищ» в 1833 г. было предложено направлять в министерство часть платы за обучение, взимаемой с учеников[1371]. Однако ограниченность этих средств не позволяла установить пенсии вдовам и детям учителей начальных

[1370] Положение о производстве в чины и определение пенсий по учебной части Министерства народного просвещения // ПСЗРИ. Собр. 2. Т. № 9712.

[1371] Положение о пенсиях и единовременных пособиях учителей начальных учебных заведений Министерства народного просвещения // Сборник постановлений по Министерству народного просвещения. Т. 2, ч. 2. 1864. Стб. 452-468.

училищ. Министерство народного просвещения обратилось в министерство внутренних дел с предложением определить пенсий этой категории педагогов из городских доходов, за счет которых содержатся сами училища, но Комитете министров в 1834 г. отклонил это предложение. Тогда министр народного просвещения С. С. Уваров обратился в Государственный Совет с ходатайством об отнесении пенсий приходских учителей на счет общего государственного капитала, но Государственный совет в феврале 1835 г. и это решение не утвердил, ссылаясь на недостаток бюджета. Труд приходских учителей, по мнению, членов Госсовета «не требовал ни особых знаний, ни трудов, … свойство службы приходских учителей не таково, чтобы они могли иметь еще и право на пенсии, которые они никогда не получали от правительства». В итоге было принято решение: пенсии приходским учителям не назначать, а по мере возможности выдавать единовременные пособия в виде наград отличившимся преподавателям и остающимся после их смерти семействам, по назначению попечителей учебных округов. При переходе учителей в уездные училища и другие заведения, дающие им право пенсии, прежняя служба не засчитывалась[1372].

В 1844 г. министр народного просвещения возобновил ходатайство в Государственный Совет о назначении пенсии для приходских учителей, считая, что выплата им единовременных пособий не достаточна. Он предложил назначить законоучителям и приходским учителям, получающим регулярное жалованье, пенсионные оклады для законоучителей 90 руб. в год, а для приходских учителей 60 руб. в год. Тем учителям, которые не получали постоянного жалованья или довольствовались окладом до 15 руб. сер в год, «пользовались жизненными припасами в натуре, содержанием от частных лиц определили пенсии: для светских – 45 руб. или 28 руб. 59 коп., а для духовных 30 или 15 руб. в год. Но и это предложение было отклонено.

Только с 1845 г. были назначены пенсии учителям и законоучителям городских приходских училищ после 25-летней службы в училищном ведомстве.

[1372] Там же. Стб. 456-457.

«Положение о пенсиях и единовременных пособиях учителей начальных учебных заведений Министерства народного просвещения» установило право пенсии учителям приходских, городских, начальных, ланкастерских приготовительных классов при гимназиях и уездных училищах[1373].

В феврале 1853 г. «Положение о единовременных пособиях домашних наставниках и учителях» определило пенсионные выплаты учителям частных школ[1374]. Однако пенсии не определили педагогам нехристианского вероисповедания и занимающимся преподаванием рукоделия, рисования, черчения и чистописания.

Таким образом, пенсионная система для педагогов складывалась постепенно и не была всеобъемлющей. Чтобы не нищенствовать в старости, учитель должен был стремиться занять ступеньку хотя бы преподавателя уездного училища в системе министерства народного просвещения.

Подводя итоги, можно заключить о начале складывания в 1830-1840-е гг. учительства как социо-профессиональной группы, с достаточно высоким для провинции правовым и социальным статусом, внутри которой постепенно формируется особая корпоративная культура, благодаря относительной обособленности учительства в рамках провинциального социума, общности происхождения, труда, образа жизни и многоуровневости профессиональных связей. Эта группа в течение рассматриваемого времени оставалась открытой на «входе», с преобладанием лиц из духовного звания, но достаточно закрытой на «выходе», поскольку многие дети учителей воспроизводили профессиональный и жизненный сценарий своих отцов. Тем не менее, возможности социальной мобильности в другие группы были разнообразны: от занятия университетской кафедры при условии продолжения научной работы – до назначения на высокие административные должности по училищному ведомству.

[1373] Положение о пенсиях и единовременных пособиях учителей начальных учебных заведений МНП // ПСЗРИ. Собр. 2. Т. 20. № 18606.

[1374] Положение о пенсиях и единовременных пособиях домашних наставников // ПСЗРИ. Собр. 2. Т. 28. № 27048.

Для выходцев из духовенства и податных сословий учительство представлялось не только привлекательным и сравнительно доходным родом занятий, но и успешным социальным лифтом. Единственным условием карьерного восхождения по этой стезе было получение образования, отвечающего задачам преподавания, и беспорочное поведение, по крайней мере, в течение обязательного срока учительской службы. В то же время условия службы и обязательства учителей как чиновников, рекрутированных государством, не только затрудняли для них горизонтальную мобильность, естественную для свободных сословий, но и налагали ограничения на совмещение учительской деятельности с какой-либо иной.

В учительской среде существовала заметная внутригрупповая дифференциация. Если учитель начального или даже уездного училища был беден и зависим, то учитель гимназии считался в городском сообществе состоятельным и уважаемым человеком. Большая же часть учителей сельских приходских школ (сельские священники, грамотные крестьяне) оставались вообще за границами рассматриваемой группы, исполняя свою работу лишь временно, не получая регулярного вознаграждения от государства.

Верхние же страты учительства (учителя-предметники и преподаватели языков в гимназиях, уездные учителя) обладали признаками социопрофессиональной группы, главными из которых были: интеллектуальный труд как форма деятельности, высокие этические стандарты профессии, стабильное положение в системе госслужбы, относительное постоянство места прохождения службы (как в географическом, так и в ведомственном отношении); стабильность и длительность службы, в сравнении в военным сословием и чиновничеством, склонным к «перемене мест». Высокий общественный статус, сближал учителей с дворянством и классными чиновниками в рамках местного социума. Последнее в большей степени характерно для губернских и уездные городов, но не для столиц.

Объединение в социопрофессиональную группу и осознание единства обеспечивалось разными факторами: общностью места обучения (подавляющее большинство учителей гимназий были выпускниками Петербургского университета или двух Педагогических институтов, с ним связанных), плотной системой клиентальных, родственных, дружеских отношений, включением в ведомственную переписку, отчетность и чинопроизводство. Важной формой корпоративной коммуникации, способствовавшей осознанию групповой принадлежности, была ведомственная и местная печать. Так, «Журнал министерства народного просвещения» положил начало интеллектуальному и профессиональному объединению территориально разобщенных учителей, которые часто выступали его корреспондентами. Огромную объединяющую роль играли губернские «Ведомости», помещавшие отчеты училищных дирекций, обозрения училищ, описания торжественных школьных актов, некрологи, краеведческие заметки, составленные учителями. Складывание корпоративной солидарности облегчалось развитым чувством коллективизма, привитым во время обучения в семинариях (с 10-11 лет), а затем в университетах.

Материальное положение учителей отнюдь не было таким бедственным, каким оно изображается в многочисленных прошениях о прибавке жалования и некоторых современных исследованиях, модернизирующих ситуацию, приближая ее к приниженному положению современного российского педагога. Жалование даже уездного учителя, не считая других источников заработка, по крайней мере, в 2,5-3 раза превосходило жалование наиболее социально близкого к нему священника. Действительная бедность была в дореформенное время уделом преподающих в начальной школе, но и она была преодолена в ходе школьной и земской реформ 1860-х гг.

Учителя первой половины XIX в. в силу малочисленности самой группы и низкого уровня внутригруппового взаимодействия и солидарности

испытывали культурное одиночество. Нельзя преуменьшить не столько социальный, сколько ментальный и культурный разрыв между приезжими учителями и местным населением губерний Русского Севера. Признаваясь городской элитой, ментально и духовно губернские и уездные учителя были далеки как от торгово-предпринимательской, так и от дворянско-чиновничьей верхушки города. В отношении духовенства, из которого они сами вышли, устанавливалась дистанция социального превосходства. Во второй половине 1830-1840-х гг., когда корпус учителей пополняет немало местных уроженцев (второе поколение учительских династий), а с другой стороны возрастает плотность интеллектуальной прослойки, культурная изоляция учительства существенно сглаживается.

Можно видеть относительно небольшую интенсивность миграций в учительской среде, как в территориальном отношении (большинство учителей начали и закончили свою карьеру в пределах одной училищной дирекции и даже одного города/селения), так и в социальном. Выйдя в своей массе из духовного сословия, они остались переходной межсословной группой, не присоединяясь к сословной элите (дворянству) по своему правовому положению, а по роду занятий не имея возможности слиться с городской предпринимательской средой.

Общность происхождения помогала им осознавать свое единство уже в составе нового профессионального сообщества – учительского. Принадлежность в прошлом к самому замкнутому из сословий Российской империи, с определенными привычками и ограничениями, обеспечивала воспроизводство жизненных моделей труда, потребления, семейного воспитания, которые отличались от норм и традиций дворянской культуры. Между тем, выслуга в учительской должности до VIII класса с получением потомственного дворянства не была редкостью.

На поведенческие модели первого поколении учителей заметно влиял этос служения, унаследованный от духовного сословия, к которому многие учителя принадлежали по рождению. Тяготение к интеллектуальному труду,

стремление к целостному осмыслению и переустройству мира и проповедничеству как форме профессиональной самореализации, бескорыстие и готовность к бытовым ограничениям облегчали для них адаптацию в системе преподавания и компенсировали культурное одиночество. Встроенность в систему государственной службы обеспечивала высокий социальный статус и гарантии. В то же время более свободная занятость и возможность самостоятельно распределять часть трудового времени, творческий характер труда, возможность варьировать его формы отличала их от многочисленных служителей канцелярий и сближала их с людьми свободных профессий.

Элементы трансформированной религиозности привносились «поповичами» в преподавание, которое воспринималось как миссия, а учащиеся как паства. Ментальная близость к духовенству служила условием воспроизведения этоса служения, отличавшего духовное сословие. Не бюрократические инструкции, а этика, вынесенная из внеслужебного мира, предписывала учителю добросовестное отношение к своим обязанностям, готовность выполнять часть работы без вознаграждения. Она влияла на образ жизни и после оставления учительской должности. Учителя, вышедшие на пенсию, готовы были продолжать службу, параллельно занимаясь исследовательской или литературной работой. Для учителей в первом поколении характерно столь же долгое пребывание в профессии, как для их отцов – в сане священника, а нередко и такой же принцип замещения должностей в училищах – от отца к сыну. Не случайно уже через поколение в губернских и уездных городах формируются учительские династии.

5.3. Учащиеся учебных заведений. Социальный состав учеников и школьная повседневность

Сословный состав учащихся

Сословный состав учащихся российских учебных заведений первой половины XIX в. менялся под воздействием правительственных мер и

колебаний правительственного курса в политике просвещения. «Вряд ли где в Европе сословные предрассудки и всякие политические соображения играли в школьном деле такую видную роль, как у нас…», – справедливо отмечал исследователь истории российской гимназии И. А. Алешинцев[1375].

Просветительская установка правительства на создание всесословных училищ по Уставу 1804 г. «посадила» за школьные парты выходцев из разных сословий. На одной и той же скамье рядом сидели сын чиновника, советника палаты, крепостного человека, мальчик из богатого купеческого дома, сын бедняка, а также дети дворян, мещан, солдат, почтальонов, дворовых. «Из кого состоял главный контингент учащихся сказать трудно – полных данных для ответа на этот вопрос нет, можно только решительно ответить, что он был разнороден, и с весьма большой вероятностью прибавить, что большая часть его падала на низшие классы», – писал И. А. Алешинцев[1376]. В начале XIX в. состав воспитанников учебных заведений состоял в значительной мере из представителей податного состояния, большей частью не получивших никакого воспитания. Например, в сословной структуре контингента учащихся по Архангельской дирекции училищ в 1808 г. преобладали дети мещан, которых было – 46%, затем обер-офицерские дети (т.е. дети личных дворян) – 18%, дети государственных крестьян – 16%. В Олонецкой дирекции обучалось много детей рабочих Александровского завода – 34%, дети дворян составляли 21% и мещан – 17%. (См. Таблицу).

[1375] Алешинцев И.А. Сословный вопрос и политика в истории наших гимназий в XIX веке. С. 1.
[1376] Алешинцев И.А. История гимназического образования в России. С. 89.

Сословный состав учащихся

в Архангельской, Вологодской и Олонецкой дирекциях училищ в 1808 г.[1377]

	Архангельская дирекция училищ (кол-во / %)	*Олонецкая дирекция училищ (кол-во / %)*
всего учащихся	280/100	238/100
дворяне и чиновники	49/18	50/21
духовенство	3/1	6/3
приказнослужители	12/4	6/3
иностранцы	–	1/0,5
купцы	15/5	22/9
мещане	129/46	41/17
солдатские	15/5	17/7
мастеровые	–	80/34
дворовые люди	–	6/3
крестьяне	44/16	7/3
незаконнорожденные	18/18	2/0,8

Подобная ситуация была и в других училищных дирекциях Петербургского учебного округа. Поступая в школы, дети из податных сословий (крестьянские и мещанские) должны были представить директору училищ увольнительные от сельских и городских обществ, к которым были приписаны их родители.

Сведения по сословному составу учащихся в гимназиях Санкт-Петербургского учебного округа за 1826 г. представлены А. С. Вороновым в его труде «Историко-статистическое обозрение учебных заведений» (См. Таблицу)

[1377] Таблица сост.: ЦГИА СПб. Ф. 139. Оп. 1. Д. 360. Л. 39 об.-40; РГИА. Ф. 733. Оп. 20. Д. 71. Л. 6.

Сословный состав учащихся

в гимназиях Санкт-Петербургского учебного округа в 1826 г.[1378]

Гимназии	*Архангельская (кол-во / %)*	*Вологодская (кол-во / %)*	*Новгородская (кол-во / %)*	*Олонецкая (кол-во / %)*	*Псковская (кол-во / %)*	*СПб гимназия (кол-во / %)*
всего учащихся	40/100	25/100	24/100	27/100	30/100	338/100
дворяне и чиновники	15/36	24/96	18/75	15/56	15/50	184/55
духовенство	-	-	-	-	-	25/7
купцы	3/8	-	1/4	-	6/20	24/8
мещане	12/30	-	5/21	1/4	4/13	20/6
солдатские	6/16	-	-	-	-	10/3
мастеровые	-	-	-	11/40	-	10/3
свободные люди	-	1/4	-	-	5/17	15/4
крестьяне	4/10	-	-	-	-	15/4
придворные служащие	-	-	-	-	-	35/10

Данные таблицы показывают сохранение широкого сословного спектра среди учащихся гимназий к концу второй четверти XIX в., а также внушительный рост доли детей дворян и чиновников во всех средних школах учебного округа. Наибольшая доля потомственных и личных дворян обучалась в Новгородской (75%) и в Вологодской (96%) гимназиях. Следует отметить, что доля дворян в губернских гимназиях оказалась даже выше, чем их доля в гимназиях Петербурга. По мнению А. С. Воронова, такое

[1378] Воронов А.С. Историко-статистическое обозрение… СПб., 1849. С. 167.

положение дел происходило из-за отсутствия в губернских дирекциях училищ в первой четверти XIX в. благородных пансионов, а также «от отдаленности этих губерний от столицы и большой бедности в них дворян и чиновников»[1379].

Получение среднего образования привлекало в губернские гимназии детей мастеровых и мещан. В процентном отношении они занимали второе место после дворянских детей и составляли более 1/3 учащихся. Например, в Олонецкой гимназии из 27 воспитанников 11 (40%) были дети рабочих Александровского завода, а в Архангельской гимназии – из 40 учащихся 12 (30%) составляли дети горожан.

Следует отметить отсутствие в сословном составе учащихся провинциальных гимназий представителей духовенства. Из всех существующих гимназий учебного округа, только в Санкт-Петербургской гимназии в 1826 г. учились 7 представителей духовного сословия. Статьи «Устава уездных духовных училищ» (1814) устанавливали обязательное обучение всех детей духовенства с 6-8-летнего возраста в духовном училищном ведомстве. В связи с этим, все дети духовенства поставлены были «в положение некоторого рода духовных кантонистов, обязанных духовной службой, и должны были с детства обязательно приготовляться к занятию духовных должностей»[1380].

Купеческие и крестьянские дети, как правило, довольствовались получением начального образования и не продолжали обучение в средней школе. Введение в 1819 г. оплаты за обучение, сложность учебных программ, нежелание родителей становилось причиной низкой численности детей податных состояний в российских гимназиях.

Сословный состав учащихся меняется в правление Николая I. Учебная реформа 1828 г. отменяла всесословность и предполагала новый порядок получения образования, сообразно сословному предназначению: гимназии

[1379] Там же. С. 166.

[1380] Знаменский П.В. Основные начала духовно-учебной реформы в царствование Александра I. Казань. 1878. С. 29.

отныне предназначались, в основном, для детей дворян и чиновников, в уездных училищах обучались дети купцов, ремесленников и других обывателей, в приходских училищах – дети государственных и помещичьих крестьян и дворовых, при условии согласия владельца на обучение последних. Причем общеобразовательная программа для крестьянских детей была минимальной, в школы их отдавали «для обучения сельскому хозяйству, садоводству и вообще искусствам, нужным для усовершенствования или распространения земледельческой, ремесленной и всякой иной промышленности»[1381].

Статистика показывает, что с 1833 г. по 1853 г. в сословном составе учащихся в гимназиях Европейского Севера количество детей дворян и чиновников увеличилось, что отражало общероссийские тенденции. Например, в Архангельской гимназии численность учеников из дворян возросла с 65% до 75%, в Вологодской гимназии – с 88% до 93%, а в Олонецкой гимназии – с 85% до 92%. Здесь учитывались и обер-офицерские дети, т. е дети личных дворян, сами дворянами не являющиеся. Это был основной резервуар категории «разночинцы» в дореформенной России[1382].

В то же время во всех гимназиях сократилось количество детей податных состояний. Относительно представителей духовного ведомства ситуация оставалась прежней – дети священнослужителей составляли всего 2% от всех обучающихся в этих учебных заведениях. (См. Таблицу)

[1381] О запрещении принимать в университеты и гимназии крепостных // ПСЗРИ. Собр. 2. Т. 2. № 1308.

[1382] Виртшафтер Эллис К. Социальные структуры: Разночинцы Российской империи. М., 2002.

Сословный состав учащихся в Архангельской, Вологодской и Олонецкой гимназиях и в России в 1833 г. и 1853 г.[1383]

	Архангельская гимназия (кол-во / %)	*Вологодская гимназия (кол-во / %)*	*Олонецкая гимназия (кол-во / %)*	*Россия (кол-во / %)*
1833 г.				
всего учащихся	75/100	93/100	*57/100*	7495/100
дворяне и чиновники	49/65	82/88	49/85	5910/79
духовенство	-	-	-	159/2
податных состояний	26/35	11/12	8/15	1426/19
1853 г.				
всего учащихся	106/100	157/100	90/100	15 070/100
дворяне и чиновники	80/75	146/93	83/92	12 007/79
духовенство	-	3/2	-	343/2
податных состояний	26/25	8/5	7/8	2719/19

Если сословная пестрота в учебных заведениях являлась предметом недовольства родителей, особенно дворян, то между детьми не было никакого сословного антагонизма, ни чванства, ни зависти, школьников мало интересовала проблема происхождения. Судя по источникам личного происхождения, вопросы сословной принадлежности, положения в обществе, материальная составляющая были неинтересны для учеников. Дети ценили

[1383] Табл. сост.: Материалы для истории и статистики наших гимназий. С. 60-61; ГАВО. Ф. 438. Оп. 3. Д. 768. Л. 1.

дружбу, помогали друг другу в сложных ситуациях, уважали силу и авторитет старших учеников. Важными качествами ученического сообщества были взаимоуважение, честность, толерантность. Как правило, учащиеся давали преимущество тем, кто лучше учился, был интересен, прост в общении или ловок в детских играх и забавах. Школьная атмосфера сглаживала сословные различия, уравнивала детей в кругу одноклассников, которые были объединены в ученическое сообщество – класс.

Особенности ученического коллектива.

Учащиеся гимназий и уездных училищ отличались друг от друга не только своей сословной принадлежностью. В первой четверти XIX в. была очевидна значительная разница и в возрасте учеников. В одном классе могли обучаться подростки от 9 до 18 лет. Дело еще и в том, что в это время во всех учебных заведениях распространенным явлением являлось «второгодничество», причем, были и такие ученики, которые «просиживали» в одном классе несколько лет подряд. Как вспоминал бывший гимназист А. Мартынов: «Тогда не редкость было встретить между гимназистами даже низших классов препорядочных бородачей и бакенбардистов, а в высших классах уже постоянно был народ почтенный, с особенным уважением»[1384]. В старших классах некоторые ученики уже брили бороду, рядом с такими зрелыми парнями приходилось сидеть юным мальчишкам 14-15 лет. Такое «соседство» неизбежно влекло за собой определенные проблемы для подростков, которые заимствовали от старших грубость в обращении и дурные привычки.

Учащиеся в гимназиях разделялись также на вольноприходящих, приходящих учащихся и пансионеров. Их положение также различалось. Вольные слушатели посещали уроки по своему усмотрению; приходящие гимназисты находились в школе в течение всего учебного дня, а жизнь и обучение воспитанников пансионов при гимназиях вообще проходило в замкнутым пространстве. Так, воспитанник пансиона при Вологодской

[1384] Мартынов А. Школьные воспоминания. С. 4.

гимназии П. В. Засодимский вспоминал: «Мы, бывало, с завистью и грустью смотрели на них [приходящих учеников. – *Е. К.*] из окон, как они после классов с сумочками и портфелями весело шли по улицам, в одиночку и группами, направляясь к своим домам, где их ждали отец и мать, братья, сестры... После обеда, приготовив уроки, они могли пойти гулять, отправиться в театр, на вечер к знакомым, могли танцевать, могли кататься, даже поехать за город, а мы, заключенные, должны были и после классных занятий оставаться в тех же четырех стенах. Мы были оторваны от семьи, от общества, от всего мира, жившего и волновавшегося за стенами нашего пансиона. В будни мы могли выходить лишь в экстренных случаях, по уважительным просьбам родных или знакомых»[1385].

По способу оплаты за обучение воспитанники гимназий подразделялись на казеннокоштных и своекоштных. Первые находились на государственном обеспечении, другие – на иждивении родителей. В феврале 1815 г. по положению Комитета министров для воспитанников гимназий назначили стипендии от 75 до 100 руб. в год. Такая финансовая поддержка предназначалась для учащихся высших классов, желающих поступить в учительское звание, их впоследствии предполагалось назначить учителями в уездные и приходские училища округа. Казеннокоштных воспитанников старших классов даже привлекали к преподаванию учебных предметов на время отсутствующих по болезни преподавателей. Помимо этого, они были обязаны отработать в звании учителя уездного училища в течение 6 лет после окончания обучения. Единственной возможностью временно «избежать» незавидного учительского места в уездном училище являлось поступление в университет «для усовершенствования по части наук», но и там их обязывали подпиской о работе в училищном ведомстве на 6 лет после получения диплома[1386].

[1385] Засодимский П.В. Забытый мир (Из пансионских воспоминаний) // Русская школа. № 4. С. 37-38.

[1386] О дозволении при губернских гимназиях содержать несколько воспитанников для заступления на учительские места // Сборник постановлений по Министерству народного просвещения. Т. 1. 1864. Стб. 766-767.

В переписке директора Олонецких народных училищ С. А. Башинского с попечителем учебного округа С. С. Уваровым в августе 1815 г. были приведены фамилии воспитанников гимназии, «детей бедных родителей, но отличных прилежанием своим и успехами в науках», которые выразили желание после окончания обучения стать учителями. Это были ученик III класса Ф. Гребенщиков, сын губернского секретаря и ученик II класса А. О. Луневский, сын штаб-лекаря. Из сумм гимназии им выплачивали по 100 руб. в год[1387]. В Национальном архиве Республики Карелия сохранились подписки родителей о разрешении своим сыновьям продолжить службу в учительском звании по окончании гимназии[1388]. В Архангельской гимназии первыми такими стипендиатами стали П. Щеглачев и сын учителя Холмогорского уездного училища Д. Таратин.

В 1819 г. попечитель Московского учебного округа князь А. П. Оболенский ходатайствовал перед Министерством народного просвещения о разрешении содержать при некоторых гимназиях Московского округа (Владимирской, Смоленской, Рязанской, Тверской и Вологодской) по 10 казенных воспитанников из бедных семей на счет остаточных сумм гимназий и благотворительных источников. В октябре того же года последовало высочайше утвержденное мнение Комитета министров о содержании казеннокоштных воспитанников не только в гимназиях Московского округа, но и в других округах, «где при гимназиях найдутся для того способы»[1389].

С октября 1819 г. было разрешено увеличить число казенных воспитанников до 10 человек, а из-за удорожания цен на необходимые продукты можно было каждому назначить сумму и свыше 100 руб. в год[1390]. Однако не все гимназии могли выполнить данное решение Комитета. Ограниченность экономических сумм при увеличении численности

[1387] НА РК. Ф. 17. Оп. 5. Д. 1/1. Л. 342.
[1388] Там же. Л. 347.
[1389] ЖДМНП. 1821. Т. 2. С. 8-13
[1390] Об имении при гимназиях по несколько казенных воспитанников и о времени их служения в ведомстве // Сборник постановлений по Министерству народного просвещения. Т. 1. 1864. Стб. 1182-1185.

стипендиатов не позволяла им повышать стипендии. Одни школы пошли по пути сокращения казеннокоштных воспитанников, другие – размера денежных выплат. Например, в Архангельской гимназии в середине XIX в. было только 3 казеннокоштных воспитанника, получавших 59 руб. 14 коп. в год каждый[1391], в то же время в Олонецкой гимназии – в 1836 г. 7 воспитанников получали пособие по 200 руб. в год[1392]. В Вологодской гимназии в 1826 г. на содержание 10 воспитанников было определено по 100 руб. в год.

С 1835 г. 6-летняя служба в училищном ведомстве стала обязательной и для казеннокоштных воспитанников благородных пансионов при гимназиях и тех пансионеров, кто содержался на счет пожертвованных дворянством капиталов, если они не поступали в университет для дальнейшего образования[1393].

Школьные будни.

О повседневной жизни учебных заведений первой четверти XIX в. имеется немного сведений. Особенностями их внутреннего положения являлись строгая регламентация школьной жизни, а также контроль над учениками, как во время учебного процесса, так и вне школы.

Известно, что в учебных заведениях был установлен строгий распорядок учебного дня. Каждый день учащихся был расписан по часам. Устав требовал точного соблюдения установленного порядка: в положенное время занимались и отдыхали. В свободное время учащимся разрешалось читать книги, разрешенные начальством, играть в «тихие» и спокойные игры. Учащиеся занимались полную рабочую неделю, кроме воскресенья и праздничных дней. Учебный день делился на уроки и перерывы между ними – перемены: малые и большие. Так изо дня в день протекала ежедневная ученическая жизнь, некоторое разнообразие позволялось в праздники, в дни

[1391] Синицына П.Т. Развитие народного образования на Европейском Севере… С. 34.
[1392] НА РК. Ф. 17. Оп. 5. Д. 5/13. Л. 274.
[1393] Об обязанности воспитанников казенных пансионов при гимназиях прослужить шесть лет в той губернии, где находятся // ПСЗРИ. Собр. 2. Т. 10, ч. 2. № 8385.

торжественных событий или по случаю приезда в школу какого-нибудь важного государственного деятеля.

Многие ученики приходили в школу довольно рано, «как кажется единственно с тем, что, чтобы, находясь вместе, резвиться и шалить через что теряли драгоценное время, в котором они могли бы просмотреть свои уроки», – отмечал в «Повестной книге» директор Архангельской гимназии В. Л. Сильвестров в 1815 г.[1394]. Чаще всего, двери школ открывались за несколько минут до начала занятий. Входя в школьное здание, раздевшись в гардеробе, ученики выстраивались парами в коридоре учебного заведения: «маленькие впереди, большие в арьергарде» и шли под руководством учителей в актовый зал или в гимназическую церковь. Там вслух прочитывалась глава из Нового Завета, затем расходились по классам. В мае 1824 г. Главное правление училищ установило определенные правила для чтения молитв в школах перед началом и после окончания занятий, их обязательным элементом являлось упоминание не только Создателя, но и имен императора, начальников училищных дирекций, а также родителей учащихся[1395].

Расписание уроков составлялось на целый день с перерывом на обед. В некоторых школах уроки начинались рано. Например, в Вытегорском уездном училище «классы начинались в 7-м часу утра и продолжались до 10; потом ученики уходили обедать, приходили снова в училище и занимались летом до 18, а зимой до 16 часов. После обеда учитель очинивал всем перья, после чего ученики, разложивши прописи, принимались за чистописание, а потом за приготовление уроков к завтрашнему дню»[1396]. В Архангельской и Олонецкой гимназиях «для сбережения свеч и масла» утренние уроки обычно производились с 8 до 11 час. утра, а вечерние с 13 до 16 час. вечера. (См. Таблицу № 13)

[1394] ГААО. Ф. 127. Оп. 1. Д. 18. Л. 4.

[1395] Кизель Н.К., Мазюкевич В.И. Историческая записка Архангельской Ломоносовской гимназии… С. 45-46.

[1396] Петров К.М. Учебные заведения в г. Вытегра // ОГВ. 1864. № 14.

В каждом классе ежедневно проводилось по 6 уроков: до полудня проводили 4 урока и после полудня – 2. Уроки разделялись «малыми переменами» по 5-10 мин. и одной «большой», которая длилась 2 час. (с 12 до 14 час.), во время которой происходили обед и прогулка воспитанников. С 1853 г. в школах все школьные уроки перенесли на предобеденное время (с 8 до 14 час.) и сократили большую перемену до 30 мин[1397].

В расписании субботы до обеда чаще всего значились 3-4 урока, а с 12 час. организовывали дополнительные часы для неуспевающих и наказывали провинившихся учеников, делали так называемые «субботники». «В субботу, в начале последнего, четвертого урока, инспектор обходил первые три класса, всех записанных за особенно выдающиеся шалости и тех, у кого в течение недели было более трех единиц, он приглашал в гардеробную, где в его присутствии происходила известная экзекуция», – отмечал П. В. Засодимский[1398].

В начале XIX в. в гимназиях и уездных училищах стали вводить форму для учащихся. В начальных школах она не предусматривалась.

Гражданские мундиры для учебных заведений Петербургского учебного округа были введены в январе 1809 г. Они напоминали военную униформу и представляли собой камзол темно-синего сукна со стоячим воротником и обшлагами красного цвета с синей подкладкой с золотыми гладкими пуговицами и белое суконное нижнее платье[1399]. При Александре I приобретение школьной формы было не обязательно. На ее покупку требовались немалые затраты из семейного бюджета. Если в столичных гимназиях и училищах состоятельные родители могли себе это позволить, то в провинции в первой четверти XIX в. у воспитанников форма отсутствовала. В 1825 г. директор Вологодской дирекции П. А. Шипилов по поводу ученической формы сообщил попечителю Петербургского округа Д. П.

[1397] ЖМНП. 1853. Ч. 77. С. 89.

[1398] Засодимский П.В. Забытый мир // Русская школа. 1891. № 4. С. 34. Здесь имеется ввиду порка ученика розгами.

[1399] О мундире для Санкт-Петербургского учебного округа // ПСЗРИ. Собр. 1. Т. 30. № 23444.

Руничу, что ее приобретение является «не только трудным, но почти невозможным, ибо хотя и есть достаточные, но, большая часть обучающихся в гимназиях, находятся в бедности». Директор при этом обещал всемерно убеждать родителей, «чтобы они в одежде своих детей сохранили учрежденную форму»[1400]. В уездные училища, находящиеся вдали от губернских центров, как это было в Олонецкой дирекции училищ, «ученики являлись в класс в чем попало, босые, в тулупах»[1401].

В сентябре 1826 г. была высочайше утверждена новая форма для гимназистов. С этого времени учащихся гимназий и уездных училищ обязывали носить школьную форму в учебное время, на улице и на каких-либо праздничных мероприятиях. Для разночинных пансионеров полагалась для ношения на улице – шинель, в училище – «сюртук синий однобортный с белыми медными пуговицами; воротник малиновый с погончиками на плечах; панталоны синие поверх сапог; фуражка синяя солдатская с малиновым околышем», а для благородных пансионеров – мундир по образцу университета, с белыми пуговицами, с одной серебряной галунной петлицей на воротнике; без шпаги и треугольная шляпа»[1402]. Гимназистов в фуражке с красным околышем, в форменном сюртуке, с красным воротничком в народе называли «грач», «красная говядина» или «красный окунь».

В 1840 г. цвет формы изменили. Теперь воспитанники всех учебных заведений Министерства народного просвещения должны были носить форму из темно-зеленого сукна с темно-синим суконным воротником с золотыми и серебряными петлицами из галуна, фуражку суконную темно-зеленую, с околышком по цвету воротника[1403].

Поскольку дети бедных родителей, не имея материальных средств, приобрести новую форму, по-прежнему затруднялись, то в 1841/42 учебном

[1400] ГАВО. Ф. 438. Оп. 3. Д. 617. Л. 31.
[1401] Петров К.М. Учебные заведения в г. Вытегра // ОГВ. 1864. № 14.
[1402] Алешинцев И.А. Сословный вопрос и политика наших гимназий. С. 37.
[1403] Об изменении форменной одежды воспитанников учебных заведениях Министерства народного просвещения // ПСЗРИ. Собр. 2. Т. 15, ч. 1. № 13349.

году многие школьники продолжали ходить в учебные заведения в форме старого образца. Смена цвета одежды учащихся стала причиной конфликтных ситуаций. Так, в августе 1841 г. учащийся Петрозаводского уездного училища К. Фролов пришел в школу в старом суконном сюртуке, чем вызвал недовольство смотрителя Г. С. Епифанова. Ученик был отстранен от занятий с предложением, приобрести сюртук «подобный тем, в каких ходят прочие ученики». Однако по решению директора М. И. Троицкого Фролов был оставлен в училище, т. к. «для родителей бедного состояния такая [новая. – *Е. К.*] обмундировка была затруднительна»[1404]. Интересно, что по воспоминаниям Л. Ф. Пантелеева в Вологодской гимназии «к форме не особенно придирались, обязательно требовались фуражка и сюртук. Никаких ранцев и… ученических аксессуаров тогда и в помине не было», как правило, свои школьные принадлежности учащиеся носили в портфелях или сумках[1405].

Все обмундирование обычно покупалось на вырост, подол шинели для учащихся младших классов подшивали, рукава укорачивали. В многодетных семьях одежда переходила от старших к младшим. Иногда более состоятельные родители передавали старое обмундирование нуждающимся воспитанникам.

Для родителей крестьянских детей, обучающихся в уездных училищах, приобретение школьной формы было еще более трудным делом. Смотритель училищ А. К. Ильинский сообщал директору училищ Олонецкой губернии в июне 1843 г., что крестьянские мальчики, обучающиеся в Каргопольском уездном училище, «бывают всегда в одежде ветхой, разодранной и от времени укоротившейся так, что видно через нее то, что у мальчика нет исподнего платья и рубашки, и вообще белье состоит только из нескольких лоскутов грязных, висящих на плечах, а грудь вся открыта»[1406]. Училищное начальство, учитывая трудное материальное семейное положение

[1404] НА РК. Ф. 17. Оп. 6. Д. 7/8. Л. 693-694.
[1405] Пантелеев Л.Ф. Из воспоминаний о гимназии 50-х годов. С. 122.
[1406] НА РК. Оп. 5. Д. 8/17. Л. 93-93 об.

крестьянских семей, лояльно относилось к отсутствию формы и часто не определяло никакого взыскания за ношение неуставной одежды.

Первоначально школьная форма не играла значительной роли в жизни учащихся. К середине XIX в. они становится важным атрибутом корпоративности в укладе школ. Как отметила М. В. Егорова, исследователь повседневной жизни учащихся XIX в. ученическая форма являлась «одним из способов приобщения учащихся к школьной жизни, ее правилам, дисциплине»[1407]. Однообразный внешний облик учащихся сглаживал сословные различия, их семейное материальное положение, «уравнивая учащихся и заставляя их принимать себя как представителей одной касты… Но самое главное…, что форма позволяла учебному начальству вести неусыпный надзор за учащимися не только в школе, но и вне ее»[1408].

Проблема успеваемости учащихся была основным вопросом в жизни образовательных учреждений. Качество обучения, уровень полученных знаний являлся важным фактором, как в деятельности педагогов, так и в жизни учащихся. В этом отношении главное значение приобретало отношение учащихся к учебе. К своим прямым обязанностям школьники относились по-разному. Среди них были отличники, хорошисты, «крепкие» троечники и неуспевающие. Кому-то учение давалось легко. «На первых порах учение меня мало затрудняло, как вероятно и большинство моих товарищей. Чтобы переходить из класса в класс достаточно было средних способностей и умеренного трудолюбия. Надо было прослыть в глазах начальства и учителей хорошим и старательным учеником, и тогда можно было рассчитывать на их снисхождение и даже поддержку», – вспоминал один из гимназистов[1409].

Характерной особенностью учебных заведений Европейского Севера России являлась низкая успеваемость учащихся. Училищное начальство

[1407] Егорова М.В. Повседневная жизнь учащихся и учителей Урала в XIX – начале XX вв. М., 2008. С. 40.
[1408] Там же.
[1409] Кропачевский Д.А. Гимназии пятидесятых годов // Русская школа. 1897. Кн. 9/10. С. 75

обращало серьезное внимание на ее повышение, заботилось «о способах к соревнованию между учащимися» в получении высших оценок за познания в науках. Циркулярным предложением министра народного просвещения А. К. Разумовского в 1813 г. ввели метод рассаживания учеников в классах по степени успеваемости и поведению. По его мнению, посредством такого размещения прилежание даже самого посредственного из учеников могло измениться в лучшую сторону. В каждом классе были первые и последние ученики. Первые – образец прилежания и благонравия, помещались на передних скамьях, менее преуспевающие садились на следующие в нисходящем порядке, а на последних, на так называемой «камчатке» – «камчадалы», совсем безнадежные, «вместилище тупости и нерадения». Как отмечал один из учащихся: «Последняя парта, своего рода, заточение. «Камчатка», там находились ветераны класса, «гвардейцы», которые по 3-4 года сидели в одном классе. Для учителя – последняя парта была на плохом счету, для учеников – авторитет, краса и гордость класса»[1410]. В некоторых школах первые две скамейки для отличников и прилежных учеников окрашивали в цвет, отличающийся от цвета других скамеек. Иногда на скамьях прикреплялись таблички с надписью «Отличники и прилежные ученики».

Местоположение воспитанников в классе достаточно часто менялось, в зависимости от уровня текущей успеваемости оценок и дисциплины. В школах Олонецкой дирекции практиковался метод «заганивания» друг друга, напоминающий игру и мотивирующий учащихся: низший по месту спрашивал высшего о чем-либо и если тот не мог дать ответа, то спрашивающий объяснял и занимал его место и т. д. Такие вопросы с последующим перемещениям детей продолжались на протяжении всего урока. Следует отметить, что некоторые педагоги, часто применяя этот метод, только наблюдали за происходящим, проводя свое рабочее время «в праздности»[1411].

[1410] Михневич В. Школьные типы 50-х годов // Русская школа. 1894. № 3. С. 29.
[1411] Петров К.М. Олонецкая гимназия с 1808 по 1831 гг... С. 13.

Для поощрения и мотивации учащихся ежемесячно составляли списки отличных, хороших и нерадивых воспитанников, имена которых объявлялись на собраниях учеников. Фамилии отличников вывешивали в специальных рамках в классных помещениях. Позднее имена лучших писали на красных досках, а нерадивых – на черных. Изредка за неудовлетворительные знания практиковался перевод неуспевающих учеников в низшие классы.

Успешные учащиеся назначались «аудиторами» для объяснения и прослушивания уроков у более слабых воспитанников (по 4-6 человек на каждого аудитора). Списки аудиторов и их подопечных («подаудиторных») определял преподаватель. Аудитор должен был перед началом занятий проверять выполнение домашнего задания у своих одноклассников, давать им объяснения, ставить отметки в специальных журналах, а перед началом урока сообщать результаты учителю. К данной форме проверки знаний аудиторы относились по-разному. Одни честно относились к своим обязанностям, за что имели много неприятностей, обид со стороны лентяев и шалунов и, наоборот, одобрительное отношение преподавателей. Другие старались обойти школьные правила и использовали ситуацию в своих интересах. Такие аудиторы халатно относились к своим обязанностям, брали «взятки» – за порцию печенья или стакан молока ставили подаудиторному положительную оценку, независимо от его ответа и затем просто лгали учителю.

Иногда аудиторы попадали в курьезные ситуации. Интересный эпизод произошел в Вологодской гимназии с аудитором П. В. Засодимским. В числе его 6-ти «подаудиторных» был ученик М. – «тупица и лентяй феноменальный». Кроме Закона Божьего и чистописания, «у него… были чаще всего «2» да «1», а субботы редко проходили без того, чтобы М. не побывал в гардеробной для получения наказания». Однажды П. В. Засодимский, спросил у своего подопечного наизусть стихотворение. Поняв, что тот знал его очень плохо, хотел было поставить ему «2». Однако «льстивым, вкрадчивым шепотом подаудиторный» М. попросил: «Поставь

три! Ну, что тебе... А то у меня уж много единиц, опять драть поведут... Поставь, пожалуйста, три!.. Я тебе булку дам!». Соблазн оказался велик. Булка была немедленно съедена, а ученику М. в журнале была поставлена оценка «3». В начале урока учитель удивился поставленной «3» и попросил М. прочесть стих наизусть. «Соблазнитель мой, – вспоминал П. Засодимский, – нехотя, выполз из-за стола и подошел к доске…, пожевал губами, посопел и начал гнусить: «Где сладкий шепот моих лесов, потоков ропот...», запнулся и поник головой, усиленно вертя то ту, то другую пуговицу своего сюртука… И так он начинал раза четыре, а я той порой краснел и бледнел, ругая про себя М. болваном и ослом». За этот поступок П. Засодимского лишили аудиторства на длительное время[1412].

Высшее учебное начальство удостаивало особой похвалы те дирекции училищ, где были высокие результаты поступления выпускников губернских гимназий в университет и другие высшие учебные заведения России. Судя по архивным данным, более 20 выпускников Олонецкой гимназии первой половины XIX в. поступили в Петербургский университет. В 1823 г. и в 1840 г. в университет поступило по 5 воспитанников этой гимназии. Все они окончили полный университетский курс, в том числе будущий профессор Московского университета А. Чивилев. В 1824 г. университет окончил поэт В. Г. Бенедиктов. Выпускник гимназии Ф. Александров продолжил свое обучение в Горном институте. Студентами Санкт-Петербургского университета стали А. Воронов, будущий член Министерства народного просвещения, Александр и Петр Копосовы, Я. Дейхман, в будущем известный олонецкий чиновник, Н. Позняков, П. Мещерский и другие.

Выпускники Вологодской гимназии становились студентами Московского и Санкт-Петербургского университетов. Следует отметить, что до 1835 г. из Архангельской гимназии в университет не поступил ни один выпускник, двое поступили в Медико-хирургическую академию, один – в Петербургский Педагогический институт.

[1412] Засодимский П.В. Забытый мир… // Русская школа. № 5-6. С. 57-58.

В это время среди учащихся Олонецкой гимназии появились первые медалисты. Так, например, ее выпускник Николай Копосов был «во все продолжение учения своего в гимназии поведения и прилежания похвального, а во всех предметах, преподаваемых в оной, оказывал весьма хорошие успехи» и в 1833 г. получил серебряную медаль[1413]. И хотя получение медали затянулось на год, это не помешало Н. Копосову в 1832 г. поступить в Петербургскую Медико-хирургическую академию.

Лучшим выпускникам гимназии, удостоенным похвальных аттестатов, предоставлялись служебные преимущества. По Уставу 1828 г. учащиеся, окончившие курс уездных училищ, имели право поступать в гражданскую службу. Окончившие курс гимназии могли определяться на места канцелярских служителей высшего разряда, кроме того им сокращали время выслуги для производства в первый классный чин. Те же, кто с успехом обучались греческому языку, удостаивались награждения золотыми и серебряными медалями, имели право начинать службу сразу в XIV классе.

Сведения об успеваемости учащихся преподаватели доводили до родителей, представляя их в специальных свидетельствах. В одних учебных заведениях такие свидетельства о поведении, успехах и посещении классов за подписью инспектора выдавались учащимся еженедельно. Нерадивых учеников приглашали на заседания Совета гимназии, где «напоминали им… обо всех сделанных ими упущениях и самом вреде могущем иметь влияние на их будущность»[1414]. Тем не менее, несмотря на все отмеченные выше педагогические методы и привилегии для успешных учащихся, во многих учебных заведениях успеваемость была низкой. Среди причин, встречающихся в отчетах директоров и смотрителей училищ, чаще всего упоминались «природная лень», отсутствие желания учиться и слабое умственное развитие учеников.

[1413] НА РК. Ф. 17. Оп. 5. Д. 4/8. Л. 118-119.
[1414] ЦГИА СПб. Ф. 139. Оп. 1. Д. 4677. Л. 16 об.

Одним из больших затруднений в деятельности гимназии являлось неаккуратное посещение учащимися классов во время учебного года. Уставы закрепляли систему жесткого контроля над посещаемостью. Перед началом урока проводилась обязательная перекличка присутствующих детей, а в особой графе классных журналов учитель отмечал опоздания, отсутствующих и присутствующих с объяснением о причине нарушения. Если ученик пропустил учебный день или урок, необходимо было не только устно объяснить причину, но и принести письменное «свидетельство» от родителей, родственников или опекунов. О частых пропусках учителя сообщали инспектору гимназии.

Причины непосещения уроков были различны. Чаще всего это были болезнь учеников или оставление их дома по родительской воле. Училищное начальство и педагогический коллектив предпринимали различные меры для решения данной проблемы. Педагогические Советы гимназий неоднократно на своих заседаниях обсуждали эти вопросы и предлагали меры по привлечению внимания родителей к школе, тем самым надеясь решить данный вопрос. Воспитанников, пропустивших много учебных дней без уважительной причины, оставляли на повторный курс обучения. Но эти меры в течение всей первой половины XIX в., как правило, никаких изменений не вносили, и учащиеся продолжали пропускать учебные занятия.

Вопросы дисциплины и организация контроля над учащимися.

Важную роль в жизни школьников имела нравственная составляющая. От учеников требовалось, чтобы они были учтивы, опрятны, послушны своим наставникам, точно выполняли их приказания, в назначенное время приходили в класс. Ослушание, непочтительность, леность подлежали строгому наказанию.

Несомненно, вопросы дисциплины на уроках и переменах занимали важное место в деятельности образовательных учреждений. Внутреннее положение школ в первой четверти XIX века отличалось относительной свободой, как для педагогов, так и для учащихся. «А каков был надзор над

нами? Надзора над нами собственно не было никакого», – вспоминал свои годы учения М. П. Погодин. В штатных расписаниях учебных заведений этого времени не предусматривались должности инспектора и надзирателя, поэтому контроль за учебной и хозяйственной частью полностью находился в ведении директора училищ. Как правило, директора редко посещали гимназии, полностью полагаясь и доверяя учебный процесс учителям. Преподаватели в установление тишины и покоя во время перемен не вмешивались. Пользуясь отсутствием училищного начальства, они часто приходили в начале урока, давали какое-нибудь задание ученикам и уходили по своим делам, появляясь только к окончанию урочного часа. Учащиеся же были предоставлены сами себе и распоряжались учебным временем по-своему. В таких случаях кто-то действительно занимался, обсуждал темы письменных заданий, писал сочинения, решал задачи и примеры, вслух читал тексты учебников. Другие просто бездельничали и ждали готовых решений для списывания. Третьи предпочитали уйти из школы. Очевидно, что такая «свобода» влияла на уровень успеваемости и обостряла проблему дисциплины в учебных заведениях.

Во второй четверти XIX в. был проведен ряд мероприятий по укреплению порядка и школьной дисциплины. Для контроля над учащимися в 1828 г. была введена должность инспектора гимназии, в обязанности которого входил надзор «за преподаванием и нравственною частью воспитания в гимназии»[1415]. Инспектор должен был ежедневно посещать классы, наблюдать за порядком в классах во время проведения учебного процесса, контролировать посещение гимназистами уроков и проведение ими свободного времени, посещал квартиры учащихся, где смотрел за тем: все ли ученики занимаются делом, какие читают книги и чем именно занимаются.

В пансионах появились комнатные надзиратели. В 1838 г. в гимназиях установлена должность особых надзирателей за вольноприходящими учениками. Отметим, что за порядком во время учебного процесса

[1415] Устав гимназий, уездных и приходских училищ.

наблюдали и дежурные из числа «надежных» учеников. В Вологодской дирекции в 1825 г. для надзора в классах за учениками во всех учебных заведениях избирались 4 старшеклассника (дежурных), которые в специальной тетради записывали имена учеников, уклоняющихся от правил в благопристойности. Дежурные до начала учебных занятий наблюдали за чистотой и опрятностью классных помещений и за собравшимися до прихода учителей учениками, чтобы те «вели себя скромно и благонравно». Дежурство заканчивалось рапортом начальству о школьных происшествиях и замеченных во время учебного дня нарушениях дисциплины учащихся[1416].

Педагогические Советы разрабатывали и принимали «Правила поведения учащихся», которые вслух зачитывались на ученических собраниях. В Архангельской гимназии такие «Правила, как должны вести себя в гимназии и вне оной ученики» были составлены в 1835 г. В них, в частности говорилось, что ученики обязаны являться в классы опрятно одетыми «с причесанными волосами, с чистыми не замаранными руками». При входе в класс учителя, инспектора, директора, все должны вставать, «но не кланяться и никаких вообще приветствий не делать». В школьных коридорах запрещалось «облокачиваться руками о стены, писать на них мелом, равно как и стирать паклей написанное на общей классной доске и своих собственных досках»[1417].

Контроль над воспитанниками продолжался и вне учебного времени. Некоторые ученики уездных и приходских училищ, находясь на обучении в губернских и уездных городах, проживали на частных квартирах. Преподавателям вменялось в обязанность посещение квартир таких учеников. Помимо этого из лучших учеников высших классов избирались цензоры, которые контролировали благопристойное нахождение воспитанников в школе, а также при входе и выходе из гимназии, цензорам поручалось «провожать их попарно, как из домов в гимназию, так и обратно»[1418].

[1416] ГАВО. Ф. 438. Оп. 3. Д. 617. Л. 29.
[1417] Там же. Ф. 127. Оп. 1. Д. 17. Л. 1.
[1418] ЦГИА СПб. Ф. 139. Оп. 1. Д. 4677. Л. 15.

Учащимся гимназий без письменного разрешения начальства запрещалось бывать в публичных местах, ходить за город на прогулки, даже для собирания гербариев и коллекций минералов. С 1849 г. для наблюдения за воспитанниками вне школы, пансионерам при отпуске их домой выдавались личные билеты за подписью директора и инспектора гимназии. В них были записаны права и обязанности учащихся по отношению к властям и старшим, а также указывалось, когда и на какое время отпущен воспитанник. Этот документ школьникам необходимо было всегда иметь при себе и предъявлять по требованию.

Таким образом, школьники находились под постоянным контролем учителей, инспектора, директора или своих одноклассников. Единственной возможностью обладать свободой, оставаться вне пристального внимания окружающих были перемены. В свободное время школьники занимались различными играми во дворе школы, беседами с одноклассниками, подготовкой к следующему уроку и просто пустым времяпровождением. На переменах не запрещалось кричать, прыгать, петь, играть в чехарду, преследовались только кулачные бои и драки. Детские забавы и развлечения были просты и обычно сопровождались криком, шумом. Среди учеников были мастера, которые копировали учителей. Любимыми играми были лапта, «хождение стенки на стенку», настольная игра «гусек» и забава в тарелочные осколки. Обыкновенная тарелка разбивалась на мелкие неправильные кусочки, затем играющие брали в горсть по нескольку таких кусочков и по очереди бросали вверх таким образом, чтобы их можно было подхватить на наружную сторону кисти руки. Старшие воспитанники играли в шахматы или в шашки. Свободная игровая деятельность особенно радовала детей, после уроков они старались скорее вырваться на свободу, отряхнуться, отвести душу в шалостях и играх.

Отметим, что в среде гимназистов были распространены и вредные привычки. Обычно старшеклассники во время перемен удалялись в укромные уголки школьного двора и курили, а оттуда слышались слова,

недопустимые в печать. Самые смелые умудрялись курить в здании гимназии: в уборной, в рекреационном зале перед пылающей печкой, а «особенно лихие смельчаки курили даже в классах во время уроков, ловко пуская дым по стенке и вызывая удивление в учителях, которые… по запаху ощущали его присутствие». На вопрос о причине появления дыма, отвечали, будто запах табака проникает в класс из учительской комнаты[1419]. Несмотря на суровые взыскания, в старших классах была развита картежная игра на деньги. Играли преимущественно в «три листика» и «ландскнехт».

Школьная среда была достаточно деспотична, груба и цинична. Несомненно, наличие телесных наказаний, решение всех школьных конфликтов с позиции силы, насаждение системы покорности начальству, подавление личности ученика, все это накладывало свой отпечаток на школьную атмосферу. Демонстрация силы, «кулачное» право, право сильного было в полном ходу. Старшие ученики били младших. Постоянно поддерживалась непримиримая вражда между классами и между учебными заведениями. Образцом военных действий служили кулачные бои. Сохранились воспоминания о том, как зимой на льду реки Вологды близ Красного моста устраивались кровавые побоища между семинаристами и гимназистами. «Боролись, ходили стеной на стену, дрались на кулачках, поленьями, чем попало, и дело иногда доходило чуть не до смертоубийства[1420].

Иногда детские развлечения, даже самые невинные, имели безжалостный характер. Так, одна из любимых игр состояла в том, что кто-нибудь по жребию становился спиной к товарищам, а окружающие хлопали его, и тот должен был угадать: кто ударил его. Угаданный становился на его место, если же он не угадал, то игра, т. е. битье, продолжалась. Иной злой шутник со всего размаху наносил такой чувствительный удар, что ребенок невольно вскрикивал и выпрямлялся. Отказаться же от игры значило заслужить всеобщее презрение и прозвище «неженки, труса, маменькина сынка» и т. д.

[1419] Мамонтов Н. На школьной скамье 75 лет назад. С. 46.
[1420] Засодимский П.В. Забытый мир… // Русская школа. 1891. № 4. С. 33.

Некоторые игры воспитанников были похожи на гладиаторские бои. «На арену» выходили желающие померяться ловкостью и силою своих мускулов. Часто борьба переходила в довольно ожесточенную драку. Зрители при этом аплодировали, любуясь на противников, возившихся на полу, в пыли.

Довольно неприятный эпизод произошел в Вологодской гимназии. Приходящие ученики накупили игрушечных ружей, барабанов, сделали воинские знамена и задумали взять приступом гимназию. В одну из суббот заговорщики утром собрались у парадного подъезда и с шумом и гиканьем ворвались в гимназию, оттеснили сторожей, старавшихся унять их, и с торжествующими, победными криками пронеслись по широкой парадной лестнице, проникли в коридор и, стреляя из ружей, с барабанным боем прошли по коридору взад и вперед, стуча в двери классов древками знамен. Скандал произошел значительный, но, однако, не вышел из стен гимназии. Дело кончилось тем, что «главных военачальников» в тот же день высекли[1421].

Система взаимоотношений и школьная иерархия: ученик – учитель, ученик – ученик.

Образовательное пространство учебных заведений включало в себя систему взаимоотношений ученик – учитель, ученик – ученик. Опубликованные в периодической печати второй половины XIX в. воспоминания выпускников школ 1808 – 1856 гг. отражают характер этих связей. Многие мемуаристы по-доброму говорят о тех преподавателях, которые старались не только обучать, но действовать развивающим образом на своих питомцев, относились к их внутреннему миру с интересом и участием.

Ученики с большим уважением вспоминают тех учителей, которые добросовестно относились к преподаванию. Как правило, одним из основных положительных качеств педагогов являлось доступное и интересное для учеников преподавание учебных предметов. Важное значение приобретали и

[1421] Там же. С. 35.

нравственные параметры личности наставника, такие как, доброта, сопереживание, внимательность, чуткость по отношению к детям. По воспоминаниям гимназистов, особенно теплые взаимоотношения между педагогами и их воспитанниками возникали в старших классах. Как утверждали мемуаристы, «учителя в старших классах гимназии с нами скорее были на дружеской, чем на начальнической ноге. Они охотно принимали нас у себя в квартире, беседовали с нами, снабжали книгами»[1422]. Воспитанники после окончания гимназии или университета, продолжая дело любимого учителя в качестве преподавателей учебных заведений, старались быть похожими на своих наставников. Став студентами, писали им письма, часто приезжали в родную гимназию, встречались с учителями. Автор воспоминаний Л. Ф. Пантелеев, будучи на каникулах в Вологде, посещая гимназию, отмечал: «точно в семью в свою попал, так встретила меня моя старая гимназия»[1423]. Во время таких встреч педагоги всегда интересовались успехами своих бывших учеников.

Тем не менее в мемуаристике часто встречаются и негативная характеристика школьных взаимоотношений. Значительное место в воспоминаниях занимают проблемы несправедливого выставления оценок, неинтересное и скучное преподавание предмета, применение телесных наказаний, пьянство педагогов и т. д. Многие современники признавали, что эти отношения постепенно превращались в противостояние. Ученики на уроках нарушали дисциплину, шалили, старались как можно меньше заниматься, придумывали массу хитростей, чтоб получить высший балл за свои сомнительные познания. Педагоги, в свою очередь, разоблачали эти уловки, ставили учащимся неудовлетворительные оценки, жаловались инспектору, родителям. Такая «борьба» вызывала взаимные обиды. В воспоминаниях описаны и последствия такого противостояния – месть обиженных учащихся, выраженная в явных издевательствах над

[1422] Семенов Д.Д. Из школьных воспоминаний старого педагога. С. 46.
[1423] Пантелеев Л.Ф. Из воспоминаний о гимназии 50-х годов. С. 128.

преподавателями. Ученики красили чернилами стул учителя, натирали классную доску воском, задавали педагогам непристойные вопросы, прикрепляли к одежде учителя разные записки с оскорблениями, давали своим учителям нелицеприятные прозвища – «мучитель», «минотавр», «балалайка» и т. д.

Ученическая среда вырабатывала свои нравственные кодексы и традиции. Психологическая атмосфера межличностных отношений значила очень много для результатов обучения и нравственного воспитания. Обычно наблюдалась крепкая дружба между одноклассниками, взаимопомощь и выручка друг друга в трудных жизненных ситуациях. Например, выдать товарища считалось делом гнусным и позорным, примером малодушия. Товарищество, поддержка и единение являлись характерными чертами ученической среды. Мемуарист признавался: «Мы жили сплоченной дружной семьей, проводя большую часть времени за классными занятиями или чтением и посвящая вечерние рекреации интимным разговорам с более близкими приятелями. Нам было хорошо в гимназии, мы так сжились с ней»[1424].

В классах складывалась сложная и весьма строгая иерархия. Взгляды на товарищество, на дружбу, по неписаному кодексу, были самые прямолинейные. «Предателей» называли обидными кличками «ябедник», «фискал», «ярыжка». Дружба налагала свои обязанности: другу нельзя было отказать ни в какой услуге, ни в какой помощи... Обиженный должен был сам расправляться с обидчиком, но жаловаться на товарища учителю или гувернеру считалось весьма непохвальным. Плакать или молить о пощаде хотя бы под розгами считалось унизительным, даже унизительнее перенесенного наказания… Рассказывать дома или в обществе о школьных секретах считалось неприличным, и воспитанника, уличенного в пересказывании тех или иных фактов из школьной жизни, называли «сплетником», «переносчиком», «кумушкой». Подсмеиваться над

[1424] Кропачевский Д.А. Гимназии пятидесятых годов. С. 62.

товарищем, подвергнувшимся наказанию, или при случае напоминать ему об этом наказании считалось делом низким[1425].

На уроках во время ответа одного из учеников другие учащиеся всегда оказывали помощь товарищам: подсказывали, писали ответы на листе бумаги с крупно написанными именами и цифрами. Как правило, за подсказывание учащихся наказывали: «не должны ему подсказывать или толкать его локтем», – гласило одно из правил для учащихся Архангельской гимназии. Тем не менее такая «помощь» во время урока среди учащихся считалась «священным долгом».

Организация проведения экзаменов.

Пожалуй, главными событиями школьной жизни были экзамены: внутренние, в присутствии учителей и училищных чиновников и публичные, с приглашением епархиального архиерея, губернатора, ректора духовной семинарии, именитых граждан города и родителей учащихся.

В учебных заведениях экзамены были установлены еще при Екатерине II. § 39-40 Устава Главных народных училищ 1786 г. гласили, что открытые испытания в учебных заведениях производились 2 раза за учебный год: перед Новым годом (в декабре) и по окончании каждого учебного года перед Петровым днем (в июле). При подготовке к экзамену учителям предписывалось представлять директору или смотрителю училищ списки учеников и «испытать их еще порознь в присутствии директора… по преподаваемым им предметов учения…, а на конец имена прилежных и благонравных учеников прочитывать»[1426]. Однако данный Устав не регламентировал конкретные условия проведения экзаменовки.

Ст. 60-63 Устава 1804 г. устанавливали новые единые правила проведения экзаменов для гимназий, уездных и приходских училищ. Они, как и прежде, производились 2 раза в год: в декабре и в августе. Важно заметить, что перенесение срока проведения летних испытаний с июля на

[1425] Засодимский П.В. Забытый мир.. // Русская школа. 1891. № 4. С. 40.
[1426] Устав народным училищам в Российской империи // ПСЗРИ. Собр. 1. Т. 22. № 16421.

август вносило значительные затруднения для учащихся. Тех детей и их родителей, кто впервые переступал порог школы, августовские экзамены вполне устраивали. За лето можно было тщательно подготовиться к поступлению в учебные заведения. Между тем выпускники гимназий, получая аттестат только в августе, опаздывали на приемные экзамены в университет и могли только через год стать студентами высшего учебного заведения. Это вызывало недовольство среди многих учеников.

Испытания учащихся были разных видов. Экзамены *приемные* производились ежегодно при поступлении детей в гимназии и уездные училища, при приеме учеников в приходские школы их не устраивали. Процедура испытаний была достаточно проста. Экзамены происходили в классе в обычной обстановке. Несколько учителей во главе с инспектором сидели за одним большим столом. Будущие ученики по очереди подходили к ним и отвечали на вопросы. По итогам опроса комиссия принимала решение кого, в какой класс определить.

Экзамены *переводные* проводились в июне, при переходе из класса в класс, и в декабре, по окончании полугодия. На такой проверке знаний присутствовали преподаватели, директор, инспектор или смотритель училищ. Так училищное начальство контролировало не только знания учеников, но и качество преподавания.

Экзамены *выпускные* назначались по окончании всего курса и совершались в особо торжественной обстановке. Окончившие курс наук получали аттестат за подписью директора и учителей гимназии с указанием полученных оценок по учебным предметам и по поведению.

Процедура проведения выпускного экзамена включала в себя подсчет шаров (баллов). Как отметила Т. В. Филоненко, шары назывались «по-французски balle – «балл»; отсюда и возникло понятие «баллотировать», что в данной ситуации означало оценивать в «баллах»[1427]. Перед испытаниями директор училищ определял для каждой науки определенное количество

[1427] Филоненко Т.В. Реформы и контрреформы… С. 23-24.

шаров по степени ее важности. Например, для алгебры предлагалось поставить 90 шаров, которые распределялись между учениками по уровню их познаний предмета. Так, за знание 4-х действий арифметики назначали 20 шаров, за умение решать уравнения – 10 шаров и т. д. Испытуемые учащиеся демонстрировали свои познания, а учитель постепенно прибавлял шары в копилку ученика по степени знания им предмета. По окончании экзамена составлялся рапорт, где для определения успеваемости учащихся по всем изучаемым предметам, сумма всех шаров складывалась. Это позволяло определить успешность или неуспешность ученика в целом[1428].

Для проведения экзаменов в каждой школе, как бы она бедна ни была, находилось особое помещение – зал, где с особым торжеством, по заранее составленному сценарию происходил публичный экзамен. Приготовления к нему делались заблаговременно. Почетный смотритель готовил угощение, директор, инспектор, штатный смотритель, учителя сочиняли речи, ученики заучивали приветственные и благодарственные слова и стихи. Несколько дней перед экзаменом ученики были заняты серьезными репетициями предстоящего мероприятия, помимо этого они приводили здание школы в порядок, чистили школьный двор, украшали парадный вход и зал, расставляли глобусы, развешивали ландкарты, накрывали экзаменационный стол сукном.

Гостей на экзамен приглашали разными способами. Официальным лицам (губернатору, градоначальникам, губернским чиновникам), приглашения разносили по домам и вручали лично в руки, остальным пригласительные билеты рассылались по почте. Иногда для приглашения добровольных гостей целый час звонили в колокол. Перед испытанием все учащиеся отправлялись в собор для литургии, а после молебна возвращались в школу.

Как правило, на публичных испытаниях ученики отвечали на вопросы по изучаемым предметам, которые составлялись заранее. Во время экзаменовки их спрашивали из Священной истории и Нового Завета, задавали вопросы по

[1428] Устав учебных заведений, подведомых Университетам.

русской грамматике, дети решали задачи и примеры, учителя демонстрировали тетради учеников и показывали физические опыты. Вопросы ученикам следовали по порядку, ибо лучшие ученики могли запутаться, а те, кто «не радели об учении» – могли и не дать удовлетворительный ответ на предложенный вопрос[1429]. Помимо этого воспитанники специально к экзамену писали сочинения на латинском, немецком, французском и русском языке, делали переводы из древних книг, производили литературные разборы прозаических и стихотворных текстов.

Был еще один способ занимать публику на экзаменах – это публичные беседы и диспуты. Чтобы поразить посетителей, устроители публичного акта старались использовать различные формы и нередко показывали целые театральные представления. Например, несколько учеников или учителей вступали между собой в спор о преимуществах истории, географии, математики или же представляли диалог, где один представлял ленивого, другой прилежного, а последний старался направить первого "на путь истины".

В сохранившейся в архиве «Исторической записке о состоянии Сольвычегодского уездного училища за 1788-1823 гг.», составленной штатным смотрителе Ф. Ратьковским, рассказывается о проведении такого диспута на открытом испытании в 1818 г. Ученики играли роли ученых разных научных направлений: Зенон Мудров – географа, Иван Кожанов – историка, Платон Лихачев – математика, Василий Зазаубрин – словесника, а Никанор Мудров – судьи. «Ученые» представляли спор о преимуществах своей науки. Итог диалога учеников подвел смотритель училищ А. О. Мудров. Он провел сравнение развития наук с деятельностью российских государей[1430]. Любопытно, что в этом публичном акте активное участие приняли дети самого смотрителя Мудрова: Зенон и Никанор, ставшие впоследствии учителями вологодских училищ. Н. К. Отто в своей

[1429] Шмид Е.К. История средних учебных заведений. С. 208.
[1430] ГАВО. Ф. 438. Оп. 3. Д. 55. Л. 40 об.

исторической записке о Вологодской дирекции училищ описывает еще один «диспут» в другом училище: два учителя «вступили перед публикой в горячий спор и пришли в такой азарт, что вцепились друг другу в волосы и один задал другому страшную потасовку»[1431].

Чаще всего проведение торжественных актов, связанных с экзаменами, затягивалось на длительное время. Вот как учителя Великоустюгского училища А. О. Мудров и В. Протопопов в своем рапорте от 2 июля 1804 г. описывают экзамен, продолжавшийся в течение 3-х часов: 1 июля под руководством смотрителя фон Ганзера, полицмейстера, батальонного начальника, благородных особ и прочих зрителей «учитель 3 класса повторял речь и лекции, говоренные им при открытии латинского языка, поелику многие из посетителей не были тогда за обстоятельствами времени»[1432].

Экзамен в Вологодской губернской гимназии в сентябре 1808 г. продолжался с 14 час. дня по полуночи. Программа столь долгой экзаменовки включала в себя: речи учителей и учеников на немецком, латинском, французском и российском языках, а также смотр знаний воспитанников по Закону Божьему, по французскому, немецкому, латинскому языкам, истории, географии и статистике, арифметике, геометрии, механике, алгебре, гражданской архитектуре и физике, логике, нравственной философии, психологии, риторике и поэзии и политической экономии, естественной истории, технологии и коммерческим наукам, юриспруденции. «В заключение сего, – отмечалось в официально программе, – будет говорена благодарность к посетителям речь на российском языке и будут призываемо ученичество упражняться в рисовальном искусстве»[1433].

По окончании испытаний ученики благодарили губернское и училищное начальство, преподавателей, учителя зачитывали списки учеников, перешедших в следующий класс, награждали отличившихся. По распоряжению Санкт-Петербургского училищного комитета с 1825 г. все

[1431] Отто Н.К. История Новгородской дирекции… С. 120-121.
[1432] ГАВО. Ф. 438. Оп. 3. Д. 17. Л. 6.
[1433] Там же. Д. 225. Л. 2.

торжественные речи директоров, смотрителей, учителей и воспитанников учебных заведения утверждались ректором, а с 1840 г. – попечителем учебного округа[1434].

Несомненно, длительная многочасовая процедура проведения экзаменов в первой четверти XIX в. утомляла не только учащихся, но и присутствующих гостей. Многие из приглашенных мало что понимали из произнесенных речей на древних и новых языках. Экзамены в это время играли роль не проверки знаний, а демонстрации успехов учащихся, преимуществ образованности, для привлечения жителей в учебные заведения. Важным следствием публичного акта для самого учебного заведения могла быть благотворительность кого-либо из приглашенных гостей. Посетители, восхищаясь способностями учеников, радуясь за успехи собственных детей, были особенно благодушны в эти часы и вносили денежные взносы на развитие школы.

Согласно Уставу 1828 г. процедура проведения экзаменов сохранилась, при этом были сдвинуты их сроки. Теперь экзамены проводились в июне (ст. 25), а не в августе, как было ранее, их результаты обсуждались на заседаниях педагогического Совета. Устав разрешал абитуриентам гимназий по результатам вступительных экзаменов поступить сразу во II, III и даже в IV класс, минуя предыдущие классы, «если на испытании они докажут, что имеют достаточные знания в преподаваемых в нижних классах науках»[1435].

Интерес представляет трансформация системы оценивания знаний учащихся. В первой четверти XIX в. способности каждого ученика в Ведомостях обозначались словесно и довольно произвольно: «хорошо», «посредственно», «достаточно», «остр» «годиться», «понятен», «туп», «тупенек», «не без понятен» и др. Их прилежание к занятиям оценивались следующим образом: «прилежен», «не прилежен», «мало прилежен», «нерадив», «везде слабо» и др.; поведение: «скромен», «резв», «резвенек»,

---

[1434] Там же. Д. 53. Д. 401.
[1435] Устав гимназий, уездных и приходских училищ.

«малозабочлив», «умеренно», «чрезвычайно тихо» и др. Система баллов в это время не применялась и получила свое развитие только во второй четверти XIX в. Такие «оценки» были не точны, их границы размывались и не давали конкретных данных об уровне знаний учащихся. Чаще всего оценка зависела от словарного запаса педагога.

Министерство народного просвещения предлагало ввести 4-х балльную систему оценивания на выпускных экзаменах в учебных заведениях страны еще в 1818 г. «дабы оное испытание производилось с наивозможнейшею точностью и совестностью», а результаты испытаний оформлять в специальной экзаменационной таблице, учитывавшей возможность присвоения выпускникам классного чина[1436]:

Имена учеников	*Частное испытание*	*Ежемесячные списки*		*Сумма*	*Разряд*	*Классный чин*
		Об успехах	*О поведении*			

Учащийся по итогам проведенного экзамена мог получить наивысшую сумму в 12 баллов, которая складывалась из 3 параметров: частное испытание, средний балл ежемесячных успехов и поведения учащихся. Итоговая сумма в 12 баллов давала выпускнику I разряд и чин IX класса, сумма в 11 баллов – II разряд и X класс по Табели о рангах, сумма в 10 баллов – XII класс, сумма в 9 и 8 баллов – XIV класс. Если ученик получал менее 8 баллов, то можно было не получить классного чина при выпуске из школы. Однако данное циркулярное предложение осталось без внимания училищных дирекций, и словесная оценка оставалась незыблема.

К данному вопросу вновь обратились в 1830-е годы. Вопрос о введении бальной системы оценивания учащихся стал предметом представленных профессорами высших учебных заведений проектов. В августе 1833 г.

[1436] Начертание подробнейших правил касательно испытаний в таких учебных заведениях, коих воспитанники при выпуске имеют право на получение классного чина // Сборник постановлений по Министерству народного просвещения. Т. 1. 1864. Стб. 1053.

Министерством рассматривались «Правила экзаменов и перевода в высшие классы», вводившие 10-балльную шкалу оценок, составленные Советом Киевского университета[1437]. В них предлагались открытые экзаменационные теоретические вопросы и практические задания, а также самостоятельный выбор вопросов по жребию ученика.

Каждый предмет по этому проекту имел свои нормы оценок, причем они изменялись при переходе из класса в класс. Это вносило путаницу и непонимание всей сути оценивания. Например, по Закону Божьему с I по IV класс высшей отметкой считалась – 7 баллов, с V по VII класс – 4. По русскому языку и словесности и математике, в с I по III класс – 10 баллов, с IV по VII класс – 9, в VII классе – 7. По иностранным языкам с I по III класс – 5 баллов, в остальных классах – 6. По черчению и рисованию с I по III класс – 6 баллов, в остальных классах – 3 и т. д.

За поведение ставили оценки также своеобразно. Для обозначения отличного поведения бралась удвоенная высшая оценка по предмету в классе. Например, в низших классах высшая отметка выражалась цифрой 10 баллов, поэтому отличное поведение обозначалось отметкой 20 баллов, в других – за предметы ставили 5 баллов, соответственно за поведение – 10 баллов и т. д.[1438].

По окончании экзамена экзаменаторы в форме таблицы составляли 2 экзаменационных протокола: по отдельным предметам и по общим итогам экзаменовки. В конечном счете, складывалась общая сумма баллов, по которой учащихся, набравших от 7 до 10 баллов, переводили в высший класс с вручением наградных книг, получивших от 6 до 9 баллов – осуществляли перевод без награды, при получении 5 баллов рекомендовалось повторение пройденного учебного материала и проведение вторичного экзамена, а за знания менее 5 баллов оставляли на второй год обучения.

[1437] РГИА. Ф. 733. Оп. 89. Д. 109. Л. 11.
[1438] РГИА. Ф. 733. Оп. 89. Д. 109. Л. 12.

Протокол оценивания учащихся по отдельным предметам[1439]

Ф. И. О. ученика	*Оценка учителя*	*Оценки экзаменаторов*			*Общая сумма*	*Средняя арифмети-ческая оценка*
		Ф.И.О. экзамена-тора	*Ф.И.О. экзамена-тора*	*Ф.И.О. экзамена-тора*		

Протокол оценивания учащихся общих итогов экзамена[1440]

Фамилия и имя ученика	*Оценки по предметам, полученные на экзаменах*				*Поведение ученика*	*Общая сумма*	*Средняя арифметическая оценка*	*Данные о переводе ученика в следующий класс*
	Закон Божий	*Русская грамматика*	*Арифметика*	*История*				

В виде опыта такая система оценивания была введена в школах Киевского учебного округа с 1833 по 1837 гг. Свое мнение по данному эксперименту выразил в своих воспоминаниях воспитанник Киевской гимназии Н. Тумасов, назвав это новшество «курьезной системой баллов»[1441]. Действительно, предложенная система была слишком сложна и неудобна. Отсутствие единой системы выставления баллов вызывало много недоразумений у преподавателей и учащихся.

Совет Петербургского университета в составе профессоров И. П. Шульгина, Д. С. Чижова, Н. И. Бутырского, рассматривая проект Киевского

[1439] Там же.
[1440] Там же. Л. 12.
[1441] Тумасов Н. История Киевской второй гимназии // Киевская старина. 1902. Т. 77. № 5. С. 256.

университета, сделал вывод: «Проект неудовлетворительный, нужно составить новый» и высказал следующие замечания: на экзаменах в гимназиях должны присутствовать профессора университета, слишком сложный подсчет баллов, можно было бы остановиться и на 5-ти бальной системе, жребий не нужен: «ученики должны быть вызываемы по алфавитному списку или по произволу председательствующего»[1442]. После такого резюме Главное правление училищ проект Киевского университета отклонило.

В 1834 г. Главным Педагогическим институтом в Министерство был представлен еще один «Проект правил для годичных испытаний и перевода в высшие классы по гимназиям, уездным и приходским училищам». В нем предлагалась 12-ти бальная система оценивания учащихся: 12-11 баллов – отлично, 10-9 баллов – очень хорошо, 8-7 баллов – хорошо, 6-5 баллов – нехудо, 4-3 балла – худо, 2-1 балл – очень худо[1443]. Эти «Правила» Главное правление училищ также не одобрило и приняло решение о создании особого Комитета для сочинения нового проекта правил годичных испытаний в гимназиях, уездных и приходских училищах. Так, 13 сентября 1834 г. появился Комитет, который «старался сохранить по возможности существующий ныне порядок и основание новых проектов сделать сколь можно проще»[1444].

Новый «Проект правил для годичных испытаний в гимназиях и уездных училищах» устанавливал 5-ти бальную систему и не предполагал проведения экзаменов в приходских училищах. Данный проект рассматривался в университетских Советах Петербурга, Харькова, Казани, Москвы и был утвержден в январе 1837 г. на заседании Главного правления училищ в виде опыта на 4 года.

По новым Правилам в гимназиях сдавали выпускные и переводные экзамены по 8 предметам: Закону Божьему, русскому языку, арифметике,

---

[1442] Там же. Л. 14, 24-25.
[1443] Там же. Л. 36-46.
[1444] Там же.

геометрии, истории, географии, чистописанию и черчению. В уездных училищах – по Закону Божьему, чтению, письму, арифметике и делопроизводству. Интересно, что в уездных училищах чистописание, черчение и рисование считались второстепенными предметами и при общем выводе степени познаний воспитанников не учитывались. Вопросы для устных испытаний и практические письменные задания составляли преподаватели учебных заведений, а утверждал их попечитель округа. Программы и вопросники для экзамена печатались в университетских типографиях[1445].

Баллы оценивания познаний учащихся определялись следующие: 1 – слабые, 2 – посредственные, 3 – достаточные, 4 – хорошие, 5 – отличные. Правила точно разъясняли систему оценивания устных ответов учащихся на экзаменах: 5 – знают предмет весьма основательно, на все вопросы отвечают удовлетворительно, выражаются точно, ясно и свободно. 4 – знают предмет весьма основательно, на все вопросы отвечают удовлетворительно, выражаются не совсем определенно, иногда сбиваются и не свободно. 3 – знают, что пройдено на все вопросы отвечают, но не точно, выражаются не совсем ясно. 2 – пройденное понимают порядочно, отвечают на вопросы посредственно. 1 – многого из пройденного не понимают, отвечают сбивчиво, пересказывают лишь вытверженное наизусть, притом с большими ошибками и не ясно. По 5-ти балльной системе также оценивалось прилежание и поведение учащихся: 5 – отличное, 4 – хорошее, 3 – добропорядочное, 2 – посредственное, 1 – худое.

Право на перевод в высший класс имели ученики, получившие не менее 3 баллов. Получившие 4-5 баллов награждались книгами и похвальными грамотами. Поведение учеников оценивали директор, инспектор, смотритель училищ по отзывам учителей и комнатных надзирателей. При получении отметки «1», полученной на любом предмете, ученик лишался права

[1445] Вопросы испытаний, производимые в гимназиях. СПб., 1846; Вопросы испытаний, производимые в уездных училищах. СПб., 1846.

перевода в следующий класс и выдачи аттестата об окончании учебного заведения[1446].

До введения универсальных Правил оценивания успехов учащихся, в некоторых гимназиях Педагогические советы самостоятельно разрабатывали такие правила. В этом отношении интересен «Протокол заседания Совета Вологодской гимназии» от 20 сентября 1835 г., на котором было принято решение о введении собственной дробной системы баллов (от 1/2 до 4): 4 – отличные, 3 ½ – очень хорошо, 3 – хорошо, 2 ½ – довольно хорошо, 2 – посредственно, 1 ½ – довольно посредственно, 1 – слабо, ½ – очень слабо[1447].

В Олонецкой гимназии также допускали выставление оценки по собственному усмотрению (используя в журнале отметку «0»), уже после принятия единых Правил в виде опыта. О такой практике как недопустимой предупреждал преподавателей Олонецкой гимназии директор училищ М. И. Троицкий в 1845 г. Он, в частности, писал: прошу всех преподавателей «ежедневные отметки по классному журналу ставить по точному указанию Правил об испытаниях, употреблять пять первых цифр, а нуль, равняющий человека с деревом, ставить в случае только крайней степени нерадения, тем более что таковой отметки и по правилам не предполагается: он, был особенно поставлен в огромном размере, наводит меня на мысль, что отметка сделана не в равнодушном состоянии духа»[1448].

Окончательно «Правила для испытаний в уездных училищах и гимназиях» утвердили в 1846 г.

В 1837 г. Министерством народного просвещения были приняты «Правила для желающих поступить в Университеты»[1449]. Для поступления в приемную комиссию высшего учебного заведения требовалось представить следующие документы: прошение ректору от абитуриента с указанием

[1446] Правила для испытания в уездных училищах и гимназиях // ЖМНП. 1837. Ч. 13. С. 300.
[1447] ГАВО. Ф. 438. Оп.3. Д. 981. Л. 30.
[1448] НА РК. Ф. 17. Оп. 6. Д. 8/9. Л. 754-755.
[1449] Правила для желающих поступить в Университеты // ЖМНП. 1837. Ч. 37. С. 315.

факультета и отделения, свидетельства о его происхождении, о крещении, об увольнении от общества (для выходцев из податных сословий), аттестат об окончании гимназии с удовлетворительными оценками, а также одобрительными отзывами о поведении. Абитуриенты, не имевшие аттестата гимназий, сдавали вступительные экзамены по Закону Божьему, русскому языку (грамматика, словесность и логика), математике (алгебра и геометрия), языкам (латинский, немецкий, французский), физике, географии, и истории (всеобщей и отечественной). Имевшие аттестат гимназий зачислялись в университет на основании представленных документов.

Экзаменов ждали все – и педагоги, и дети, и их родители. Экзаменационный процесс оживлял жизнь школьников. В это время церкви и часовни заполнялись толпами учащихся: ставили свечи, горячо молили Бога о поддержке. Ленивые, но способные просиживали перед экзаменом ночи, исправные старались отличиться, быть первыми, были и такие ученики, кто и «за тетрадку не брались», но получали удовлетворительные отметки.

Детям в это время приходилось много учить, повторять пройденное на уроках в течение учебного года, читать множество стихотворных и прозаических произведений. Подготовка к экзаменам требовала больших усилий и напряженной работы. Большинство учеников перед экзаменационной сессией испытывали тревогу и панику. В это время умами воспитанников овладевала одна учебная деятельность. Мысли, разговоры, все сосредотачивалось на экзаменах. Они обыкновенно теряли аппетит и веселость, становились «суровее и бледнее» – находились в тревожном состоянии. Как вспоминал один из учащихся: «Чем ближе было время экзаменов, тем тревожнее было состояние духа, блуждающего в непроницаемом тумане неопределенности. Различные предположения неудачного окончания дела, случайная возможность неосуществления предположенных желаний возмущала душевное спокойствие. Насколько мне

приходилось содрогаться перед началом каждого экзамена, настолько после окончания душа наслаждалась спокойствием и удовольствием»[1450].

Во время экзаменов все ученики сидели в классе. Учителя вызывали их по списку, воспитанники брали один из билетов и тут же отвечали. Судя по воспоминаниям, во время проведения экзаменов они придумывали разные уловки для облегчения их сдачи. К экзамену ученики вооружались всевозможными хитростями, так что отвечать приходилось билеты, хорошо и заранее подготовленные. Чаще всего билеты были написаны на тонкой прозрачной бумаге, вследствие чего на оборотной стороне можно было легко увидеть номер лежащего наверху билета. Ученик, взявший верхний билет, должен был на пальцах показать товарищам, присутствовавшим в классе, какой номер билета стоит на очереди, чтобы следующий ученик мог повторить его содержание по учебнику. В Вологодской гимназии иногда переписку текстов экзаменационных билетов доверяли писать самим ученикам, тогда они обязательно метили их разными условными сигналами[1451]. Некоторые воспитанники использовали напечатанные в типографии программки и вопросники, где между строчками прописывали решения задач, теоремы, и необходимые для заучивания понятия.

Перед началом учебного года, в августе, как правило, проводили публичные акты, где учителя говорили торжественные речи, а учащиеся демонстрировали приглашенной публике свои способности в чтении стихов и прозы. Программа публичного акта в Олонецкой губернской гимназии 28 августа 1835 г. иллюстрирует сценарий целого празднества: пение молитвы «Радуйтесь Богу, помощнику нашему», речь законоучителя гимназии о виде христианского поучения, доклад старшего учителя на немецком языке о важности выбора будущей профессии для юношей, чтение творческих работ учеников старших классов. По окончании торжества секретарь Совета гимназии зачитывал выписку из «Журнала заседания Совета гимназии» об

[1450] Воспоминания И. В. Е. от детства до смерти (1841-1866 гг.) // Русская старина. 1917. № 4-6, С. 178.

[1451] Пантелеев Л. Ф. Из воспоминаний о гимназии 50-х годов. С.128.

учениках, удостоенных представления к наградам и к переводу в высшие классы, хор певчих пел гимн «Боже царя храни», а лучший ученик гимназии произносил благодарственную речь на немецком языке[1452]. Учащиеся в этот день подготовили и представили присутствующим гостям переводы статьи Ф. Шиллера «Сражение при Люцине 6 ноября 1632 г.», разборы отрывков из «Энеиды»[1453]. Довольно часто ученики читали на торжественных актах поэтические произведения собственного сочинения. Подобные акты проводились и в других гимназиях.

Тема экзаменов и их процедуры была предметом обсуждения училищных чиновников, педагогов и общественных деятелей. Например, А. С. Пушкин в своей Записке «О народном воспитании», адресованной Николаю I (1826 г.) предложил запретить проведение школьных экзаменов. Он, в частности считал, что «указ об экзаменах, мера слишком демократичная и ошибочная… А так как в России все продажно, то и экзамен сделался новой отраслью промышленности для профессоров… Уничтожение экзаменов… станет хорошим противодействием ропоту родителей, почитающих своих детей обиженными»[1454].

В середине XIX в. система школьных экзаменов подверглась новой критике со стороны ряда педагогов, которые указывали на формализм и необъективность экзаменационной практики, приучавшей учащихся к механической зубрёжке. Одни осуждали излишнюю официальность обстановки и предлагали ужесточить форму проведения экзаменов, другие считали экзамены пережитком прошлого. Третьи подчеркивали важность проведения испытаний: «как вспомогательное средство учения, заставляющее учеников сгруппировать в уме в своем уме пройденную часть науки…, как проверку знаний учеников» и особую форму контроля за преподаванием предметов. Предлагалось также изменить процедуру экзаменов. В частности, в качестве одного из способов рекомендовалось

[1452] НА РК. Ф. 17. Оп. 6. Д. 5/6. Л. 114-114 об.
[1453] Там же.
[1454] Пушкин А.С. Записка о народном воспитании... С. 210.

составлять программы предметов в виде очерков, а не кратких вопросов, давать время на подготовку к ответу, чтобы ученик мог его обдумать и представить ответ в форме лекции. Экзаменаторы при этом могли его останавливать, поправлять и направлять в правильное русло[1455].

С какими итогами подходили учащиеся к окончанию школы? Каков был багаж их знаний в перспективе будущей службы? Что давала школа в смысле воспитания гражданственности?

Бывшие учащиеся неоднозначно оценивали свои познания после окончания учебных заведений. Одни считали, что за время обучения «приобрели только сознание как узко, ничтожно и поверхностно мое первоначальное образование», другие же, напротив, утверждали, что приобрели в школе любознательность, охоту к чтению и самообразованию, восполняя недостаток школьного учения привычкой к работе, желанием и способностью быть полезным своим трудом.

Как правило, у тех, кто прошел полный учебный курс гимназии, хватало знаний в качестве подготовительной базы для высшего образования по основным предметам. Гимназия не только давала твердые основы общего образования и умственного развития, но и развивала в своих воспитанниках стремление к дальнейшему образованию и посильной общественной деятельности. Примечательно, что многие бывшие ученики вспоминали добром свои школьные годы, не сообщая о неприятностях, конфликтах и недовольстве итогом обучения.

Другие, наоборот, были не удовлетворены школой, томились в ней, с нетерпением ждали того момента, когда можно будет с нею распроститься. Такие ученики покидали училище с чувством не только облегчения, и даже некоторого озлобления на учебное заведение или учителей. Они сгоряча давали зарок никогда не переступать порог школы, забыть, где она находится, игнорировать в дальнейшем особенно нелюбимых преподавателей, умышленно не узнавать их при встрече.

[1455] Лавров П.Л. Экзамены // Журнал для воспитания. 1858. № 11. С. 185.

Воспитанники, в силу обстоятельств не окончившие учебное заведение или не имевшие возможности поступить в университет, испытывали трудности в дальнейшем трудоустройстве. Мемуарист размышляет: «Не зная ни ремесел, ни каких-нибудь других практических дел, что они могли предпринять, кроме обычной продажи своих школьных познаний в форме грошовых уроков, кроме занятий перепискою, притом, гимназия всем своим образованием отрывала своих питомцев недворянского происхождения от интересов той среды, из которой они вышли»[1456]. Так образование в объеме даже уездного училища было условием перехода из прежней социальной ниши в новую, возможностью дальнейшей выслуги, возможностью занятости в сфере интеллектуального, а не физического труда. Выпускники уездных училищ, не поступившие в гимназии, оставались не в деревне, откуда многие вышли, а в городе.

Таким образом, повседневная жизнь учащихся регулировалась нормативными документами. Общение учащихся между собой помогало им справиться со многими трудными ситуациями, возникающими во время учебного процесса. В этом общении происходило становление личностей, закалка характеров, формирование взглядов на окружающую действительность. Нередко учащиеся объединялись против учителей, не сумевших наладить с ними контакта, и тем самым проявляли своеобразный протест против скуки и формализма в школьной среде[1457].

Несомненно, важную роль в формировании личности ученика играло образовательное пространство школы. Если в школе утверждался приоритет знаний, высокообразованные училищные чиновники и педагоги добросовестно и творчески относились к своим обязанностям, тогда ученический коллектив старался соответствовать высокому уровню их наставников. Учащиеся с радостью шли в школу, выполняли все необходимые требования, не нарушали дисциплину. Все это способствовало

[1456] А.Р. Былое. Из воспоминаний о 50-60-х годах // Русская старина. 1901. Т. 108. № 11. С. 376.

[1457] Егорова М.В. Повседневная жизнь учащихся и учителей. С. 62.

повышению качества образования в учебных заведениях: учащиеся гимназий нередко становились золотыми и серебряными медалистами и в дальнейшем продолжали обучение в высших учебных заведениях страны.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В создании российской системы народного просвещения ведущая роль принадлежала государству. История школ всех уровней в дореформенной России, от начальных училищ до университетов, может рассматриваться как отражение государственной политики, смена приоритетов в которой определялась как просветительскими идеологическими конструкциями (более или менее жизнеспособными), так и практическими задачами улучшения системы местного управления силами «грамотных» людей, оживления хозяйственной жизни региона.

Начало создания сети российских государственных общеобразовательных школ было положено Екатериной II. Образовательная реформа 1786 г. разрешала открывать Главные народные училища в губернских, а Малые народные училища в уездных городах. В это время сфера народного образования впервые становится объектом внимания государства. Реформы в области народного просвещения первой половины XIX в. позволили значительно расширить систему училищ и на Европейском Севере России в рамках созданного в 1803 г. Санкт-Петербургского учебного округа. Система включала разные типы училищ, связанные друг с другом принципом преемственности программ обучения, основанных на единстве администрирования, но предназначенных для разных социальных слоев российского общества. Условием складывания системы училищ, как в общероссийском, так и в территориальном измерении была долговременность правительственных просветительских стратегий, позволившая создать единую правовую и законодательную базу для открытия и функционирования училищ различного уровня.

Проведение учебных реформ в правление Александра I наталкивалась не только на трудности организации обучения на местах, но и на непонимание обществом пользы образованности и элементарной грамотности для своих детей. Образовательные реформы не встретили поддержки у основной массы населения региона, хотя идеологи реформ и администраторы просвещения

старались всеми способами добиться моральной и материальной поддержки со стороны общества. Следование принципу всесословности в первые десятилетия школьного строительства, отмена телесных наказаний во всех типах училищ (1804 г.) отсутствие национальных ограничений – все это, по мнению реформаторов, должно было обеспечить училищам поддержку со стороны общества. Но создание возможностей получения образования для всех сословий еще не обеспечивало автоматически рост их образовательного статуса, поскольку потребность в образовании у представителей разных групп российского общества была неодинакова.

Завершение этапа становления российской системы народного образования можно отнести к концу 1850-х гг., когда удалось не номинально, но на практике создать сеть начальных школ в сельской местности, завершивших всю конструкцию училищ, строившуюся сверху вниз: университет – гимназия – уездное училище – начальное училище. Если в 1804 г. в России насчитывалось 53 гимназии (с Главными народными училищами), 900 Малых народных училищ, в которых обучалось 33 715 учащихся, то в 1855 г. в стране действовало 79 гимназий (17 817 учащихся), 439 уездных училищ (27 309 учащихся), 1106 приходских училищ (49 101 учащийся) и 614 частных школ, находившихся в ведении Министерства народного просвещения[1458]. В этот список необходимо добавить и существовавшие в это время многочисленные сельские приходские училища Министерства государственных имуществ, Министерства внутренних дел, Удельного и Горного ведомств, Святейшего Синода, в которых обучались крестьянские дети.

На территории изучаемого региона в 1805 г. действовало 15 школ, в которых обучалось 736 учащихся, а к 1855 г. здесь находилось уже 3 гимназии, 2 благородных пансиона при губернских гимназиях, 18 уездных и 33 городских приходских училища, а также были открыты: 2 училища для

[1458] *Зябловский Е. Ф.* Новейшее землеописание Российской истории. СПб., 1808. С. 323. *Вессель Н. Х.* Исторический очерк общеобразовательных училищ, и психологические основания общего образования. СПб., 1873. С. 69.

детей канцелярских служителей, 6 женских и 43 частных школы, численность сельских приходских училищ различного ведомственного подчинения приблизилась к 400. Общая численность учащихся в это время составила около 6000 человек. В большинстве училищ работали школьные библиотеки, только в фондах гимназических библиотек находилось 12 100 экземпляров книг.

Школьная политика государства менялась в зависимости от политической обстановки, смены идеологических ориентиров. От первоначальной идеи единой бессословной школы правительство в 1830-х гг. переходит к последовательному курсу на закрепление существующих сословных перегородок в системе образования. Идя навстречу интересам дворянства и чиновничества, власть создает для этой группы сословные ниши внутри школьной системы. Поскольку общеобразовательные гимназии в первой половине XIX в. не стали социально привлекательными ни для дворян, ни для купцов, правительство вынуждено было создать при них благородные пансионы, а также сохранить в системе просвещения частное образование. Эти учебные заведения в губернских городах стали преобладающей формой получения общего законченного образования. Промышленное производство, сельское хозяйство, усложняющийся аппарат управления испытывали потребность в грамотных людях и специалистах. Внутри гимназий создаются специализированные классы, что было ответом на реальные потребности общества. Однако гимназии, предназначенные для образования дворянства, как это предполагало правительство, не были строго сословными учебными заведениями. В губернских гимназиях Европейского Севера России к 1855 г. около трети воспитанников составляли представители городских сословий и разночинцы. Средняя школа, воспринимавшаяся как подготовительная ступень к университету далеко не сразу смогла реализовать эту миссию. Число обучавшихся в гимназиях в несколько раз превосходило число оканчивающих, т. е. получивших аттестат и готовых продолжить образование в университете. Выпускники реальных

отделений губернских гимназий не могли поступать в университеты, эту возможность имели только воспитанники классических отделений, изучающие древние языки.

К 1830-м гг. можно отнести и перелом в отношении населения как к гимназическому образованию, так и к начальным школам. Это проявилось в увеличении расходов со стороны городских дум, сельских обществ, почетных попечителей учебных заведений на нужды просвещения. Увеличение финансирования позволило значительно расширить сеть учебных заведений. Чтобы сблизить общество со школами правительство предпринимает всевозможные способы воздействия, привлекательные для детей и их родителей: учреждение разного рода стипендий для казеннокоштных воспитанников, снижение платы за обучение для многодетных семей, бесплатная раздача книг для малоимущих учеников, профессионализация школ: преподавание основ ремесла, бухгалтерии, коммерции, навигации.

В правление Николая I развитие активно развивается начальное образование. Этому способствует межведомственное взаимодействие в школьном строительстве между Министерством народного просвещения, Министерством государственных имуществ, Духовным ведомством, Департаментом уделов, Министерством внутренних дел. Каждое из ведомств понимало было заинтересовано в распространении грамотности среди сельского населения, имея практическую потребность в землемерах, писарях, и других необходимых в волостных правлениях специалистов. Без совместных усилий министерств и ведомств увеличение численности начальных школ затянулось бы на десятилетия. Только силами Министерства народного просвещения трудно было бы решить проблему отсутствия инициативы «снизу» и необходимого финансирования школ «сверху».

В первой половине XIX в. были заложены основы начального женского образования. Для девочек среднего и низшего сословий открывались женские школы, где они получали основы грамоты и навыки домашних

хозяйственных занятий. Важным явлением в этом отношении явилось значительное повышение численности девочек в городских и сельских приходских училищах во второй четверти XIX в.

На формирование сети школ на Европейском Севере России наложила свой отпечаток специфика края (суровый климат, малонаселенность и неравномерность заселения). Здесь проживали карелы, самоеды, зыряне, которые не знали русского языка, а обучали их русской грамоте. Преподавание предметов на русском языке в «инородческих» школах провинциальных окраин остро ставило проблему усвоения русской грамоты учащимися-инородцами. Но обучение русскому языку не всегда было результативным, и это сказывалось на качестве преподавания.

Специфика региона определялась составом населения с преобладанием государственных крестьян, а также немногочисленностью инициативных «просвещенных» помещиков, которые могли бы содержать сельские училища. Это обусловило активную деятельность различных ведомств (Министерства государственных имуществ, Министерство Уделов, Духовное ведомство) по созданию учебных заведений низшей ступени. Низшие учебные заведения, состоящие в ведении Святейшего Синода, Министерства государственных имуществ, Горного ведомства позволили получить начальное образование многим детям в селениях государственных крестьян. В Олонецкой губернии в первой половине XIX в. возросла роль приходских училищ в решении миссионерских задач по распространению официального православия среди карельского населения, «зараженного расколом».

Изменения в экономической и политической жизни России диктовали изменения в учебных курсах для средней и начальной школы. Школьную программу 1804 г. отличали многопредметность и неопределенность. Это повлияло на ход дальнейшего реформирования учебных заведений, изменения учебных программ.

С точки зрения содержания преподавания во второй четверти XIX в. формируются два подхода к образованию – классический и утилитарный.

Различия между утилитарной и классической системами заключаются, прежде всего, в целях обучения: для классической школы это приоритет воспитательной цели, ее гармоничное сочетание с решением конкретных образовательных и развивающих задач. Считалось, что достичь реальных целей в воспитании молодого поколения можно лишь при определенных требованиях к содержанию образования, основной корпус которого составляют такие предметы как классические языки, отечественная словесность, Закон Божий. Введение преподавания Закона Божьего в российских гимназиях и других училищах с 1811 г. усиливало нравственно-воспитательного начала. Это отвечало идеологической стратегии правительства, выраженной в охранительной доктрине «православие, самодержавие, народность».

Создание учебных пособий, новых школьных учебников, руководств по преподаванию учебных предметов способствовало формированию целостной системы обучения в средних и начальных учебных заведениях. Совершенствование и введение новых форм и способов обучения позволили повысить заинтересованность в получении образования.

Социальная сторона образовательных реформ определялась изменением положения и статуса главного автора школьной системы – учителя, ростом численности учителей и постепенным превращением учительства в социопрофессиональную группу. Правовое положение учителей средних и начальных учебных заведений регламентировалось законодательными актами, прежде всего школьными Уставами 1804 г. и 1828 г., а также постановлениями Министерства народного просвещения, а также различными правилами и установками губернского училищного начальства. Включение педагогов в ранг государственных служащих обеспечивало им повышение социального статуса в обществе. Однако состав учителей был неоднороден, положение в системе образования зависело от уровня образования, характера преподавания, загруженности, семейного положения, других факторов.

Формирование учительского корпуса шло в установленных законодательными документами жестких рамках. Учитель был под постоянным наблюдением инспектора и директора гимназии, смотрителя училищ, чиновников местной администрации (земских исправников, городничих, губернатора), родителей учеников.

Независимо от сословной принадлежности, возраста и места конкретной школы в училищной иерархии, повседневная жизнь учащихся подчинялась четкой регламентации, как в школе, так и дома. Нарушение дисциплины и порядка каралось жесткими мерами. Становление классных ученических коллективов, формирование взглядов детей на окружающую действительность происходило под влиянием отсутствия свободы мнений, применения телесных наказаний (с 1828 г.), скуки и формализма в школьной среде. Постепенное усиление воспитательного характера школьного обучения должно было формировать из юношей верноподданных, лояльных всякой власти, и чиновников, послушных начальству. Однако не всегда ученики оставались пассивным объектом обучения и воспитания. Немалое количество мемуаров о школьной повседневности, с критическим анализом ситуации, свидетельствует о том, что дореформенная школа могла формировать и общественно активных людей.

Несомненно, реформы народного просвещения первой половины XIX в. стали основой для подготовки дальнейших реформ в области образования в дальнейшее время. Этот период можно назвать подготовительным к созданию более расширенной российской системы просвещения и решению одной из главных проблем XIX в. – всеобщей грамотности населения. Результаты реформирования системы народного просвещения стали предтечей нового этапа школьной реформы, развернувшегося в 1860-1890-х гг., и попыток введения всеобщего начального обучения в конце XIX в. Гимназия, как основная форма получения среднего образования, появившаяся в начале XIX в. получила во второй половине XIX в. классическую основу, а реальные классы, открытые при гимназиях стали

прообразом будущих реальных училищ. Способы и формы организации и деятельности приходских училищ легли в основание реформы начальной школы 1864 г. Реальное развитие женского образования в России началось только с 1856 г., после утверждения проекта «Положения о женских училищах» в 1855 г.

ПРИЛОЖЕНИЕ № 1

Министры народного просвещения Российской империи в 1802-1858 гг.

	Фамилия, имя отчество	*Годы службы в должности*
1.	Завадовский Петр Васильевич	1802 - 1810 гг.
2.	Разумовский Алексей Кириллович	1810 - 1816 гг.
3.	Голицын Александр Николаевич.	1816 - 1824 гг.
4.	Шишков Александр Семенович	1824 - 1828 гг.
5.	Ливен Карл Андреевич	1828 - 1833 гг.
6.	Уваров Сергей Семенович	1833 - 1849 гг.
7.	Ширинский-Шихматов Платон Александрович	1849 - 1853 гг.
8.	Норов Авраам Семенович	1853-1858 гг.

ПРИЛОЖЕНИЕ № 2

Попечители Московского учебного округа в 1803-1825 гг.

	Фамилия, имя отчество	*Годы службы в должности*
1.	Муравьев Михаил Никитич	1803 - 1807 гг.
2.	Разумовский Алексей Кириллович	1807 - 1810 гг.
3.	Голенищев-Кутузов Павел Иванович	1810 - 1817 гг.
4.	Оболенский Андрей Петрович	1817 - 1825 гг.

ПРИЛОЖЕНИЕ № 3

Попечители Санкт-Петербургского учебного округа в 1802-1855 гг.

	Фамилия, имя отчество	*Годы службы в должности*
1.	Новосильцев Николай Николаевич	1802 - 1803 гг.
2.	Строганов Павел Александрович исполняющий обязанности	1804 - 1805 гг.
3.	Новосильцев Николай Николаевич	1805 - 1810 гг.
4.	Уваров Сергей Семенович	1811 - 1821 гг.
5.	Рунич Дмитрий Павлович	1822 - 1826 гг.
6.	Бороздин Константин Матвеевич	1826 - 1831 гг.
7.	Дондуков-Корсаков Михаил Александрович	1832 - 1842 гг.
8.	Волконский Григорий Петрович	1842 - 1844 гг.
9.	Мусин-Пушкин Михаил Николаевич	1845 - 1855 гг.

ПРИЛОЖЕНИЕ № 4

Директора Архангельской дирекции народных училищ в 1801-1853 гг.

	Фамилия, имя отчество	*Годы службы в должности*
1.	Сильвестров Василий Лукич	1801 – 1832 гг.
2.	Никольский Илья Алексеевич	сентябрь 1832 г. – июнь 1833 г. (совмещал должность инспектора и директора училищ)
3.	Ковалевский Юлиан Александрович	июнь 1833 г. – ноябрь 1834 г.
4.	Скрыдлов Илларион Николаевич	ноябрь 1834 г. – май 1838 гг.
5.	Жуковский Станиславич Юрьевич	май 1838 г. – январь 1839 г.
6.	Никольский Илья Алексеевич	январь 1839 г. – октябрь 1853 г.
7.	Гриппенберг Эдуард Одертович	октябрь 1853 г.

ПРИЛОЖЕНИЕ № 5

Директора Вологодской дирекции народных училищ в 1800-1857 гг.

	Фамилия, имя отчество	*Годы службы в должности*
1.	Станиславский Кирилл Сергеевич	1800 г. – декабрь 1810 гг.
2.	Волоцкой Алексей Сергеевич	декабрь 1810 г. – апрель 1824 г.
3.	Шипилов Павел Алексеевич	май 1824 г. – декабрь 1829 г.
4.	Соколов Аркадий Аполлонович	июнь 1830 г. – апрель 1832 г.
5.	Веденский Николай Андреевич	апрель 1832 г. – август 1833 г.
6.	Башинский Андрей Васильевич	август 1833 г. – январь 1852 г.
7.	Бернгоф Антон Антонович	февраль – июль 1852 г. (исправлял должность)
8.	Власов Аникита Семенович	июль 1852 г. – август 1857 г.;

ПРИЛОЖЕНИЕ № 6

Директора Олонецкой дирекции народных училищ в 1800-1864 гг.

	Фамилия, имя отчество	*Годы службы в должности*
1.	Ушаков Петр Александрович	Сентябрь 1802 – март 1804 гг.
2.	Копосов Михаил Андреевич	март – август 1804 г. (исправлял должность)
3.	Крылов Авраам Егорович	август 1804 – октябрь 1806 гг.
4.	Ушаков Николай Петрович	январь 1807 – июль 1813 гг.
5.	Куняев Николай Осипович	июль 1814 г. (исправлял должность)
6.	Башинский Степан Александрович	июль 1813 – апрель 1828 гг. (совмещал должность с председателем Уголовной палаты)
7.	Троицкий Михаил Иванович	апрель 1828 – март 1845 гг.
8	Джаксон Василий Васильевич	май 1845 – февраль 1847 гг.
9	Эрдман Федор Иванович	февраль – апрель 1847 г.
10.	Игнатович Викентий Васильевич	май 1847 – октябрь 1849 гг.
11.	Иордан Александр Иванович	октябрь 1849 – июнь 1852 гг.
12.	Фортунатов Федор Николаевич	июнь 1852 – февраль 1864 гг.

ПРИЛОЖЕНИЕ № 7

Учебная программа для гимназий по «Уставу учебных заведений, подведомых университетам» 1804 г.[1459]

Предметы	*Классы*				*Всего*
	I	*II*	*III*	*IV*	
Чистая прикладная математика и опытная физика	6	6	6	-	18
История, география и статистика общая и государства Российского	6	6	4	2	18
Философия, изящные науки и политическая экономия	4	4	4	8	20
Естественная история, технология и коммерческие науки	-	-	4	12	16
Латинский язык	6	6	4	-	16
Французский язык	4	4	4	4	16
Немецкий язык	4	4	4	4	16
Рисование	1	1	1	1	16
ИТОГО:	32	32	32	32	124

[1459] Алешинцев И.А. История гимназического образования. С. 27.

ПРИЛОЖЕНИЕ № 8

Учебная программа для гимназий, составленная С. С. Уваровым для учебных заведений Санкт-Петербургского учебного округа в 1817 г.[1460]

Учебные предметы	*Классы*							*Всего уроков*
	I	*II*	*III*	*IV*	*V*	*VI*	*VII*	
Закон Божий: Краткий Катехизис	2	2	2	-	4	-	-	14
Священная история	-	2	2	-	-	-	-	
Русский язык: Чтение гражданское	8	2	-	-	-	-	-	40
Чтение церковное	4	-	-	-	-	-	-	
Грамматика и диктант	-	4	4	-	-	-	-	
Грамматика с упражн. в слоге	-	-	-	4	-	-	-	
Риторика	-	-	-	-	4	2	-	
Логика	-	-	-	-	2	2	-	
Словесность и ее история	-	-	-	-	-	-	4	
Математика Арифметика	6	6	6	-	-	-	-	42
Алгебра	-	-	-	4	-	-	-	
Геометрия	-	-	-	4	-	-	-	
Математика	-	-	-	-	4	4	4	
Физика	-	-	-	-	-	2	2	
История Всемирная	-	-	2	2	4	2	-	26
Новейшая	-	-	-	-	4	-	4	
Российская	-	-	-	2	4	2	-	
География Всеобщая с начальным основанием математики	-	-	2	2	-	-	-	12
Российская	-	-	-	2	-	-	-	
География и статика	-	-	-	-	4	2	-	
Латинский язык	-	-	4	4	8	8	8	32
Греческий язык	-	-	-	-	-	2	4	6
Немецкий язык	4	4	4	4	4	6	6	32
Французский язык	4	4	4	4	4	6	6	32
Естественная история и технология	-	-	-	-	-	4	4	8
Древности и мифология	-	-	-	-	-	-	4	4
Чистописании: российское	4	4	2	-	-	-	-	20
французское и немецкое	4	4	2	-	-	-	-	
ВСЕГО:	36	32	34	36	46	46	46	

[1460] Там же. С. 58

ПРИЛОЖЕНИЕ № 9

Учебная программа для гимназий по «Уставу гимназий, училищ уездных и приходских» 1828 г.[1461]

Учебные предметы	*Гимназия с греческим языком*							*Всего*	*Без греческого языка*				
	I	*II*	*III*	*IV*	*V*	*VI*	*VII*		*IV*	*V*	*VI*	*VII*	*всего*
Закон Божий	2	2	2	2	1	1	1	11	2	1	1	1	11
Российская словесность и логика	4	4	4	3	3	3	2	23	3	3	3	2	23
Латинский язык	4	4	4	4	4	3	3	26	4	4	3	3	26
Греческий язык	-	-	-	5	5	5	5	20	-	-	-	-	-
Немецкий язык	2	2	2	3	3	3	3	18	3	3	3	3	18
Французский язык	-	-	-	3	3	3	3	12	3	3	3	3	12
Математика	4	4	4	1	1	1	-	15	3	3	3	2	23
География и статистика	2	2	2	1	1	-	2	10	1	1	-	2	10
История	-	-	2	2	3	3	3	13	2	3	3	3	13
Физика	-	-	-	-	-	2	2	4	-	-	2	2	4
Чистописание	4	4	2	-	-	-	-	10	-	-	-	-	10
Черчение и рисование	2	2	2	1	1	1	1	10	1	1	1	1	10
Итого уроков	24	24	24	22	22	22	22	160	22	22	22	22	160
Итого часов в неделю	36	36	36	33	33	33	33	240	33	33	33	33	240

[1461] Там же. С. 117.

ПРИЛОЖЕНИЕ № 10

Циркуляр Министерства народного просвещения по изменению «Устава гимназий, училищ уездных и приходских» (1828) в 1849 г.[1462]

Предметы	*Классы общие*			*Классы специальные*								*Число уроков*			
				Для готовившихся на службу				*Для готовившихся в университеты*				*Общих*	*Особенных для готовившихся на службу*	*Особенных для готовившихся в университет*	*Всего*
	I	*II*	*III*	*IV*	*V*	*VI*	*VII*	*IV*	*V*	*VI*	*VII*				
Закон Божий	2	2	2	2	1	1	1	2	1	1	1	11	-	-	11
Русский и славянский язык	4	4	4	5	3	3	3	3	3	3	3	24	2	-	26
Математика	4	4	4	5	3	3	3	3	3	3	3	24	2	-	26
Физика и математи-ческая географи я	-	-	-	-	2	2	2	-	2	2	2	6	-	-	6
История всеобщая и русская	-	-	-	4	3	3	3	4	3	3	3	13	-	-	13
Географи я	3	3	5	-	-	-	-	-	-	-	-	11	-	-	11
Немецкий язык	3	3	3	3	3	3	3	3	3	3	3	21	-	-	21
Французский язык	3	3	3	3	3	3	3	3	3	3	3	21	-	-	21
Чистописа-ние	4	4	2	По одному уроку для желающих								13 или 14	-	-	13 или 14
Черчение и рисование	1	1	1												
Специальные															
Российское законове	-	-	-	-	4	4	4	-	-	-	-	-	12		12

[1462] ЖМНП. 1849. ч. 63. С. 14-15.

де-ние															
Латинский язык	-	-	-	-	-	-	-	4	4	4	4	-	-	16	16
Греческий язык	-	-	-	-	-	-	-	2	2	2	2	-	-	8	8
Всего	24	24	24	22	22	22	22	22	22	22	22	145	16	24	185
				С уроком рисования для желающих – 23				С уроком греческого языка и рисования для желающих – 23							

ПРИЛОЖЕНИЕ № 11

Численность учащихся в Архангельской, Вологодской и Олонецкой гимназиях в первой четверти XIX в. [1463]

Год	*Архангельская гимназия*	*Вологодская гимназия*	*Олонецкая гимназия*
1804	-	51	-
1805	-	67	-
1806	-	61	-
1807	-	59	-
1808	-	54	159
1809	-	49	13
1810	-	52	17
1811	14	56	21
1812	12	43	15
1813	22	71	22
1814	18	58	14
1815	21	66	15
1816	20	72	18
1817	20	67	22
1818	16	58	20
1819	16	89	25
1820	20	57	28
1821	21	52	27
1822	21	40	26
1823	27	38	31
1824	40	29	37
1825	40	23	36

[1463] Таблица сост.: Ведомости о состоянии училищ // ЖМНП. 1825. Кн. 1. С. 334; Кизель Н. К., Мазюкевич В. И. Историческая записка. С. 47; Отто Н. К. Вологодская дирекция училищ. С. 182.

ПРИЛОЖЕНИЕ № 12

Численность учащихся в Архангельской, Вологодской и Олонецкой гимназиях во второй четверти XIX в.[1464]

Год	*Архангельская гимназия*	*Вологодская гимназия*	*Олонецкая гимназия*
1826	41	26	29
1827	34	31	33
1828	35	31	36
1829	40	33	28
1830	35	33	38
1831	40	32	38
1832	30	88	58
1833	48	93	64
1834	66	100	57
1835	75	114	59
1836	108	129	46
1837	99	145	57
1838	82	171	60
1839	104	207	58
1840	113	224	80
1841	121	230	88
1842	118	207	92
1843	119	195	95
1844	135	200	89
1845	125	215	91
1846	111	197	92
1847	101	180	88
1848	102	176	87
1849	134	169	60
1850	118	165	59
1851	119	173	88
1852	113	169	90
1853	106	172	60
1854	76	157	53
1855	115	179	78

[1464] Табл. сост. Отчет о состоянии Олонецкой гимназии за 1872-1873 учебный год с присоединением краткого исторического очерка существования гимназии. Петрозаводск, 1873. С. 4; Материалы для истории статистики наших гимназий. С. 48-49.

ПРИЛОЖЕНИЕ № 13

Количество уездных училищ и учащихся в Архангельской, Вологодской и Олонецкой дирекциях училищ в первой четверти XIX в.[1465]

Год	*Архангельская дирекция*		*Вологодская дирекция*		*Олонецкая дирекция*	
	школы	*учащиеся*	*школы*	*учащиеся*	*школы*	*учащиеся*
1804	-	-	1	43	-	-
1805	-	-	5	283	-	-
1806	-	-	5	280	-	-
1807	-	-	5	253	-	-
1808	-	-	5	243	4	144
1809	-	-	5	225	4	92
1810	-	-	5	220	4	130
1811	3	68	5	232	4	130
1814	3	232	5	243	4	100
1815	3	127	5	265	4	113
1816	3	118	5	270	4	129
1818	3	78	5	256	4	115
1820	3	82	5	210	4	117
1824	5	234	6	207	4	115
1825	5	149	6	229	4	137
1826	5	155	6	нет данных	4	149
1827	5	167	6	нет данных	4	108
1828	5	179	6	нет данных	4	126
1829	5	191	6	223	4	нет данных
1830	5	131	6	233	4	нет данных
1831	5	170	6	286	4	нет данных
1832	5	128	6	286	4	нет данных
1833	6	332	6	648	4	135
1834	6	199	6	243	4	133

[1465] Табл. сост.: ЖМНП. 1825. Кн. 1. С. 334; Отто Н. К. Вологодская дирекция училищ. С. 182.

ПРИЛОЖЕНИЕ № 14

Сельские школы Духовного ведомства в первой четверти XIX в.: количество училищ и численность учащихся [1466]

Год	*Архангельская губерния*		*Вологодская губерния*		*Олонецкая губерния*	
	школы	*учащиеся*	*школы*	*учащиеся*	*школы*	*учащиеся*
1805	1	38	-	-	18	117
1806	1	27	-	-	20	177
1807	2	27	-	-	19	210
1808	2	28	-	-	16	185
1809	4	39	-	-	15	104
1810	9	98	2	39	12	111
1811	5	68	-	-	12	56
1812	5	75	-	-	12	37
1814	4	51	-	-	1	5
1815	4	51	2	51	6	32
1816	4	66	2	50	2	33
1817	4	54	2	54	1	15
1818	3	61	-	-	1	38
1820	1	8	-	-	1	6
1821	-	-	1	22	3	14
1822	-	-	-	-	1	5
1823	-	-	-	-	-	-
1824	-	-	4	20	5	20
1825	-	-	-	-	1	18

ПРИЛОЖЕНИЕ № 15

Численность школ и учащихся Министерства государственных имуществ в Архангельской, Вологодской и Олонецкой губерниях во второй четверти XIX в.[1467]

Год	*Архангельская губерния*		*Вологодская губерния*		*Олонецкая губерния*	
	школы	*учащиеся*	*школы*	*учащиеся*	*школы*	*учащиеся*
1841	-	-	2	нет данных	6	76
1842	-	-	5	нет данных	6	76
1843	16	200	8	114	6	76
1844	21	287	39	1096	6	76
1845	21	490	49	1365	21	516
1846	20	461	49	1336	21	519
1851	20	653	62	1749	22	567
1853	19	598	62	1999	22	733

[1466] Табл. сост.: ГААО. Ф. 61. Оп. 1. Д. 2; НА РК. Ф. 17. Оп. 1. Д. 1/1. Оп. 5. Д. 6/12; Ф. 25. Оп. 1, Д. 20/54. Оп. 20. Д. 78/906; Петров К.М. История Олонецкой дирекции до 1808. С. 62; Периодическое сочинение о успехах народного просвещения. 1810. № 26. С. 356; 1811. № 28. С. 563.

[1467] Табл. сост.: НА РК. Ф. 33. Оп. 5. Д. 9/35. Л. 19.

ПРИЛОЖЕНИЕ № 16

Расписание учебных часов и предметов в Олонецкой гимназии в 1825 г. [1468]

В первом классе

Дни недели	*От 8 до 10 часов утра*	*от 10 до 12 часов утра*	*от 2 до 4 пополудни*
Понедельник	История	Естественная история	История
Вторник	Логика	Латинский язык	Немецкий язык
Среда	Французский язык	Латинский язык	Рисование
Четверг	Математика	История	Логика
Пятница	Латинский язык	Французский язык	Естественная история
Суббота	Математика	Славянская грамматика	Закон Божий

Сверх сего каждодневно по утрам до начала учения читать по одной главе из Нового Завета.

Во втором классе

Дни недели	От 8 до 10 часов утра	от 10 до 12 часов утра	от 2 до 4 пополудни
Понедельник	Математика	История	Естественная история
Вторник	Французский язык	Логика	Математика
Среда	Латинский язык	Французский язык	Рисование
Четверг	История	Латинский язык	Естественная история
Пятница	Математика	История	Логика
Суббота	Латинский язык	Славянская грамматика	Закон Божий

Сверх сего каждодневно по утрам до начала учения читать по одной главе из Нового Завета.

В третьем и четвертом классах

Дни недели	От 8 до 10 часов утра	от 10 до 12 часов утра	от 2 до 4 пополудни
Понедельник	Естественная история	Российская словесность	Французский язык
Вторник	Естественная история	Математика	История
Среда	Латинский язык	История	Закон Божий

[1468] НА РК. Ф. 17. Оп. 6. Д. 1/2. Л. 11.

Четверг	Естественная история	Российская словесность	Математика
Пятница	Латинский язык	Естественная история	Французский язык
Суббота	Латинский язык	Славянская грамматика	Рисование

Сверх сего каждодневно по утрам до начала учения читать по одной главе из Нового Завета.

ПРИЛОЖЕНИЕ № 17

Количество книг в фондах училищных библиотек Архангельской, Вологодской и Олонецкой гимназий с 1803 по 1855 г.[1469]

Год	*Архангельская гимназия*	*Вологодская гимназия*	*Олонецкая гимназия*
1803	76	147	10
1821	965	432	390
1828	1243	450	1269
1834	2304	1960	2790
1839	2550	3522	2045
1840	2642	3564	2114
1843	2921	4359	2117
1844	3108	4533	2343
1849	3319	5563	2604
1850	3501	5931	2606
1852	3779	4053	3467
1853	3886	4133	3500
1854	4045	4301	3699
1855	3946	4351	3793

[1469] Таб. сост.: ГАВО. Ф. 438. Оп. 3. Д. 8. Л. 1; НА РК. Ф. 17. Оп. 6. Д. 2/5. Л. 71; Д. 5/6. Л. 7; Д. 7/8. Л. 292; Ф. 29. Д. 20/150. Л. 14об-15; РГИА. Ф. 733. Оп. 28. Д. 355. Л. 46об; Общий отчет по Министерству народного просвещения за 1853 г. // ЖМНП. 1854. Ч. 132. Л. 13-20; Общий отчет по Министерству народного просвещения за 1855 г. // ЖМНП. 1856. Ч. 149. Л. 54-55; Кизель Н. К., Мазюкевич В. И. Историческая записка Архангельской Ломоносовской гимназии. С. 14, 51, 114.

ПРИЛОЖЕНИЕ № 18

СПИСОК ШКОЛ, НАХОДЯЩИХСЯ НА ТЕРРИТОРИИ ЕВРОПЕЙСКОГО СЕВЕРА РОССИИ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX В.

Список школ Архангельской губернии в первой половине XIX в.

Школа	*Дата открытия*
г. Архангельск	
Архангельская губернская гимназия	1811 г.
Архангельское уездное училище	1811 г.
Архангельское приходское училище № 1	1811 г.
Архангельское приходское училище № 2	1839 г.
Архангельское училище канцелярских служащих	1833 г.
Архангельское приходское училище для образования девиц	1848 г.
Архангельское немецко-евангелическое приходское училище	1811 г.
Частная школа И. Р. Алтона	1803 г.
Частная школа Брандт	1826 г.
Частная школа О. Регенгофер	1803 г.
Частная школа П. Дризе	1809 г.
Частная школа Шарре	1811 г.
Частная школа Е. Ольдескоп	1812 г.
Частная школа Галлерман	1833 г.
Частная школа М. Жарововой	1833 г.
Частная школа Е. Либецанс	1833 г.
Частная школа В. Семеновой	1833 г.
Частная школа Ринек	1833 г.
Частная школа В. Креше	1839 г.
Частная школа Е. Костровой	1840 г.
Частная школа А. Имчиной	1840 г.
Частная школа Е Харитоновой	1846 г.
Частная школа Л. Тиден	1846 г
Частная школа А. Наумовой	1846 г
Частная школа Рейс	1846 г
Частная школа Д. Дерягина	1846 г
Частная школа Н. фон Гессе	1846 г
Частная школа М. Фогт	1846 г.
Частная школа Н. Мейер	1846 г
Частная школа М. Зарубина	1846 г
Кемский уезд	
Кемское уездное училище	1822 г.
Кемское приходское училище	1822 г.
Сумпосадское приходское училище	1836 г.

Кольский уезд	
Кольское приходское училище	1839 г.
Мезенский уезд	
Мезенское уездное училище	1811 г.
Онежский уезд	
Онежское уездное училище	
Онежское приходское	1806 г.
Пинежский уезд	
Пинежское приходское училище	1844 г.
Холмогорский уезд	
Холмогорское уездное училище	1811 г.
Шенкурский уезд	
Шенкурское уездное училище	1823 г.
Шенкурское приходское училище	1810 г.
Сельские приходские училища	
Ровдорское приходское училище	1805 г.
Чухченское приходское училище	1807 г.
Вознесенское приходское училище	1809 г.
Заостровское приходское училище	1809 г.
Куревское приходское училище	1811 г.
Куростровское приходское училище	1811 г.
Устьостровское приходское училище	1812 г.
Ненокотское приходское училище	1834 г.
Ижемское приходское училище	1834 г.

Список школ Вологодской губернии в первой половине XIX в.

Школа	*Дата открытия*
г. Вологда	
Вологодская губернская гимназия	1804 г.
Вологодский благородный пансион	1835 г.
Вологодское уездное училище	1804 г.
Вологодское приходское училище № 1	1808 г.
Вологодское приходское училище № 2	1838 г.
Вологодская ланкастерская школа Я. Муромцова	1819 г.
Вологодское приходское училище при Васильевской церкви	1820 г.
Вологодское приходское училище при Петропавловской церкви	1839 г.
Вологодская малая заводская школа	1844 г.
Вологодское приходское училище для образования девиц	1843 г.
Частный женский пансион Г. К. Дозе	1834 г.
Частная школа Н. Кичиной	1834 г.
Частная школа А. Ландерер	1834 г.
Частная школа Ф. Шведковской	1834 г.

Частная школа Костровой	1835 г.
Частная школа П. Софроновой	1835 г.
Частная школа С. Алиот	1835 г.
Частная школа А. Попова	1835 г.
Частная школа О. Циммерман	1835 г.
Частная школа А. Андреевой	1845 г.
Частная школа А. Алексеевой	1845 г.
Частная школа Ш. Ниман	1845 г.
Частная школа Е. Тимошиной	1845 г.
Частная школа С. Фишер	1845 г.
Частная школа Д. Фейрабенд	1845 г.
Частная школа А. Фроловой	1845 г.
Частная школа Л. Дювернуа	1848 г.
Частная школа П. Колтынянской	1848 г.
Вологодский уезд	
Помещичья школа А. С. Брянчанинова	1814 г.
Сямское приходское училище	1839 г.
Помещичья школа В. А. Засецкой	1840 г.
Борисовское приходское училище	1843 г.
Домшинское приходское училище	1843 г.
Коровичевское приходское училище	1843 г.
Прилуцкое приходское училище	1846 г.
Турундаевское приходское училище	1846 г.
г. Вельск	
Вельское приходское училище	1816 г.
Вельский уезд	
Верховажское приходское училище	1810 г.
Введенское приходское училище	1846 г.
Верховское приходское училище	1846 г.
Орловское приходское училище	1846 г.
Пежемское приходское училище	1846 г.
Тавренское приходское училище	1846 г.
Устьвельское приходское училище	1846 г.
Шавринское приходское училище	1846 г.
г. Грязовец	
Грязовецкое уездное училище	1821 г.
Грязовецкое приходское училище	1823 г.
Грязовецкое приходское училище для образования девиц	1840 г.
Грязовецкий уезд	
Рождественское приходское училище	1839 г.
Раменское приходское училище	1842 г.
Федоровское приходское училище	1843 г.
Букинское приходское училище	1845 г.
г. Кадников	
Кадниковское уездное училище	1837 г.
Кадниковское приходское училище	1835 г.

Кадниковское приходское училище для образования девиц	1838 г.
Кадниковский уезд	
Помещичья школа П. А. Межакова	1815 г.
Карачуновское приходское училище	1839 г.
Флоровское приходское училище	1839 г.
Засодимское приходское училище	1843 г.
Устрецкое приходское училище	1843 г.
Великодворское приходское училище	1846 г.
г. Никольск	
Никольское приходское училище	1837 г.
Никольский уезд	
Вознесенское приходское училище	1842 г.
Лохское приходское училище	1842 г.
Крыловское приходское училище	1846 г.
Протасовское приходское училище	1846 г.
Подгривское приходское училище	1846 г.
Телягинское приходское училище	1846 г.
Шольское приходское училище	1846 г.
Щеткинское приходское училище	1846 г.
Юрьевско-Плесское приходское училище	1846 г.
Езевское приходское училище	1847 г.
г. Сольвычегодск	
Сольвычегодское уездное училище	1805 г.
Сольвычегодское приходское училище при Воскресенской церкви	1839 г.
Сольвычегодский уезд	
Афанасьевское приходское училище	1846 г.
Верхнетоемское приходское училище	1846 г.
Верховское приходское училище	1846 г.
Верхолальское приходское училище	1846 г.
Мамонтовское приходское училище	1846 г.
Пачеозерскоеприходское училище	1846 г.
Черевковское приходское училище	1846 г.
Ягрыжское приходское училище	1846 г.
г. Тотемск	
Тотемское уездное училище	1805 г.
Тотемское приходское училище	1807 г.
Тотемское приходское училище для образования девиц	1852 г.
Тотемский уезд	
Заборское приходское училище	1821 г.
Нефедьевское приходское училище	1837 г.
Шуйское приходское училище	1837 г.
Троицкое приходское училище	1842 г.
Бережнеслободское приходское училище	1846 г.

Вотчинское Воскресенское приходское училище	1846 г.
Леденгевая малая заводская школа	1846 г.
Маньшовское приходское училище	1846 г.
Мишуковское приходское училище	1846 г.
Спасопреображенское приходское училище	1846 г.
Спасское приходское училище	1846 г.
Шевденицкое приходское училище	1846 г.
г. Устьсысольск	
Устьсысольское уездное училище	1840 г.
Устьсысольское приходское училище	1837 г.
Устьсысольский уезд	
Корткеровское приходское училище	1846 г.
Межадорское приходское училище	1846 г.
Небдинское приходское училище	1846 г.
Объячевское приходское училище	1846 г.
Печерское приходское училище	1846 г.
Устькуломское приходское училище	1846 г.
г. Великий Устюг	
Устюжское уездное училище	1805 г.
Устюжское приходское училище № 1	1810 г.
Устюжское приходское училище № 2	1810 г.
Устюжское приходское училище для образования девиц	1844 г.
Частный женский пансион А. Мерцаловой	1827 г.
Частный женский пансион М. Н. Поповой	1849 г.
Пятницкое приходское училище	1810 г.
Устюжский уезд	
Шемогодское приходское училище	1810 г.
Бобровское приходское училище	1846 г.
Васильевское приходское училище	1846 г.
Городецкое приходское училище	1846 г.
Еремеевское приходское училище	1846 г.
Ероготское приходское училище	1846 г.
Иглинское приходское училище	1846 г.
Кузнецовское приходское училище	1846 г.
Морозовское приходское училище	1846 г.
Учецкое приходское училище	1846 г.
г. Яренск	
Яренское уездное училище	1808 г.
Яренское приходское училище для образования девиц	1843 г.
Яренский уезд	
Глотовское приходское училище	1846 г.

Иртовское приходское училище	1846 г.
Сереговское приходское училище	1846 г.
Шежамское приходское училище	1846 г.
Заштатные города	
Красноборское приходское училище	1847 г.
Ляльское приходское училище	1834 г.

Список школ Олонецкой губернии в первой половине XIX в.

Школа	*Дата открытия*
г. Петрозаводск	
Олонецкая губернская гимназия	1808 г.
Благородный пансион при Олонецкой гимназии	1840 г.
Петрозаводское уездное училище	1808 г.
Петрозаводское приходское училище	1808 г.
Петрозаводское училище канцелярских служащих	1829 г.
Александро-заводское училище*	1832 г.
Частная школа Н. Ивановой (Мещерской)	1833 г.
Частная школа К.И. Гек	1842 г.
Частная школа П.С. Макаровой	1837 г.
Частная школа А.Ф. Париано	1837 г.
Частная школа А. Чурилова	1842 г.
Частная школа Л. Карабутовой	1844 г.
Петрозаводский уезд	
Ладвинское приходское училище	1805 г.
Остречинское приходское училище	1805 г.
Рыборецкое приходское училище	1805 г.
Толвуйское приходское училище	1805 г.
Шелтозерско приходское училище е	1805 г.
Шокшинское приходское училище	1805 г.
Шуйское приходское училище	1805 г.
Щелейское приходское училище	1805 г.
Салменицкое приходское училище	1806 г.
Сямозеркое приходское училище	1806 г.
Ивинское приходское училище	1824 г.
Муромское приходское училище	1824 г.
Вешкельское приходское училище	1837 г.
Пряжинское приходское училище	1837 г.
Святозерское приходское училище	1837 г.
Деревянское приходское училище	1838 г.
Виданское приходское училище	1838 г.
Машезерское приходское училище	1838 г.
Соломенское приходское училище	1838 г.

* До 1832 г. Александро-заводское училище находилось в составе Олонецкой гимназии.

Сумское приходское училище	1838 г.
Ялгубское приходское училище	1838 г.
г. Вытегра	
Вытегорское уездное училище	1809 г.
Вытегорское приходское училище	1809 г.
Частная школа К.И. Гек	1834 г.
Частная школа К. Передавщиковой	1843 г.
Вытегорский уезд	
Тихманское приходское училище	1805 г.
Шильдское приходское училище	1805 г.
Палтожское приходское училище	1818 г.
Кондушская частная школа	1831 г.
Девятинское приходское училище	1834 г.
Никифоровское приходское училище	1834 г.
Андомское приходское училище	1845 г.
г. Каргополь	
Каргопольское уездное училище	1810 г.
Каргопольское приходское училище	1809 г.
Каргопольский уезд	
Егорьевское приходское училище	1837 г.
Златоустовское приходское училище	1805 г.
Колодозерское приходское училище	1805 г.
Красновское приходское училище	1837 г.
Лекшемозерское приходское училище	1805 г
Лекшеморецкое приходское училище	1805 г
Ловзанское приходское училище	1805 г
Мошинское приходское училище	1837 г.
Никольское приходское училище	1805 г
Нокольское приходское училище	1805 г
Ольгское приходское училище	1805 г
Речно-Гергиевское приходское училище	1845 г.
Троицкое приходское училище	1843 г.
Устьмошанское приходское училище	1808 г.
Устьерожское приходское училище	1837 г.
г. Лодейное Поле	
Лодейнопольское приходское училище	1836 г.
Частная школа Ю. Гетч	1837 г.
Частная школа М.П. Потаповой (Щегловой)	1834 г.
Лодейнопольский уезд	
Мегрецкое приходское училище	1832 г.
Сермакское приходское училище	1837 г.
Юксовское приходское училище	1837 г.
Оштинское приходское училище	1842 г.
г. Олонец	
Олонецкое уездное училище	1810 г.
Олонецкое приходское училище	1810 г.

Олонецкий уезд	
Важинское приходское училище	1834 г.
Верховское приходское училище	1834 г.
Мегрегское приходское училище	1834 г.
Туломозерское приходское училище	1834 г.
Туксинское приходское училище	1834 г.
Рыпушкальское приходское училище	1835 г.
Ведлозерское приходское училище	1837 г.
Ильинское приходское училище	1837 г.
Коткозерское приходское училище	1841 г.
Повенецкий уезд	
Масельско-Паданское приходское училище	1836 г.
Повенецкое приходское училище	1836 г.
Белозерское приходское училище	1837 г.
Выгозерское приходское училище	1837 г.
Гимольское приходское училище	1837 г.
Кимасозерское приходское училище	1837 г.
Койницкое приходское училище	1837 г.
Ладожское приходское училище	1837 г.
Лумбушское приходское училище	1837 г.
Паданское приходское училище	1837 г.
Семчезерское приходское училище	1837 г.
Селецкое приходское училище	1837 г.
Ребольское приходское училище	1837 г.
Ругозерское приходское училище	1837 г.
Тихвиноборское приходское училище	1837 г.
Челмужское приходское училище	1837 г.
Янгозерское приходское училище	1837 г.
Кяппесельгское приходское училище	1841 г.
Шуньгское приходское училище	1845 г.
Пудожский уезд	
Купецкое частная школа	1835 г.
Пудожское приходское училище	1836 г.
Кенозерское приходское училище	1837 г.
Нигижемское приходское училище	1837 г.
Рыжковское приходское училище	1841 г.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Источники

1. 1. Неопубликованные:

Национальный архив Республики Карелия

ф. 1: Канцелярия Олонецкого губернатора.

ф. 17: Директор Народных училищ.

ф. 25: Олонецкая Духовная Консистория.

ф. 27: Олонецкий Статистический комитет.

ф. 29: Олонецкий губернский приказ общественного призрения.

ф. 33: Олонецкая губернская палата государственных имуществ.

ф. 335: Инспектор народных училищ 5-го района Олонецкого уезда.

ф. 422: Смотритель народных училищ Олонецкого и Лодейнопольского уездов.

Государственный архив Архангельской области

ф. 1. Канцелярия Архангельского губернатора.

ф. 43: Архангельский приказ общественного призрения.

ф. 61: Директор народных училищ Архангельской губернии.

ф. 79: Архангельская Мариинская женская гимназия.

ф. 115: Управление земледелия и государственных имуществ.

ф. 127: Архангельская губернская мужская гимназия имени М. В. Ломоносова.

ф. 1995: Смотритель Каргопольского уездного и приходских училищ.

Государственный архив Вологодской области

ф. 18: Канцелярия Вологодского губернатора.

ф. 19: Вологодский губернский приказ общественного призрения.

ф. 276: Вологодская губернская палата государственных имуществ.

ф. 438: Директор народных училищ Вологодской губернии.

Российский государственный исторический архив

ф. 733: Департамент народного просвещения.

ф. 381: Канцелярия Министра земледелия.

ф. 383: Министерство земледелия. Первый департамент.

ф. 732: Главное правление училищ.

ф. 796: Канцелярия Синода.

Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга

ф. 13: Главный Педагогический институт.

ф. 14: Училищный комитет.

ф. 139: Канцелярия попечителя Петроградского учебного округа.

1.2. Опубликованные:

1.2.1. Законодательные акты

Высочайший рескрипт министру народного просвещения А. С. Шишкову об учреждении Комитета устройства учебных заведений и его задачах // Полное собрание законов Российской империи (далее ПСЗРИ). – Собр. 2. –Т. 1. – № 338.

Высочайше утвержденный устав учебных заведений, подведомых Университетам от 05. 11. 1804 г. // ПСЗРИ. Собр. 1. – Т. 28. – № 21501.

Из высочайшего рескрипта, последовавшего на имя министра народного просвещения А. С. Шишкова // ПСЗРИ. – Собр. 2. – Т. 2. – № 1308.

О воспитании российского юношества в отечественных учебных заведениях // ПСЗРИ. – Собр. 2. – Т. 6. – Ч. 1. – № 4364.

Образование Главного Педагогического института // ПСЗРИ. – Собр. 1. – Т. 34. – № 26573.

О дозволении профессорам и учителям преподавать учебные предметы в разных классах и местах // ПСЗРИ. – Собр. 1. – Т. 35. – № 26591.

Об обучении во всех учебных заведениях Закона Божьего и о прислании почетного Духовенства на экзамены // ПСЗРИ. – Собр. 1. – Т. 31. – № 24874.

Об обязательности получать для поступления на службу образование в училищах: Указ от 06.08.1809 г. // ПСЗРИ. – Собр. 1. – Т. 30. – № 23771.

Об уравнении учителей латинского языка со старшими учителями // ПСЗРИ. – Собр. 1. – Т. 31. – № 24716.

Об устройстве училищ: Именной указ, данный Правительствующему сенату // ПСЗРИ. – Собр. 1. – Т. 27. – № 20597.

Об учреждении приходских училищ в селениях ведомства Министерства Государственных Имуществ. 1842 г. // Журнал Министерства народного просвещения. – 1842. – Ч. 30. – Отд. 1. С. 98.

Об учреждении сельских приходских училищ и о преподавании в оных учения священно- и церковнослужителями // ПСЗРИ. – Собр. 1. – Т. 28. – № 21610.

Об учреждении пансиона для воспитания бедных дворянских детей Олонецкой губернии, на иждивении тамошнего дворянства // ПСЗРИ. – Собр. 1. – Т. 28. – № 21624.

Об учреждении приходских училищ // Журнал Министерства государственных имуществ. – 1843. – Ч. 7. – С. 17.

Об Университетском Уставе // ПСЗРИ. – Собр. 1. – Т. 28. – № 21497.

О волостных училищах казенных поселян // Сборник постановлений Министерству народного просвещения – Санкт-Петербург, 1864. – Т. 2, – ч. 1. – Стб. 323-328.

О запрещении приема молодых людей в университет без знаний предметов полного гимназического учения // ПСЗРИ. – Собр. 2. – Т. 6, – ч. 2. – №. 4928.

О запрещении казенным воспитанникам благородных пансионов при гимназиях оставлять прекращать обучения раньше окончания полного курса учения // ПСЗРИ. – Собр. 2. – Т. 14, – ч. 2. – № 12267.

О канцелярских служителя гражданского ведомства // ПСЗРИ. – Собр. 2. – Т. 3. – № 1469.

О назначении пособия студентам университета при определении их в учителя // ПСЗРИ. – Собр. 2. – Т. 3. – № 1809.

О правилах производства в чины по гражданской службе и об испытании в науках для производства в коллежские асессоры и статские советники – о нежелании дворянского сословия получать образование // ПСЗРИ. – Собр. 1. – Т. 30. – № 23771.

О правилах отчетности по Министерству народного просвещения // ПСЗРИ. – Собр. 2. – Т. 5. – Отд. 2. – № 4219.

О плате за учение по тем училищам, где сие окажется нужным // Сборник постановлений по Министерству народного просвещения. – Санкт-Петербург, 1864. – Т. 1. – Стб. 1145-1150.

О порядке ревизии отчетов учебных заведений // Сборник постановлений по Министерству народного просвещения. – Санкт-Петербург, 1864. – Т. 2, – ч. 2. – Стб. 5.

О преобразовании благородных пансионов при Санкт-Петербургском и Московском университетах в гимназии. // ПСЗРИ. – Собр. 2. – Т. 5. – Ч. 1. – № 3569.

О прибавке к полной пенсии училищных чиновников за службу свыше 25 лет // ПСЗРИ. – Собр. 2. – Т. 9. – Отд. 1. – № 7001.

О примерном исчисления сумм на каждогодное содержание Университетов, Гимназий и Уездных Училищ в России // Сборник постановлений по Министерству народного просвещения. – Санкт-Петербург, 1864. – Т. 1. – Стб. 33-34.

Относительно назначения при уездных училищах Почетных смотрителей // ПСЗРИ. – Собр. 1. – Т. 31. – № 24754.

О наградах для благотворителей училищ // Сборник постановлений по Министерству народного просвещения. – Санкт-Петербург, 1864. – Т. 1. – Стб. 781-785.

О составе комитета для рассмотрения учебных пособий // Сборник постановлений по Министерству народного просвещения. – Санкт-Петербург, 1864. – Т. 1. – Стб. 1126.

Положение о домашних наставниках и учителях // ПСЗРИ. – Собр. 2. – Т. 9, – ч. 1. – №. 7240.

Положение о женских училищах Министерства народного просвещения // ПСЗРИ. – Собр. 2. – Т. 33, – ч. 1. – № 33221.

Положение о Лицее // ПСЗРИ. – Собр. 1. – Т. 31. – № 24325.

Положение о соединении Петрозаводского училища для детей канцелярских служителей с Олонецкой гимназией // ПСЗРИ. – Собр. 2. – Т. 15, – ч. 1. – № 13759.

Положение о производстве в чины и об определении пенсий и единовременных пособий по учебной части Министерства народного просвещения // ПСЗРИ. – Собр. 2. – Т. 11, – ч. 1. – №. 9712.

Положение об учебных округах Министерства народного просвещения // Журнал министерства народного просвещения. – 1835. – Ч. 7. – С. 13.

По поводу предположений об усилении средств содержания учебных заведений Министерства народного просвещения // Журнал Министерства народного просвещения. – 1862. – Ч. 115. – С. 99.

Предварительные правила народного просвещения // ПСЗРИ. – Собр. 1. – Т. 27. – № 20597.

Устав Архангельского училища для образования девиц // ПСЗРИ. – Собр. 2. – Т. 23. – № 22156.

Устав гимназий и училищ уездных и приходских // ПСЗРИ. – Собр. 2. – Т. 3. – № 2502.

Устав университетов // ПСЗРИ. – Собр. 1. – Т. 28. – № 21497.

Устав учебных заведений, подведомых Университетам // ПСЗРИ. – Собр. 1. – Т. 27. – № 21501.

Устав училищ для детей Канцелярских служителей // ПСЗРИ. – Собр. 2. – Т. 3. – № 1814.

Устав о пенсиях и единовременных пособиях // ПСЗРИ. – Собр. 2. – Т. 12. – № 969.

Устав о пенсиях и единовременных пособиях // ПСЗРИ. – Собр. 2. – Т. 21. – Отд. 2. – № 19692.

Учреждение сельских приходских училищ для крестьян Олонецкого горного округа // Журнал министерства государственных имуществ. – 1848. – Ч. 26. – С. 123-124.

Официальные и ведомственные издания

Десятилетие Министерства народного просвещения 1833-1843. – Санкт-Петербург, 1864. – 161 с.

Журналы Совета Архангельского училища для образования девиц за 1848 и 1849 гг.

История Карелии в документах и материалах. – Петрозаводск: Карелия, 1992. – 162 с.

Московский университет и Санкт-Петербургский учебный округ в 1812 г. Документы архива Министерства народного просвещения. – Москва, 1912. – 430 с.

Начальное и среднее образование в Санкт-Петербурге. XIX – начало XX века. Сб. документов. – Санкт-Петербург: Лики России, 2000. – 360 с.

Наставление для управления сельскими приходскими училищами в селениях государственных крестьян. – Санкт-Петербург, 1843. – 19 с.

Общие отчеты, представленные его Императорскому величеству по Министерству народного просвещения за 1834-1841 гг. – Санкт-Петербург, 1835-1842.

Общие отчеты, представленные его Императорскому величеству по Министерству народного просвещения за 1834-1855 гг. – Санкт-Петербург, 1835-1856.

Отчет о состоянии Олонецкой гимназии за 1872-1873 учебный год с присоединением краткого исторического очерка существования гимназии. – Петрозаводск, 1873. – 41 с.

Петрозаводск: 300 лет истории: документы и материалы: В 3 кн. / сост. Т. А. Варухина, Е. В. Вдовина, Д. З. Генделев. – Петрозаводск: Карелия, 2001. Кн. 3: 1803-1903. – 400 с.

Петрозаводск: Хроника трех столетий, 1703-2003. – Петрозаводск: Периодика, 2002. – 512 с.

Петрозаводский некрополь: справочник / сост. Т. А. Мошина. – Петрозаводск: КНЦ РАН, 2009. – 92 с.

Петров К. М. Алфавитный список воспитанников окончивших курсы гимназии с 1800 года / К. М. Петров. // Олонецкие губернские ведомости. – 1870. – №. 65.

Поморская энциклопедия: в 5 т. / гл. ред.: Н. П. Лаверов. – Архангельск: Северный (Арктический) федеральный университет, 2012. – Т. 4: Культура Архангельского Севера. – 663 с.

По поводу предположений об усилении средств содержания учебных заведений Министерства народного просвещения // Журнал Министерства народного просвещения. – 1862. – Ч. 115. – С. 90-101.

Постельс А. Ф. Отчет по обозрению гимназий Петрозаводска, Архангельска, Вологды и Вятки и других учебных заведений Санкт-Петербургского и Казанского учебных округов в 1863 г. с 15 февраля по 17 мая члена Главного Правления Училищ Постельса / А. Ф. Постельс. – Архангельск, 1864. – 56 с.

Правила о взимании платы за учение с приходящих учеников гимназий и дворянских училищ // Олонецкие губернские ведомости. – 1838. – № 19.

Правила для литературных бесед в гимназиях Санкт-Петербургского учебного округа, утвержденные попечителем Санкт-Петербургского учебного округа 22 марта 1853 г. – Санкт-Петербург, 1853. 25 с.

Санкт- Петербургский университет в первое столетие его деятельности. 1819-1919. Материалы по истории Санкт-Петербургского университета. – Т.1. – 1819-1835. – Петроград, 1919. – 388 с.

Сборник постановлений по Министерству народного просвещения. Т. 1. Царствование императора Александра I. 1802-1825. 1-е изд. – Санкт-Петербург, 1864.

Сборник постановлений по Министерству народного просвещения. Т. 2. Царствование императора Николая I. 1825-1839. Ч. 1, 2. – Санкт-Петербург, 1865.

Сборник распоряжений по Министерству народного просвещения. Т. 1. 1802-1864. – Санкт-Петербург, 1866.

Старая Вологда, XII – начало XX в.: сб. док. и мат-лов. – Вологда: Легия, 2004. – 568 с.

Статистические сведения об Олонецкой губернии» за 1843 г. // Олонецкие губернские ведомости. – 1843. – № 5.

Таблицы учебных заведений Российской Империи всех видов. – Санкт-Петербург, 1838. – 98 с.

Уваров С. С. О некоторых общих началах, могущих служить руководством при управлении Министерством народного просвещения / С. С. Уваров. – Санкт-Петербург, 1813.

Уваров С. С. О преподавании истории относительно к народному воспитанию / С. С. Уваров. // Избранные труды / сост. В. А. Парсамов, С. В. Удалов. – Москва: РОССПЭН, 2010. – С. 206-207.

Учреждение сельских приходских училищ для крестьян Олонецкого горного округа // Журнал Министерства государственных имуществ. – 1848. – Ч. 26. – С. – 123-124.

1.2.2. Периодическая печать

Архангельские губернские ведомости. 1838-1917 гг.

Библиотека для чтения. 1837, 1860.

Вестник Европы. 1803-1806, 1868-1879 гг.

Вестник воспитания. 1860-1912 г.

Вологодские губернские ведомости. 1838-1917 гг.

Воспитание. 1861 г.

Древняя и новая Россия. 1878 г.

Журнал Департамента Министерства народного просвещения. 1821-1824 гг.

Журнал для воспитания. 1857, 1859 г.

Журнал для родителей и наставников. 1859, 1869 г.

Журнал Министерства государственных имуществ. 1841-1866 гг.

Журнал Министерства народного просвещения. 1834-1917 гг.

Записки, издаваемые от Департамента народного просвещения. 1825, 1827, 1829 гг.

Исторический вестник. 1881-1900 гг.

Киевская старина. 1893-1905 гг.

Московские ведомости. 1848-1884 гг.

Москвитянин. 1843, 1854.

Образование. 1896-1898 гг.

Олонецкие губернские ведомости. 1838-1917 гг.

Отечественные записки. (1840, 1863-1864 гг.)

Памятная книжка для Вологодской губернии на 1860 г. – Вологда, 1860.

Памятная книжка Олонецкой губернии на 1866 г. – Петрозаводск, 1867.

Памятная книжка Олонецкой губернии на 1901 г. – Петрозаводск, 1902.

Педагогический журнал. 1834 г.

Педагогический листок. 1895 г.

Педагогический сборник. 1878 г.

Периодическое сочинение о успехах народного просвещения. 1803-1819 гг.

Православное обозрение. 1861-1862 гг.

Русская старина. 1882-1917 гг.

Родина. 1896.

Русская школа. 1890-1909 гг.

Русский архив. 1860-1899 г.

Русский вестник. 1858-1902 гг.

Русский педагогический вестник. 1857-1861 гг.

Русское богатство. 1901 г.

Странник. 1860, 1879 г.

Сын Отечества. 1827, 1860 г.

Христианское чтение. 1888 г.

Школьная жизнь. 1873, 1894 г.

Мемуарные и эпистолярные источники

1. Авсеенко В. Г. Школьные годы / В. Г. Авсеенко. // Исторический вестник. – 1881. – Т. 4. – №. 4. – С. 783-754.
2. Автобиография Степана Лукича Геевского. 1813-1862 гг. // Киевская старина. – 1893. № 9. – С. 375-400; – № 10. – С. 91-111; № 12. – С. 427-443.
3. А. Р. Былое. Из воспоминаний о 50-60-х годах / А. Р. // Русская старина. – 1901. – Т. 108. – № 10. – С. 137-158. – № 11. – С. 371-380.
4. Архимандрит Пимен. Воспоминания / Пимен Архимандрит. // Вологда в воспоминаниях и путевых записках, конец XVIII – начало XX века. / сост. М. Г. Ильюшина; ред. Н. Н. Белова. – Вологда, 1997. – С. 30-43.
5. Артынов А. Я. Воспоминания крестьянина села Угодичи Ярославской губернии Ростовского уезда / А. Я. Артынов. // Воспоминания русских крестьян XIII - первой половины XIX века. – Москва: Новое литературное обозрение, 2006. – С. 275-416.
6. Белозерский Н. Записки учителя. / Н. Белозерский. – Санкт-Петербург, 1905. – 187 с.
7. Братцев В. Жертвы неразумного воспитания / В. Братцев. // Странник. – 1879. – Т. 3. – № 2. – С. 288-320.
8. Бунаков Н. Ф. Записки: моя жизнь. / Н. Ф. Бунаков. – Санкт-Петербург, 1909. – 364 с.
9. Буслаев Ф. И. Мои воспоминания. / Ф. И. Буслаев. – Москва, 1897. – 387 с.
10. Вейнберг П. И. Из моих воспоминаний / П. И. Вейнберг. // Русская школа. – 1890. –№ 8. – С. 32-55.
11. Величковский. Гимназические воспоминания / Величковский. // Воспитание. – 1860. – № 7. – С. 61-70.
12. Воспоминания генерал-фельдмаршала графа Дмитрия Алексеевича Милютина. – Т. 1. – Томск. 1919. – 435 с.

13. Воспоминания И. В. Е. от детства до смерти (1841 - 1866 гг.) // Русская старина. – 1917. – № 4-6. – С. 153-190.
14. Воспоминания М. К. Чалого // Киевская старина. – 1894. – № 5. – С. 277-307.
15. Вяземский П. А. Автобиографическое введение / П. А. Вяземский. // Вяземский П. А. Полное собрание сочинений в 12 т. – Санкт-Петербург, 1878. – Т. 1. – С. I-LX.
16. Гарусов И. Д. Провинциальные училища в 30-40-х годах (воспоминания гимназиста) / И. Д. Гарусов. // Журнал Министерства народного просвещения. – 1910. – № 4. – С. 1-19; – 1910. – № 5-6. – С. 42-63.
17. Дружинин Н. Вспоминая о школьной жизни / Н. Дружинин. // Сын Отечества. – 1860. – № 48. – С. 1459-1462.
18. Записки покойного учителя // Исторический вестник. – 1888. – № 8. – С. 296-337.
19. Засодимский П. Забытый мир (Из пансионских воспоминаний) / П. Засодимский. // Русская школа. – 1891. – № 4. – С. 28-49; – № 5. – С. 56-75.
20. Из воспоминаний Н. Д. Богатикова // Русский архив. – 1899. – № 7. – С. 423-446.
21. Кропачевский Д. А. Гимназии пятидесятых годов / Д. А. Кропачевский. // Русская школа. – 1897. – Кн. 9-10. – С. 56-80; – Кн. 11. – С. 46-68.
22. Корхов Л. М. Школьные воспоминания крестьянина / Л. М. Корхов. // Вестник Европы. – 1870. – Кн. 8. – С. 514-530.
23. Лапшин В. Из воспоминаний о 3-ей СПб гимназии / В. Лапшин. // Журнал Министерства народного просвещения. – 1873. – № 10. – С. 92-97.
24. Л. Два учителя одной школы / Л. // Воспитание. – 1861. – № 1. – С. 47-54.
25. Лебедев В. А. Учебные воспоминания / В. А. Лебедев. // Русская старина. – 1907. – Т. 131. – № 7. – С. 133-148. – Т. 130. – № 6. – С. 626-637.

26. Лемехов П. Из школьных воспоминаний / П. Лемехов. // Школьная жизнь. – 1873. – № 24. – С. 539-544; – № 31. – С. 642-649; – № 32. – С. 709-714.
27. Маев Н. Из прошлого 2-ой Петербургской гимназии / Н. Маев. // Русская школа. – 1894. – № 2. – С. 29-39.
28. Мартынов Д. Школьные воспоминания / Д. Мартынов. // Русский педагогический вестник. – 1861. – № 6. – С. 3-14.
29. Мамонтов И. На школьной скамье 75 лет назад / И. Мамонтов. // Прошлое и настоящее. – Ленинград, 1924. – С. 40-54.
30. Михневич В. Школьные типы 50-х годов / В. Михневич // Русская школа. – 1894. –№ 3. – С. 29-40.
31. Медников Ф. Андрей Степанович Воронов (некролог) / Ф. Медников. // Народная школа. 1876. Приложение к журналу № 1. С. 4-5.
32. Назимов М. В провинции и в Москве с 1812 по 1828 гг. / Н. Низимов. // Русский вестник. – 1876. – № 7. – С. 74-110.
33. Никитенко А. В. Записки и дневник. Моя повесть о самом себе и о том «чему свидетелем был»: (1804-1877): в 3 т. / А. В. Никитенко. – Санкт-Петербург, 1905. – Т. 1. – 588 с.
34. Отрывок из автобиографии Александра Матвеевича Лазоревского // Киевская старина. – 1905. – Т. 77. – № 5. – С. 470-494.
35. Полонский Я. П. Школьные годы / Я. П. Полонский. // Русская школа. – 1890. – № 2. – С. 6-19.
36. Пантелеев Л. Ф. Из воспоминаний о гимназии 50-х годов / Л. Ф. Пантелеев. // Русское богатство. – 1901. – № 6. – С. 115-131.
37. Первая Московская гимназия в 50-х годах (отрывок из воспоминаний) // Русская старина. – 1904. – № 7. – С. 167-199.
38. Погодин М. П. Школьные воспоминания 1814-1820 гг. / М. П. Погодин. // Вестник Европы. – 1868. – № 7-8. – С. 603-630.
39. Пыпин А. Н. Мои заметки. / А. Н. Пыпин. – Москва, 1910. – 352 с.

40. Семенов Д. Д. Из школьных воспоминаний старого педагога / Д. Д. Семенов. // Русская школа. – 1890. – № 9. – С. 42-54.
41. Семенов Д. Д. Педагог-идеалист сороковых годов / Д. Д. Семенов. // Русская школа. – 1894. – № 2. – С. 13-28.
42. Смирнов М. Н. Голос корела. Путевые заметки и корельская поэзия. / М. Н. Смирнов. – Санкт-Петербург, 1890. – 337 с.
43. Тумасов Н. История Киевской второй гимназии / Н. Тумасов. // Киевская старина. – 1902. – Т. 77. – № 5. – С. 122-268.
44. Устрялов Ф. Н. Воспоминания о Петербургском университете в 1852-1856 гг. / Ф. Н. Устрялов. // Исторический вестник. – 1884. – Т. 17. – № 7. – С. 101-147.
45. Чечерский Л. Школьные воспоминания крестьянина / Л. Чечерский. // Вестник Европы. – 1870. – Кн. 8. – С. 503-540.
46. Шевырев С. П. Поездка в Кирилло-Белозерский монастырь / С. П. Шевырев. // Вологда в воспоминаниях и путевых записках, конец XVIII – начало XX века. – Вологда, 1997. – С. 61-78.
47. Шишков А. С. Записки адмирала А. С. Шишкова. / А. С. Шишков. – Санкт-Петербург, 1868. – 150 с.
48. Энгельгардт Е. А. Воспоминания о Петрозаводске / А. А. Энгельгард. // Карелия и Соловки глазами литераторов пушкинской эпохи: в 2 т. / А. М. Пашков, В. А. Муравьев, Н. А. Кораблев. – Петрозаводск: Петрозаводский государственный университет, 2001. – Т. 2. – С. 6-38.
49. Янишевский Е. П. Воспоминания бывшего учителя 2-ой Казанской гимназии сороковых годов. / Е. П. Янишевский. – Казань. – 1896. – 39 с.

2. Исследования, публицистика и учебная литература

2. 1. Исследования

1. Аверкиева Г. В., Бирюкова Л. М., Герасимов С. А. Развитие образовательного пространства на Европейском Севере России: / отв.

ред. И. Р. Луговская / Г. В. Аверкиева, Л. М. Бирюкова, С. А. Герасимов. – Архангельск: Поморский университет, 2004. – 214 с.

2. А. И. Освящение здания для особого Пансиона при Олонецкой гимназии / А. И. // Олонецкие губернские ведомости. – 1858. – № 43.
3. Акиньшин А. Н., Ласунский О. Г. Региональный фактор в изучении российской истории / А. Н. Акиньшин, О. Г. Ласунский. // Общественная жизнь в Центральной России в XVI – начале XX в. – Воронеж, 1995. – С. 202-213.
4. Акульшин П. В. Граф С. С. Уваров и его роль в жизни российского общества / П. В. Акульшин. // Педагогика. – 1993. – № 4. – С. 92-97.
5. А. Л. Для истории вологодской дирекции училищ / А. Л. // Памятная книжка для Вологодской губернии на 1860 г. – Вологда, 1860. – С. 65-104.
6. Алексеев Г. Ф. Исторический очерк казанских городских начальных училищ 1806-1890 гг. / Г. Ф. Алексеев. – Казань, – 1890. – 64 с.
7. Алешинцев И. А. История гимназического образования в России (в XVIII и XIX веке) / И. А. Алешинцев. – Санкт-Петербург, 1912. – 346 с.
8. Алешинцев И. А. Сословный вопрос и политика в истории наших гимназий в XIX в. (Исторический очерк) /И. А. Алешинцев. – Санкт-Петербург, 1908. – 86 с.
9. Андреев А. Л. Отечественное образование во второй четверти XIX века / А. Л. Андреев. // Педагогика. – 2000. – № 4. – С. 78-86.
10. Андреев А. Ю. Ф.-С. Лагарп и разработка реформы народного образования в России / А. Ю. Андреев. // Российская история. – № 6. – 2010. – С. 40-47.
11. Андреев В. И. Школьное образование у бурят в первой половине XIX в. / В. И. Андреев. – Улан Уде: Бурятское книжное издательство, 1960. – 101 с.
12. Аристов Н. Я. Состояние образования в России в царствование Александра I / Н. Я. Аристов. – Киев, 1879. – 44 с.

13. Арсеньев К. И. Историко-статистический очерк народного образования в России / К. И. Арсеньев. // Ученые записки второго отд. Императорской Академии наук. – Санкт-Петербург, 1854. – Кн. 1. – С. 1-32.
14. Артамонова Л. М. Деревянная голова Минервы: самарское общество и народное просвещение при Александре I / Л. М. Артамонова. // Родина. – № 7. – 2011. – С. 86-88.
15. Артамонова Л. М. Политика в сфере народного просвещения в Поволжье (XVIII - первая половина XIX в.) / Л. М. Артамонова. // Российская история. – 2013. – № 2. – С. 101-113.
16. Артоболевский С. А. Игнатий, архиепископ Воронежский и его пастырско-миссионерская деятельность / С. А. Артоболевский. – Уфа, 1904. – 364 с.
17. Арчебасова Н. Учебные заведения Министерства государственных имуществ / Н. Арчебасова. // Власть. – 2010. – № 6. – С. 146-149.
18. Архангельск. 1584-1884: Фрагменты истории. / Сост. Е. Ф. Богданов, Ю. И. Комаков / под общ. ред. Г. Г. Фруменкова, А. С. Щукина. – Архангельск, 1984. – 334 с.
19. Афанасьева А. И. Культура края накануне Октября / А. И. Афанасьева. // Великий Октябрь и становление советской культуры в Карелии. – Петрозаводск, 1983. – С. 13-28.
20. Афанасьева А. И. Гимназия в системе народного образования в России XIX - начала XX вв. / А. И. Афанасьева. // Дом на площади. – Петрозаводск, 2000. – С. 37-40.
21. Балагуров Я. А. Из истории дореформенной сельской школы / Я. А. Балагуров. // Ученые записки Петрозаводского государственного университета О. В. Куусинена. – 1967. – Т. 14. – Вып. 6. – С. 48-54.
22. Базанов А. Г. Очерки истории миссионерских школ на Крайнем Севере (Тобольский Север) / А. Г. Базанов. – Ленинград, 1936. – 132 с.

23. Базанов А. Г., Казанский Н. П. Миссионеры и миссионерские школы на Севере / А. Г. Базанов, Н. П. Казанский. – Северкрай, 1936. – 73 с.
24. Безгин И. Г. Симбирская губернская гимназия (1786-1887) / И. Г. Безгин. – Симбирск, 1888. – 376 с.
25. Белявский А. В. Краткое обозрение истории гимназий в России / А. А. Белявский. – Санкт-Петербург, 1908. – 24 с.
26. Благовидов Ф. В. Деятельность русского духовенства в отношении к народному образованию в начале прошлого столетия / Ф. Д. Благовидов. // Странник. – 1879. – Т. 3. – № 11. – С. 420-446.
27. Бредец И. Краткий очерк начального народного образования в городе Лодейном Поле / И. Бредец. // Олонецкие губернские ведомости. – 1904. – № 66.
28. Бредец И. Остречинское земское училище / И. Бредец. // Олонецкие губернские ведомости. – 1904. – № 3.
29. Буторина Т. С., Кабринская Н. И. Состояние образования на территории Архангельской губернии в первой четверти XIX в. / Т. С. Буторина, Н. И, Кабринская. // Вестник Костромского государственного университета им. Н. А. Некрасова. – 2010. – Вып. 4. – Т. 16. – С. 245-248.
30. Буторина Т. С., Кабринская Н. И. Учительские кадры Архангельской губернии в первой четверти XIX в. / Т. С. Буторина, Н. И. Кабринская. // Эмиссия. – Офлайн URL: http://www.emissia.org/offline/2010/1453.htm (дата обращения 30. 06. 2016 г.).
31. Вессель Н. Х. Исторический очерк общеобразовательных училищ и психологические основания общего образования / Н. Х. Вессель. – Санкт-Петербург, 1873. – 600 с.
32. Вессель Н. Х. Очерки об общем образовании и системе народного образования в России / Н. Х. Вессель. – Москва, 1959. – 320 с.
33. Вессель Н. Х. Учебный курс гимназии / Н. Х. Вессель. – Санкт-Петербург, 1866. – 39 с.

34. Виртшафтер Элис К. Социальные структуры: Разночинцы Российской империи / Элис К. Виршафтер. – Москва: Логос, 2002. – 271 с.
35. Виттекер Цинтия Х. Граф Сергей Семенович Уваров и его время / Цинтия Х. Виттекер. – Санкт-Петербург: Гуманитарное агентство Академ. проект., 1999. – 350 с.
36. Вишленкова Е. А. «Заботясь о душах подданных»: религиозная политика в первой четверти XIX века / Е. А. Вишленкова. – Саратов: Саратовский государственный университет, 2002. – 423 с.
37. Волкова Н. В. Событийный характер организации жизнедеятельности лицеев XIX века (на примере Царскосельсельского лицея) / Н. В. Волкова // «MagisterDixit» - научно-педагогический журнал Восточной Сибири. – № 1 (03). – URL:http://md.islu.ru/ (дата обращения 08. 02. 2010 г.).
38. Володина Т. А. «Дилетанты» и «профессионалы»: к вопросу о периодизации развития исторической науки в конце XVIII – первой трети XIX века / Т. А. Володина. // Отечественная история. – 2003. – № 4. – С. 122-130.
39. Володина Т. А. К 200-летию первого школьного учебника российской истории / Т. А. Володина. // Преподавание истории в школе. – 1999. – № 7. – С. 54-60.
40. Володина Т. А. Уваровская триада и учебники по русской истории / Т. А. Володина. // Вопросы истории. – 2004. – № 2. – С. 117-128.
41. Володина Т. А. У истоков «национальной идеи» в русской историографии / Т. А. Володина. // Вопросы истории. – 2000. – № 11/12. – С. 3-19.
42. Володина Т. А. Учебники Отечественной истории как предмет историографии: середина XVIII – середина XIX в. / Т. А. Володина. // История и историки. – 2004. – № 1. – С. 104-136.
43. Вопросы истории школы и педагогики дореволюционной России: сб. науч. тр. – Москва, 1973.

44. Воронов А. С. Историко-статистическое обозрение учебных заведений Санкт-Петербургского учебного округа с 1715 по 1828 гг. / А. С. Воронов. – Санкт-Петербург, 1849. – 294 с.
45. Воронов А. С. Историко-статистическое обозрение учебных заведений Санкт-Петербургского учебного округа с 1829 по 1853 гг. / А. С. Воронов. – Санкт-Петербург, 1855. – 288 с.
46. Воронов А. С. Федор Иванович Янкович де Мириево или народные училища России при императрице Екатерине II / А. С. Воронов. – Санкт-Петербург, 1858. – 168 с.
47. Галкин А. К., Бовкало А. А. Опыт обучения «поселянских детей» Олонецкой губернии в николаевское время / А. К. Галкин, А. А. Бовкало. // Философский век: Альманах. Вып. 6: Россия в николаевское время: наука, политика, просвещение. – Санкт-Петербург, 1998. – С. 143-159.
48. Гамаюнов С. А. Местная история: проблемы методологии / С. А. Гамаюнов. // Вопросы истории. – 1996. – № 9. – С. 158-163.
49. Гамаюнов С. А. Местная история в контексте россиеведения / С. А. Гамаюнов. // Общественные науки и современность. – 1996. – № 1. – С. 55-63.
50. Ганелин Ш.И. Очерки по истории средней школы в России второй половины XIX века / Ш. И. Ганелин. – Москва: Учпедгиз, – 1954. – 304 с.
51. Георгиевский А. Грамотность в Муромле / А. Георгиевский // Олонецкие губернские ведомости. – 1905. – № 107.
52. Георгиевский А. И. К истории Ученого комитета / А. И. Гергиевский. – Санкт-Петербург, 1912. – 202 с.
53. Гетманская Е. В. Взаимосвязи гимназического и университетского литературного образования в России XIX – начала XX века / Е. В. Гетманская. – Москва: Флинта, 2012. – 232 с.

54. Глущенко П. П., Шейко В. В. История становления и развития института образования в России / П. П. Глущенко, В. В. Шейко. – Санкт-Петербург, 2004. – 31 с.
55. Головина Н. В. Обучение иностранным языкам в России в XVIII – XIX вв. / Н. В. Головина. // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – Тамбов, 2013. – № 8 (26). – Ч. 2. – С. 49-53.
56. Гончаров Ю. М. Очерки повседневной жизни горожан Сибири второй половины XIX - начала XX в. / Ю. М. Гончаров. – Барнаул: Изд-во Алтайского гос. ун-та, 2014. – 347 с.
57. Григорьев В. В. Исторический очерк русской школы / В. В. Григорьев. – Москва, 1890. – 587 с.
58. Грищенко Н. Л. Политика феодального попечительства удельного ведомства над крестьянами / Н. Л. Грищенко. // Ученые записки Чечено-Ингушского педагогического института. – 1958. – № 10. С. 249-287.
59. Гуревич А. Я. Апории современной исторической науки / А. Я. Гуревич // Одиссей. Человек в истории. 1997. – Москва: Наука, 1998. – С. 238-250.
60. Гуревич А. Я. Исторический синтез и Школа «Анналов» / А. Я. Гуревич. – Москва: Наука, 1993. – 328 с.
61. Гуревич А. Я. Социальная история и историческая наука / А. Я. Гуревич. // Вопросы философии. – 1990. – № 4. – С. 23-34.
62. Гуревич А. Я. О кризисе современной исторической науки / А. Я. Гуревич. // Вопросы истории. – 1991. – № 2. – С. 21-37.
63. Гуркина Н. К. Интеллигенция Европейского Севера России в конце XIX – начале XX веков / Н. К. Гуркина. – Санкт-Петербург: Нестор, 1998. – 218 с.
64. Гуркина Н. К. История образования в России (X – XX века) / Н. К. Гуркина. – Санкт-Петербург, 2001. – 64 с.

65. Демков М. И. История русской педагогии. Ч. 3: Новая русская педагогия XIX века / М. И. Демков. – Москва, 1909. – 533 с.
66. Джурдинский А. Н. Размышления над историей педагогики /А. Н. Джурдинский. // Педагогика. – 2002. – № 6. – С. 72-79.
67. Дианова Е. В. Женщины в истории Петрозаводска: XVIII-XIX вв. / Е. В. Дианова, И. С. Петричева. – Петрозаводск: ОД Совет женщин г. Петрозаводска, 2003. – 48 с.
68. Дмитриева Н. А. Процесс формирования системы женского образования в России в XIX в. как объект исторического исследования / Н. А. Дмитриева. // Известия Российского государственного педагогического университета им. И. А. Герцена. – 2008. – № 29 (65). – С. 108-112.
69. Днепров Э. Д. Российское образование в XIX – начале XX вв. Т. 1. / Э. Д. Днепров. – Москва: Мариос, 2011. – 445 с.
70. Дружинин Н. М. Государственные крестьяне и реформа П. Д. Киселева. Т. 2. / Н. М. Дружинин. – Москва-Ленинград: Изд-во Академии наук СССР, 1946. – 617 с.
71. Егоров А. Д. Лицеи России (Опыт исторической хронологии) в 5 кн. / А. Д. Егоров. – Иваново, 1993-1995.
72. Егорова М. В. Повседневная жизнь учащихся и учителей Урала в XIX – начале XX вв. / М. В. Егорова. – Москва: Памятники исторической мысли, 2008. – 216 с.
73. Егорова М. В. Положение уральского учителя средней школы в XIX - начале XX в. / М. В. Егорова. // Вопросы истории. – 2010. – № 1. – С. 142-147.
74. Ефимова В. В. Генерал-губернатор С. И. Миницкий и кадровый вопрос в Олонецкой губернии / В. В. Ефимова. // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. – 2013. – № 7. (Т. 2). – С. 104-109.

75. Ефимова В. В. Кадровая политика генерал-губернатора А. Ф. Клокачева (на примере Олонецкой губернии) / В. В. Ефимова.// Вестник Карельского филиала Северо-Западной академии государственной службы. – Петрозаводск, 2008. – С. 296-324.
76. Ефимова В. В. Ревизия сенатора Д. О. Баранова как источник по изучению состояния государственного управления в Олонецкой губернии в I половине XIX в. / В. В. Ефимова. // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. – 2008. – № 2. – С. 10-23.
77. Ефимова В. В. Учреждение училища для детей канцелярских служителей в Олонецкой губернии / В. В. Ефимова. // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – Тамбов, 2014. – № 12 (38). – Ч. 2. – С. 76-79.
78. Жуковская Т. Н. «Императорский университет»: система высочайшего вмешательства в жизнь университетов в первой половине XIX в. / Т. Н. Жуковская. // Власть, общество и реформы в России в XIX – начале XX века. Исследования, историография, источниковедение. – Санкт-Петербург, 2009. – С. 74-89.
79. Жуковская Т. Н. Петербургский университет в городском пространстве первой трети XIX в. / Т. Н. Жуковская. // Социальная история. 2009. – Санкт-Петербург, 2010. – С. 41-67.
80. Жуковская Т. Н. Просветительские проекты «молодых друзей и создание Министерства народного просвещения / Т. Н. Жуковская. // Власть, общество, армия: от Павла к Александру I: Сб. научных статей / Сост. и отв. ред. Т. Н. Жуковская. – Санкт-Петербург: Нестор-История, 2013. – Вып. 11. – С. 181-192. (Труды Исторического факультета СПбГУ).
81. Жуковская Т. Н. Российские университеты при Александре I и традиции европейского образования / Т. Н. Жуковская. // Страницы

российской истории. Межвузовский сб. к 60-летию Г. А. Тишкина. – Москва, 2001. – С. 92-113.

82. Жуковская Т. Н. С. С. Уваров и воссоздание Петербургского университета / Т. Н. Жуковская. // Очерки по истории Петербургского университета. Вып. 7. – Санкт-Петербург, 1998. – С. 56-74.

83. Жуковская Т.Н. С.С. Уваров и Кирилло-Мефодиевское общество или кризис «официальной народности». Русская история и историческая мысль XIX-XX вв.: сб. ст. в честь 75-летия А.Н. Цамутали. СПб., 2006. С. 196-207.

84. Жуковская Т. Н. Университеты в годы наполеоновских войн / Т. Н. Жуковская. // Санкт-Петербургский университет в XVIII-XX вв. Европейские традиции и российский контекст: Тр. межд. науч. конф. 23-25 июня 2009 г. – Санкт-Петербург, 2009. – С. 22-37.

85. Жуковская Т., Ростовцев Е. Образование в своем Отечестве. Университетская политика Николая I, идеология и прагматика / Т. Жуковская, Е. Ростовцев. // Родина. – 2013. – № 3. – С. 93-101.

86. Жуковская Т. Н., Калинина Е. А. «От азбуки до университета»: административная деятельность Санкт-Петербургского университета в учебном округе в первой половине XIX в. / Т. Н. Жуковская, Е. А. Калинина. // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. № 2. История. – Вып. 2. – 2014. – С. 22-32.

87. Жуковская Т. Н., Калинина Е. А. «Просвещенная провинция»: Олонецкая губерния в составе столичного учебного округа в первой половине XIX в. / Т. Н. Жуковская, Е. А. Калинина. // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. – 2011. – Ноябрь. № 7. – Т. 2. – С. 12-18.

88. Жуковская Т. Н., Калинина Е. А. Эвакуация Петербургского Педагогического института в 1812 г. / Т. Н. Жуковская, Е. А. Калинина. // 1812 год в судьбах России и Европы: сб. тр. межд. науч. конф. – Санкт-Петербург, 2012. – С. 148-157.

89. Заводовский И. К истории Сенногубского училища /И, Заводовский. // Олонецкие губернские ведомости. – 1906. – № 9.

90. Заозерская С. В. Развитие женского образования на Архангельском Севере во второй половине XIX – начале XX веков / С. В. Заозерская. – Архангельск: Изд-во АГТУ, 2007. – 164 с.

91. Зубков И. В. Российское учительство: повседневная жизнь преподавателей земских школ, гимназий и реальных училищ. 1870-1916 / И. В. Зубков. – Москва: Новый Хронограф, 2010. – 528 с.

92. Иванов А. Е. Высшая школа России в конце XIX-начале XX века / А. Е. Иванов. – Москва: Академия наук СССР, 1991. – 392 с.

93. Иванов А. Е. Мир российского студенчества. Конец XIX – начало XX века / А. Е. Иванов. – Москва: Новый хронограф, 2010. – 360 с.

94. Иванов А. Е. Студенческая корпорация России конца XIX-начала XX века: опыт культурной и политической самоорганизации / А. Е. Иванов. – Москва: Новый хронограф, 2004. – 408 с.

95. Иванов А. Е. Студенчество России конца XIX-начала XX века: социально-историческая судьба / А. Е. Иванов. – Москва: РОССПЭН, 1999. – 298 с.

96. Иванов А. Е. Университеты Российской империи XVIII – начала XIX века. Типология, формирование системы / А. Е. Иванов. // Страницы истории: Сб. науч. ст., посв. 65-летию со дня рожд. проф. Г. А. Тишкина. – Санкт-Петербург: Изд-во Дом С.-Петерб. ун-та, 2008. – С. 161-175.

97. Иванов А. Е. Ученые степени в Российской империи XVIII-1917 г. / А. Е. Иванов. – Москва: ИРИ РАН, 1994. – 195 с.

98. Иванов П. В. Из истории русской школы в Карелии / П. В. Иванов. // Ученые записки Карельского педагогического института. – 1960. – Т. 10. – С. 101-107.

99. Игнатович В. В. Болонский университет в средние века / В. В. Игнатович. – Санкт-Петербург, 1846. – 340 с.

100. Игнатович В. В. История английских университетов. / В. В. Игнатович. – Санкт-Петербург, 1861. – 246 с.

101. Иерусалимская С. Ю., Иерусалимский Ю. Ю. Народное образование в Углическом крае в XIX – начале XX вв.: от приходских училищ к всеобщему обучению / Иерусалимская С. Ю., Иерусалимский Ю. Ю. – Ярославль: Ремдер, 2006. – 280 с.

102. Из истории народного образования в России первой четверти XIX в. // Ученые записки Молотовского педагогического института. 1947-1948. Вып. 2. С. 157-170.

103. Илюха О. П. Дети и подростки в сфере экономических интересов карельской семьи в конце XIX – начале XX вв. / О. П. Илюха. // Вестник Самарского государственного университета. Гуманитарная сер. – 2009. – № 5 (71). – С. 158-163.

104. Илюха О. П. Отношение карелов Олонецкой губернии к школе и образованию (конец XIX начало XX в.) / О. П. Илюха. // Гуманитарные исследования в Карелии. Сб. ст. к 70-летию ИЯЛИ. – Петрозаводск, 2000. – С. 43-49.

105. Илюха О. П. Повседневная жизнь сельских учителей и школьников Карелии в конце XIX – начале XX в. / Очерки. Документы. Материалы / О. П. Илюха. – Петрозаводск: КНЦ РАН, 2010. – 145 с.

106. Илюха О. П. Проблемы народного образования в Олонецкой губернии в конце XIX - начале XX века / О. П. Илюха. // Вопросы Европейского Севера. Проблемы развития культуры: вторая половина XIX - XX вв. – Петрозаводск, 2002. – С. 9-23.

107. Илюха О. П. Родной язык в школах Беломорской Карелии во второй половине XIX - начале XX вв. / О. П. Илюха. // Беломорская Карелия: история и перспективы развития. Мат-лы науч-практ. конф. Калевала. 18 ноября 1999 г. – Петрозаводск, 2000. – С. 26-29.

108. Илюха О. П. Сельская школа и социальная защита детей в Карелии (конец XIX – начало XX вв.) / О. П. Илюха. // Диалог со временем: Альм. интеллектуальной истории. Вып. 26. – 2009. – С. 127-140.

109. Илюха О. П. Традиционные и новые пути социализации подрастающих поколений в карельской деревне в конце XIX - начале XX вв. / О. П. Илюха. // Локальные традиции в народной культуре Русского Севера (Мат-лы IV Междунар. конф. «Рябининские чтения - 2003»). – Петрозаводск. 2003. – С. 178-181.

110. Илюха О. П. Школа и детство в карельской деревне в конце XIX - начале XX века / О. П. Илюха. – Санкт-Петербург: Дмитрий Буланин, 2007. – 304 с.

111. Илюха О. П. Школа и просвещение в Беломорской Карелии во второй половине XIX - начале XX в. / О. П. Илюха. – Петрозаводск: КНЦ РАН, 2002. – 102 с.

112. Илюха О. П. Языковая среда сельской школы в Карелии в конце XIX – начале XX вв. / О. П. Илюха. // Финно-угорский мир. – 2009. – № 1. – С. 43-55.

113. Историческое краеведение в Карелии: учеб. пособ. – Петрозаводск: КГПА, 2012. – 308 с.

114. История и культура Архангельского Севера (досоветский период): межвузовский сб. науч. тр. / отв. ред. А. А. Куратов. – Вологда, 1986. – 190 с.

115. История Карелии с древнейших времен до наших дней. Петрозаводск: Периодика, 2001. – 944 с.

116. История Рыборецкого земского училища // Олонецкие губернские ведомости. – 1905. – № 120.

117. История северного крестьянства: в. 4 т. / гл. ред. В. Т. Пашуто; отв. ред. В. И. Голдин. – Архангельск, 1984. – Т. 1: Крестьянство Европейского севера в период феодализма. – 432 с.

118. Историческая записка Белостокской гимназии. – Вильно, 1872. – 36 с.

119. Историческая записка 3-ей Санкт-Петербургской гимназии. – Санкт-Петербург, 1876. – 76 с.

120. Историческая записка Могилевской мужской гимназии за 100-летний период ее существования. – Могилев, 1909. – 54 с.

121. Кабринская Н. И. Исторический опыт взаимодействия государства и общества в области образования в Архангельской губернии в первой четверти XIX в. / Н. И. Кабринская. // Проблемы и перспективы развития образования в России. – 2012. – № 16. – С. 290-294.

122. Кабузан В. М. Народы России в первой половине XIX в.: Численность и этнический состав / В. М. Кабузан. – Москва, 1992. – 232 с.

123. Квашнина Л. Н. Религиозно-нравственное воспитание в образовательном пространстве Архангельского Севера в XVIII - XIX веках / Л. Н. Квашнина. // «Чистота спасет мир»: проблемы духовно-нравственного воспитания молодого поколения: сб. докл. – Веркола, 2008. – С. 21-40.

124. Калинина Е. А. Взаимодействие государства и церкви в деле народного просвещения в первой четверти XIX в. (по материалам по истории начальной школы Северных губерний России) / Е. А. Калинина. // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. – 2014. – № 4. – С. 3-13.

125. Калинина Е. А. Директор народных училищ в системе народного просвещения / Е. А. Калинина. – Российская история. – 2010. – № 6. – С. 47-56.

126. Калинина Е. А. Закон Божий в русских школах в первой половине XIX века / Е. А. Калинина. // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. – 2014. Сер. № 2. – Вып. 4 (59). – С. 85-97.

127. Калинина Е. А. «Имена их известны будут в истории просвещения России…» (Деятели народного образования Олонецкой губернии в первой половине XIX века) / Е. А. Калинина. – Петрозаводск: Петропресс, – 2011. – 144 с.

128. Калинина Е. А. «Мы утешали себя тем, что работали для народа» (учителя гимназий Русского Севера в первой половине XIX века) / Е. А. Калинина. // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. – 2009. – № 8. – С. 15-24.

129. Калинина Е. А. Народные школы Олонецкого края в XIX – начале XX века / Е. А. Калинина. – Санкт-Петербург: Дмитрий Буланин, 2009. – 264 с.

130. Калинина Е. А. Основные принципы реформирования государственного управления народным просвещением в России в первой половине XIX в. / Е. А. Калинина. // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – Тамбов, 2014. – № 6 (44). – Ч. I. – С. 78-81.

131. Калинина Е. А. Развитие частных школ в первой половине XIX в. (на примере Олонецкой губернии) / Е. А. Калинина. // Вестник Московского городского педагогического университет. Сер. Исторические науки. – 2014. – № 4 (16). – С. 15-22.

132. Калинина Е. А. Реформа среднего и начального образования в России при Николае I / Е. А. Калинина. // Вопросы образования. – 2013. – № 4. – С. 227-245.

133. Калинина Е.А. Система народного просвещения на Европейском Севере России в первой половине XIX в. / Е. А. Калинина. – Москва: Новый хронограф, 2017. – 736 с.

134. Калинина Е. А. У истоков гимназического образования: провинциальные гимназии при Александре I / Е. А. Калинина. //

Вестник Волгоградского государственного университета. Сер. № 4. – 2011. – № 1 (19). – С. 13-17.

135. Калинина Е. А. Школы Олонецкой губернии в первой половине XIX в.: исторические очерки и документы / Е. А. Калинина. – Санкт-Петербург: Дмитрий Буланин, 2015. – 502 с.

136. Калинина Т. А. Развитие народного образования на Урале в дореформенный период (80-е годы XVIII –первая половина XIX в.) / Т. А. Калинина. – Пермь: Пермский университет, 1992. – 119 с.

137. Каллаш Л. Из истории русской школы начальной школы начала XIX в. / Л. Каллаш. // Вестник воспитания. – 1899. – № 2. – С. 76-110.

138. Каллаш В. В. Очерки истории школы и просвещения / В. В. Каллаш. – Москва, 1902. – 272 с.

139. Кандаурова Т. Н. Из истории провинциальной гимназии в России XIX в. / Т. Н. Кандаурова. // Педагогика. – 2001. – № 3. – С. 67-72.

140. Каменский А. Б. История повседневности русского города: постановка проблемы / А. Б. Каменский. // Повседневность российской провинции: история, язык и пространство. – Казань, 2000. – С. 43-44.

141. Каменский А. Б. Повседневность русских городских обывателей: Исторические анекдоты из провинциальной жизни XVIII века / А. Б. Каменский. – Москва: РГГУ, 2006. – 408 с.

142. Каптерев П. Ф. История русской педагогии / П. Ф. Каптерев. – Санкт-Петербург, 1909. – 540 с.

143. Капуста Л. И. Главное народное училище – Олонецкая губернская мужская гимназия (строительство и архитектура) / Л. Капуста. // Дом на площади. – Петрозаводск, 2000. – С. 5-9.

144. Каргаполова А. Г. Периодизация становления в Российской школе учебной дисциплины «Отечественная история» / А. Г. Каргополова. // Педагогическое образование в России. – 2008. – № 2. – С. 80-86.

145. Касаткин П. О сельских училищах Грязовецкого уезда ведомства Министерства государственных имуществ / П. Касаткин. // Русский педагогический вестник. – 1861. – № 8. – С. 44-51.

146. Касаткин П. О сельских училищах Устьсыссольского округа ведомства Министерства государственных имуществ / П. Касаткин. // Русский педагогический вестник. – 1860. – № 7. – С. 326-331.

147. Кёппен П. П. Материалы для истории образования России, собираемые П. Кёппеном, членом разных цчебных обществ / П. П. Кёппен. – Санкт-Петербург, 1827. – 538 с.

148. Кивлева Н. В. Становление образования в России / Н. В. Кивлева. – Санкт-Петербург: Нестор-История, 2012. – 306 с.

149. Кизель Н. К., Мазюкевич В. И. Историческая записка Архангельской Ломоносовской гимназии (1811 - 1911 гг.) / Н. К. Кизель, В. И. Мазюкевич. – Архангельск, 1912. – 535 с.

150. Киселев А. 200 лет Министерству народного просвещения / А. Киселев. // Народное образование. – № 2. – 2002. – С. 7-13.

151. К. М. Подслушал / К. М. // Журнал для воспитания. – 1859. – № 5. – С. 240-245.

152. Князьков С. А., Сербов Н. И. Очерк истории народного образования в России до эпохи реформ Александра II / С. А. Князьков, Н. И. Сербов. – Москва: Польза, 1910. – 240 с.

153. Козина Г. Н. Вологодское купечество и школа (XVIII - начало XX века) / Г. Н. Козина. // Вологда: Краеведческий альманах. Вып. 4. – Вологда, 2003. – С. 38-62.

154. Колосова Е. М. Домашнее обучение в середине XIX в. / Е. М. Колосова. // Universum: Вестник Герценовского университета. – 2010. – № 7. – С. 68-71.

155. Колпенский В. Сельская школа накануне крестьянской реформы / В. Колпенский. // Архив истории труда в России. – Кн. 4. – Петроград, 1922. – С. 31-35.

156. Колчина Т. В. Народные училища в России в 30-50-е годы XIX в. / Т. В. Колчина. – Москва, 1973. – 134 с.

157. Колчина Т. В. Сельские приходские училища в 40-50-х годах XIX в. / Т. В. Колчина. // Педагогический ВУЗ и сельские школы. – Москва, 1974. – С. 89-98.

158. Колчина Т. В. Учительство народных училищ во второй четверти XIX в. / Т. В. Колчина. // Вопросы педагогики высшей и средней школы. – Москва, 1975. – С. 138-147.

159. Колягин Ю. М. Школьный учебник математики: в прошлом и настоящем / Ю. М. Колягин. // Математика в школе. – 2003. – № 2. – С. 72-76.

160. Колягин Ю. М., Савина О. А., Тарасова О. В. Организация народного образования в России. Первая половина XIX в. / Ю. М. Колягин, О. А. Савина, О. В. Тарасова. // Начальная школа. – 2004. – № 4. – С. 120-128.

161. Комоско Л. В. Изменения сословного состава учащихся средней и высшей школы России (30-80-е годы XIX в.) /Л. В. Комоско. // Вопросы истории. – № 10. – 1970. – С. 203-207.

162. Кондратьев В. Г. Очерки истории народного образования в Карелии XVII - XXI вв. / В. Г. Кондратьев. – Петрозаводск: VERSO, 2011. – 173 с.

163. Кондратьева Г. В. О преподавании геометрии в XIX веке / Г. В. Кондратьева. // Образование в современной школе. – 2005. – № 6. – С. 53-64.

164. Кондратьева Г. В. Репетиторство в XIX веке / Г. В. Кондратьева. // Педагогика. – 2008. – № 7. – С. 72-77.

165. Кондратьева Г. В. Сколько уроков математики должно быть в школе: (историко-ретроспективный обзор практики преподавания математики в российской школе) / Г. В. Кондратьева. // Математика в школе. – 2013. – № 5. – С. 65-71.

166. Кондратьева Г. В. Школьное математическое образование: XIX и XXI века: (сравнительный анализ основных показателей) / Г. В. Кондратьева. // Образование в современной школе. – 2006. – № 1. – С. 51-57.

167. Кондратьева Г. В. Экзамены на аттестат зрелости в гимназиях: (по материалам второй половины XIX в.) / Г. В. Кондратьева. // Открытая школа. – 2006. – № 2. – С. 40-43.

168. Кондратьева М. А. Отечественная гимназия: исторический опыт и современные проблемы М. А. Кондратьева. // Педагогика. – 1994. – № 1. – С. 75-80.

169. Константинов Н. А. Очерк по истории средней школы в России / Н. А. Константинов. – Москва: МНП РСФСР, 1953. – 272 с.

170. Константинов Н. А., Медынский Е. Н., Шабаева М. Ф. История педагогики / Н. А. Константинов, Е. Н. Медынский, М. Ф. Шабаева. – Москва, 1955. – 588 с.

171. Константинов Н. А., Струминский В. Я. Очерки по истории начального образования в России / Н. А. Константинов, В. Я. Струминский. – Москва: МНП РСФСР, 1953. – 272 с.

172. Корнилов И. П. Материалы для статистики учебных заведений Санкт-Петербургского учебного округа / И. П. Корнилов. – Санкт-Петербург, 1862. – 446 с.

173. Костикова М. Н. Вероисповедная политика Министерства народного просвещения в учебных округах Российской империи в XIX в. / М. Н. Костикова. – Курск: Курский государственный университет, 2001. – 208 с.

174. Костикова М. Н. Формирование Российского образования как системы / М. Н. Костикова. // Вестник образования. – 2001. – № 8. – С. 3-5.

175. Кочева О. А. Этапы становления и развития школьного начального исторического курса / О. А. Кочева. // URL:

http://ahey.narod.ru/sborniki/pch4/pch4-kocheva.htm (дата обращения 25. 12. 2013 г.).

176. Кошелева О. Е. Провинности и наказания юношества в XVIII столетии / О. Е. Кошелева.// Вина и позор в контексте становления европейских государств (XIV - XX вв.): сб. ст. – Санкт-Петербург., 2011. – С. 180-191.

177. Кошелева О. Е. У истоков женского образования в России / О. Е. Кошелева. // Педагогика. – 1993. – № 2. – С. 88-91.

178. Кошман Л. В. Город и городская жизнь в России XIX столетия: социальные и культурные аспекты / Л.В. Кошман. – Москва: РОССПЭН, 2008. – 446 с.

179. Красовицкая Т. Ю. Модернизация российского образовательного пространства. От Столыпина к Сталину (конец XIX в. – 1920-е гг.) / Т. Ю. Красовицкая. – Москва: Новый хронограф, 2011. – 680 с.

180. Куприянов А. И. Городская культура русской провинции конец XVIII – первая половина XIX в. / А. И. Куприянов. – Москва: Новый хронограф, 2007. – 476 с.

181. Куприянов А. И. Русский город в первой половине XIX в.: общественный быт и культура горожан Западной Сибири / А. И. Куприянов. – Москва: АИРО-XX, 1995. – 157 с.

182. Курукин И. «Знать историю, а паче своего Отечества» / И. Курукин. // Родина. – 1999. – № 3. – С. 10-15.

183. Кучепатов Н. Г. Городские училища и их место в системе народного образования дореволюционной России / Н. Г. Кучепатов. // Ученые записки Карельского педагогического института. – 1969. – Т. 9. – С. 43-56.

184. Кучепатов Н. Г. Школа в дореволюционной Карелии / Н. Г. Кучепатов. – Петрозаводск: Государственное изд-во КАССР, 1956. – 108 с.

185. Крылов Д. П. Столетие Тверской мужской гимназии. Историческая записка. – Тверь, 1904. – 389 с.

186. Лалаев М. С. Император Николай I, зиждитель русской школы: Исторический очерк / М. С. Лалаев. – Санкт-Петербург, 1896. – 274 с.

187. Ласточкин А. О. О времени основания училищ в Олонецкой губернии и о переменах, которые они испытали впоследствии / А. О. Ласточкин. // Олонецкие губернские ведомости. – 1854. – № 36.

188. Латышев В. А. Исторический очерк русских учебных книг по математике / В. А. Латышев. // Педагогический сборник. – 1878. – Кн. 4. – С. 410-453.

189. Левитский С. Н. Исторический вопрос о введении в Олонецкой губернии всеобщего обучения / С. Н. Левитский. – Петрозаводск, 1905. – 20 с.

190. Лейкина-Свирская В. Р. Интеллигенция в России во второй половине XIX в. / В. Р. Лейкина-Свирская. – Москва: Мысль, 1971. – 368 с.

191. Лелеко В. Д. Пространство повседневности в европейской культуре / В. Д. Лелеко. – Санкт-Петербург: Изд-во СПб ГУКИ, 2002. – 304 с.

192. Лещиков В. Н. Псковская мужская гимназия в 1833 - 1855 гг. / В. Н. Лещиков. // Псков. – 2011. – № 34. – С. 56-65.

193. Логинова О. А., Логинов О. Н. Учебно-воспитательный процесс в гимназиях дореволюционной России (на примере гимназий Пензенской губернии) / О. А. Логинова, О. Н. Логинов. – Пенза, 2009. – 289 с.

194. Ломакина М. В. Профессиональная подготовка учителей гимназий в первой половине XIX века / М. В. Ломакина. // Образование в современной школе. – 2006. – № 2. – С. 58-63.

195. Ломоносов М. В. и Арктика: мат-лы межд. науч. конф., посв. 300-летию со дня рожд. М. В. Ломоносова (1711-1765 гг.): 21-24 июня 2011 г. – Архангельск, 2011.

196. Лопатинский П. А. Историческая записка о заведении и состоянии народных училищ в Олонецкой губернии / П. А. Лопатинский. // Олонецкие губернские ведомости. – 1889. – № 93, 94.

197. Лопатинский П. А. К истории просвещения в Олонецком крае / П. А. Лопатинский. // Олонецкие губернские ведомости. – 1893. – № 90.

198. Лосев С. А. К истории народного просвещения в Олонецком уезде. Ильинское двуклассное училище / С. А. Лосев. // Олонецкие губернские ведомости. – 1902. – № 42.

199. Лубский А. В. Неоклассическая модель исторического исследования в культурно-эпистемологическом контексте начала XXI века / А. В. Лубский. // Общественные науки и современность. – 2009. – № 3. – С. 160-161.

200. Ляпкина Т. Ф. Регион как предмет междисциплинарного анализа / Т. Ф. Ляпкина. // Социально-гуманитарные знания. – 2007. – № 3. – С. 242-251.

201. Майорова А. С. Учебные заведения в повседневной жизни Саратова в первой половине XIX века / А. С. Майорова. // URL: www.sgu.ru/faculties/historical/ sc. publication /vseob.hist./povsednevnost/default.php (дата обращения 16. 04. 2016 г.).

202. Макеева И. А. Первые женские средние учебные заведения в Вологодской губернии / И. А. Макеева. // Вологда: Краеведческий альманах. – Вологда, 1997. – Вып. 2. – С. 663-575.

203. Максимова С. Н. Преподавание древних языков в русской классической гимназии XIX – начала XX века / С. Н. Максимова. – Москва: Греко-латинский кабинет Ю. А. Шичалина, 2005. – 308 с.

204. Маловичко С. И., Мохначева М. П. Регионалистика – историческое краеведение – локальная история: размышления о порогах и пороках «несовместимости» / С. И. Маловичко, М. П. Мохачева // Харьківський історіографічний збірник. – Харків, 2006. – Вип. 8. – С. 23-37.

205. Мамсик Т. С. Социальная организация фронтира в контексте мирового колонизационного процесса: по материалам Сибири и Северной Америки (XVII – XIX вв.) / Т. С. Мамсик. // Региональные процессы в Сибири в контексте российской и мировой истории. – Новосибирск, 1998. – С. 43-47.

206. Манчестер Лори. Поповичи в миру: духовенство, интеллигенция и становление современного самосознания в России / Лори Манчестер. – Москва: Новое литературное обозрение, 2015. – 180 с.

207. Марголис Ю. Д., Тишкин Г. А. «Единым вдохновением»: Очерки истории университетского образования в Петербурге в конце XVIII - первой половине XIX в. / Ю. Д. Марголис, Г. А. Тишкин. – Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский университет, 2000. – 228 с.

208. Мастеница Е. Н. Региональная культурология: проблемы и перспективы / Е. Н. Мастеница. // От краеведения к культурологии: Российскому институту культурологи – 70 лет. – Москва, 2002. – С. 60-61.

209. Мегорский П. М. Вытегорские Кондуши / П. М. Мегорский. // Олонецкие губернские ведомости. – 1874. – № 16.

210. Мегорский П. М. Народные учителя и школы в Мегорском приходе Вытегорского уезда / П. М. Мегорский. // Олонецкие губернские ведомости. – 1875. – № 19.

211. Мегорский П. М. О народных учителях в былое время в Кондушском приходе Вытегорского уезда / П. М. Мегорский. // Олонецкие губернские ведомости. – 1875. – № 9.

212. Мегорский П. М. О народных учителях и школах в Палтожском приходе / П. М. Мегорский. // Олонецкие губернские ведомости. – 1875. – № 16.

213. Мегрецкое земское училище // Олонецкие губернские ведомости. – 1903. – № 83.

214. Милюков П. Н. Очерки по истории русской культуры: в 3 т. / П. Н. Милюков. – Москва: Прогресс, 1994. – Т.1, 2, – ч. 2: Искусство, школа, просвещение. – 375 с.

215. Миролюбов П. Грамотность в Семчезерском приходе / П. Миролюбов. // Олонецкие губернские ведомости. – 1874. – № 99.

216. Миролюбов П. Обучение крестьянских детей в 1842 и 1872 гг. / П. Миролюбов. // Олонецкие губернские ведомости. – 1873. – № 5.

217. Миронов Б. Н. Историк и социология / Б. Н. Миронов. – Ленинград: Наука, 1984. – 176 с.

218. Миропольский С. И. Школа и государство. Обязательность обучения (Исторический этюд) / С. Миропольский. – Санкт-Петербург, 1876. – 258 с.

219. Митрошкин М. Д. Очерк народного просвещения в селе Ладве / М. Д. Митрошкин. // Олонецкие губернские ведомости. – 1904. – № 107.

220. Михайлов Ю. Из жизни приходских учителей / Ю. Михайлов. // Архив истории труда в России. – Кн. 4. – Петроград, 1922. – С. 36-38.

221. Михащенко А. Л. Становление и развитие образования в Российской провинции в 1719 – 1917 гг. / А. Л. Михащенко. – Курган.: Курганский государственный университет, 2004. – 332 с.

222. Могилев А. В., Шильман А. Н. О понятии «образовательное пространство» / А. В. Могилев, А. Н. Шильман. // Педагогическая информатика. – 2005. – № 2. – С. 72-78.

223. Мудров А. Сведения, относящиеся к Велико-Устюгскому училищу / А. Мудров. – Москва, 1804. – 24 с.

224. Начальные народные училища Вятской губернии: Краткий очерк возникновения и развития с 1786 по 1898 г. – Вятка, 1900. – 168 с.

225. Начальные народные училища и участие в них православного русского духовенства. – Санкт-Петербург, 1865. – 185 с.

226. Некрасов С. М. Лицейская лира. Лицей в творчестве его воспитанников / С. М. Некрасов. – Москва, 2007. – 382 с.

227. Об открытии в Петрозаводске частной школы девицы Карабутовой // Олонецкие губернские ведомости. – 1844. – № 19.

228. Об открытии пансиона при Олонецкой гимназии // Олонецкие губернские ведомости. – 1840. – № 26.

229. Олонец: историко-краеведческие очерки. В 2-х ч. – Петрозаводск: ПетрГУ. 1999.

230. Олонецкая духовная семинария и православная духовность в Олонецком крае: мат-лы регион. конф., посв. 180-летию Олонецкой духовной семинарии (17-18 ноября 2009 г., Петрозаводск). – Петрозаводск, 2012.

231. Ожегова Е. Ю. Развитие частных пансионов и школ в Саратовской губернии в XIX – начале XX века / Е. Ю. Ожегова. // Известия Пензенского государственного педагогического университета. Общественные науки. – 2006. – № 2 (6). – С. 97-100.

232. Окольский А. Об отношении государства к народному образованию / А. Окольский. – Санкт-Петербург, 1872. – 628 с.

233. Орлов А. А. Ланкастерские школы в России в начале XIX в. / А. А. Орлов. // Педагогика и психология образования. – 2013. – № 1. – С. 11-20.

234. Отрывок из записок покойного Константина Ивановича Арсеньева // Олонецкие губернские ведомости. – 1866. – № 7.

235. Отто Н. К. Вологодская дирекция училищ до 1850 г. / Н. К. Отто. // Журнал Министерства народного просвещения. – 1866. – Т. 132. – С. 1-198.

236. Отто Н. К. Материалы для истории учебных заведений. История Новгородской дирекции до 1828 г. / Н. К. Отто. – Санкт-Петербург, 1865. – 134 с.

237. Очерки истории Карелии: в 2 т. – Петрозаводск: Карельский филиал АН СССР, 1957. – Т. 1. – 356 с.

238. Очерки истории школы и педагогической мысли народов СССР: XVIII - пер. половины XIX в. – Москва: Педагогика, 1973. – 605 с.

239. Очерки русской культуры XIX в.: в 3 т. – Москва: Московский университет, 2001. – Т. 3: Культурный потенциал общества. – 638 с.

240. Павлова С. Императорский Александровский (бывший Царскосельский) лицей: 300-летию Санкт-Петербурга посвящается / С. Павлова. – Санкт-Петербург: Паритет, 2002. – 253 с.

241. Паршина В. Н. К вопросу о гендерном аспекте в истории народного образования в России / В. Н. Паршина. // Известия Пензенского государственного педагогического университета. Гуманитарные науки. – 2007. – № 4 (8). – С. 104-109.

242. Пашков А. М. Олонецкая губернская гимназия в пушкинскую эпоху / А. М. Пашков. // Дом на площади. – Петрозаводск, 2000. – С. 26-32.

243. Пашков А. М. Преподаватели древнегреческого языка и латыни в Петрозаводской губернской гимназии в XIX - начале XX в. / А. М. Пашков. // Россия и Греция: диалоги культур: Мат-лы I междунар. конф. Ч. 2. – Петрозаводск: Петрозаводский государственный университет, 2007. – С. 49-63.

244. Пашкова Т. И. Вторая Санкт-Петербургская гимназия: очерки истории / Т. И. Пашкова. – Санкт-Петербург: Европейский дом, 2010. – 278 с.

245. Пашкова Т. И. Бытовая дисциплина в петербургских гимназических пансионах первой половины XIX в. / Т.И. Пашкова // Антропологический форум. – 2016. – № 31. – С. 86-112.

246. Пашкова Т. И. Гимназии и реальные училища дореволюционного Петербурга 1805-1917 гг.: исторический справочник / Т. И. Пашкова. – Санкт-Петербург: Серебряный век, 2015. – 337 с.

247. Пашкова Т. И. Господа гимназисты (повседневная жизнь петербургских школьников первой половины XIX века) / Т. И. Пашкова // История Петербурга. – 2007. –№ 4(38). – С. 20-31.

248. Пашкова Т. И. Дисциплина внешнего вида, или Дресс-код петербургских школьников первой половины XIX в. / Т. И. Пашкова // Герценовские чтения 2015. – Санкт-Петербург, 2016. – С. 58-64.

249. Пашкова Т. И. Организация учебной дисциплины в петербургских мужских гимназиях первой половины XIX в. / Т. И. Пашкова // Научно-методический электронный журнал «Концепт». – 2016. – Т. 15. – С. 726–730. – URL: http://e-koncept.ru/2016/96057.htm. (дата обращения 23. 06. 2017 г.)

250. Пашкова Т. И. Чему и как учились первые российские гимназисты / Т. И. Пашкова // Преподавание истории в школе. – 2010. – № 8. – С. 59-63.

251. Перхавко В. Б. Периодизация истории в учебной литературе XVIII – начала XX века / В. Б. Перхавко. // Преподавание истории в школе. – 2008. – № 6. – С. 4-9.

252. Петров К. М. Иван Федорович Яконовский. Некролог / К. М. Петров. // Олонецкие губернские ведомости. – 1874. – № 69.

253. Петров К. М. История Олонецкой дирекции до 1808 г. / К. М. Петров. // Журнал Министерства народного просвещения. – 1866. – Ч. 132. – С. 1-66.

254. Петров К. М. Исторические материалы Петрозаводского благородного пансиона. (Из исторической записки Олонецкой дирекции училищ) / К. М. Петров. // Олонецкие губернские ведомости. – 1866. – № 2.

255. Петров К. М. Олонецкая гимназия с 1808 по 1831 гг.: Материалы для истории учебных реформ Министерства народного просвещения / К. М. Петров. // Журнал Министерства народного просвещения. – 1874. – Кн. 176. – № 11. – С. 1-23.

256. Петров К. М. Пребывание в Петрозаводске в 1812 г. Педагогического института, вещей и дел Министерства народного

просвещения / К. М. Петров. // Олонецкие губернские ведомости. – 1866. – № 9.

257. Петров К. М. Учебные заведения в г. Вытегре (из историко-статистического очерка г. Вытегра) / К. М. Петров. // Олонецкие губернские ведомости. – 1864. – № 14.

258. Петрозаводский пансион для детей канцелярских служителей // Олонецкие губернские ведомости. – 1874. – № 98, 100.

259. Петров Ф. А. Российские университеты в первой половине XIX в.: формирование системы университетского образования. Кн. 1-4. / Ф. А. Петров. – Москва: Государственный исторический музей, 1998-2002. Кн. 1. – 471 с., Кн. 2, ч. 1. – 281 с., Кн. 2, ч. 2. – 388 с., Кн. 3. – 518 с., Кн. 4. – 744 с.

260. Полякова Н. В. Образование в России в первой половине XIX в. / Н. В. Полякова. // Социально-гуманитарные знания. – 1999. – № 2. – С. 147-163.

261. Полякова Н. В. Складывание российской системы образования / Н. В. Полякова. // Социально-политический журнал. – 1998. – № 3. – С. 163-178.

262. Полякова С. К. Из истории Олонецкой губернской гимназии (по архивным материалам) / С. К. Полякова. // Дом на площади. – Петрозаводск, 2000. – С. 18-25.

263. Пономарева В. В., Хорошилова Л. Б. Университетский благородный пансион. 1779-1830. / В. В. Пономарева, Л. Б. Хорошилова. – Москва: Новый хронограф, 2005. – 432 с.

264. Пономарева В. В., Хорошилова Л. Б. Университетский благородный пансион в исторической памяти: документы и литература / В. В. Пономарева, Л. Б. Хорошилова. // Вестник Московского университета. Сер. 8. История. – 2006. – № 3. – С. 14-28.

265. Попов В. Ф. История земской школы и первоначальное начальное образование в Устьсысольском уезде / В. Ф. Попов. – Устьсысольск, 1911. – 304 с.

266. Попов В. Ф. Описание Кокшеньги (Тотемского уезда) / В. Ф. Попов. // Вологодские губернские ведомости. – 1857. – № 24.

267. Православие в Карелии: мат-лы респ. науч. конф. – Петрозаводск, 2000, 2003, 2008.

268. Преображенский В. Е. Статистический очерк Быковской волости Каргопольского уезда / В. Е. Преображенский. // Олонецкие губернские ведомости. – 1879. – № 89.

269. Пулькин М. В. «Инородческая школа» на Европейском севере России (конец XIX – начало XX в. / М. В. Пулькин. // Бубриховские чтения. Проблемы исследования и преподавания прибалтийско-финской филологии. – Петрозаводск: КНЦ РАН, 2005. – С. 237-249.

270. Пулькин М. В. Начальное образование для «инородцев» на Европейском Севере России (конец XIX – начало XX в.) / М. В. Пулькин. // Антропологический форум. – 2006. – № 4. С. 163-175.

271. Пулькин М. В. Межэтническое взаимодействие в православных приходах Олонецкой епархии: пути и формы преодоления языкового барьера (XVIII-начало XX века) / М. В. Пулькин. // Нестор. – 2000. – № 1. – С. 275-290.

272. Пулькин М. В. Политика русификации в XIX – начале XX века (по материалам Архангельской и Олонецкой губерний) / М. В. Пулькин. // Новая политическая история. Сб. науч. работ. – Санкт-Петербург, 2004. – С. 191-206.

273. Пулькин М. В. Православный приход и власть в середине XVIII - начале XX вв.: (по материалам Олонецкой епархии) / М. В. Пулькин. – Петрозаводск: КНЦ РАН, 2009. – 422 с.

274. Пушкарева Н. Л. Предмет и методы изучения истории повседневности / Н. Л. Пушкарева. // Этнографическое обозрение. – 2004. – № 5. – С. 3-19.

275. Равкин З. И. Современные проблемы историко-педагогических исследований / З. И. Равкин. // Педагогика. – 1991. – № 1. – С. 89-96.

276. Рашин А. Г. Грамотность и народное образование в России в XIX и начале XX вв./ А. Г. Рашин. // Исторические записки АН СССР. – 1951. – Т. 37. – С. 28-80.

277. Ремнев А. В. Самодержавие и Сибирь. Административная политика первой половины XIX в. / А. В. Ремнев. – Омск: Изд-во Омского университета, 1995. – 236 с.

278. Ремнев А. В., Савельев П. И. Актуальные проблемы изучения региональных процессов в имперской России / А. В. Ремнев, П. И. Савельев. // Имперский строй России в региональном измерении (XIX – начало XX вв.). – Москва, 1997. – С. 5-18.

279. Репина Л. П. Историческая память и современная историография / Л. П. Репина. // Новая и новейшая история. – 2004. – № 5. – С. 39-50.

280. Репина Л. П. Новая историческая наука и социальная история / Л. П. Репина. – Москва: ИВИ РАН, 1998. – 282 с.

281. Репина Л. П. Новая локальная история / Л. П. Репина. // Горизонты локальной истории Восточной Европы в XIX –XX вв. Сб. ст. под ред. И. В. Нарского. – Челябинск, 2003. – С. 10-19.

282. Репина Л. П. О проблемах становления системы образования в России XIX века / Л. П. Репина. // Просвещение на Руси и в России: Исторический опыт. – Санкт-Петербург, 2000. – С. 83-86.

283. Репина Л. П. От «истории одной жизни» к персональной истории» / Л. П. Репина. // История через личность: историческая биография сегодня. – Москва: Круг, 2005. – С. 55-74.

284. Репина Л. П. Социальная история и историческая антропология: новейшие тенденции // Одиссей. – 1990. – С. 167-178.

285. Рождественский С. В. Вопрос о народном образовании и социальная проблема в эпоху Александра I / С. В. Рождественский. // Русское прошлое. – Петроград-Москва, – 1923. – Т. 5. – С. 35-49.

286. Рождественский С. В. Из истории идей народного просвещения в Александровскую эпоху / С. В. Рождественский. // Сб. ст. по русской истории, посв. С. Ф. Платонову. – Петроград, – 1922. – С. 382-396.

287. Рождественский С.В. Исторический обзор деятельности Министерства народного просвещения 1802-1902 гг. / С. В. Рождественский. – Санкт-Петербург, 1902. – 787 с.

288. Рождественский С. В. Основы социальной организации педагогического труда в XVIII - XIX вв. / С. В. Рождественский. // Архив истории труда в России. – 1923. – Кн. 8. – С. 3-63.

289. Рождественский С. В. Очерки по истории систем народного просвещения в России в XVIII – XIX веках / С. В. Рождественский. – Санкт-Петербург, 1912. – 680 с.

290. Рождественский С. В. Сословный вопрос в русских университетах в первой половине XIX в. / С. В. Рождественский. // Журнал Министерства народного просвещения. – 1907. – Ч. 9. – Отд. 2. – С. 3-28.

291. Сбоев Ф. Старая песня на новый лад / Ф. Сбоев. // Вологодские губернские ведомости. – 1859. – № 13.

292. Семенов Д. Д. Первое десятилетие Санкт-Петербургских училищ на почве общественного управления / Д. Д. Семенов. // Русская старина. – 1887. – Т. 54. – № 6. – С. 667-703.

293. Сергеева С. В. Частное образование в России (последняя четверть XVIII – первая половина XIX вв.) / С. В. Сергеева. – Пенза, 2000. – 159 с.

294. Синицына П. Т. Развитие народного образования на Европейском Севере (досоветский период): учеб. пособ. / П. Т. Синицына. – Архангельск: Поморский государственный университет, 1996. – 142 с.

295. Сметанин В. А. На пользу народного просвещения: Историко-краеведческие очерки о становлении и развитии учебных заведений на Каргополье и прилегающих местностях / В. А. Сметанин. – Архангельск: «Дизайн-бюро А4», 2009. – 184 с.

296. Сметанин В. А. Учебные заведения дирекции народных училищ Архангельского наместничества / В. А. Сметанин. – Архангельск: ООО «Дизайн-бюро А4», 2011. – 148 с.

297. Смирнов А. В. К истории зарождения сельских школ и сельскохозяйственных учебных заведений на севере России / А. В. Смирнов. // Вопросы аграрной истории: Мат-лы науч. конф. по истории сельского хозяйства и крестьянства Европейского Севера. – Вологда, 1968. – С. 263-277.

298. Смолич И. К. История Русской церкви (1700-1917) / И. К. Смолич. // Народное образование в трудах историков русской церкви. – Владивосток: Дальневосточный университет, 2000. – С. 153-190.

299. Соколов И. И. О народных учителях и школах в Речно-Георгиевском приходе Каргопольского уезда / И. И. Соколов. // Олонецкие губернские ведомости. – 1875. – № 49.

300. Соколов Н. О женских училищах Толвуйского прихода / Н. Соколов. // Олонецкие губернские ведомости. – 1906. – № 8.

301. Соколов Н. Толвуйское земское училище / Н. Соколов. // Олонецкие губернские ведомости. – 1906. – № 7.

302. Соловьев Ю. П. Трилистник империи: Русская идея графа Уварова / Ю. П. Соловьев. // Московский журнал. – 1999. – № 10. – С. 2-6.

303. Соловьева В. П. Школа и педагогическая мысль в России в первой половине XIX в. / В. П. Соловьева. – Архангельск, 1958. – 103 с.

304. Сосновская О. В. От катехизической беседы к учебному диалогу / О. В. Сосновская. // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. – 2005. – Вып. 1. – С. 57-62.

305. Столетний юбилей Вологодской гимназии (1786-1886). – Вологда, 1886.

306. Стоюнин В. Я. Из истории воспитания в России начала XIX столетия / В. Я. Стоюнин. // Древняя и новая Россия. – 1878. – № 1. – С. 1-23.

307. Стрельцов А. А. Гимназическое образование: прошлое и настоящее / А. А. Стрельцов // Педагогика. – № 7. – 2007. – С. 68-77.

308. Струминский В. Я. Начальная русская школа и ее теоретики в первой половине XIX века / В. Я. Струминский. // Начальная школа. – 1945. – № 2-6.

309. Суморин. Краткий очерк начального народного образования в городе Лодейное поле / Суморин. // Олонецкие губернские ведомости. – 1891. – № 76.

310. Сухомлинов М. И. Материалы для истории образования в России в царствование императора Александра I / М. И. Сухомлинов. – Санкт-Петербург, 1865. – 256 с.

311. Сысоева Е. К. К истории начального образования в России в первой четверти XIX в.: Училищный устав 1804 г.: идеи и их реализация / Е. К. Сысоева. // Вестник Московского университета. Сер. № 8. История. – 1998. – № 5. – С.14-29.

312. Сысоева Е. К. Московский университет и общеобразовательная школа в XVIII - начале XX в. / Е. К. Сысоева. // Вопросы истории. – 2008. – № 6. – С. 118-127.

313. Сысоева Е. К. Школа в России. XVIII – XX вв.: власть и общество / Е. К. Сысоева. – Москва: Новый хронограф, 2015. – 512 с.

314. Тихомиров А. Народное образование в селе Девятины до открытия одноклассного образцового училища / А. Тихомиров. // Олонецкие губернские ведомости. – 1871. – № 61.

315. Тихомирова Е. Е. Преподавание Закона Божьего в гимназии глазами современников (вторая половина XIX–начало XX века / Е. Е.

Тихомирова. // URL: http: www. gf.nsu.ru/rizhsky. (дата обращения: 01. 12. 2013).

316. Ткаченко А. М. Учебно-методическое руководство Харьковского университета школами в 1805-1835 гг. / А. М. Ткаченко. – Харьков, 1957. – 124 с.

317. Ткаченко Д.С. Национальное просвещение в Российской империи в XIX - начале XX вв. (На примере Ставрополья, Кубани и Дона) / Д. С. Ткаченко. – Ставрополь: Изд-во СГУ, 2002. – 240 с.

318. Ткаченко Д.С. Школьное образование в этнокультурной политике на Северном Кавказе XIX - начала XX вв. / Д. С. Ткаченко. – Ставрополь: Альфа Принт, 2009. – 280 с.

319. Университет в Российской империи XVIII – первая половина XIX вв. / под общ. ред. А. Ю. Андреева, С. И. Посохова. – Москва: РОССПЭН, 2012. – 671 с.

320. Усачева Р. Ф. Женское образование в системе николаевских школьных контрреформ второй четверти XIX века / Р. Ф. Усачева. // Образование в современной школе. – 2002. – № 7. – С. 48-63.

321. Успенский А. История Рыборецкого земского училища / А. Успенский. // Олонецкие губернские ведомости. – 1905. – № 117, 120.

322. Филоненко Т. В. Реформы и контрреформы: история школьных систем в России XIX-первой трети XX веков / Т. В. Филоненко. – Воронеж: Центр.-Чернозем. кн. изд-во, 2004. – 456 с.

323. Фортунатов Ф. Н. Историческая записка о пятидесятилетии Олонецкой гимназии / Ф. Н. Фортунатов. – Санкт-Петербург, 1858. – 22 с.

324. Фурсова С. В. История народной школы Тамбовской губернии в пореформенный период (1861 - 1904) / С. В. Фурсова. – Тамбов: Изд-во ТГТУ, 2000. – 250 с.

325. Чубарьян А. О. История XX столетия: новые исследования и проблемы / А. О. Чубарьян. // Новая и новейшая история. – 1994. – № 3. – С. 3-13.

326. Хлынина Т. П. Историческая регионалистика: основные концепты и проблемы дисциплинарного роста / Т. П. Хлынина. // Былые годы. – 2010. – № 3 (17). – С. 71-78.

327. Холодный Г. М. К истории Тамбовской гимназии / Г. М. Холодный. – Тамбов, 1884. – 153 с.

328. Хотеенков В. Ф., Господарик Ю. П. Министерство народного просвещения: страницы истории / В. Ф. Хотеенков, Ю. П. Господарик. // История и обществознание в школе. – 2003. – № 1. – С. 2-10.

329. Хотеенков В., Чернета В. Граф С. С.Уваров – министр и просветитель / В. Хотеенков В. Чернета. // Высшее образование в России. – 1996. – № 1. – С. 147-160.

330. Хотеенков В., Чернета В. Министр просвещения граф П. В. Завадовский / В. Хотеенков, В. Чернета. // Высшее образование в России. – 1997. – № 1. – С.119-136.

331. Христофорова Н. В. Женские гимназии в России / Н. В. Христофорова. // Педагогика. – 1998. – № 4. – С. 70-76.

332. Христофорова Н. В. Российские гимназии XVIII – XX веков. На материале Москвы / Н. В Христофорова. – Москва: Греко-латинский кабинет Ю. А. Шичалина, 2001. – 208 с.

333. Чернета В., Яковлев Б. Предтеча: Адмирал А. С. Шишков – человек, ученый, министр / В. Чернета, Б. Яковлев. // Высшее образование в России. – 1999. – № 3. – С.137-151; – № 4. – С. 130-144.

334. Чуков Н. К. Исторический очерк развития церковных школ в Олонецкой губернии / Н. К. Чуков. – Петрозаводск, 1910. – 38 с.

335. Шевелев А. Н. Петербургская дореволюционная школа как историко-образовательный феномен / А. Н. Шевелев. – Санкт-Петербург: ПОНИ, –2013 – 330 с.

336. Шевелев А. Н. Образовательная урбанистика: историко-педагогические аспекты изучения школьной среды петербургских дореволюционных учебных заведений /А. Н. Шевелев. – Санкт-Петербург: Санкт-Петербургская академия постдипломного педагогического образования, – 2008. – 127 с.

337. Шепелёв Л. Е. Титулы, мундиры и ордена Российской империи /Л. Е. Шепелёв. – Москва: ЗАО Центрполиграф, 2008. – 423 с.

338. Шмид Е. К. История средних учебных заведений в России / Е. К. Шмид. – Санкт-Петербург, 1878. – 684 с.

339. Шмидт С. О. Краеведение и региональная история в современной России // [Электронный ресурс]. Режим доступа: http: /www.newlocalhistory.com/bookshelf/?tezis=ot.. (дата обращения 15.05. 2016 г.)

340. Шперк Ф. Ф. Краткий очерк народного образования в Архангельске / Ф. Ф. Шперк. – Архангельск, 1905. – 97 с.

341. Шуртакова Т. В. Руководство Казанского университета развитием начального и среднего образования в учебном округе в 1805-1836 гг. / Т. В. Шуртакова. – Казань: Казанский государственный университет, 1959. – 69 с.

342. Щуров Г. С. От обучения грамоте к профессиональному образованию / Г. С. Щуров. // Очерки истории культуры Русского Севера. – Архангельск: Правда Севера, 2007. – С. 215-258.

343. Эдельман О. Образование в императорской России / О. Эдельман. // Отечественные записки. – 2002. – № 1. – С. 113-115.

344. Эймонтова Р. Г. Просвещение в России в первой половине XIX века / Р. Г. Эймонтова. // Вопросы истории. – 1986. – № 10. – С. 78-93.

345. Эймонтова Р. Г. Русские университеты на грани двух эпох. От России крепостной к России капиталистической / Р. Г. Эймонтова. – Москва, 1985. – 350 с.

346. Юрчёнков В. А. Региональная историография: российский опыт / В. А. Юрчёнков. // Регионология. – 1993. – № 3. С. 90-94.

347. Ясвин В. А. Психологическое моделирование образовательных сред / В. А. Ясвин. // Психологический журнал. – 2000. – Т. 21. – № 4. – С. 79-88.

348. Ярославлев Ф. М. Олонецкое городское училище / Ф. М. Ярославлев. // Олонецкие губернские ведомости. – 1903. – № 31, 32.

2. 2. Литература на иностранных языках

1. Bogdanov S. Naczelnicy Radomiskej Direkcji Szkolnej. Analizagrupy, [w:] Szkiecedriej ówradomiskei oćwiaty / pod. red. A. Duszykai, K. Latawca / S. Bogdanov – Radom, 2011. – 346 c.
2. Игнатовец Л. М. Белорусский учебный округ: система управления / Л. М. Игнатовец. // Уч. зап. УО «Витебский государственный университет имени П. М. Машерова». – 2011. – Т. 12. – С. 12-20.
3. Игнатовец Л. М. Из истории образования Белорусского учебного округа / Л. М. Игнатовец. // Народная асвета. – 2011. – № 2. – С. 79-82.
4. Игнатовец Л. М. Женское образование на территории Беларуси во второй четверти XIX в. / Л. М. Игнатовец. // Христианство в европейской и мировой истории. Сб. докл. XX юбилейных межд. Кирилло-Мефодиевских чтений (24 мая 2014 г.). – Минск, 2015. – С. 97-101.
5. Игнатовец Л. М. Проекты организации системы просвещения в белорусских (Витебская и Могилевская) губерниях в конце 20-х – начале 30-х гг. XIX в. / Л. М. Игнатовец. // Приложение к журналу «Весці Нацыянальнай акадэміі навук Беларусі»: в 5 ч. Ч. 2. – Минск, 2012. – С. 11-15.
6. Игнатовец Л. М. Проекты учреждения лицеев в Беларуси в 20-30 гг. XIX в. / Л. М. Игнатовец. // Веснік Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта. – 2012. – № 3. – С. 15-19.

7. Игнатовец Л. М. Реорганизация системы образования в Виленской, Гродненской и Минской губерниях и Белостокской области во второй половине 20-х – 40-х гг. XIX в. / Л. М. Игнатовец. // Веснік Гродзенскага дзяржаўнага ўніверсітэта. – 2012. – Сер. 1. – № 1. – С. 6-11.
8. Игнатовец Л. М. Русификация системы образования в Белорусском учебном округе: итоги и оценки / Л. М. Игнатовец. // Працы гістарычнага факультэта БДУ: навук. зб. – Вып. 8. – Мінск, 2013. – С. 52-61.
9. Игнатовец Л. М. Русификация системы образования в Витебской и Могилевской губерниях (1830-1850 гг.) / Л. М. Игнатовец. // Веснік Магілеўскага дзяржаўнага універсітэта. – 2012. – № 1. – С. 21-27.
10. Latawiec K., Górak A., Legieć J., Bogdanov S. Naczelnicy organów rosyjskiej administracji specialnej w Królestwie Polskim w latach 1839-1918. T. 1. Ministerstwo Oświecenia Publicznego / K. Latawiec, A. Górak, J. Legieć, S.Bogdanov. – Lublin, 2015. – 315 c.
11. Massalaski A. Słovnik biograficzny. Nauczyciele szkół średnich rządowych męskich w Krolestwie Pjlskim 1833-1862 / A. Massalaski. – Warszawa, 2007. – 234 c.
12. Poznański K. Sprawa przebudowy oświaty i wychowania w Królestwie Polskiv po upadku powstania listopadowego. [w:] Studia z dzejów edukacji, wybór J. Miąso / K. Poznański. – Warszawa, 1994. – 198 c.
13. Poznański K. Oświata i scołnictwow Królestwie Polskimw 1831-1869. Lata zmagań i nadziei, t. 1, Przebudowa system szkołnictwa I wychowania w Królestwie Polskim w latach 1831-1839 / K. Poznański. – Warszawa, 2000. – 234 c.
14. Wolczuk J. Rosija iI Rosijane w skołach Królestwie Polskiego 1833-1862. Szkice do obazu / J. Wolczuk. – Wroclaw, 2005. – 208 c.

15. Szymański L. Zarys polityki caratu wobec szkolnictwa ogólnokształcqcego w Królestwie Polskim w latach 1815-1915 / L. Szymański. – Wroclaw, 1983. – 168 с.
16. Walka caratu ze skołą polską w Królestwie Polskim w latach 1831-1870. Materiały źródlowe, wybór, wstęp i oparacowanie / K. Poznański. – Warszawa, 1993. – 134 с.
17. Szewczuk D. Chelmska Direkcja Naukoma / D. Szewczuk. – Lublin, 2012. 408 с.
18. Кузняева С. А. Асвета на Беларусі ў першай палове XIX стагоддзя: тэндэнцыі развіцця / С. А. Кузняева. // Актуальныя пытанні гісторыі Беларусі ад старажытных часоў да нашых дзѐн: збонік артыкулаў. – Мінск, 1992. – С. 92-102.
19. Парашкоў С. А. Адукацыя і асвета на Беларусі пасля далучэння се да Расійскай імперыі (канец XVIII – першая палова XIX ст.). Вуч. дап. для студэнтаў ВНУ / С. А. Парашкоў. – Магілеў, 1998. – 76 с.
20. Сяменчык М. Я. Да пытання аб становішчы беларускага народа ў мікалаеўскую эпоху (1825–1855 гг.). Культурны аспект / М. Я. Сяменчык. // Гісторыя матэрыяльнай і духоўнай культуры нацыянальнасцей Беларусі ў другой палове XVIII – першай палове XIX ст.: зб. навук. – Минск, 1996. – С. 3-42.

2. 3. Диссертации и авторефераты диссертаций

1. Акашева А. А. Нижний Новгород в 1860-1890 гг. Методика реконструкции социокультурного пространства города: Автореф. дис. …. канд. ист. наук / А. А. Акашева. – Н. Новгород, 2006. – 26 с.
2. Анохина И. А. Просвещение нерусских народов Среднего Поволжья во второй половине XIX - начале XX века: Автореф. дис. … канд. ист. наук / И. А. Анохина. – Пенза, 2009. – 22 с.

3. Артамонова Л. М. Просвещение, власть и общество в русской провинции XVIII – начала XIX вв.: Автореф. дис. … докт. ист. наук / Л. М. Артамонова. – Самара, 2002. – 48 с.

4. Беловинский Л. В. Культурно-исторические аспекты повседневности: Содержание, структура и динамика: Автореф. дис. … докт. ист. наук / Л. В. Беловинский. – Москва, 2003. – 48 с.

5. Величкина В. М. Педагогическая и общественная деятельность народных учителей сельской дореволюционной школы: Автореф. дис. … канд. пед. наук / В. М. Величкина. – Москва, 1975. – 22 с.

6. Володина Т. А. Учебная литература по отечественной истории как предмет историографии: Автореф. дис… докт. ист. наук / Т. А. Володина. – Москва, 2004. – 44 с.

7. Давитлидзе Г. Г. Общеобразовательная школа Кубани в системе народного просвещения Российской империи: Автореф. дис. … канд. ист. наук / Г. Г. Давитлидзе. – Краснодар, 2007. – 26 с.

8. Дашкевич Л. А. Городская школа в общественной и культурной жизни Урала конца XVIII – первой половины XIX века: Автореф. дис. … докт. ист. наук / Л. А. Дашкевич. – Екатеринбург, 2007. – 38 с.

9. Диссон Ю. А. Лицеи и благородные пансионы в системе народного просвещения России в первой трети XIX века: Автореф. дис. … канд. ист. наук / Ю. А. Диссон. – Москва, 2008. – 26 с.

10. Дмитриева Н. А. Становление системы женского образования в российской провинции (1800-1880 гг.): Автореф. дис. … канд. ист. наук / Н. А. Дмитриева. – Брянск, 2008. – 22 с.

11. Егорова М. В. Развитие системы среднего образования на Урале (1808 - февраль 1917 г.): Автореф. дис. … докт. ист. наук / М. В. Егорова. – Москва, 2009. – 50 с.

12. Ершов А. Г. Влияние Московского университета на развитие государственной системы образования в России, 1755 – середина XIX

века: Автореф. дис. … канд. ист. наук / А. Г. Ершов. – Москва, 2003. – 28 с.

13. Иерусалимская С. Ю. Исторический опыт функционирования системы народного образования Верхнего Поволжья в XIX в.: от становления до модернизации: Автореф. дис. … докт. ист. наук / С. Ю. Иерусалимская. – Москва, 2015. – 50 с.

14. Захаратос Д. А. Московский учебный округ 1804-1835: Создание государственной системы образования и подготовка педагогических кадров: Автореф. дис. … канд. ист. наук / Д. А. Захаратос. – Москва, 2003. – 22 с.

15. Игнатовец Л. М. Белорусский учебный округ: создание и деятельность (1829-1850 гг.): Автореф. дис. … канд. ист. наук / Л. М. Игнатовец. – Минск, 2013. – 22 с.

16. Ильин П. В. Ланкастерский метод обучения и движение декабристов: о либерально-просветительской ориентации тайных обществ в 1810 – 1820 гг.: Автореф. дис. … канд ист. наук / П. В. Ильин. – Санкт-Петербург, 1996. – 22 с.

17. Илюха О. П. Школа и детство в карельской деревне в конце XIX – начале XX вв.: модернизация и этнокультурная традиция.: Автореф. дис. … докт. ист. наук / О. П. Илюха. – Санкт-Петербург, 2010. – 47 с.

18. Казакова О. М. Провинциальное учительство в XIX – начале XX веков: Автореф. дис. … канд. ист. наук / О. М. Казакова. – Киров, 2009. – 24 с.

19. Калинина Т. А. Развитие народного образования на Урале в дореформенный период (80-е годы XVIII – первая половина XIX в.): Автореф. дис. … канд. ист. наук / Т. А. Калинина. – Пермь, 1992. – 24 с.

20. Колчина Т. А. Народные училища России в 30 – 50 - х годах XIX века: Автореф. дис. ... канд. ист. наук / Т. А. Колчина. – Москва, 1973. – 26 с.

21. Кораблина Л. Н. Народное образование провинциального города второй половины XVIII – первой половины XIX вв.: Автореф. дис. … канд. ист. наук / Л. Н. Кораблина. – Воронеж, 2002. – 24 с.

22. Костюкова А. В. Начальное народное образование в Новгородской губернии в дореформенный период (1802-1864 гг.): Автореф. дис. … канд. ист. наук / А. В. Костюкова. – Санкт-Петербург, 2005. – 26 с.

23. Кузнецова М. В. Народное образование в Иркутске в XVIII – первой половине XIX веков: Автореф. дис. … канд. ист. наук / М. В. Кузнецова. – Иркутск, 1996. – 26 с.

24. Куршева Г. А. Общество, власть и образование в России в конце XIX – первой трети XX в.: Автореф. дис. … докт. ист. наук / Г. А. Куршева. – Саранск, 2007. – 48 с.

25. Лексина Ю. А. Гимназии Казанского учебного округа в первой четверти XIX века: Автореф. дис. … канд. ист. наук / Ю. А. Лексина. – Казань, 1997. – 22 с.

26. Леонтьева Т. М. Развитие региональной системы образования в Смоленской губернии в XIX в.: Автореф. дис. … канд. пед. наук / Т. М. Леонтьева. – Смоленск, 2002. – 26 с.

27. Матвеева М. В. Цензура и школа в России в первой четверти XIX века: Автореф. дис. … канд. ист. наук / М В. Матвеева. – Москва, 2004. – 26 с.

28. Мащенко Т. А. Русская классическая гимназия во второй половине XIX века: На материалах Среднего Поволжья Автореф. дис. … канд. ист. наук / Т. А. Мащенко. – Самара, 2000. – 24 с.

29. Мирсаитова С. Г. Народное образование на Южном Урале в первой половине XIX в.: Автореф. дис. … канд. ист. наук / С. Г. Мирсаитова. – Уфа, 1999. – 22 с.

30. Морозова В. В. Правовой и социальный статус учителей дореволюционной России: Автореф. дис. … канд. юрид. наук / В. В. Морозова. – Нижний Новгород, 2007. – 26 с.

31. Неупокоев И. В. Учительство Тобольской губернии во второй половине XIX - начале XX века как социопрофессиональная группа: Автореф. дис. … канд. ист. наук / И. В. Неупокоев. – Курган, 2006. – 22 с.

32. Никитина Н. В. Развитие просвещения и культуры в российской провинции в конце XVIII – первой половине XIX вв.: Автореф. дис. … канд. ист. наук / Н. В. Никитина. – Смоленск, 2006. – 26 с.

33. Носкова А. В. Социальные изменения института семьи в доиндустриальной России: Историко-социологический анализ: Автореф. дис. … докт. соц. наук / А. В. Носкова. – Москва, 2005. – 48 с.

34. Оторочкина А. Е. Народное образование в губерниях Верхней Волги в первой половине XIX века: Автореф. дис. … канд. ист. наук / А. Е. Оторочкина. – Ярославль, 2005. – 26 с.

35. Поникарова Н. М. Министерство народного просвещения и школьное образование по русской истории: Автореф. дис. … канд. ист. наук / Н. М. Поникарова. – Москва, 2005. – 22 с.

36. Прокопенко Р. Г. Церковно-приходские школы в системе начального народного образования в России в XIX – начале XX века: Автореф. дис. … канд. ист. наук / Р. Г. Прокопенко. – Пятигорск, 2011. – 28 с.

37. Репина Л. П. Социальная история в историографии XX века: научные традиции и новые подходы: Автореф. дис. … докт ист. наук / Л. П. Репина. – Москва, 1998. – 50 с.

38. Рост Ю. Н. Преподавание английского языка в российских учебных заведениях в первой половине XIX века: Автореф. дис. … канд. культуролог. наук / Ю. Н. Рост. – Москва, 2007. – 24 с.

39. Русак С. Н. Становление и развитие среднего образования на Ставрополье в условиях реформирования системы народного просвещения в XIX – начале XX в. (на примере Ставропольской мужской гимназии): Автореф. дис. … канд. ист. наук / С. Н. Русак. – Пятигорск, 2005. – 26 с.

40. Сабурова Т. А. Социокультурные представления русской интеллигенции первой половины XIX века: Автореф. дис. … докт. ист. наук / Т. А. Сабурова. – Омск, 2006. – 50 с.

41. Саматова Ч. Х. Школьная политика самодержавия в отношении татар-мусульман во второй половине XIX - начале XX вв. (на примере Казанского учебного округа): Автореф. дис. … канд. ист. наук / Ч. Х. Саматова. – Казань, 2010. – 28 с.

42. Санженаков И. М. Развитие просвещения и образования инородцев Горного Алтая в XIX - начале XX вв.: Автореф. дис. … канд. пед. наук / И. М. Санженков. – Москва, 2008. – 28 с.

43. Созаев А. Б. Народное образование в Терской области в 60-х гг. XIX в. – 1917 г.: Автореф. дис. … канд. ист. наук / А. Б. Созаев. – Владикавказ, 2009. – 26 с.

44. Терентьев А. А. Школа как социальный институт российского общества: Структурно-генетический анализ: Автореф. дис. … докт. филос. наук / А. А. Терентьев. – Нижний Новгород, 1998. – 48 с.

45. Ткаченко Д. С. Национальное образование в Российской империи XIX – начала XX в. (на материалах Северо-Кавказского региона): Автореферат дис. ... докт. ист. наук / Д. С. Ткаченко. – Ставрополь, 2006. – 52 с.

46. Трехбратова С. А. Генезис народного просвещения на Кубани конец XVIII – начало XX века: Автореф. дис. … канд. ист. наук / С. А. Трехбратова. – Ставрополь, 1996. – 22 с.

47. Филоненко Т. В. Этапы развития общеобразовательной школы в России: Автореф. дис. … докт. ист. наук / Т. В. Филоненко. – Воронеж, 2004. – 46 с.

48. Флит Н. В. Народное образование в России в начале XIX столетия (На материалах Санкт-Петербургского учебного округа: Автореф. дис. … канд. ист. наук / Н. В. Флит. – Ленинград, 1988. – 22 с.

49. Фирсова Н. В. Подготовка учителей для народных училищ в последней трети XVIII – первой половине XIX века: Автореф. дис. … канд. ист. наук / Н. В. Фирсова. – Санкт-Петербург, 2007. – 24 с.

50. Фукс А. Н. Школьные учебники по отечественной истории как историографический феномен: Автореф. дис. … докт. ист. наук / А. Н. Фукс. – Москва, 2011. – 54 с.

51. Чистикова Е.А. Государственная и общественная деятельность А.С. Норова: Автореф. дисс. …канд. ист. наук / Е. А. Чистикова. СПб., 2016. 28 с.

52. Шаркова Г. А. Преподаватели общеобразовательных средних учебных заведений Москвы в конце XIX - начале XX века: Автореф. дис. … канд. ист. наук / Г. А. Шаркова. – Москва, 2007. – 28 с.

53. Шапкина А. П. Петербургская школа в первой половине XIX века: Автореф. дис. … канд. ист. наук / А. П. Шапкина. – Ленинград, 1983. – 22 с.

54. Шилина Е. В. Развитие образования в России в XIX веке: Автореф. дис. … канд. ист. наук / Е. В. Шилина. – Москва, 2008. – 28 с.

55. Шилина Т. А. Эволюция женского образования в России: государственная политика и общественная инициатива: Автореф. дис. … канд. ист. наук / Т. А. Шилина. – Саратов, 2010. – 28 с.

56. Шурупова Е. Е. Архангельские губернские ведомости и формирование интереса к местной истории в дореволюционной Российской провинции (на материалах Архангельской губернии).

Автореф. дис. … канд. ист. наук / Е. Е. Шурупова. – Архангельск, 2005. – 26 с.

57. Щеблякова Е. Н. Состояние образования и проблемы учительства Восточной Сибири: вторая половина XIX - начало XX века: Автореф. дис. … канд. пед. наук / Е. Н. Щеблякова. – Иркутск, 2006. – 24 с.

2.4. Публицистика

1. А. З. Успехи мер к распространению образования между государственными крестьянами / А. З. // Журнал Министерства государственных имуществ. – 1846. – Ч. 18. – С. 82-90.
2. Барсов Н. П. О народных школах в средней России / Н. П. Барсов. // Отечественные записки. – 1863. – № 11-12. – С. 487-509.
3. Белинский В. Г. Практическая русская грамматика, изданная Николаем Гречем / В. Г. Белинский. // Молва. – 1835. – Ч. 10. – № 41. – Стб. 232-233.
4. Белинский В. Г. Руководство к познанию древней истории для средних учебных заведений, сочиненное С. Смарагдовым / В. Г. Белинский. // Отечественные записки. – 1840. – Т. 11. – № 7. – С. 26-28.
5. Белинский В. Г. Русская грамматика Александра Востокова / В. Г. Белинский.// Отечественные записки. – 1844. – Т. 35. – № 8. – С. 72-75.
6. Бессомыкин И. Очерк педагогических начал / И. Бессомыкин. // Журнал Министерства народного просвещения. – 1836. – № 1. – С. 250-251.
7. Биллевич Н. И. О цели и сущности гимназического образования / Н. И. Биллевич. // Московские ведомости. – 1848. – № 139. – С. 1293-1295.
8. Булгарин Ф. В. Учебники русской словесности Греча / Ф. В. Булгарин. // Благонамеренный. – 1821. – Ч. 14. – № 7/8. – С. 46-64.

9. Вахтеров В. П. Всеобщее обучение / В. П. Вахтеров. – Москва, 1897. – 216 с.
10. Взгляд Филарета, митрополита Московского на начальное образование. – Москва, – 1884. 12 с.
11. Днепров Ф. О первоначальном образовании земледельцев // Журнал Министерства государственных имуществ / Ф. Днепров. – 1844. – Ч. 13. – С. 221-231.
12. Дмитриев Д. Д. О духовном образовании земледельческих классов в России по отношению к его благосостоянию / Д. Д. Дмитриев. – Санкт-Петербург, 1848. – 36 с.
13. Дмитриев Д. Д. Основные направления сельского образования в России / Д. Д. Дмитриев. – Санкт-Петербург, 1848. 36 с.
14. Дмитриев Д. Д. Основные начала педагогии в применении к сельскому образованию в России / Д. Д. Дмитриев. – Санкт-Петербург, 1846. 39 с.
15. Забелин А. В. Какой тип начальной народной школы был бы полезнее при всеобщем обязательном обучении / А. В. Забелин. – Киев, 1898. – 16 с.
16. Зиновьев П. Мнение о потребности изменить преподавание в уездных училищах / П. Зиновьев. // Русский педагогический вестник. – 1857. – № 4. – С. 488-499.
17. Золотов В. Исследования крестьянской грамотности по деревням, преимущественно Тверской губернии и частью Московской / В. Золотов. // Журнал Министерства народного просвещения. – 1863. – Ч. 118. – С. 35-55.
18. К. Причины бедности наших гимназий / К. // Журнал Министерства народного просвещения. – 1863. – Ч. 120. – С. 12-24.
19. Карамзин Н. М. О древней и новой России в ее политическом и гражданском отношениях /Н. М. Карамзин // Источник. – 1997. – № 6. – С. 7-26.

20. Карамзин Н. М. О новом образовании народного просвещения в России / Н. М. Карамзин // Вестник Европы. – 1803. – № 5. – С. 49-61.
21. Карамзин Н. М. О верном способе иметь в России довольно учителей / Н. М. Карамзин. // Вестник Европы. – 1803. – Ч. 8. – № 7. – С. 200-212.
22. Корнилов И. П. Задачи русского просвещения: сб. ст. / И. П. Корнилов. – Санкт-Петербург, 1902. – 446 с.
23. Куломзин А. Н. Доступность начальной школы в России / А. Н. Куломзин. – Санкт-Петербург, 1904. – 150 с.
24. Малиновский Н. П. Законодательство об инородческой школе / Н. П. Малиновский. // Инородческая школа: сб. ст. и мат-лов по вопросам инородческой школы. Петроград, 1916. – С. 119-157.
25. Маслов С. А. О всенародном распространении грамотности / С. А. Маслов. – Москва, 1845. – 92 с.
26. Мачеха И. Мысли о способах распространения грамотности в России / И. Мачеха. // Русский педагогический вестник. – 1860. – № 6. – С. 249-261.
27. Ободовский А. О преимуществах ланкастерской системы / А. О. Ободовский. // Педагогический журнал. – 1834. – № 1. – С. 35-45.
28. Об отношении начальствующих к учащим // Воспитание. – 1861. – № 1. – С. 70-85.
29. По поводу предположений об усилении средств содержания учебных заведений Министерства народного просвещения // Журнал Министерства народного просвещения. 1862. Ч. 115. С. 79-145.
30. Попугаев В. В. О политическом просвещении вообще / В. В. Попугаев. – Санкт-Петербург, 1804. – 110 с.
31. Половцев В. А. Историческое развитие сельских училищ в России (1838-1856) / В. А. Половцев. – Санкт-Петербург, 1857. – 79 с.

32. Половцов В. А. Краткая летопись грамматической деятельности в России / В. А. Половцев. – Санкт-Петербург, 1847. – 79 с.
33. Правдин М. Народное образование в Олонецкой губернии в начале прошлого столетия / М. Правдин. – Петрозаводск, 1916. – 13 с.
34. Пушкин А. С. Записка о народном воспитании, предоставленная Пушкиным императору Николаю Павловичу в 1826 г. / А. С. Пушкин. // Бартенев П. XIX век. Исторический сборник. – Санкт-Петербург, 1872. – С. 210-214.
35. Раев А. Ф. О мерах к распространению образования между государственными и удельными поселянами / А. Ф. Раев. // Журнал Министерства Государственных Имуществ. – 1860. – № 9. – Ч. 75. – С. 46-47.
36. Соколов Д. П. Исторический очерк преподавания Закона Божьего в светских учебных заведениях / Д. П. Соколов. // Собрание педагогических статей о преподавании Закона Божьего, отпечатанных (1861-1888 гг.) в различных повременных изданиях. – Санкт-Петербург, 1900. – 383 с.
37. С. П. Несколько слов о сближении школы с обществом. (По поводу рассуждений об этом во многих педагогических советах гимназий) / С. П. // Журнал для родителей и наставников. – 1859. – № 20. – С. 151-156.
38. Шарловский И. Народное образование по местным исследованиям / И. Шарловский. // Отечественные записки. – 1864. – № 5. – С. 154-185.
39. Флорикс В. Несколько слов о приходских училищах и учителях / В. Флорикс. // Журнал для воспитания. – 1859. – Кн. 4. – С. 191-204.
40. Фальборк Г. А. Всеобщее образование в России / Г. А. Фальборк. – Москва, 1908. – 212 с.

41. Фальборк Г. А., Чарнолуский В.И. Народное образование в России / Г. А. Фальборк, В. И. Чарнолуский. – Санкт-Петербург, 1898. – 264 с.
42. Фармаковский В. Начальная школа Министерства народного просвещения / В. Фармаковский. – Санкт-Петербург, 1900. – 200 с.

2.5. Учебная литература

1. Войтяховский Е. Курс чистой математики: в 4 т. / Е. Войтяховский. – Санкт-Петербург, 1804. – Т. 1. – 293 с., Т. 3. – 320 с., Т. 3. – 306 с., Т. 4. – 1808 с.
2. Бажанов В. Б. Нравоучительные повести для детей / В. Б. Бажанов. – Санкт-Петербург, 1834. – 48 с.
3. Бантыш-Каменский Н. Н. Латинский букварь / Н. Н. Бантыш-Каменский. – Москва, 1784. – 48 с.
4. Белюстин Н. Ф. Латинская хрестоматия: в 2 ч. / Н. Ф. Белюстин. – Санкт-Петербург, 1839. Ч. 1. – 805 с., Ч. 2. – 1305 с.
5. Букварь для употребления российского юношества. – Москва, 1780. – 24 с.
6. Буссе Ф. И. Руководство к учреждению школ по методе взаимного обучения / Ф. И. Буссе. – Санкт-Петербург, 1829. – 76 с.
7. Буссе Ф. И. Руководство к преподаванию арифметики для учителей Ф. И. Буссе. – Санкт-Петербург, 1832. – 426 с.
8. Виноградов В. В. Из истории изучения русского синтаксиса (От Ломоносова до Потебни и Фортунатова) / В. В. Виноградов. – Москва: Издательство Московского университета, 1958. – 400 с.
9. Гамель И. Описание способа всеобщего обучения по системе Ланкастера и других, в коем изложены начало и успех сего способа в Англии, Франции и в других странах и подробное разъяснение правил и порядок их употребления оного в училищах / И. Гамель. – Санкт-Петербург, 1820. – 352 с.

10. Гамель И. О способе всеобщего обучения по системе Белля, Ланкастера и других / И. Гамель. – Санкт-Петербург, 1847. – 156 с.
11. Гедике Ф. Ф. Латинская учебная книга для начинающих учиться латинскому языку/ Ф. Ф. Гедике. – Санкт-Петербург, 1806. – 360 с.
12. Гедике Ф. Ф. Латинская хрестоматия / Ф. Ф. Гедике. – Москва, 1822. – 352 с.
13. Геккер К. Немецкая грамматика / К. Геккер. – Санкт-Петербург, 1832. – 104 с.
14. Геккер К. Руководство к практическим упражнениям в немецком языке / К. Геккер. – Санкт-Петербург, 1846. – 78 с.
15. Герд Я. И. Записки об открытии первого училища взаимного обучения в России / Я. И. Герд. // Вестник воспитания. – 1858. – № 12. – С. 126-145.
16. Герд Я. И. Мониторская книжка или собрание арифметических задач на первоначальные правила. Составленная для употребления в училищах по методе взаимного обучения / Я. И. Герд. – Санкт-Петербург, 1834. – 80 с.
17. Головин М. Е. Руководство к арифметике / М. Е. Головин. – Санкт-Петербург, 1783. – 236 с.
18. Головин М. Е. Краткое руководство к геометрии / М. Е. Головин. – Санкт-Петербург, 1786. – 202 с.
19. Головин М. Е. Краткое руководство к гражданской архитектуре / М. Е. Головин. – Санкт-Петербург, 1789. – 137 с.
20. Головин М. Е. Плоская и сферическая тригонометрия / М. Е. Головин. – Санкт-Петербург, 1789. – 64 с.
21. Греч Н. И. Избранные места из русских сочинений и переводов в прозе / Н. И. Греч. – Санкт-Петербург, 1812. – 350 с.
22. Греч Н. И. Ланкастерская школа / Н. И. Греч. – Санкт-Петербург, 1818. – 80 с.

23. Греч Н. И. Опыт краткой истории русской литературы / Н. И. Греч. – Санкт-Петербург, 1822. – 394 с.
24. Греч Н. И. Руководство по всеобщему обучению / Н. И. Греч. – Санкт-Петербург, 1819. – 80 с.
25. Греч Н. И. Таблицы для всеобщего обучения чтению, письму и арифметике / Н. И. Греч. – Санкт-Петербург, 1820. – 25 с.
26. Гурьев П.С. Арифметические листки, расположенные от легчайшего к труднейшему, содержащие в себе 2523 задачи с решением оных и с кратким руководством к исчислению. / П. С. Гурьев. – Санкт-Петербург, 1832. – 345 с.
27. Гурьев П. С. Руководство к преподаванию арифметики / П. С. Гурьев. – Санкт-Петербург, 1839. – 222 с.
28. Давыдов И. И. Опыт общесравнительной грамматики русского языка / И. И. Давыдов. – Санкт-Петербург, 1852. – 432 с.
29. Дмитриев Д. Д. Детская азбука, гражданская и церковная с примерами постепенного чтения и молитвами / Д. Д. Дмитриев. – Санкт-Петербург, 1846. – 27 с.
30. Дмитриев Д. Д. Руководство к обучению детей к чтению по детской азбуке, составленной для сельских школ / Д. Д. Дмитриев. – Санкт-Петербург, 1846. – 34 с.
31. Дмитриев Д. Д. Русская азбука в 24 урока / Д. Д. Дмитриев. – Санкт-Петербург, 1847. – 88 с.
32. Дмитриев Д. Д. Русская азбука, какой еще не бывало или новая самая простая и легкая метода учить грамоте, не употребляя даже складов, изданная другом детей / Д. Д. Дмитриев. – Санкт-Петербург, 1839. – 64 с.
33. Дмитриев Д. Д. Сельское детское чтение / Д. Д. Дмитриев. – Санкт-Петербург, 1846. – 66 с.
34. Другов Н. П. О христианском воспитании детей / Н. П. Другов. – Москва, 1827. 88 с.

35. Зосимский К. А., Швед П. Г. Руководство к изучению форм и порядка делопроизводства и судопроизводства / Н. А. Зосимский, П. Г. Швед. – Санкт-Петербург, 1848. – 319 с.

36. Золотов В. А. Первоначальное чтение / В. А. Золотов. – Санкт-Петербург, 1835. – 89 с.

37. Золотов В. А. Руководство к изустному счислению / В. А. Золотов. – Санкт-Петербург, 1834. – 104 с.

38. Золотов В. А. Русская азбука по методе Жакото / Золотов В. А. – Санкт-Петербург, 1833. – 68 с.

39. Золотов В. А. Французские разговоры / В. А. Золотов. – Санкт-Петербург, 1833. – 46 с.

40. Зорич Е. Грамматические постепенные упражнения в переводах с российского языка на немецкий язык / Е. Зорич. – Санкт-Петербург, 1829. – 102 с.

41. Зорич Е. Теоретические и практические упражнения в переводах с русского языка на французский язык / Е. Зорич. – Санкт-Петербург, 1830. – 290 с.

42. Зорич Е. Французский букварь в пользу российского юношества / Е. Зорич. – Санкт-Петербург, 1830. – 91 с.

43. Зябловский Е.Ф. Всеобщее землеописание для употребления в губернских гимназиях Российской империи Санкт-Петербургского Университета / Е. Ф. Зябловский. – Санкт-Петербург, 1821. – 354 с.

44. Иваницкий А. И. Собрание арифметических задач, расположенных по арифметике академика Буняковского / А. И. Иваницкий. – Санкт-Петербург, 1850. 134 с.

45. Ивашковский С. М. Латинский синтаксис / С. М. Ивашковский. Москва, 1806. – 135 с.

46. Кайданов И. Г. Руководство к познанию всеобщей и политической истории / И. Г. Кайданов. – Санкт-Петербург, 1826. – 234 с.

47. Касьянова В. М. О первых учебных книгах русского языка / В. М. Касьянова. // Русская речь. – 2007. – № 3. – С. 83-87.
48. Куминский П. И. Арифметика, служащая к легчайшему обучению малолетнего юношества. / П. И. Куминский. – Москва, 1808. – 187 с.
49. Кирьяков А. Ф. Латинская грамматика / А. Ф. Кирьяков. – Москва, 1847. – 152 с.
50. Козельский Я. П. Арифметические предложения для обучающихся в Артиллерийском и шляхетском кадетском корпусе благородного юношества / Я. П. Козельский. – Санкт-Петербург, 1815. – 285 с.
51. Кошанский Н. Ф. Латинская грамматика / Н. Ф. Кошанский. – Санкт-Петербург, 1837. – 82 с.
52. Кочетов И. С. Начертания христианских обязанностей / И. С. Кочетов. – Санкт-Петербург, 1827. – 180 с.
53. Кочетов И. С. Христианское нравоучение в кратких размышлениях / И. С. Кочетов. – Москва, 1831. – 160 с.
54. Крылов А. Л. Краткий словарь греческого языка: в 2 ч. / И. Ф. Крылов. – Санкт-Петербург, 1827. Ч. 1. – 380 с., Ч. 2. – 381 с.
55. Курганов Н. Г. Арифметика или Числовник, содержащая в себе все правила цифирного вычисления / Н. Г. Курганов. – Санкт-Петербург, 1791. – 227 с.
56. Курганов Н. Г. Генеральная арифметика / Н. Г, Курганов. – Санкт-Петербург, 1774. – 136 с.
57. Латинская азбука. – Москва, 1806. – 24 с.
58. Латинский букварь с таблицами склонений и спряжений правильных и неправильных. – Москва, 1814. – 68 с.
59. Мансветов Г. И. Об обязанностях христианина / Г. И. Мансветов. – Санкт-Петербург, 1839. – 220 с.
60. Мансветов Г. И. Подарок детям на Святую Пасху 1832 г. Разговор в пользу воспитания / Г. И. Мансветов. – Санкт-Петербург, 1832. – 296 с.

61. Мансветов Г. И. Училище благочестия или примеры христианской добродетели / Г. И. Мансветов. – Санкт-Петербург, 1836-1837. – 550 с.
62. Меморский М. Ф. Краткая арифметика, служащая к легчайшему обучению малолетних детей / М. Ф. Меморский. – Москва, 1815. – 175 с.
63. Могульский И. Детская энциклопедия или круг детского учения / И. Могульский. – Москва, 1808. – 350 с.
64. Мудров Э. А. Арифметика / Э. А. Мудров. – Санкт-Петербург, 1840. – 136 с.
65. Мудров Э. А. Арифметика целых чисел / Э. А. Мудров. – Санкт-Петербург, 1848. – 60 с.
66. Мудров Э. А. Счетоводство для всех видов и родов торговли / Э. А. Мудров. – Санкт-Петербург, 1844. – 373 с.
67. Никольский А. С. Основания русской словесности / А. С. Никольский. – Санкт-Петербург, 1814. – 102 с.
68. Никольский Т. Ф. Руководство о Богопознании и Богопочитании / Т. Ф. Никольский. – Санкт-Петербург, 1822. – 46 с.
69. Новейшая детская энциклопедия. – Москва, 1809. – 435 с.
70. Одоевский В. Ф. Детская книжка для воскресных дней / В. Ф. Одоевский. – Санкт-Петербург, 1833. – 140 с.
71. Одоевский В. Ф. Памятка деревенского мальчика / В. Ф. Одоевский. – Санкт-Петербург, 1862. – 11 с.
72. Одоевский В. Ф. Пестрые сказки с красным словцом, собранные Иринеем Модестовичем Гомозейко / В. Ф. Одоевский. – Санкт-Петербург, 1833. – 156 с.
73. Одоевский В. Ф. Сельское чтение: в 3 кн. / В. Ф. Одоевский. – Санкт-Петербург, 1843. Кн. 1. – 133 с., Кн. 2. – 188 с., Кн. 3. – 207 с.
74. Одоевский В. Ф., Заблоцкий-Десятовский А. П. Рассказы о Боге, человеке и природе. Чтение дома и в школе / В. Ф. Одоевский, А. П. Заблоцкий-Десятовский. – Санкт-Петербург, 1849. – 164 с.

75. Павский Г. П. Христианское учение в краткой системе протоиерея Г. П. Павского / Г. В. Павский. – Санкт-Петербург, 1909. – 164 с.

76. Паршуткина Т. А. Интеграция подходов в обучении иностранным языкам в XIX в. / Т. А. Паршуткина. // Ученые записки Забайкальского государственного педагогического университета. – 2011. – № 6. – С. 152-157.

77. Песталоцци И. Г. Очевидного учения содержания чисел книга. Наглядное учение о числе: в 3 кн. / И. Г. Песталоцци. – Санкт-Петербург, 1806. Кн. 1. – 108 с., Кн. 2. – 271 стб., Кн. 3. – 286 с.

78. Плаксин В. Т. Руководство к познанию истории литературы / В. Т. Плаксин. – Санкт-Петербург, 1833. – 352 с.

79. Попов Д. П. Греческая грамматика по Бутману / Д. П. Попов. – Санкт-Петербург, 1836. – 1433 с.

80. Попов Д. П. Латинская грамматика / Д. П. Попов. – Санкт-Петербург, 1835. – 626 с.

81. Попов, Д. П. Латинская грамматика, составленная по Цумпту / Д. П. Попов. – Санкт-Петербург, 1838. – 859 с.

82. Попов Д. П. Хрестоматия / Д. П. Попов. – Санкт-Петербург, 1830. – 426 с.

83. Правила для учащихся. – Санкт-Петербург, 1782. – 36 с.

84. Протопопов А. Д. Записки, веденные по топографо-исторической части / А. Д. Протопопов. – Москва, 1814. – 44 с.

85. Прудников В. Е. В. Я. Буняковский – ученый и педагог: пособие для учителя / В. Е. Прудников. – Москва: Учпедгиз, 1954. – 85 с.

86. Ренгартен Э. И. Азбука / Э. И. Ренгартен. – Москва, 1848. – 31 с.

87. Розанов Ф. Ф. Краткие правила о чистоте латинского языка / Ф. Ф. Розанов. – Москва, 1804. – 158 с.

88. Розанов Ф. Ф. Латинский язык / Ф. Ф. Розанов. – Москва, 1805. – 2076 стб.

89. Смирнов С. В. Отечественные филологи-слависты середины XVIII – начала XX вв. / С. В. Смирнов. – Москва, 2001. – 336 с.

90. Соколов Д. П. Исторический очерк преподавания Закона Божьего в светских учебных заведениях // Собрание педагогических статей о преподавании Закона Божия, отпечатанных (1861–1888 гг.) в различных повременных изданиях. СПб, 1900. С. 145-178.

91. Соколов И. Я. Руководство к переводу на греческий язык: в 2 ч. / И. Я. Соколов. – Санкт-Петербург, 1832. Ч. 1. – 308 с., Ч. 2 – 313 с.

92. Соколов Н. От Карамзина до наших дней: краткая история учебников истории / Н. Соколов. // Троицкий вариант. Наука. – http://trv-science.ru. – (дата обращения 2. 04. 2016).

93. Соколов С. В. Учебная литература по истории (вторая половина XVIII - начало XIX в.). О происхождении варяжской Руси и образование древнерусского государства / С. В. Соколов. // Вестник Томского государственного университета. Сер. История. – 2012. – № 4. – С. 32-35.

94. Срезневский И. И. Наставление преподавателям русского языка и словесности / И. М. Срезневский. – Санкт-Петербург, 1852. – 16 с.

95. Степанов Г. Т. Об истории всеобщей, предмете, цели и практическом изложении оной / Г. Т. Степанов. // Сын Отечества и Северный Архив. – 1834. – № 41. – С. 50-65.

96. Студеникин М. Т. Методы преподавания истории в русской школе XIX – начала XX в. / М. Т. Студеникин. – Москва: Прометей, 2016. – 236 с.

97. Студеникин М. Т. Становление и развитие методики обучения истории в XVIII – XIX вв. / М. Т. Студеникин. // Преподавание истории и обществознания в школе. – 2008. – № 1. – С. 9-14.

98. Сырейщиков Е. Б. Краткая российская грамматика / Е. Б. Сырейщиков. – Санкт-Петербург, 1787. – 57 с.

99. Таблицы азбучные и для складов церковной и гражданской печати. – Санкт-Петербург, 1782. – 60 с.

100. Толмачев Я. В. Ручная книга первообразных латинских слов / Я. В. Толмачев. – Санкт-Петербург, 1822. – 215 с.

101. Топоров В. М. Теоретико-практическая грамматика немецкого языка с присовокуплением исторической литературы / В. М. Топоров. – Санкт-Петербург, 1841. – 46 с.

102. Устрялов Н. Г. Начертание русской истории для учебных заведений / Н. Г. Устрялов. – Санкт-Петербург, 1839. – 317 с.

103. Фортунатов А. Ф. Метеорологические наблюдения и разные физические замечания, сделанные в Вологде / А. Ф. Фортунатов. – Москва, 1814. 36 с.

104. Шад Г. И. Учебная книга латинского языка / Г. И. Шад. – Санкт-Петербург, 1843. – 188 с.

105. Эйнерлинг И. Ф. Латинско-русский словарь / И. Ф. Эйнерлинг. – Санкт-Петербург, 1841. – 382 с.

106. Эртель В. А. Теоретико-практический курс немецкого языка и литературы / В. А. Эртель. – Санкт-Петербург, 1840. – 417 с.

107. Эртель В. А. Элементарный курс французского языка / В. А. Эртель. – Санкт-Петербург, 1837. – 288 с.

108. Эртель В. А. Элементарный практический курс немецкого языка / В. А. Эртель. – Санкт-Петербург, 1845. – 266 с.

109. Юшкевич А. П. Математика в ее истории / А. П. Юшкевич. – Москва: Янус, 1996. – 412 с.

110. Язвинский А. А. Самоучитель немецкого языка / А. А. Язвинский. – Санкт-Петербург, 1845. – 26 с.

111. Язвинский А. А. Самоучитель французского языка / А. А. Язвинский. – Санкт-Петербург, 1840. – 30 с.

112. Якобс Ф. Латинская хрестоматия / Ф. Якобс. – Москва, 1805. – 152 с.

113. Якобс Ф. Греческая хрестоматия или выписки из легчайших мест из древних писателей / Ф. Якобс. – Москва, 1821. – 240 с.

114. Янкович де Мириево Ф. И. Российский букварь для обучения юношества чтению / Ф. И. Янкович де Мириево. – Санкт-Петербург, 1791. – 36 с.

115. Янкович де Мириево Ф. И. Руководство к чистописанию для юношества в народных училищах / Ф. И. Янкович де Мириево. – Санкт-Петербург, 1781. – 16 с.

116. Янкович де Мириево Ф. И. Руководство учителям первого и второго классов народных училищ Российской империи / Ф. И. Янкович де Мириево. – Санкт-Петербург, 1783. – 47 с.